

НОЯБРЬ. 1901.

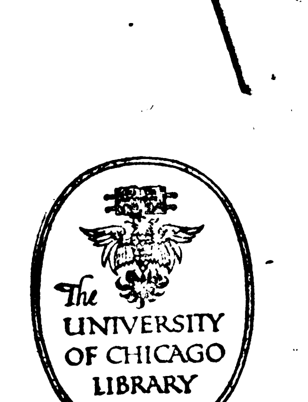
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го но..оя 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНIЕ I Т. 1) Предисловiе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорiя Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическiй методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНIЕ II Т. 1) Преступленiе и наказанiе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магiя. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемiрной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНIЕ III Т. 1) Философiя исторiи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопiя Ренана и теорiя автономiи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНIЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторiи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскiя и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНIЕ V Т. 1) Жестокiй талантъ. 2) Гл. И. Успенскiй. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящiя обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографiи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣнiе. X. Торжество г. Цiона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣнiяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцiю «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНIЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловiе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторiя. 7) Политическая экономiя и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.**

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

ВЪ ПОИСКАХЪ.

Повѣсть.

X.

На другой день Жолнинъ опять ѣхалъ въ городъ и думалъ о томъ, какая хорошая душа у Нины, и какъ бы онъ хотѣлъ стать достойнымъ этой дѣвушки. Онъ вышелъ изъ саней около гостиницы, гдѣ всегда останавливался, и направился пѣшкомъ къ Риттерамъ. Когда онъ проходилъ черезъ гостиный дворъ, его вниманіе обратила на себя небольшая, очень быстро разыгравшаяся передъ нимъ сценка. Изъ лавки вышелъ какой-то человѣкъ, высокаго роста, плечистый, съ густой свѣтлой бородой, хорошо одѣтый. Онъ держалъ въ рукахъ открытый пакетъ, вынималъ изъ него виноградъ, ягодку за ягодкой, и отправлялъ въ ротъ. Но въ это же время цѣлая куча ребятишекъ съ ранцами и сумками въ рукахъ высыпала изъ школы и съ десятокъ ихъ остановилось около незнакомаго господина, внимательными глазами разсматривая происходившее. Особенно одна дѣвочка лѣтъ восьми, маленькая, толстенькая, такъ и впилась острыми глазками въ незнакомца, глубоко запрятавъ руки въ карманы шубенки.

— Что, мелочь, хотѣлось бы ягодокъ?—красивымъ густымъ басомъ проговорилъ господинъ и, оторвавъ ягодки три подалъ дѣвочкѣ.

Послѣдняя сконфузилась, немного отступила назадъ и оглянулась на товарокъ, какъ бы ища поддержки.

— Ну, бери же; небось, вкусно, ужъ я знаю,—повторилъ господинъ.

Дѣвочка осторожно протянула руку, взяла ягоды и тотчасъ же юркнула въ толпу.

— А вѣдь и вамъ придется дать,—сокрушенно качая головой проговорилъ незнакомецъ,—дѣлать нечего, на-те...

Онъ отрывалъ по три ягодки и подавалъ ребятишкамъ по очереди. Когда послѣдній изъ нихъ получилъ свою порцію,

незнакомецъ заглянулъ въ глубь пакета и только присвистнулъ.

— Чисто... Точно сосчиталъ, сколько васъ...

Подошедшій въ эту минуту Жолнинъ внимательно присматривался къ нему. Незнакомецъ тоже, въ свою очередь, поглядѣлъ на него удивленно.

— Послушайте, неужели вы Жолнинъ?—воскликнулъ онъ.

— Да. А вы Вырыпаевъ?

— Онъ самый. Вотъ встрѣча!

— Такъ это вы купили Пынинскій заводъ? Я что-то слышалъ мелькомъ объ этомъ.

— Да, да. А вы какъ здѣсь?

— У меня тутъ тоже имѣніе.

— Знаете что? Поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ. Здѣсь что же намъ дѣлать, а поговорить съ вами ужасно хочется. Вы не повѣрите, какъ я радъ нашей встрѣчѣ.

Жолнинъ надѣялся увидать у Риттеровъ Нину, но, не задумываясь, принялъ предложеніе Вырыпаева. Встрѣча со старымъ товарищемъ радовала и его.

Немного погодя они уже сидѣли въ просторныхъ и удобныхъ саняхъ Вырыпаева и ѣхали на Пынинскій заводъ.

Вырыпаевъ и Жолнинъ сошлись еще въ гимназіи. Они сошлись, не смотря на полную противоположность своихъ характеровъ. Сближеніе началось на почвѣ гимнастики и мускульной силы. Оба оказались первыми силачами въ классѣ. Но сходство ихъ только этимъ и ограничивалось. Мечтательный, всегда увлекающійся Жолнинъ, совершенно непригодный для практики жизни, весь отдавался чтенію, музыкѣ, поэзіи, а, главное, мечтамъ. Положительный и серьезный Вырыпаевъ читать не любилъ, отъ стиховъ зѣвалъ и рано сталъ разглядывать прозу жизни. Онъ шелъ всегда въ числѣ первыхъ учениковъ, но любилъ только математику и уже съ пятаго класса объявилъ своему пріятелю, что въ университетъ не пойдетъ, а пробьется въ технологическій институтъ. Это ему удалось, какъ удавалось вообще все въ жизни, а Жолнинъ поступилъ въ университетъ. Но знакомство ихъ и дружба не прекратились и, главнымъ образомъ, благодаря Вырыпаеву.

Жолнинъ очень быстро сходился съ людьми и былъ всегда въ пріятельскомъ кругу, такъ что менѣе нуждался въ людяхъ, чѣмъ всегда замкнутый Вырыпаевъ. Кромѣ того, Жолнинъ чувствовалъ, что Вырыпаевъ ему не пара по умственному развитію. Жолнинъ въ университетѣ сильно развился умственно; голова его работала горячо и разносторонне. Вырыпаевъ зналъ одно—математику, а чтенія попрежнему не долюбливалъ. Былъ онъ молчаливъ, сосредоточенъ и въ

споры вступалъ рѣдко. Если же вступалъ, то сплошь и рядомъ озадачивалъ собесѣдниковъ и ставилъ ихъ втупикъ.

Онъ первый пришелъ къ Жолнину, разыскавъ его квартиру, и съ тѣхъ поръ дружба ихъ не прекращалась. Жолнинъ продолжалъ чувствовать нѣкоторую отсталость и односторонность мышленія Вырыпаева, но цѣнилъ его видимую привязанность къ себѣ и его здравый и твердый умъ. Нерѣдко всетаки онъ и возмущался неизмѣнной положительностью пріятеля.

— Вы хоть бы для пробы, хоть бы разъ въ жизни сдѣлали какую-нибудь глупость! — сердито замѣтилъ онъ однажды.

— Есть о чемъ жалѣть,—спокойно отвѣтилъ Вырыпаевъ,—и то слишкомъ много дѣлаемъ ихъ.

На третьемъ курсѣ Жолнинъ перешелъ въ Казанскій университетъ и съ той поры потерялъ изъ виду Вырыпаева.

Теперь встрѣча съ нимъ и обрадовала, и заинтересовала его.

— Любопытно знать, что изъ него вышло,—думалъ онъ дорогой, поглядывая на крупную, солидную фигуру сосѣда.

Кое-что уже бросилось ему въ глаза при первомъ взглядѣ на Вырыпаева. Прежде совершенный бѣднякъ, теперь Вырыпаевъ былъ одѣтъ почти изысканно. Потомъ обращали на себя вниманіе его холодные, спокойные глаза, которые, казалось, не умѣли улыбаться. На лицѣ Вырыпаева читалась вѣра въ себя, признаніе себя выше толпы.

Когда хорошо подобранная тройка породистыхъ лошадей подкатила къ большому каменному дому, стоявшему въ сторонѣ отъ заводскихъ зданій, Вырыпаевъ, не смотря на тяжелую доху, въ которую былъ одѣтъ, съ ловкостью бывшаго гимнаста выпрыгнулъ изъ саней и подалъ руку гостю.

— Вотъ, мы и дома.

Они вошли и направились въ жилыя комнаты.

— Я только часть дома успѣлъ отдѣлать,—сказалъ хозяинъ,—не повѣрите, какъ все здѣсь было запущено. Про заводъ ужъ и не говорю, но какъ могли сами хозяева жить въ такихъ руинахъ, не понимаю.

За то отдѣланныя комнаты смотрѣли очень красиво. Вездѣ стояла дорогая мебель, удобная, прочная. Все жилье глядѣло уютно и комфортабельно.

— Евстигней,—крикнулъ хозяинъ,—обѣдать на двоихъ. Вина вынь.

Жолнинъ оглядѣлся кругомъ. Въ кабинетѣ стояли шкафы, полные книгъ въ дорогихъ переплетахъ. Онъ подошелъ и заглянулъ въ заглавія. Все это были солидныя изданія по большей части научнаго содержанія.

— Собираете библіотеку?—сказалъ онъ.

— Да, понемножку. Прежде, помните, я не охотникъ былъ до чтенія. Это вы такъ повліяли на меня, что я втянулся въ книги. Вообще вы на меня вліяли. Знаете вы объ этомъ?

— Нѣтъ, это для меня новость... А литературнаго-то все-таки у васъ маловато.

— Да. Я не охотникъ до этого.

— И философскаго не много.

— И это не по моей части...

Подали обѣдъ, прекрасно сервированный и прекрасно сготовленный. Евстигней служилъ ловко, умѣло.

— Вы меня удивляете,—замѣтилъ Жолнинъ,—какъ вы скоро вошли во вкусъ богатой жизни.

— Скажите лучше: во вкусъ комфорта. Я еще мальчикомъ мечталъ о комфортабельной жизни. Я, какъ это ни странно, прирожденный поклонникъ комфорта. А, между тѣмъ, я выросъ въ бѣднѣйшей мѣщанской семьѣ. Вѣроятно, лишенія въ дѣтствѣ и создали во мнѣ эту мечту о хорошей жизни. Ну, вотъ, судьба и побаловала меня. Купилъ я за пустяки одинъ разореный заводъ, направилъ его, продалъ хорошо. Теперь купилъ вотъ этотъ и тоже направилъ. Надѣюсь стать совсѣмъ состоятельнымъ человѣкомъ.

— Вы не женаты?

— Нѣтъ.

Послѣ сытнаго обѣда они прошли въ кабинетъ и закурили сигары,

— Слушайте, гость дорогой,—сказалъ Вырыпаевъ и въ голосѣ его послышались теплыя нотки,—вы и не подозрѣваете, какъ я радъ нашей встрѣчѣ. Вы и не знаете, что значили всегда для меня... Вы были единственной поэзіей моей жизни, единственнымъ хорошимъ человѣкомъ, котораго я знавалъ и въ котораго вѣрилъ. Болѣе того, я видѣлъ въ васъ силу и пасовалъ передъ ней.

— Спасибо вамъ,—отвѣтилъ нѣсколько конфузясь Жолнинъ,—но какая же это сила? Это вы уже преувеличиваете.

— Вы,—задумчиво началъ Вырыпаевъ,—казались мнѣ той силой, которая мнѣ собственно чужда и малопонятна, но которая почему-то прельщала меня. Это сила идеализма. Вы всегда были въ идеалахъ, а я глядѣлъ лишь на то, что подъ ногами. Я и теперь такой же... Да. Такъ вотъ, я шелъ по землѣ, а вы летали подъ облаками. Я не завидовалъ вамъ; я самъ не могъ и не хотѣлъ подыматься туда. Я даже посмѣивался надъ вами, но добродушно, съ почтеніемъ къ такому орлу. Меня умиляло, что этотъ орелъ и глядѣть не хочетъ сюда, гдѣ я иду въ пыли или по лужамъ грязи, но, признаюсь, иной разъ я думалъ: врешь, братъ, изъ зем-

ныхъ предѣловъ все равно не улетишь... Но, во-первыхъ, мнѣ мило всетаки вспоминать, что „хоть твои глаза всегда видятъ лазурь неба“ (вѣдь эстетика-то и нашего брата забираетъ), а, во-вторыхъ... во-вторыхъ... Всетаки, въ сущности, кто знаетъ, въ чемъ настоящая-то сила...

XI.

— Опять спасибо,—сказалъ Жолнинъ,—врядъ ли только я орелъ... Но разскажите лучше о себѣ. Я еще не разсмотрѣлъ васъ хорошенько. Что изъ васъ за человѣкъ вышелъ?

Вырыпаевъ добродушно засмѣялся.

— И не разсмотрите.

— Ну? что такъ?

— Не обижайтесь, но не вамъ разглядывать людей... А что я за человѣкъ, — я и самъ вамъ поясню. Человѣкъ я опредѣлившійся, уравновѣшенный. Мнѣ чужды поиски чего либо высокаго, идеальнаго, иду своей дорогой безъ иллюзій, безъ мечтаній и хочу лишь одного, чтобы идти было пріятно. Человѣкъ обыкновенный.

— И вамъ идти пріятно?

— Да, ничего себѣ. Не задаваться многимъ, не допускать себя до разъѣдающаго анализа ни собственной, ни окружающей жизни,—такъ, пожалуй, и можно совершить эту прогулку по землѣ не безъ удовольствія.

— Ну, а дальше-то что?

— Дальше? Да вѣдь сколько ни смотри, не разглядишь... Надо думать о настоящемъ. Вотъ, положимъ, задался я цѣлью добиться, чтобы у меня былъ поваръ и хорошая сигара, добился этого и хоть отчасти доволенъ.

— Когда нибудь ни поваръ, ни сигара не помѣшаютъ умереть.

— Ну, разумѣется. Но думать объ этомъ все равно, что подкладывать хининъ вотъ въ этотъ сладкій ликеръ. Все равно, дескать. придется когда-нибудь лѣчиться отъ лихорадки.

— Но... вѣдь жить можно только во имя чего-нибудь.

— Ну, я, простите, считаю это красивой фразой... Живу я не во имя „чего-нибудь“, а ради удовольствія самой жизни. Я не осуждаю тѣхъ, кто думаетъ объ этомъ иначе, но много ли такихъ, кто иначе думаетъ,—не знаю. Думаю, что немного.

— Нельзя такъ жить,—сказалъ Жолнинъ.—Скучно, тоска.

— Не понимаю почему.

— Если бы всѣ такъ думали и поступали, дышать бы было нельзя...

— Ну, кажется, и всѣ отъ этого не далеки... А впрочемъ, я говорю лишь о себѣ. Какъ хотятъ жить „всѣ“, меня это мало интересуетъ.

— Но что же было бы съ людьми, съ обществомъ?

— Да то же, что и есть... И опять: мнѣ что *за дѣло?*

— Нѣтъ, какъ хотите, вы проповѣдуете голый эгоизмъ.

— Повѣрьте на слово: я ничего не проповѣдую. Вы хотѣли знать, что я за человѣкъ. Рекомендуюсь: вотъ онъ я.

Онъ помолчалъ немного и потомъ продолжалъ спокойно:

— Я думаю, что вы ошибаетесь, упоминая обо „всѣхъ“.... Всего вѣрнѣе, что я дѣйствую именно, какъ „всѣ“. Я только откровененъ не какъ „всѣ“...

— Ну!..

— Вѣрно. Общество удивительно изолгалось и излицемѣрилось. И въ добавокъ оглупѣло. Каждый передъ каждымъ лжетъ, лицемѣритъ и каждый каждому вѣритъ. А вотъ, если найдется человѣкъ, который не хочетъ ни лгать, ни лицемѣрить,—сейчасъ всѣ на него пальцами: „эгоистъ, безсердечный, уродъ“ и т. п. А между тѣмъ дѣло просто: девяносто девять изъ ста лгутъ и лицемѣрятъ. Одинъ на тему объ отечествѣ, патріотизмѣ, народности. И всѣ вторятъ: Иванъ Иванычъ патріотъ, Иванъ Иванычъ столбъ отечества, устой. А глядишь: Ивану Иванычу патріотизмъ-то и выгоденъ... Другой распинается за артели, общины... Опять выгода или... мода. Еще глупѣе. Дѣвицы тянутъ на курсы: „ахъ, наука, ахъ свѣтъ знанія“... Прокуроры громятъ людскіе пороки. Адвокаты въ обморокъ падаютъ, ихъ обѣляя. Генералы грозой налетаютъ съ ревизіями... А позади, за кулисами... гонорары и „прогоны“ въ томъ или другомъ видѣ... Но забавнѣе всего, что всѣ вѣрятъ или дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, будто прогоны и гонорары тутъ не при чемъ... А попробуй я сказать, что мнѣ нѣтъ дѣла ни до „народа“, ни до пороковъ и добродѣтелей; что мнѣ важнѣе всего то, что важнѣе всего и остальнымъ: свое собственное благополучіе,—вѣдь меня любой получатель генеральскихъ прогоновъ грязью закидаетъ!..

Жолнинъ слушалъ его съ участливымъ вниманіемъ.

— Въ этомъ вы правы: лицемѣрія, дѣйствительно, много, но... не всѣ же только лицемѣрятъ.

Вырыпаевъ серьезно посмотрѣлъ на него.

— О, разумѣется, есть исключенія. И они дороги. Но ихъ удивительно мало.

— Пусть такъ... Отчего же вы не можете быть въ числѣ немногихъ?..

Вырыпаевъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Да именно потому, что я не лицемѣръ по натурѣ.

Стань я въ число этихъ исключительныхъ, сейчасъ почувствую себя вороной въ павлиньихъ перьяхъ.

— Значитъ, вы не вѣрите въ правоту дѣла этого искренняго меньшинства?..

— Гмъ... То-то... Не совсѣмъ... Не то, что не вѣрю, а... Впрочемъ, я тутъ еще не все себѣ уяснилъ...

Жолнинъ задумался.

— Да,—проговорилъ онъ,—лицемѣрія много, лжи не оберешься. Не знаешь, кому вѣрить и... вѣрить ли..

Лицо Вырыпаева подернулось на минутку печалью.

— Значитъ... и вы говорите, какъ я?—слегка измѣненнымъ голосомъ сказалъ онъ.

— Ну, нѣтъ,—воскликнулъ Жолнинъ, подымая голову и тряхнувъ волосами.—Есть въ жизни и другое, и его гораздо больше, чѣмъ мы съ вами думаемъ. Есть много искреннихъ... И поэтому нельзя вѣрить только личнымъ побужденіямъ. Нужно бороться и съ собой во имя высшаго... За этими усиліями придетъ время, когда идея осилитъ массовый эгоизмъ, когда общество очистится отъ пошлости, когда духъ возьметъ верхъ надъ матеріей.

— Аминь,—полунасмѣшливо, полусочувственно сказалъ Вырыпаевъ.

— А вы этому не вѣрите?

— Не очень-то. Но слушаю васъ, какъ и прежде, съ удовольствіемъ.

— Такъ плюнемъ же на поваровъ и сигары!.. Давайте жить, какъ надо жить.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный.

— Почему? Я не вѣрю, будто вы убѣждены... по крайней мѣрѣ, что вы вполнѣ убѣждены въ правильности вашихъ взглядовъ.

— Повѣрьте, пожалуйста. Я сложился не сразу, а постепенно. Я раздумывалъ не мало и выбралъ себѣ дорогу сознательно. Я не могу летѣть съ вами за облака—крыльевъ нѣтъ. А трепыхать локтями и притворяться, что лечу подъ небеса, мнѣ противно. Я весь на землѣ и жить буду по земному.

— Но вы страшно заблуждаетесь.

— Не думаю. Вѣрьте одному, что я человѣкъ искренній... А васъ слушать мнѣ все же пріятно...

Онъ помолчалъ и затѣмъ продолжалъ задумчиво и какъ-то грустно:

— Одно вотъ страшно. Человѣкъ я земли, опредѣленныхъ и не особенно возвышенныхъ взглядовъ. Мое дѣло строить машины,—ради своего собственнаго блага, а общество пусть пользуется мною и машинами, какъ ему нужно... Ну, вотъ

тутъ-то... иной разъ не доглядишь, да невзначай и слопаешь человѣка. А разъ попробовалъ сырого мясца,—удержу не будетъ... Это уже замѣчено. Этого, вотъ, не хочется... Очень этого не хочется... Ну, да Богъ милостивъ, однако...

XXII.

Жолнинъ понималъ, что Вырыпаевъ не просто сухой эгоистъ, что его теорія сложилась, быть можетъ, послѣ мучительныхъ усилій мысли... Но разговоръ съ товарищемъ юности всетаки произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе: точно пахнуло угаромъ.

Когда уже вечеромъ онъ возвращался въ Дубки, вѣтеръ разыгрался въ мятель. Снѣгъ сыпалъ сверху, а вѣтеръ гналъ его прямо въ лицо путникамъ, взметалъ снѣжную пыль снизу, слѣпилъ глаза. Унылая бѣлая равнина была точно въ холодномъ туманѣ. Лошади съ трудомъ двигались навстрѣчу вѣтру; колокольчикъ жалобно позвякивалъ. И Жолнину казалось, что вся человѣческая жизнь такая же холодная, угнетающая душу тяжкая дорога, какъ та, которая лежала теперь передъ нимъ, и что радости, надежды, стремленія человѣка въ высь, въ небеса, гдѣ Богъ и свѣтъ правды,— все это лишь иллюзіи, сны утомленной души подъ стоны холодной мятели, подъ завываніе унылаго вѣтра. И въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ жизнь учила его именно этимъ безотраднымъ выводамъ, и только упорное сердце не хотѣло соглашаться съ приговоромъ ума и все рвалось куда-то, все жаждало чего-то...

— Не за что мнѣ винить Вырыпаева,—думалъ Жолнинъ,— онъ искрененъ и послѣдователенъ. А я что? Я стремлюсь куда-то, цѣпляюсь за что-то, а достаточно вотъ такого разговора, и я уже въ уныніи, я потерялъ на половину вѣру и въ себя, и въ то, во что, казалось, вѣрилъ еще вчера...

— Но съ другой стороны,—думалъ онъ немного спустя,— если есть въ сердцѣ эта мечта о солнцѣ и свѣтѣ, значитъ есть и солнце, и свѣтъ...

Начинало темнѣть, а мятель все еще не утихала. Холодъ проникалъ въ тѣло; вѣтеръ находилъ лазейки всюду, гдѣ только было возможно, и знобилъ руки, шею, грудь. Наконецъ, началась лѣсная дорога и ѣхать стало легче, теплѣй. Потомъ показались огоньки деревни, и вскорѣ Жолнинъ съ наслажденіемъ отогрѣвалъ свое озябшее тѣло у зажженнаго камина. Но на душѣ попрежнему было смутно, тоскливо. Какой-то враждебный внутренній голосъ настойчиво нашептывалъ горькія вещи. Весь разладъ въ его сердцѣ не проис-

ходитъ ли оттого, что онъ не хочетъ признать жизнь просто, какъ она есть. Человѣкъ уже такъ созданъ, что любитъ больше всего себя. Жить надо согласно этому закону... Страхъ передъ загробнымъ возмездіемъ? Полно: еще вопросъ—вѣритъ ли онъ въ загробную жизнь?.. А если и вѣритъ, то, конечно, не страхъ можетъ и долженъ удержать человѣка на дорогѣ нравственныхъ правилъ...

Вошелъ Григорій, который взялъ привычку являться къ хозяину непремѣнно тогда, когда тотъ пилъ чай. Онъ зналъ, что Жолнинъ непремѣнно усадитъ и его, а старикъ любилъ чай, хотя, придерживаясь старинки, почиталъ этотъ напитокъ за грѣховный.

— Темниковскую-то рощу надоть будетъ почать, баринъ, —замѣтилъ Григорій, принимая стаканъ.

Жолнинъ, далекій отъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, только помычалъ въ отвѣтъ. Старикъ еще раза два попытался втянуть его въ разговоръ о лѣсѣ, но, не видя никакого толку отъ этихъ попытокъ, пристально поглядѣлъ на собесѣдника и таинственно замѣтилъ:

— А что я тебѣ скажу, Иванъ Миколаичъ... Скучаешь ты... Вотъ, оно что.

— Это ты вѣрно, дѣдъ; скучно что-то.

— А я тебѣ вотъ что скажу: бабу возьми; безъ бабы, извѣстно, не гоже...

— Какую бабу? что ты?

— Какую! извѣстно какую... Ты только свисни, любая съ великой радостью... Вотъ, оно что...

— А ты пустого не мели, старый.

— Зачѣмъ пустое?.. Медвѣдь и то о медвѣдицѣ скучаетъ... А ты пустое!..

— Молчи объ этомъ, обругаю.

— Обругать, обругай, это возможно. А что правду я говорю, такъ это ты будь безъ сумлѣнія... Оно что говорить. Безъ закону оно не больно ладно. Одначе, всѣ гуляютъ, такъ и ты не обсѣвокъ какой... Жалѣючи тебя говорю... Согрѣшишь—покаяться успѣешь.

Когда старикъ ушелъ, на душѣ Жолнина мракъ скопился еще сильнѣе. Старикъ опять угадалъ его настроеніе. Воображеніе уносило его прочь отсюда, въ какой-то чудовищный міръ разнузданной страсти, животныхъ радостей. Уже Нина не представлялась ему, какъ желанная награда за печали его жизни. О ней онъ не думалъ въ эти минуты. Ему хотѣлось полной разнузданности, полной свободы животнымъ инстинктамъ.

Онъ легъ въ постель и потушилъ свѣчу, но долго не могъ уснуть. На дворѣ выла мятель, жалобно стонали на ржавыхъ

петляхъ ставни, глухо, монотонно шумѣлъ лѣсъ. А въ этихъ старыхъ, угрюмыхъ покояхъ стояла удручающая тишина. И Жолнину казалось, что весь домъ полонъ тѣней его предковъ, разнузданныхъ, развратныхъ. Онъ дышалъ этимъ воздухомъ, въ которомъ происходили оргіи. Здѣсь, въ этихъ покояхъ совершались насилія; животныя, чудовищныя страсти разыгрывались во всю. Здѣсь прадѣдъ его, строитель этого дома и основатель усадьбы, строго держался средневѣковыхъ правъ помѣщика и въ этихъ же стѣнахъ убитъ былъ однимъ оскорбленнымъ мужемъ изъ крѣпостныхъ. Здѣсь дѣдъ Жолнина содержалъ цѣлый гаремъ. Зналъ, наконецъ, Жолнинъ и о томъ, что отецъ его зорко слѣдилъ за дѣвичьей, и что не мало лилось слезъ между молодыми дворовыми женщинами въ этихъ унылыхъ, мрачныхъ комнатахъ.

Развѣ не передавались ему, потомку полудикихъ предковъ, ихъ разнузданность, ихъ развращенное воображеніе? Онъ таитъ въ глубинѣ сердца всѣ низменныя страсти этихъ предковъ. Онъ только притворяется жаждущимъ чистоты, свѣта, а самъ потихоньку, таясь отъ собственной совѣсти, стремится всей душой въ грязь, къ животнымъ наслажденіямъ. И напрасны усилія многихъ лѣтъ: природа предковъ несомнѣнно сказывается въ немъ и осилитъ его волю...

И утро не принесло облегченія его сердцу. Онъ всталъ разбитый, негодующій на себя, не чувствующій воли надъ собой.

Ночная буря улеглась; небо расчистилось отъ тучъ и день обѣщалъ быть яснымъ и морознымъ. Вездѣ были навалены цѣлые сугробы снѣга, который сверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ въ лучахъ солнца.

Къ обѣду на дворъ усадьбы въѣхали, вдругъ, сани и вскорѣ въ прихожей послышался громкій, сильный голосъ Вырыпаева.

— Вотъ и я къ вамъ, товарищъ,—сказалъ гость,—видите, какъ скоро отдалъ визитъ...

Потомъ уже за обѣдомъ онъ пояснилъ, что собирается въ Крутоярскъ.

— Провѣтриться надо. Знаете, засидишься въ деревнѣ, такъ даже въ Крутоярскъ тянетъ. Ну, да и дѣла тамъ есть кой-какія.

— А не проѣхаться ли и мнѣ съ вами?—раздумчиво проговорилъ Жолнинъ.

— Вотъ это идея! И распрекрасное дѣло. Если выѣдемъ сегодня въ ночь, такъ въ поѣздѣ встрѣтимъ и Риттера. Я съ нимъ видѣлся вчера вечеромъ, и онъ собирался.

Подходилъ вечеръ. Гость и хозяинъ сидѣли въ залѣ, у

окна, за стаканами чая. Прямо передъ глазами ихъ высилась огромная стѣна лѣса.

— Что вы, какой сегодня угнетенный?—спросилъ Вырыпаевъ.

— Да и самъ не знаю; нападаетъ на меня по временамъ какая-то апатія, тоска.

— Нужно бодрѣе глядѣть на жизнь... Фу! и унылая же у васъ околица. Здѣсь и медвѣдь затоскуетъ.

— Да, мѣстность глухая... А вонъ, глядите, какая картина.

Солнце опустилось къ горизонту, и вся стѣна красныхъ сосенъ вспыхнула багровымъ пламенемъ. Вырыпаевъ повернулъ голову и долго не сводилъ глазъ съ этой картины. Потомъ, когда багрянецъ сталъ понемногу блѣднѣть, онъ вздохнулъ и вышелъ изъ задумчивости.

— И мракъ, и кровь... Нехорошо жить человѣку въ такихъ мрачныхъ трущобахъ...

И помолчавъ немного, добавилъ задумчиво:

— Да, увѣряй себя въ своей силѣ, а вотъ, безпричинная, ничѣмъ не вызванная тоска прокрадется въ сердце и хозяйничаетъ тамъ. И не выгонишь ее, не замѣнишь радостью... Э! вздоръ все это... Такъ ѣдемъ, что ли?

— Ѣдемъ,—отвѣтилъ Жолнинъ.

XIII.

Они, дѣйствительно, встрѣтились дорогой съ Риттеромъ, и всѣ трое остановились въ лучшей гостиницѣ Крутоярска. Но Жолнинъ тотчасъ по пріѣздѣ покинулъ спутниковъ и направился отыскивать Окунева, своего бывшаго профессора, съ которымъ онъ поддерживалъ переписку и который, взявъ отставку, поселился въ Крутоярскѣ, отдавшись на досугѣ спиритизму. Профессоръ очень обрадовался гостю и тотчасъ же заявилъ ему, что вечеромъ у него устроится нѣчто интересное: спиритическій сеансъ, съ новымъ медіумомъ.

И, дѣйствительно, вечеромъ Жолнинъ засталъ у Окунева цѣлое общество, которое состояло изъ самого профессора, человѣка лѣтъ шестидесяти, болѣе похожаго наружностью на стараго офицера николаевскихъ временъ, чѣмъ на ученаго; жены его, полной, затянутой въ корсетъ и страдающей одышкой пожилой дамы, ихъ племянницы, дѣвушки лѣтъ тридцати пяти, высокой, худой, будто высохшей и безкровной. Послѣдняя считалась медіумомъ, благодаря чернымъ, окруженнымъ темными кругами глазамъ, нервности, анемичности. Но, кромѣ этого постояннаго и лишь предполагаемаго медіума, на сеансъ явился и другой, уже признанный ме-

діумъ, учитель мѣстной гимназіи, человѣкъ лѣтъ тридцати, маленькій, узкоплечій, съ густыми черными волосами и черными же глазами. Онъ волновался больше всѣхъ и въ то время, когда остальные угрюмо, съ какой-то невысказанной печалью садились за столикъ, медіумъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и чувствовалъ, что руки у него дрожатъ, а сердце замираетъ.

— Я жду сегодня усиленныхъ явленій,—сказалъ онъ, сдвигая рукава къ локтямъ и встряхивая головой.

— На меньшее мы и не согласны,—наставительно замѣтилъ профессоръ, какъ будто этотъ медіумъ обязался поставлять явленія.

Жолнина представили анемичной барышнѣ и медіуму. Послѣдній съ суровымъ видомъ энергично потрясъ его руку и съ нѣсколько таинственнымъ видомъ произнесъ:

— Очень радъ. Кружокъ нашъ не великъ, но его ждетъ будущность...

Жолнину было немного совѣстно передъ этими людьми. Строго убѣжденнымъ и вѣрующимъ спиритомъ онъ никогда не былъ. Но одно время онъ очень интересовался подобными сеансами и, склонный къ увлеченіямъ, готовъ былъ не разъ отдаться „ученію“. Его всегда, однако, что-то удерживало на самой границѣ. И теперь онъ нѣсколько робко отвѣтилъ медіуму:

— Я вѣдь долженъ оговориться, что, собственно, не принадлежу къ вѣрующимъ.

— То есть, какъ-же?—строго замѣтилъ медіумъ и взглянулъ на профессора.

— Я только интересуюсь... Я хотѣлъ бы наблюдать...

— А, а,—уже мягче и успокоительно протянулъ медіумъ,—тогда ничего... Разъ, что вы соглашаетесь добросовѣстно относиться къ явленіямъ, вы уже нашъ: нельзя видѣть и не убѣдиться въ реальности явленій...

Сеансъ происходилъ послѣ вечерняго чая. Общество прошло черезъ темную гостиную въ кабинетъ профессора и сѣло за небольшой круглый столикъ. Приготовленія дѣлались съ какой-то торжественной, почти печальной сосредоточенностью. Говорили почему-то шопотомъ, ходили осторожно, будто боясь нарушить чей-то покой. Только учитель, видимо, сознавая себя хозяиномъ положенія, былъ развязенъ и распоряжался энергично: съ духами онъ былъ свой человѣкъ...

Профессоръ медленно опустилъ свой высокій, худой станъ на стулъ, сгорбился, пожевалъ беззубымъ ртомъ и тускло глядѣлъ прямо впередъ потухшими, близко поставленными одинъ къ другому глазами. Все его лицо, сухое, въ морщинахъ, съ впавшими щеками, бритымъ подбородкомъ и не-

большими, рѣденькими бачками около ушей выражало тупую увѣренность въ важности совершаемаго. Профессорша грузно опустилась въ кресло около мужа, вздохнула и сказала грубымъ, почти мужскимъ голосомъ:

— Только что бы не очень страшно было...

— А я требую полнаго мрака,—рѣшительно заявила племянница,—я чувствую, *они* уже здѣсь...

Эта барышня очень дорожила свое медіумичностью, ревниво относилась къ своей славѣ и нѣсколько завидовала славѣ учителя гимназіи.

Лампу завернули, и комната погрузилась въ мракъ и тишину. Слышалось учащенное дыханіе сидѣвшихъ. Прошло минутъ двадцать; руки участниковъ сеанса затекли, а явленій все не было.

На душѣ Жолнина скоплялся какой-то туманъ. Сознаніе дѣйствительности уходило отъ него. Онъ былъ въ какомъ-то невѣдомомъ мірѣ, полномъ тьмы, одинокій, покинутый. Времени не было, жизнь остановилась, сознаніе позабыло о томъ, что есть свѣтъ и жизнь...

Послышался тихій, сухой, будто робкій стукъ гдѣ-то внизу, подъ столомъ. Потомъ столъ дрогнулъ, чуть замѣтно качнулся, накренился на одну сторону и грузно сталъ опять на свое мѣсто.

— Духъ,—торжественно и непріятно-громко среди этой напряженной тишины, мрака и забвенія проговорилъ медіумъ,—если ты, о, невѣдомый, желаешь сказать свое имя по азбукѣ, стукни разъ, если не желаешь—стукни два раза.

Опять на нѣсколько минутъ воцарилась тишина. Казалось, столикъ раздумывалъ. Потомъ онъ слегка приподнялся и стукнулся объ полъ одинъ разъ.

— Желаетъ говорить,—уже шопотомъ доложилъ медіумъ и затѣмъ обратился непосредственно къ духу:

— Невѣдомый пришлецъ, повѣдай свое имя. А, бе, ве, ге, де...

Столъ стукнулъ...

— Буква де,—прошептало сразу нѣсколько голосовъ.

Азбука началась снова. Столъ остановился на буквѣ р, потомъ на ы, потомъ еще на нѣсколькихъ и, наконецъ, остановился.

— Я, должно быть, спутался,—смущенно замѣтилъ учитель.

— Нѣтъ, я хорошо считала буквы,—тоненькимъ голосомъ отозвалась племянница и стала перечислять буквы. Вышло „дрыгалъ“.

— Но этого быть не можетъ.

— Увѣряю васъ... И что же тутъ страннаго? Это *онъ*, вѣроятно, передъ кончиной.

— Да нѣтъ же, позвольте. Начнемъ сначала.

И опять потянулась азбука, и снова столикъ нерѣшительно, вяло выстукивалъ приподнятой ножкой. На этотъ разъ вышло что-то похожее на имя.

— „Дріулъ“,—шопотомъ проговорилъ профессоръ,—какое странное имя? Что-то вродѣ древнегреческаго.

Объясненіе понравилось. Тогда приступили къ дальнѣйшимъ вопросамъ и духъ пояснилъ, что онъ грекъ, жилъ во времена Перикла, а умеръ убитый на войнѣ. Затѣмъ оказалось, что онъ прожилъ двѣсти четырнадцать лѣтъ и по профессіи былъ корреспондентъ...

Но затѣмъ духъ пересталъ отвѣчать по азбукѣ и столикъ лишь временами издавалъ неясные, сухіе звуки.

— Вѣроятно, медіумическая сила въ насъ ослабѣла,— прошептала племянница.

— Особенно, если вы будете мѣшать разговорами,—язвительно отвѣтилъ учитель.

А духъ продолжалъ упорно молчать. Тогда учитель напалъ на счастливую мысль.

— О, Дріулъ,—обратился онъ къ таинственному гостю,— быть можетъ, ты желаешь показать намъ свѣтовыя или звуковыя явленія? Если да, стукни дважды.

Дріулъ помолчалъ и стукнулъ.

— Я такъ и думалъ,—проворчалъ сквозь зубы медіумъ,— ясное дѣло, что контролирующаго духа Буби нѣтъ сегодня...

Воцарилось полное молчаніе. Вопросовъ уже не задавали; всѣ сидѣли молча, положивъ руки на столъ, слушая и приглядываясь въ этой томительной ночной тишинѣ.

Чувство неловкости, какого-то стыда, которое было у Жолнина въ началѣ сеанса, теперь совершенно покинуло его. Имъ овладѣла умственная дремота. Все его внутреннее существо погрузилось въ апатію. Теперь, когда умолкли звуки человѣческаго голоса, Жолнину казалось, что онъ опять унесся прочь отъ земли, въ невѣдомое пространство, гдѣ времени не было, гдѣ была тьма и небытіе. Онъ позабылъ о томъ, что сидитъ въ кругу людей, что онъ живъ, что можетъ чувствовать. Онъ былъ среди безконечнаго, лишенный сознанія, представленія о жизни. Это была нирвана, абсолютный покой.

Временами сознаніе возвращалось къ нему; тогда онъ опять чувствовалъ себя среди людей, въ душной комнатѣ, слушалъ, какъ столикъ потрескивалъ сухимъ звукомъ и чуть замѣтно колебался подъ его руками. А тишина что-то шептала, что-то хотѣла сказать ему.

Потомъ ему начинало казаться, что онъ слышитъ какіе-то слабые, сухіе звуки въ стѣнахъ, въ мебели, и мысль его,

дремлющая, апатичная, опять уносилась въ безпредѣльное пространство, куда чуть слышно доходили эти осторожные, робкіе стуки. Тогда въ головѣ его мелькала непонятная, но удручающая мысль:

— Это голосъ ничтожества...

А тишина все шептала, все что-то говорилъ окружающій мракъ...

Когда, часъ спустя, Жолнинъ вышелъ на улицу и жадно вдохнулъ свѣжій морозный воздухъ, стыдъ снова вкрался въ его душу, и очарованіе таинственнаго общенія съ невѣдомымъ міромъ умершихъ сразу исчезло.

— А вѣдь это же свинство,—сердито подумалъ онъ.— Разговаривать съ корреспондентомъ двухсотъ четырнадцати лѣтъ отъ роду!.. И какъ я могъ допустить себя до такого идіотизма?..

XIV.

Онъ медленно шелъ по улицѣ, не зная, что предпринять. Потомъ, вспомнивъ, что Риттеръ съ Вырыпаевымъ хотѣли быть вечеромъ въ театрѣ, направился туда и, взявъ билетъ, сѣлъ въ кресла, въ заднихъ рядахъ. Его спутники помѣщались у самаго оркестра.

Шло уже третье дѣйствіе какой-то заѣзженной оперетки. Пѣвцы и пѣвицы въ убогихъ нарядахъ изо всѣхъ силъ старались быть забавными. Слегка охрипшая пѣвица, декольтированная болѣе, чѣмъ надо, была такъ жалка, что Жолнину стало не по себѣ. Да и вся труппа была захудалая, заморенная. Такъ и казалось, что среди всѣхъ этихъ кривляній, непристойностей, цинизма главная мысль играющихъ была о кускѣ хлѣба.

— Голосокъ у этой N недуренъ,—глубокомысленно замѣтилъ Риттеръ, когда всѣ трое выходили изъ театра,—и сложена чудесно.

— Ну, — отозвался Вырыпаевъ,—нашли тоже! Какая-то драная кошка...

— Нѣтъ, не говорите. У этой... я говорю—у пажа—бедра я вамъ доложу...

Они прошли въ ресторанъ при гостиницѣ и заняли отдѣльный кабинетъ.

Рихтеръ, желавшій показать себя знатокомъ по части гастрономіи, внимательно разглядывалъ карточку, потомъ ткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пальцемъ и строго оглядѣлъ лакея.

— Ты у меня гляди, чтобы все было, какъ слѣдуетъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, все самолучшее.

— Это что?

Лакей изогнувшись поглядѣлъ бочкомъ въ карту.

— Это-съ? это... по... Поросенокъ-съ.

— Поросенокъ? А? Какой поросенокъ?

Лакей немного оторпѣлъ.

— Поросенокъ-съ... Натуральный поросенокъ-съ.

— Дурачина!.. Разумѣется, не гуттаперчивый... Какъ приготовленъ?..

Вырыпаевъ устало развалился на диванѣ и зѣвнулъ.

— Въ сущности, весь этотъ спектакль удивительная ерунда.

— И жалкая,—добавилъ Жолнинъ.

— Старѣть начинаю, что-ль. Не веселитъ, какъ бывало, городъ.

— А вотъ выпьемъ, и будетъ веселѣе,—порѣшилъ Рихтеръ.

Ужинъ оказался хорошо приготовленнымъ. Вырыпаевъ приналегъ на закуски и потомъ жадно принялся за жаркое.

— Иванъ Николаевичъ, выпьемъ, братъ,—пригласилъ Риттеръ, который все еще не отходилъ отъ закусокъ.

— Да я и такъ уже рюмокъ пять выпилъ,—отозвался Жолнинъ.

— Э, полноте...

И Жолнинъ выпилъ. Въ головѣ его становилось туманно, и языкъ плохо слушался. Потомъ Жолнинъ пилъ виноградное вино и, наконецъ, вопреки всѣмъ правиламъ гастрономіи, потребовалъ себѣ послѣ крюшона бутылку пива. Онъ сознавалъ, что совершенно опьянѣлъ, но это почему-то радовало его и даже нѣсколько умиляло. Ему захотѣлось говорить, и онъ говорилъ заплетающимся языкомъ, что всѣ они, т. е. Риттеръ, Вырыпаевъ и онъ самъ очень хорошіе люди и что хорошо жить такъ дружно, какъ живутъ они; что назначеніе человѣка обмѣниваться съ другими людьми мыслями вотъ въ такой дружеской бесѣдѣ.

— Потому что,—заключилъ онъ,—человѣкъ есть мыслящая с... скотина...

И онъ, къ собственному удивленію, неожиданно какъ-то разсвирѣпѣлъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— Не глупи... братъ...—отозвался Риттеръ, который дремалъ въ креслахъ, свѣсивъ голову на грудь и бросивъ руки внизъ.

Вырыпаевъ тоже былъ пьянъ, но совершенно владѣлъ собой. Его лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, а холодные голубые глаза глядѣли слегка злобно.

— Шумѣть не надо,—замѣтилъ и онъ.

Но Жолнинъ уже чувствовалъ, что злоба кипитъ у него

внутри. Ему вспомнился почему-то толстый буфетчикъ за стойкой ресторана и вспомнился съ отвращеніемъ.

— Нѣтъ, это навѣрно мерзавецъ,—хрипѣлъ отъ ненависти Жолнинъ,—сейчасъ пойду и дамъ ему въ мор-рду.

— Оставь,—сказалъ успокоительно Вырыпаевъ и хлебнулъ крюшона.

Риттеръ уже спалъ въ креслахъ и даже слегка присвистывалъ носомъ.

— Наворовалъ, мер-рзавецъ, а теперь, глядите... пузо выставилъ впередъ и доволенъ... Идолъ!..—продолжалъ злобствовать Жолнинъ и попытался подняться съ кресла. Но это ему не удалось: ноги совершенно не слушались. Тогда онъ безнадежно свѣсилъ голову на грудь и горько заплакалъ.

— Вы... Вы... Вырыпаевъ... все, братъ... кончено... Параличъ...

Вырыпаевъ по прежнему молча сидѣлъ и попивалъ крюшонъ. Опьяненіе его выражалось, главнымъ образомъ, въ усиленномъ сопѣніи.

— Выпейте сельтерской.

Онъ позвонилъ и сердито распорядился:

— Человѣкъ! сельтерской!..

А когда лакей принесъ бутылку, онъ долго и строго глядѣлъ на него, не спуская холодныхъ и нахмуренныхъ глазъ.

— Штучки есть?—отрывисто и строго проговорилъ онъ.

Лакей почтительно изогнулся и таинственнымъ шопотомъ доложилъ:

— Имѣются-съ.

— Позвать... двухъ.

И, внимательно оглядѣвъ Риттера, пояснилъ:

— Этому не надо... мертвое тѣло.

Жолнинъ жадно пилъ холодную искрящуюся воду. Въ головѣ его начинало проясняться; и вдругъ онъ догадался, что сильно пьянъ, и даже такъ, что не помнитъ конца ужина. Теперь это сознаніе было ему непріятно.

— Слушайте, Вырыпаевъ,—спросилъ онъ уже почти твердымъ голосомъ,—очень я былъ пьянъ?

Вырыпаевъ остановилъ на немъ свой тяжелый испытующій взоръ и, сопя носомъ, отвѣтилъ:

— Здорово... И теперь... тоже...

Дѣйствительно, хмѣль опять отуманилъ мозги Жолнина, хотя и не надолго. Съ минуту онъ ничего не сознавалъ, когда же поднялъ голову, то замѣтилъ, что въ комнату вошли двѣ какія-то женщины. Одна изъ нихъ широколицая, съ короткими волосами и проборомъ сбоку, подбѣжала къ столу, схватила стаканъ съ виномъ и залпомъ выпила его.

— Здравствуйте, ребятишки,—притворяясь веселой, воскликнула она и упала на диванъ.

Другая изъ пришедшихъ, худенькая брюнетка съ длинной косой и большими грустными глазами, была не такъ смѣла. Она сѣла поодаль и, видимо, не знала, какъ держать себя. Вырыпаевъ молча и внимательно оглядѣлъ ихъ.

— Штучки?—вопросительно произнесъ онъ.

А съ Жолнинымъ происходило что-то странное. Въ эту минуту онъ опять нѣсколько отрезвѣлъ, и сердцемъ его стала овладѣвать великая грусть. Этотъ смрадный кабакъ, эта ночная оргія, то, что онъ пьянъ, что онъ потерялъ образъ Божій, все вмѣстѣ казалось ему такимъ безконечно печальнымъ, что хотѣлось заплакать надъ собственнымъ униженіемъ.

Онъ выпилъ опять сельтерской воды и взглянулъ на женщинъ. И вдругъ осмыслилъ появленіе ихъ здѣсь. Тогда душевная скорбь его стала жгучей, непереносной.

— Вырыпаевъ,—прошепталъ онъ, показывая глазами на женщинъ,—что это?

Вырыпаевъ, все такъ-же сопя, тяжело повернулъ голову по его указанію.

— Штучки...

Жолнинъ поднялся, взялъ за плечи сидѣвшую ближе къ нему худенькую женщину и долго вглядывался въ ея глаза.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ,—вѣдь она голодна!.. Это онѣ съ голоду... Боже, Боже!..

— Нѣтъ, мы поужинали,—замѣтила широколицая,—а вотъ пить хочется.

— Съ голоду, съ голоду,—не слушая ея, повторялъ Жолнинъ, опять падая въ кресло,—и вѣдь это сестры наши... Вырыпаевъ, слышите? это сестры наши!..

Онъ закрылъ лицо руками въ нестерпимой тоскѣ. Потомъ съ рѣшительнымъ видомъ повернулся къ женщинамъ.

— Идите отъ насъ... не грязнитесь лишній разъ... А вотъ за безпокойство...

Онъ вынулъ двадцатипятирублевку и протянулъ худенькой. Та сконфуженно замялась, но широколицая жадно перехватила бумажку.

— Вотъ милые кавалеры... Лизка, идемъ.

— Послушайте, — раздался голосъ Вырыпаева, — такъ нельзя... А я то что-жъ?

— Стойте,—воскликнулъ Жолнинъ,—и онъ хочетъ извиниться передъ вами... Это потому, что мы, вообще, страшно, страшно виновны передъ вами... Всегда виновны... Ну, коллега, давайте четвертную...

— А я хочу, чтобъ онѣ остались.

— Не разсуждать!.. Давайте деньги.

Вырыпаевъ совсѣмъ нахмурился; глаза его гнѣвно сверкнули; онъ казался совсѣмъ трезвымъ.

— Я не привыкъ подчиняться... Онѣ...

Но Жолнинъ гнѣвно ударилъ кулакомъ по столу.

— Деньги!..

Вырыпаевъ привсталъ съ дивана страшно блѣдный и сверкнулъ глазами. Но, мгновеніе спустя, онъ опять сѣлъ и спокойно вынулъ изъ бумажника требуемое.

— На-те, — равнодушно проговорилъ онъ,—но помните, Жолнинъ, что это я только для васъ... Человѣкъ, еще крюшонъ...

А Жолнинъ уже опять былъ пьянъ, послѣ перваго же глотка вина. Онъ съ трудомъ припоминалъ на другой день свое путешествіе въ номерѣ по лѣстницѣ и то, какъ онъ горько рыдалъ, прощаясь передъ сномъ съ Вырыпаевымъ. Онъ припоминалъ, какъ лежалъ въ постели подъ одѣяломъ, полураздѣтый, въ одномъ сапогѣ, и какъ постель ныряла съ нимъ въ какую-то бездну. Нырнетъ на дно моря и опять подымется, а тамъ опять нырокъ. И это было ему пріятно и забавно. За то пробужденіе на слѣдующее утро было ужасно.

— Что, трещитъ голова?—участливо спросилъ его утромъ Вырыпаевъ, входя въ его номеръ.

— Ужасно... Но, главное, стыдно-то какъ!..

— Ну, вотъ еще!.. Это, товарищъ, освѣжаетъ, встряхиваетъ человѣка... А кутнули мы крѣпко. Давно я такъ не пилъ...

XV.

Нина Алферова съ нетерпѣніемъ, но напрасно поджидала въ теченіе нѣсколькихъ дней Жолнина и даже поплакала при этомъ. Ужъ не обидѣла ли она его невзначай? Онъ такъ былъ нуженъ ей. Онъ успѣлъ затронуть ея душу, подать ей надежду на выходъ изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ она находилась за послѣднее время...

Она встала утромъ, скучающая, не зная, что съ собой дѣлать. Послѣ утренняго чая, отецъ, какъ всегда, ушелъ въ банкъ, мать прошлась по комнатамъ, зѣвнула и сѣла въ гостиной на диванъ съ книжкой какого-то романа въ рукахъ. И Нина уже впередъ знала, какъ пройдетъ этотъ день. Отецъ вернется къ завтраку и сядетъ въ кабинетѣ за своими счетами и выкладками. Отецъ любитъ семью, но держится отъ нея въ сторонѣ. У него свой особый міръ, куда семейные не допускаются. И Нина увидитъ отца лишь за обѣдомъ...

Отцу хорошо; онъ все же занятъ. Но мать томится, несомнѣнно, потому что ей рѣшительно нечего дѣлать. Раз-

влеченій въ видѣ краткаго визита какой-нибудь гостьи, развозящей по знакомымъ свѣжій скандальчикъ, случившійся у кого-нибудь, хватитъ не надолго. И вотъ опять скука, томленіе. Мать съ нетерпѣніемъ дожидается вечера; вечеромъ у кого нибудь составится винтъ, а она уже успѣла пристраститься къ картамъ...

— Нина, поди сюда, дитя мое,—позвала она проходившую дочь.

Нина подошла. Серафима Сергѣевна взяла ея руку, слегка притянула къ себѣ и съ сентиментально томнымъ видомъ, со слезой, навернувшейся на глазахъ, поглядѣла на дѣвушку. Нина молча и нѣсколько холодно поцѣловала мать и пошла дальше. Она не тронулась этимъ внезапнымъ порывомъ нѣжности, потому что хорошо изучила мать. Послѣдняя впадала въ эту нѣжность все отъ той же скуки, отъ которой начинала иногда спорить съ кухаркой, выговаривать горничной.

Дѣвушка присѣла въ угольной съ работой въ рукахъ и временами поглядывалала на пустынную, молчаливую улицу. Тамъ изрѣдка проѣзжали крестьянскія дровни, проходилъ озябшій пѣшеходъ, и снова воцарялись тишина и безлюдье. И вотъ, день за днемъ такъ и идетъ время, лишь изрѣдка разнообразясь уѣздными развлеченіями, вечерами у городскихъ чиновниковъ, катаньями по городу въ хорошіе дни, а главное, картами и легкимъ флиртомъ. Въ карты начинаютъ играть даже барышни и это неудивительно: скука заѣдаетъ всѣхъ...

Въ прихожей позвонили и черезъ минуту въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся отъ свѣжаго воздуха, хорошенькая Саша Букина. Она шумно поздоровалась съ Серафимой Сергѣевной и замахала руками на приглашеніе присѣсть.

— Ни за что. Некогда... А гдѣ Нина? я на минутку къ ней.

— И вѣчно только на минутку,—ласково упрекнула Серафима Сергѣевна,—какая вы непосѣда...

— Нина, дружокъ,—обратилась гостья къ вошедшей подругѣ,—слушай, какую я новость принесла: въ пятницу на каткѣ вечеръ съ музыкой. Кругомъ будутъ фонари, бенгальскіе огни. Придешь?

— Приду.

— Непремѣнно, непремѣнно приходи... Ну, до свиданія.

— Да посидите вы, егоза,—отозвалась Серафима Сергѣевна.

— Право, некогда. Надо сбѣгать перчатки купить... Развѣ въ блошки сыграемъ?..

И онѣ сыграли въ блошки, которыя всегда были у Бу-

киной въ карманѣ. Онѣ сыграли, и, хотя Серафима Сергѣевна смѣялась по этому поводу и называла гостью забавной оригиналкой, но всѣ три были до нѣкоторой степени утѣшены. Все же полчаса времени прошло незамѣтно...

А Нина послѣ ухода гостьи опять сѣла къ окну съ работой и задумалась, слѣдя мыслями за жизнью своей и своихъ знакомыхъ дамъ и барышень. Почти всѣ томятся той же скукой и тоской, какъ и она, хотя, быть можетъ, не всѣ сознаютъ это. Очень мало кто, изъ семейныхъ, отдается дѣтямъ и хозяйству. Такія дамы мало посѣщаютъ вечера; имъ некогда, онѣ всегда заняты. А остальныя рѣшительно не знаютъ, что съ собой дѣлать,—флиртуютъ, играютъ въ карты, ссорятся съ мужьями и другъ съ другомъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ тѣхъ легкихъ скандальчиковъ, которые по временамъ оживляютъ городскую жизнь.

Нина не разъ задумывалась надъ своимъ положеніемъ и не знала, что ей предпринять. На флиртъ она глядѣла съ инстинктивнымъ отвращеніемъ чистой, здоровой натуры; домашнимъ хозяйствомъ заниматься ей не давали: у Алферовыхъ была старая опытная ключница. Искать уроковъ ей не хотѣлось; это значило-бы отбивать заработокъ у небогатыхъ людей.

Надо было найти выходъ изъ положенія, найти дѣло, которое было-бы дѣломъ серьезнымъ и полезнымъ. Она хотѣла было учить дѣтей бѣдняковъ, но и тутъ ей вспомнилась знакомая дама, Крухина, которая взялась учить грамотѣ бѣдную мѣщанскую дѣвочку, доводила ее своими капризами и раздражительностью до горькихъ слезъ, а сама только и кричала въ городѣ, что о необходимости приносить пользу и страшно надоѣла всѣмъ поясненіями, въ чемъ состоитъ послѣднее слово педагогики.

Нина чувствовала, что въ этомъ направленіи можно было найти полезное дѣло, но пробраться къ нему ей хотѣлось тихонько, незамѣтно, не возбуждая ничьего вниманія, и Жолнинъ, какъ она надѣялась, поможетъ ей въ этомъ. А вотъ его нѣтъ и нѣтъ.

При воспоминаніи о Жолнинѣ что-то отозвалось непріятнымъ отголоскомъ въ ея сердцѣ. Этотъ Жолнинъ хорошій, милый, но зачѣмъ онъ такъ восхищается ея наружностью, глядитъ на нее такими влюбленными глазами? Мысль объ ухаживаніи, о любви, о замужествѣ была для Нины почти такъ же ненавистна, какъ и мысль о флиртѣ. Она еще не любила...

Начинало смеркаться. Нина встала, сложила работу и, одѣвшись, вышла на улицу, намѣреваясь пройти къ Риттерамъ. Дулъ рѣзкій вѣтеръ; острый снѣгъ билъ прямо въ

лицо. Нина плотнѣе засунула руки въ муфту, нагнула голову и быстро шла, поворачивая изъ улицы въ улицу. Вдругъ, какіе-то крики послышались впереди нея и заставили ее остановиться въ нерѣшительности. Ей предстояло пройти мимо трактира низшаго разряда, посѣщаемаго исключительно фабричными, мастеровыми, солдатами. И вотъ, теперь она разглядѣла издали, что изъ трактира вышла толпа мужчинъ, остановилась на троттуарѣ и на улицѣ, что-то кричитъ, чѣмъ-то волнуется. Пройти другой стороной улицы было невозможно; тамъ осенью еще сломали старый каменный домъ и загородили большое пространство.

Дѣвушка хотѣла уже вернуться домой, когда какой-то хорошо одѣтый и совершенно незнакомый ей человѣкъ, нагнавшій ее въ это время, обратился вдругъ къ ней съ вопросомъ:

— Извините меня; вы, кажется, боитесь продолжать вашъ путь изъ-за нихъ.

Онъ кивнулъ головой въ сторону шумѣвшей толпы.

— Да, боюсь...

— Не позволите-ли сопутствовать вамъ?

Она все еще колебалась.

— Можетъ быть... лучше не идти?

— Со мной не бойтесь.

Тогда она молча взяла незнакомца подъ руку, и они пошли. Но робость все больше и больше охватывала ее и Нина крѣпче прижималась къ сильной рукѣ спутника, чувствуя, что сердце ея бьется.

— Ну-ка, пропустите,—спокойнымъ, но громкимъ голосомъ окликнулъ незнакомецъ двухъ пьяныхъ, которые загородили троттуаръ. Тѣ оглянулись и дали дорогу. Но впереди оказалась новая преграда. Прямо на троттуарѣ стоялъ совершенно пьяный мастеровой, который размахивалъ руками и все пытался затянуть какую-то пѣсню, но безпрестанно сбивался и икалъ.

— Эй, товарищъ, посторонись-ка, другъ,—крикнулъ спутникъ Нины и, не уменьшая шага, пошелъ прямо на пѣвца.

— Го-осподинъ!—горланилъ пьяный,—потому мы нонѣ Гаврюшку проздравляемъ...

— А, это хорошо,—сказалъ незнакомецъ,—ну-ка, посторонись...

— О... съ нашимъ удовольствіемъ, господинъ хорошій... Потому, какъ мы завсегда...

И онъ съ почтеніемъ снялъ картузъ, но не удержался на ногахъ и грузно сѣлъ въ снѣгъ.

А Нина и ея спутникъ уже были около калитки дома Риттера. Дѣвушка поблагодарила незнакомца. Онъ молча и

вѣжливо поклонился и пошелъ дальше, все такой же спокойный и невозмутимый.

XVI.

Нина отворила входную дверь, раздѣлась въ прихожей и направилась черезъ темный залъ въ освѣщенную гостиную, откуда ей слышался смѣхъ сестры. Но лишь только дѣвушка подошла къ двери, какъ сейчасъ же отступила назадъ и, не помня себя, почти бѣгомъ бросилась въ заднія комнаты. Ей было страшно, и стыдно, и горько. То, что она увидала, подтверждало ея смутныя подозрѣнія, зародившіяся въ ней съ нѣкоторыхъ поръ. На диванѣ гостиной сидѣлъ за разглядываніемъ фотографическаго альбома этотъ противный, еще безусый, но корчащій изъ себя какого-то ученаго педанта, сыплющій „альтернативами“, „субстанціями“, „ингредіентами“ подпрапорщикъ Кравчинъ, а Муза смѣялась глупымъ смѣхомъ, обнявъ его за шею и цѣлуя въ щеку.

Должно быть, Нину замѣтили. Дѣвушка услыхала легкій крикъ за собой, потомъ различила слухомъ, что противный ей подпрапорщикъ ушелъ. А немного спустя въ спальную, гдѣ лежала, уткнувъ голову въ подушки, Нина, вошла Муза.

— Ты что, Ниночка?—притворно развязнымъ голосомъ начала она.

Нина не отозвалась. Если бы она сказала въ эту минуту хоть слово, то разрыдалась бы.

— Послушай,—продолжала Муза,—такъ нельзя. Что ты?.. Скажи же, наконецъ...

Дѣвушка сдѣлала надъ собой усиліе и поднялась. Ей было стыдно взглянуть на сестру, страшно выговорить слово.

— Муза,—прошептала она и заплакала,—какъ ты... могла?.. Господи!.. да что же это?..

Муза сѣла около нея на постели.

— Да что же тутъ такого?.. И, во-первыхъ, подсматривать, это...

Нина сразу перестала плакать.

— Подсматривать?.. Нѣтъ, я не подсматривала... И потомъ... Тебѣ только это важно?.. А то, что ты...

— Да что же я?.. Это просто несносно...

— Мнѣ стыдно и говорить... Бѣдный Риттеръ!..

— Нина, ты меня, кажется, мѣшаешь съ грязью.

— Не я тебя, ты сама себя грязнишь... По твоему это ничего... цѣловаться?.. И съ такой дрянью...

Муза притворно расхохоталась.

— Такъ вотъ что!.. ха, ха, ха!.. Ахъ, ты смѣшная дѣвочка!..

Нина строго и немного удивлённо глядѣла на сестру.

— Что тутъ смѣшного?

— Но вѣдь онъ же ребенокъ... Развѣ это мужчина?

— Ты, кажется, и меня принимаешь за ребенка?..

Тогда Муза перемѣнила тонъ и начала плакать. О, какъ ей обидны всѣ эти подозрѣнія!.. И развѣ можно хоть на минуту допустить, что она измѣнитъ своему милому, милому Котику? Она такъ любитъ Котика, она такъ вѣрна ему. А этотъ противный юнкеръ... Да это просто невинная забава.

Она разливалась слезами. И Нина, глядя на нее, тоже плакала. Потомъ онѣ начали обниматься, душить другъ друга поцѣлуями и плакали такъ, что глаза у нихъ распухли.

— Слушай, Муза,—торжественно проговорила, наконецъ, младшая сестра;—дай мнѣ клятву, что ты на порогъ не пустишь... этого... юнкеришку...

О, Муза охотно дастъ эту клятву. Она, Муза, и сама видитъ, что поступила немного легкомысленно. Но пусть Нина не сомнѣвается... И опять онѣ плакали, цѣловались и обнимались.

Когда Нина ложилась въ ту ночь спать, въ головѣ у нея были горделивыя мысли. Она будетъ опорой, руководительницей сестры. Муза вѣтрена, легкомысленна. Ее надо держать въ рукахъ, и Нина будетъ ее крѣпко, крѣпко держать, будетъ ея матерью, не смотря на то, что та старше ея...

Нина и не предполагала, что сестра тотчасъ послѣ клятвы и слезъ умиленія пошла на квартиру подпрапорщика, сдѣлала ему сцену, а потомъ цѣловалась и съ нимъ, все въ тѣхъ же порывахъ умиленія, и называла его цыпленочкомъ...

На другой день, только что Алферовъ ушелъ послѣ завтрака въ банкъ, а Серафима Сергѣевна поѣхала въ гости, явился Жолнинъ. Нина радостно бросилась ему навстрѣчу, но онъ вошелъ съ такимъ удрученнымъ видомъ, что она испугалась.

— Что вы? Нездоровится?

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Хуже.

— Да что такое? Говорите.

— Не спрашивайте лучше... По настоящему мнѣ не слѣдовало бы и на глаза къ вамъ показываться...

У него было такое огорченное лицо, что Нина чуть не заплакала.

— Да разскажите же, что съ вами случилось?

И онъ разсказалъ. Онъ—неслыханно слабый человѣкъ; онъ безсиленъ, какъ самое жалкое безсиліе. Какъ онъ про-

велъ эти дни? Въ кутежѣ, въ безобразіи. Онъ велъ себя, какъ послѣдній пропойца.

— За дѣломъ вернулся я на родину!..—съ горькой ироніей по собственному адресу закончилъ онъ.

Нина печально вздохнула.

— И часто вы... такъ?

— О, нѣтъ... Я вовсе не любитель кутежей; даже напротивъ... Но это-то и ужасно: даже безъ сильной склонности... И всетаки не устоишь. Найдетъ такая полоса. Завѣтныя убѣжденія падаютъ, воля слабѣетъ, человѣкъ подчиняется низменнымъ желаніямъ...

Нинѣ было ужасно грустно за него.

— И что пріятнаго въ этомъ пьянствѣ?—печально спросила она.

— Кромѣ отвращенія, ничего нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же, я не пойму, допускаете вы себя до этого?

Онъ безнадежно махнулъ рукой и зашагалъ по комнатѣ.

— На это не можетъ быть отвѣта... Потянетъ вдругъ въ болото и... идешь...

— Ахъ, какой вы!—грустно упрекнула Нина, и этотъ упрекъ болѣзненно отозвался въ сердцѣ Жолнина.

— Вамъ противно глядѣть на меня,—сказалъ онъ,—и вы правы. И нѣтъ мнѣ оправданія.

Ей стало жаль его. Она ласково взяла его за руку и посадила около себя.

— Ну, не корите себя такъ. Это было и прошло, и больше не будетъ. Правда? Вы все же хорошій человѣкъ. Вы стремитесь къ лучшему...

Жолнинъ съ жаромъ цѣловалъ ея руки; эти ободряющія слова были для него цѣлебнымъ бальзамомъ.

— Дорогой вы мнѣ человѣкъ,—сказалъ онъ,—какъ вы умѣете утѣшить однимъ словомъ, однимъ ласковымъ взглядомъ...

XVII.

И онъ понемногу пересталъ сокрушаться о своемъ паденіи. Въ немъ опять происходила реакція. Все, что было тамъ, въ городѣ, все это—страшный, тяжелый сонъ. Надо забыть про этотъ сонъ и стараться, чтобы онъ не повторялся...

На ближней колокольнѣ ударили къ вечернѣ. Жолнинъ вдругъ задумался, вздохнулъ всей грудью и позабылъ на мгновеніе, гдѣ онъ и что съ нимъ.

— Странное у меня всегда чувство, когда я слышу коло-

колъ,—сказалъ онъ, отрываясь отъ задумчивости.—Любите вы звукъ колокола?

— Да... ничего...

— А я такъ самъ не свой. Что-то отзовется сейчасъ въ сердцѣ, какая-то тоска сладкая, грусть; сердце куда-то рвется...

И онъ опять замолчалъ, задумавшись, позабывъ о собесѣдницѣ.

— Слушайте,—началъ онъ, будто рѣшившись на что-то,—я хочу вамъ сказать кое-что. Вы меня поймете, какъ не пойметъ никто.

— Говорите, я слушаю.

— Это я только вамъ разскажу, а больше никому. Вы не станете думать, будто я рисуюсь. Видите что. Я только что каялся передъ вами, говорилъ, что ничего не стою. И это, положимъ, правда. Но неправда, будто я ужъ не могу жаждать всѣмъ сердцемъ правды и свѣта. Я хочу ихъ и стремлюсь къ нимъ. Какая-нибудь букашка очень мала и ничтожна, но ничтожность ея не мѣшаетъ ей нуждаться въ солнцѣ, искать свѣта. Вѣдь такъ?

— Конечно, такъ.

— Вотъ и я,—нравственная букашка, ищу солнца.

— Не унижайте себя.

— Ахъ, другъ вы мой, я не унижаю себя; я говорю то, что чувствую. И мнѣ кажется, что каждый человѣкъ долженъ такъ же чувствовать себя.

— Изъ излишней скромности?

— Нѣтъ, вы меня не такъ понимаете. Это не скромность, это сознаніе своего ничтожества. И человѣкъ до тѣхъ поръ человѣкъ, пока сознаетъ свое нравственное ничтожество... про себя, въ глубинѣ души... Перестаетъ сознавать и сейчасъ же обращается въ толстокожую скотину... Такъ вѣдь?

Нина задумчиво пожала плечами.

— Навѣрное, такъ,—продолжалъ Жолнинъ,—иначе и быть не можетъ. Вѣдь человѣкъ же ничтоженъ, это несомнѣнно. И пока у него не уснули разумъ и совѣсть, до тѣхъ поръ онъ сознаетъ это. И пока сознаетъ это, до тѣхъ поръ и тоскуетъ по правдѣ, жаждетъ идеала, порывается къ свѣту. Это все такъ вѣдь не похоже на то, что вызывается его нравственной ничтожностью, на приказы тѣла, на злобу, ненависть, зависть, корысть, преступленія. Поняли вы меня?

— Кажется, да...

— Ну, и у меня, къ счастію, не глохнутъ стремленія къ свѣту и истинѣ. Во мнѣ сильна жажда правды, и это утѣшаетъ меня. Значитъ, я еще человѣкъ. Вотъ, и вы дороги мнѣ тѣмъ, что ищете того же, что ищу и я,—правды и правды.

Нина грустно вздохнула.

— Да, но какъ найти ее?

— Не знаю, въ силахъ ли я указать ее... Я могу только искать ее вмѣстѣ съ вами... Послушайте, какой у меня бываетъ часто сонъ. Снится, какъ всегда, безсвязно, такъ что, если передать сонъ цѣликомъ, выйдетъ нелѣпость. Но сонъ повторяется часто, и я чувствую эту картину, которую онъ рисуетъ, и уже на яву придаю ему форму... Я вижу себя стоящимъ гдѣ-то вотъ въ такія, какъ сейчасъ, печальные, молчаливые сумерки. Небо сѣрое и все кругомъ такое сѣрое, однообразное, печальное. И на душѣ у меня не то, что печаль, а какое-то мертвящее затишье; будто въ могилѣ я, будто нечего ждать мнѣ впереди, не о чемъ вспоминать въ прошломъ. Я хочу чѣмъ-нибудь занять свой умъ, а сѣрые однообразные тона такъ и не могутъ выйти изъ памяти. И, наконецъ, мнѣ становится нестерпимо. Я бѣжать хочу изъ этихъ сумерекъ; они давятъ меня, мнѣ дышать нечѣмъ, какъ будто самый воздухъ въ этихъ сѣрыхъ тонахъ потерялъ свою живительность. И вотъ, я не то, что вижу, а будто почувствовалъ, какъ что-то сверкнуло радостно, чудесно. И самъ я не знаю, что это; звѣзда-ли покатилась, или вспыхнуло на мгновеніе солнце. Я не знаю, что это, но на одинъ краткій мигъ въ душѣ моей озарилась картина, будто на небѣ радостное, ясное утро Свѣтлаго праздника, будто слышны вдали колокола, и солнце горитъ, и нѣтъ печали нигдѣ, и всѣ скорби ушли, одна радость кругомъ и любовь... Понятно-ли вамъ?

Нина молча кивнула головой.

— Сны—отраженіе того, чѣмъ занятъ мозгъ на яву,— продолжалъ Жолнинъ.—И этотъ сонъ отраженіе моихъ ощущеній... И вотъ я раскрываю вамъ мою душу. Узнайте меня ближе. Я и на яву вотъ такъ же томлюсь пошлостью этой скучной дѣйствительности. Но на яву она еще хуже; она сопровождается печалями, ужасами. И вы увидите эту пошлость, этотъ ужасъ. И я не сожалѣю о васъ. Когда увидите и ужаснетесь, тогда буду знать, что вы не уснули душой. Только пошлый человѣкъ равнодушенъ къ пошлости... Я бы плакалъ, если бы вы заснули духомъ...

Нина слушала его напряженно и жадно.

— Да, И я не сплю. Пусть я ничтоженъ, полонъ слабостей, я все же не сплю, и жива душа моя. Я вѣчно ищу пути къ той лучезарной звѣздѣ, которая озаряетъ сумерки моего духа. Я не знаю, гдѣ она. Она за темными лѣсами, за синими морями, какъ говорятъ въ сказкахъ. Я и пути еще не знаю, но я вѣрю, что найду путь, найду и звѣзду. Она ярко горитъ въ моей душѣ и манитъ меня. Пойдемте къ ней...

— Пойдемте,—прошептала Нина.

Жолнинъ по своему обыкновенію уже бѣгалъ по комнатѣ большими шагами, жестикулируя, теребя себя за бороду и ероша волоса.

— А здѣсь кругомъ одинъ только сѣрый, томящій душу полумракъ, здѣсь горе, злоба, насилія, развратъ. И я касаюсь устами чаши отравленнаго напитка пошлости, и я одинъ изъ многихъ и многихъ. Но, если бы не блескъ моей лучезарной звѣзды, я задохнулся бы, я не сталъ бы и жить... Гдѣ же путь? Сказать вамъ?

— Говорите, говорите.

— Я скажу не новость. Онъ указанъ давно, да забыли о немъ. Къ тому же не всякій и мечтаетъ о звѣздѣ правды. Это путь неустанной любовной дѣятельности на пользу людей. Полюбить людей всѣхъ вмѣстѣ, каждаго порознь. Признать себя ниже всѣхъ, всѣмъ слугой. Повѣрить въ то, что люди хороши, и полюбить каждаго, кто на твоей дорогѣ, каждому, кто ни попадется, дѣлать добро, одно добро. И ничего не бояться... Поняли вы меня?

— О, да, поняла, поняла... но научите, какъ идти этимъ путемъ, какъ сдѣлать первые шаги?

Она подошла къ Жолнину, съ мольбой взяла его руку и глядѣла на него восторженными глазами.

— Охъ, не знаю, не знаю,—отвѣтилъ онъ со вздохомъ,—я знаю путь, но не знаю, какъ идти по немъ. Это не легко идти по немъ, а человѣкъ слабъ и ничтоженъ. Кто поможетъ мнѣ найти волю и крѣпость духа? Кто пойдетъ со мной рядомъ, раздѣлитъ со мной скорби и радости, поддержитъ меня, когда я стану слабѣть?

— Я,—восторженно сказала Нина.

— Вы?.. Зачѣмъ вы сказали это?.. Я закружилъ вашу милую головку моей восторженной рѣчью. Я сегодня какой-то восторженный... Нѣтъ, вы сказали неосторожное слово, а я не буду ловить васъ на немъ. Чтобы идти вмѣстѣ, надо стать намъ еще ближе другъ къ другу...

Нина вспыхнула.

— Зачѣмъ вы это? не нужно,—прошептала она огорченно.

— Простите меня. Но я люблю васъ всѣмъ сердцемъ моимъ; въ васъ моя надежда на счастье. Я хочу вѣрить, что найду еще ваше сердце. Неправда-ли, можно мнѣ надѣяться, хотя бы въ далекомъ будущемъ?

Нина отвернулась и что-то обдумывала.

— Слушайте,—рѣшительнымъ тономъ сказала она,—я еще и не мечтала о любви. Мнѣ и думать о ней непріятно... Но... обѣщаю вамъ: если вздумаю идти замужъ, то... выберу васъ...

Онъ бросился цѣловать ея руки.

— Спасибо вамъ, спасибо... Вы, я знаю, еще не просну-

лись для любви, но я буду сторожить ваше пробужденье. Въ васъ моя надежда на личное счастье...

— Ну, будетъ объ этомъ,—рѣшительнымъ голосомъ прервала дѣвушка,—не люблю разговоровъ о нѣжныхъ чувствахъ... Да и мама вонъ идетъ...

Серафима Сергѣевна вошла недовольная, разстроенная. Бѣлинъ уѣхалъ, исправникъ нездоровъ, предположенный на сегодня винтъ не состоялся.

— Какіе нынче люди пошли,—ворчливо выговаривала она Жолнину,—ну, что вы за человѣкъ, спросить васъ?

— Я? я прелестный человѣкъ.

— Ахъ, оставьте... Я не шутя говорю вамъ, по праву друга вашей покойной мамы и по праву старшинства. Нельзя все думать только о себѣ. Что это за эгоизмъ? Вы носитесь гдѣ-то за облаками, а не думаете о томъ, что вы членъ обобщества и должны давать что-нибудь обществу...

— Но... что же?—нѣсколько растерялся Жолнинъ,

— Что? Это мнѣ нравится!.. Въ обществѣ бывать, надо умѣть танцовать. Вы танцуете?.. Надо умѣть въ карты играть. Вы играете?.. Вотъ то-то и оно... Сами видите!..

XVIII.

Подошли и прошли Святки. Жолнинъ бывалъ постояннымъ гостемъ Алферовыхъ, не замѣчая того, что старики становятся къ нему непривѣтливы. Серафима Сергѣевна приписывала вліянію Жолнина тѣ странности, которыя проявлялись въ ея дочери. Нина отдалилась отъ прежняго круга знакомыхъ, завела новыя знакомства, которыя мать ни въ какомъ случаѣ не одобряла. Между служащими банка было нѣсколько мелкихъ семейныхъ чиновниковъ, и вотъ въ этихъ-то семьяхъ Нина, къ негодованію матери, стала бывать часто. Потомъ до Алферовой дошли слухи, что дочь ея бываетъ въ семьѣ какого-то мѣщанина. Затѣмъ дѣвушка провела цѣлую ночь у захворавшей жены башмачника Колобова.

— Это какая-то экзальтація, — въ ужасѣ думала Серафима Сергѣевна.

Она пробовала серьезно поговорить съ дочерью, указывала ей, что хотя сострадательность и хорошее дѣло само по себѣ, но что всему есть границы. Дочь слушала эти разсужденія и ничего не возражала. Нина уже привыкла къ тому, что не найдетъ въ сердцѣ матери отголоска на велѣнія своего сердца. Мать слишкомъ погрязла въ праздной уѣздной жизни, заглохла сердцемъ и отдалилась отъ дочери.

Къ отцу Нина была ближе, но старикъ, всегда занятый своимъ дѣломъ, рѣдко находилъ минутку поговорить съ ней. Обыкновенно бесѣды ихъ заключались въ томъ, что Нина садилась къ нему на колѣни, ласкала руками его морщинистыя щеки и требовала у него денегъ. Андрей Ѳедоровичъ, счастливый отъ этихъ ласкъ, притворно сердился и бранилъ дѣвушку.

— Ты съ нѣкоторыхъ поръ мотовкой стала. Прежде, бывало, дашь двадцать рублей и этого на мѣсяцъ хваталю, а теперь за два мѣсяца ужъ двѣсти рублей перебрала...

А она закрывала его ротъ поцѣлуями и шептала:

— Молчи, папочка, молчи; мнѣ много надо...

Однажды она предложила пріѣхавшему Жолнину пройтись къ Риттерамъ. Стоялъ погожій вечеръ съ мягкимъ, уже пріобрѣтающимъ весенній запахъ воздухомъ. Нина взяла спутника подъ руку, и онъ былъ счастливъ, чувствуя близость дѣвушки.

— Если бы всю жизнь пройти съ вами рука объ руку,— прошепталъ онъ.

Она помолчала и потомъ задумчиво проговорила:

— Можетъ такъ и будетъ.

— Неужели вы такъ думаете?

— Отчего бы нѣтъ?

— О, это было бы слишкомъ большое счастіе.

— Погодите, не торопите меня... У меня, я знаю, нѣтъ еще того чувства, которое вамъ надо, но... подождите, будьте терпѣливы...

— Я буду ждать, сколько вы скажете... Я... вы не повѣрите, какъ я счастливъ уже одной надеждой...

А Нина крѣпче прижалась къ его рукѣ и проговорила съ чувствомъ:

— Вы столько для меня сдѣлали...

Какой-то бѣдно одѣтый мальчикъ лѣтъ девяти остановился вдругъ передъ ними и протянулъ свою жалкую иззябшую рученку.

— Милостыньку, Христа-а ради...

Жолнинъ остановился и полѣзъ въ карманъ.

— Кто ты, дитя, чей?—спросила Нина, нагибаясь къ мальчику.

Ребенокъ не сразу отвѣтилъ. Онъ продолжалъ тянуть свою жалобную ноту, протягивая ладонь. Ему не кричали: „поди прочь“, значитъ, надо было ожидать копеечки.

— Чей ты?—повторила Нина и положила руку на его плечо.

— Сапожниковъ... Тятька сапожникъ, въ Слободской.

Жолнинъ протянулъ было къ нему монету, но Нина взглянула на него и сказала:

— Пойдемте туда... къ нимъ.

— Но... удобно ли это?—смутился Жолнинъ.

— Почему-же... неудобно?..—сказала она мягко, продолжая все такъ-же глядѣть на него.

— Пойдемъ,—покорно сказалъ Жолнинъ.

Смущенный въ началѣ мальчикъ вскорѣ ободрился и, указывая дорогу, разсказалъ, что тятька снялъ въ Слободской квартиру и занимался починкой сапогъ. Но потомъ захворалъ, долго лежалъ въ больницѣ и теперь сидитъ безъ работы и безъ денегъ. А мамка опять запила и пятый день не показывается домой. Питаются они съ тятькой и съ сестрой тѣмъ, что насбираетъ онъ, Терешка, а хозяйкина сестра, вѣкоуша Арина, приходитъ за печью доглядѣть, сварить иной разъ чего-нибудь...

— Дровецъ вотъ у насъ нѣтъ теперича,—добавилъ ребенокъ тономъ взрослаго человѣка, претерпѣвшаго много горя, но не падающаго духомъ.

Они подошли къ небольшому, покосившемуся домику, пробрались черезъ залитый помоями дворикъ въ темныя сѣни и вошли въ заднюю горницу, маленькую, грязную, освѣщенную крошечной жестяной лампой. Около лампы сидѣлъ въ черномъ кожаномъ фартукѣ съ обручемъ изъ кожи на головѣ худой, болѣзненнаго вида человѣкъ лѣтъ сорока и наставлялъ подметку на старый, страшно затасканный сапогъ. Въ первую минуту Нина чуть не потеряла сознанія отъ ужасающаго воздуха комнаты. Это была смѣсь чего-то кислаго и гнилого, прѣющаго.

Рыжеватый сапожникъ поднялъ на вошедшихъ тупые, вялые глаза, потомъ всталъ и снялъ съ головы ремешокъ.

— Вонъ, господа пришли,—заговорилъ Терешка,—вонъ приказали: веди, баютъ, къ тятькѣ...

Если Терешка чувствовалъ себя нѣсколько неловко, то Жолнинъ совсѣмъ оробѣлъ и не зналъ, какъ приступить къ дѣлу.

— Здравствуйте, — пробормоталъ онъ, — вотъ въ чемъ дѣло: мальчика жаль... Чему доброму научится онъ, ходя за подаяніемъ?..

— Наше, господинъ, дѣло такое...—спокойно отвѣтилъ сапожникъ.

— Вотъ я бы, знаете, то есть вотъ мы бы съ... барышней хотѣли бы... помочь вамъ...

Сапожникъ только поклонился, встряхнувъ волосами. Нина, которая успѣла розыскать на печи хорошенькую черноглазую дѣвочку лѣтъ двѣнадцати и узнать, что она Дуня и сестра Терешки, подошла къ Жолнину на выручку. Она сразу устроила такъ, что всѣ расѣлись по лавкамъ, а сапожникъ

повѣдалъ свою исторію. Онъ—крестьянинъ, зовутъ его Антипомъ Митинымъ. Сводные братья выгнали его изъ дому, завладѣли всѣмъ имуществомъ и знать его не хотятъ. „У тебя, говорятъ они, рукомесло есть, ты прокормишься, а намъ съ ребятишками жрать нечего". Судился съ ними, а потомъ взялъ да и перебрался въ городъ.

— Кабы къ мѣщнскому обчеству приписаться, господинъ хорошій, оно бы все ничего.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А міръ не пущаетъ. У тебя, говоритъ, земли три души. А какая земля, коли братья всѣмъ завладѣли?

— Такъ вы бы въ судъ.

— Судились мы, да что толку. Судъ присудитъ, а брательникъ меньшой возьметъ топоръ: изрублю, кричитъ. Человѣкъ военный, храбрый человѣкъ. А я смиренъ. Сурьезничать не люблю. Взялъ да ушелъ. Что штурму-то заводить?..

— Ну, а міръ?

— Міръ, господинъ хорошій, великъ человѣкъ... Брательники выставили полведра вина, вотъ и правы...

— Такъ просите, чтобы отпустили васъ въ мѣщане.

— А здѣсь опять, скажемъ такъ, вина надоть. А я гдѣ возьму?..

Потомъ онъ и про жену разсказалъ, и его безстрастное, вялое лицо изобразило печаль. Оказалось, что жена его всѣмъ бы взяла, если бы не было въ ней порчи. А испортила ее мачиха. Стала наталкивать ее на нехорошія дѣла со свекоромъ и дѣлала это для того, чтобы сынъ пошелъ на отца, да чтобы отецъ разсердился и лишилъ его имѣнія въ пользу младшихъ дѣтей отъ второй жены. Сноха горевала, противилась, а тамъ выпивать стала.

— Ину пору годъ крѣпится, а тамъ и запьетъ. А баба хорошая, всѣмъ бы взяла. Ужъ училъ я ее, училъ, и-и Господи! нѣтъ, не помогаетъ...

Комната, между тѣмъ, стала понемножку наполняться женщинами-сосѣдками. Слухъ о томъ, что къ рыжему сапожнику пришли какіе-то господа, облетѣла улицу. Нина оглянулась и съ нѣкоторою робостью замѣтила, что съ десятокъ глазъ жадно, въ упоръ, съ какимъ-то хищнымъ выраженіемъ оглядывалъ ее съ головы до ногъ. Все это были сосѣдки Антипа Митина, женщины, не оставлявшія его, помогавшія ему управляться по хозяйству, пока жена пропадала, дѣлившіяся съ нимъ и съ его дѣтьми скудными своими достатками. Но теперь, зачуявъ, что господа пришли помочь Антипу, эти женщины чувствовали зависть и недоброжелательство. Маленькая, совершенно согнутая въ поясницѣ стару-

шка съ бойкими, хитрыми глазками выступила впередъ и сдѣлала видъ, что кланяется Жолнину до земли.

— Ужъ такая то ли бѣда, баринъ милый,—начала она нараспѣвъ,—такая бѣда, что и разсказать невозможно. А человѣкъ хорошій, тверезый мужикъ, смиренникъ... Ужъ помогите, баринъ милый, барышня красавица, Господь вамъ воздастъ: родителямъ вашимъ пошлетъ царствіе небесное, а дѣтки будутъ,—счастье подастъ... Ужъ не оставьте, пожертвуйте отъ достатковъ вашихъ...

Послѣ краткаго, но мучительнаго совѣщанія было рѣшено, что дѣвочку отдадутъ ученицей въ семью Клейновъ, гдѣ была швейная мастерская, а Терешку опредѣлятъ въ школу. Затѣмъ Жолнинъ неловко, стыдливо сунулъ въ руку Антипа нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Вотъ,—пробормоталъ онъ,—оправьтесь... заведите мастерскую...

Какъ только онъ проговорилъ это,—головы пришедшихъ женщинъ, какъ по командѣ, одновременно вытянулись впередъ съ жаднымъ, дикимъ любопытствомъ. Антипъ тоже прежде всего открылъ ладонь и поглядѣлъ. Видъ денегъ ослѣпилъ его. Онъ даже не нашелся, что сдѣлать, что сказать. Онъ только крѣпче зажалъ въ кулакъ золото и растерянно тупо оглядѣлся кругомъ. Въ толпѣ женщинъ послышался шопотъ и охи. А маленькая старушка, какъ режиссеръ въ труппѣ, уже распоряжалась:

— Ручку цѣлуй у барина, цѣлуй, глупый, у благодѣтеля...

Антипъ съ какой-то внезапной рѣшимостью тряхнулъ вдругъ головой, перекрестился на образъ и затѣмъ бухнулся въ ноги Жолнину.

Но для послѣдняго все это становилось уже черезчуръ мучительно. Наскоро кивнувъ головой окружающимъ, онъ, какъ виноватый, поспѣшилъ къ выходу. Нина послѣдовала за нимъ, разслышавъ при этомъ у себя за спиной два—три возгласа:

— Много деньжищъ-то, не знаютъ куда дѣвать...

— Извѣстно, господа балуютъ...

А какая-то изъ женщинъ отважилась даже на прямую насмѣшку:

— Милая барышня, и намъ бы пожертвовали на семечки.

XIX.

Жолнинъ и Нина почти бѣжали по Слободской улицѣ и замедлили шаги, лишь когда свернули за уголъ послѣдняго дома. Имъ все казалось, что этотъ десятокъ недоброжелательныхъ, завистливыхъ глазъ преслѣдуетъ ихъ

Жолнинъ взглянулъ, наконецъ, на спутницу и, переводя духъ, проговорилъ:

— Что, стыдно?

Нина съ укоромъ подняла на него глаза.

— Да, стыдно.

— Дикость-то какая, некультурность...

— Мы черезчуръ отчуждены отъ нихъ.

— Нѣтъ, тутъ главное ихъ некультурность. И, правду сказать, несимпатичный народецъ! Вѣдь, въ сущности, они насъ презираютъ за это наше посѣщеніе. Эхъ, зачѣмъ я послушался? Не надо было водить васъ туда...

Нина опять удивленно и пытливо взглянула на него.

— Вы ли это говорите? Тому ли вы сами меня учили? Вѣдь мы же виноваты передъ ними... Мы богаты, они бѣдны. И мы, богатые, такъ далеки отъ нихъ, такъ чуждаемся ихъ...

Жолнинъ съ минуту думалъ и потомъ весь встрепенулся.

— Ахъ, вы правы, вы правы... И какъ это я могъ? Вы много лучше, умнѣе меня. Да, да, конечно, это мы виноваты, а не эти... женщины. Мы все еще относимся свысока, помогаемъ случайно, обидно, неумѣло... Да, вы правы!.. Надо еще учиться помогать...

Нина облегченно вздохнула и взяла его подъ руку.

— Будемъ учиться. Это ничего, что сегодня было... стыдно.

— И вотъ, что еще,—продолжалъ Жолнинъ, увлекаясь, по обычаю, своими мыслями,—замѣтьте: вѣдь всѣ эти завистливыя, злобныя женщины навѣрное сами дѣлились съ Антипомъ послѣднимъ, что у нихъ было. Тогда у нихъ, значитъ, были лучшія чувства, онѣ были добры, сострадательны. А вотъ внезапное появленіе людей богатыхъ, обыкновенно считаемыхъ высшими, пренебрегающихъ ими, пробудило въ нихъ дурныя чувства. Да, мы слишкомъ жестки, мы черезчуръ далеки отъ нихъ. И это у нихъ вѣковая злоба голоднаго къ сытому и довольному своей сытостью... Отрѣшиться надо отъ этого довольства, устыдиться этого безразличія... И мы будемъ помогать въ этомъ другъ другу...

Нина уже опять глядѣла на него восхищеннымъ взоромъ.

— Да, милый, да.

Онъ не разслышалъ ея ласки и съ жаромъ продолжалъ:

— Надо добиться примиренія съ этими обездоленными... Ну, что-жъ? Ничего, что па первый разъ вышло не такъ.. Не надо падать духомъ...

Жолнинъ сразу остановился. Нина крѣпко прижималась къ его рукѣ. Въ ея глазахъ, поднятыхъ къ нему, было какое-то особенное выраженіе.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, пораженный и взволнованный этимъ взглядомъ.

А она прижалась къ нему еще крѣпче и, опустивъ голову, тихо заплакала.

— И я... я... усомнилась было... Нѣтъ, я вѣрю опять... Ты мой учитель, ты одинъ выведешь меня на дорогу...

— Нина, дорогая... я просто...

Она разсмѣялась сквозь слезы и потащила его за рукавъ впередъ.

— Глупый, идемъ... У Риттеровъ сейчасъ чай. Проведемъ вечеръ вмѣстѣ. Незачѣмъ пропускать этотъ случай...

Никогда, ни раньше, ни позже не чувствовалъ себя Жолнинъ такимъ счастливымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Даже Риттеръ замѣтилъ его блаженство.

— Вы точно на другой планетѣ,—сказала ему Муза Андреевна, когда онъ, принимая стаканъ чая изъ ея рукъ, почему-то передалъ его черезъ плечо проходившей въ это время служанкѣ, а самъ глядѣлъ на Нину радостными до безсмыслія глазами.

А Нина то задумывалась, то становилась весела и шаловлива, какъ подростокъ. Она дразнила Риттера и смѣялась, что онъ не выговариваетъ буквы р.

— Что-то необычное въ насъ,—сказалъ Риттеръ, хитро поглядывая на свояченицу,—я нѣчто подозрѣваю...

— Вѣдь не умѣешь говорить, не умѣешь,—отпарировала Нина,—а еще гусаръ!..

Послѣ чая Жолнинъ, улучивъ минуту, подошелъ къ ней:

— Вѣдь, не правда ли, это не шутка была надо мной?—умоляюще сказалъ онъ, робко заглядывая въ глаза дѣвушки.

Она поглядѣла на него глазами, полными слезъ.

— Ты мнѣ братъ, дорогой братъ... Но ты хочешь иного... пусть будетъ по твоему... Я не могу отвернуться отъ тебя...

Это были лучшіе дни въ жизни Жолнина. Какое-то опьяненіе, восторгъ овладѣли имъ. Лишь изрѣдка какое-то тревожное чувство начинало отзываться въ глубинѣ его сердца. Тамъ появлялись сомнѣнія, неясныя, неопредѣленныя, но болѣзненныя. Жолнинъ гналъ ихъ прочь и, упоенный нахлынувшимъ счастьемъ, старался не вспоминать о нихъ.

Онъ чаще прежняго бывалъ теперь въ городѣ и видался съ Ниной, но дѣвушка почему-то не позволяла ему открывать ихъ тайну.

— Мнѣ надо подготовить папу и маму,—говорила Нина,—бѣдный ты мой, они что-то имѣютъ противъ тебя...

Жолнинъ безпрекословно подчинялся ея приказу, но тайну его влюбленности не трудно было разгадать. Разсѣянный, всегда отдающійся господствующему въ данную минуту чувству, онъ ни отъ кого бы не могъ скрыть своего увлеченія Ниной.

— Онъ становится даже неприличенъ,—сказала разъ Серафима Сергѣевна,—этакъ нельзя; онъ тебя, Ниночка, попросту съѣсть глазами хочетъ.

— Онъ такой хорошій,—конфузясь, оправдывала жениха Нина.

— И ничего я не вижу въ немъ хорошаго. Мечтатель, фантазеръ, человѣкъ безъ здраваго смысла... Смотри, не вздумай сама влюбиться въ него...

Но дѣвушка знала, что о влюбленности съ ея стороны не можетъ быть рѣчи. Въ тотъ день, когда она была съ Жолнинымъ у Антипа, она поддалась какому-то неопредѣленному чувству; она будто хотѣла вознаградить Жолнина за что-то, за какую-то обиду, и поторопилась сдѣлать это, признавъ его своимъ женихомъ. А теперь она часто съ мукой въ сердцѣ признавалась передъ собой, что поступила опрометчиво и поспѣшно. Она еще не готова была для любви; бракъ страшилъ ее. Она любила Жолнина всѣмъ сердцемъ; готова была бы и обвѣнчаться съ нимъ, но союзъ этотъ представлялся ей чѣмъ-то въ родѣ братства... И она мечтала высказать ему все это, раскрыть свою душу.

— Онъ добрый, чуткій,—думала она,—онъ все пойметъ...

Эта надежда успокаивала ее. Она спокойно засыпала съ этими мыслями. Но при первой же встрѣчѣ съ женихомъ она, видя его горящіе страстью глаза, падала духомъ и не рѣшалась говорить ему о волнующихъ ее мысляхъ...

XX.

Однажды вечеромъ Нина, вернувшись отъ Риттеровъ и простясь съ провожавшимъ ее Жолнинымъ, остановилась на дворѣ передъ дверью дома, оглянулась кругомъ и прислушалась.

Стояла темная и уже теплая весенняя ночь. Воздухъ былъ мягкій и нѣжащій. Черныя тучи висѣли надъ землей; но въ нихъ таился не снѣгъ, а дождь. Былъ конецъ марта.

Снѣга еще держались; приходили порой и морозы, но уже чувствовалось, что весна недалеко. Гдѣ-то глубоко подъ снѣгомъ слышался журчащій ручей, который бѣжалъ по скату къ рѣкѣ Но, главное, этотъ воздухъ, это упоеніе, которое носилось въ немъ...

Нина взялась за ручку двери и опять остановилась. Что то происходили въ ея сердцѣ. Оно вдругъ забилось съ такой силой, что Нина невольно схватилась рукой за грудь. Дѣвушкѣ казалось, что она вотъ-вотъ упадетъ, что ей станетъ дурно. А въ сердцѣ, между тѣмъ, было такое томительное и сладкое чувство. И сама не замѣчая того, она вдругъ заплакала и чувствовала, что слезы эти также ей сладки, какъ та тоска, что поднялась нежданно въ груди. И опять Нина все къ чему-то прислушивалась, будто ждала чего, будто надѣялась на что. Но все было тихо кругомъ; только подснѣжный ручей все журчалъ въ саду, и весенніе сны носились надъ пробуждающейся землей...

Жолнинъ давно уже не видался съ Вырыпаевымъ, упрекалъ себя за это невниманіе къ товарищу, но не могъ лишить себя поѣздокъ къ Алферовымъ и Риттерамъ, гдѣ встрѣчался съ Ниной.

Однажды, войдя къ Риттерамъ, онъ вдругъ встрѣтилъ тамъ Вырыпаева, одѣтаго по визитному въ черную элегантную пару.

— Не откажите сопутствовать мнѣ къ Алферову,—сказалъ онъ потихоньку Жолнину.

— Хотите знакомиться?

— Да, давно пора.

У Алферовыхъ Вырыпаевъ держалъ себя съ большимъ тактомъ и очень понравился обоимъ старикамъ. Андрей Ѳедоровичъ нашелъ въ немъ свѣтлую голову. Серафима Сергѣевна мысленно сравнивала его съ Жолнинымъ къ невыгодѣ послѣдняго. Вырыпаевъ умѣлъ удивительно слушать, соглашался съ мнѣніями хозяйки, былъ такой почтительный, внимательный.

— Вотъ извольте полюбоваться, — говорила Серафима Сергѣевна послѣ ухода гостей,—угадайте, кто изъ нихъ,— Жолнинъ или Вырыпаевъ — стариннаго дворянскаго рода. Этотъ Василій Тимофѣевичъ не скрываетъ, что изъ разночинцевъ, а, глядите,—джентльмэнъ, какъ есть... Ну, а нашъ Иванъ Николаичъ плоховатъ...

Когда во время этого визита вошла Нина, Вырыпаевъ почтительно поклонился ей, не подымая глазъ. Нина удивленно поглядѣла на него.

— А вѣдь мы уже знакомы немножко,—сказала она, подавая гостю руку.

— Какъ такъ?—удивилась мать.

— Я какъ-то зимой шла къ Музѣ, а тутъ, около Ереминыхъ, была цѣлая толпа пьяныхъ. Я растерялась, а Василій Тимофѣевичъ былъ такъ любезенъ, проводилъ меня.

Вырыпаевъ поднялъ на нее свои холодные, свѣтлые глаза.

— Непростительно виноватъ, что не узналъ васъ сразу. Вы были тогда такъ закутаны... Прошу прощенья...

— Знаете,—сказалъ онъ Жолнину, когда они выходили отъ Алферовыхъ на улицу,—эта барышня удивительно располагаетъ къ себѣ. Такая она простая, естественная. У ней навѣрное не должно быть заднихъ мыслей... А это, знаете, рѣдкость...

Весна подходила быстрыми шагами. Морозы давно прекратились; перепадали дожди; воздухъ былъ теплый и парный. Снѣгъ пожелтѣлъ, сталъ зернистый, острый и быстро убывалъ.

Былъ великій постъ. Колокола пѣли монотонными, минорными звуками. Передъ наступающимъ обновленіемъ жизни они звали къ покаянію и очищенію. И въ душѣ Жолнина проснулась вдругъ жажда очищенія. Онъ давно не бывалъ въ церкви и теперь его потянуло туда. Ему хотѣлось обѣлить свою душу, уничтожить слѣды той нравственной порчи, которая, онъ зналъ это, въѣлась въ него. Ему хотѣлось стать достойнымъ Нины, и онъ, ни минуты не задумываясь, не сожалѣя о томъ, обрекъ себя на цѣлую недѣлю разлуки съ невѣстой и посвятилъ эти дни говѣнью.

И это были радостные для него дни. Онъ чувствовалъ, что какъ-то умалился, сталъ опять почти тѣмъ же чистымъ, религіознымъ мальчикомъ, какимъ былъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и радостно, забывая про сонъ и усталость, посѣщалъ всѣ службы въ селѣ Знаменскомъ. Особенно полюбилъ онъ бывать у заутрени. Онъ вставалъ для этого еще до свѣта, бодрый, торжественно и серьезно настроенный и тотчасъ же ѣхалъ на одной лошади въ маленькихъ саночкахъ вдвоемъ съ Ваненкой, который тоже говѣлъ, въ Знаменское, отстоящее отъ Дубковъ версты на четыре.

Востокъ чуть бѣлѣлъ; кругомъ на поляхъ стояли туманы, холодные, влажные. На почернѣвшей дорогѣ ходили грачи. Лѣсъ будто грезилъ сквозь дремоту, уже волнующійся ожиданіемъ весны. А вездѣ подъ снѣгами бѣжала вода.

И вотъ, издали, изъ-за лѣсовъ, окутанныхъ утренней мглой, по густому влажному воздуху чуть доносился первый, словно озябшій, звукъ колокола. Это начинали звонить

къ ранней службѣ. И Жолнинъ погонялъ лошадь, чтобы не опоздать къ началу утрени, чтобы ничего не пропустить изъ того чувства тихаго умиленія, которое наполняло въ церкви его сердце.

Онъ становился въ храмѣ въ темномъ углу праваго придѣла и, не молясь обычными словами молитвъ, будто погружался въ какое-то сладкое забвеніе. Онъ слышалъ все, что читали и пѣли, сливался сердцемъ со смысломъ слышаннаго, но временами позабывалъ, гдѣ онъ. Церковь, еще погруженная въ ночную тьму, чуть озарялась слабымъ мерцаньемъ лампадъ и немногихъ свѣчей.

Воображеніе уносило Жолнина далеко прочь отсюда. Онъ слышалъ, какъ на клиросѣ громко читали „со святыми упокой“, и видѣлъ себя во мракѣ римскихъ катакомбъ, чуть озаренныхъ свѣчами собравшихся христіанъ временъ гоненій. Онъ вмѣстѣ съ толпой молился о погибшихъ наканунѣ въ мученіяхъ; онъ осмысливалъ эту предразсвѣтную молитву и отдавался ей сердцемъ. Ночь, полная скорби, полная мыслей о смерти, оканчивалась; въ послѣдній разъ взывали о прощеніи грѣховъ погибшихъ братьевъ и тихой молитвой встрѣчали наступающій день, который опять, быть можетъ, принесетъ скорби и муки за вѣру...

И здѣсь въ этомъ бѣдномъ храмѣ, здѣсь тоже поминали усопшихъ и прощались съ тьмой, встрѣчая утро и свѣтъ. Лампады блѣднѣли, сквозь запыленныя рѣшетчатыя рамы входили лучи зари. Утреня кончалась.

Когда послѣ обѣдни Жолнинъ возвращался домой, голодный, усталый, но радостный и умиленный, ему казалось, что вся природа радуется вмѣстѣ съ нимъ. Туманы расходились; безоблачное голубое небо глядѣло на землю лаской и тепломъ, и весеннее солнце горѣло такъ привѣтливо. На дорогѣ лужи увеличивались. Вездѣ бѣжали ручьи и изъ-подъ уходящаго снѣга уже глядѣли зеленыя озими, еще сонныя, спутанныя, но уже готовящіяся ожить. А сосны лѣса тихо качали вершинами, будто вспоминая о миновавшихъ печаляхъ зимы...

П. Булыгинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Посадскіе избирательные сходы XVIII столѣтія.

Указанные три типа избирательныхъ сходовъ практиковались одновременно въ различныхъ уголкахъ посадской Россіи XVIII вѣка. Чередованіе этихъ типовъ обусловливалось столкновеніемъ двухъ противоположныхъ взглядовъ на значеніе и назначеніе посадскихъ выборовъ. Одинъ изъ этихъ взглядовъ мы считаемъ возможнымъ назвать *правительственнымъ,* другой—въ противоположность первому—назовемъ *общественнымъ.* Согласно правительственному взгляду, проводникомъ котораго служилъ главный магистратъ, выборы разсматривались, какъ актъ *поручительства* за избираемаго кандидата, какъ выдѣленіе изъ среды посадскаго населенія группы такихъ лицъ, съ которыхъ всегда можно было бы взыскать въ пользу казны нанесенные ей служебными упущеніями выборнаго магистратскаго члена убытки. Это былъ традиціонный, глубоко-архаическій взглядъ на существо выборной службы, взглядъ, завѣщанный XVIII-му столѣтію минувшей эпохой московскаго царства. Съ этой точки зрѣнія избирательный сходъ являлся не органомъ выраженія коллективной воли посадской общины, а лишь мѣстомъ собранія отдѣльныхъ группъ рукоприкладчиковъ-поручителей. Отъ избирательнаго схода не требовалось непремѣнно одного общаго приговора, и когда на немъ выдѣлялось нѣсколько порукъ по разнымъ кандидатамъ, рѣшеніе принадлежало органу центральнаго управленія, при чемъ обыкновенно предпочитались тѣ кандидаты, которые были представлены болѣе надежными поручителями, хотя бы эти послѣдніе составляли ничтожное меньшинство членовъ посадской общины.— Само посадское общество далеко не всегда мирилось вполнѣ съ этой фискально-правительственной точкой зрѣнія. Въ средѣ посадскаго населенія мелькали порой проявленія иныхъ воззрѣній, въ которыхъ можно видѣть первый слабый зародышъ новыхъ понятій о мірскомъ самоуправленіи, понятій, очень далекихъ отъ старыхъ московскихъ традицій. — *Общественный* взглядъ на су-

щество посадскихъ выборовъ усматривалъ въ нихъ главнымъ образомъ актъ передачи извѣстнаго общественнаго полномочія избранному обществомъ лицу. Этотъ взглядъ вырабатывался на почвѣ обереганія общинныхъ, мірскихъ интересовъ, для которыхъ былъ отнюдь не безразличенъ фактъ замѣщенія магистратской должности тѣмъ или другимъ лицомъ, такъ какъ магистратская служба открывала для выборныхъ лицъ возможность широкаго воздѣйствія на жизнь посада. Съ этой *общественной* точки зрѣнія оцѣнка рукоприкладчиковъ подъ избирательнымъ приговоромъ, какъ *поручителей* за избираемаго кандидата, отходила на второй планъ и преимущественное значеніе получалъ вопросъ—насколько полно и правильно отражаютъ данные выборы волю посадской общины. Отсюда—попытки урегулированія избирательной процедуры, введенія поголовнаго голосованія всѣхъ заявленныхъ кандидатовъ и т. п.; отсюда — стремленіе установить опредѣленные объективные критеріи для возведенія рѣшенія „группы" въ общепосадское постановленіе. Эти попытки не находили себѣ поддержки въ регламентирующей дѣятельности центральныхъ органовъ, потому онѣ и не получали повсемѣстнаго распространенія и приложенія, а съ другой стороны, часто искажались подъ вліяніемъ обостренной партійной борьбы, принимали уродливыя формы и становились источникомъ грубыхъ злоупотребленій.

Знакомясь съ фактами посадской жизни, относящимися до выборовъ въ магистратскія должности, мы постоянно вскрываемъ въ нихъ слѣды чередованія или взаимнаго столкновенія этихъ двухъ, столь несродныхъ между собою взглядовъ. Посадскія общины въ различныхъ формахъ проявляли время отъ времени стремленіе превратить мѣстные магистраты въ органы служенія потребностямъ и нуждамъ посадскаго общества и закрѣпить эту ихъ роль условіями самаго выбора въ магистратскія должности.— Прежде всего, отблескъ этого „общественнаго" взгляда на существо посадскихъ выборовъ находимъ иногда въ самой редакціи нѣкоторыхъ избирательныхъ приговоровъ.— Стереотипная редакція этихъ приговоровъ исчерпывается слѣдующими пунктами: выписывается текстъ указа главнаго магистрата, предписывающаго произвести выборы, отмѣчается мѣсто и составъ избирательнаго собранія: „будучи въ земской избѣ на общегражданскомъ совѣтѣ" или „на общекупномъ собраніи" и т. п., удостовѣряется самый актъ выбора: „выбрали мы..." приводятся имена выбранныхъ, констатируется у нихъ наличность тѣхъ качествъ, которыя по магистратскому регламенту признаны обязательными для магистратскихъ членовъ—первостатейность, грамотность, исполнительность—и, наконецъ, выражается ручательство рукоприкладчиковъ за пригодность избранныхъ лицъ къ несенію магистратской службы. Но иногда эта стереотипная редакція осложнялась любопытными добавленіями въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго:—въ избиратель-

номъ приговорѣ Васильгородскаго посада (августъ 1744 г.) ко всѣмъ вышеотмѣченнымъ обычнымъ пунктамъ въ заключеніе добавлено: „и дали мы выборъ за своими руками, чтобы имъ—слѣдуютъ имена выбранныхъ—будучи въ ратушѣ и въ бытность свою по высочайшимъ Его Императорскаго Величества указамъ всякія дѣла и вѣдомости отправлять, *такожъ* и наши *мірскія* дѣла и между нами купечествомъ разсуждать, а намъ міромъ противъ ихъ—слѣдуютъ имена—*во всемъ быть послушнымъ* и ни въ чемъ не прекословить, въ томъ за своими руками и выборъ данъ".—Слѣдуютъ рукоприкладства *). Приведенный приговоръ ясно выражаетъ совмѣщеніе въ актѣ посадскихъ выборовъ двухъ самостоятельныхъ моментовъ: къ акту поручительства за избранныхъ кандидатовъ передъ правительственною властью здѣсь присоединяется актъ согласія общины на подчиненіе ихъ распорядительной власти.—Эта послѣдняя тенденція не всегда ограничивалась одними редакціонными добавленіями къ тексту избирательныхъ приговоровъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ избирательные сходы обнаруживали рѣшительныя попытки практически выступить за рамки простого ручательства за избранныхъ кандидатовъ.

Въ Карачевскомъ посадѣ въ ноябрѣ 1744 г. были избраны одинъ бургомистръ и два ратмана. Утвердивъ эти выборы, главный магистратъ предписалъ добрать еще одного бургомистра и одного ратмана соотвѣтственно общему количеству посадскихъ дворовъ въ Карачевѣ. Въ приговоръ объ этихъ дополнительныхъ выборахъ включено было постановленіе схода, чтобы бургомистру, избранному на дополнительномъ собраніи, „имѣть въ магистратѣ первенство" надъ бургомистромъ, избранномъ раньше **). Члены городовыхъ магистратовъ, носившіе даже одно и тоже званіе, стояли въ извѣстномъ іерархическомъ подчиненіи другъ къ другу, которымъ обусловливался объемъ служебныхъ правъ каждаго изъ нихъ. Въ данномъ примѣрѣ—онъ не единиченъ—община, не ограничиваясь рекомендаціей служебноспособности избраннаго кандидата, обнаруживаетъ стремленіе подчинить своему усмотрѣнію внутренній служебный распорядокъ мѣстнаго магистрата. Насколько это стремленіе отвѣчало правительственному воззрѣнію на сущность посадскихъ выборовъ, мы скоро увидимъ, но со стороны самой общины оно могло народиться только на почвѣ того взгляда, по которому участіе въ посадскихъ выборахъ разсматривалось, какъ осуществленіе извѣстнаго *права*, опредѣляемаго степенью общественнаго довѣрія и пріобрѣтаемаго достодолжнымъ выполненіемъ общинныхъ повинностей.

Если роль избирателя ограничивалась имущественнымъ ручательствомъ за выставленнаго кандидата на случай его будущихъ

*) Д. Глав. Маг. вязка 38, № 132.
**) Д. Глав. Маг. вязка 38, № 135.

упущеній, то правоспособность избирателя естественно должна была опредѣляться исключительно его имущественнымъ цензомъ; но если выборъ разсматривался, какъ передача избираемому лицу извѣстныхъ полномочій отъ избиравшей его общины, въ такомъ случаѣ къ избирательнымъ дѣйствіямъ могли быть допускаемы, очевидно, лишь тѣ лица, которыя по всему своему поведенію, по характеру всего своего отношенія къ общественнымъ дѣламъ являлись достойными выразителями общественнаго довѣрія къ избираемымъ ими кандидатамъ на магистратскія должности.—И вотъ, мы можемъ привести случаи, когда именно этотъ послѣдній взглядъ высказывался во всей его чистотѣ и опредѣленности въ средѣ представителей посадскихъ общинъ. Когда, напримѣръ, во время московскихъ выборовъ въ 1744 г. одна избирательная группа изъ восьми человѣкъ выставила своихъ кандидатовъ, противная партія, отрицая въ поданномъ ею протестѣ правоспособность этихъ восьми лицъ въ качествѣ избирателей, указала между прочимъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ „не только располагаемыя на расходы деньги, но и настоящаго по окладу платежа не платятъ и никакихъ службъ не служатъ“ *). Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о лицахъ, которыхъ самъ главный магистратъ призналъ „самыми главными, первостатейными и лучшими“ купцами мѣстнаго посада. Итакъ, указаніе на уклоненіе ихъ отъ платежа посадскихъ податей не могло имѣть значенія доказательства ихъ скудной платежоспособности. Это указаніе имѣло тотъ смыслъ, что доступъ къ избирательнымъ функціямъ долженъ былъ пріобрѣтаться участіемъ во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ, отъ которыхъ данныя лица уклонялись.

Очевидно, въ лицѣ этихъ восьми „самыхъ первостатейныхъ“ купцовъ мы встрѣчаемся съ кучкой крупныхъ мѣстныхъ капиталистовъ, которые, желая замѣщать магистратскія должности своими клевретами и вертѣть по своему усмотрѣнію мѣстнымъ управленіемъ, въ тоже время устраняются отъ несенія общепосадскаго тягла. На этомъ то основаніи, даже не смотря на исключительную первостатейность этихъ лицъ, челобитчики противной партіи отрицаютъ за ними *право* на участіе въ посадскихъ выборахъ. Характерно, что главный магистратъ не придалъ значенія этому доводу при обсужденіи челобитья.

Выше, въ иной связи было уже упомянуто о другомъ челобитьѣ — отъ Каширскихъ посадскихъ людей, въ которомъ предъявлялся отводъ не на избирателей, а на самого избраннаго кандидата и однимъ изъ доводовъ отвода было выставлено указаніе на то, что избранный кандидатъ „по многимъ повѣсткамъ не ходитъ на мірскіе совѣты“, т. е. тоже уклоняется отъ

*) Дѣла Глав. Маг. вязка 13. № 33.

участія въ общинно-посадской жизни *). Во всѣхъ такихъ случаяхъ выдвигаются чисто общинные интересы при обсужденіи условій пріобрѣтенія какъ активнаго, такъ и пассивнаго выборнаго права; помимо имущественной состоятельности избирателей и избираемыхъ, здѣсь на первое мѣсто ставятся размѣры участія даннаго лица въ мірскомъ самоуправленіи и степень общественнаго довѣрія, уже пріобрѣтеннаго этимъ участіемъ; принимаются во вниманіе, говоря языкомъ прошлаго столѣтія, не „интересныя" (т. е. не фискальныя), а „гражданскія" (т. е. общественныя) соображенія. Тѣми же „гражданскими" соображеніями объясняется и то, что въ числѣ мотивовъ въ пользу отмѣны произведенныхъ выборовъ приводились указанія на взаимную родственную связь многихъ избирателей данной группы. Для „интересныхъ" цѣлей это обстоятельство являлось второстепеннымъ при достаточной имущественной состоятельности всѣхъ рукоприкладчиковъ. Съ точки зрѣнія „гражданскихъ" общинныхъ выгодъ, въ интересахъ передачи общественныхъ должностей въ руки истинныхъ представителей „міра" и его общихъ нуждъ,— „родственная" группа избирателей не могла замѣнить собою группу общественную, и обиліе близкихъ родственниковъ среди членовъ избирательной группы давало основаніе къ отрицательной оцѣнкѣ ея выборнаго приговора.

Такіе и подобные имъ факты избирательной практики постоянно перебиваются, однако, явленіями совершенно противоположнаго характера. Намъ уже приходилось упоминать выше, что главный магистратъ рѣдко принималъ въ уваженіе тѣ доводы мірскихъ челобитій о посадскихъ выборахъ, которые основывались на чисто „гражданскихъ" мотивахъ. Съ своей стороны, главный магистратъ всецѣло относилъ замѣщеніе должностей въ городовыхъ магистратахъ къ категоріи дѣлъ „интересныхъ", т. е. казенныхъ. Составленіе избирательнаго приговора разсматривалось имъ лишь какъ начальный, отнюдь не главный моментъ производства по этимъ дѣламъ. Рѣшающимъ моментомъ считалась окончательная резолюція главнаго магистрата. Кассаціонный характеръ его опредѣленій неуловимо переходилъ въ окончательное рѣшеніе дѣла по существу. Оцѣнкѣ допущенныхъ при выборахъ пріемовъ онъ придавалъ нерѣдко совершенно второстепенное значеніе. Общинѣ предоставлялось лишь намѣтить различныхъ кандидатовъ, признаваемыхъ болѣе надежными. Но облеченіе этихъ кандидатовъ полномочіями, сопряженными съ извѣстною должностью, главный магистратъ склоненъ былъ оставлять исключительно за собой.—Если посадскіе избиратели обнаруживали иногда попытки опредѣлить при выборѣ магистратскихъ членовъ порядокъ старшинства даже между членами одного

*) Дѣла Глав. Маг. вязка 29, № 102.

и того же ранга—указывая, напримѣръ, кому изъ двухъ бургомистровъ должно имѣть первенство—то главный магистратъ съ своей стороны нисколько не останавливался передъ назначеніемъ заявленнаго кандидата совсѣмъ не на ту должность, на которую онъ былъ избранъ. Примѣровъ тому можно привести сколько угодно изъ дѣлопроизводства главнаго магистрата по посадскимъ выборамъ. Нерѣдко сходъ выбиралъ меньшее количество магистратскихъ членовъ, чѣмъ то полагалось по приведенному въ регламентѣ росписанію. Въ этихъ случаяхъ главный магистратъ, удостовѣрившись въ пригодности всѣхъ заявленныхъ кандидатовъ, обыкновенно по своему усмотрѣнію переводилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на незаполненныя еще высшія должности, предписывая затѣмъ произвести дополнительные выборы на второстепенныя мѣста. Напримѣръ, въ Зарайскѣ въ 1744 г. выбрали одного бургомистра и двухъ ратмановъ, т. е. ровно въ половину узаконеннаго комплекта. Главный магистратъ постановилъ: перваго ратмана утвердить вторымъ бургомистромъ и вновь добрать двухъ ратмановъ *). Или въ Кунгурѣ въ томъ же году были выбраны два бургомистра и два ратмана. Безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ мѣстнымъ міромъ главный магистратъ опредѣлилъ—перваго бургомистра опредѣлить въ президенты, перваго ратмана во вторые бургомистры и затѣмъ вновь добрать двухъ ратмановъ **). Въ 20-хъ годахъ столѣтія, тотчасъ по изданіи магистратскаго регламента, главный магистратъ придерживался, повидимому, иного образа дѣйствія. Въ 1721 г. въ Тобольскѣ были выбраны два бургомистра и два ратмана. Главный магистратъ, утвердивъ всѣхъ этихъ кандидатовъ, прибавилъ относительно одного изъ бургомистровъ—человѣка гостинной сотни,—что „по усмотрѣнію его состоянія его можно и въ президенты“. Однако, главный магистратъ не произвелъ этого назначенія своею властью. Потребовался созывъ новаго избирательнаго схода въ Тобольскѣ, на которомъ „со всего общаго совѣту“ и было постановлено—„быть тому бургомистру президентомъ“, одного изъ ратмановъ произвести въ бургомистры и пополнить число ратмановъ выборомъ новаго лица ***). Для „міра“ было отнюдь не безразлично, на какую именно магистратскую должность попадетъ то или другое лицо, но предѣлы самостоятельнаго участія „міра“ въ замѣщеніи выборныхъ магистратскихъ должностей далеко не всегда были опредѣляемы объемомъ мірскихъ общинныхъ интересовъ. Отъ общины или хотя бы отъ одной группы ея членовъ требовалось лишь ручательство за общую служилоспособность кандидата; разъ такое ручательство было получено,

*) Дѣла Гл. Маг. вязка 29, № 125. Ср. еще вязка 35, № 33.

**) Дѣла Гл. Маг.. вязка 38, № 123.

***) Д. Гл. Маг. вязка 4, № 39.

кандидатъ поступалъ въ полное распоряженіе центральнаго управленія, не смотря на то, что съ перемѣною служебнаго положенія избраннаго лица каждый разъ измѣнялась и степень того риска, который добровольно былъ принятъ на себя группой избирателей, обязавшихся нести за него отвѣтственность передъ государственною властью. Съ этой точки зрѣнія функція избирателя получала принудительный, обязательный характеръ. Съ этимъ воззрѣніемъ согласовался и тотъ порядокъ *смѣщенія* магистратскихъ членовъ, который былъ установленъ закономъ и послѣдовательно проводимъ на практикѣ главнымъ магистратомъ.

Смѣщеніе магистратскихъ членовъ обусловливалось или истеченіемъ срока магистратской службы—въ тѣ періоды существованія магистратскихъ учрежденій, когда дѣйствовали такіе сроки,—или распоряженіемъ главнаго магистрата; въ обоихъ случаяхъ—помимо инициативы самихъ избирателей. Община была не властна прекратить дѣйствіе своей довѣренности, своего поручительства даже и послѣ того, какъ избранныя ею лица утрачивали всякое довѣріе своихъ избирателей. Посадскія общества не разъ проявляли притязанія на инициативу въ смѣщеніи выбранныхъ ими магистратскихъ членовъ, но каждый разъ эти притязанія встрѣчали отпоръ главнаго магистрата. Въ 1751 г. веневскіе купцы во главѣ съ своимъ городовымъ старостой подали челобитье объ отрѣшеніи ратмана Степана Сиваго, занимавшаго эту должность съ 1744 г., на томъ основаніи, что онъ *„купечеству не угоденъ“*, ибо податей никакихъ съ купечествомъ не платитъ и находится въ свойствѣ съ бургомистромъ. Челобитье было подписано 169-ю рукоприкладчиками, въ числѣ которыхъ было 14 человѣкъ, приложившихъ нѣкогда руки къ выбору Сиваго въ ратманы. На это челобитье въ главный магистратъ поступило предложеніе прокурора, гдѣ признавалось необходимымъ оставить челобитье безъ послѣдствій на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ указахъ не только свойство, но даже и родство между собою магистратскихъ членовъ нигдѣ не признано препятствіемъ къ ихъ совмѣстной службѣ и 2) 14 лицъ изъ числа подписавшихъ челобитье сами выбирали Сиваго, конечно, уже тогда зная о его свойствѣ съ бургомистромъ. Этотъ разборъ формальнаго вопроса о *свойствѣ* совершенно заслонилъ, такимъ образомъ, отъ вниманія центральнаго учрежденія другую важную сторону дѣла, а именно то, что ратманъ пересталъ *„быть угоденъ“* своимъ избирателямъ. Лишь послѣ того, какъ рядъ новыхъ челобитій (въ мартѣ, апрѣлѣ, іюнѣ 1751 г.) указалъ прямо на различныя должностныя злоупотребленія Сиваго—взятки, подлоги въ мірскихъ приговорахъ, вымогательства, неравномѣрную раскладку податей съ корыстными цѣлями—главный магистратъ предписалъ смѣнить всѣхъ наличныхъ членовъ веневскаго магистрата и произвести въ Веневскомъ

посадѣ новые выборы *). Итакъ, утрата общественнаго довѣрія избраннымъ лицомъ сама по себѣ не являлась достаточнымъ мотивомъ къ его смѣщенію, требовалось указаніе на его прямыя злоупотребленія по службѣ, степень преступности которыхъ предоставлялось оцѣнивать уже главному магистрату. Однако, даже и при наличности подобныхъ злоупотребленій главный магистратъ не всегда признавалъ допустимой иниціативу самихъ обществъ въ вопросѣ о смѣщеніи выборныхъ должностныхъ лицъ. Очень опредѣленно выразилась эта точка зрѣнія главнаго магистрата въ слѣдующемъ, напримѣръ, дѣлѣ. Въ 1759 году состоялся любопытный мірской приговоръ въ Васильгородскомъ посадѣ: васильгородское купечество—говорится въ этомъ приговорѣ—выбрало бургомистромъ въ мѣстную ратушу нѣкоего Ларіона Чернѣева, но когда главный магистратъ потребовалъ отъ мѣстнаго старосты доставленія „подлиннаго выбора", купцы, собравшись на новый сходъ, постановили поручить старостѣ донести, куда слѣдуетъ, что Чернѣевъ *былъ выбранъ на время*, „точію *по усмотрѣнію нашему мірскому* за непорядочные его поступки къ ратушскимъ дѣламъ весьма нынѣ *неспособенъ*", при этомъ въ приговорѣ указывается также и на то, что на немъ много долговъ, что онъ живетъ не въ Васильгородѣ, а въ Козьмодемьянскѣ, что за нимъ числится растрата мірскихъ денегъ 6 руб., что въ одномъ частномъ долгѣ онъ „при мірскомъ сходѣ заперся, якобы и не бирывалъ", а послѣ долженъ былъ все же тотъ долгъ признать, хотя и донынѣ его не уплатилъ и т. п.—Въ этомъ приговорѣ любопытно отмѣтить притязаніе общины выбирать магистратскаго члена „*на время*", иначе говоря, оставляя за собою право по своему усмотрѣнію отрѣшать избранника. Однако, главный магистратъ отвергъ право общины не только на такое самовольное смѣщеніе выборныхъ магистратскихъ членовъ, но даже и *на возбужденіе ходатайства* о такомъ смѣщеніи передъ центральною властью! Согласно съ заключеніемъ свіяжскаго провинціальнаго магистрата, главный магистратъ призналъ, что всѣ выставленныя въ послѣднемъ приговорѣ обстоятельства должны были быть извѣстны избирателямъ еще въ моментъ первоначальнаго выбора Чернѣева и потому теперь уже не подлежатъ обсужденію, и такъ Чернѣеву надлежитъ оставаться бургомистромъ „*пока онъ самъ не станетъ бить челомъ о своемъ увольненіи*" **). При такой постановкѣ этого вопроса можетъ показаться страннымъ, что члены мѣстныхъ магистратовъ обращаются нерѣдко съ челобитьями о своемъ отрѣшеніи именно къ мірскимъ сходамъ. Въ 1752 г. въ Соликамскѣ ратманъ является въ „градскую земскую избу" на „совѣтъ" и „проситъ" увольненія въ виду своего долго-

*) Дѣла Гл. Маг. вязка 27, № 67.
**) Д. Гл. Маг. вязка 38, № 132.

временнаго служенія и оскудѣлости. Члены схода „присовѣтовали его отъ той службы уволить и о томъ по сему нашему мірскому приговору просить ему резолюціи, отколь надлежитъ“ *). Итакъ, „просить резолюціи“ будетъ самъ ратманъ, но почему-то онъ считаетъ нужнымъ предварительно доложиться объ этомъ мірскому сходу. Такіе случаи не единичны. Ихъ истинное значеніе выясняется изъ текста тѣхъ приговоровъ, которые постановлялись сходами по этимъ челобитьямъ. Роль мірскихъ сходовъ сводилась тутъ къ слѣдующему. Во-первыхъ, сходъ могъ выдать аттестацію добропорядочной службы магистратскаго члена, и эта аттестація, присоединенная къ челобитью самого члена о его увольненіи, могла и ускорить увольненіе, какъ награду за хорошую службу, и обставить увольненіе болѣе выгодными условіями. Такъ, напримѣръ, въ Цивильскѣ бургомистръ Пустоваловъ, обратившись въ 1765 г. къ сходу съ заявленіемъ о желаніи уволиться отъ службы, получилъ отъ схода приговоръ о томъ, чтобы „объ отмѣнѣ онаго Пустовалова изъ бургомистровъ.. *съ росписаніемъ его добропорядочныхъ поступковъ* представить въ главный магистратъ доношеніемъ“. И во исполненіе этого приговора цивильскій магистратъ составилъ такое „росписаніе“, гдѣ кромѣ удостовѣренія его служебной исполнительности упомянуто было и о томъ, что Пустоваловъ бездоимочно платилъ всякія подати „не только за свои, но и за неимущихъ съ немалыхъ душъ“, а въ случаѣ надобности „за неимѣніемъ въ цивильскомъ магистратѣ наличныхъ капитальныхъ денегъ отдавалъ до сбору за цивильское купечество собственную свою немалую сумму безъ процентовъ“. Аттестація произвела свое дѣйствіе. Увольняя Пустовалова отъ службы, главный магистратъ постановилъ за его заслуги, засвидѣтельствованныя „міромъ“, „ему при собраніи цивильскаго купечества объявить, что тѣмъ его добропорядочнымъ поведеніемъ главный магистратъ доволенъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено было зачесть Пустовалову его службу въ очередь **). Подобнаго рода аттестаціи могли имѣть для увольняемаго отъ службы и еще болѣе существенныя послѣдствія. Въ 1774 г. увольнялся отъ должности кунгурскій президентъ Хлѣбниковъ, просившій объ увольненіи за долговременностью службы. Въ выданномъ ему аттестатѣ наряду съ другими его достоинствами были указаны и особыя его заслуги въ эпоху пугачевщины, когда онъ „съ прочими присутствующими магистратскими членами и другими гражданскими мѣщаны во отраженіи тѣхъ злодѣевъ и въ предохраненіи и защищеніи онаго города и всего гражданскаго общества... имѣлъ... всевозможное и общественное стараніе“, что засвидѣтельствовано въ особомъ журналѣ о всѣхъ выдающихся событіяхъ этой эпохи,

*) Д. Гл. Маг. вязка 39, № 20. Ср. еще вязка 20, № 9 и друг.
**) Д. Гл. Маг. вязка 40, № 41.

который тогда же былъ составленъ въ кунгурскомъ магистратѣ. На основаніи этого аттестата возникъ вопросъ о награжденіи Хлѣбникова *шляхетствомъ* по силѣ VI и XIV главъ магистратскаго регламента. Главный магистратъ постановилъ сдѣлать объ этомъ представленіе въ сенатъ *).

Во-вторыхъ, заручный приговоръ мірского схода могъ получить значеніе подтвержденія тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ челобитчикъ основывалъ свою просьбу объ отставкѣ, какъ напримѣръ, его болѣзненнаго состоянія, какихъ-либо особенныхъ несчастій, расшатавшихъ его матеріальныя средства въ родѣ, наприм., разорительнаго пожара и т. п.

Наконецъ, въ третьихъ, такой приговоръ могъ понадобиться при исходатайствованіи отставки, какъ ручательство міра за то, что въ случаѣ отставки міръ найдетъ ему при новыхъ выборахъ пригоднаго къ дѣлу замѣстителя. Только что упомянутый Хлѣбниковъ, впослѣдствіи бывшій кунгурскимъ президентомъ, въ 40-хъ годахъ служилъ бургомистромъ и въ 1753 г., добиваясь отставки отъ бургомистерской должности, тоже прибѣгалъ къ содѣйствію мірского заручнаго приговора. Этотъ приговоръ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „о увольненіи его отъ магистратской службы *просить* Хлѣбникову *самому*, гдѣ надлежитъ, *а ежели* его Хлѣбникова указомъ повелѣно будетъ уволить и перемѣнить, *то мы граждане на его мѣсто выбрать должны* **).

Во всѣхъ отмѣченныхъ случаяхъ составленіе мірского приговора являлось побочнымъ, эпизодическимъ моментомъ, нисколько не предрѣшавшимъ окончательной судьбы вопроса о смѣщеніи даннаго лица съ занимаемой имъ выборной должности. Такимъ образомъ, съ фискально-правительственной точки зрѣнія на существо посадскихъ выборовъ избираніе магистратскихъ членовъ мірскими сходами не сопрягалось ни съ правомъ общины избирать данное лицо на *опредѣленную* именно магистратскую должность, ни съ правомъ общины по своей иниціативѣ прекращать дѣйствіе тѣхъ полномочій, которыми выборное должностное лицо было облекаемо въ силу выраженнаго ему общественнаго довѣрія. И то и другое было относимо къ распорядительной власти центральнаго управленія. Всѣ эти особенности въ постановкѣ выборной магистратской службы вытекали изъ основного оффиціальнаго взгляда на посадскихъ избирателей, не какъ на выразителей коллективной воли посадскаго міра, а какъ на обязанныхъ поручителей за тѣхъ лицъ, которыя являлись наиболѣе пригодными къ замѣщенію данной должности. Господство этого взгляда служило, разумѣется, плохимъ обезпеченіемъ неприкосновенности избирательныхъ правъ посадскихъ обществъ. При замѣщеніи ма-

*) Д. Гл. Маг. вязка 38, № 123.
**) Ibid.

гистратскихъ должностей „мірской выборъ“ легко могъ перекрещиваться прямымъ назначеніемъ по усмотрѣнію центральнаго учрежденія. Утверждая представленныхъ мѣстными обществами кандидатовъ, главный магистратъ руководствовался оцѣнкой количественнаго и качественнаго состава избирательныхъ группъ. Но, какъ показываютъ нѣкоторые факты, главный магистратъ не считалъ себя при этомъ связаннымъ кругомъ лишь тѣхъ кандидатовъ, которые были намѣчены на мірскихъ избирательныхъ сходахъ. Наряду съ утвержденіемъ избранныхъ кандидатовъ мы встрѣчаемъ случаи и прямого назначенія по усмотрѣнію самого главнаго магистрата. Въ дѣлѣ о выборахъ въ московскій магистратъ въ 1744 г. находимъ резолюцію главнаго магистрата отъ 17-го апрѣля 1744 г., которою опредѣлялось: изъ восьми ратманскихъ мѣстъ въ московскомъ магистратѣ три мѣста замѣстить лицами изъ числа представленныхъ мірскихъ кандидатовъ, а пять мѣстъ—лицами по усмотрѣнію самого главнаго магистрата: этимъ послѣднимъ способомъ было замѣщено и одно бургомистерское мѣсто. Такое отступленіе отъ обычнаго порядка мотивировано въ резолюціи тѣмъ, что многіе изъ представленныхъ кандидатовъ—„оказались по разсмотрѣніи или дряхлы, или неспособны, или не изъ первостатейныхъ, или не сысканы, въ отлучкахъ“. Въ томъ же дѣлѣ встрѣчаемъ другой документъ, который объясняетъ намъ 1) какимъ образомъ согласовывались подобныя назначенія съ постановленіемъ магистратскаго регламента о выборахъ магистратскихъ членовъ „самими посадскими людьми“ и 2) почему отступленіе отъ обычнаго порядка имѣло мѣсто примѣнительно именно къ московскому купечеству. Спустя четыре года послѣ того, какъ состоялась вышеупомянутая резолюція, въ главный магистратъ поступило „предложеніе“ отъ прокурора ревизіонъ-коллегіи. Въ виду „крайней непорядочности“ производимыхъ московскимъ купечествомъ выборовъ, прокуроръ предлагаетъ впредь вообще отмѣнить выборы въ Москвѣ, и уже не въ качествѣ исключительной мѣры на случай непригодности представленныхъ кандидатовъ, а въ видѣ общаго и постояннаго правила замѣщать всѣ должности московскаго магистрата по непосредственному усмотрѣнію главнаго магистрата. Такой порядокъ не будетъ противорѣчить VI-й главѣ магистратскаго регламента. По толкованію прокурора, эта глава вовсе не предоставляетъ выборъ магистратскихъ членовъ мѣстнымъ посадскимъ мірамъ, а лишь допускаетъ представленіе ими кандидатовъ на томъ единственно основаніи, что главному магистрату не могутъ быть извѣстны всѣ купцы провинціальныхъ посадовъ. Роль главнаго магистрата сводится по этому толкованію не къ повѣркѣ правильности уже произведенныхъ на мѣстѣ выборовъ, а къ прямому назначенію магистратскихъ членовъ, причемъ мірскіе избирательные приговоры должны служить лишь однимъ изъ матеріаловъ при соображеніи о пригодности назна-

чаемыхъ лицъ. Отсюда прокуроръ уже вполнѣ логически выводитъ требованіе отмѣнить разъ навсегда выборы кандидатовъ при опредѣленіи членовъ въ московскій магистратъ, ибо въ Москвѣ главный магистратъ самъ „имѣетъ засѣданіе“ и можетъ, „зная здѣшнее купечество“, непосредственно избрать наиболѣе надежныхъ замѣстителей этихъ должностей. Иначе говоря, главный магистратъ, благодаря личному знанію мѣстныхъ купцовъ, будетъ избирать настолько солидныхъ въ смыслѣ платежноспособности купцовъ, что спеціальное поручительство за нихъ со стороны посадской группы будетъ излишнимъ, ибо достаточнымъ ручательствомъ за нихъ явятся ихъ собственные, выдающіеся по своимъ размѣрамъ „животы и промыслы“. А гдѣ становится излишнимъ поручительство, тамъ согласно интересующей насъ теперь системѣ воззрѣній теряетъ свой raison d'être избирательное начало. Сравнивая приведенное только что толкованіе прокурора съ буквальнымъ смысломъ шестой главы регламента, находимъ, что прокуроръ въ своихъ исходныхъ точкахъ стоялъ на твердой почвѣ. Эта глава предписываетъ главному магистрату „*во всѣхъ городахъ* выбирать... первостатейныхъ, добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей и сочинять изъ нихъ въ тѣхъ городахъ магистраты“, въ дополненіе къ чему затѣмъ сказано: „а *понеже о такихъ людяхъ каждаго города главному магистрату подлинно вѣдать невозможно*, которые бы гдѣ въ магистратахъ президентскому и другимъ чинамъ достойны были: *того ради* изъ главнаго магистрата въ губерніи и провинціи о выборѣ такихъ годныхъ людей посылать указы“... *). Несомнѣнно, прокуроръ имѣлъ въ виду именно это мѣсто регламента, выступая съ своимъ толкованіемъ. Но мы уже знаемъ, что это толкованіе далеко не совпадало съ стремленіями самихъ посадскихъ обществъ. Недаромъ, основываясь на томъ же самомъ регламентѣ и ссылаясь на него, Тверской посадъ въ разсказанномъ выше дѣлѣ о выборахъ Вагина отрицалъ за главнымъ магистратомъ не только право самопроизвольнаго назначенія магистратскихъ членовъ, но даже право кассаціи состоявшихся мірскихъ выборовъ, и утверждалъ, что „по регламенту магистрата выборы оставлены на общую купечества волю, кого выберутъ по большинству голосовъ.“ **).

Къ сожалѣнію, извѣстные намъ документы не сообщаютъ, какая судьба постигла предложеніе прокурора ревизіонъ-коллегіи. Кажется, тѣ крайніе и рѣшительные выводы, которые онъ сдѣлалъ изъ безспорныхъ, впрочемъ, посылокъ, показались не совсѣмъ удобопріемлемыми главному магистрату. Заслушавъ „предложеніе“, главный магистратъ постановилъ: „о томъ, кого выбрать еще и какъ назначать, *выборами ли купечества, или назначеніемъ*

*) П. С. Зак. № 3708.

**) Д. Глав. Маг. вязка 17, № 45.

отъ главнаго магистрата, выписавъ, доложить". Затѣмъ мы не находимъ въ дѣлѣ ни этой выписки для доклада, ни резолюціи главнаго магистрата. Но въ концѣ дѣла (листъ 195) встрѣчаемъ доношеніе московскаго магистрата въ главный, изъ котораго видно, что въ 1751 г., московское купечество по указу изъ главнаго магистрата опять производило выборы новыхъ кандидатовъ въ бургомистры и ратманы *). До полнаго устраненія избирательнаго начала, повидимому, дѣло не доходило, но тѣмъ не менѣе, въ противоположность нѣкоторымъ отмѣченнымъ выше поползновеніямъ посадскихъ обществъ, главный магистратъ понималъ и допускалъ примѣненіе этого начала лишь въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыя его вводила фискальноправительственная точка зрѣнія на сущность посадскихъ выборовъ.

Правда, все же есть возможность отмѣтить кое-какіе случаи, въ которыхъ центральный органъ посадскаго управленія какъ бы нѣсколько отступалъ отъ этой фискально-правительственной точки зрѣнія въ угоду болѣе широкому пониманію началъ посадскаго самоуправленія. Но такіе случаи носятъ отрывочный, эпизодическій характеръ и по большей части легко объясняются исключительными осложняющими обстоятельствами. Укажемъ для примѣра на нѣкоторые изъ этихъ случаевъ.

Ратманъ дмитровской ратуши Тихонъ Бакакинъ въ 1725 г. былъ наказанъ батогами за служебную провинность и въ силу этого обстоятельства долженъ былъ оставить магистратскую службу. Спустя нѣкоторое время мѣстный бургомистръ возбудилъ ходатайство въ московскомъ магистратѣ о томъ, чтобы Бакакинъ вновь опредѣленъ былъ къ „ратманскому дѣлу", которое ему хорошо извѣстно, такъ какъ безъ второго ратмана „управиться никакъ не возможно". Московскій магистратъ постановилъ: Бакакину снова быть ратманомъ, *„буде онъ того города купецкимъ людямъ быть достоинъ"*. Въ іюлѣ 1726 г. состоялся избирательный сходъ, на которомъ были составлены два мірскихъ приговора: одинъ за подписью 33-хъ посадскихъ людей съ выборомъ въ ратманы Тихона Бакакина, другой, подписанный 55-ю лицами съ опредѣленіемъ: „вмѣсто Бакакина ратманомъ быть Петру Кафтанникову". Губернскій магистратъ положилъ по этимъ приговорамъ слѣдующую резолюцію: сначала баллотировать одного Бакакина и, если онъ окажется „неугоденъ", въ такомъ случаѣ „на его мѣсто учинить выборъ въ ратманы иного и *учинить выборъ объ одномъ, а не на двѣ персоны*"; въ присланныхъ же приговорахъ подписали о Бакакинѣ и Кафтанниковѣ „несогласно" и „впредь о томъ недѣльно въ московскій магистратъ не писать".—Мы встрѣчаемся здѣсь съ довольно необычной комбинаціей: вмѣсто сравнительной оцѣнки выдѣлившихся на сходѣ

*) Д. Гл. Маг. вязка 13, № 33.

избирательныхъ группъ постановляется формальное предписаніе производить выборы непремѣнно сообща, всѣмъ „мірскимъ совѣтомъ“, путемъ послѣдовательнаго общаго баллотированія всѣхъ заявленныхъ кандидатовъ, такъ чтобы каждый разъ голоса подавались за или противъ на одну, а не на нѣсколько „персонъ“. Чѣмъ объяснить такую резолюцію, шедшую въ разрѣзъ со всей практикой главнаго магистрата? Кажется, объясненіе подсказывается окончательнымъ исходомъ этой избирательной коллизіи. Во исполненіе резолюціи губернскаго магистрата въ Дмитровѣ состоялся новый избирательный сходъ. Приговоръ былъ составленъ уже „на одну персону“, и этой персоной оказался тотъ же Тихонъ Бакакинъ. Всего подъ этимъ новымъ приговоромъ подписалось 71 человѣкъ. Любопытно отмѣтить, какъ составилась эта избирательная группа. Въ составѣ ея находимъ: 47 человѣкъ, не подписавшихся ни подъ однимъ изъ двухъ предшествующихъ приговоровъ, 16 человѣкъ, которые и раньше участвовали въ выборѣ Бакакина, и 8 человѣкъ, стоявшихъ прежде за другого кандидата, а теперь примкнувшихъ къ своимъ противникамъ. При этомъ изъ 33 первоначальныхъ избирателей Бакакина 17 человѣкъ уже не подписываются подъ новымъ приговоромъ, а что касается группы, избравшей Кафтанникова, то изъ 55 составившихъ ее лицъ, 47 человѣкъ воздержалось отъ участія въ новыхъ выборахъ. Такимъ образомъ, избраннымъ въ концѣ концовъ оказался кандидатъ, первоначально получившій меньшее количество голосовъ сравнительно съ своимъ соперникомъ (33 противъ 55), при чемъ почти вся партія, стоявшая за этого послѣдняго, уклонилась отъ участія въ новыхъ выборахъ. Бакакинъ и получилъ затѣмъ окончательное утвержденіе въ ратманской должности *). Если принять при этомъ во вниманіе, что кассація первоначальныхъ выборовъ была рѣшена на этотъ разъ своею властью *губернскимъ* магистратомъ, тогда какъ по обычному порядку рѣшающей инстанціей въ такихъ случаяхъ являлся главный магистратъ, что исходной точкой всего этого дѣла послужило челобитье мѣстнаго бургомистра, который желалъ имѣть ратманомъ именно Бакакина и которому не могло быть пріятно появленіе двухъ конкуррирующихъ избирательныхъ приговоровъ, то становится весьма вѣроятнымъ, что вся изложенная процедура объясняется просто, какъ случай замаскированнаго давленія магистратскаго начальства на мѣстный избирательный сходъ. Благовидной формой такого давленія было избрано требованіе, чтобы избирательный сходъ являлся органомъ окончательной выработки общаго рѣшенія. Когда такое требованіе рождалось въ средѣ самого посадскаго общества съ цѣлью лучшаго обезпеченія общинныхъ интересовъ при мѣстныхъ выборахъ, оно не встрѣчало поощренія высшаго магист-

*) Дѣла Дмитровск. Магистр. вязка 5. Дѣла слѣдствен. № 6.

ратскаго начальства. О немъ вспоминали лишь тогда, когда предстояло провести и прикрыть личную интригу.

Впрочемъ, оффиціальное предпочтеніе общемірского приговора постановленію отдѣльной группы чаще выражалось въ другой формѣ. Получивъ изъ какого-либо посада всего одинъ избирательный приговоръ, главный магистратъ прежде его окончательнаго утвержденія иногда предписывалъ мѣстнымъ властямъ вновь собрать общепосадскій сходъ для опроса: „точно ли тотъ приговоръ состоялся по общему согласію". То была какъ бы повѣрка, насколько постановленіе данной группы рукоприкладчиковъ соотвѣтствуетъ волѣ большинства посадскаго населенія. Чѣмъ именно вызывались такого рода распоряженія?

Во-первыхъ, какъ уже было упомянуто выше, въ другой связи, такія распоряженія вызывались участіемъ въ состоявшихся выборахъ кого-либо изъ наличныхъ членовъ мѣстнаго магистрата, что почиталось незаконнымъ *). Законъ запрещалъ давленіе на избирательные сходы со стороны мѣстныхъ магистратскихъ чиновниковъ и главный магистратъ прибѣгалъ къ повторительнымъ опросамъ мѣстнаго схода, чтобы удостовѣриться, въ какой мѣрѣ присутствіе на сходѣ магистратскихъ чиновниковъ стѣснило свободу избирательныхъ дѣйствій. Эта мѣра одинаково сохраняла свое значеніе и при выборахъ всѣмъ сходомъ, и при выборахъ обособившимися группами. Но упомянутый пріемъ практиковался главнымъ магистратомъ и въ другихъ случаяхъ, безъ всякаго отношенія къ вмѣшательству въ мѣстные выборы членовъ городового магистрата. Прежде всего, это имѣло мѣсто по отношенію къ такимъ приговорамъ, которые были скрѣплены очень малымъ количествомъ подписей сравнительно съ общимъ числомъ посадскаго населенія (см. объ этомъ выше). Вмѣсто того, чтобы прямо отвергнуть такого рода приговоръ и предписать произвести новые выборы, главный магистратъ довольствовался иногда дополнительнымъ опросомъ мѣстнаго купечества относительно такого приговора. Впрочемъ, и въ такихъ случаяхъ не забота о соотвѣтствіи приговора волѣ всей общины стояла на главномъ планѣ, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Правда, въ указахъ о производствѣ такихъ дополнительныхъ опросовъ встрѣчается требованіе, чтобы на сходѣ были собраны „*всѣ граждане*" **). Но, съ другой стороны, на практикѣ это требованіе разрѣшалось, напримѣръ, такъ: въ 1744 г., главный магистратъ, разсматривая избирательный приговоръ Свіяжскаго посада, подписанный 44 лицами, призналъ его вообще заслуживающимъ утвержденія, но при условіи предварительнаго опроса мѣстнаго купечества, „съ общаго ли согласія" произведены выборы. Никакихъ особо-ослож-

*) Д. Глав. Маг. в. 27, № 61; в. 29, № 101 и др.
**) Ibid., в. 18, № 92.

няющихъ обстоятельствъ при свіяжскихъ выборахъ не произошло и обращеніе къ предварительному опросу могло быть вызвано единственно количествомъ подписей подъ избирательнымъ приговоромъ. Подтвердительный приговоръ, констатирующій, что выборы произошли съ общаго согласія, былъ подписанъ 43 лицами, при чемъ рукоприкладчиками и на этотъ разъ явились все прежніе лица. Тѣмъ не менѣе выборъ былъ утвержденъ *). Спрашивается, зачѣмъ понадобилась гарантія, которая свелась къ пустой проформѣ и выразилась въ томъ, что въ качествѣ „всѣхъ гражданъ" явились тѣ самыя лица, дѣйствія которыхъ подлежали провѣркѣ? Наряду съ этимъ небезинтересно отмѣтить и такой фактъ: въ 1761 г., главный магистратъ счелъ необходимымъ провѣрить путемъ дополнительнаго опроса избирательный приговоръ вятскаго посадскаго схода—выбирали ратмана—въ виду того, что подъ приговоромъ подписалось только 36 человѣкъ, тогда какъ въ Вяткѣ по ревизіи числится 1465 купцовъ и 43 цеховыхъ. Подтвердительный приговоръ былъ подписанъ уже 86 рукоприкладчиками, но выставленный кандидатъ всетаки не былъ утвержденъ въ должности согласно его собственному о томъ челобитью **). Сопоставляя взаимно эти два факта, когда въ одномъ случаѣ тождественное совпаденіе рукоприкладствъ подъ первымъ и подтвердительнымъ приговорами не помѣшало утвержденію кандидата, а во второмъ случаѣ *увеличеніе* общаго количества подписей при дополнительномъ опросѣ на 50 лишнихъ рукоприкладствъ не помогло успѣху выставленной кандидатуры,—приходишь къ заключенію, что не выясненіе воли большинства общины преслѣдовалось главнымъ образомъ этими дополнительными опросами. Не имѣя прямыхъ формальныхъ основаній кассировать произведенные выборы, главный магистратъ въ виду малочисленности объявившихся поручителей дѣлалъ попытку опредѣлить путемъ такихъ опросовъ, не могутъ ли выдѣлиться изъ данной общины еще другія кандидатуры и другія группы поручителей, болѣе обезпечивающія казенные интересы. Если, какъ это было въ Свіяжскѣ, опытъ показывалъ, что наличный контингентъ кандидатовъ и поручителей по нимъ уже исчерпанъ, тогда центральная власть довольствовалась первоначально полученными результатами и намѣченные съ перваго раза кандидаты получали утвержденіе, не смотря на то, что дополнительный опросъ не увеличивалъ количества рукоприкладчиковъ подъ ихъ именами.

Мы можемъ указать, однако, еще одинъ рядъ случаевъ обращенія къ такимъ дополнительнымъ опросамъ *всего* мѣстнаго купечества для подтвержденія силы состоявшихся избирательныхъ приговоровъ. На этотъ разъ мы встрѣтимся уже съ болѣе суще-

*) Д. Гл. Маг. в. 25, № 19.
**) Д. Гл. Маг, в. 33, № 83.

ственнымъ и очевиднымъ отступленіемъ центральной власти отъ чисто-фискальной точки зрѣнія на посадскіе выборы. А именно, къ дополнительнымъ опросамъ прибѣгали иногда для провѣрки и такихъ выборовъ, подъ которыми фигурировало *вполнѣ достаточное количество подписей*. Здѣсь мотивъ повѣрки избирательныхъ приговоровъ путемъ опроса всей посадской общины заключался не въ желаніи увеличить количество рукоприкладчиковъ-поручителей, а какъ разъ въ желаніи удостовѣрить соотвѣтствіе даннаго приговора съ волею большинства членовъ мѣстной общины. На дополнительный сходъ созывалось *все* мѣстное купечество безъ различія статей и состояній, за исключеніемъ лишь отлучныхъ и малолѣтнихъ. По иниціативѣ центральнаго управленія выборы принимали, дѣйствительно, характеръ облеченія избираемаго кандидата довѣріемъ мѣстнаго избирательнаго схода. Но такого рода случаи имѣли мѣсто лишь въ періоды обостренной партійной борьбы при мѣстныхъ выборахъ. Дополнительный опросъ всего схода преслѣдовалъ здѣсь цѣль опредѣленно выяснить положеніе борящихся партій среди мѣстнаго міра, чтобы затѣмъ утвержденіемъ выборовъ той партіи, которая опиралась на бо́льшее сочувствіе всей общины, предотвратить дальнѣйшее осложненіе избирательной борьбы и положить конецъ ея слишкомъ затягивающимся перипетіямъ. Какъ на образецъ такого рода комбинаціи, можно указать хотя бы на бѣлогородскіе выборы 1746—47 гг. Двѣ партіи оспаривали другъ у друга занятіе магистратскихъ мѣстъ въ бѣлогородскомъ магистратѣ. Борьба осложнилась конфликтомъ главнаго магистрата съ сенатомъ. Вопреки рѣшенію главнаго магистрата сенатъ утвердилъ президентомъ въ Бѣлгородѣ представителя партіи, враждебной тѣмъ лицамъ, которыя съ одобренія главнаго магистрата уже засѣли было въ бѣлогородскомъ магистратѣ. Въ виду всѣхъ этихъ осложненій сенатъ указалъ утвердить этого президента лишь при условіи подтвержденія избирательнаго на него приговора дополнительнымъ опросомъ схода, не смотря на то, что подъ этимъ приговоромъ и безъ того уже стояло достаточное количество рукоприкладчиковъ — всего 134 подписи *). Здѣсь аппеляція отъ отдѣльной группы ко всей общинѣ предпринималась уже совершенно независимо отъ соображеній фискальнаго характера. Санкція обще-посадскаго схода должна была лишь поставить внѣ всякаго спора правильность даннаго избирательнаго приговора. Но такого рода случаи, повторяю, были единичны и вызывались особыми, экстренными обстоятельствами, осложнявшими избирательную борьбу. Воззрѣніе, по которому правильность избирательнаго приговора обусловливалась соотвѣтствіемъ послѣдняго волѣ всей общины, мелькало въ стремленіяхъ нѣкоторыхъ посадскихъ обществъ, но въ созна-

---

*) Дѣла Главн. Маг., в. 50, № 12. Дѣла Сен. по главн. маг. книга 35/\3.

ніи центральныхъ правящихъ сферъ для его утвержденія не находилось благопріятной почвы.

Такова была общая постановка посадскихъ выборовъ въ теченіе всей первой половины XVIII в. Какъ видимъ, эта постановка не гармонировала съ тѣмъ представленіемъ о конечныхъ задачахъ магистратскаго управленія, которое легло въ основаніе очерка магистратской компетенціи, приведеннаго въ регламентѣ главнаго магистрата и въ инструкціи городовымъ магистратамъ. По смыслу только что названныхъ учредительныхъ актовъ, магистратскія учрежденія должны были явиться по содержанію своей дѣятельности органами удовлетворенія внутреннихъ нуждъ посадской общины, должны были привести торгово-промышленное населеніе городовъ къ матеріальному процвѣтанію, умственному и нравственному преуспѣнію. Развитіе торговли, мануфактуръ, распространеніе грамотности и образованности, обезпеченіе правосудія, организація общественнаго призрѣнія—вотъ какихъ результатовъ ожидалъ законодатель отъ дѣятельности магистратскихъ учрежденій *). Но постановка магистратскихъ выборовъ, какъ она утвердилась на практикѣ, только что нами разсмотрѣнной, складывалась почти всецѣло подъ вліяніемъ архаическихъ понятій о выборной общественной службѣ, какъ о натуральной казенной повинности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и самая дѣятельность магистратскихъ учрежденій далеко отошла на практикѣ отъ программы, начертанной въ только что упомянутыхъ оффиціальныхъ актахъ.

Въ заключеніе настоящей главы мы считаемъ необходимымъ отмѣтить тотъ рѣзкій поворотъ въ практикѣ посадскихъ выборовъ, который начинаетъ обозначаться съ конца 60-хъ годовъ XVIII-го столѣтія. Этотъ поворотъ стоялъ въ тѣснѣйшей связи съ общей преобразовательной работой въ сферѣ мѣстнаго управленія, которая ознаменовала собою вторую половину Екатерининскаго царствованія. Въ нашей литературѣ уже было отмѣчено, что „обрядомъ" выборовъ городскихъ депутатовъ въ коммиссію по составленію новаго уложенія въ строй городского самоуправленія былъ внесенъ рядъ новыхъ идей, получившихъ затѣмъ дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ законодательныхъ актахъ. Какъ было доказано проф. Дитятинымъ, обрядъ выборовъ городского головы впервые выдвигалъ понятіе о *всессловномъ* городскомъ обществѣ, о всесловномъ городскомъ самоуправленіи на мѣсто сословнаго посадскаго самоуправленія, обнимавшаго лишь извѣстные торгово-промышленные слои городского населенія. Эта новая идея получила болѣе широкое осуществленіе уже

*) Регламентъ Главн. Маг., гл. II, X, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI.— Инструкція: пп. 16 «о всемъ, что къ гражданской пользѣ надлежитъ попеченіе имѣть», п. 31, 33, 34, 36, 42, 49.

въ городовомъ положенiи 1785 г. Но еще и до изданiя этого положенiя, еще при существованiи старыхъ магистратскихъ учрежденiй во всемъ ихъ прежнемъ значенiи и силѣ, обрядъ выборовъ городского головы и депутатовъ въ коммиссiю 1767 года не оставался безъ влiянiя на посадскiя распорядки, а именно, онъ не замедлилъ отразиться на постановкѣ посадскихъ выборовъ въ магистратскiя должности. Яркое выраженiе этого влiянiя находимъ въ дѣлахъ о магистратскихъ выборахъ 60—70-хъ годовъ XVIII в. На магистратскiе выборы цѣликомъ былъ перенесенъ весь тотъ порядокъ, который былъ установленъ для выборовъ депутатовъ въ коммиссiю по составленiю новаго уложенiя. Начиная съ 1766 г., главный магистратъ, посылая въ провинцiю указы о производствѣ выборовъ, категорически предписываетъ наблюдать этотъ новый порядокъ во всѣхъ его частяхъ и выбирать магистратскихъ членовъ „баллотированiемъ по превосходному противу прочихъ числу шариковъ“ *). Среди тѣхъ документовъ, которыми мы располагали при составленiи настоящаго очерка, имѣется одно обширное дѣло о московскихъ выборахъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, выпукло рисующее намъ этотъ поворотный моментъ въ исторiи посадскаго самоуправленiя прошлаго столѣтiя. Прежде всего мы находимъ въ этомъ дѣлѣ опредѣленное указанiе на то, какимъ образомъ и подъ влiянiемъ какихъ соображенiй состоялось отмѣченное нововведенiе. Въ 1767 г. президентъ главнаго магистрата Протасовъ сдѣлалъ представленiе сенату о желательности впредь во всѣхъ городахъ производить выборы баллотированiемъ въ виду того, что обыкновенно при выборахъ первостатейные люди, отбывая отъ службъ, происками своими заставляютъ выбирать на магистратскiя должности бѣдныхъ и несвѣдущихъ гражданъ. Это указанiе въ высшей степени любопытно. Оно, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ то, приведенное нами въ своемъ мѣстѣ наблюденiе, что попытки упорядочить выборную процедуру всегда исходили изъ среды маломочныхъ элементовъ посадскаго населенiя и обусловливались желанiемъ обезпечить болѣе равномѣрное и правильное участiе въ выборахъ всей мѣстной общинѣ. Эти стремленiя уже давно прорывались тамъ и сямъ отдѣльными эпизодами въ избирательной практикѣ посадскихъ сходовъ, но они не находили себѣ достодолжной поддержки, пока организацiя посадской выборной службы подчинялась во всемъ существенномъ фискальнымъ соображенiямъ. Съ конца 60-хъ годовъ правительство, наконецъ, сознательно усваиваетъ себѣ эту чисто земскую по происхожденiю идею. Мысль о перенесенiи на посадскiе выборы избирательной процедуры, установленной для выборовъ городского головы и депутата въ коммиссiю, тоже вышла изъ среды самого посадскаго населе-

*) См., напр., Д. Гл. Маг., в. 31, № 42 (конецъ дѣла).

нія. Мы находимъ ее въ городскихъ депутатскихъ наказахъ въ коммиссію 1767 г. Вотъ что мы читаемъ, напр., въ шестомъ пунктѣ малоярославецкаго наказа: „впредь... выборы производить по тому жъ порядку, какой установленъ въ обрядѣ выборовъ головъ и депутата баллотированіемъ, понеже оное баллотированіе почитать должно для всего общества за полезное и по тому баллотированію между купечествомъ ни вражды, ни зависти, а паче, какъ прежде бывало, непреодолѣнныхъ споровъ и препятствій быть не можетъ, а на кого больше голосовъ выйдетъ и тому стало быть по счастію и по любленію общества“ *).

Предложеніе Протасова не сразу увѣнчалось успѣхомъ. Такъ, когда въ томъ же 1767 г. по поводу страшнаго накопленія дѣлъ въ московскомъ магистратѣ возникла мысль объ учрежденіи при немъ особаго присутствія изъ трехъ членовъ спеціально для разбора челобитчиковыхъ дѣлъ, и главный магистратъ вошелъ съ этимъ предложеніемъ въ сенатъ, онъ требовалъ при этомъ, чтобы этихъ новыхъ членовъ предоставлено было назначить самому главному магистрату по его усмотрѣнію. Это требованіе мотивировалось уже знакомымъ намъ толкованіемъ VI главы регламента: установленіе выборовъ разсматривалось здѣсь, не какъ необходимая принципіальная основа магистратской службы, а какъ замѣна прямого назначенія магистратскихъ членовъ по усмотрѣнію главнаго магистрата, вызванная тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что главному магистрату невозможно знать во всѣхъ городахъ наиболѣе достойныхъ кандидатовъ, и поэтому для Москвы, гдѣ главный магистратъ имѣетъ свое пребываніе, это постановленіе не должно имѣть силы. Сенатъ постановилъ поднести о семъ докладъ императрицѣ. Высочайшая резолюція состоялась только въ 1773 г. Учрежденіе особаго присутствія для разсмотрѣнія челобитчиковыхъ дѣлъ было утверждено, но членовъ этого присутствія вопреки сенатскому доношенію повелѣно избрать *баллотированіемъ*. Цитируемое дѣло рисуетъ намъ затѣмъ со всею ясностью, въ какой мѣрѣ успѣшны были первые опыты примѣненія новаго избирательнаго порядка къ магистратскимъ выборомъ. Къ 31 декабря 1773 г. были изготовлены именные списки московскимъ купцамъ первой и второй гильдіи. Въ спискахъ были обозначены лѣта, число сыновей съ указаніемъ и ихъ лѣтъ, окладъ и списокъ отбытыхъ ранѣе службъ каждаго купца. Кромѣ того, было показано, на какую сумму явлено векселей на того или другого купца. Всего въ эти списки занесено 471 купецъ первой гильдіи и 357 купцовъ второй гильдіи.

Получивъ списки, главный магистратъ приказалъ московскому магистрату изготовить вѣдомость *тѣмъ* купцамъ, „коихъ подлежитъ баллотировать“. Итакъ, баллотировкѣ предстояло подверг-

*) Сборникъ Русск. Историч. Общества. т. 93.

нуться не всѣмъ наличнымъ членамъ двухъ первыхъ гильдій. Далѣе, согласно обряду выборовъ въ депутаты въ коммиссію 1767 г., баллотированіе должно было происходить слѣдующимъ образомъ. Всѣ призванныя въ избирательное собраніе лица баллотировались поочередно, при чемъ избирателями являлись каждый разъ всѣ присутствующіе за исключеніемъ баллотируемаго.

Предварительной подачи записокъ не подлежащихъ баллотированію кандидатовъ, такимъ образомъ, не полагалось. На какихъ же основаніяхъ произведенъ былъ отборъ привлеченныхъ къ выборамъ купцовъ изъ общаго наличнаго состава двухъ первыхъ гильдій? Въ именной вѣдомости купцамъ, подлежащимъ баллотированію (л.л. 166—186 цитируемаго дѣла), находимъ всего 138 купцовъ первой гильдіи и 25 купцовъ второй гильдіи. Итакъ, изъ общаго количества купцовъ первой гильдіи къ избирательнымъ урнамъ было призвано 30%, а изъ общаго количества купцовъ второй гильдіи—всего 7%. Столь рѣзко выраженное предпочтеніе болѣе состоятельной части гильдейскаго купечества повторилось затѣмъ и при отборѣ купцовъ въ предѣлахъ одной и той же гильдіи. Купцы первой гильдіи разбивались по окладамъ на 15 группъ, съ окладами въ 120, 100, 70, 60, 40, 36, 30, 24, 20, 19, 18, 15, 12, 10 и 9 рублей. Участіе ихъ въ выборахъ распредѣлилось по этимъ группамъ такъ:

Первыя пять группъ — (оклады 120—40 р.)	изъ 13 купцовъ имѣли 10 участниковъ на выборахъ . .	76,9%
Вторыя пять группъ — (оклады 36—19 р.)	изъ 61-го имѣли 42 участника на выборахъ	68,8%
Третьи пять группъ — (оклады 18—9 р.)	изъ 408 купцовъ имѣли 105 участниковъ на выборахъ . .	25,7%

При этомъ въ составѣ пяти низшихъ группъ наименьшій % участниковъ палъ на наиболѣе многочисленную группу купцовъ девяти рублеваго оклада.

Итакъ, получивъ высочайшее предписаніе произвести выборы по образцу обряда выборовъ въ депутаты коммиссіи 1767 г., магистратское начальство съ перваго же шага отступило отъ руководящихъ основаній этого обряда въ сторону старыхъ традицій, завѣщанныхъ предшествующей практикой посадскихъ выборовъ: при составленіи списка избирателей въ составъ ихъ были включены лишь наиболѣе состоятельные элементы посадскаго населенія. Третья гильдія совсѣмъ не была представлена въ избирательномъ спискѣ. Въ средѣ самой первой гильдіи отборъ избирателей былъ произведенъ съ послѣдовательнымъ предпочтеніемъ купцовъ болѣе крупныхъ окладовъ, наконецъ, вторая гильдія, хотя и не была совершенно обойдена при составленіи избирательнаго списка, но, помимо крайней малочисленности взятыхъ

изъ ея среды избирателей, они, какъ сейчасъ увидимъ, не были допущены фактически къ баллотированію при производствѣ самихъ выборовъ. По окончаніи составленія списковъ избирателей состоялось четыре избирательныхъ собранія. 4 января 1774 г. баллотировали, „начиная съ купцовъ, состоящихъ въ первыхъ окладахъ по порядку даже до имѣющихся въ окладѣ 12 р.“ 7-го января баллотированіе было продолжено, начиная отъ купцовъ 12 рублеваго оклада и по 9-ти рублевый окладъ. 8-го января передъ началомъ баллотированія собравшіеся купцы „согласно приговорили“ — „оставшимъ въ 9-ти рублевомъ окладѣ купцамъ сначала прочесть списокъ, чтобы заранѣе рѣшить, кого изъ нихъ устранить отъ баллотировки въ виду крайней скудости нѣкоторыхъ изъ нихъ; списокъ былъ прочтенъ и къ баллотированію было приговорено только 25 человѣкъ изъ среды купцовъ 9-ти рублеваго оклада первой гильдіи, а самое баллотированіе было отложено до слѣдующаго дня. Старшина первой гильдіи донесъ главному магистрату объ этомъ приговорѣ, и главный магистратъ не усмотрѣлъ въ немъ какого либо нарушенія предписаннаго высочайшей резолюціей порядка. 9-го числа состоялось баллотированіе 25-ти купцовъ 9-ти рублеваго оклада и перебаллотировка тѣхъ лицъ, которыя получили въ предшествующіе дни по ровному числу голосовъ. На этомъ производство выборовъ было закончено.

Такимъ образомъ, намѣченные въ первоначальномъ избирательномъ спискѣ купцы второй гильдіи не были подвергнуты баллотировкѣ. Большинство балловъ по всѣмъ баллотировкамъ получило десять человѣкъ. При самомъ баллотированіи соображеніе о высотѣ окладовъ избираемыхъ лицъ не играло первенствующей роли въ глазахъ избирателей: въ составъ лицъ, получившихъ наибольшее число избирательныхъ голосовъ, оказались съ окладомъ:

въ	70	руб.	1	л.
„	30	„	1	„
„	20	„	1	„
„	18	„	1	„
„	15	„	1	„
„	12	„	3	„
„	10	„	1	„
„	9	„	1	„
		Всего	10	чел.

Итакъ, за тѣми, кто попалъ въ число этихъ десяти выбаллотированныхъ кандидатовъ, значились далеко не высшія нормы окладовъ. Затѣмъ и среди этихъ лицъ большинство избирательныхъ голосовъ распредѣлилось далеко не пропорціонально высотѣ ихъ окладовъ:

169 голосовъ	получило	лицо	30 р.	оклада	=Лука Девятовъ.
166 "	"	"	12 "	"	Петръ Бѣлавинъ.
165 "	"	"	18 "	"	Андрей Лукутинъ.
164 "	"	"	20 "	"	Дмитр. Богомоловъ.
162 "	"	"	10 "	"	Дмитр. Блазновъ.
161 "	"	"	70 "	"	Семенъ Бабкинъ.
159 "	"	"	9 "	"	Иванъ Пивоваровъ.
158 "	"	"	12 "	"	Авр. Зубковъ.
153 "	"	"	12 "	"	Ив. Мих. Троилинъ.
150 "	"	"	15 "	"	И.Большой Холщевъ.

Изъ этихъ 10-ти выбаллотированныхъ кандидатовъ главному магистрату предстояло избрать пятерыхъ для окончательнаго утвержденія ихъ въ магистратскія должности. Какими же соображеніями руководствовался при этомъ главный магистратъ? Нѣкоторыхъ кандидатовъ пришлось устранить по формальнымъ основаніямъ. Такъ, получившіе наибольшее число голосовъ Девятовъ и Бѣлавинъ не могли быть назначены на магистратскія должности, первый, какъ несочтенный еще по порядку казенной соли на разные магазины и какъ состоящій подъ слѣдствіемъ; второй, какъ состоящій казеннымъ повѣреннымъ у питейныхъ сборовъ въ Путивлѣ и по своимъ кондиціямъ уволенный отъ гражданскихъ службъ. Далѣе, такому же отводу подлежали Дмитрій Блазновъ въ качествѣ сокольяго помытчика и Ив. Пивоваровъ по случаю состоящихъ на немъ большихъ недоимокъ. Итакъ, оставалось выбирать всего изъ шести лицъ. Не трудно замѣтить, что при размѣщеніи этихъ лицъ по магистратскимъ должностямъ, главный магистратъ руководствовался прежде всего не количествомъ подданныхъ за каждаго кандидата голосовъ, а величиною ихъ окладовъ. Такъ, первымъ бургомистромъ былъ назначенъ не Лукутинъ, получившій наибольшое число голосовъ изъ тѣхъ кандидатовъ, которые подлежали назначенію, а Семенъ Бабкинъ, занимавшій среди этихъ кандидатовъ по числу избирательныхъ голосовъ третье мѣсто. Дѣло объясняется тѣмъ, что Лукутинъ былъ показанъ въ 18 рублевомъ окладѣ, а Бабкинъ—въ 70 рублевомъ окладѣ, высшемъ сравнительно со всѣми прочими кандидатами. Вторымъ бургомистромъ былъ назначенъ Богомоловъ, слѣдующій за Бабкинымъ по величинѣ своего оклада, хотя опять таки уступавшій Лукутину по числу избирательныхъ голосовъ. Лукутинъ былъ назначенъ лишь первымъ ратманомъ, Троилинъ и Зубковъ—оба одинаковаго 12 рублеваго оклада—были назначены тоже ратманами, при чемъ опять таки не была соблюдена постепенность по числу избирательныхъ голосовъ: Троилинъ, получившій 153 голоса, былъ назначенъ вторымъ ратманомъ, а Зубковъ, получившій 158 голосовъ — третьимъ. Остается отмѣтить, что никакого назначенія не получилъ Холщевъ, превосходившій

назначенныхъ ратмановъ своимъ окладомъ, но какъ разъ уступавшій имъ по числу избирательныхъ голосовъ. Однако, справившись съ именною вѣдомостью купцовъ первой гильдіи, находящейся въ цитируемомъ дѣлѣ, замѣчаемъ, что по отношенію къ Холщеву могло дѣйствовать особое обстоятельство, независимое отъ сравненія его съ прочими кандидатами по количеству полученныхъ имъ голосовъ. Въ названной вѣдомости, противъ имени Ивана Большева Холщева отмѣчено: „бургомистръ московскаго магистрата, отставленъ“. По всей вѣроятности, какъ это и бывало въ большинствѣ случаевъ, онъ былъ отставленъ по его собственному прошенію въ виду его отягощенности предшествующею службою,—а при этомъ условіи онъ могъ быть отстраненъ и отъ новаго назначенія независимо отъ сравнительной оцѣнки его оклада и числа полученныхъ имъ голосовъ въ силу его недавней прежней службы.

Насколько всѣ эти распоряженія главнаго магистрата, подсказанныя старой практикой, отвѣчали превозобладавшимъ теперь въ правящихъ сферахъ новымъ тенденціямъ, это прекрасно видно изъ дальнѣйшаго теченія разсматриваемаго дѣла. Одинъ изъ выбранныхъ Семенъ Бабкинъ вошелъ въ сенатъ съ доношеніемъ, въ которомъ протестовалъ противъ собственнаго выбора и указывалъ на рядъ отступленій отъ смысла высочайшей резолюціи, допущенныхъ при выборахъ. Сенатъ затребовалъ отъ главнаго магистрата все дѣлопроизводство по этимъ выборамъ и въ концѣ концовъ кассировалъ выборы, сопроводивъ эту кассацію слѣдующими весьма замѣчательными соображеніями: 1) къ выборамъ были призваны лишь купцы первой и средней статей по силѣ магистратскаго регламента и указа 1731 г., тогда какъ по высочайшему указу 23 ноября 1773 г. велѣно было призвать къ выборамъ *все купечество* безъ исключенія; 2) поставлены на баллотировку были опять таки не всѣ купцы, а избранные для этого по усмотрѣнію главнаго магистрата и при томъ *безъ совѣту съ купечествомъ*, при этомъ одни были устранены въ силу того, что изъ ихъ семейства уже былъ представитель въ числѣ баллотируемыхъ, другіе—изъ состоящихъ въ 9 рублевомъ окладѣ—по крайнему ихъ изнеможенію, иные по отмѣткамъ самого главнаго магистрата — „мотъ“, „банкротъ“, чего, по замѣчанію сената, „главному магистрату знать самому не можно“; наконецъ, многіе оказались отстраненными безъ всякихъ объясненій и безъ какихъ либо очевидныхъ къ тому основаній; 3) изъ выбранныхъ уже купечествомъ кандидатовъ главный магистратъ „перемѣнялъ собою, назначая не по числу балловъ, а по величинѣ окладовъ“. Подъ этими словами сенатскаго указа разумѣлось то размѣщеніе избранныхъ кандидатовъ по отдѣльнымъ магистратскимъ должностямъ, на которомъ я остановился выше. Сенатъ усматриваетъ въ этомъ со стороны главнаго магистрата превышеніе предоставленной ему

5*

власти и утверждаетъ, что магистратъ обязанъ былъ безъ дальнѣйшаго обсужденія утвердить въ должностяхъ тѣхъ, на кого пало наибольшее количество голосовъ. „Главному магистрату—толкуетъ сенатъ—предоставлено имѣть власть надъ ратушами и магистратами *по апелляціи*, а входить во внутреннее распоряженіе купечества онъ не имѣетъ права". Наконецъ, 4) сенатъ признаетъ неправильной ту систему перебаллотировокъ, которая была допущена главнымъ магистратомъ при этихъ выборахъ: цифры голосовъ, полученныя при баллотировкѣ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ сначала равное число голосовъ, сопоставлялись не только между собою, но и съ голосами, полученными всѣми прочими кандидатами при первоначальной баллотировкѣ. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ сенатъ и предписалъ произвести новые выборы на точномъ основаніи указа 23 ноября 1773 г. и обряда депутатскаго выбора въ коммиссію 1767 г. Изложенный указъ сената состоялся въ іюлѣ 1774 г. Новые выборы были произведены только въ іюлѣ 1775 г., т. е. ровно черезъ годъ. Сначала до февраля 1775 г. составляли новый именной списокъ всему московскому купечеству, при чемъ особенно затянулось составленіе списка купцовъ 3 гильдіи. Затѣмъ по просьбѣ купечества выборы были отложены на апрѣль, чтобы купцы не лишились „нынѣшняго способнаго времени для продажи ихъ товаровъ". Съ апрѣля дѣло затянулось затѣмъ по іюль. На этотъ разъ въ выборахъ приняли участіе купцы всѣхъ трехъ гильдій. Купечество пожелало при этомъ воспользоваться тѣмъ пунктомъ обряда депутатскаго выбора 1767 г., которымъ предоставлялось по желанію производить выборы чрезъ повѣренныхъ. По слободамъ было избрано 105 повѣренныхъ, которые и произвели баллотированіе по представленному списку купцовъ всѣхъ трехъ гильдій. Въ концѣ концовъ выбранными оказались:

въ бургомистры.	Лука Девятовъ	30 рубл. оклада.
» »	Степ. Струговщиковъ	20 » »
» ратманы.	Матв. Евреиновъ	70 » »
» »	Ѳома Мальцевъ	
» »	Сем. Бабкинъ	

Въ этотъ списокъ вошли только двое изъ тѣхъ лицъ, которыя были выбраны и первоначально *).

Я счелъ не излишнимъ съ нѣкоторою подробностью изложить это дѣло, въ виду того, что оно наглядно рисуетъ столкновеніе старыхъ и новыхъ началъ въ практикѣ посадскихъ выборовъ и показываетъ, насколько мало знакомы были эти новыя начала магистратскому управленію стараго типа. Искаженія смысла высочайшей резолюціи, допущенныя при ея выполненіи главнымъ магистратомъ, были не случайны, они проистекали изъ свое-

*) Дѣло глав. маг. вязка 314, № 55.

образнаго пониманія задачъ выборной муниципальной службы. Отсюда—стремленіе главнаго магистрата ограничить кругъ избирателей болѣе состоятельными группами гильдейскаго купечества, отсюда непризнаніе рѣшающаго значенія за результатами произведеннаго голосованія, стремленіе по произволу перетасовывать избранныхъ кандидатовъ въ угоду фискальнымъ соображеніямъ и наперекоръ выраженной въ голосованіи волѣ мѣстной общины. Въ основѣ всѣхъ этихъ пріемовъ лежалъ старый оффиціальный взглядъ на существо избирательныхъ функцій посадскаго схода. Наоборотъ, высочайшая резолюція 1773 года и послѣдовавшія по ней сенатскія разъясненія доставляли позднюю побѣду давнишнимъ завѣтнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ посадскихъ общинъ сдѣлать изъ посадскихъ выборовъ актъ передачи руководительства мѣстными общинными дѣлами настоящимъ представителямъ мѣстнаго міра.

4. Количественный и качественный личный составъ избирательныхъ посадскихъ сходовъ.

Я разсмотрѣлъ тѣ формы, въ которыя отливалась практика посадскихъ выборовъ въ прошломъ столѣтіи, и старался выяснить тѣ общія начала выборной магистратской службы, на почвѣ которыхъ вырабатывались эти формы. Мнѣ предстоитъ теперь разсмотрѣть другую сторону занимающаго насъ явленія: количественный и качественный личный составъ избирательныхъ посадскихъ сходовъ. Разсмотрѣніе этого состава освѣтитъ для насъ, хотя бы до нѣкоторой степени, бытовую физіономію этихъ сходовъ и вскроетъ передъ нами связь практиковавшихся на нихъ порядковъ съ общественными отношеніями, назрѣвавшими внутри самой посадской общины.

Прежде всего намъ представляется вопросъ: насколько широкъ былъ фактическій доступъ членовъ посадской общины къ избирательнымъ сходамъ?

Я не располагаю, къ сожалѣнію, достаточнымъ матеріаломъ для исчерпывающаго изученія статистики избирательныхъ сходовъ прошлаго столѣтія. Для этой цѣли были бы необходимы правильно веденныя записи такихъ сходовъ по отдѣльнымъ посадамъ съ обозначеніемъ участниковъ каждаго изъ этихъ сходовъ. Подобныхъ записей мнѣ не удалось открыть въ магистратскомъ дѣлопроизводствѣ изучаемаго періода. Оставалось удовольствоваться отдѣльными дѣлами о посадскихъ выборахъ въ различныхъ посадахъ тогдашней Россіи. Такихъ дѣлъ дошло до насъ весьма много. Отрывочность этого матеріала до извѣстной степени окупается тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣла о выборахъ, которыми я могъ пользоваться, касаются посадовъ, разсыпан-

ныхъ по разнообразнымъ раіонамъ Россіи. Повторяемость извѣстныхъ явленій на различныхъ пунктахъ, при несходныхъ во многомъ мѣстныхъ условіяхъ, отнимаетъ у этихъ явленій характеръ случайности и позволяетъ усматривать въ нихъ послѣдствія нѣкоторыхъ основныхъ особенностей посадскаго строя того времени.

Во многихъ дѣлахъ о выборахъ является возможнымъ сопоставить количество участниковъ избирательныхъ сходовъ съ общей ревизской цифрой мужского населенія даннаго посада. Пользуемся прежде всего именно этимъ пріемомъ для учета посѣщаемости сходовъ, слѣдуя примѣру самого главнаго магистрата прошлаго столѣтія. Намъ уже приходилось отмѣчать въ предшествующей главѣ, что при оцѣнкѣ законности избирательныхъ приговоровъ въ отношеніи количества подписавшихъ ихъ рукоприкладчиковъ главный магистратъ обыкновенно бралъ за мѣрило оцѣнки именно ревизскую цифру посадскаго населенія. Выбирая преимущественно такія дѣла, въ которыхъ содержатся данныя о цѣломъ рядѣ избирательныхъ сходовъ по одному и тому же посаду и выводя изъ этихъ рядовъ цифру, такъ сказать, средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ, мы получаемъ въ общемъ очень низкій процентъ этой посѣщаемости сравнительно съ ревизскимъ числомъ посадскихъ душъ. Въ качествѣ иллюстраціи къ этому наблюденію приведу слѣдующія примѣрныя данныя. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 40 годахъ XVIII стол. при общей цифрѣ мужского населенія посада по вѣдомости камеръ-коллегіи—2340 душъ встрѣчаемъ избирательные сходы въ среднемъ человѣкъ въ 40—всего 1,8% *). Тоже—въ Орловскомъ посадѣ: 2777 посадскихъ душъ м. п. и средняя посѣщаемость избирательныхъ сходовъ—50 чел.—1,8% **). По Торопцу имѣемъ данныя о составѣ избирательныхъ сходовъ за 1744—1764 годы. Число участниковъ колеблется между 73 и 23. Средняя посѣщаемость—43,8. Сравнительно съ цифрой первой ревизіи (1888) это составляетъ—2,2%, а второй ревизіи (2165)—1,9% ***).

Приведу еще нѣсколько примѣровъ въ порядкѣ постепеннаго повышенія процента средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ.

*) Дѣла гл. маг. вязка 15, № 102.
**) Ibid. вязка 36, № 43.
***) Ibid. вязка 26, № 47.

Посадъ.	Годы.	Средняя посѣщаемость изб. схода.	Ревизское число муж. пола душъ.	% средней посѣщаемости.
Олонецкъ.	1744—1753	100	3890	2,5
Ярославль.	1763—1766	166	5817	2,8
Вязники.	1745—1752	44	1293	3,4
Казань	1744—1761	37,4	1080	3,4
»	1764—1773	60,2	1936	3,1
Чебоксары	1744—1766	54,8	1700	3,2
Вятка	1744—1769	57,2	1508	3,7
Шуя.	1745	37	1000	3,7
Тюмень.	1744—1748	65	1320	4,9
Слободскъ	1744—1770	53	969	5,4
Томскъ.		58	1000	5,8
Тихвинъ	1745—1758	54	890	6
Бѣлоозеро.	1744—1755	59	900	6,5
Сызрань.	1744—1769	88	1194	7,3
Юрьевъ	1744	64	900	7
Владиміръ	1750	74	1049	7
Козьмодемьянскъ .	1744—1745	85	962	8,8
Козловъ.	1744	54	577	9,3
Ростовъ	1744—1748	92	961	9,5
Великіе Луки . . .	1744—1763	68	650	10,5
Сѣвскъ.	1744	95	821	11,6
Кола	1744—1746	10	66	15
Цивильскъ	1744—1765	44	249	17,8 *)

Приведенные примѣры касаются разнообразныхъ пунктовъ; нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ обнимаютъ довольно продолжительные періоды времени, и вездѣ мы должны констатировать очень низкій процентъ средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ. Правда, этотъ процентъ тотчасъ же повышается въ тѣхъ случаяхъ, когда документальныя данныя позволяютъ намъ сопоставить цифру средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ не съ *ревизской* цифрой посадскаго населенія, а съ цифрой *наличныхъ* душъ муж. п., которая оказывается ниже ревизской цифры. Далѣе, процентъ повысится еще болѣе, когда мы будемъ брать во вниманіе лишь тѣхъ изъ наличныхъ членовъ посадской общины, которые *фактически* могли имѣть доступъ къ участію въ мірскихъ сходахъ, т. е. когда мы исключимъ изъ счета малолѣтнихъ, престарѣлыхъ, чрезмѣрно охудавшихъ. Но,—что представляется особенно важнымъ,—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда источники позволяютъ намъ ввести въ разсчетъ эти необходимыя по существу дѣла ограниченія, все же и повышенный процентъ средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ оказывается въ общемъ не особенно значительнымъ. Мы должны припомнить при этомъ, что въ нѣкоторыхъ посадахъ составъ избирательныхъ

*) Дѣла гл. маг. в. 44, № 76; в. 249, № 1; в. 32, № 69; в. 22, № 63; в. 23, № 36; в. 33, № 83; в. 46, № 54; в. 46, № 97; в. 31, № 42; в. 55, № 49; в. 56, № 27; в. 44, № 73; в. 35, № 33; в. 36, № 53; в. 108, № 34; в. 21, № 25; в. 24, № 50; в. 30, № 142; в. 19, № 112; в. 20, № 17; в. 49, № 81; в. 40, № 41.

сходовъ подчинялся системѣ правильнаго представительства: на сходъ призывались не всѣ правоспособные члены общины, а лишь по одному представителю отъ каждаго посадскаго двора. Мы отмѣтили выше слѣды такого порядка въ Кашинскомъ и Каширскомъ посадахъ для сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія. При широкомъ, если и не повсемѣстномъ примѣненіи этого порядка намъ пришлось бы опредѣлять посѣщаемость избирательныхъ сходовъ примѣнительно къ числу дворовъ, а не къ числу правоспособныхъ членовъ даннаго посада. Но документальныя данныя о составѣ сходовъ положительно убѣждаютъ въ томъ, что упомянутый порядокъ отнюдь не пользовался широкимъ примѣненіемъ, и вотъ почему мы не вводимъ указаннаго обстоятельства въ занимающіе насъ теперь разсчеты.

Остается несомнѣннымъ, что фактически мірскіе сходы посѣщались далеко не всѣми наличными членами посадской общины, по закону имѣвшими къ нимъ доступъ. Такъ, наприм., по Сѣвску приведенный выше процентъ—11,6 повышается лишь на 19,5 при сравненіи средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ Сѣвскаго посада съ цифрой *наличнаго* посадскаго населенія м. п. *). По Козьмодемьянску при замѣнѣ ревизской цифры посадскаго населенія (962 д. см. выше) цифрой наличныхъ душъ, показанной по сказскамъ выбранныхъ въ магистратскія должности въ 1745 г. (660 д.), занимающій насъ процентъ повышается съ 8,8 до 12,8% **) и т. д. Если процентъ средней посѣщаемости, взятый отъ общаго количества *ревизскихъ* душъ, всего чаще не доходитъ до 10% и лишь весьма немного превосходитъ эту грань въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ, то примѣнительно къ количеству *наличныхъ* душъ размѣръ этого процента повышается до 20—30 %, но никогда не достигаетъ даже *половины* всего наличнаго населенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ, опять таки взятыхъ по самымъ разнообразнымъ пунктамъ:

	Средняя посѣщаемость.	Наличн. посад. душъ.	%
Курмышъ	31	100	31
Порховъ	105	400	26,2
Кадомъ	50	142	35,2
Муромъ	131	807	16,1
Чугуевъ	23	172	13,8
Царицынъ	87	292	29,7
Крапивна	11	70	15,7 и т. д. ***)

*) Д. гл. маг. в. 20, № 17.

**) Д. гл. маг. в. 31, № 25.

***) Д. гл. маг. в. 45, № 24; в. 45, № 45; в. 16, № 22; в. 27, № 61; в. 33, № 90; в. 33, № 94; в. 32, № 62.

Чтобы получить процентъ средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ, съ дѣйствительной точностью выражающій степень этой посѣщаемости для каждаго даннаго посада, мы должны были бы и изъ числа наличныхъ душъ, числящихся по каждому посаду, вычесть малолѣтнихъ, убогихъ, дряхлыхъ, которые не входили въ составъ членовъ мірскихъ сходовъ независимо отъ своего личнаго усмотрѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается возможнымъ сдѣлать это, мы все же не получаемъ значительнаго повышенія этого процента. Весьма отчетливый цифровый матеріалъ для такого сопоставленія находимъ, напр., въ дѣлѣ о казанскихъ выборахъ. По второй ревизіи въ Казанскомъ посадѣ, вмѣстѣ съ вновь причисленными по указамъ, числилось—1080 душъ м. п. По 1759 годъ изъ этого числа показано убыли всего 493 души, а именно: умерло 436, сдано въ рекруты 44, бѣжало—10, сослано въ Оренбургъ—3, итого 493. За вычетомъ этой убыли въ наличности оставалось 587 душъ. Въ томъ числѣ состояло:

«престарѣлыхъ, малолѣтнихъ, впадшихъ по разнымъ дѣламъ въ погрѣшности, за которыхъ подушныя платитъ казанское купечество»	198 душъ
«убогихъ, которыя подушныя платятъ по полу и по четверти душъ и дворовъ не имѣютъ, живутъ въ работахъ у разныхъ чиновъ людей и въ службы не опредѣляются» .	174 »
	372 души.

Итого, изъ 587 душъ дѣйствительныхъ тяглецовъ, фактически участвующихъ въ посадскихъ службахъ и посадскомъ самоуправленіи, оставалось 215 душъ. Сопоставляя теперь всѣ эти цифры съ цифрой средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ въ Казани за періодъ 1744—1761 гг. (37), получаемъ слѣдующіе выводы:

съ ревизскаго числа душъ.	1080	3,4%
съ числа наличныхъ душъ	587	6,3%
съ числа фактическихъ тяглецовъ . .	215	17,2% *).

Поднятіе процента въ послѣднемъ случаѣ сравнительно съ разсчетомъ отъ ревизскаго числа довольно значительно, но все же самъ по себѣ процентъ фактическихъ тяглецовъ, принимающихъ участіе въ сходахъ, очень скроменъ. Аналогичное расчисленіе удалось сдѣлать еще по Сѣвску. Ревизская цифра посадскаго населенія Сѣвска—821. По указанію президента сѣвскаго магистрата въ 1744 г. противъ этой цифры значилась убыль: померло 240, въ бѣгахъ состояло — 56, взято въ рекруты 33, постриглось въ чернецы—3, итого—332. Наличныхъ душъ оставалось 489. Въ томъ числѣ значилось неимущихъ 150. Къ сожа-

*) Д. гл. маг. в. 22, № 63.

лѣнію, въ доношеніи президента не указано число малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, и такимъ образомъ количество фактическихъ тяглецовъ приходится принимать лишь приблизительно въ 339 душъ (489—150). При средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ въ 95 человѣкъ, эти цифры даютъ слѣдующія процентныя отношенія:

съ ревизскаго числа душъ	821	11,6%
съ числа наличныхъ душъ	489	19,5%
съ числа фактическихъ тяглецовъ. .	339	28% *).

Если даже и принять во вниманіе, что цифры послѣдней строки приблизительны и должны быть увеличены, то и тогда мы вправѣ предположить, что процентъ фактическихъ посѣтителей избирательныхъ сходовъ Сѣвскаго посада въ среднемъ не достигалъ половины всего числа фактическихъ тяглецовъ. Конечно, желательно было бы увеличить количество такихъ чисто цифровыхъ примѣровъ. Сознавая, что приведенныхъ примѣровъ болѣе, чѣмъ недостаточно для подтвержденія справедливости нашего наблюденія для всей посадской Россіи того времени и не располагая подобными же данными для прочихъ посадовъ, мы можемъ воспользоваться, однако, другого рода наблюденіями надъ количественнымъ составомъ избирательныхъ сходовъ, которыя косвенно приводятъ насъ къ тому же самому выводу. Мы оперировали до сихъ поръ съ средними цифрами посѣщаемости избирательныхъ сходовъ. Если мы возьмемъ теперь отдѣльные сходы въ одномъ и томъ же посадѣ и сравнимъ число ихъ участниковъ, для насъ выяснится съ полной наглядностью, что абсентеизмъ *фактическихъ* тяглецовъ на этихъ сходахъ представлялся явленіемъ весьма распространеннымъ. Частныя отклоненія отъ среднихъ нормъ посѣщаемости сходовъ нерѣдко бывали очень рѣзки. Мы встрѣчаемъ иногда громадные по своей численности избирательные сходы, какъ, наприм., въ Бѣлгородѣ въ 1747 г. на сходѣ при выборахъ участвовало 234 человѣка **), въ Орлѣ въ 1748 и 1763 гг. собирались сходы въ 476, въ 545 человѣкъ ***). Обыкновенно, такіе многочисленные сходы собирались въ періодъ особенно обостренной борьбы посадскихъ партій по вопросамъ о выборахъ. Наряду съ этимъ сходы человѣкъ въ 15, 20, 30 представлялись явленіемъ весьма обычнымъ. Когда такія рѣзкія колебанія въ численности участниковъ схода наблюдаются въ одномъ и томъ же посадѣ, тогда становится несомнѣннымъ, что по большей части далеко не всѣ члены посада,

*) Д. гл. маг. в. 20, № 17.

**) Дѣла сената о раздорахъ и несогласіяхъ орловскаго купечества. Кн. 387/2870.

***) Дѣла сената по главн. маг. кн. 35/939.

фактически имѣвшіе доступъ къ избирательнымъ сходамъ, дѣйствительно на нихъ являлись.

Обратимся опять къ такимъ посадамъ, о выборахъ въ которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія за цѣлый рядъ лѣтъ. Вотъ — цѣлый рядъ избирательныхъ сходовъ Слободскаго посада за время отъ 1744 по 1770 годъ, всего за 26 лѣтъ. Средняя посѣщаемость сходовъ по этому посаду, какъ уже показано выше, опредѣляется въ 53 человѣка. Крайнія отклоненія отъ этой средней нормы—27 и 70 *). Сравнительно это еще очень незначительныя отклоненія, особенно для столь продолжительнаго періода времени; но по сопоставленію съ данными по другимъ посадамъ, мы не можемъ заключить отсюда, что слободскіе избирательные сходы полнò представляли собою наличныхъ фактическихъ тяглецовъ мѣстнаго посада. Мы въ правѣ сдѣлать лишь одно предположеніе, что въ данномъ посадѣ выборы все время протекали мирно, не осложняясь партійными столкновеніями, что и давало возможность извѣстной части фактическихъ тяглецовъ посада спокойно уклоняться отъ участія въ избирательныхъ сходахъ. Но вездѣ, гдѣ выборы сопровождались подобными столкновеніями—а это происходило въ громадномъ большинствѣ случаевъ—мы наблюдаемъ рѣзкіе скачки въ численности отдѣльныхъ сходовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Для Чебоксарскаго посада мы имѣемъ данныя объ избирательныхъ сходахъ за 22 года (1744 — 1766 гг.) **). Численность отдѣльныхъ сходовъ измѣняется тамъ слѣдующими скачками:

1744 г.	май	84 участника.	1757 г.	мартъ	77	участниковъ.
»	сентябрь	36 »	1761 г.	»	40	»
1751 г.	мартъ	54 »	1762 г.	»	52	»
1756 г.	апрѣль	72 »	1766 г.	»	55	»
			1766 г.	апрѣль	47	»

Итакъ, за всѣ 22 года изъ приведенныхъ до сихъ поръ случаевъ численность схода, только однажды достигнувъ 84 человѣкъ, спускалась до 40 и даже 36 человѣкъ. А, между тѣмъ, фактически на сходъ могло явиться выше сотни членовъ. Такъ, 12-го іюня 1757 г. въ Чебоксарахъ состоялся избирательный сходъ, на коемъ участвовало 130 человѣкъ, а одновременно для участія въ тѣхъ же выборахъ на особомъ сходѣ было собрано 69 цеховыхъ. Итого, въ выборахъ приняло участіе до 200 человѣкъ. Такое исключительное многолюдіе этого схода объясняется тѣмъ, что то былъ сходъ, такъ сказать, чрезвычайный: онъ былъ собранъ ратманомъ свіяжскаго магистрата, спеціально командированнымъ въ Чебоксары для наблюденія за мѣстными выборами въ виду обострившихся несогласій въ средѣ чебоксарскаго купе-

*) Д. гл. маг. в. 31, № 42.
**) Д. гл. маг. в. 23, № 36.

чества. Мы могли бы указать и другіе случаи, когда, вызванный мѣстными несогласіями, пріѣздъ иногородняго ревизора сразу значительно повышалъ численность избирательнаго схода. Укажемъ, напр., на сходы Козьмодемьянскаго посада. Въ 1744 г. мы встрѣчаемъ тамъ сходы въ 33, 12, 70 человѣкъ. Но вотъ для разслѣдованія мѣстныхъ партійныхъ разногласій прибылъ иногородній ревизоръ, и на избирательный сходъ сразу явилось 100 посадскихъ людей *). Вообще различнаго рода экстренныя обстоятельства замѣтно отражались на внезапномъ повышеніи численности сходовъ. Такъ, напр., въ Суздалѣ въ апрѣлѣ 1744 г. въ выборѣ магистратскихъ членовъ участвовало всего 59 человѣкъ, но, когда въ февралѣ 1745 г. предстояло рѣшить на сходѣ вопросъ о возбужденіи ходатайства передъ главнымъ магистратомъ насчетъ уменьшенія числа мѣстныхъ магистратскихъ членовъ, то участвующихъ въ этомъ постановленіи оказалось уже 168 лицъ **). Въ Веневѣ на двухъ избирательныхъ сходахъ подрядъ фигурируетъ по 38 человѣкъ. Это были обычные избирательные сходы. Въ 1751 г. собирается сходъ для выраженія протеста противъ предшествующихъ выборовъ и для производства перевыборовъ, и число участниковъ тотчасъ повышается до 169 ***). Весьма обстоятельныя данныя имѣемъ о тверскихъ выборахъ за 23 года (1744—1767 гг.). Средняя посѣщаемость тверскихъ избирательныхъ сходовъ за указанное время — 133,4. Эта средняя норма терпитъ, однако, весьма значительныя крайнія отклоненія по отдѣльнымъ сходамъ, которыя равняются 64 и 277. При этомъ оказывается возможнымъ распредѣлить всѣ избирательные сходы въ Твери по ихъ численности на двѣ категоріи: всѣ сходы съ повышенною численностью участниковъ относятся къ выборамъ президентовъ въ мѣстный магистратъ; при выборахъ другихъ, второстепенныхъ членовъ магистратскаго присутствія сходы оказываются значительно малолюднѣе. Измѣняемость численности сходовъ въ зависимости отъ предмета и обстоятельствъ ихъ созыва наглядно обрисовывается сопоставленіемъ слѣдующихъ двухъ рядовъ:

I.		II.	
1) 1744 г. 21 марта	79 челов.—выборы бургомистр. и ратмановъ.	1) 1751 г. 5 іюля	240 чел. — выбранъ новый президентъ.
2) 1744 г. 9 іюля .	64 челов. — выборъ новаго бургомистра.	2) 14 авг.	136 чел. — перемѣненъ президентъ.
3) 1744 г. 23 авг. .	77 чел. — выбранъ президентъ.	3) 4 декабря . .	277 чел.—вновь выбранъ прежній президентъ.

*) Д. глав. маг. в. 31, № 25.
**) Д. гл. маг. в. 26. № 30.
***) Д. гл. маг. в. 27, № 67.

I.		II.	
4) 1746 г. 13 мая	73 чел. — перемѣненъ бургомистръ.	4) 1756 г. 10 янв.	154 чел. — перемѣненъ президентъ.
5) 1750 г. 17 февр.	88 чел.—по дозволенію главн. магистрата уволены нѣкоторые магистр. члены.	5) 1761 г. 14 марта	189 чел. — выбранъ президентъ къ новому составу маг. присутствія.
6) 1759 г. 12 февр.	87 чел. — перемѣнены маг. члены.	6) 1764 г. 27 мая	125 чел. — весь составъ перемѣненъ на трехлѣтіе.
		7) 1767 г. 5 сент.	146 чел.—тоже.

Что въ данномъ случаѣ повышающимъ условіемъ служило именно сознаніе бо̀льшей важности президентской должности передъ всѣми прочими должностями, это подтверждается слѣдующей оговоркой избирательнаго приговора 12-го февраля 1759 г.: сходъ былъ созванъ для обновленія всего состава магистратскаго присутствія согласно предписанію сената. Выбравъ новыхъ бургомистровъ и ратмановъ, сходъ постановилъ отсрочить выборы новаго президента въ виду отсутствія изъ города многихъ нужныхъ къ тому первостатейныхъ людей. Отсроченные выборы президента состоялись уже въ мартѣ 1761 г., и тогда въ выборахъ оказалось 189 участниковъ *). Въ рядѣ другихъ случаевъ замѣчается разница въ численности избирательныхъ сходовъ въ зависимости отъ того, предстояло ли выбрать весь составъ магистратскаго присутствія, или только нѣкоторыхъ его членовъ. Здѣсь опять разница оказывается не разъ очень значительной. Примѣры: въ Брянскѣ въ 1744 г. очень скоро одинъ за другимъ состоялось два избирательныхъ схода. На первомъ, предметомъ котораго былъ выборъ двухъ бургомистровъ и трехъ ратмановъ, участвовало 226 человѣкъ. Главный магистратъ, утвердивъ всѣхъ кандидатовъ, предписалъ добрать къ нимъ еще одного ратмана. На этихъ дополнительныхъ выборахъ встрѣчаемъ всего 65 участниковъ **). Это не случайность: такія же явленія наблюдаются во многихъ другихъ случаяхъ. Въ Сызранскомъ посадѣ въ апрѣлѣ 1744 г. на выборахъ магистратскихъ членовъ участвуетъ 149 человѣкъ, въ октябрѣ того же года на дополнительныхъ выборахъ одного добавочнаго ратмана—всего 38 ***). Въ Зарайскѣ въ маѣ 1744 г. выбрали въ мѣстный магистратъ одного бургомистра и двухъ ратмановъ, „примѣняясь къ числу членовъ прежняго зарайскаго магистрата", т. е. къ старому порядку, существовавшему до отмѣны магистратскихъ учрежденій по смерти Петра I. Въ этомъ сходѣ участвовало 174 лица. Затѣмъ состоялся дополнительный сходъ, созванный въ январѣ 1745 г. по предписанію

*) Д. гл. маг. в. 17, № 45.
**) Д. гл, маг. в. 16, № 12.
***) Д. гл. маг. в. 35, № 33.

сената добрать двухъ ратмановъ, уже при 82-хъ участникахъ. Когда же въ февралѣ 1753 г. среди Зарайскаго посада поднялся вопросъ о томъ, чтобы ходатайствовать передъ главнымъ магистратомъ о возвращеніи къ старому порядку въ виду отягощенія посада многообразными службами, то на созванный съ этою цѣлью сходъ опять явилось около полутораста участниковъ *). Полагаю, что приведенные примѣры, количество которыхъ можно было бы увеличить до какой угодно степени,—достаточно иллюстрируютъ наше общее наблюденіе: низкій процентъ средней посѣщаемости избирательныхъ сходовъ, помимо непроизвольнаго отстраненія многихъ членовъ посада отъ участія въ нихъ по старости, маломочности, служебнымъ посылкамъ и т. п., въ значительной степени долженъ быть отнесенъ и насчетъ добровольнаго абсентеизма многихъ посадскихъ людей. Повышенная посѣщаемость сходовъ при наличности какихъ-нибудь осложняющихъ обстоятельствъ всего лучше доказываетъ, что источникомъ малолюдности избирательныхъ сходовъ при обычномъ теченіи дѣлъ всего чаще являлся именно добровольный абсентеизмъ.

Сдѣланный только что выводъ могъ бы самъ по себѣ подать поводъ къ предположенію, что въ большинствѣ посадовъ тогдашней Россіи изъ массы посадскаго населенія выдѣлялась сравнительно небольшая кучка, такъ сказать, профессіональныхъ участниковъ избирательныхъ собраній, которые и держали въ своихъ рукахъ исключительное вліяніе на мѣстные выборы. Однако, факты рисуютъ намъ совершенно иную картину.—Переходя отъ численности избирательныхъ сходовъ къ ихъ составу и сопоставляя съ этой точки зрѣнія разновременные сходы одного и того же посада, мы не можемъ не констатировать замѣтной *неустойчивости личнаго состава избирательныхъ сходовъ*. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого наблюденія. Вотъ два избирательныхъ схода въ Звенигородскомъ посадѣ, созванные очень скоро одинъ за другимъ: 3-го апрѣля 1744 г.—для выборовъ всѣхъ магистратскихъ членовъ съ 43 участниками и 16 іюня—для перемѣны одного бургомистра по предписанію главнаго магистрата за его безграмотностью—съ 41 участникомъ. Всего на двухъ сходахъ участвовало 66 лицъ (66, а не 84, какъ получилось бы отъ простого сложенія числа участниковъ обоихъ сходовъ, такъ какъ нѣкоторыя лица участвовали въ обоихъ сходахъ). Изъ этихъ 66 избирателей

въ обоихъ сходахъ участвовало	18 чел.	—27,3%
въ какомъ-либо одномъ изъ нихъ	48 »	—72,7%

Въ одномъ первомъ сходѣ участвовало 25 чел., въ одномъ второмъ—23 чел. **), Разность между этими двумя процентными

*) Д. гл. маг. в. 29, № 125.
**) Д. гл. маг. в. 18, № 78.

отношеніями и показываетъ степень неустойчивости личнаго состава избирательныхъ сходовъ для даннаго примѣра. Беремъ другой примѣръ болѣе сложный. Въ Арзамасѣ въ 1744 г. выборы дважды были опротестованы въ виду того, что избираемые кандидаты оказывались не первостатейными людьми. Благодаря этому обстоятельству, въ сранительно краткій промежутокъ времени тамъ состоялось три избирательныхъ схода: 13 апрѣля, 17 іюня и 11 ноября. На первомъ число участниковъ было 75, на второмъ—52, на третьемъ—94. Всего на всѣхъ трехъ сходахъ фигурировало 172 лица. Въ томъ числѣ:

во всѣхъ трехъ сходахъ участвовало		. . 12	лицъ.
въ первомъ и во второмъ	»	. . 8	»
во второмъ и третьемъ	»	. . 9	»
въ первомъ и третьемъ	»	. . 10	»
только въ первомъ	»	. . 45	»
» во второмъ	»	. . 23	лица.
» въ третьемъ	»	. . 65	лицъ.
	Всего	172	лица.

Такимъ образомъ, на всѣхъ трехъ сходахъ

неизмѣнно участвовало	12	чел.—	7%
изъ трехъ сходовъ явилось на два . . .	27	»	—15,6%
» » » » » одинъ . .	143	»	—77,4%

При этомъ, въ общемъ на второмъ сходѣ сравнительно съ первымъ явилось 32 новыхъ лица изъ 52, на третьемъ сходѣ изъ 94-хъ членовъ 65 не участвовали на первыхъ двухъ *). Важно отмѣтить, что не только третій сходъ сравнительно съ первыми двумя оказался почти совсѣмъ новымъ по своему составу, но и первые два схода весьма разнятся въ этомъ отношеніи другъ отъ друга. Дѣло въ томъ, что первые два схода въ противоположность третьему отличались солидарностью своихъ дѣйствій и рѣшеній, не смотря на отпоръ, встрѣченный ими со стороны главнаго магистрата, и были руководимы одной и той же партіей, которая ко времени созыва третьяго схода оказалась уже сбитой съ своей позиціи. Тѣмъ не менѣе, составъ первыхъ двухъ сходовъ тоже далеко не былъ одинаковъ. Подобное же сравненіе между тремя послѣдовательными сходами мы можемъ сдѣлать для Великолуцкаго посада. Здѣсь повторительные созывы избирательныхъ сходовъ были вызваны не отказомъ высшей инстанціи утвердить первоначально намѣченныхъ кандидатовъ, а требованіемъ главнаго магистрата добрать новыхъ членовъ для пополненія узаконеннаго комплекта магистратскаго присутствія. Первый сходъ—29-го мая 1744 г.—49 участниковъ, второй—6-го марта 1745 года—87 участниковъ, третій уже въ октябрѣ 1763 года—

*) Д. гл. маг. в. 17, № 62.

35 участниковъ. Всего во всѣхъ трехъ сходахъ фигурировало 145 лицъ: въ первомъ—49 лицъ, во второмъ—66 новыхъ лицъ и 21 участвовавшихъ и въ первомъ сходѣ, въ третьемъ—30 новыхъ лицъ и только 5, которые участвовали и въ какомъ-либо изъ двухъ предшествовавшихъ сходовъ *).

Въ Темниковскомъ посадѣ за 1744—1748 гг. состоялось четыре избирательныхъ схода:

1) 30 августа 1744 г. участвовало . . . . 41 чел.
2) 2 октября 1744 г. новые выборы вслѣдствіе неутвержденія всѣхъ первоначал. кандидат. . 33 »
3) 16 марта 1745 г. добрали еще одного члена . . . . 29 »
4) 17 марта 1748 г. ходатайство о перемѣнѣ магистратскихъ членовъ . . . . 64 »

На всѣхъ этихъ сходахъ фигурировало всего 126 человѣкъ. Въ томъ числѣ:

въ какомъ-либо одномъ . .	94—74,6%
въ двухъ сходахъ	26—20,6%
въ трехъ сходахъ	5— 4%
во всѣхъ четырехъ . . .	1— 0,8% **)

Для Бѣлогородскаго посада имѣемъ возможность сопоставить пять избирательныхъ сходовъ:

1) 14 ноября 1744 г. . . .	71 участн.
2) 31 января 1745 г. . . .	64 »
3) 5 апрѣля 1745 г. . . .	68 »
4) 11 августа 1752 г. . . .	52 »
5) 11 января 1753 г. . . .	56 »

Всего въ пяти сходахъ фигурировало 220 лицъ. Въ томъ числѣ:

въ какомъ-либо одномъ сходѣ . . .	163 чел.	—74%
въ двухъ сходахъ	35 »	—16%
въ трехъ сходахъ	15 »	—6,8%
въ четырехъ сходахъ	5 »	—2,2%
въ пяти сходахъ	2 »	—1% ***)

Закончимъ наши примѣры еще слѣдующими данными по Моможайскому уѣзду. Въ маѣ 1744 г. состоялись выборы всего магистратскаго присутствія. Выборъ одного изъ кандидатовъ былъ опротестованъ главнымъ магистратомъ. На вторичномъ сходѣ въ началѣ іюня можайскіе посадскіе люди вновь избрали того же кандидата, и лишь послѣ вторичнаго опротестованія на третьемъ сходѣ—25 сентября 1744 г.—былъ избранъ новый кандидатъ, который и былъ затѣмъ окончательно утвержденъ въ должности. На первыхъ выборахъ участвовало 35 человѣкъ, на второмъ—46, на третьихъ—42. Всего на трехъ сходахъ фигурировало 73 лица.

*) Д. гл. маг. в. 19, № 112
**) Д. гл. маг. в. 20, № 9.
***) Д. гл. маг. в. 44, № 73.

Въ томъ числѣ: на одномъ первомъ участвовало 9 чел., на одномъ второмъ—15, на одномъ третьемъ—14 чел. Участвовавшіе на двухъ сходахъ распредѣлились такъ:

на первомъ и второмъ сходѣ участвовало	. 6	чел.
на второмъ и третьемъ »	. 9	»
на первомъ и третьемъ »	. 4	»

На всѣхъ трехъ сходахъ участвовало 15 человѣкъ. Итакъ,

на какомъ-либо одномъ сходѣ участвовало всего	38	чел.
на двухъ сходахъ	19	»
на всѣхъ трехъ сходахъ	15	» *)

Всѣ эти разсчеты одинаково рисуютъ значительную неустойчивость личнаго состава избирательныхъ сходовъ. Мы позволили себѣ привести здѣсь эти факты въ видѣ образца только потому, что они могутъ быть подтверждены, при желаніи, всей той массой дѣлопроизводствъ о посадскихъ выборахъ, съ которой намъ пришлось познакомиться при изученіи документовъ главнаго магистрата. Мы выбрали здѣсь на удачу лишь нѣсколько примѣровъ изъ дѣлъ разныхъ посадовъ Европейской Россіи. Чѣмъ объяснить наблюденное нами явленіе? Упомянутый выше порядокъ составленія избирательныхъ сходовъ изъ представителей каждаго двора, практиковавшійся въ нѣкоторыхъ посадахъ, и въ данномъ случаѣ не можетъ служить удовлетворительнымъ объясненіемъ. Конечно, самъ по себѣ этотъ порядокъ могъ вести къ неустойчивости состава сходовъ: одни и тѣ же дворы могли посылать на разные сходы не однихъ и тѣхъ же представителей: то шелъ отецъ, то одинъ изъ старшихъ сыновей, не отдѣлившихся еще въ особый дворъ. Но въ общемъ мы можемъ приписать этому обстоятельству лишь наименьшее вліяніе въ данномъ случаѣ. Во-первыхъ, этотъ порядокъ примѣнялся лишь въ немногихъ посадахъ; во-вторыхъ, въ личномъ составѣ избирательныхъ сходовъ одного и того же посада по большей части мѣнялись не только лица, но и фамиліи. Такъ, наприм., въ послѣднемъ изъ приведенныхъ выше случаевъ, въ Можайскомъ посадѣ на второмъ сходѣ изъ 15-ти новыхъ лицъ сравнительно съ первымъ сходомъ встрѣчаемъ 11 новыхъ фамилій, на третьемъ сходѣ изъ 14 новыхъ лицъ, не фигурировавшихъ на двухъ предшествующихъ сходахъ, встрѣчаемъ 12 съ новыми фамиліями и т. п. Несомнѣнно, важное значеніе при объясненіи интересующаго насъ явленія должны получить различныя чисто случайныя обстоятельства—служебныя посылки, торговыя отлучки, болѣзни отдѣльныхъ членовъ общины и т. п. Служебныя посылки, наприм., отрывали ежегодно массу посадскихъ людей отъ родного посада и разбрасывали

*) Д. гл. маг. в. 16. № 4.

ихъ по разнообразнымъ уголкамъ Россіи. Эти постоянныя перекочевки должны были естественно отражаться и на измѣнчивости личнаго состава избирательныхъ сходовъ. Однако, такого рода случайныя обстоятельства далеко не покрывали собою всѣхъ причинъ интересующаго насъ явленія. Достаточно отмѣтить, что—какъ это отчасти видно и изъ приведенныхъ выше примѣровъ—измѣнчивостью личнаго состава нерѣдко отличались сходы, весьма быстро слѣдовавшіе другъ за другомъ. Очевидно, помимо упомянутыхъ случайныхъ причинъ мы должны поискать другихъ. болѣе общихъ, связанныхъ съ основными условіями дѣятельности избирательныхъ сходовъ.

Отъ разсмотрѣнія количественнаго состава этихъ сходовъ мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію ихъ качественнаго состава. Мы посмотримъ затѣмъ, не найдутъ-ли себѣ при этомъ объясненія два только-что наблюденныя нами явленія: 1) недостаточная посѣщаемость избирательныхъ сходовъ и 2) измѣнчивость ихъ личнаго состава; мы посмотримъ также, не находились-ли эти два явленія во взаимной связи.

Мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, какимъ направленіемъ была проникнута законодательная регламентація посадскихъ выборовъ въ теченіе прошлаго столѣтія. Уже магистратскій регламентъ двадцатыхъ годовъ предоставилъ пользованіе активнымъ и пассивнымъ правомъ однимъ первостатейнымъ посадскимъ людямъ. Указъ 1731 г., вѣрный этой же тенденціи, въ сущности совершенно уничтожалъ общепосадскіе избирательные сходы. Избраніе главныхъ представителей выборнаго посадскаго управленія было предоставлено исключительно посадскимъ людямъ первой и средней статьи. За то посадскимъ людямъ первыхъ двухъ статей запрещалось участвовать въ выборахъ второстепенныхъ агентовъ этого управленія, которыхъ могли избирать только люди третьей статьи. Въ какой мѣрѣ эти законодательныя постановленія примѣнялись на практикѣ и въ какой мѣрѣ ихъ дѣйствіемъ можно объяснять отмѣченныя выше особенности въ численномъ составѣ избирательныхъ сходовъ?

Несомнѣнно, эти законодательныя опредѣленія сохраняли силу въ теченіе всего изучаемаго періода. Ими руководились и на нихъ ссылались. Нарушеніе этихъ постановленій всегда могло быть выставлено законнымъ поводомъ кассаціи произведенныхъ выборовъ. Во время избирательной кампаніи, въ разгаръ партійной борьбы, партія, оставшаяся за флагомъ и желающая добиться отмѣны непріятныхъ ей выборовъ, прежде всего спѣшила донести въ главный магистратъ, что выборы были произведены „безъ совѣту земскаго старосты и *знатныхъ* посадскихъ людей“ *). Демократичность избирательнаго схода являлась признакомъ

*) Д. глав. маг. в. 3, № 10.

его незаконности. Нерѣдко встрѣчаются случаи отсрочки уже назначенныхъ выборовъ въ силу отсутствія изъ посада всѣхъ или большинства лучшихъ, первостатейныхъ людей. Пользуясь этимъ мотивомъ, посадскимъ обществамъ удавалось иногда оттягивать выборы на весьма значительный срокъ. Громадное большинство посадовъ стремилось къ сокращенію личнаго состава магистратскихъ присутствій сравнительно съ тѣми штатами, которые были установлены примѣнительно къ населенности посадовъ. Весьма часто посадъ выбиралъ меньшее количество магистратскихъ членовъ противъ показаннаго по штатамъ. Когда мірскія ходатайства о сокращеніи магистратскихъ штатовъ не достигали цѣли, и главный магистратъ отвѣчалъ на нихъ требованіемъ „добрать" недостающихъ членовъ, посады начинали „волочить" производство дополнительныхъ выборовъ. Въ такихъ-то случаяхъ указанный выше мотивъ и сослуживалъ посадскимъ обществамъ хорошую службу. Передъ этимъ мотивомъ главный магистратъ оказывался безсильнымъ, а провѣрить его справедливость для каждаго даннаго случая не представлялось возможнымъ. Насколько хорошо удавался иногда этотъ маневръ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго характернаго примѣра. Въ сентябрѣ 1744 г. главный магистратъ предписалъ Кунгурскому посаду добрать двухъ недостававшихъ ратмановъ. Кунгурскій магистратъ донесъ, что лучшіе люди посада всѣ или въ годовыхъ службахъ, или въ разъѣздахъ по другимъ городамъ съ паспортами, по своимъ торговымъ надобностямъ, и что дополнительные выборы будутъ произведены по ихъ возвращеніи. Эти дополнительные выборы состоялись лишь въ ноябрѣ 1745 г., т. е. не ранѣе, *какъ черезъ годъ* *). Если отсутствіе изъ посада первостатейныхъ людей служило достаточнымъ поводомъ къ отсрочкѣ избирательнаго схода, то, съ другой стороны, отсутствіе именъ первостатейныхъ людей среди подписей подъ состоявшимся уже избирательнымъ приговоромъ порочило законность такого выбора. Мы уже упоминали въ другой связи о гороховецкихъ выборахъ сороковыхъ годовъ. Здѣсь интересно припомнить одну ихъ подробность. Гороховецкая воеводская канцелярія, получивъ изъ ратуши для отсылки въ главный магистратъ избирательный приговоръ отъ *„всего* гороховскаго купечества", но лишь съ 25-ю подписями, тотчасъ же запросила у ратуши, почему подъ приговоромъ нѣтъ подписей первостатейныхъ гороховецкихъ купцовъ—Алексѣя, Ивана Ширяева, Дм. Кожевникова, Чистякова, Алексѣя Кожевникова и „не имѣется-ли отъ нихъ въ томъ выборѣ какого препятствія". Такимъ образомъ, первостатейные купцы считаются необходимыми участниками избирательнаго схода, отсутствіе ихъ подписей подъ избирательнымъ пригово-

*) Д. гл. маг. в. 38, № 123.

ромъ разсматривается не какъ простая случайность, и прежде всего рождается подозрѣніе, нѣтъ-ли съ ихъ стороны несогласія съ постановленіемъ схода. Въ данномъ случаѣ это подозрѣніе подтвердилось. Алексѣй Кожевниковъ оказался въ отлучкѣ изъ Гороховца, а прочіе поименованные въ запросѣ воеводской канцеляріи купцы сказсками показали, что они не могутъ присоединиться къ выбору намѣченныхъ кандидатовъ, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ кандидатовъ непожиточны и непервостатейны, а съ иными у нихъ имѣются „приказныя ссоры". Выборы были кассированы, хотя главный магистратъ подчеркнулъ при этомъ другой, чисто формальный мотивъ кассаціи: присутствіе на избирательномъ сходѣ ратушскаго бургомистра *). Съ особенною опредѣленностью выяснились взгляды главнаго магистрата на роли различныхъ группъ посадскаго населенія на избирательномъ сходѣ при выборахъ въ Рыбной слободѣ Ярославскаго уѣзда (нынѣшній г. Рыбинскъ) въ 1745 г. 8 февраля 1745 г.; тамъ состоялись выборы бургомистра и двухъ ратмановъ, въ которыхъ участвовали „*среднестатейные* и *маломочные* купецкіе люди". Всего подписалось подъ выборами 50 человѣкъ. Первостатейные люди—человѣкъ съ 20—имѣли на готовѣ своихъ кандидатовъ и свои особыя причины настаивать на ихъ проведеніи. Будучи при сборахъ, первостатейные купцы запустили большія недоимки и теперь, желая принудить посадъ къ платежу за нихъ той недоимки, во чтобы-то ни стало стремились замѣстить магистратскія должности своими клевретами. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснились ихъ дѣйствія въ одномъ изъ послѣдующихъ доношеній, посланныхъ въ главный магистратъ противной имъ партіей. Какъ-бы то ни было, первостатейные купцы собрались на свой особый сходъ и написали „выборъ" на своихъ кандидатовъ, игнорируя уже состоявшійся помимо ихъ „мірской" избирательный приговоръ. Купцы средней и третьей статей не замедлили отправить въ главный магистратъ протестъ противъ этого сепаратнаго выбора. Резолюція главнаго магистрата по настоящему дѣлу очень любопытна. Признавъ основательность протеста противъ выборовъ, произведенныхъ первостатейными купцами, главный магистратъ не счелъ возможнымъ утвердить и тѣ выборы, которые состоялись безъ участія первостатейныхъ и при участіи маломочныхъ людей. Онъ предписалъ произвести выборы вновь перво и среднестатейнымъ купцамъ вмѣстѣ, но безъ участія маломочныхъ **).

Таковы факты, показывающіе, что постановленія закона относительно личнаго состава избирательныхъ сходовъ не оставались мертвой буквой и не проходили безслѣдно для практики посад-

*) Д. глав. маг. в. 55, № 48.
**) Д. гл. маг. в. 47, № 23.

скихъ выборовъ. Тѣ же факты показываютъ, однако, что избирательная практика нерѣдко и отступала отъ прямого смысла этихъ постановленій, и нельзя сказать, чтобы подобныя отступленія всегда встрѣчали послѣдовательный отпоръ со стороны высшей администраціи. Изученіе дѣлопроизводства прошлаго столѣтія о посадскихъ выборахъ не оставлаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что олигархическая тенденція, пробившаяся въ законодательство о выборахъ, терпѣла въ дѣйствительности существенныя ограниченія. Мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ избирательные сходы, на которыхъ присутствуютъ представители всѣхъ трехъ статей, и весьма нерѣдко избирательные приговоры такихъ сходовъ получаютъ утвержденіе. Главный магистратъ санкціонируетъ подобные приговоры даже въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе на сходѣ всякихъ купцовъ безъ различія статей обнаруживается съ полной откровенностью. Такъ, напримѣръ, главный магистратъ два раза подъ рядъ отмѣнялъ по различнымъ основаніямъ выборы Кадомскаго посада, произведенные 7 мая и 10 іюня 1744 г., но безпрепятственно утвердилъ третьи выборы—9 ноября 1744 г., при которыхъ на выборномъ приговорѣ была сдѣлана отмѣтка: „сей выборъ за подписаніемъ *всего* купечества, точію кромѣ отлученныхъ отъ домовъ“ *).

Въ 1747 г. въ декабрѣ Углицкій посадъ выбиралъ магистратскаго президента. Углицкая воеводская канцелярія донесла въ главный магистратъ, что тѣ выборы были произведены „земской избы ларечнымъ Иваномъ Русиновымъ съ товарищи и углицкимъ первой, средней *и меньшей* статей купечествомъ“. Главный магистратъ справился чрезъ посредство воеводской канцеляріи, нѣтъ ли на Углицкомъ посадѣ людей, превосходящихъ избраннаго кандидата имущественной самостоятельностью, и, когда канцелярія удостовѣрила безспорное первенство этого кандидата въ указанномъ отношеніи, главный магистратъ не встрѣтилъ никакихъ дальнѣйшихъ препятствій къ его утвержденію **). Въ Бѣжецкѣ въ 1744 г., какъ указано въ мірскихъ избирательныхъ приговорахъ, въ выборахъ участвуютъ: „первой, средней и *меньшей* статей города Бѣжецка купецкіе люди“, что опять таки не служитъ препятствіемъ къ утвержденію выборовъ ***). Тоже наблюдаемъ въ Олонецкомъ посадѣ. Одно дѣло объ олонецкихъ выборахъ въ этомъ отношеніи особенно любопытно. Въ 1753 г. на мѣсто умершаго олонецкаго бургомистра былъ избранъ одинъ изъ мѣстныхъ же ратмановъ Алексѣй Анцыферовъ. На избирательномъ сходѣ участвовали „купцы первой, второй и *третьей* статей“. По поводу этихъ выборовъ произошло столкновеніе между мірскимъ

*) Д. гл. маг. в. 16, № 22.
**) Д. гл. маг. в. 24, № 56.
***) Д. гл. маг. в. 27, № 58.

посадскимъ сходомъ и мѣстнымъ магистратомъ. Послѣдній отказался представить выборный приговоръ на усмотрѣніе главнаго магистрата и потребовалъ замѣны Анцыферова какимъ либо другимъ кандидатомъ. Посадскій мірской староста и 23 олонецкихъ купца обжаловали это распоряженіе въ главный магистратъ, съ удареніемъ указывая на то, что „Анцыферовъ по своему капиталу и состоянію къ тому выбору быть достоинъ". Олонецкій магистратъ былъ запрошенъ о мотивахъ своего распоряженія. Весьма характерно, что въ числѣ этихъ мотивовъ, обозначенныхъ въ отвѣтномъ доношеніи олонецкаго магистрата, мы не находимъ указанія на участіе въ выборахъ купцовъ *третьей статьи*. Олонецкій магистратъ въ оправданіе своихъ дѣйствій опирался лишь на два обстоятельства: 1) на то, что имя кандидата было вписано въ текстъ избирательнаго приговора уже послѣ „заручки", т. е. послѣ подписанія приговора членами схода, и 2) на то, что Анцыферовъ состоитъ подъ слѣдствіемъ по нѣсколькимъ дѣламъ. Эти мотивы не были признаны главнымъ магистратомъ достаточными для отмѣны выборовъ Анцыферова, и послѣдній былъ утвержденъ въ должности президента. Первый мотивъ совершенно не обратилъ на себя вниманія главнаго магистрата, а второй терялъ значеніе въ виду того, что производство дѣла по доносамъ на Анцыферова было пріостановлено, такъ какъ доноситель былъ отосланъ въ военную коллегію за ложное сказываніе за собою „слова и дѣла". Такимъ образомъ и главный магистратъ подобно олонецкому, подробно обсуждая спорный вопросъ о законности олонецкихъ выборовъ, совершенно обошелъ участіе въ избирательномъ сходѣ „третьей статьи". Что еще любопытнѣе, главный магистратъ, отрицая по поводу обсуждаемаго случая право мѣстнаго магистрата вмѣшиваться въ дѣятельность избирательнаго схода, ссылался какъ разъ на указъ 11 августа 1731 г., гдѣ, между прочимъ, содержится запрещеніе мѣстнымъ властямъ мѣшаться въ мірскіе купеческіе выборы. Такъ, уличая олонецкихъ магистратскихъ членовъ въ нарушеніи этого указа, главный магистратъ въ той же резолюціи самъ нарушалъ существеннѣйшее постановленіе того же указа утвержденіемъ такихъ выборовъ, въ которыхъ вопреки закону участвовала „третья статья"! *). Въ одномъ и томъ же посадѣ можно встрѣтить избирательные сходы съ участіемъ и безъ участія „третьестатейныхъ" посадскихъ людей. По Торопцу, наприм., за 1744—1764 гг. имѣемъ свѣдѣнія о десяти избирательныхъ сходахъ. Изъ нихъ на шести присутствовали „*всѣ три статьи*" или „*всѣ три гильдіи*", на четырехъ—только первая и вторая статья **). Въ Козьмодемьянскомъ посадѣ въ выборахъ участвуютъ даже самые меньшіе, „па-

*) Д. гл. маг. в. 44, № 76.
**) Д. гл. маг. в. 26, № 47.

хотные“ посадскіе люди На избирательныхъ приговорахъ этого посада встрѣчаемъ такія надписанія: „въ козьмодемьянской ратушѣ города Козьмодемьянска и села Троицкаго съ деревнями Мумарихой и Данилихой первой, второй и *меньшей* статей купецкіе люди... съ общаго согласія... выбрали мы...“. Эти „пахотные посадскіе люди села Троицкаго съ деревнями Мумарихой и Данилихой“ характеризуются въ томъ же дѣлѣ, какъ „самые неимущіе и безгласные“. Тѣмъ не менѣе они входятъ въ составъ избирательныхъ сходовъ, и ихъ присутствіе тамъ само по себѣ не вызываетъ со стороны главнаго магистрата кассаціи выборныхъ приговоровъ *).

Я ограничиваюсь приведенными иллюстраціями, такъ какъ онѣ касаются самыхъ различныхъ уголковъ посадской Россіи XVIII вѣка и потому, какъ мнѣ кажется, достаточно убѣдительно подтверждаютъ широкую распространенность занимающаго насъ явленія. При желаніи количество этихъ примѣровъ можно было бы увеличить еще на много.

Посмотримъ теперь, при какихъ обстоятельствахъ, подъ какими вліяніями попадали на избирательные сходы „третьестатейные“ люди. Хотя „меньшіе“ люди и пользовались фактически весьма широкимъ доступомъ къ избирательнымъ сходамъ, однако, при оффиціальномъ оглашеніи ихъ участія въ выборахъ, это участіе въ большинствѣ случаевъ выставлялось, какъ экстраординарное явленіе, извиняемое нѣкоторыми исключительными обстоятельствами. Въ дѣлѣ о коломенскихъ выборахъ находимъ, между прочимъ, доношеніе отъ старосты коломенскаго купечества Василія Котельникова отъ 21 января 1744 г. съ подробнымъ описаніемъ двухъ избирательныхъ сходовъ. На первомъ изъ этихъ сходовъ, пишетъ староста, „изъ первостатейныхъ и среднестатейныхъ многихъ не было“. Итакъ, сходъ составился, главнымъ образомъ, изъ „меньшихъ“ людей. Староста упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, отнюдь не желая указать этимъ на незаконность схода. Не было въ данномъ случаѣ и преднамѣренной подтасовки схода. Такъ, благодаря возникшимъ на этомъ сходѣ безпорядкамъ, черезъ нѣсколько времени пришлось созвать для рѣшенія того же вопроса вторичный сходъ, который составился изъ купцовъ „первой и второй гильдіи“ **). Итакъ, передъ нами случай, когда сходъ просто за отсутствіемъ лучшихъ людей составляется почти цѣликомъ изъ однихъ меньшихъ. Мы уже знаемъ, что отсутствіе лучшихъ людей вызывало иногда отсрочку самаго схода. Однако, то не было неизбѣжнымъ и единственнымъ исходомъ изъ подобнаго положенія: сходъ созывался иногда и безъ нихъ и отсутствіе изъ посада лучшихъ людей выставлялось, какъ

*) Д. гл. маг. в. 31, № 25.
**) Д. гл. маг. в. 8, № 2.

оправдательное условіе демократическаго состава схода. Небезъинтересно сопоставить съ только что приведеннымъ примѣромъ одно доношеніе старосты Ярославскаго посада въ мѣстную провинціальную канцелярію отъ 26 апрѣля 1764 г. Предъявляя въ канцелярію „выборъ“ на магистратскихъ членовъ отъ мѣстнаго „гражданства“, староста счелъ не излишнимъ въ обѣленіе себя объяснить, почему въ составѣ избирателей оказалось преобладаніе „меньшихъ людей“. Всѣ перво и средне-статейные люди—докладываетъ староста—„не единожды“ чрезъ сотскихъ были оповѣщаемы о созывѣ избирательнаго схода, но многіе изъ нихъ при совѣтѣ и выборѣ не были, „а при томъ-де нѣкоторые подписались и не изъ первой и средней статьи, для того, что они при ономъ выборѣ прилучились“. Староста признаетъ, что слѣдовало, быть можетъ, вторично созвать сходъ, потребовавъ и отъ первостатейныхъ людей „согласно приговору“, но онъ этого не сдѣлалъ, „чтобы не продолжить оному выбору времени“. Тѣмъ не менѣе староста добавляетъ въ заключеніе: „если надлежитъ и отъ небывшихъ первой и средней статьи купцовъ при ономъ выборѣ истребовать согласія и подписки, то онъ-де староста вторичной ихъ повѣстки и отобравъ отъ нихъ подписки ярославской провинціальной канцеляріи объявитъ неукоснительно“ *). Сходъ маломочныхъ избирателей разсматривается, какъ суррогатъ правомѣрнаго и избирательнаго схода, съ которымъ можно мириться только въ виду особыхъ соображеній. Правда, бывали случаи, когда на сходы, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ вопросу о выборахъ, являлись всѣ три статьи безраздѣльно по прямому предписанію главнаго магистрата или даже сената. Но эти случаи касались не самихъ выборовъ, а дополнительныхъ опросовъ всего мѣстнаго посадскаго населенія о произведенныхъ уже выборахъ. О значеніи такихъ дополнительныхъ опросовъ намъ уже пришлось говорить выше **).

Въ подавляющей массѣ случаевъ участіе „третьей статьи“ въ избирательныхъ сходахъ являлось прямымъ и сознательнымъ обходомъ дѣйствующаго закона, который сплошь и рядомъ игнорировался, какъ самими посадскими общинами, такъ и мѣстными и центральными властями. Постановленіе указа 1731 г. объ устраненіи третьей статьи отъ избирательныхъ функцій при выборахъ магистратскихъ членовъ держалось, такъ сказать, про запасъ и временами выдвигалось на сцену то мѣстными партіями въ качествѣ орудія для пораженія своихъ противниковъ, то центральными инстанціями въ случаяхъ особенно рѣзкаго нарушенія существующихъ правилъ о выборахъ со стороны посадскихъ избирателей. Но то были лишь единичные эпизоды. Не

*) Д. гл. маг. в. 249, № 1.
**) Д. гл. маг. в. 50. № 12; Дѣла сената по главн. маг. кн. 35/939.

смотря на нихъ, текущая практика выборовъ въ общемъ весьма рѣзко расходилась съ провозглашенными въ законодательствѣ принципами. Въ нѣкоторыхъ посадахъ замѣчается любопытное явленіе: собираются избирательные сходы, на которыхъ неизмѣнно и безпрепятственно фигурируютъ всѣ три статьи. Но вотъ начинаются партійныя разногласія и столкновенія, вызывающія присылку главнымъ магистратомъ спеціально-уполномоченнаго лица для наблюденія за ходомъ выборовъ. На избирательныхъ сходахъ, которые созываются такимъ пріѣзжимъ ревизоромъ, немедленно отписывающимъ обо всемъ въ главный магистратъ, „третья статья" тотчасъ исчезаетъ *).

Помимо такихъ экстренныхъ способовъ контроля главный магистратъ не имѣлъ возможности и не обнаруживалъ стремленія повѣрять законность личнаго состава избирательныхъ сходовъ. Подписи избирателей подъ выборными приговорами, доставлявшимися на утвержденіе главнаго магистрата, обыкновенно не сопровождались обозначеніями, къ какимъ статьямъ и гильдіямъ принадлежали избиратели; именныхъ списковъ купцовъ отдѣльныхъ посадовъ съ росписаніемъ ихъ на статьи и гильдіи главный магистратъ не имѣлъ, въ случаяхъ надобности ему приходилось экстренно запрашивать о присылкѣ такихъ списковъ городовые магистраты или наводить справки объ окладахъ отдѣльныхъ купцовъ черезъ камеръ-коллегію; личныя показанія самихъ кандидатовъ, которые пріѣзжали въ главный магистратъ на утвержденіе, не могли служить надежнымъ и точнымъ матеріаломъ уже по одному тому, что кандидаты, дававшіе эти показанія, сами были заинтересованы въ окончательномъ рѣшеніи дѣла въ ту или другую сторону. Въ силу всѣхъ этихъ условій противозаконное участіе „третьей статьи" въ избирательныхъ сходахъ практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, пока не встрѣчало протеста со стороны самихъ мѣстныхъ элементовъ, среди самой посадской общины. Можно утверждать даже, что „третья статья" не только не устранялась отъ участія въ избирательныхъ сходахъ, но и играла на нихъ весьма значительную роль и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда источники позволяютъ намъ установить соціальную физіономію избирательнаго схода путемъ точнаго подсчета избирателей различныхъ „статей", мы нерѣдко констатируемъ весьма демократическій составъ схода, благодаря значительному количеству „третьей статьи" въ средѣ его участниковъ. Приведемъ любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ по Кашинскому посаду **). Въ дѣлѣ о кашинскихъ выборахъ находимъ именную вѣдомость кашинскимъ посадскимъ людямъ съ обозна-

*) Д. гл. маг. в. 23, № 36; в. 29, № 102 и друг.
**) Д. гл. маг. в. 25, № 9.

ченіемъ ихъ окладовъ и съ распредѣленіемъ ихъ по статьямъ. Сопоставляя подписи подъ избирательными приговорами Кашинскаго посада съ данными упомянутой вѣдомости, получаемъ слѣдующіе результаты. 6-го мая 1744 г. кашинскіе посадскіе люди „первой, средней и *меньшей* статей“ выбрали одного бургомистра и двухъ ратмановъ. Въ выборахъ участвовало всего 52 человѣка. Распредѣленіе избирателей по статьямъ я представляю въ нижеслѣдующей табличкѣ. Къ цифрѣ третьестатейныхъ я прибавляю еще четверыхъ избирателей. Они не отысканы мною по именной вѣдомости, но такъ всѣ ихъ однофамильцы числятся частью среди ремесленныхъ людей, частью среди третьестатейныхъ, то я и счелъ возможнымъ отнести ихъ къ низшему разряду посадскаго населенія. Всего на сходѣ участвовало:

	Самихъ.	Сыновей.	Итого.	
изъ первостатейныхъ . . .	4	2	6	11,6%
» среднестатейныхъ . . .	10	3	13	25 %
» третьестатейныхъ . . .	18	3	21+4	48,1%
» ремесленниковъ	8	—	8	15,3%

Итакъ, подавляющее большинство избирателей приходится здѣсь на долю „третьей статьи“. А если мы сольемъ въ одну группу третьестатейныхъ посадскихъ людей и ремесленниковъ, тогда откроется, что болѣе половины участниковъ схода (63,4%) принадлежали къ той категоріи членовъ посадской общины, которая по закону не имѣла права доступа къ избирательнымъ сходамъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Кашинѣ состоялся новый сходъ, на которомъ производились добавочные выборы одного бургомистра и двухъ ратмановъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже иное количественное распредѣленіе участниковъ схода по статьямъ, а именно изъ 30-ти участниковъ схода было:

	Самихъ.	Сыновей.	Итого.	
первостатейныхъ	5	2	7	23,3%
среднестатейныхъ	12	2	14	46,7%
третьестатейныхъ	4	1	5	16,7%
ремесленниковъ	3	1	4	13,3%

Этотъ сходъ можетъ быть признанъ по преимуществу сходомъ среднестатейныхъ, составившихъ основное ядро его участниковъ. Но затѣмъ въ дѣлѣ находимъ приговоръ еще одного избирательнаго схода (май 1746 г.), на которомъ былъ избранъ новый членъ магистратскаго присутствія на мѣсто отставленнаго отъ службы по дряхлости. Этотъ сходъ отдѣленъ отъ двухъ предшествующихъ двухлѣтнимъ промежуткомъ. Участвовало на сходѣ 42 ч. Въ томъ числѣ:

	Сами.	Сыновья.	Итого.	
первостатейныхъ	7	1	8	19,1%
среднестатейныхъ	11	3	14	33,4%
третьестатейныхъ	12	4	16	38 %
ремесленныхъ людей	2	2	4	9,5%

Здѣсь количественное отношеніе болѣе благопріятно для двухъ первыхъ статей посадскаго населенія, чѣмъ при выборахъ 6-го мая 1744 г., но все же и здѣсь третьестатейные люди, взятые вмѣстѣ съ ремесленниками, составляютъ немногимъ менѣе половины всѣхъ участниковъ схода.

Если посадскіе люди „третьей статьи“, уступая въ нѣкоторыхъ случаяхъ по численности среднестатейнымъ избирателямъ, нерѣдко оказывались самымъ преобладающимъ элементомъ среди участниковъ избирательныхъ сходовъ, то совершенно обратное приходится сказать о „первостатейныхъ“ членахъ посадской общины. Послѣдніе почти всегда оказываются въ меньшинствѣ, какъ на сходахъ съ преобладаніемъ второй статьи, такъ и на сходахъ, переполненныхъ третьестатейными людьми. Наглядное представленіе объ ограниченности количественнаго участія первостатейныхъ на избирательныхъ сходахъ даютъ, наприм., помѣщенныя въ дѣлѣ объ орловскихъ выборахъ вѣдомости членамъ и окладамъ избирателей двухъ сходовъ. Въ 1748 г. въ Орловскомъ посадѣ происходили выборы президента. Въ выборы вмѣшался пріѣхавшій въ это время въ Орелъ президентъ губернскаго бѣлогородскаго магистрата, подъ давленіемъ котораго выборъ палъ на купца Дубровина. Обширная партія мѣстныхъ купцовъ воспротивилась этому выбору и, собравшись на свой особый сходъ, выбрала въ президенты своего вождя Ивана Рябого. Обѣ партіи, отославъ свои выборы въ главный магистратъ, начали бомбардировать его челобитьями, стараясь взаимными обвиненіями вырвать у главнаго магистрата окончательную резолюцію, благопріятную для своего кандидата. Чтобы разобраться въ массѣ спорныхъ вопросовъ, поднятыхъ этой перекрестной критикой обоихъ выборовъ, главный магистратъ и затребовалъ именныя вѣдомости избирателей съ обозначеніемъ ихъ окладовъ. Я приведу изъ этихъ вѣдомостей цифры, обозначающія количество избирателей по рубрикамъ ихъ различныхъ окладовъ. Выборы Дубровина:

Оклады.	Количество избирателей.
40 алтынъ	1
10 алтынъ	1
18 копѣекъ	1
9 »	1
7 коп. 1 полушка	1
7 к.	1
5 к.	2

Оклады.	Количество избирателей.
$2^1/_2$ к.	2
2 к.	1
1 к. 1 деньга	4
1 к.	3
1 к. $^1/_2$ деньги	2
1 деньга	6
$^1/_2$ деньги	6
?	1

Въ приведенномъ рядѣ отчетливо выступаетъ увеличеніе числа избирателей по мѣрѣ пониженія ихъ окладовъ. Выборы Ивана Рябого, кандидата противоположной партіи, даютъ намъ слѣдующій рядъ. Въ вѣдомости приведены данныя о подписавшихъ какъ избирательный приговоръ, такъ и многочисленныя доношенія въ пользу Рябого. Я беру здѣсь только подписавшихъ избирательный приговоръ.

Оклады.	Количество избирателей.	Оклады.	Количество избирателей.
18 коп.	1	$2^1/_2$к.	4
$12^1/_2$ коп.	1	2 к. $^1/_2$ д.	1
11 к.	1	2 к.	8
10 к.	1	1 к. 1 пол.	1
9 к.	1	1 к. $1^1/_2$ д.	3
8 к.	1	1 к. 1 д.	17
7 к. 1 д.	1	1 к. $^1/_2$ д.	16
7 к.	1	1 к.	23
6 к.	2	2 к. $^1/_3$ д.	3
5 к. 1 д.	2	2 д. 1 пол.	1
5 к.	9	1 д. 1 пол.	12
4 к. 2 д.	1	$1^1/_2$ д.	8
4 к.	3	1 д.	59
3 к. 1 д.	2	$^1/_2$ д.	56
3 к.	5	(?)	6

И здѣсь, за исключеніемъ отдѣльныхъ случайныхъ отклоненій, мы получаемъ выраженіе той же самой тенденціи, обозначенной даже еще съ большею рѣзкостью. Хотя въ разбираемыхъ вѣдомостяхъ нѣтъ распредѣленія избирателей по тремъ статьямъ, однако, мы получаемъ возможность различить въ ихъ составѣ людей первой статьи. Въ текстѣ окончательной резолюціи главнаго магистрата по этому дѣлу упомянуто, между прочимъ, что въ числѣ 33-хъ лицъ, избравшихъ Дубровина, подписалось подъ его выборомъ *шесть* человѣкъ первой статьи (18,1%). Отсчитываемъ въ спискѣ избирателей Дубровина шесть человѣкъ съ наиболѣе крупными окладами и находимъ, что 5-копѣечный окладъ въ Орловскомъ посадѣ стоялъ уже за предѣлами первой статьи. Это позволяетъ намъ опредѣлить число первостатейныхъ людей въ группѣ избирателей противоположной партіи. Изъ 250 чело-

вѣкъ, поименованныхъ въ спискѣ избирателей Рябого, не болѣе 12 могутъ быть отнесены къ первой статьѣ (4,8%) *).

Въ дѣлахъ дмитровскаго магистрата о мѣстныхъ магистратскихъ выборахъ находимъ, между прочимъ, именной списокъ первостатейныхъ дмитровскихъ купцовъ, относящійся къ 1739 г. Всего въ спискѣ показано 33 купца **). Пользуясь этимъ спискомъ, можно опредѣлить количество первостатейныхъ избирателей на выборахъ, близкихъ ко времени составленія списка. Такъ, къ выборамъ 1738 г. (выбирали двухъ бургомистровъ на 1739 г.) приложили руку 57 человѣкъ. Въ ихъ средѣ находимъ 11 первостатейныхъ купцовъ—19,2%. На выборахъ въ мартѣ 1739 г. (общимъ согласіемъ перемѣнили бургомистра за его непорядочные поступки) участвовало 123 человѣка. Первостатейныхъ въ ихъ средѣ было 13 человѣкъ—10,5%. Наконецъ, въ ноябрѣ 1739 г. произведены были выборы новыхъ бургомистровъ на 1740 годъ: здѣсь среди 64-хъ избирателей находимъ 12 первостатейныхъ купцовъ—18,9% ***).

Итакъ, по Дмитрову во второй четверти столѣтія въ составѣ избирательныхъ сходовъ на долю первой статьи приходилось обыкновенно отъ 10 до 19%. При этомъ изъ общаго количества мѣстныхъ первостатейныхъ купцовъ участіе въ избирательныхъ сходахъ принимало 30—40%. Гораздо болѣе низкія цифры получаемъ въ этомъ отношеніи для Углицкаго посада, въ дѣлахъ котораго намъ тоже удалось найти именной списокъ первой статьи. Всего ихъ числилось въ Углицкомъ посадѣ 11 человѣкъ. Въ послѣдовательномъ рядѣ избирательныхъ сходовъ, въ которыхъ участвовали представители всѣхъ трехъ статей, мы находимъ слѣдующее общее число ихъ участниковъ: іюльскій сходъ 1744 г.—184 чел., августовскій сходъ 1744 г.—311 чел., сходъ 1748 г.—128 чел. Сравнивая эти цифры съ общимъ количествомъ первостатейныхъ купцовъ, мы должны заключить, что на всѣхъ упомянутыхъ сходахъ представители первой статьи количественно совершенно затеривались въ массѣ среднестатейныхъ и третьестатейныхъ избирателей ****). Возможны были, конечно, отдѣльные случаи, когда сходъ являлся по преимуществу собраніемъ первостатейныхъ купцовъ. Такъ, напр., въ Тихвинскомъ посадѣ въ 1752 г. былъ избранъ новый бургомистръ Солодовниковъ за смертью прежняго. Такъ какъ выборный приговоръ очень долго не высылался на утвержденіе главнаго магистрата и такъ какъ за Солодовниковымъ—что видно изъ этого же дѣла—числились въ прошломъ кое-какія столкновенія съ посадскимъ міромъ и мѣстнымъ маги-

*) Дѣла сената о раздорахъ и несоглас. орловск. купеч., кн. 387/2870, особ. лл. 453—458.

**) Дѣла дмитровскаго маг. в. 15, № 6.

***) Дѣла дмитровск. маг. в. 14, № 45; в. 15, № 25; в. 16, № 74.

****) Д. гл. маг. в. 24, № 56.

стратомъ изъ-за желанія отбыть отъ службъ по выборамъ, причемъ Солодовниковъ ссылался обыкновенно на свое одиночество и малосостоятельность, то главный магистратъ и потребовалъ вмѣстѣ съ присылкой выборнаго приговора доставить ему справку, въ какомъ окладѣ состоитъ Солодовниковъ и сколько подъ его выборомъ подписалось людей первой и второй статей. Тихвинскій магистратъ донесъ тогда, что „изъ выборщиковъ болѣе половины изъ первостатейныхъ, а остальные—средней статьи". Всего избирателей подъ этими выборами насчитывалось 62 человѣка *). Итакъ, случаи преобладанія на выборахъ первостатейныхъ людей надъ прочими элементами посадскаго міра могли встрѣчаться, но то были все же исключительныя явленія въ избирательной практикѣ. Всего обыкновеннѣе первостатейные избиратели составляли меньшинство, уступая количественное первенство или третьей статьѣ, незаконно вторгавшейся на избирательные сходы, или людямъ среднестатейнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ избирателей ограничивался согласно закону двумя первыми статьями. Выше мы привели достаточно примѣровъ перваго рода. Нѣтъ недостатка и въ примѣрахъ втораго рода. Вотъ образчики. Дѣло о выборахъ въ Любимскомъ посадѣ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о личномъ составѣ нѣсколькихъ избирательныхъ сходовъ. Такъ, на сходѣ въ ноябрѣ 1750 г. участвовало:

19 первостатейныхъ людей	24,7%
58 среднестатейныхъ людей	75,3%
77	

При подписяхъ подъ выборомъ, состоявшимся на слѣдующемъ сходѣ, въ февралѣ 1753 г. уже нѣтъ обозначенія, къ какой статьѣ принадлежатъ избиратели, но изъ сравненія ихъ именъ и фамилій съ именами избирателей 1750 г. можно выдѣлить въ ихъ составѣ 10 первостатейныхъ и 16 второстатейныхъ купцовъ. 32 имени являются вновь, но такъ какъ они стоятъ въ концѣ списка, а вторая статья въ большинствѣ случаевъ подписывалась ниже первой, то можно заключить, что большинство, по крайней мѣрѣ, этихъ новыхъ лицъ принадлежало тоже ко второй статьѣ. Третья статья на выборахъ не участвовала. Примѣняясь къ пропорціи, выведенной для выборовъ 1750 г., по которой на первую статью приходится $^1/_4$, а на вторую статью $^3/_4$ общаго числа, можно изъ этихъ 32-хъ неопредѣленныхъ лицъ предположительно отнести 8 на первую статью и 24 на вторую. Тогда избиратели февральскаго схода 1753 г. распредѣляются по статьямъ приблизительно такъ:

18 первостатейныхъ (10+ 8)	31,1%
40 среднестатейныхъ (16+24)	68,9%
58	

*) Д. гл. маг. в. 56, № 27.

4 октября 1756 г. встрѣчаемъ въ Любимскомъ посадѣ третій избирательный сходъ. Изъ общаго количества его участниковъ 6 опредѣленно отнесены къ первой статьѣ, 27—ко второй статьѣ, 44 остались безъ опредѣленія. Примѣняя опять тотъ же пріемъ, мы считаемъ возможнымъ изъ этихъ 44 человѣкъ 11 предположительно отнести къ первой статьѣ, 33—ко второй. Третья статья опять не участвовала въ выборахъ. Тогда получаемъ:

17 первостатейныхъ	22,1%
60 второстатейныхъ	77,9% *)

Въ Ярославскомъ посадѣ встрѣчаемъ избирательный сходъ 21 января 1765 г. съ слѣдующимъ составомъ:

27 первостатейныхъ	13,4%
175 среднестатейныхъ	86,6% **)
202	

При общемъ перевѣсѣ двухъ послѣднихъ статей надъ первой при обычномъ составѣ избирательныхъ сходовъ и въ предѣлахъ каждой отдѣльной статьи можно наблюсти на сходахъ преобладаніе избирателей съ меньшими окладами. Приведу примѣръ, извлеченный изъ дѣлъ по выборамъ въ Вязниковскомъ посадѣ. Начиная съ 1744 г., въ избирательныхъ сходахъ этого посада участвовали всѣ три статьи, но въ декабрѣ 1752 г. встрѣчаемъ избирательный сходъ съ участіемъ купцовъ лишь первыхъ двухъ статей. Всего на немъ было 46 избирателей, въ томъ числѣ 12 первостатейныхъ и 34 среднестатейныхъ. По отдѣльнымъ окладамъ избиратели каждой изъ этихъ статей распредѣлились такъ: ***)

Первая статья;		*Вторая статья.*	
въ 30 душахъ	1	въ 9 душахъ	1
» 24 »	1	» 8 »	5
» 16 »	2	» 7 »	5
» 15 »	1	» 6 »	7
» 12 »	2	» $5^1/_2$ »	5
» 11 »	2	» $4^1/_2$ »	11
» 10 »	3		

Въ результатѣ нашего анализа мы получаемъ пока слѣдующіе выводы. На избирательныхъ сходахъ участвовало вообще довольно ограниченное количество наличныхъ членовъ посадскаго общества. Составъ этихъ участниковъ не отличался устойчивостью. Обычно въ этомъ составѣ преобладали двѣ низшія статьи—вторая и третья. Первая статья лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ количественно первенствовала на сходахъ. Всего чаще представители первой статьи составляли 10—20% всего количе-

*) Д. гл. маг. в. 108, № 69.
**) Д. гл. маг. в. 249, № 1.
***) Д. гл. маг. в. 32, № 69.

ства избирателей. Но бывали случаи—и при томъ отнюдь не рѣдкіе,—когда количественное участіе первой статьи на сходахъ принимало и самые ничтожные размѣры. Такимъ образомъ, олигархическая тенденція, рѣзко выраженная въ законодательствѣ о посадскихъ избирательныхъ сходахъ, весьма туго прививалась на практикѣ. Чтобы вскрыть истинныя причины всѣхъ только что констатированныхъ явленій, слѣдуетъ перейти отъ сопоставленія количественныхъ отношеній между группами разностатейныхъ избирателей къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, которыми опредѣлялась роль каждой „статьи“ въ ходѣ избирательной борьбы. Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь одно наблюденіе относительно того вліянія, какое оказывалъ соціальный составъ избирательнаго схода на конечные результаты выборовъ. Мы воспользуемся для этого уже цитированнымъ выше дѣломъ о кашинскихъ выборахъ *). Олигархическая тенденція, проникавшая все законодательство о посадскихъ выборахъ, была примѣнена, какъ намъ уже извѣстно, также и къ нормированію пассивнаго выборнаго права. Кругъ возможныхъ кандидатовъ на выборныя магистратскія должности былъ ограниченъ одними „первостатейными“ людьми. Однако, и въ этомъ отношеніи постановленія закона терпѣли на практикѣ самыя непринужденныя нарушенія. Въ дѣлѣ о кашинскихъ выборахъ, напримѣръ, въ каждомъ избирательномъ приговорѣ избранные кандидаты неизмѣнно называются „первостатейными людьми“. Сопоставляя ихъ имена съ именною вѣдомостью кашинскихъ посадскихъ людей, открываемъ, что въ дѣйствительности изъ 7 кандидатовъ, прошедшихъ на всѣхъ этихъ трехъ выборахъ, только двое принадлежали къ „первой статьѣ“. Не имѣя подъ рукою данныхъ о распредѣленіи посадскихъ людей по статьямъ, главный магистратъ и въ этомъ случаѣ оказывался безсильнымъ предотвратить нарушеніе закона. Послѣ вторичныхъ дополнительныхъ выборовъ кашинская воеводская канцелярія даже доносила съ своей стороны главному магистрату, что всѣ выбранные кандидаты не подлежатъ утвержденію, какъ не первостатейные. Главный магистратъ не имѣлъ возможности тотчасъ провѣрить справедливость этого доношенія и, сославшись на законъ о невмѣшательствѣ воеводскихъ канцелярій въ посадскіе выборы, утвердилъ всѣхъ этихъ кандидатовъ. Лишь позднѣе доставленная въ главный магистратъ именная вѣдомость кашинскимъ посадскимъ людямъ обнаружила справедливость доношенія канцеляріи. Итакъ, фактически въ составъ избираемыхъ кандидатовъ также, какъ и въ составъ самихъ избирателей, попадали люди всѣхъ трехъ статей. Сопоставляя личности выбранныхъ кандидатовъ съ составомъ участниковъ избирательнаго схода, за-

*) Д. гл. маг. в. 25, № 9.

мѣчаемъ слѣдующее. На первомъ сходѣ 6 мая 1744 г., на которомъ мы констатировали рѣзкое преобладаніе третьей статьи, оказались выбранными въ бургомистры первостатейный купецъ съ окладомъ въ 200 р., а на оба ратманскія мѣста—купцы средней статьи. На дополнительныхъ выборахъ 1744 г., на которыхъ господствовали среднестатейные избиратели, всѣ избранные оказались людьми третьей статьи. Итакъ, при преобладаніи третьей статьи въ составѣ избирателей выборъ падаетъ на людей высшихъ статей, и наоборотъ. Это наблюденіе и послужитъ для насъ естественнымъ переходомъ къ дальнѣйшему изложенію. Мы разсмотрѣли, изъ какихъ элементовъ слагались избирательные сходы. Теперь мы переходимъ къ анализу тѣхъ взаимоотношеній, которыя возникали между этими элементами въ періодъ избирательной борьбы.

Ал. Кизеветтеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*
* *

Прочь надоѣдливый напѣвъ—
Аккордъ мелодіи избитой,
Печальный звонъ души разбитой,
Безсильный, безполезный гнѣвъ!
Довольно людямъ слезъ своихъ,—
Волненій цѣпи непрерывной
И стоновъ жизни заунывной...
Смирись, умолкни, грустный стихъ!
Твои слова—тяжелый бредъ:
Ты гордой силой вдохновенья
Не разрываешь будней звенья...
А бѣднымъ людямъ нуженъ свѣтъ!
Толпа, какъ узникъ за стѣной,
Томясь невзгодою суровой,
Живетъ мечтой о жизни новой,—
И нуженъ ей напѣвъ иной!

Н. Шрейтеръ.

ВЪ ПУТИ.

(Изъ жизни Закавказья).

Чѣмъ ближе землемѣръ Кедровъ подъѣзжалъ къ рѣкѣ, тѣмъ чаще ему попадались какіе-то растерянные люди. И группы и отдѣльныя лица, какъ потревоженные муравьи, мелькали въ степи во всѣхъ направленіяхъ. Одни торопливо бѣжали или ѣхали, подгоняя лошадей, другіе шли, спотыкаясь. Нѣкоторые оглядывали его фигуру со злымъ отчаяніемъ, почти не давая дороги при встрѣчѣ; другіе поднимали потухшія лица и робко сторонились. Отчаяніе, дошедшее до безсмысленной злобы, до желанья чѣмъ попало затушить свое горе, чередовалось съ тихой потерянностью. Особенно выдѣлялись фигуры женщинъ: и въ обыкновенное время эти матери съ тринадцати лѣтъ, старухи съ двадцати, вьючный скотъ во всю жизнь, поражаютъ своимъ жалкимъ, измученнымъ видомъ; теперь же ихъ запыленныя, растрепанныя фигуры напоминали безумныхъ.

Переводчикъ Кедрова остановился у одной группы; потомъ вдругъ стегнулъ лошадь и погналъ ее въ карьеръ.

— Рѣка прорвалась!—кричалъ онъ, еще издали указывая плетью впередъ.

Кедровъ давно уже замѣтилъ на горизонтѣ какія-то странныя молочныя волны. Надъ ними дрожали въ раскаленномъ воздухѣ затопленные башни, замки, города и, то появляясь, то исчезая, напоминали одну изъ яркихъ сказокъ Востока.

— Эвона, аулы-то позатоплены,—говорилъ переводчикъ, осадивъ храпѣвшую лошадь и указывая на башни и города-миража.—Что, говорятъ, посѣвовъ погибло, народу...—продолжалъ онъ.—Ишь, орда-то закопошилась,—оглядывалъ онъ степь, повертываясь въ сѣдлѣ.—Теперь, Дмитрій Андреевичъ, пожалуй, и ѣхать-то не стоитъ дальше; не проберемся. Свер-

немъ на Чурманны, туда, говорятъ, приставъ пріѣхалъ. Разузнаемъ, возьмемъ куласы, да и тронемся, куда прикажете.

Въ сущности, приказывалъ всю дорогу бывалый, вороватый переводчикъ, а не его „баринъ", землемѣръ Кедровъ. Еще мѣсяцъ тому назадъ бѣлокурый, тихій и слабый Кедровъ былъ въ Россіи, на школьной скамьѣ, и что̀ онъ могъ приказать въ этомъ краю, гдѣ человѣкъ лѣниво и сонно лежалъ по цѣлымъ днямъ и вдругъ мгновенно загорался безумной отвагой, злобой и лилъ кровь изъ-за пустяка; гдѣ солнце било землю вертикальными лучами, а длинныя трещины раздирали ее на куски; гдѣ ночь давила, какъ тяжкій кошмаръ, или ласкала, какъ тихая женщина. Что̀ онъ могъ приказать здѣсь, гдѣ, къ тому же, понималъ его одинъ переводчикъ?

— Поѣдемъ на Чурманны,—отозвался Кедровъ и потрогалъ рукой свое обожженное лицо. Въ пути онъ былъ второй день и уже принялъ утромъ хины,—его лихорадило отъ этихъ обжоговъ, мучительно болѣвшихъ съ непривычки.

Вода подошла къ самымъ Чурманнамъ. Большой аулъ гудѣлъ, какъ улей, и десятники съ длинными палками въ рукахъ испуганно метались во всѣ стороны. Въ первую минуту Кедровъ приписалъ этотъ азартъ десятниковъ разливу рѣки, но переводчикъ объяснилъ, что, вѣроятно, приставъ здѣсь.

Дѣйствительно, у одной сакли стояли казаки пристава. Тутъ же толклась и еще чья-то челядь. Отовсюду тащили сѣно, ячмень, куръ, одѣяла, подушки, ковры...

Уже давно, какъ только въѣхали въ аулъ, переводчикъ, неизвѣстно отъ чего, совершенно искренно озвѣрѣлъ и засверкалъ направо и налѣво злыми глазами. Теперь, подъѣхавъ къ саклѣ, онъ гаркнулъ что-то въ толпу, и нѣсколько человѣкъ бросились къ Кедрову, кто поддерживая стремена, кто помогая сойти.

Изъ открытыхъ оконъ сакли неслись возбужденные голоса, веселый смѣхъ и звонъ посуды.

Войдя, Кедровъ невольно остановился: такой большой компаніи онъ не ожидалъ встрѣтить. Тутъ былъ и его сослуживецъ, толстый землемѣръ Максимовъ, по обыкновенію, въ значительномъ подпитіи, и длинный акцизный Скворцовъ, и щеголеватый техникъ по орошенію Запольскій, и самъ изящный приставъ Кудасовъ. Стояло и сидѣло еще нѣсколько человѣкъ, оживленно разговаривая. Въ углу примостился и мѣстный священникъ. Его фургонъ крѣпко засѣлъ въ какой-то изъ появившихся всюду трясинъ, и батюшка добрался верхомъ на отпряженной лошади.

Оказалось, этотъ аулъ былъ самый большой у края раз-

лива и послѣдній на сухопутьи. Дальше надо было идти на куласахъ *).

— Младенцу Димитрію!—заоралъ Максимовъ дикое привѣтствіе, увидавъ Кедрова. Приставъ звякнулъ шпорами, еще кое-кто поздоровался. Остальные не замѣтили: только что пообѣдали и были въ нѣкоторомъ туманѣ.

— Завязали мы здѣсь, батенька,—говорилъ радостно Максимовъ. Онъ приподнялся съ очевиднымъ намѣреніемъ вылѣзть и облобызаться, но зацѣпился за свою же ногу и чуть не ткнулся носомъ въ столъ.—Головокруженіе... съ дороги,—объяснилъ Максимовъ, опять усаживаясь. Онъ всегда чѣмъ-нибудь объяснялъ свои эволюціи въ пьяномъ видѣ.

— Что же это, господа, происходитъ?—спросилъ Кедровъ.

— Да вотъ,—на рѣкахъ вавилонскихъ сѣдохомъ и... все такое; ну-ка, рюмочку!—тормошился Максимовъ. Онъ больше всего любилъ пить въ компаніи „культурныхъ“ людей. А Кедровъ только что пріѣхалъ изъ Россіи и въ глазахъ Максимова былъ сугубо культуренъ. За неимѣніемъ подходящей компаніи, Максимовъ пилъ съ почтальономъ, приносившимъ письма. „Всетаки интеллигентная профессія“—говорилъ онъ при этомъ.

— Рѣка прорвалась,—сказалъ приставъ, пожавъ плечами съ презрительнымъ неодобреніемъ и, цѣдя сквозь зубы, черезъ пятое въ десятое, онъ разсказалъ, что какой-то „олухъ царя небеснаго“ вздумалъ полить свою бахчу и прокопалъ потихоньку ночью высоко поднятый берегъ. Пока „олухъ“ шлепалъ по бахчѣ, распредѣляя воду, рѣка промыла себѣ ходъ аршина въ три. А когда струсившій поливщикъ бросился къ сосѣдямъ и вернулся съ ними, то на бахчѣ шумѣлъ водопадъ аршинъ въ двадцать шириной, унося всѣ посѣвы и посадки. На крикъ сбѣжался весь аулъ, но уже оставалось только одно: спасаться самимъ. Кто полѣзъ на сакли, кто ударилъ верхомъ въ степь, кто бросился къ куласамъ. Громадная, многоводная, рыбная рѣка, кормилица многихъ сотенъ тысячъ людей, ринулась, какъ звѣрь и, сорвавъ огромный кусокъ береговой насыпи, понеслась въ степь. Теперь оказалось залито пространство на десятки верстъ въ глубину степи и во всѣ стороны кругомъ. Посѣвы размыты, кое гдѣ погибъ скотъ, есть и снесенныя сакли, есть и людскія жертвы...

— Сегодня дѣлали попытку загородить, да вотъ ни съ чѣмъ вернулись,—заключилъ приставъ,—послалъ согнать какъ можно больше людей, можетъ еще удастся остановить.

— А пока выпьемъ,—заявилъ Максимовъ. Онъ уже давно заботливо подвигалъ Кедрову блюда:—кушайте, кушайте,—

*) «Куласъ»—плоскодонная лодка.

говорилъ онъ,—небось, устали съ дороги-то, а потомъ и выпить не вредно.

Кедровъ дѣйствительно усталъ и охотно усѣлся за столъ, поглядывая въ окно на разливъ и прислушиваясь. Только теперь онъ замѣтилъ, что не всѣ голоса аула надо было приписать обычной суетѣ пріема „высокихъ“ гостей. Какой-то старческій голосъ дребезжалъ безъ умолку; его поддерживалъ другой, молодой и сильный. Интонація изъ умоляющей переходила въ гнѣвную, потомъ опять звучала скорбью. Нѣсколько женщинъ, перебивая другъ друга, хрипло кричали. Кто-то однотонно плакалъ низкимъ голосомъ, судя по звуку, должно быть, качаясь. Гдѣ-то шумно разомъ возникали и пропадали взрывы голосовъ, вѣроятно, большой толпы.

— Тише тамъ,—ровно, не повышая тона, сказалъ приставъ, даже не оборачиваясь къ двери, съ увѣренностью человѣка, котораго не могутъ не услыхать.

Въ дверяхъ быстро и тревожно зашептали, и два-три казака опрометью бросились изъ сакли. Черезъ нѣсколько минутъ безпокойные звуки понизились тономъ.

— Разоренные,—коротко бросилъ приставъ на вопросительный взглядъ Кедрова,—теперь вѣдь тысячи разорены водой,—ну и лѣзутъ.

А въ саклѣ оживленно спорили. Обсуждались мѣры, возможныя въ данномъ случаѣ противъ разлива. Одни предлагали на нѣсколько верстъ выше по рѣкѣ соорудить плотину, и, когда понизится въ мѣстѣ прорыва уровень воды, поправить берегъ. Другіе совѣтовали пригнать на плотахъ хорошія сваи и постепенно укрѣпить разорванную насыпь. Кто-по пожелалъ даже отвести рѣку выше по теченію въ какой нибудь старый арыкъ. Максимовъ упорно настаивалъ на одномъ мѣропріятіи: отодрать, какъ сидорову козу, неосторожнаго поливщика, а прочее все оставить на волю Божію.

Кудасовъ едва замѣтно улыбался въ усы, считая проектъ Максимова самымъ разумнымъ. Первую половину его онъ уже своевременно выполнилъ и собирался выполнить вторую. Онъ зналъ, что никакихъ плотинъ и свай могучая рѣка не потерпитъ въ полую воду. „Спадетъ вода, уровень понизится и разливъ прекратится самъ собою“—думалъ приставъ.

А въ окно было видно, какъ подходили все новыя и новыя группы; одни явились съ лопатами, другіе съ кирками и среди нихъ, то и дѣло, мелькали фигуры людей, пришедшихъ безо всего и поражавшихъ своимъ блуждающимъ видомъ.

Говоръ стоялъ, не умолкая, сливаясь и переходя въ неясный, тревожный гулъ. Отдѣльныхъ голосовъ нельзя было разобрать. Но вотъ Кедрову показалось, что гдѣ-то далеко зазвенѣлъ странный тоскливый звукъ и оборвался. Дмитрій

Андреевичъ насторожился. У него кусокъ сталъ въ горлѣ, такъ былъ страшенъ этотъ тихій далекій звукъ. „Послышалось“—подумалъ Кедровъ, принимаясь опять за ѣду. Но вдругъ зазвенѣло снова, и Кедровъ опять поднялъ голову и сталъ прислушиваться. Звукъ все росъ и, то обрываясь, то возникая, порой переходилъ въ стонъ и вой съ такими тоскливыми интонаціями, съ такими нотами безумія, что у Кедрова сбѣжала краска съ лица, и похолодѣли руки. Видно было, что и другіе тоже услыхали и тревожно насторожились.

— Опять,—прошепталъ Запольскій, морщась.

Батюшка перекрестился.

— Сулейманъ!—крикнулъ сорвавшимся голосомъ приставъ.

Мимо оконъ мелькнула фигура урядника, бѣгомъ пробѣжавшаго вглубь улицы. Черезъ нѣсколько минутъ странный звукъ послышался дальше и тише, и замеръ гдѣ-то. Кедровъ, поблѣднѣвъ, глядѣлъ на всѣхъ, боясь спросить и чувствуя здѣсь что-то ужасное.

— Женщина одна сошла съ ума,—сказалъ приставъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ,—дѣтей у нея унесло разливомъ. Она уже задала намъ концертъ; едва убрали. Всю душу перевернула.

— Что гòря, что гòря,—шепталъ батюшка, скорбно качая головой. — Она, изволите-ли видѣть,—обратился онъ къ Кедрову,—какъ вода-то нахлынула, бросилась къ лодкамъ и успѣла таки посадить дѣтей въ привязанный куласъ, да побѣжала за какой-то хурдишкой. Вернулась, а ужъ куласа то нѣтъ,—оторвало. Вотъ она и ходитъ теперь, ищетъ ихъ, да молитъ поѣхать за дѣтьми, и плачетъ вотъ эдакъ-то— и батюшка опять покачалъ головой и перекрестился, глядя въ окно на заходящее солнце.

А солнце, огромное, багряное медленно погружалось въ зеркальную поверхность разлива. Казалось, по водѣ бѣжали кровавыя полосы, по этой тихой, безстрастно покойной водѣ...

Всѣ невольно примолкли. Даже Максимовъ пересталъ егозить и угощать всѣхъ. Онъ угрюмо отхлебывалъ вино, поглядывая кругомъ посоловѣлыми глазами.

Ночь быстро надвигалась, затушевывая дали, точно задергивая ихъ траурной пеленой. Въ аулѣ кое-гдѣ замелькали огни, и звуки начали замирать. Только у сакли, гдѣ собралась компанія, слышались попрежнему голоса большой толпы.

Приставъ всталъ и, похлопывая плетью по высокимъ ботфортамъ, вышелъ на крыльцо отдать приказанія на завтра. Черезъ минуту послышался его увѣренный голосъ, и переводчикъ внушительно сталъ передавать старшинѣ его рѣчь,

уснащая ее отъ себя всякими украшеніями, въ родѣ: *) „кёпай оглы“, „эшекь оглы“, и обѣщаніями: „гены соярemъ“, въ случаѣ чего,—а старшина, стоя передъ нимъ, торопливо прикладывалъ руки къ груди и твердилъ: „башъ' уста ага“ на каждое его слово.

— Вздремнуть бы,—сказалъ батюшка, потягиваясь.

Было поздно, и, мало-по-малу, „культурный букетъ“, какъ называлъ Максимовъ собравшихся, сталъ расползаться въ разныя стороны. Всѣмъ пріѣхавшимъ отвели отдѣльныя сакли.

Кедрову казалось, что онъ едва дотащится до постели, какъ тотчасъ же заснетъ, какъ убитый, такъ усталъ онъ за день ото всего. И, дѣйствительно, онъ мгновенно уснулъ, точно провалился въ какую то темную бездонную пропасть, и также мгновенно проснулся. Ему показалсь, что гдѣ-то опять звенитъ тоскливый голосъ несчастной матери. Въ темнотѣ это было невыразимо жутко, и Кедровъ сталъ прислушиваться, холодѣя. Но все было тихо; и пять, и десять минутъ, и цѣлый часъ было также тихо, а Кедровъ уже не могъ спать. „Освѣжусь, выйду, душно здѣсь, все равно не заснешь“—думалъ Дмитрій Андреевичъ, одѣваясь. Потихоньку отворивъ дверь, онъ выбрался на воздухъ и такъ и замеръ на порогѣ: сакля была крайняя, и прямо передъ нимъ стояло безконечное, неподвижное зеркало разлива, освѣщенное большой ясной луной. Свѣтъ луны рѣзалъ полосой этотъ разливъ, и отъ лучей, и отъ воды, казалось, шла безмолвная музыка. Кругомъ было внушительно тихо, какъ будто вся природа слушала какую-то строгую торжественную симфонію безсмертнаго творца.

Неподвижно стоя на мѣстѣ, Кедровъ забылъ гдѣ онъ, охваченный обаяніемъ этой ночи, боясь пошевельнуться, точно онъ внезапно подсмотрѣлъ торжественное безмолвное шествіе какого-то великаго божества къ непонятной, но великой же цѣли.

Тихій стонъ раздался гдѣ-то недалеко. Онъ былъ такъ тихъ, что походилъ на вздохъ. Какая-то темная женская фигура, опустивъ руки, стояла неподвижно вдали, на краю разлива и смотрѣла на воду. Кедровъ не замѣтилъ, какъ она появилась. Была ли это мать, искавшая дѣтей, или еще кто, Кедровъ не зналъ, но въ душѣ его закипали слезы. Эти скорбные „звуки земли“ не находили себѣ мѣста въ торжественной симфоніи ночи.

---

*) «Кепай»—собака; «Эшекъ»—оселъ; «Оглы»—сынъ; «гёны соярemъ»—шкуру сдеру; «баш'-уста ага»—слушаю господинъ.

Чуть свѣтъ утромъ подали куласы. Плоскодонные, они подошли почти къ самому краю. Ѣхали вмѣстѣ Кедровъ, Максимовъ и Скворцовъ, всѣмъ имъ надо было перерѣзать громадный кусокъ степи, залитой, далеко выбѣжавшимъ, языкомъ разлива.

Кедровъ изумился, когда увидалъ, что ихъ поведутъ во̀локомъ по водѣ нарочно назначенные люди. Онъ думалъ, что пойдутъ на веслахъ. Но ихъ даже не волокли бичевой, а просто толкали передъ собой руками.

Цѣлая вереница куласовъ, до верху набитыхъ людьми, инструментами и вещами, потянулась по водѣ. У каждаго куласа шли два туземца, погруженные по поясъ въ воду, напрягая всѣ силы, стараясь не дать теченію сбить куласы въ сторону и въ тоже время толкая ихъ впередъ. Порой, на глубокихъ мѣстахъ эти проводники проваливались по шею, порой исчезали совсѣмъ и, выбравшись наружу, тотчасъ торопливо хватали завертѣвшіеся куласы, испуганно поглядывая на властно кричавшихъ изъ куласовъ людей. Утро было свѣжее, и лица проводниковъ посинѣли.

— И долго это они будутъ такъ везти безъ смѣны?— спросилъ Кедровъ Максимова.

— А чортъ ихъ вѣдаетъ,—неохотно буркнулъ тотъ. Онъ былъ трезвъ, угрюмъ и сопѣлъ, поглядывая въ полевой бинокль на большое темное пятно, копошившееся вдали. Тамъ Запольскій и приставъ съ людьми дѣлали отчаянныя попытки остановить рѣку, прорвавшую насыпь. Кедровъ сталъ тоже глядѣть, замирая отъ этой упорной борьбы. Въ бинокль было ясно видно все, даже отдѣльныя фигуры. Цѣлый рядъ людей упрямо взмахивалъ сверкавшими лопатами, поправляя циклопическую насыпь, и рѣка съ спокойствіемъ титана, шутя, размывала ее снова. Люди несли какія-то бревна, одно за другимъ подводили ихъ къ краю, вколачивали, а вода тотчасъ же вырывала ихъ. Поймавъ такое бревно, потокъ далеко швырялъ его внизъ съ насыпи и, подхвативъ внизу, стремительно несъ дальше, вертя и подбрасывая. Глядя, какъ быстро выскакивали изъ воды и опять ныряли черные концы бревенъ, Кедровъ вспомнилъ, что видѣлъ вчера эти гигантскія деревья, привезенныя изъ-далека и лежавшія у сакли старшины. Ему невольно стало жутко, и онъ глянулъ на свои куласы со страхомъ. Но они шли много выше главнаго теченія, по высокому, ровному мѣсту и все удалялись отъ рѣки.

Мало-по-малу, темная копошившаяся кучка людей стала неясной, и кругомъ, насколько хваталъ глазъ, была опаловая ровная поверхность воды, чуть порозовѣвшая отъ восходящаго солнца.

Оглядѣвъ горизонтъ, Кедровъ невольно опять перевелъ глаза на своихъ проводниковъ. Было глубоко, и прямо передъ нимъ, у кормы куласа, торчала изъ воды круглая бритая голова проводника съ посинѣвшимъ лицомъ и губами, покрытыми чернымъ налетомъ. Кожа этого лица обтянулась, и большіе глаза, не моргая, смотрѣли на Кедрова. Тому сдѣлалось неловко. „О чемъ онъ думаетъ теперь"—пронеслось въ головѣ Дмитрія Андреевича и, отвернувшись, онъ сталъ смотрѣть въ сторону. Но, помимо воли, глаза его сами собой опускались внизъ, и каждый разъ внизу та же круглая голова близко передъ нимъ колыхалась надъ водой, кивая посинѣвшимъ лицомъ при каждомъ шагѣ и глядя тѣмъ же неподвижнымъ взглядомъ прямо въ глаза Кедрову.

Кедрова охватывала тоска. Это строгое, спокойное, кивавшее лицо начинало давить его. Въ куласѣ сидѣли еще Скворцовъ, не знавшій куда дѣть свои длинныя ноги, и Максимовъ. Вся челядь ихъ помѣщалась въ другихъ лодкахъ. „Выпить себѣ, что-ли?" — со злобой думалъ Дмитрій Андреевичъ, глядя какъ Максимовъ возится съ фляжкой.

— Ну-ка, пока что,—весело заговорилъ Максимовъ, протягивая стаканчикъ. Скворцовъ выпилъ; выпилъ и Кедровъ. Но вино съ непривычки, да еще утромъ, только развинтило его.

— А вѣдь это ужасно,—съ дрожью въ голосѣ заговорилъ Дмитрій Андреевичъ, не выдержавъ и кивая на проводниковъ.

— Да, ужасно медленно волокутъ, мерзавцы,—не понялъ Максимовъ;—да вы что?—заговорилъ онъ, увидавъ досадливое движеніе Кедрова. У того губы дрожали, и въ глазахъ стояли слезы.—Хе, хе, хе,—усмѣхнулся вдругъ хорошей улыбкой Максимовъ, понявъ,—молоды вы еще, батенька, непривычны.

Онъ вдругъ на минуту грустно задумался, опустивъ голову, потомъ поднялъ ее и глянулъ на Кедрова все съ той же улыбкой.

— Молоды вы,—повторилъ онъ, любовно похлопывая Кедрова по колѣнкѣ.—Ничего,—лукаво подмигнулъ онъ черезъ минуту—мы ихъ потомъ водкой отпоимъ.—И интонація голоса, и вся манера Максимова были таковы, какъ будто онъ говорилъ съ ребенкомъ.

Путь тянулся длинный, безконечно длинный, какъ показалось Кедрову, и кругомъ все было однообразно до утомительности. То же киваніе головъ надъ самой водой на глубокихъ мѣстахъ, тѣ же окрики, когда куласы вырывало теченіе, та же вода, грязная вблизи и нѣжно опаловая вдали. Порой садились на мель, и тогда проводники напрягали всѣ

силы, сдвигая куласы, спотыкались, глотали воду, кашляли и, оправившись, продожали толкать.

Наконецъ, въ туманной дали показались сначала сказочные дворцы, потомъ задрожали въ воздухѣ грозныя крѣпости. Все это оказалось, по мѣрѣ приближенія, убогими саклями, раскрашенными съ необузданной роскошью миражемъ. На небольшомъ пригоркѣ стоялъ жалкій аулъ, окруженный водой, и туда-то и направлялись проводники для смѣны.

Дмитрій Андреевичъ съ удовольствіемъ прохаживался между саклями, расправляя затекшіе члены. Длинный Скворцовъ тоже сосредоточенно шагалъ, какъ аистъ. Максимовъ и переводчикъ громко кричали и сыпали затрещины, торопясь получить новую смѣну: предстоялъ еще далекій путь, тяжкій и далекій.

У одной сакли проводники, сидя на землѣ, выжимали платье, почтительно повернувшись спиной къ начальству. Кедровъ заходилъ сбоку и взглядывалъ на нихъ, ища глазами лицо, давившее его кошмаромъ всю дорогу.

— Все смотрите,—сказалъ Максимовъ, подходя. Языкъ его давно уже ходилъ не бойко. Всю дорогу онъ говорилъ и угощалъ, но больше угощался.—А вотъ мы ихъ водочкой сейчасъ. Эй, ада̀!—крикнулъ онъ, обернувшись къ проводникамъ. Тѣ уже развѣшивали платье, надѣвъ сырое бѣлье на тѣло, и не слыхали обращенія; но одинъ изъ нихъ повернулся, и Кедровъ тотчасъ же узналъ своего и махнулъ ему рукой.

Передъ нимъ стоялъ молодой стройный человѣкъ, ниже средняго роста, съ хорошимъ спокойнымъ лицомъ. Это красивое сухощавое лицо совсѣмъ не было страшно, какъ тогда въ водѣ, и освѣщалось большими глазами подъ орлиными изогнутыми бровями.

— Арака̀ ичѐр'сэнъ? *)—весело и увѣренно говорилъ Максимовъ, наливая стаканъ дрожащей рукой.

— Ичмерэмъ ага́, — съ тихимъ достоинствомъ отвѣтилъ проводникъ.

— Ичмер'сэнъ?—протянулъ съ негодованіемъ и удивленіемъ Максимовъ,—не пьешь?.. Ну, и чортъ съ тобой,—оборвалъ онъ и выпилъ самъ, все съ той же негодующей миной; но удивляться и негодовать было нечему: въ глухой степи пьющій мусульманинъ—большая рѣдкость. Максимовъ, подпивъ, никогда этого не помнилъ и не понималъ, какъ можно не пить.

— Послушай... послушай... эй!..—заторопился Кедровъ,

*) «Водку пьешь».

когда проводникъ повернулся и пошелъ, и нагнавъ, Дмитрій Андреевичъ сконфуженно и виновато протянулъ ему какую-то монету. На мгновеніе два человѣка, почти однихъ лѣтъ, бѣлый и черный, взглянули другъ другу въ глаза, оба молодые, оба красивые, и Кедрову показалось, что у проводника сверкнуло что-то братское въ глазахъ, въ тѣхъ суровыхъ глазахъ, которые такъ неподвижно и страшно глядѣли на него изъ воды всю дорогу. Нерѣшительно взявъ монету, проводникъ поклонился, и взглянувъ еще, тихо пошелъ къ своимъ.

Опять потянулся такой же путь. Уже другіе люди шли у лодокъ, также кивая головами. Духота становилась невыносимой. Вода подъ солнцемъ нагрѣвалась, шелъ паръ, и Кедровъ чувствовалъ себя близкимъ къ обмороку.

Скворцовъ и Максимовъ ругались. Они были пріятели и въ городѣ почти всегда были вмѣстѣ. Скворцовъ пилъ столько же, сколько и Максимовъ, но пьянъ никогда не былъ. Онъ выписывалъ много всякихъ журналовъ, и это-то и составляло яблоко раздора между пріятелями. Дѣло въ томъ, что Скворцовъ всѣ журналы выписывалъ только одинъ мѣсяцъ послѣ ихъ рожденія, такъ что въ его рукахъ постоянно торчали всякіе „Разсвѣты", „Зори", „Утра", „Звѣзды" и пр., и никогда не было ни одного установившагося изданія. Вѣчно онъ показывалъ знакомымъ какое-нибудь новорожденное дитя прессы и просилъ совѣта, выписывать его или нѣтъ.

Такъ и теперь, онъ вдругъ вытащилъ изъ дорожной сумки тощую желтую книжку и протянулъ ее Кедрову.

— Только что получилъ передъ отъѣздомъ,—пробормоталъ Скворцовъ.—Не знаете, хорошъ будетъ журналъ?

— Да тебѣ-то что,—набросился Максимовъ,—хорошъ онъ или дуренъ? Вѣдь все равно одинъ только мѣсяцъ будешь получать. И на какой чортъ ты ихъ выписываешь, не понимаю!

— Чудакъ человѣкъ,—отозвался Скворцовъ,—слѣжу за всѣмъ, оттого и выписываю.

— Да и не ты слѣдишь-то, а твои знакомые. Ты вѣдь своихъ журналовъ не читаешь, а только мнешь ихъ въ рукахъ, — продолжалъ Максимовъ.—Журналы!.. Долбони-ка лучше,—заключилъ онъ, наливая вина.

Скворцовъ долбонулъ, и они начали ругаться.

Кедрову казалось все какъ въ туманѣ. Глаза болѣли, закрывались, въ ушахъ стоялъ звонъ, и Дмитрій Андреевичъ потерялъ представленіе о времени. Какъ сквозь сонъ, онъ слышалъ, что гдѣ-то кричатъ, но это не былъ крикъ спорившихъ пріятелей. Очнувшись, онъ, дѣйствительно, услы-

халъ крики съ дальнихъ куласовъ. Вся вереница растянулась на громадную линію, и Кедровъ ничего не могъ понять. Онъ видѣлъ только, что куда-то указываютъ руками, и поглядѣлъ въ ту сторону. Тамъ едва темнѣло какое-то большое пятно.

Скворцовъ и Максимовъ перестали спорить и тоже глядѣли,—Максимовъ въ бинокль. Нѣсколько минутъ бинокль ходилъ въ его рукахъ, наконецъ, попалъ на мѣсто, и Максимовъ уставился; потомъ вдругъ молча и испуганно отвелъ бинокль, потомъ опять приставилъ къ глазамъ и вдругъ рванулся такъ, что куласъ чуть не черпнулъ воды.

— Стой, стой! — заоралъ Максимовъ, поблѣднѣвъ, — да стойте-же, анафемы... даянъ, тохта́, чортъ васъ побери!—повторялъ онъ, вертясь и чуть не опрокидывая лодку.

— Да что вы, что случилось?—говорилъ растерянно Кедровъ.

— З-з... з...—заикался Максимовъ, указывая въ даль,—змѣи, змѣи, глядите-же,—разразился онъ, наконецъ, протягивая бинокль.

Кедровъ вглядѣлся и помертвѣлъ: прямо въ полѣ бинокля копошилась и извивалась какая-то темная масса. Это былъ громадный фургонъ, настигнутый разливомъ и брошенный ускакавшими хозяевами. Но ни колесъ, ни дуги навѣса, ничего не было видно, все это было сплошь облѣплено змѣями. Всѣ животныя степи, настигнутыя водой и не сумѣвшія скрыться: тушканчики, полевки, змѣи массами гибли и, прибитые вѣтромъ, черной полосой гнили по краямъ разлива. Спасались при этомъ на чемъ попало, и туча змѣй взобралась на фургонъ, уничтоживъ въ немъ все живое, забравшееся раньше. Онѣ срывались, падали въ воду, лѣзли опять, и чернымъ живымъ налетомъ плавали вокругъ него. Легко было понять, что могло случиться, когда куласы подошли бы ближе.

— Илянъ-ды-бу,—прошепталъ одинъ изъ вожатыхъ, опуская невольно руки. Другіе тоже стали.

Куласъ, покачиваясь, тронулся по теченію, прямо на фургонъ. Но тотчасъ же проводники ухватили его и повели такъ, что вода зажурчала у бортовъ. Другіе куласы уже давно повернули въ сторону. Поднялся невѣроятный гвалтъ; на проводниковъ кричали, какъ на лошадей, перегибаясь, били ихъ, но это было неудобно: лодки могли перевернуться. Куласы стремительно подвигались впередъ. Вожатые толкали ихъ грудью, упирались головой въ корму, скользили, падали, захлебывались... Мускулы напряглись, дыханіе со свистомъ вырывалось изъ грудей, глаза выходили изъ орбитъ и наливались кровью.

Долго продолжалась эта напряженная гонка, до тѣхъ поръ, пока страшное пятно не скрылось въ туманѣ.

До вечера Кедровъ не могъ успокоиться. Онъ все дрожалъ нервной дрожью ото всей сцены; дрожалъ и послѣ, ступая на сухую землю, дрожалъ и садясь въ сѣдло поданной лошади.

Но его спутники, усѣвшись на лошадей, чувствовали себя превосходно. Правда, Максимова сажали въ сѣдло четверо, но, забравшись, онъ заколыхался на немъ съ видомъ привычнаго ѣздока.

— Ну, кончилась эта чортова вода,—заговорилъ Максимовъ,—часа черезъ два пріѣдемъ въ Карадай и отдохнемъ всласть. Не вѣшайте же носъ, батенька, конецъ нашимъ приключеніямъ,—тормошилъ онъ Кедрова.

Но приключеніямъ былъ вовсе не конецъ.

На самой дорогѣ лежалъ павшій быкъ; громадная, раздувшаяся отъ жары туша. Хозяинъ или кто другой сняли съ него кожу и красная гора падали блестѣла на солнцѣ.

Настроеніе казаковъ и всей челяди было превосходное. Они были на сухой землѣ, въ сѣдлахъ, на свѣжихъ, приведенныхъ изъ степи лошадяхъ. Щегольнуть при случаѣ умѣньемъ ѣздить, джигитовать—вещь неизбѣжная въ этомъ краю, и даже обязательная въ присутствіи „господъ". И вотъ одинъ за другимъ срывались всадники, мчались по дорогѣ и лихо перепрыгивали черезъ груду падали. Лошади пугливо храпѣли, иныя на всемъ скаку шарахались въ сторону, но тутъ-то и проявлялось умѣнье ѣздока.

Гиканье, щелканье нагаекъ, топотъ разгоряченныхъ лошадей и звяканье оружія наполнили вечерній воздухъ. Максимовъ вдругъ заразился общимъ оживленіемъ и неожиданно огрѣлъ плетью лошадь. Та прыгнула сразу; Максимовъ чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла, но удержался и продолжалъ нещадно пороть ее, какъ угорѣлый. Лошадь, задравъ голову, понеслась въ карьеръ и вдругъ, выпучивъ глаза, разомъ стала у падали, а Максимовъ, сверкнувъ въ воздухѣ толстыми ногами, цѣликомъ ляпнулся въ ободранную бычачью тушу.

Это вышло такъ быстро и неожиданно, что Скворцовъ захохоталъ, какъ сумасшедшій; Кедровъ тоже смѣялся; кое-кто изъ провожатыхъ непочтительно зафыркалъ. Но Максимовъ, поднявшись на ноги, плевался и ругался на всѣхъ нарѣчіяхъ. Отъ паденія онъ немного ошалѣлъ, но поврежденій не ощущалъ никакихъ: бычачья туша спружинила ударъ.

— Запорю,—ревѣлъ Максимовъ, порываясь назадъ и ру-

гая проклятаго старшину, который даетъ скверныхъ лошадей, допускаетъ падаль валяться по дорогамъ и т. д. Но ему сказали, что назадъ теперь дальше, чѣмъ впередъ, и онъ погналъ другую лошадь, торопясь скорѣй добраться до аула.

Скворцовъ, Кедровъ, казаки, переводчики, проводники рысью трусили за нимъ, все еще смѣясь. Отстали только вьюки.

— Эй, ада̀,—оралъ Максимовъ какому-то встрѣчному, влетая первый въ аулъ,—юзбаши гарда-ды? Чагыръ, кой гельсунъ! Бу саатъ!

Спрошенный кинулся со всѣхъ ногъ.

— Тэзъ!—рявкнулъ ему вслѣдъ Максимовъ, слѣзая съ лошади.

Понемногу собиралась толпа. Переводчикъ Кедрова вралъ, раздувая значеніе и власть пріѣхавшихъ, и предлагая воздать на всякій случай божескія почести.

Въ толпѣ кое-кто испуганно таращилъ глаза, кое-кто зло и скептически улыбался, тотчасъ же, впрочемъ, робѣя подъ свирѣпымъ взглядомъ рослаго переводчика.

Наконецъ, показался старшина, торопливо надѣвавшій цѣпь съ медалью, знакъ и доказательство своего почетнаго званія.

— Тэзъ, а-а!—гаркнулъ на него переводчикъ, и старшина побѣжалъ бѣгомъ.

Это былъ слабый сухой старикашка, очевидно, выбранный въ старшины потому, что не умѣлъ и не могъ гнуть аулъ по своему желанію. Въ хитромъ лицѣ всетаки были черточки, показывавшія, что нагадить исподтишка старичекъ могъ съ большимъ успѣхомъ.

Ему сказали, чтобы скорѣй отводилъ помѣщеніе. Старшина зачмокалъ губами, сокрушенно закачалъ головой, очевидно, собираясь заявить, что помѣщенія нѣтъ, но вдругъ, точно вспомнивъ что-то, торопливо закивалъ папахой и повелъ всѣхъ черезъ аулъ, къ большой стоявшей въ сторонѣ саклѣ.

Еще издали было видно, какъ изъ сакли выскочила какая-то старуха. Длинная, сухая, съ растрепанными волосами безъ чадры, она загородила собой дверь и отчаянно ругала старшину, крича, что никого не пуститъ.

Челядь пріѣхавшихъ со всѣхъ ногъ бросилась къ ней, и старуху отшвырнули въ сторону. Но дверь оказалась заперта извнутри.

— Вай, кардашла̀-аръ!—дико завопила женщина, сзывая на драку родственниковъ... Она было упала отъ удара, но тотчасъ же вскочила на ноги и, повернувшись къ аулу, рѣжущимъ голосомъ съ какими-то зловѣщими завываніями кричала свое: „кардашларъ". Издали на крикъ бѣжали люди

— Что-жъ это такое, — растерянно твердилъ Кедровъ,— вѣдь намъ обязаны же по закону отвести помѣщеніе?

— По закону,—усмѣхнулся Скворцовъ,—вотъ мы сейчасъ штурмомъ будемъ брать саклю, вотъ вамъ и законъ. Старшинишка, подлецъ, должно быть личные счеты имѣетъ съ хозяиномъ сакли, вотъ и дѣлаетъ ему непріятность. Да вы не волнуйтесь, сейчасъ все кончится.

А въ саклю ломились.

— Ачъ, кёпа̀й оглы!—твердилъ старшина, припадая ухомъ къ замочной скважинѣ и постукивая въ дверь костяшками сухой руки.

Переводчикъ Кедрова, зло отстранивъ старшину, такъ тряхнулъ дверь, что скобы затрещали. Еще два три такихъ удара, и дверь должна была вылетѣть.

Но вдругъ дверь сама разомъ распахнулась, и наружу выскочилъ громаднаго роста блѣдный и взъерошенный человѣкъ. Онъ бѣшено взмахнулъ въ воздухѣ желѣзной лопатой, описавъ ею кругъ передъ собой, и ища глазами старшину. Всѣ прыгнули отъ этого взмаха, и лопата больно задѣла по боку не успѣвшаго отскочить Кедрова; но той же лопатой задѣло и его переводчика, не пожелавшаго отойти.

— А-а, ты и меня! — звѣремъ заревѣлъ переводчикъ, и два тѣла судорожно сцѣпились. На мгновенье они точно застыли въ воздухѣ, но прежде, чѣмъ кто нибудь могъ опомниться, переводчикъ пригнулъ противника къ землѣ и два раза, какъ молотомъ, ударилъ его кулакомъ по головѣ. Первый ударъ сбилъ папаху, второй пришелся по темени и человѣкъ запрокинулся навзничъ, точно выдохнувъ изъ себя: „и-алла̀“.

Дальше Кедровъ все помнитъ, какъ въ туманѣ. Озвѣрѣвшая челядь колотила налѣво и направо кого попало, хотя прибѣжавшіе люди и не думали нападать; испуганный старшина, не ожидавшій такого конца, молилъ идти въ другую саклю; Максимовъ подъ шумъ и гвалтъ, спокойный и отрезвѣвшій, составлялъ протоколъ о вооруженномъ сопротивленіи; женщины рвали волосы и съ крикомъ молили простить и не писать бумагу съ „печатью“. И надо всѣмъ этимъ стоялъ отчаянный стонущій плачъ женщины надъ распростертымъ тѣломъ гиганта, котораго волокли куда-то въ сторону.

Только глубокой ночью улеглось волненіе. Три человѣка сидѣли у сакли и разговаривали.

— А я бы на твоемъ мѣстѣ уничтожилъ протоколъ. Вѣдь изъ за минутной глупости погибнетъ человѣкъ, — слышался вялый голосъ Скворцова. — Вѣдь этого дурака въ Сибирь сошлютъ за его выходку, при исключительныхъ-то законахъ.

— Если мы будемъ прощать подобныя вещи,—размѣренно

говорилъ Максимовъ злымъ и усталымъ голосомъ,—то насъ перерѣжутъ всѣхъ немедленно. Завтра же пошлю къ прокурору, пусть ихъ проучатъ. Сегодня бы надо, да поздно уже.

— Да чудакъ-человѣкъ,—лѣниво настаивалъ Скворцовъ,—этотъ ослопятина, очевидно, освирѣпѣлъ на старшину, а мы ужъ случайно подвернулись. Тутъ у нихъ свои домашніе счеты, ну чего ты мѣшаешься.

— А если бы изъ-за домашнихъ то счетовъ голову ему разрубилъ лопатой,—ткнулъ Максимовъ въ Кедрова,—или же не лопату схватилъ сгоряча, а кинжалъ, тогда что?

— Да мнѣ совсѣмъ и не больно, — торопливо заявилъ Кедровъ,—и я бы очень просилъ васъ не посылать протокола.

— Да здѣсь не въ боли дѣло, а въ принципѣ. Поймите же, личность каждаго изъ насъ должна быть священна для этой орды. Мы другой породы, мы высшей культуры люди, и они глядѣть не смѣютъ на насъ, а не только замахиваться... За это придушить надо...

„И придушитъ, придушитъ"—волновался Кедровъ, лежа въ постели. Онъ хорошо понималъ, что на лицо имѣется весь составъ вооруженнаго сопротивленія, и гибель „бунтовщика" казалась ему неизбѣжной при тѣхъ исключительныхъ законахъ, которые примѣняются въ этомъ краю къ преступленіямъ туземцевъ.

„Подамъ отдѣльное заявленіе",—думалъ Кедровъ,—„можетъ удастся придать всему дѣлу случайный характеръ".—Но тутъ же ему представлялось, какими красками на слѣдствіи будутъ расписывать „преступленіе" переводчики и разсыльные. Кедровъ уже замѣтилъ глубокую презрительную ненависть всевозможной челяди къ „ордѣ".

„Все равно погибнетъ человѣкъ" — рѣшилъ Дмитрій Андреевичъ,—„если только Максимовъ пошлетъ протоколъ, а онъ пошлетъ, непремѣнно пошлетъ",—думалъ Кедровъ, слушая храпъ Максимова, спавшаго въ другой комнатѣ. „Принципіальный" человѣкъ легъ трезвый и сосредоточенно злой.

Кедровъ ошибался. Утромъ изъ Максимова вылетѣли всѣ принципы. Выспавшись и хлебнувъ изъ фляги, Максимовъ рвалъ свой протоколъ, посуливъ чорта бунтовщику, который, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ передъ нимъ такой же здоровенный, какъ и вчера, точно не онъ валялся колодой полъ-ночи.

— Выносливы, собаки,—пробормоталъ переводчикъ, глядя на силача. Тотъ униженно цѣловалъ сапоги Максимова и зло косился на всѣхъ.

Кедровъ уѣзжалъ, работа его была дальше въ степи.

— А вамъ, батенька,—говорилъ Максимовъ,—сразу удалось туземное крещеніе принять. Хе, хе... Ничего, привыкнете...

— Ничего, привыкну,—машинально повторилъ Кедровъ, трогая лошадь и неувѣренно глядя вдаль.

Было еще рано, и солнце не успѣло расцвѣтить горизонтъ красками миража, но уже нагрѣло воздухъ, и степныя дали тонули въ туманѣ.

Николай Лялинъ.

ПЕРЕДЪ ПОРТРЕТОМЪ.

Задумчиво гляжу на милыя черты:
Въ улыбкѣ—грусть, въ глазахъ—глубокое страданье,
О счастьи, о любви лучистыя мечты
И жизни шутокъ злыхъ печальное сознанье.

Да, жизнь, какъ феодалъ, безумствуетъ порой!—
Мѣняя каждый день забаву,
То тѣшится страстей жестокою игрой,
То льетъ въ вино гостямъ отраву!..

Н. Шрейтеръ.

Субъективный методъ въ соціологіи и его философскія предпосылки.

IV.

Если вчитаться въ сочиненія нашихъ соціологовъ, преимущественно П. Миртова и Н. К. Михайловскаго, посвященныя защитѣ такъ называемаго „субъективнаго метода въ соціологіи“, то нетрудно увидѣть, что ихъ теорія пытается дать отвѣтъ на три основныхъ вопроса: 1) Какіе субъективные элементы разоблачаетъ въ нашемъ соціологическомъ мышленіи критическій анализъ? 2) Какіе изъ этихъ элементовъ приходится признать неустранимыми, необходимо присущими нашему мышленію по самой его природѣ? 3) Какъ возможно регулировать эти субъективные элементы для того, чтобы избѣжать индивидуальнаго произвола въ соціологическихъ построеніяхъ и расчистить путь торжеству обще-человѣческой правды?

Не расчленять этихъ трехъ вопросовъ—значитъ отрѣзать себѣ всякую возможность пониманія русскихъ субъективистовъ, вѣчно путаться въ ихъ тезисахъ и впадать въ постоянныя недоразумѣнія. Такъ до сихъ поръ поступали всѣ безъ исключенія извѣстные мнѣ критики субъективизма. Тамъ, гдѣ субъективисты *только констатировали* наличность опредѣленнаго субъективнаго элемента—критики зачастую усматривали уже признаніе его необходимости, неизбѣжности; тамъ, гдѣ выставлялась на видъ *неустранимость* субъективизма въ извѣстномъ отношеніи—критики нерѣдко видѣли уже принципіальное провозглашеніе полной, ничѣмъ неограниченной, ничѣмъ нерегулированной свободы этого субъективизма; а болѣе простодушные критики, не мудрствуя лукаво, все валили въ одну кучу: простое констатированіе какого бы то ни было субъективизма—даже такого, который въ результатѣ дальнѣйшаго анализа нашихъ субъективистовъ при-

знавался *незаконнымъ,* подлежащимъ устраненію—даже это для нихъ было равносильно оправданію и возведенію въ принципъ того, съ чѣмъ нужно бороться. Ниже мы увидимъ, какъ часто впадаютъ въ эти ошибки гг. Бердяевъ и Струве—особенно послѣдній. Мы увидимъ, что не осталось ни одного изъ перечисленныхъ выше видовъ ошибокъ, котораго бы они не сдѣлали.

Разберемъ послѣдовательно, какой отвѣтъ давали и даютъ русскіе субъективисты на три поставленныхъ выше вопроса, и прежде всего—какіе субъективные элементы обнаруживаетъ психологическій анализъ въ соціологическомъ мышленіи. Понятно, что для отвѣта на этотъ вопросъ приходилось прежде всего условиться въ томъ, что понимать подъ субъективнымъ. Наиболѣе обстоятельно и методически раскрывается теоретико-познавательный смыслъ понятія „субъективнаго" въ работѣ П. М. „О методѣ въ соціологіи" („Знаніе" ежемѣс. научный и критико-библіогр. журналъ, 1874 г., № 1).

Исходной точкой разсужденія П. М. является установленіе того необычайно важнаго по своимъ послѣдствіямъ положенія, что понятія субъективнаго и объективнаго *относительны.* Между ними нѣтъ рѣзкой грани, нѣтъ пропасти, которая бы отдѣляла субъективное отъ объективнаго. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ искать ее, эту грань? Для сторонника какихъ либо иныхъ, не позитивныхъ системъ отвѣтъ можетъ быть очень простъ. Для наивнаго реалиста всякое построеніе, исходящее изъ внѣшнихъ воспріятій—объективно. Для него несомнѣнно, что внѣшнія воспріятія суть своеобразныя, чисто-пассивныя состоянія человѣческой психики, во время которыхъ объектъ, абсолютно существующій внѣ нашего сознанія, сообщаетъ намъ доподлинныя. абсолютныя свои свойства. Логически правильная обработка этихъ абсолютно-объективныхъ данныхъ будетъ единственно научнымъ, объективнымъ методомъ. Ему противостоятъ субъективные элементы человѣческой психики—оцѣнки, выростающія изъ внутреннихъ чувствованій, изъ различеній пріятнаго и непріятнаго. Какъ бы ни было велико значеніе этихъ различеній для практики, для жизни—въ наукѣ имъ не мѣсто. Такъ просто, коротко и ясно разрѣшается этотъ вопросъ для наивнаго реализма. Мы увидимъ, однако, что приложеніе этой точки зрѣнія къ болѣе сложнымъ проблемамъ теоріи познанія наталкивается на непреодолимыя трудности. Не менѣе категорически различаетъ субъективное и объективное приверженецъ трансцендентальной философіи. Для него между тѣмъ и другимъ также лежитъ непроходимая пропасть. Для него несомнѣнно, что въ человѣческомъ познаніи нужно различать форму и содержаніе, апріорные элементы отъ апостеріорныхъ. Апріорное обладаетъ необходимостью, общеобязательностью, самоочевидностью для всякаго мышленія. Въ апріорномъ—залогъ безусловныхъ, вѣчныхъ, неизмѣнныхъ истинъ—а только такія

истины и суть настоящія истины. Истина, которую мы поставили въ зависимость отъ текучаго, измѣнчиваго опыта, уже не есть истина. Обработка сырого, безформеннаго матеріала воспріятій сообразно извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ апріорнымъ принципамъ и дастъ въ результатѣ *объективную* истину; всякое же игнорированіе апріорнаго, всякое стремленіе поставить истину въ зависимость только отъ опыта, отъ эмпиріи будетъ расшатывать *незыблемыя* основы знанія, поведетъ къ измѣнчивости, къ субъективному произволу въ познаніи. Ниже мы увидимъ, какими внутренними противорѣчіями богато всякое приложеніе этой точки зрѣнія (общей же критикѣ ея была посвящена вся предыдущая статья). Теперь же, въ pendant къ двумъ приведеннымъ рѣшеніямъ вопроса, мы разовьемъ третье—принадлежащее русской субъективной школѣ.

Всякое познаніе, всякое впечатлѣніе, всякая оцѣнка—общѣе говоря, всякое *высказываніе* индивида относительно какой бы то ни было составной части окружающей его среды приходится разсматривать, какъ обусловленное, въ необходимыя предварительныя условія котораго входитъ не только среда, но и самъ индивидъ, какъ цѣлостная біологическая единица, съ опредѣленными свойствами. Высказыванія всякой другой единицы, надѣленной иной біологической организаціей, будутъ неизбѣжно иными, хотя бы относились къ той же составной части окружающей среды. Поэтому и свойства окружающей среды не суть какія то абсолютно-объективныя „внутреннія“ свойства, данныя независимо отъ природы воспринимающихъ индивидовъ. Всѣ его „свойства“ или „качества“, все „содержаніе“ этого объекта опредѣляется, какъ способность при тѣхъ или иныхъ условіяхъ различнымъ способомъ восприниматься различно-организованными существами: на одни воздѣйствовать такъ, на другія—иначе. Этого опредѣленія совершенно достаточно, одно оно и будетъ научнымъ. Развѣ въ химіи, напримѣръ, требуется еще какое-нибудь особенное опредѣленіе „единой и неизмѣнной“ природы химическаго элемента, кромѣ того, что при такихъ то условіяхъ онъ даетъ такую-то реакцію, а при другихъ—совершенно иную, особенную? Подобнымъ же образомъ намъ нечего искать какихъ то особенныхъ, абсолютно-внутреннихъ, независимыхъ отъ природы воспринимающихъ индивидовъ свойствъ „объекта“. Все это абсолютно-объективное есть миѳъ, и если бы единственно только ему, этому абсолютному, и приличествовало названіе объекта, если бы только его „самобытнымъ“ „независимымъ“ свойствамъ и приличествовало названіе „объективныхъ“, то не оказалось бы ничего объективнаго въ нашемъ познаніи. Въ этомъ смыслѣ, примѣняясь къ терминологіи наивнаго реализма, приходится сказать, что „мы изучаемъ не самые предметы, а наши представленія и понятія о нихъ, самихъ же предметовъ воспринимать не мо-

жемъ“ *). А дальше „изъ этого выходило бы, что всѣ наши знанія субъективны“ **), что „субъективны всѣ наши понятія, всѣ наши истины“ ***).

Но остановиться на этомъ въ анализѣ субъективныхъ элементовъ въ познаніи было бы въ высшей степени нераціонально. Расширяя до всеобъемлющихъ размѣровъ смыслъ слова „субъективизмъ“ мы рисковали бы утопить въ этомъ чрезмѣрно-общемъ смыслѣ всѣ болѣе тонкія и конкретныя различенія ****). Но русскіе субъективисты никогда не упускали изъ виду и оборотной стороны медали. Они никогда не забывали, что если въ извѣстномъ, широкомъ смыслѣ слова все наше познаніе субъективно, идетъ отъ субъекта, то вѣдь въ то же время съ неменьшимъ правомъ можно сказать, что все оно—объективно, идетъ отъ объекта: „всегда и вездѣ люди, подъ какимъ бы философскимъ знаменемъ они ни стояли, черпали свои познанія изъ внѣшняго міра“ *****)... Это значитъ только, что, послѣдовательно расширяя значеніе словъ „субъективный“ и „объективный“, мы стираемъ ихъ различія, мы сливаемъ ихъ. Истина въ томъ, что термины эти не могутъ имѣть абсолютнаго значенія; они просто условны и соотносительны. Истина въ томъ, что субъективный и объективный моменты другъ друга предполагаютъ: „всегда и вездѣ умъ человѣческій возбуждался внѣшними причинами, не будучи, разумѣется, при этомъ пассивною мишенью“ ******).

Сойдя съ метафизически-абсолютной точки зрѣнія, мы можемъ различать въ человѣческомъ познаніи лишь относительно-субъективное отъ относительно же объективнаго. Извѣстныя истины, сужденія, понятія, представленія и воспріятія измѣнчивы отъ субъекта къ субъекту, другія общи большему или меньшему числу субъектовъ. Но и самыя общія всетаки представляютъ лишь *субъективное* достояніе всего человѣческаго рода. Они ни мало не обязательны для существъ съ иной—высшей или низшей—психофизической организаціей. Приходится поэтому различать разныя *ступени* субъективнаго, причемъ каждая предыдущая, низшая ступень

*) «Знаніе» 1874, I, отд. 2, стр. 9.

**) Ibid.

***) Н. К. Михайловскій, сочиненія, т. III, 398.

****) Такъ поступаетъ, въ сущности, одинъ изъ самыхъ крупныхъ философовъ имманентной школы, Р. Шубертъ-Зольдернъ. Вопреки ожиданіямъ, въ его книгѣ «Das menschliche Glück und die soziale Frage» мы встрѣчаемъ лишь весьма скудный анализъ субъективныхъ элементовъ въ соціологическомъ познаніи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что онъ слишкомъ налегаетъ на исходную точку—раствореніе всѣхъ методовъ въ психологическомъ методѣ самонаблюденія (субъективномъ). «Въ самомъ широкомъ (солипсистскомъ) смыслѣ всякій методъ относится къ самонаблюденію: и естествоиспытатель наблюдаетъ лишь свои собственныя воспріятія». (Einleitung, s. XXX).

*****) Н. К. Михайловскій, сочиненія, III. стр. 52.

******) Тамъ же.

субъективнаго будетъ объективной—по отношенію къ высшей ступени, и субъективной—по отношенію къ низшей *).

Высшая степень объективнаго не безъ основанія обычно усматривается въ общихъ логическихъ законахъ мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, говоря о нихъ, мы именно отвлекаемся отъ субъективныхъ разногласій въ человѣческихъ сужденіяхъ, мы сосредоточиваемъ свое вниманіе исключительно на общемъ, на томъ пути, которымъ одни люди приходятъ къ однимъ выводамъ, другіе—къ другимъ. Отвлекаясь, такимъ образомъ, совершенно отъ различнаго содержанія человѣческихъ сужденій, мы ищемъ объединяющихъ ихъ чисто формальныхъ чертъ или пріемовъ мышленія. По самой постановкѣ вопроса, такимъ образомъ, мы исключаемъ субъективныя различія, мы ищемъ всеобщихъ, т. е. объективныхъ формъ. Съ другой стороны, если мы отъ формъ или пріемовъ мышленія обратимся къ самому его содержанію, то въ послѣднемъ, путемъ анализа, можно разлагать сложные продукты на составные элементы, различныя комбинаціи которыхъ и составятъ все разнообразіе индивидуальныхъ психическихъ типовъ, такъ же, какъ различныя комбинаціи однихъ и тѣхъ же элементарныхъ звуковыхъ тоновъ даютъ разнообразіе музыкальныхъ произведеній различныхъ геніальныхъ композиторовъ и создаваемыхъ ими школъ. Эти-то неразложимые дальше элементы сознанія, разсматриваемаго съ точки зрѣнія его содержанія, эти простѣйшія, элементарнѣйшія ощущенія, воспріятія наряду съ логическими пріемами мышленія обладаютъ maximum'омъ всеобщности и въ этомъ смыслѣ—объективности. Но, вооружившись теоретикопознавательнымъ микроскопомъ и стоя на точкѣ зрѣнія эволюціи, мы безъ труда откроемъ условное и лишь относительное значеніе этой всеобщности. Строго говоря, невѣрно, что логическіе пріемы мышленія и психологическія явленія воспріятія—безусловно однородны у всего человѣчества, такъ что вѣрное для однихъ будетъ столь же вѣрно и для другихъ или, по крайней мѣрѣ, допускаетъ повѣрку другими. Напротивъ: во всѣхъ областяхъ очевиднаго данная степень вос-

*) Характерной особенностью этой точки зрѣнія является, такимъ образомъ, ея *релятивизмъ* (необходимо присущій послѣдовательному позитивизму); она одинаково далека и отъ абсолютнаго объективизма наивнаго реалиста, и отъ абсолютнаго субъективизма имманентовъ солипсистовъ. Изъ апріористовъ на эту точку зрѣнія перекочевалъ такой остроумный мыслитель, какъ Г. Зиммель. «Между тѣми составными частями нашей картины мірового цѣлаго, которымъ мы даемъ названіе субъективныхъ, и тѣми, которымъ мы даемъ названіе объективныхъ, нѣтъ никакого абсолютнаго различія, но между ними вдвигаются посредствующія ступени. Существуютъ степени субъективизма въ познаніи, и каждая степень этого субъективизма въ то же самое время есть степень объективизма, причемъ степени субъективнаго и объективнаго соотвѣтствуютъ другъ другу въ обратномъ отношеніи». «Здѣсь, *какъ и вездѣ*, объективное есть лишь въ значительной степени общее субъективное» («Die Probleme der geschichtsphilosophie», Leipzig 1892, s. 70 и 28).

пріимчивости не только требуетъ предварительнаго воспитанія способностей въ расѣ, въ обществѣ и въ единицѣ, но иногда представляетъ неодолимыя различія *). Ребенокъ воспитываетъ въ себѣ различеніе предметовъ и ощущеній. Теорія Гладстона-Гейгера—нынѣ, впрочемъ, опровергнутая—гласила, что древніе греки даже во времена Гомера не воспринимали нѣкоторыхъ очевидныхъ для насъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Во всякомъ случаѣ, это лишь вопросъ времени, ибо „по мѣрѣ измѣненія физической и психической природы человѣка“ должно происходить и расширеніе его познавательныхъ способностей. Но процессъ этотъ—чрезвычайно медленный, на протяженіи очень долгаго времени можно подмѣтить лишь ничтожныя измѣненія (напр., указываютъ на эволюцію нашего зрѣнія въ смыслѣ ослабленія его способности охватывать глазомъ извѣстное пространство и вмѣстѣ съ тѣмъ къ изощренію его въ дѣлѣ различенія мельчайшихъ оттѣнковъ **). Съ другой стороны, такія орудія, какъ телескопъ и микроскопъ дѣлаютъ излишнимъ приспособленіе естественнаго органа зрѣнія къ растущимъ потребностямъ жизни, замѣняя его эволюціей инструментовъ, приспособляющихся къ данному состоянію органа зрѣнія. Въ виду этого, практически мы можемъ принимать извѣстныя воспріятія, какъ незыблемую основу общечеловѣческаго опыта. Это будетъ лишь *приблизительною* истиной, но вѣдь такія приблизительныя истины встрѣчаются даже въ столь строгой и точной наукѣ, какъ математика. Тому же закону эволюціи подвластны и общечеловѣческіе пріемы мышленія или такъ называемые „логическіе законы“. Здѣсь полная аналогія со всѣми другими областями эволюціи. „Законы дѣятельности легкихъ не имѣли мѣста въ біологіи до происхожденія легкихъ путемъ трансформизма и вовсе не получили бы въ ней мѣста, если бы не произошло животныхъ, дышащихъ легкими. Для годовалаго ребенка методы доказательствъ индукціею и дедукціею не существуютъ; и они вовсе не сдѣлались бы логическими истинами, если бы развитіе мозга и логическихъ процессовъ остановилось на низшей ступени ***). Съ другой стороны, и не удаляясь въ столь глубокую, до-историческую древность, можно констатировать достаточно глубокія различія въ логическомъ строѣ мысли людей, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія. „Самая малая доля человѣчества дорабатывается мыслью до понятія о научно-доказанной истинѣ. Для огромнаго большинства первая представившаяся догадка столь же очевидна, какъ научная истина; разсужденіе, диктуемое аффектомъ, столь же убѣдительно (если не болѣе), какъ точное доказательство; привычныя представленія воображенія имѣютъ столько же реаль-

*) «О методѣ въ соціологіи», Зн. 1874 г. № 1, стр. 6.
**) Н. К. Михайловскій, т. III, стр. 351—352.
***) Оп. ист. м., т. I, стр. 94.

ности (если не болѣе), какъ предметы, допускающіе повѣрку чувствами. Лишь медленнымъ историческимъ развитіемъ человѣчество доходитъ сначала въ небольшомъ, затѣмъ въ все увеличивающемся числѣ единицъ до степени мысли, на которой устанавливаются взаимно связанныя очевидныя истины въ формѣ различимыхъ ощущеній, опредѣленныхъ представленій, ясныхъ основныхъ понятій (категорій). Но каждой единицѣ приходится работать надъ собою, чтобы усвоить этотъ результатъ человѣческой исторіи... Эти очевидныя истины остаются пріобрѣтеніемъ личности, общества, расы и становятся основою всякаго научнаго мышленія“ *).

Этого мало. И среди элементарныхъ воспріятій можно различить нѣсколько группъ по степени ихъ всеобщности и тождественности у всѣхъ индивидовъ. Наиболѣе *объективными* въ этомъ смыслѣ являются воспріятія *разстоянія*, *продолжительности* и *давленія*. Каждая изъ трехъ группъ этихъ воспринимаемыхъ нами явленій не только въ минимальной степени модифицируется подъ вліяніемъ субъективныхъ особенностей, но и допускаетъ измѣреніе особыми единицами мѣры, настолько элементарными, что относительно ихъ не можетъ быть субъективныхъ споровъ; а существованіе этихъ измѣрительныхъ единицъ допускаетъ, во-первыхъ, повѣрку болѣе сомнительныхъ и субъективныхъ воспріятій бо́льшаго объема, а, во-вторыхъ, совершенно точное сравненіе воспринимаемыхъ явленій по величинѣ. *Движеніе вѣсомыхъ тѣлъ*—вотъ сфера явленій, складывающихся въ нашемъ представленіи изъ этихъ трехъ группъ воспріятій. Явленія температуры, напротивъ, уже составляютъ группу, воспринимаемую различными индивидами съ гораздо бо́льшими субъективными разногласіями,— настолько бо́льшими, что сравненіе ощущеній тепла или холода по степени ихъ интенсивности сколько-нибудь точное было невозможно до тѣхъ поръ, пока не былъ найденъ рядъ явленій изъ области *движенія вѣсомыхъ тѣлъ* (подъемъ ртути въ термометрѣ), функціонально соотвѣтствующій измѣненіямъ температуры; да и сами эти измѣненія температуры были выведены изъ сферы субъективныхъ измѣнчивыхъ колебаній и поняты, какъ нѣчто объективно-реальное, только тогда, когда былъ найденъ *механическій эквивалентъ* теплоты. Точно также и звуковыя явленія были сведены на движеніе гипотетическихъ, фиктивныхъ атомовъ невѣсомаго эфира; потребность *точнаго изученія* этихъ явленій заставила человѣчество здѣсь даже забѣжать впередъ опыта. Если не было *найдено*, *открыто* такой формы движенія доступныхъ наблюденію тѣлъ, которое было бы связано правиль-

*) «Знаніе», 1874, I, стр. 6. Ср. характеристику такъ называемаго «обыденнаго мышленія» у Геринга, «System der Krit. Phil.» или у популяризировавшаго его взгляды В. Лесевича—«Письма о научной философіи».

ной функціональной связью со всѣмъ качественнымъ и количественнымъ разнообразіемъ звуковыхъ явленій, то можно было *гипотетически построить* такую форму движенія, и такимъ образомъ *искусственно* создать возможность обобщить въ рядъ точныхъ математическихъ формулъ законы звуковыхъ явленій. Наконецъ, все разнообразіе, вся сложность и измѣнчивость явленій удовольствія и страданія, абстрактнаго мышленія и конкретнаго представленія, напряженія волевой энергіи и пассивной апатичности—вся область психологіи человѣка и ея изученія была поставлена на болѣе твердую научную почву, когда изслѣдованіе матеріальныхъ, физико-химическихъ процессовъ въ нервной системѣ дало возможность и здѣсь воспользоваться для изученія въ высшей степени *субъективныхъ* явленій *объективнымъ* вспомогательнымъ пріемомъ. Послѣдовательно проведенная теорія психофизическаго параллелизма дала возможность и здѣсь примѣнить понятіе функціональной связи, правильнаго соотвѣтствія и умозаключенія о явленіяхъ, болѣе субъективно-неуловимыхъ на основаніи явленій болѣе объективныхъ и осязаемыхъ.

Итакъ, является возможность повѣрки и болѣе точнаго изученія явленій, воспринимаемыхъ болѣе субъективно, при помощи установленія ихъ функціональной связи съ явленіями, воспринимаемыми болѣе объективно. Нетрудно видѣть, однако, что здѣсь рѣчь идетъ лишь о содѣйствіи, оказываемомъ болѣе объективными процессами мысли другимъ процессамъ мысли, болѣе субъективнымъ, о *вспомогательныхъ объективныхъ пріемахъ*, облегчающихъ изученіе субъективно воспринимаемаго, а вовсе не о *вычеркиваніи* болѣе субъективныхъ способовъ воспріятія изъ умственнаго багажа человѣчества. Нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ попытка игнорированія субъективныхъ показаній опыта и закланія ихъ на алтарѣ объективно истиннаго. „Мы сидимъ вдвоемъ въ комнатѣ, температура которой, какъ показываетъ термометръ, равна 15°, но, не смотря на то, вамъ жарко, а мнѣ холодно. Такъ будетъ всегда, пока люди не уравняются въ степени воспріимчивости къ теплу. Въ высшей степени нелѣпо поступилъ бы человѣкъ, который сталъ бы доказывать, что мнѣ не холодно, потому что термометръ показываетъ 15°. Если только я не имѣю особенныхъ причинъ притворяться, то мое заявленіе: мнѣ холодно—есть истина, но истина чисто субъективная“ *). Правъ будетъ не тотъ, кто будетъ отрицать или игнорировать эту истину, а тотъ, кто, напротивъ, сдѣлаетъ ее исходнымъ пунктомъ своего разсужденія и умозаключитъ отъ нея—смотря по разнымъ другимъ обстоятельствамъ—или о моемъ малокровіи, или о томъ, что я только что вышелъ изъ слишкомъ жарко натопленной комнаты. Если же кто нибудь на основаніи моего заявленія за-

*) Н. К. Михайловскій, т. III, стр. 399.

ключитъ, что термометръ испортился, что на дѣлѣ въ самомъ механическомъ эквивалентѣ теплоты произошла въ силу какихъ то пока неизвѣстныхъ причинъ убыль—то онъ будетъ неправъ не потому, что исходилъ изъ субъективной истины, а лишь потому, что сдѣлалъ изъ нея поспѣшное и невѣрное *умозаключеніе* *).

Здѣсь то и проявляется въ полномъ объемѣ несостоятельность *наивнаго реализма*, для котораго противоположность субъективнаго и объективнаго сводится на противоположность между субъектомъ и объектомъ: объективно то, что соотвѣтствуетъ „настоящей дѣйствительности", субъективно то, что представляетъ вліяніе этой послѣдней на насъ, возбуждаемую этимъ вліяніемъ игру человѣческой психологіи. *Объективизмъ* этого наивнаго реализма и его пренебреженіе субъективнымъ въ своемъ крайнемъ развитіи приводитъ къ матеріализму. „Впечатлѣнія зрѣнія и осязанія"—замѣчаетъ А. Риль—„отличаются отъ ощущеній прочихъ чувствъ своимъ относительнымъ постоянствомъ... а первыя къ тому же еще и своей относительной чистотой отъ примѣси внутренняго чувства. Оттого они несравненно способнѣе другихъ служить представителями независимой отъ насъ дѣйствительности и своимъ распорядкомъ и связностью воспроизводить ея отношенія". „Но, конечно, странна и непослѣдовательна та теорія, которая утверждаетъ, что хотя всѣ прочія ощущенія обнаруживаютъ только видъ и образъ, какъ вещи дѣйствуютъ на внѣшнія чувства, но что ощущенія твердости и протяженія и выводимыя изъ нихъ представленія такъ именно и открываютъ намъ вещи, какими они суть сами по себѣ, т. е. независимо отъ дѣйствія ихъ на чувства осязанія и зрѣнія" **). Матеріалистъ наивно вѣритъ, что

---

*) Въ этомъ смыслѣ даже неправильно говорить объ *обманахъ чувствъ*. Какъ справедливо замѣчаетъ Ланге, совершенно нелѣпо жаловаться на то, что наши чувства насъ обманываютъ, когда, напр., палка, опущенная въ воду, кажется намъ переломленною. Вѣдь именно этотъ и подобные ему феномены легли въ основу *ученія о преломленіи свѣта*, содержащаго цѣлый рядъ крайне важныхъ истинъ! Всѣ субъективно разнорѣчивыя показанія чувствъ «для насъ—одинаково дѣйствительныя явленія: всѣ они одинаково научны. Лишь разница въ ихъ группировкѣ, въ ихъ связи и въ выводахъ, изъ нихъ получаемыхъ, приводитъ къ ошибочнымъ и фантастическимъ или вѣрнымъ и научнымъ истинамъ». Такъ, «галлюцинація столь же дѣйствительна для помѣшаннаго, который изъ нея умозаключаетъ о реальности предмета, имъ видимаго, и для ученаго, который изъ нея же заключаетъ о патологическомъ состояніи мозга». П. М. «Знаніе», стр. 8.

**) «Теорія науки и метафизика», стр. 45. Въ параллель съ этимъ представителемъ отвлеченной философской мысли выслушаемъ по этому вопросу и представителя точнаго знанія. «Прежде всего мы замѣчаемъ—говоритъ Э. Махъ (Die Mechanik in ihrer Entwickelung. 2-te Aufl., Leipzig 1889, s. 477), что всѣмъ нашимъ опытамъ относительно пространственныхъ и временныхъ данныхъ оказывается большое довѣріе, или приписывается болѣе объективный, болѣе реальный характеръ, чѣмъ опытамъ относительно цвѣтовъ, тоновъ, теп-

атомы, созданія отвлеченной мысли, перерабатывающей матеріалъ воспріятій, суть истинная объективная реальность, независимая отъ какихъ бы то ни было воспріятій познающихъ существъ—единственно-истинная, абсолютно существующая „дѣйствительность“. Объективное для него означаетъ единственно-реальное и единственно-научное—ибо въ чемъ же и можетъ состоять наука, какъ не въ познаніи объективно-реальнаго? Но увы! своеобразная логичность этого крайняго объективизма, какъ мы видѣли, цѣликомъ основана на полнѣйшей теоретико-познавательной невинности, на совершенно ложномъ и не выдерживающемъ никакой критики исходномъ положеніи.

Итакъ, общіе логическіе законы мышленія составляютъ объективный элементъ, присущій въ равной мѣрѣ всѣмъ наукамъ. Но сообразно предмету изслѣдованія, къ которому предстоитъ приложить эти общіе пріемы, въ различныя науки въ разной мѣрѣ входятъ относительно-субъективные элементы. Предметъ математики—въ особенности алгебры и ариѳметики—суть чистыя абстракціи ума, числа и знаки. Здѣсь мы совершенно отвлекаемся отъ конкретной разницы воспринимаемыхъ явленій, т. е. отъ всякихъ матеріаловъ ощущенія, а слѣдовательно и отъ всего субъективнаго въ воспріятіяхъ. Недаромъ иногда говорятъ, что математика есть, въ сущности, прикладная логика. Только въ геометрію входитъ уже новая категорія, пространство, но опять-таки абстрагированная отъ всякихъ конкретныхъ протяженныхъ тѣлъ. Понятно, что maximum объективизма, т. е. всеобщности, однородности и точности изученія достигается именно въ математическихъ наукахъ. Немудрено поэтому, что въ старыя времена не разъ возобновлялись неосуществимыя попытки обработать другія науки такъ, какъ обработана математика,—т. е. путемъ чисто-дедуктивнаго вывода понятій. Далѣе идетъ механика, наука, предметомъ которой уже служатъ явленія *движенія* вѣсомыхъ тѣлъ;—представленія о нихъ вырабатываются, какъ уже было выше сказано, изъ трехъ группъ воспріятій, обладающихъ наибольшей объективностью. Далѣе—науки физико-химическихъ явленій, которыя въ разной мѣрѣ вынуждены пользоваться для своихъ построеній показаніями болѣе субъективныхъ и менѣе точныхъ звуковыхъ, цвѣтовыхъ и даже вкусовыхъ ощущеній. Явленія жизни со всѣми ея проявленіями представляетъ новый крупный шагъ по тому же направленію—измѣненія пропорціальнаго соотношенія между субъективными и объективными элементами въ мышленіи въ пользу первыхъ. И этотъ шагъ является настолько крупнымъ, что иные

лоты etc. Но при болѣе точномъ изслѣдованіи нельзя обманывать себя, что воспріятія времени и пространства являются точно такъ же ощущеніями, какъ и ощущенія цвѣта, запаха или звуковъ, съ тою лишь разницей, что въ анализѣ первыхъ мы обнаруживаемъ больше ясности и искусства, чѣмъ относительно послѣднихъ».

увлекающіеся біологи даже рѣшительно оспариваютъ положеніе, что біологія, подобно физикѣ и химіи, является объективной наукой. „Біологія—пишетъ, напр., Густавъ Вольфъ *), вовсе не является объективной дисциплиной, просто описывающей воспринимаемое, подобно физикѣ или химіи. Въ біологіи мы постоянно, снова и снова приходимъ къ тому заключенію, что невозможно ограничить себя объективнымъ наблюденіемъ, но что уже при одномъ описаніи шагъ за шагомъ мы по необходимости начинаемъ пользоваться матеріаломъ нашихъ собственныхъ внутреннихъ переживаній, извлекать изъ нихъ тѣ или иныя заключенія и примѣнять ихъ къ объектамъ біологіи. Чисто объективное построеніе біологіи является абсолютно неосуществимымъ, даже если бы мы захотѣли придать ей чисто-описательный характеръ“. Субъективные элементы въ біологіи авторъ усматриваетъ двоякаго рода. Во-первыхъ, почти вездѣ, гдѣ мы говоримъ о потребностяхъ, нуждахъ животнаго индивида, объ его инстинктѣ самосохраненія и обо всѣхъ, какъ относительно болѣе высокихъ, такъ и самыхъ элементарнѣйшихъ его психическихъ функціяхъ—мы нигдѣ не можемъ *непосредственно* констатировать присутствіе таковыхъ. Мы лишь непосредственно о нихъ умозаключаемъ, мы пользуемся „сужденіемъ по аналогіи, которое мы составляемъ, исходя изъ пережитыхъ нами самими состояній сознанія и перенося ихъ на чужое сознаніе, въ существованіе котораго мы вѣримъ опять-таки вообще только на основаніи этой же аналогіи“. Во-вторыхъ, въ ряду животныхъ и растительныхъ организмовъ мы необходимо дѣлаемъ извѣстную градацію, отъ низшихъ ступеней къ высшимъ, по мѣрѣ совершенства организаціи, ея цѣлесообразности. Этой послѣдней категоріи опять-таки не знаютъ другія, чисто объективныя науки **). Такимъ образомъ, говоритъ Вольфъ „я вовсе не хочу здѣсь выставлять тезисъ, что вообще *ни одинъ* біологическій процессъ не можетъ быть описанъ чисто-объективно“; но „по крайней мѣрѣ, біологія высшихъ организмовъ не можетъ ограничиться однимъ чисто-объективнымъ описаніемъ“. „И никто, — продолжаетъ Вольфъ,—не будетъ оспаривать правомѣрность изслѣдованія такого рода, никто не станетъ объявлять результаты естествознанія, пріобрѣтенные такимъ путемъ, не имѣющими никакой цѣны вслѣдствіе субъективнаго способа ихъ пріобрѣтенія. Никто еще не ставилъ въ упрекъ біологіи того, что она считаетъ, такимъ образомъ, пріобрѣтенныя истины столь же вѣрными, какъ и пріобрѣтенныя чисто-объективнымъ путемъ, и даже не дѣлаетъ

*) «Zur Psychologie des Erkennens» Eine biologische Studie von G. Wolf, Lepzig 1897, ss. 4—6.

**) Пожалуй, здѣсь не лишне будетъ замѣтить, что наше изложеніе далеко не даетъ понятія о всемъ содержаніи брошюры Вольфа, въ которой не мало странностей и путаницы.

между ними никакого различія, даже не считаетъ нужнымъ особенно выяснять для себя, какія именно сужденія по аналогіи, имѣющія субъективное происхожденіе, примѣняются при полученіи ея научныхъ результатовъ. И, дѣйствительно, если бы кто-нибудь вздумалъ оспаривать правомѣрность этого субъективнаго метода изслѣдованія (die Berechtigung dieser subjectiven Forschungsmethode), то онъ долженъ былъ бы объявить смертный приговоръ не только всей психологіи животныхъ, но и значительной части физіологіи, долженъ былъ бы объявить иллюзорными цѣннѣйшія пріобрѣтенія этихъ дисциплинъ".

Намъ еще придется ниже вернуться къ оцѣнкѣ этихъ мыслей Вольфа. Но это для насъ не такъ важно. Во всякомъ случаѣ, наука, занимающая промежуточное мѣсто между біологіей и соціологіей—именно психологія—будетъ для насъ уже твердымъ опорнымъ пунктомъ. Самъ г. Бердяевъ признаетъ, что „существуетъ наука, въ которой субъективный методъ получилъ право гражданства—это психологія. Всѣ выдающіеся психологи нашего вѣка признаютъ недостаточность одного объективнаго метода для разработки психологической науки и необходимость метода субъективнаго, метода самонаблюденія" (стр. 84). Итакъ, въ ряду дисциплинъ, предшествующихъ соціологіи въ общей іерархіи наукъ, существуетъ извѣстная градація въ способѣ воспринимания явленій, составляющихъ область науки. По мѣрѣ усложненія этихъ явленій, начиная отъ чистыхъ созданій абстрагирующаго ума, мы постепенно переходимъ къ явленіямъ, одно *восприниманіе* которыхъ все болѣе и болѣе осложняется относительно субъективными элементами, т. е. совершается при помощи воспріятій, въ которыхъ все больше и больше играютъ роль индивидуальныя особенности. И это необходимо обусловливается самою природою подлежащихъ изслѣдованію явленій.

Но и этого еще мало. Наблюденіе и опытъ не состоятъ только изъ ряда чистыхъ, независимыхъ другъ отъ друга воспріятій. Процессъ усваиванія умомъ новыхъ наблюденій, новыхъ данныхъ есть, какъ извѣстно, процессъ *апперцепціи* *). Въ чемъ его существо? Въ томъ, что всякому новому впечатлѣнію пріискивается мѣсто въ ряду предыдущихъ, въ ранѣе накопленномъ опытѣ; устанавливается связь между новымъ и старымъ. Когда что-нибудь остановило на себѣ наше вниманіе, и мы задаемъ себѣ вопросъ: что это такое? то отвѣтъ можетъ явиться не иначе, какъ путемъ того или другого сведенія новаго, неизвѣстнаго къ старому, къ извѣстному. Итакъ, поскольку мы *отдаемъ себѣ отчетъ* въ новомъ впечатлѣніи, постольку мы характеризуемъ его

*) «Мыслить — значитъ апперцепировать». Авенаріусъ. «Философія или мышленіе о мірѣ etc.», стр. 7.

при посредствѣ нѣкоторыхъ элементовъ изъ ранѣе накопленнаго духовнаго багажа.

Но это ученіе объ апперцепціи и представляетъ для теоретика субъективизма прочную основу для выдѣленія еще одного относительно субъективнаго элемента въ познаніи. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ Н. К. Михайловскій. „Перцепція или непосредственное воспріятіе, полученное въ данную минуту, осложняется апперцепціей или тѣми впечатлѣніями, которыя получены наблюдателемъ раньше... При всякомъ чувственномъ воспріятіи въ нашемъ сознаніи особенно отчетливо поднимаются тѣ предыдущія впечатлѣнія, которыя имѣютъ съ даннымъ воспріятіемъ какое-нибудь сходство. Воображеніе и память комбинируютъ воспріятіе съ соотвѣтственными сторонами нашего эмпирическаго содержанія, и эта новая комбинація немедленно входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ психическое содержаніе“... „Всякое наблюденіе и всякій психическій процессъ состоитъ въ *неизбѣжно совокупномъ* дѣйствіи перцепціи и апперцепціи“ *). „Поэтому представленія и ощущенія, получаемыя нами въ данную минуту отъ даннаго явленія, самымъ существеннымъ образомъ опредѣляются тѣмъ порядкомъ, въ которомъ расположились въ нашемъ психическомъ строѣ прежде накопленные опыты и наблюденія. Совокупность этихъ предыдущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, составляетъ предвзятое мнѣніе“**). Въ этомъ и находитъ себѣ простое и легкое объясненіе тотъ фактъ, что „два наблюдателя, исповѣдующіе различныя теоріи, смотря на одинъ и тотъ же предметъ, въ одинъ и тотъ-же микроскопъ, описываютъ обыкновенно предметъ не одинаково“ ***). Группа *апперцепирующихъ* представленій, играющихъ активную роль въ воспріятіи новаго—апперцепируемаго — представленія у обоихъ наблюдателей совершенно различна; поэтому вниманіе ихъ направлено неодинаковымъ образомъ; и такъ какъ перцепція непосредственно осложняется апперцепціей, то и конечный результатъ наблюденія оказывается неодинаковымъ ****). Различное направле-

*) Н. К. Михайловскій, т. I, стр. 115—116.

**) Тамъ же, стр. 114.

***) Тамъ же, стр. 11

****) Ср. у Г. Зиммеля, l. c., стр. 29. «Психологическое значеніе перваго впечатлѣнія сказывается и здѣсь. Подобно тому, какъ первыя убѣжденія въ жизни застаютъ арену нашего духа свободной и много разъ, съ ничѣмъ не задерживаемой силой могутъ настолько укрѣпиться, что пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе въ принятіи или отверженіи будущихъ,—такъ повторяется то же самое и въ частной области, частной проблемѣ познаванія. Простое сужденіе, извлекаемое изъ перваго феномена безпристрастно, превращается въ предвзятое мнѣніе по отношенію ко второму, и каждое новое явленіе встрѣчается съ уже готовымъ направленіемъ взгляда и сужденія, и достаточно часто устраняется безъ всякаго сопротивленія съ дороги или, покрайней мѣрѣ, вынуждается къ компромиссу». Для нашихъ «объективистовъ» въ этомъ кроется

ніе вниманія играетъ роль, однако, не только въ самомъ процессѣ наблюденія, но даже и *до начала* этого процесса. „Вы натуралистъ. Передъ вами развертывается безконечная цѣпь явленій природы, но вы останавливаетесь на одномъ изъ звеньевъ этой цѣпи и тѣмъ самымъ задаете себѣ извѣстный частный вопросъ. Почему вы остановились именно передъ такимъ фактомъ, а не передъ другимъ, и задали себѣ именно этотъ вопросъ, а не тотъ? Потому, что накопленный вами до этого момента опытъ позволяетъ вамъ предугадать отвѣтъ, и существованіе предвзятаго мнѣнія сказывается уже въ томъ простомъ обстоятельствѣ, что вы обратили вниманіе на явленіе". „Человѣкъ *находитъ* только то, что *ищетъ*, и если бы можно было предположить, что люди ничего не ищутъ, то они ничего и не нашли бы" *). Какъ ни красива, поэтому, фраза о необходимости при изслѣдованіи совершенно отрѣшаться отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ, но буквальное слѣдованіе совѣту, выраженному въ ней, просто-таки немыслимо, и заключающееся въ ней зерно истины—это довольно-таки скромная мысль, что человѣкъ не долженъ поддаваться безусловной власти того предвзятаго мнѣнія, съ которымъ онъ приступилъ къ изслѣдованію, а, напротивъ, долженъ самъ владычествовать надъ нимъ, при малѣйшей трудности пробовать, не облегчится ли дѣло той или другой модификаціей первоначальной гипотезы, а не то такъ и полной замѣной ея какой-нибудь другой. При иномъ пониманіи дѣла получается слѣдующее противорѣчіе. „Вѣрность теоріи обусловливается количествомъ фактическихъ данныхъ, принимаемыхъ въ соображеніе, и ихъ качествомъ, т. е. ихъ относительной важностью. Но для оцѣнки важности факта нужна уже теорія, и мы попадаемъ, такимъ образомъ, въ замкнутый логическій кругъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ выхода". Съ выше развитой точки зрѣнія, однако, выходъ оказывается „вовсе не труденъ, ибо научное міросозерцаніе избавляетъ насъ отъ точки зрѣнія средневѣковыхъ схоластиковъ, мучившихся надъ вопросомъ о томъ, кто кому предшествовалъ по времени—курица или яйцо". „Для того, чтобы приступить къ самому безхитростному изученію фактовъ, нужна уже какая-нибудь руководящая нить, какая-нибудь теорія. Откуда она возьмется? Изъ комбинаціи разнородныхъ, болѣе раннихъ впечатлѣній, изъ безсознательно усвоенныхъ понятій, изъ разрозненныхъ ощущеній, сгруппировавшихся по неизвѣстнымъ намъ законамъ психической жизни. Эта теорія есть дѣло генія, дѣло счастливой умственной и нравственной организаціи и качества духовной

весьма непріятный сюрпризъ: тѣ безусловно-безпристрастныя и чуждыя всякой предвзятости отношенія къ предмету, которыя являются ихъ идеаломъ, удаляются въ область полубезсознательной и ужъ во всякомъ случаѣ до-критической, до-научной эпохи жизни нашего духа

*) Н. К. Михайловскій. Тамъ же, стр. 13.

пищи, вспоившей и вскормившей генія, быть можетъ, совершенно помимо его сознанія. И, конечно, воображеніе играетъ здѣсь весьма видную роль. Постройкою гипотезъ оно, такъ сказать, закидываетъ сѣти, въ которыя могутъ быть уловлены предметы, въ извѣстныхъ предѣлахъ весьма разнообразные, но всетаки соотвѣтствующіе размѣрамъ и крѣпости сѣтей... Разумѣется, первые контуры теоріи весьма смутны, слабы и быстро выслуживаютъ свою службу. Но и они бросаютъ хотя бы очень слабый свѣтъ на болѣе или менѣе обширный кругъ фактовъ, который — т. е. свѣтъ — отражается обратно на теоріи и т. д. Благодаря этому постоянному взаимодѣйствію, человѣкъ получаетъ, наконецъ, возможность дать своей теоріи раціональное основаніе, дать полный и ясный отчетъ въ томъ, въ силу какихъ именно соображеній онъ выбираетъ изъ множества возможныхъ построеній именно такое-то“ *).

Итакъ, апперцепирующая группа представленій и вытекающее изъ нихъ „предвзятое мнѣніе“, оказывающее, между прочимъ, сильнѣйшее вліяніе на то или другое *направленіе вниманія*— т. е. на исходный и до извѣстной степени рѣшающій моментъ всякаго изслѣдованія—вотъ тотъ новый субъективный, индивидуально-разнообразный элементъ, который обнаруживается при тщательномъ психологическомъ анализѣ нашего познаванія. Отмѣчая это, Н. К. Михайловскій могъ ссылаться въ подтвержденіе своего взгляда лишь на случайныя, мимоходныя и недостаточно развитыя замѣчанія авторитетныхъ представителей позитивной мысли того времени. Таковы, напр., любопытныя цитаты, приводимыя имъ изъ Конта и Милля. Иначе обстоитъ дѣло теперь. Такъ, напр., кромѣ уже цитированныхъ трудовъ Зиммеля, мы можемъ указать еще на изслѣдованія по теоріи познанія Генриха Риккерта, изслѣдованія, нѣкоторые итоги которыхъ *почти дословно* повторяютъ выше развитую аргументацію Н. К. Михайловскаго. Въ своей книгѣ „Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung“ (Freiburg u. Leipzig, 1896, ss. 32—47) Риккертъ исходитъ изъ того положенія, что цѣпь явленій физической природы, уходя въ безконечность во времени и пространствѣ, представляетъ необозримое разнообразіе конкретныхъ комбинацій и

*) Н. К. Михайловскій, т. III, стр. 8. Ср. Г. Зиммель въ уже цит. соч., стр. 20: «Этотъ логическій кругъ, какъ и всѣ подобные, на практикѣ разрѣшается такъ, что предполагающіе другъ друга моменты развиваются постепенно, во взаимодѣйствіи... И то, и другое получается по частямъ; въ обоихъ — переходъ отъ догадки и предположенія къ увѣренности; и каждый твердо установленный пунктъ на одной сторонѣ служитъ для фиксированія подобнаго же пункта на другой, а связь съ послѣдующими вновь подтверждаетъ первый. Но гдѣ-нибудь, конечно, нужно начать съ догматическаго или гипотетическаго положенія.... Одною изъ самыхъ тонкихъ задачъ теоріи познанія было бы освѣтить для сознанія дѣйствительно примѣняемый способъ этого взаимодѣйствія». («Die Probleme» etc., s. 20).

процессовъ; что даже самомалѣйшее единичное явленіе, вырываемое нами изъ массы сопредѣльныхъ съ нимъ, представляетъ собою всегда нѣчто сложное, и тѣмъ болѣе разнообразное, чѣмъ болѣе углубляемся мы въ его изученіе. Уже въ мельчайшей частицѣ дѣйствительности, которую мы только можемъ себѣ представить, implicite заключается неисчерпаемое и въ этомъ смыслѣ безконечное разнообразіе. Дѣло не только въ томъ, что неразрывность всеобщей причинной связи предполагаетъ, что каждая часть дѣйствительности, подлежащей нашему изученію, связана безконечнымъ количествомъ нитей съ другими ея частями. Нѣтъ, сама эта частица, взятая отдѣльно, путемъ анализа можетъ быть расчленяема, расчленяема и расчленяема, и нигдѣ мы не встрѣчаемъ внѣшнихъ твердыхъ предѣловъ этому расчлененію. Въ виду этого немыслимо говорить, что цѣль знанія—простое изображеніе этой дѣйствительности. Для ограниченнаго человѣческаго ума это была бы неразрѣшимая задача, настолько превышающая его силы, что не могло бы быть никакой рѣчи о прогрессѣ въ нашемъ познаніи міра. Человѣкъ вынужденъ поэтому *упрощать* дѣйствительность, отличая въ ней „существенныя“ общія черты отъ „несущественныхъ“ частностей и деталей. Онъ создаетъ для этого опредѣленный масштабъ и пользуется имъ, объединяя въ системѣ своихъ научныхъ понятій то, что представляется ему въ природѣ особенно важнымъ. Такимъ образомъ, всякое образованіе новаго понятія предполагаетъ извѣстное *сужденіе* надъ дѣйствительностью. Всякое наше сужденіе предполагаетъ уже опредѣленную классификацію явленій; понятно, эта классификація для первоначальныхъ сужденій является продуктомъ непроизвольнаго, полубезсознательнаго психологическаго процесса. Какъ выражается тотъ же Риккертъ въ другой своей книжечкѣ—„Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft“ (1899)—изъ безконечнаго разнообразія явленій мы можемъ воспринять въ наше знаніе только часть, и притомъ часть чрезвычайно малую по сравненію съ тѣмъ, что мы должны оставить въ сторонѣ. Наука образуетъ изъ непосредственныхъ впечатлѣній понятія, охватывающія лишь „существенное“, и процессъ образованія такихъ понятій предполагаетъ наличность опредѣленнаго руководящаго принципа. „Если знаніе воспринимаетъ изъ дѣйствительности всегда лишь относительно небольшую часть, а все остальное оставляетъ безъ вниманія, то, чтобы быть чуждымъ произвольности, оно нуждается въ извѣстномъ критеріи для выбора—въ извѣстномъ a priori или предвзятомъ сужденіи (Vorurtheils), на основаніи котораго оно и отличаетъ въ данномъ матеріалѣ, какъ говорится, существенное отъ несущественнаго“ *).

Мало того. Предвзятое мнѣніе, или, общѣе говоря, группа апперцепирующихъ представленій заключаетъ въ себѣ, естественно,

*) «Kulturwissenschaft u. Naturwissenschaft», s. 30.

не только элементы чистой мысли, но осложняется еще примѣсью аффективныхъ и волевыхъ элементовъ. Прошло то время, когда „душу" дѣлили на три независимыя способности *) — умъ, чувство и волю—а всю психическую жизнь разсматривали, какъ механическую сумму функцій этихъ трехъ отдѣльныхъ способностей. Давно уже въ наукѣ утвердился *монистическій* взглядъ. Для него умъ, чувство и воля—уже не „способности" и не „факторы", а лишь „элементы" или „стороны" единаго цѣлаго, выдѣляемые искусственно, путемъ абстракціи **). Это выдѣленіе имѣетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, для извѣстныхъ научныхъ цѣлей, полное право на существованіе, но не слѣдуетъ забывать его условнаго характера. Сказанная точка зрѣнія, какъ уже замѣчено выше, получила полное господство въ области научной психологіи. Но этого еще мало. Старое психологическое воззрѣніе въ свое время наложило печать на всю область теоріи познанія. Необходимо выгнать его и изъ этого послѣдняго убѣжища. Понемногу это и дѣлается въ современной философской литературѣ запада. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи представляетъ именно классическій трудъ Дильтея „Einleitung in die Geisteswissenschaften" (Leipzig, 1883), который видитъ главную ошибку господствующей теоріи познанія въ томъ, что „она объясняетъ весь опытъ и все познаніе изъ существа чистаго представленія... Въ жилахъ познающаго субъекта, какъ его констатируютъ Локкъ, Юмъ и Кантъ, течетъ не настоящая кровь, а жидкая сыворотка разума, какъ чистой дѣятельности мысли. Меня же привели всѣ мои историческія и психологическія изслѣдованія надъ человѣкомъ, какъ цѣлостнымъ существомъ, къ тому заключенію, что слѣдуетъ положить въ основу объясненія познанія и его понятій его, во всемъ разнообразіи его силъ, это мыслящее, чувствующее и стремящееся къ своимъ цѣлямъ существо,—хотя и кажется, будто познаніе прядетъ свою пряжу только изъ матеріала воспріятій, представленій и мыслей... Важнѣйшія составныя части нашего изображенія и знанія дѣйствительности—всѣ они могутъ быть объяснены изъ цѣлостной человѣческой природы, реальный процессъ жизни которой въ волѣ, чувствѣ и представленіи проявляетъ лишь свои различныя стороны" ***). Это требованіе сдѣлать центромъ теоріи познанія „ganzen Menschen, in der Mannigfaltigkeit seiner Kräfte", „dies wollend fühlend vorstellende Wesen", „die ganze Menschennatur", „Lotalität unseres Wesens"— что все это такое, какъ не провозглашенное еще въ 1869 г., на четырнадцать лѣтъ раньше, Н. К. Михайловскимъ требованіе сдѣ-

*) Правда, г. Струве говоритъ еще о «трехъ принципіально различимыхъ дѣятельностяхъ», но оговаривается,что «намѣренно *упрощаетъ* свое изложеніе».

**) Лучше всего развита эта монистическая точка зрѣнія у Гефдинга, «Очерки психологіи на основаніи опыта», стр. 89—91.

***) Wilhelm Dilthey, l. c. XVII—XVIII.

лать „человѣка, какъ цѣлостное недѣлимое, центромъ всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ“, такъ какъ, признавая законность человѣческой точки зрѣнія на явленія природы, нельзя позабывать, что „человѣческая точка зрѣнія есть здѣсь точка зрѣнія человѣка мыслящаго и ощущающаго, т. е. цѣлостнаго недѣлимаго, обладающаго всею суммою органовъ и всею суммою отправленій, свойственныхъ организму человѣка. Такимъ совмѣстнымъ участіемъ всѣхъ сторонъ индивидуальности получается истина—не абсолютная, а истина для человѣка“ *).

Этого-то никакъ и не можетъ понять, между прочимъ, г. Н. Бердяевъ, стоящій на старой точкѣ зрѣнія, которую такъ мастерски охарактеризовалъ Дильтей. „Для насъ ясно, какъ день—читаемъ мы у г. Бердяева—что г. Михайловскій прошелъ мимо критерія истины, смѣшавъ гносеологическую проблему, отыскивающую логическій критерій истины, съ проблемой психологической и соціологической—отыскивающей тѣ условія (психическія и соціальныя) при которыхъ истина рождается для человѣка“. „Субъектъ теоріи познанія не знаетъ ни субъективныхъ прихотей, ни субъективныхъ настроеній,—*формально-логическій*, онъ лишенъ всякаго психологическаго содержанія. Логика познающаго субъекта настолько же абсолютна и незыблема, насколько психологія человѣка относительна и измѣнчива“. „Мы должны помнить, что въ логикѣ, имѣющей дѣло лишь съ категоріями познанія и игнорирующей психологію, субъективно то, что ложно, истиннымъ же можетъ быть только объективное“ **).

Въ этихъ цитатахъ изъ Бердяева наше вниманіе прежде всего останавливается на слѣдующихъ словахъ: „*гносеологическая* проблема, отыскивающая *логическій* критерій истины“, „*логика*, имѣющая дѣло съ категоріями *познанія*“, „субъектъ *теоріи познанія...*—формально-*логическій*“. Нетрудно видѣть, что логика у г. Бердяева играетъ роль той тощей фараоновой коровы, которая поглотила корову тучную (въ данномъ случаѣ гносеологію, теорію познанія), но сама отъ того нисколько не потолстѣла. Благодаря этому вся теорія познанія въ цѣломъ у г. Бердяева и должна имѣть дѣло лишь съ тѣмъ „субъектомъ“, который „не знаетъ ни субъективныхъ прихотей, ни субъективныхъ настроеній»: „формально логическій, онъ лишенъ всякаго психологическаго содержанія“. Иными словами, у него вмѣсто настоящей крови въ жилахъ течетъ жидкая „разсудочная сыворотка“ ***).

*) Н. К. Михайловскій, т. I. стр. 105.

**) Н. Бердяевъ, стр. 28, 29, 30.

***) Хотя указаніе Дильтея, что это—общій грѣхъ апріористовъ, исторически справедливо, однако, даже и оставаясь на почвѣ апріоризма, можно отъ него избавиться. Это доказалъ Зиммель, который не забываетъ, что «логическія категоріи вступаютъ въ дѣйствіе лишь съ окраскою и тономъ цѣлостной индивидуальности», что «всеобщія формы существуютъ опять-таки

Но любопытно то, что г. Бердяевъ недоволенъ Н. К. Михайловскимъ за требованіе поставить въ центрѣ теоріи познанія и всей философской системы „человѣческую природу“, „цѣлостнаго индивидуума“. По мнѣнію г. Бердяева, этотъ „цѣлостный индивидъ“, „цѣлостное недѣлимое“ есть ничто иное, какъ „біологическая абстракція“, „излюбленная фикція“ Н. К. Михайловскаго *). Вотъ гдѣ, поистинѣ, дѣйствительныя отношенія вещей поставлены вверхъ ногами. *Цѣлостный индивидъ* изгоняется въ качествѣ фикціи и абстракціи, а на его мѣсто водворяется „формально логическій субъектъ, лишенный всякого психологическаго содержанія“. Это, очевидно, и есть самая настоящая, конкретная реальность!

Мы не хотимъ сказать, чтобы разсматриваніе познающаго индивида исключительно съ формально-логической стороны не имѣло вовсе мѣста въ наукѣ. „Формально логическій субъектъ“ есть, конечно, абстракція и, если угодно, фикція. Такого субъекта не существуетъ. Но развѣ хотя бы, напр., „геометрическая точка“ *существуетъ?* Конечно, нѣтъ: это тоже фикція, тоже абстракція, но это не отнимаетъ у нея права занимать очень важное мѣсто въ наукѣ. Въ томъ то и дѣло, что дѣйствительность во всей ея полнотѣ и разнообразіи слишкомъ многосложна, чтобы нашъ умъ могъ преодолѣть ее, овладѣть ею однимъ ударомъ. Поневолѣ приходится изучать ее по частямъ, то вырывая изъ всеобщей міровой связи отдѣльные клочки, то ограничивая изученіе извѣстнаго явленія лишь какою либо одной *стороною*, отвлекаясь отъ прочихъ. Это—условный, вспомогательный пріемъ, не болѣе. Въ этомъ—право на существованіе частныхъ отвлеченныхъ наукъ. Каждая изъ нихъ въ отдѣльности не даетъ еще полнаго знанія тѣхъ цѣлостныхъ явленій, отъ которыхъ онѣ отвлекали опредѣленныя свойства. Каждая изъ нихъ въ отдѣльности даетъ лишь *частичное* знаніе предмета, знаніе его въ опредѣленномъ отношеніи. Отсюда и необходимость наряду съ такими науками, *дробящими*, разсѣкающими на части цѣлостный предметъ—другихъ наукъ, относительно-синтетическихъ, охватывающихъ предметъ во всей его цѣлостности, на основаніи данныхъ, доставляемыхъ всѣми частными науками. Быть можетъ, не лишне будетъ здѣсь же, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, замѣтить, что разграниченіе это условно и относительно, что всякая наука *болѣе или менѣе* абстрактна, *болѣе или менѣе* синтетична. Полной и

лишь въ отдѣльныхъ умахъ, значитъ индивидуально окрашенныя и видоизмѣненныя; такъ что этотъ индивидуальный духъ съ характеризующимъ его настроеніемъ и общей тенденціей въ своемъ непосредственно-данномъ видѣ образуетъ нѣкотораго рода «a priori» для самого всеобщаго «a priori» («Die Probleme etc.» ss. 23—24).

*) Н. Бердяевъ, стр. 28.

абсолютной синтетичностью обладаетъ лишь вершина и обобщеніе всѣхъ областей нашего интеллекта—философія.

Предыдущее разсужденіе поможетъ намъ уяснить себѣ взаимное отношеніе между логикой, психологіей и общей теоріей познанія (гносеологіей).

Предметъ всѣхъ ихъ одинъ и тотъ же *опытъ* и его *обработка*. Задача ихъ въ послѣднемъ счетѣ опять-таки одна—подчиненіе контролю человѣка его непроизвольно, стихійно возникшей познавательной дѣятельности. Но для достиженія этой общей цѣли между отдѣльными дисциплинами устанавливается *раздѣленіе труда*.

Во-первыхъ, та же самая познавательная дѣятельность человѣка можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія: *динамической* и *статической*.

Становясь на динамическую точку зрѣнія, мы занимаемся вопросомъ о *происхожденіи* (генезисѣ) человѣческаго познанія, о его постепенномъ *развитіи*, о законахъ, управляющихъ этимъ развитіемъ, объ условіяхъ, опредѣляющихъ его направленіе. Здѣсь, стало быть, дѣло идетъ объ *эволюціи познанія*. Съ другой стороны, отвлекаясь отъ исторически-текучаго въ познаніи, мы можемъ сосредоточить свое вниманіе на познавательной дѣятельности въ ея современномъ, уже развитомъ, сложившемся видѣ. Мы можемъ анализировать, расчленять и изучать познавательные процессы на извѣстной, наивысшей, пока достигнутой ими степени развитія.

Во-вторыхъ, познаніе можно разсматривать какъ со стороны *формы*, такъ и со стороны *содержанія*.

Отвлекаясь отъ всего разнороднаго и многообразнаго въ *содержаніи* человѣческаго опыта, мы имѣемъ дѣло только съ чисто-формальными, общими законами мышленія. Ихъ совокупность составляетъ особую абстрактную науку—логику. Ея—и только ея—предметомъ можетъ быть Бердяевскій „субъектъ, не знающій ни субъективныхъ прихотей, ни субъективныхъ настроеній—формально логическій, лишенный всякаго психологическаго содержанія“,—иными словами, субъектъ, обнаженный отъ всего субъективнаго. Лучше же сказать, логика просто на просто отвлекается отъ всѣхъ другихъ сторонъ въ цѣлостномъ субъектѣ, кромѣ стороны формально-логической. Поэтому она и можетъ доставить лишь односторонній, чисто-формальный критерій истины—отсутствіе противорѣчій, взаимная согласованность между понятіями. Такой критерій для познавательныхъ цѣлей, при всей его *вѣрности*, однако, *недостаточенъ*.

Если логика изучаетъ познавательные процессы исключительно со стороны ихъ формы, то психологія познанія, напротивъ, изучаетъ ихъ со стороны содержанія. Если логика абстрагируется отъ всего разнообразнаго, мѣняющагося, текучаго въ нашемъ

мышленіи, то психологія познанія именно это текучее содержаніе и избираетъ своимъ объектомъ. Если логикѣ нѣтъ дѣла до аффективной и волевой подкладки мыслительныхъ процессовъ, то психологія познанія должна съ ними считаться. Если логика доставляетъ *формальный* критерій истины, то психологія познанія дополняетъ его *матеріальнымъ* критеріемъ. Она, сравнивая по степени всеобщности и одинаковости различные роды человѣческихъ воспріятій, обнаруживаетъ, обработка какихъ именно воспріятій даетъ maximum общей почвы для людей. Психологія познанія даетъ возможность выдѣлить понятіе *чистаго опыта* отъ всевозможныхъ постороннихъ и чуждыхъ ему примѣсей. Психологія познанія раскрываетъ во многихъ категоріяхъ, которыя раньше принимались за чистонаучныя, элементы болѣе или менѣе грубаго антропоморфизма и антропопатизма.

Наконецъ, въ третьихъ, изученіе познавательныхъ процессовъ распадается на теоретическое и практическое.

Все предыдущее: и разрѣшеніе вопроса о генезисѣ познанія, и анализъ его съ точки зрѣнія какъ формы, такъ и содержанія— представляетъ собою теоретическую основу для прикладной части науки о познаніи. Познаніе, выработавшееся въ долгомъ процессѣ эволюціи, до сихъ поръ было въ рукахъ человѣка могучимъ орудіемъ борьбы за существованіе; на извѣстной ступени развитія въ человѣкѣ заговорила потребность пользоваться имъ болѣе сознательно и планомѣрно. А для этого необходимо было тщательное изученіе этого орудія. Tantum possumus, quantum scimus. Только изучивъ элементы познавательныхъ процессовъ, основные пріемы познавательной дѣятельности, законы, ими управляющіе— можно приступить къ рѣшенію новой задачи: какъ наиболѣе цѣлесообразно ихъ употреблять въ различныхъ областяхъ знанія, въ примѣненіи къ различнымъ предметамъ и различнымъ способамъ нашего восприниманія этихъ предметовъ; какъ въ каждой изъ этихъ областей комбинировать различные познавательные пріемы, чтобы съ наибольшей экономіей силъ достичь наибольшихъ результатовъ. Это—область *методологіи* различныхъ наукъ.

Форма и содержаніе, статика и динамика, теорія и практика познавательной дѣятельности и входятъ въ составъ одной общей *науки о познаніи*, или, коверкая греческія слова на русскій ладъ, *гносеологіи*. Эта наука ни коимъ образомъ не можетъ исчерпываться *формальной логикой*, какъ это выходитъ по г. Бердяеву; ни предметъ ея, ни методъ не можетъ быть только „формально-логическимъ".

Вотъ почему совершенно несостоятеленъ его упрекъ Михайловскому, будто послѣдній „прошелъ мимо критерія истины, смѣшавъ гносеологическую проблему, отыскивающую логическій критерій истины, съ проблемой психологической, отыскивающей тѣ условія (психологическія и соціальныя), при которыхъ истина

рождается для человѣка". Оставляя въ сторонѣ тотъ lapsus linguae, благодаря которому у Бердяева „проблемы" отыскиваютъ „критерій" и „условія", мы укажемъ лишь, что въ смѣшеніи повиненъ только Бердяевъ, ибо гносеологическій критерій истины можетъ *включать* въ себя формально-логическій, но никакъ не исчерпывается имъ. Чтобы получить полный критерій истины, нужно позаимствоваться кое чѣмъ и у эволюціоннаго ученія о познаніи, вскрывающаго его генезисъ, и у психологіи познанія, вскрывающей его содержаніе. Михайловскій такъ и поступилъ. Вотъ почему на основаніи его воззрѣній можно дать слѣдующее исчерпывающее опредѣленіе истиннаго: „истинной будетъ система взглядовъ, свободная отъ внутреннихъ противорѣчій, объединяющая съ наибольшей экономіей силъ наиболѣе существенныя данныя опыта и обезпечивающая человѣчеству въ его борьбѣ за существованіе достиженіе maximum'a равновѣсія между нимъ и окружающей средой". Это опредѣленіе, конечно, является относительнымъ, ибо „наибольшая экономія силъ", „наиболѣе существенныя данныя", „maximum равновѣсія" для разныхъ эпохъ будутъ различны. Но относительность, релятивизмъ, невѣріе въ „абсолюты"—таковы ужъ природные грѣхи „позитивизма и эмпиризма", которыхъ придерживается Н. К. Михайловскій и которые такъ антипатичны г. Бердяеву.

Итакъ, при изслѣдованіи субъективныхъ элементовъ въ познаніи, Михайловскій обращается къ „цѣлостному индивиду", разсматриваетъ его не только какъ логическую машину, а какъ существо мыслящее, ощущающее, имѣющее свои стремленія, одаренное волей,—словомъ, какъ „цѣлостное недѣлимое". Послѣдуемъ и мы за нимъ, памятуя, что абстракціи никогда не должны совершенно заслонять отъ насъ реальностей; что объективные и субъективные факторы опыта „реально никогда не могутъ являться въ качествѣ раздѣльныхъ процессовъ, и различать ихъ можно только въ абстракціи"; *) что „обособляя познаніе и чувствованіе, мы имѣемъ въ виду только состоянія съ преобладающими элементами представленія въ противоположность состояніямъ съ преобладающими элементами чувствованія", „такъ какъ нельзя указать ни на одно состояніе, которое всецѣло было бы или чистымъ представленіемъ, или чувствованіемъ, или хотѣніемъ" **). Аффективные и волевые импульсы являются интимнѣйшей подкладкой развитія и дѣятельности нашего интеллекта; „въ основѣ всякой духовной жизни лежатъ чувства удовольствія и неудовольствія, въ связи съ непосредственно изъ нихъ вытекающими двигательными реакціями" ***); мало того, самое „понятіе объ

*) Вундтъ, «Очеркъ психологіи», стр. 10.

**) Г. Гефдингъ, «Очерки психологіи, основанной на опытѣ», стр. 90.

***) A. Horwitz, «Psychologische Analysen», II, s. I. Какъ мы имѣли случай

истинѣ развилось, какъ противоположность *ошибкѣ*, между тѣмъ какъ понятіе ошибки происходитъ главнымъ образомъ изъ біологическихъ мотивовъ, и потому въ началѣ имѣетъ чистопрактическую природу и лишь позднѣе превращается въ теоретическій признакъ“ *).

Итакъ, наше познаніе направляется нашими потребностями. Мы—живые люди, а не мертвыя формально-логическія машины. Вмѣсто того, чтобы конструировать какого-то теоретико-познавательнаго сверхъ-человѣка, не знающаго ни субъективныхъ настроеній, ни субъективныхъ желаній и прихотей, намъ нужно поставить реальный вопросъ о тѣхъ путяхъ, которыми приходятъ къ познанію обыкновенные смертные, облеченные плотью и кровью, а не гипотетическіе безплотные логическіе духи. Въ примѣръ апріористу Бердяеву мы и здѣсь опять должны поставить апріориста Зиммеля. Зиммель прекрасно видитъ, что уже одно признаніе предмета „достойнымъ изученія“, которое проявляется въ томъ, что человѣкъ останавливаетъ на предметѣ свое вниманіе—заключаетъ въ себѣ извѣстную оцѣнку предмета, извѣстное понятіе о его „значеніи“, которое „привходитъ *извнѣ* къ его голой фактичности“. Какой же смыслъ могло бы имѣть иначе изслѣдованіе предмета, если самый предметъ для насъ безразличенъ, лишенъ всякаго смысла, всякаго значенія. „Чистые“ объективисты, правда, настаиваютъ на самостоятельномъ значеніи собственно-теоретическаго, „идеальнаго“ интереса и на его первенствующей роли въ наукѣ. Но Зиммель предвидитъ возраженіе этого рода и вводитъ его значеніе въ очень тѣсныя рамки. Какъ не всѣ небесныя тѣла свѣтятъ собственнымъ свѣтомъ, а иныя лишь отраженнымъ солнечнымъ, такъ и иные объекты изслѣдованія могутъ быть не важными сами по себѣ, но ихъ важность для познанія основывается на той связи, которая существуетъ между ними и другими предметами, имѣющими для насъ уже совершенно самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ, вовсе нѣтъ надобности, чтобы каждый изслѣдуемый нами объектъ и каждый открываемый нами законъ *непосредственно* обладалъ опредѣленнымъ практическимъ значеніемъ, опредѣленной объективной цѣнностью для насъ; „но всетаки онъ не сдѣлался бы предметомъ изслѣдованія, если бы то цѣлое, къ которому онъ принадлежитъ, не представлялось намъ само по себѣ полнымъ извѣстнаго значенія и путемъ отраженія не переносило и на него того смысла, той цѣнности, кото-

указать въ другомъ мѣстѣ («Типы психологическаго и соціологическаго монизма», Рус. Бог. 1897, № 1), Горвичъ впадаетъ, впрочемъ, при проведеніи этой точки зрѣнія въ односторонность.

*) Wilhelm Jerusalem, «Die Urtheilsfunction», Wien u. Leipzig, 1895, s. 40. Ср. съ этимъ примѣръ у Н. К. Михайловскаго относительно человѣка, слѣпого на красный цвѣтъ и «практическаго», непререкаемаго обнаруженія его «ошибки». (т. III, стр. 354).

рыя представляютъ общее условіе затраты силъ на познавательную работу" *).

Этотъ остроумный отвѣтъ Зиммеля намъ кажется, однако же, не вполнѣ достаточнымъ. Что въ этомъ мірѣ все связано между собой неразрывной связью—въ этомъ нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомѣнія. Но вѣдь „количество переходитъ въ качество" и простая *отдаленность* связи непосредственно-безразличнаго для человѣка съ непосредственно-важнымъ для него, наростая, можетъ практически приравнять эту связь если не къ нулю, то къ безконечно-малой величинѣ. Однако же, „чисто-теоретическій", „объективный", „идеальный" интересъ къ предмету не только не убываетъ пропорціонально отдаленности этой связи, а сплошь и рядомъ *вовсе не убываетъ*. На этомъ и построено убѣжденіе въ его самодовлѣющемъ характерѣ, и убѣжденіе это, въ свою очередь, кажется на первый взглядъ совершенно несогласимымъ съ выставленнымъ нами положеніемъ о неразрывной связи теоретическаго съ практическимъ, „объективнаго" міра представленій съ „субъективнымъ" міромъ потребностей.

Но это именно только на первый взглядъ. Глубже всматриваясь въ психологическую природу „интереса" къ тому или другому явленію, нетрудно понять, что связь его съ жизненными потребностями дѣйствительно неразрывна. Это прекрасно показано, между прочимъ, въ изслѣдованіи Іерузалема о психологической природѣ акта сужденія **). Онъ исходитъ изъ того положенія, что „во всякомъ случаѣ, сужденіе есть не только представленіе, но въ то же время и дѣятельность—слѣд., актъ воли; а всякій волевой актъ, всякій внутренній позывъ предполагаетъ уже чувства удовольствія и неудовольствія". „Разъ предметъ какого-нибудь моего представленія послужилъ для меня поводомъ къ составленію нѣкотораго сужденія, то, стало быть, какимъ бы то ни было образомъ онъ возбудилъ мой интересъ". Но что такое интересъ? Что такое эта потребность составить о предметѣ сужденіе? Каково ея мѣсто въ ряду другихъ потребностей? Іерузалемъ даетъ на это слѣдующій отвѣтъ ***). Существованіе всякаго организма основано на наличности извѣстнаго minimum'а благопріятныхъ объективныхъ условій. Выполненіе каждаго изъ этихъ условій есть само по себѣ „объективная необходимость" для организма. Но лишь обращеніе этой *объективной* необходимости въ

*) Simmel, «Probleme», s. 81. Онъ прибавляетъ, что «эта совершенно темная и безсознательная предпосылка именно потому и можетъ особенно не выступать въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, что она одинаково лежитъ въ основѣ всѣхъ частныхъ случаевъ».

**) Wilhelm Ierusalem, «Die Urtheilsfunction» Eine psychologische u. erkenntniss kritische Untersuchung. Wien u. Leipzig, 1895.

***) Въ этомъ пунктѣ онъ опирается на теорію потребностей Döring'a, развитую имъ въ своей книгѣ «Die Güterlehre», Berlin, 1888.

субъективную даетъ начало *потребности*, явленію психическому. Потребности, между прочимъ, приходится разбить на двѣ большія группы: на потребности матеріальныя и формальныя. Подъ матеріальными потребностями не нужно, однако же, здѣсь подразумѣвать низшихъ, такъ назыв. „тѣлесныхъ“ или животныхъ потребностей; слово „матеріальный“ берется здѣсь въ болѣе общемъ смыслѣ и охватываетъ всѣ потребности, заставляющія человѣка предпринимать рядъ дѣйствій для достиженія цѣли, лежащей внѣ самихъ этихъ дѣйствій. Имъ противополагаются потребности *формальныя*, ихъ отличительный признакъ заключается въ томъ, что это суть потребности въ опредѣленныхъ функціяхъ, которыя сами по себѣ служатъ цѣлью. Дѣло въ томъ, что опредѣленныя способности, въ которыхъ нуждается для своего поддержанія организмъ, не должны оставаться слишкомъ долго въ бездѣйствіи, такъ какъ отъ неупотребленія онѣ естественно регрессируютъ и даже совсѣмъ атрофируются. Проистекающая отсюда инстинктивная потребность въ функціонированіи данной способности удовлетворяется самимъ процессомъ этого функціонированія, независимо отъ его цѣли, направленія и матеріала *). Дѣятельность для удовлетворенія матеріальной потребности одновременно удовлетворяетъ и соотвѣтственную формальную потребность; наоборотъ, удовлетвореніе формальной потребности можетъ быть совершенно оторвано отъ матеріальной и даже враждебно противополагаться этой послѣдней. Самостоятельное возникновеніе формальной потребности свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ жизни даннаго организма дѣятельности, цѣлесообразно направленной на удовлетвореніе соотвѣтственной матеріальной потребности. Такъ называемый „идеальный“ интересъ и есть одна изъ такихъ „формальныхъ“ потребностей, потребность въ мыслительныхъ функціяхъ. Ея отношеніе къ практическому (въ широкомъ смыслѣ этого слова) интересу таково же, каково, напр., отношеніе гимнастики къ производительному труду. Самодовлѣющая роль „идеальнаго“ интереса, доходящая до враждебнаго его противопоставленія „практическому“, есть поэтому неоспоримый реальный фактъ, но фактъ, свидѣтельствующій лишь объ извѣстной ненормальности, о болѣзненномъ явленіи: отсутствіи цѣлесообразнаго направленія умственнаго труда. Иные „объективисты“ этотъ болѣзненный симптомъ и стремятся возвести въ научный принципъ.

Г. Бердяевъ, поспѣшившій зачислить русскихъ „субъективистовъ“ въ разрядъ „безпринципныхъ эмпириковъ“, не замѣтилъ, что къ *безпринципному* эмпиризму именно скорѣе всего способенъ привести объективизмъ охарактеризованнаго выше сорта,

---

*) «Die Urtheilsfunction», s. 86—87. Поэтому «формальную» потребность Іерузалемъ называетъ также „Functionsbedürfniss».

превращающій людей въ формально-логическія машины и стремящійся изгнать все „субъективное“ изъ той области, предметъ которой—нормы познанія. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, не соотвѣтствуетъ ихъ идеалу какой-нибудь Гетевскій Вагнеръ, одинъ изъ тѣхъ совершенно обезличенныхъ служителей—нѣтъ, даже не служителей, а рабовъ науки, которымъ Геккель далъ ироническое прозвище—„Copirmaschinen der Natur“? Развѣ не образецъ „объективизма“ ихъ дѣятельность? *). „Такой-то видъ такого-то рода такого-то семейства жесткокрылыхъ отличается такими-то пропорціями головы и туловища, такою-то окраскою концовъ надкрылій и такимъ-то числомъ полосокъ вдоль спины; существуетъ, однако, тамъ-то, тамъ-то и тамъ-то разновидность этого вида, отличающаяся двойнымъ числомъ полосокъ на спинѣ и удлинненнымъ туловищемъ; открытіе этой замѣчательной разновидности посчастливилось сдѣлать мнѣ, и я позволилъ себѣ прибавить къ ея родовому названію, въ честь нашего знаменитаго ученаго Буквоѣдуса, прилагательное Bukwojedii.—Вотъ приблизительное содержаніе весьма многихъ ученыхъ изслѣдованій, на которыя тратятся годы и годы. Вотъ какими акридами и дикимъ медомъ можетъ иногда удовлетворяться человѣкъ, алчущій познанія. Этого рода ученые едва-ли когда думаютъ объ истинѣ, но она, по всей вѣроятности, смутно представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ точной копіи съ маленькаго уголка дѣйствительности, причемъ ученому нѣтъ никакого дѣла до остальнаго міра, а слѣдовательно и до мѣста, которое занимаетъ въ немъ изученный имъ уголокъ; онъ изучаетъ его ради него самого, хоть бы онъ мѣднаго гроша не стоилъ“ **). Это-ли не чистый „идеальный“ интересъ? Это-ли не закланіе на алтарѣ абсолютно-объективнаго отношенія къ окружающему всего субъективнаго, всего личнаго — вплоть, повторяемъ, до полнаго обезличенія?

Увы! какъ мы уже видѣли, и здѣсь „объективизмъ“ лишь относителенъ; какъ мы уже видѣли, онъ сводится къ низшему виду субъективизма. И здѣсь рычагомъ и направляющимъ началомъ для познанія являются потребности — только потребности особаго рода, „формальныя“ или „функціональныя“ по терминологіи Іерузалема. И здѣсь дѣло не обходится безъ апперципирующихъ впечатлѣній, только они нищенски-скудны, мелки, сѣры...

*) Г. П. Струве признаетъ въ разсужденіи субъективистовъ «элементы истины». «Вѣрно,—говоритъ онъ, между прочимъ,—что во всякомъ эмпирическомъ человѣкѣ познаніе проникнуто субъективными элементами». Тѣмъ не менѣе «познавать въ конечномъ счетѣ значитъ только мыслить. Это не значитъ, что познающій долженъ опустошить свою душу, очиститъ ее отъ чувствованій и хотѣній... Въ этомъ субъектѣ дѣйствуютъ, конечно, чувство и воля (это поправка къ Бердяевской конструкціи логической машины. В. Ч.), но вся сила этого чувства и все могущество этой воли направлены на одну цѣль—объективнаго познанія».

**) Н. К. Михайловскій, III, стр. 341.

И въ результатѣ вмѣсто идеальнаго зданія объективной истины— безформенная груда матеріаловъ, изъ которыхъ многимъ суждено остаться лишними, ненужными, неиспользованными.

Какой же выводъ проистекалъ изъ всего этого для нашихъ субъективистовъ? Да прежде всего тотъ, что необходимо не *игнорировать* субъективные элементы въ нашемъ мышленіи, а *считаться* съ ними, отдѣлить въ нихъ неизбѣжное отъ легко устранимаго, первое — урегулировать, противъ второго — найти гарантіи. Ходячее требованіе абсолютнаго безстрастія, отрѣшенія отъ всего предвзятаго и всего субъективнаго было признано поэтому эфемернымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были выяснены всѣ опасности, всѣ препятствія, съ которыми была связана наличность упомянутыхъ субъективныхъ элементовъ въ нашемъ познаніи. Но вѣдь „противъ этого рода опасности есть лишь одно средство: по возможности тщательно провѣрять свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники. Если комбинація воспріятій, ложащихся въ основу предвзятаго мнѣнія, сознана и можетъ быть формулирована, то она обращается въ теорію, допускающую критическое отношеніе къ себѣ. Теорія эта, безъ сомнѣнія, можетъ служить также источникомъ ложныхъ апперцепирующихъ представленій... Но за то здѣсь остается другой путь къ провѣркѣ... Совсѣмъ иное дѣло бываетъ съ предвзятымъ мнѣніемъ несознаннымъ, состоящимъ изъ невѣдомаго самому изслѣдователю сочетанія воспріятій, невылившимся въ ясную для него самого формулу. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ человѣкъ говоритъ, что онъ приступаетъ къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія. Но хотя въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ такое выраженіе имѣетъ нѣкоторый достаточно опредѣленный смыслъ, однако, строго говоря, этотъ человѣкъ, заявляющій о своемъ безусловномъ безпристрастіи, говоритъ неправду. Утвержденіе его отнюдь не значитъ, чтобы онъ могъ дѣйствительно отрѣшиться отъ готовыхъ уже въ его головѣ обобщеній. Оно въ лучшемъ случаѣ означаетъ только, что обобщенія эти образуютъ цѣпь, для него самого неясную (въ худшемъ же оно показываетъ, что человѣкъ просто собирается намѣренно извратить истину). И потому здѣсь несравненно труднѣе убѣдиться въ ошибочности своего воззрѣнія и отнестись къ нему критически. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ невидимыми и неизвѣстными врагами, которые, однако, неуклонно слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ и даютъ себя чувствовать тамъ, гдѣ вы ихъ всего менѣе можете ожидать. Отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія столь же трудно, какъ, напр., вывернуться наизнанку. Можно только замѣнить одно содержаніе другимъ, для чего первое должно быть приведено въ совершенную ясность и должны быть тщательно выслѣжены тѣ пути, которыми человѣкъ дошелъ до такихъ-то именно воззрѣній. А это невозможно, если человѣкъ придаетъ строгое

значеніе своему обѣщанію приступить къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, ибо это значитъ, что человѣкъ не знаетъ, что дѣлается въ его головѣ... Такимъ образомъ, ликвидація психическаго содержанія, смѣна одного содержанія другимъ можетъ произойти не иначе, какъ путемъ его уясненія. До тѣхъ же поръ, пока наше психическое содержаніе не приведено въ ясность, пока не изучены его корни, объ отрѣшеніи отъ даннаго эмпирическаго содержанія нечего и думать, и всякая подобная попытка должна потерпѣть полное фіаско“ *).

Иными словами, обѣщаясь приступить къ изслѣдованію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, мы практически можемъ лишь позабыть, что у насъ есть предвзятое мнѣніе; а тѣмъ самымъ мы отказываемся и отъ всякаго контроля надъ нимъ. Для нашихъ же субъективистовъ цѣлесообразнымъ путемъ могъ быть лишь одинъ: для каждой области познанія психологическимъ анализомъ раскрыть всѣ тѣ субъективные элементы, съ которыми придется имѣть дѣло, и сообразно съ этимъ выработать методы контроля надъ ними. Само собой понятно, что, поднимаясь отъ наукъ, предметомъ которыхъ являются болѣе общія и элементарныя явленія, къ наукамъ о явленіяхъ болѣе частныхъ и сложныхъ, мы встрѣтимся съ наростаніемъ субъективнаго элемента въ познаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ усложненіемъ тѣхъ методовъ, которыми естественный и неизбѣжный психологическій субъективизмъ можетъ быть регулированъ. Въ такой, напримѣръ, наукѣ, какъ астрономія, естественно, можно довольствоваться относительно несложнымъ пріемомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ пріема „личнаго уравненія“; въ соціологіи, наукѣ самой сложной, задача сложнѣе и труднѣе. И вотъ, эту-то именно задачу и поставили себѣ наши субъективисты.

Мы постараемся далѣе доказать, что, разрѣшая эту задачу, упомянутые соціологи—главнымъ образомъ Михайловскій и Миртовъ—успѣли установить цѣлый рядъ положеній, которые составляютъ прочный вкладъ въ теорію соціологическаго познанія. Мы постараемся доказать, что современныя теоретико-познавательныя работы, которыми справедливо гордится западно-европейская философская мысль, во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ подтвердили ученіе о субъективномъ методѣ въ соціологіи. Наконецъ, мы постараемся показать, что въ трудахъ названныхъ русскихъ соціологовъ ученіе это развито не только по времени раньше, но и въ гораздо болѣе концентрированномъ и полномъ **) видѣ, чѣмъ у тѣхъ—преимущественно нѣмецкихъ—авторовъ, которые въ послѣднее время по частямъ выработали совершенно аналогичное ученіе о методѣ общественныхъ наукъ.

*) Н. К. Михайловскій, т. I, стр. 117, 118, 121.
**) Къ сожалѣнію, только не систематизированномъ.

V

Въ предыдущемъ мы видѣли, что maximum'омъ объективизма обладаютъ для насъ формальные логическіе законы мышленія но что, исключая математику, во всѣхъ областяхъ знанія требуется приложеніе этихъ законовъ къ обработкѣ непосредственно воспринятого путемъ опыта; что въ зависимости отъ большей или меньшей сложности воспринимаемыхъ явленій приходится въ растущей мѣрѣ принимать за исходную точку данныя такихъ воспріятій, которыя являются относительно субъективными; что происходящія отсюда трудности осложняются вмѣшательствомъ группы апперцепирующихъ представленій, составляющей въ своей совокупности „предвзятое мнѣніе“, мѣняющееся отъ субъекта къ субъекту; что, наконецъ, составными элементами этого предвзятаго мнѣнія являются не только воспріятія, представленія, понятія и сужденія, а также и относительно болѣе субъективныя чувства, потребности, волевые импульсы. Теперь предстоитъ опредѣлить, въ какой комбинаціи участвуютъ различные субъективные элементы при мышленіи о явленіяхъ общественно-исторической жизни. На основаніи предыдущаго мы уже a priori можемъ предполагать, что здѣсь мы обнаружимъ и бо́льшее количество субъективныхъ элементовъ, и бо́льшую интенсивность ихъ участія.

Въ чемъ заключается основная особенность общественныхъ наукъ, отличающая ихъ отъ наукъ естественныхъ? Прежде всего въ томъ, что предметомъ естественныхъ наукъ является внѣшняя природа, которой противополагаетъ себя человѣчество, тогда какъ предметомъ наукъ общественныхъ является жизнь самого этого человѣчества. Правда, само человѣчество есть лишь часть вселенной, часть той же всеобщей матери-природы, и съ какой-нибудь сверхъ-человѣческой точки зрѣнія никакого существеннаго различія между явленіями естественными и культурно-историческими нѣтъ. Но *для человѣка*, съ единственно намъ доступной *человѣческой* точки зрѣнія разница громадна. Громадна эта разница прежде всего потому, что различнымъ образомъ воспринимаются имъ въ двухъ этихъ областяхъ самыя явленія. Съ одной стороны, его изученію подлежатъ внѣшнія для него, чуждыя ему явленія природы; съ другой—какъ разъ обратное: „изучающій субъектъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и объектомъ изученія“ *). Въ первомъ случаѣ субъективные факты—ощущенія, впечатлѣнія, мысли—

*) Н. К. Михайловскій, т. VI, стр. 114. Ср. Dilthey, «Einleitung», s. 47 «Индивидъ съ одной стороны—элементъ общественныхъ отношеній, пунктъ, въ которомъ скрещиваются системы различныхъ взаимодѣйствій, на впечатлѣнія которыхъ онъ реагируетъ сознательной волей и дѣйствіями—и въ то же время онъ же—и тотъ интеллектъ, который все это созерцаетъ и изслѣдуетъ».

являются лишь *посредниками* между познающимъ индивидомъ и познаваемымъ внѣшнимъ объективнымъ міромъ; во второмъ случаѣ они и посредники, они же и предметы познанія.

„Объективный элементъ въ область этики, политики и соціологіи—писалъ П. Л. еще въ 1868 г. *)—ограничивается дѣйствіями личностей, общественными формами, историческими событіями. Они подлежатъ объективному описанію и классифицированію. Но чтобы *понять* **) ихъ, надо разсмотрѣть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства, *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческое событіе. Но что такое цѣль? Это—нѣчто желаемое, пріятное, должное. Всѣ эти категоріи—чисто субъективны". Или въ другомъ мѣстѣ: „Общественные процессы представляютъ реализированіе, въ измѣняющихся общественныхъ формахъ, потребностей общихъ большему или меньшему числу личностей. Всѣ вліянія объективныхъ явленій, предметовъ и процессовъ переходятъ въ соціологическіе процессы лишь въ субъективной формѣ потребностей ***). Потребности эти составляютъ систему силъ, которая, дѣйствуя въ данной географической и исторической средѣ, даетъ соціологическіе продукты ****)... Здѣсь объективны лишь реальныя личности въ ихъ дѣятельности, допускающія статистическое опредѣленіе и историческую отмѣтку, да еще среда, въ которой происходитъ соціологическое творчество. Но дѣйствующія силы—субъективны и продукты опять субъективны" *****). Субъективны—потому что всякій согласится, что

*) «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», «Совр. Обозр.» 1868, № 5.

**) Ср. Г. Зиммель, «Probleme», s. 1: «Всѣ внѣшнія событія, политическія и соціальныя, не были бы для насъ ни интересными, ни понятными, если бы они не происходили изъ душевныхъ движеній и не вызывали душевныхъ движеній». Ср. также Н. Карѣевъ, «Историко-философскіе и соціологическіе этюды», стр. 125: «*понимать* въ примѣненіи къ извѣстной категоріи явленій значитъ не только уловить ихъ внѣшнюю связь: кромѣ внѣшнихъ отношеній, намъ дается здѣсь еще внутренній смыслъ явленія, и притомъ не въ значеніи какой либо метафизической сущности, а въ значеніи факта совершенно реальнаго, какъ реаленъ всякій фактъ внутренняго опыта». Ср. наконецъ, Dilthey, («Einleitung etc», s. 66): «Все то въ общественно-исторической дѣйствительности, въ чемъ складывается вліяніе человѣка, происходитъ при посредствѣ пружины—воли; а въ ней въ качествѣ мотива участвуетъ цѣль». О первоначальной безсознательности и слѣпотѣ воли см. у Геринга, цит. соч.

***) «Всякія біологическія вліянія, всякія космическія явленія могутъ проявляться на историческомъ поприщѣ не иначе, какъ отразившись физіологически или психологически (т. е. вообще говоря, антропологически) черезъ человѣческій организмъ» Левъ Мечниковъ, «Школа борьбы въ соціологіи» «Дѣло» 1884, № 5.

****) Ср. Зиммель, l. c. «Всѣ внѣшнія событія, которыя исторія изображаетъ, суть ничто иное, какъ мосты между волевыми актами и импульсами, съ одной стороны, и чувственными рефлексами—съ другой».

*****) П. М. «О методѣ въ соціологіи», «Знаніе» 1874, № 1. Ср. также Sigwart, Logik, II, 607 ff.

категоріи „желаемаго, пріятнаго, должнаго“, „цѣли, потребности“ дѣйствительно въ высокой степени индивидуально-различны, субъективны. А изгнать эти категоріи, какъ-нибудь обойти ихъ въ соціологическомъ или культурно-историческомъ изслѣдованіи невозможно. „Если филологическая задача состоитъ въ познаніи познаннаго, то въ исторіи она еще болѣе расширяется, такъ какъ ея дѣло—познать, кромѣ познаннаго, т. е. теоретически представляемаго, еще желаемое и чувствуемое“ (Simmel, Probleme, s. 2).

Тѣ же самыя мысли Михайловскій иллюстрируетъ слѣдующимъ элементарнымъ примѣромъ. „Мужъ убилъ жену; пуля пробила жертвѣ черепъ и засѣла въ мозгу; раненая еще жива, но приблизительно черезъ часъ, черезъ два она умретъ; она блѣдна, лицо ея покрыто холоднымъ потомъ, ноги конвульсивно вздрагиваютъ; величина и форма отверстія, пробитаго пулей, показываютъ, что убійца стрѣлялъ изъ револьвера № 3; убійца будетъ наказанъ. Вотъ заключенія, къ которымъ приводитъ наблюдателя *объективный* процессъ мысли. Заключенія о страданіи жертвы, о степени нравственнаго развитія убійцы, о его психическомъ состояніи въ моментъ убійства даются *субъективнымъ* процессомъ мысли“. Здѣсь—какъ и въ массѣ другихъ, болѣе сложныхъ явленій общественной жизни—„результатъ одной и той же причины выражается двояко: извѣстными жестами и извѣстными (собственно-неизвѣстными) измѣненіями нервной ткани, вообще *движеніемъ*—съ одной стороны, и извѣстнымъ психическимъ состояніемъ—съ другой. Вполнѣ законно и необходимо изслѣдованіе и той, и другой стороны явленія, но произвести его и въ той, и въ другой области однимъ и тѣмъ же методомъ невозможно, такъ какъ обѣ стороны явленія воспринимаются нами различно. Для изслѣдованія движенія достаточно привести органы чувствъ, вооруженные или невооруженные, въ извѣстное отношеніе къ наблюдаемому явленію. Для изслѣдованія психическаго состоянія этого мало: тутъ нужно употребить иные пріемы, нужно пережить самому это состояніе, поставить себя на мѣсто человѣка, находящагося или находившагося въ этомъ состояніи, и изслѣдователь приближается къ истинѣ настолько, насколько онъ способенъ переживать чужую жизнь“. „Субъективный путь изслѣдованія употребляется всѣми тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей..., когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго“ *). Напротивъ,

*) Н. К. Михайловскій, т. III, s. 398--400, 402, 403. Ср. Н. Карѣевъ, «Этюды», стр. 125: «Понимать здѣсь, значитъ,—переживать чужой внутренній опытъ, уловлять его внутреннюю связь съ вызвавшей его причиной, словомъ—стоять на чужой точкѣ зрѣнія, раздѣлять чужія радости и горе. Понять поступокъ человѣка значитъ также стать на его мѣсто, раздѣлить сознательные и безсознательные мотивы его поступка, т. е. опять-таки уловить внутреннюю связь поступка съ мотивомъ».

тѣ способы изслѣдованія, въ которыхъ дѣло обходится безъ такого пріема, являются (конечно, *относительно*) объективными.

Нельзя ли, однако, въ изслѣдованіи общественнаго явленія какъ-нибудь обойти субъективный путь изслѣдованія и ограничиться однимъ объективнымъ, какъ болѣе простымъ и надежнымъ? Михайловскій ставитъ и этотъ вопросъ. Для его разрѣшенія онъ опять-таки прибѣгаетъ къ конкретной иллюстраціи.

„Припомните какой-нибудь историческій эпизодъ изъ тѣхъ, которые серьезно волновали васъ въ пору вашего гимназическаго малолѣтства или которые занимали васъ, какъ интересная сказка. Ну, напримѣръ, Манлія Торквата, разбуженнаго криками священныхъ гусей и сбрасывающаго со стѣны Капитолія перваго взобравшагося на него Галла. Вы можете разсказать этотъ эпизодъ, предполагая, конечно, его подлинность, на разныхъ языкахъ—разумѣю языки разныхъ наукъ. Историкъ будетъ говорить о патріотизмѣ Манлія, о его мужествѣ, о томъ, что онъ спасъ отечество отъ дикихъ галловъ, и вы совершенно поймете его, получите вполнѣ опредѣленное представленіе о событіи. Психологъ разскажетъ событіе иначе. Спасеніе отечества само по себѣ—а не какъ психическій *мотивъ* Манлія—онъ оставитъ совсѣмъ въ сторонѣ; дикіе галлы займутъ его не въ качествѣ опаснаго для римской независимости или римской цивилизаціи элемента; по всей вѣроятности, они его даже вовсе не займутъ, кромѣ развѣ того факта, что Манлій, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ дерзкимъ передовымъ галломъ, испытываетъ извѣстныя чувства страха или ненависти. Но за то патріотизмъ Манлія психологъ разложитъ на его простые элементы и покажетъ намъ быстрое возникновеніе и смѣну различныхъ ощущеній и представленій, совершившихся въ Манліи, начиная съ его пробужденія, представитъ картину его сознанія. Вы поймете и психолога, но замѣтите, что въ его разсказѣ извѣстная сторона событія, именно историческая или, пожалуй, соціологическая, остается неразъясненною. Это васъ нисколько не удивитъ, потому что это и не дѣло психолога. Физіологъ разскажетъ опять иначе. Онъ разскажетъ, что подъ вліяніемъ возбужденія, даннаго крикомъ гусей, въ нервной системѣ Манлія произошли такія-то и такія-то измѣненія, отозвавшіяся рядомъ извѣстныхъ мускульныхъ сокращеній. Есть, однако, большая вѣроятность, что онъ разскажетъ это съ большими пропусками, что онъ не сумѣетъ изобразить на языкѣ своей науки всю необыкновенно сложную механику нервной дѣятельности Манлія, хотя въ принципѣ это изображеніе не встрѣчаетъ препятствій. Но во всякомъ случаѣ состояніе духа, состояніе сознанія Манлія, какъ нѣчто субъективное, совсѣмъ не войдетъ въ разсказъ чистаго физіолога. Значитъ, въ разсказѣ этомъ вы упускаете еще одинъ важный элементъ событія, хотя, допустимъ, получили чрезвычайно точное и подробное описаніе его нервно-физіологи-

ческой стороны. Въ разсказѣ физико-механика упущеній будетъ еще больше, такъ что трудно себѣ даже его представить. Для физико-механика ударъ Манлія есть не только не важный моментъ въ психическомъ событіи, не только не результатъ сложной психической комбинаціи, но даже не результатъ нервнаго процесса; это — просто трата силы, механическая работа; весь эпизодъ надо понимать, какъ столкновеніе двухъ тѣлъ, причемъ дикій Галлъ и Манлій, съ одной стороны, и два бильярдныхъ шара— съ другой, по существу, повинуются однимъ и тѣмъ же законамъ сохраненія силы и передачи движенія. Физико-механикъ совершенно правъ, и тѣмъ не менѣе событіе становится совершенно непонятнымъ. Этого мало. Мы разсматриваемъ Галла и Манлія, какъ двѣ массы, но ихъ можно разсматривать просто какъ систему атомовъ. Къ счастію, человѣкъ, который вздумалъ бы разсказать намъ весь эпизодъ съ этой точки зрѣнія, невозможенъ,— если онъ не сумасшедшій, конечно; хотя, въ принципѣ, мы должны признать, что механика атомовъ играетъ свою роль въ эпизодѣ спасенія Рима" *).

Такова эта чрезвычайно важная для пониманія взглядовъ Михайловскаго иллюстрація того, что происходитъ отъ замѣны менѣе объективныхъ способовъ изслѣдованія болѣе объективными. Несмотря на большую точность послѣднихъ, они не вездѣ въ равной мѣрѣ приложимы, и потому при изслѣдованіи болѣе сложныхъ явленій приходится довольствоваться менѣе точными и болѣе субъективными способами, если только мы не хотимъ отказаться отъ посильнаго пониманія явленій въ ихъ цѣломъ. А такого пониманія требуетъ не пустой капризъ, а самыя глубокія, самыя значительныя, самыя интенсивныя потребности нашей жизни. Эти потребности остались бы неудовлетворенными, если бы мы стали отрицать право на существованіе иныхъ способовъ изслѣдованія, кромѣ чисто объективныхъ. Въ приведенномъ выше примѣрѣ, „переходя отъ объясненій къ объясненіямъ, повидимому, все болѣе и болѣе простымъ, все болѣе и болѣе кореннымъ, приближающимся къ самой сути вещей, разлагая постепенно событіе на его простѣйшія составныя части, мы все удалялись отъ цѣлостнаго пониманія историческаго эпизода и, наконецъ, перестали его вовсе понимать. Мы провалились въ свое собственное глубокомысліе" **).

Каково на этотъ счетъ мнѣніе г. Бердяева? Въ основѣ оно совершенно сближается съ изложенными взглядами нашихъ субъективистовъ, хотя на словахъ онъ пытается провести какую-то границу между собой и ими. Это сближеніе не представляетъ ничего удивительнаго, ибо вѣдь Бердяевъ, какъ и Струве, какъ и

*) Н. К. Михайловскій, т. IV, стр. 398—399.
**) Н. К. Михайловскій, IV, стр. 399.

другіе марксисты-неокантіанцы, испытывали вліяніе Зиммеля; Зиммель же приближается къ нашимъ субъективистамъ настолько, насколько это вообще возможно кантіанцу-апріористу. И вотъ, Бердяевъ также признаетъ, что „ни одно историческое явленіе не будетъ для насъ понятно, если мы не поймемъ той человѣческой психики, тѣхъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, которыя скрываются за всякимъ историческимъ явленіемъ"; что „всѣ общественныя явленія есть ничто иное, какъ объективированная психика людей"; что, напр., „за любой экономической категоріей скрывается психическая", слѣдовательно, соціальныя явленія—„не могутъ быть разсматриваемы безотносительно къ психическому", соціальный процессъ „долженъ быть истолкованъ въ терминахъ внутренняго опыта" *). Мало того. Съ обычнымъ для неофита усердіемъ, онъ еще пересаливаетъ въ подчеркиваніи „психическаго момента". По его мнѣнію, напр., „соціальныя явленія—родъ психическаго взаимодѣйствія людей" **). Это, конечно, невѣрно. Не „соціальныя отношенія" есть извѣстный, частный случай, входящій въ составъ болѣе общаго понятія „психическое взаимодѣйствіе"; наоборотъ, понятіе соціальныхъ отношеній шире, и, наряду съ психическимъ взаимодѣйствіемъ, охватываетъ всѣ виды реальныхъ и матеріальныхъ взаимодѣйствій въ обществѣ. Было бы правильнѣе сказать, что психическое взаимодѣйствіе есть необходимо *одна изъ сторонъ* всякаго соціальнаго взаимодѣйствія. Но г. Бердяевъ этого не говоритъ. И это не простой lapsus. Г. Бердяеву не безызвѣстно, что существуетъ цѣлое направленіе (къ нему принадлежитъ и Н. К. Михайловскій), которое именно разсматриваетъ экономическое, умственное и правовое развитіе общества, какъ нераздѣльныя стороны единаго процесса, расчленяемыя лишь методологически, въ абстракціи; направленіе, которое разсматриваетъ связь между этими сторонами, какъ функціональное соотношеніе (подобно тому, какъ „психо-физическій параллелизмъ" сводится къ пониманію отношеній между „душой" и „тѣломъ", какъ двухъ функціонально связанныхъ параллельныхъ рядовъ). Но Бердяевъ находитъ, что такого рода „историческій параллелизмъ" есть безпочвенная аналогія, ибо „въ исторіи все есть сплошь психическое" ***). Опять-таки смѣемъ завѣрить г. Бердяева, что онъ хватилъ черезъ край. Такъ, напримѣръ, нашествіе Гунновъ и Каталаунская битва несомнѣнно имѣли свою психическую сторону; но утверждать, что и нашествіе, и битва были „сплошь психическими" столь же невѣрно, какъ и утверждать, что они были „сплошь" механическими". Точно также ударъ, нанесенный Шарлоттой Корде

*) Н. Бердяевъ, стр. 85 и 87.
**) Н. Бердяевъ, стр. 85.
***) Н. Бердяевъ, стр. 89 (прим.).

Марату, не былъ „сплошь психическимъ“ ударомъ, а развитіе буржуазіи въ послѣднемъ столѣтіи не было лишь „сплошь психическимъ“ развитіемъ. Въ связи съ этимъ пріобрѣтаетъ въ устахъ Бердяева двусмысленный характеръ и выраженіе, что „всѣ общественныя явленія суть ничто иное, какъ *объективированная психика* людей“. Это вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если не противорѣчитъ анти-тезису: вся исторія въ послѣднемъ счетѣ есть *субъективированная механика*. Точнѣе же, въ исторіи нѣтъ ничего матеріальнаго, что не было бы съ другой стороны и психическимъ, и нѣтъ ничего психическаго, что не было бы съ другой стороны матеріальнымъ. То и другое—различныя *стороны* всѣхъ историческихъ явленій; ни одна изъ нихъ не обладаетъ какимъ то приматомъ надъ другой. Иначе дѣло обстоитъ развѣ съ точки зрѣнія метафизиковъ, вродѣ Гегеля, для котораго, дѣйствительно, міровой духъ, идея какъ нѣчто болѣе первичное—какъ „субстанція“—лишь *объективировалась* въ историческомъ процессѣ. Впрочемъ, мы уже видѣли, какъ тяготѣетъ въ сторону такой метафизики г. Бердяевъ. Недаромъ въ другомъ мѣстѣ онъ даже утверждаетъ, что „весь соціальный процессъ цѣликомъ имѣетъ *этическую природу* (?!) и этическое значеніе“ *). Недаромъ для него „то проникновеніе всеобщихъ логическихъ, этическихъ и эстетическихъ нормъ въ жизнь человѣчества, которымъ сопровождается соціальный прогрессъ, есть, можетъ быть, торжество единаго мірового „Я“ въ „я“ индивидуальномъ“. Можетъ быть, вообще историческій процессъ есть и для него—„объективація духа“, всемірнаго духа, проявляющагося черезъ посредство индивидуальной психики? Тогда, пожалуй, г. Бердяевъ со своей точки зрѣнія вполнѣ правъ, ибо истинная сущность исторіи тогда дѣйствительно „сплошь психическое“, а все внѣшнее, матеріальное, есть простая видимость, нѣчто поверхностное, иллюзорное. Быть можетъ, г. Бердяевъ и въ самомъ дѣлѣ согласенъ съ г. П. Струве, по которому „субстанція міра есть духъ и міровой духъ есть субстанція“? Но тогда не только въ исторіи, а *и въ природѣ* въ послѣднемъ счетѣ все „сплошь психическое“!

Если же мы предположимъ, что въ смѣлыхъ утвержденіяхъ г. Бердяева о „сплошь психической“ и „цѣликомъ этической“ природѣ историческаго процесса проявляется не новая метафизическая фантазія, а просто усердіе неофита, то стоитъ лишь вычеркнуть кое-какія увлеченія, чтобы въ остаткѣ получилась несомнѣнная истина—та самая истина, которая еще въ концѣ 60-хъ годовъ была прекрасно выяснена нашими субъективистами. Подобно Михайловскому, г. Бердяевъ отрицаетъ возможность ограничить историческое изслѣдованіе тѣми чисто-объективными пріемами, которые получили высшее развитіе въ механическомъ пониманіи

*) Н. Бердяевъ, стр. 97.

міра. Въ частности, вслѣдъ за критикой Михайловскаго, онъ признаетъ совершенно несостоятельной попытку Спенсера ввести соціальный процессъ „въ матеріалистически-механическую систему", „какъ процессъ дифференціаціи и интеграціи—энергіи и матеріи". Онъ находитъ, что „примѣръ неудачи такого крупнаго мыслителя, какъ Гербертъ Спенсеръ, долженъ былъ бы всѣхъ вразумить". Этого мало. Г. Бердяевъ вдругъ неожиданно оказывается въ роли защитника... чего бы, вы думали? *субъективнаго метода*! противъ кого бы, вы думали? *противъ Н. К. Михайловскаго*!

Какъ такъ? спросите вы. Не говоритъ ли самъ г. Бердяевъ, что „субъективный методъ" покоится прежде всего на „гносеологической путаницѣ, на грубомъ смѣшеніи логическаго и психологическаго"? *). Не говоритъ ли онъ, что „въ нелѣпомъ словосочетаніи — субъективный методъ—съ существительнымъ, имѣющимъ чисто-логическій смыслъ (методъ), согласуется прилагательное, имѣющее смыслъ исключительно психологическій (субъективный)"? Да, говоритъ. Но вотъ что онъ также *говоритъ*: „Существуетъ наука, въ которой „субъективный методъ" получилъ право гражданства, это психологія". „Психологическій методъ имѣетъ мѣсто и въ соціологіи, и, поскольку г. Михайловскій намъ на это указываетъ, онъ совершенно правъ". „Такое пониманіе субъективнаго метода можетъ имѣть методологическое значеніе". „Г. Михайловскій дѣйствительно иногда примѣняетъ психологическій методъ въ соціологіи, напр., въ статьяхъ о герояхъ и толпѣ. Но широко и плодотворно примѣнять психологическій методъ онъ не могъ... онъ злоупотребляетъ біологіей до такой степени, что психологія остается не причемъ. Это помѣшало нашему субъективисту правильно примѣнить и развить тотъ „субъективный методъ", который, дѣйствительно, имѣетъ очень важное значеніе". Я уже не говорю о забавной ошибкѣ, согласно которой Михайловскій „*иногда* примѣняетъ психологическій методъ" и „злоупотребляетъ біологіей" **). Но какъ вамъ понравится упрекъ Михайловскому, что онъ не сумѣлъ „развить тотъ субъективный методъ, который, дѣйствительно, имѣетъ очень важное значеніе", хотя вмѣстѣ съ тѣмъ „субъективный методъ" есть „нелѣпое словосочетаніе", подъ которымъ скрывается „гносеологическая путаница"? Откровенно сознаюсь, что мнѣ еще ни разу не прихо-

*) Н. Бердяевъ, стр. 20.

**) И «Что такое прогрессъ», и «Борьба за индивидуальность», и «Что такое счастье», и «Вольница и подвижники»—крупнѣйшія произведенія первой половины дѣятельности Михайловскаго почти сплошь соціально-психологическія изслѣдованія. Во второй половинѣ его дѣятельности достаточно припомнить только крупнѣйшую его работу—«Патологическая магія». Есть у него и сочиненія съ преобладающимъ біологическимъ содержаніемъ, но это на двѣ трети именно *критика* «злоупотребленій біологіей».

дилось читать болѣе противорѣчиваго произведенія, чѣмъ книжка г. Бердяева.

Впрочемъ, г. Бердяевъ вспоминаетъ, что онъ—противникъ субъективнаго метода и начинаетъ доказывать, что психологическій методъ есть, въ сущности, объективный методъ. Съ однимъ изъ этихъ аргументовъ мы встрѣтимся ниже, другой же сводится къ слѣдующему. „Психологическій методъ въ общественной наукѣ есть не что иное, какъ требованіе величайшаго объективизма, на какой только способенъ человѣкъ. Чтобы понять средневѣковую исторію, надо поставить себя на мѣсто средневѣковаго человѣка, пережить его мысли и чувства, а для этого необходимо *хоть отчасти* отрѣшиться отъ собственной психологіи" (курсивъ нашъ). Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на Зиммеля, который все это „прекрасно знаетъ" и излагаетъ въ своемъ изслѣдованіи—„Die Probleme der Geschichtsphilosophie".

Прежде всего запомнимъ хорошенько эти предательскія словечки „хоть отчасти". Ими г. Бердяевъ благоразумно маскируетъ существо вопроса. А между тѣмъ, вопросъ должно поставить ребромъ: можно ли и должно ли, примѣняя психологическій методъ въ соціологіи, „отрѣшиться отъ собственной психологіи" *только отчасти*—или же *вполнѣ?* Если первое, такъ значитъ, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени соціологу *не нужно* отрѣшаться отъ собственной психологіи,—не нужно, потому что и невозможно, и въ интересахъ науки нежелательно. Это и утверждаютъ соціологи-субъективисты. А г. Бердяевъ увертывается отъ вопроса своимъ неопредѣленнымъ „*хоть* отчасти", а потомъ говоритъ о „*строгомъ* объективизмѣ психологическаго метода".

Отъ ученика обратимся къ учителю—отъ г. Бердяева къ Зиммелю. У него мы не найдемъ никакихъ неясностей и экивоковъ. Онъ устанавливаетъ прежде всего, что мы никогда не познаемъ, не констатируемъ непосредственно „психическихъ состояній" другихъ лицъ; мы только умозаключаемъ о нихъ по внѣшнимъ проявленіямъ, руководясь тѣмъ, что у насъ самихъ бываютъ подобныя же проявленія и всегда стоятъ въ опредѣленной связи съ опредѣленными психическими состояніями *). Итакъ, мы дополняемъ непосредственныя данныя опыта гипотезой, и матеріаломъ, изъ котораго мы строимъ гипотетически чужую психологію, является наша собственная психологія, наши собственныя мысли, желанія и чувства—единственныя, извѣстныя намъ непосредственно. Отсюда и необходимое условіе пониманія дру-

---

*) Ср. Schubert-Soldern, «Das menchliche Glück u. sociale Frage», s. XVI: «Мнѣ даны лишь внѣшнія тѣлесныя проявленія чужого внутренняго міра... О немъ я могу умозаключить лишь по аналогіи со своимъ собственнымъ».

гихъ—„то, чтобы я изслѣдуемыя психическія движенія самъ пережилъ въ моей субъективной жизни *). Однако, будучи воспроизводимы въ видѣ представленій другого, они претерпѣваютъ нѣкоторое психическое преобразованіе, которое отвлекаетъ ихъ отъ собственнаго субъективнаго переживанія познающею личностью, точно такъ же, какъ они отвлечены и отъ переживанія личностью, являющейся предметомъ познанія". Зиммель считается и съ аргументаціей чистыхъ объективистовъ, требующихъ полнаго отрѣшенія изслѣдователя отъ своей субъективной психологіи. „Ранке хотя и высказываетъ желаніе погасить свое „я", чтобы видѣть вещи такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, однако, выполненіе этого желанія какъ разъ уничтожило бы представляемый имъ себѣ результатъ **). Послѣ такого погашенія своего „я" вѣдь не осталось бы ровно ничего, благодаря чему можно было бы понять „не-я". Примѣсь своего „я" *вовсе не является несовершенствомъ, отъ котораго долженъ отрѣшиться идеальный способъ познанія.* Онъ можетъ лишь исключить извѣстныя стороны этого „я". Желать же погашенія своего „я" вообще—логическое противорѣчіе, ибо... *конкретное его содержаніе* является *необходимымъ посредствующимъ звеномъ* для всякаго пониманія другихъ" (курсивъ нашъ). „Когда мы дѣлаемъ соціально-психическіе процессы объектомъ своего мышленія и переживаемъ ихъ въ своихъ ощущеніяхъ, мы не имѣемъ представленія о томъ, что мы при этомъ опираемся на свой субъективный міръ и на случайное содержаніе его внутренняго опыта; намъ кажется, что наши представленія во всякомъ случаѣ объективны. И, однако, это объективное здѣсь, какъ и вездѣ, есть только весьма общее субъективное" ***).

Какъ видимъ, „строгій объективизмъ" психологическаго метода—„величайшій объективизмъ, до котораго только можетъ подняться человѣкъ"—въ подлинникѣ, у Зиммеля получаетъ совершенно иной видъ, чѣмъ въ передачѣ г. Бердяева. И не „*хоть* отчасти отрѣшиться отъ себя" требуетъ Зиммель, а прямо говоритъ, что *только* отчасти, только отъ нѣкоторыхъ сторонъ нашего „я" можно отвлечься, не рискуя упразднить самую возможность соціологическаго пониманія и знанія. Зиммель прямо говоритъ о „ненадежности", извѣстной „произвольности" и „без-

---

*) Въ этомъ пунктѣ Зиммель хватаетъ даже немного черезъ край. Соотвѣтственную поправку даетъ Михайловскій, т. I, стр. 140.

**) Въ томъ же духѣ высказывается противъ «объективистскихъ» притязаній Ранке и Генрихъ Риккертъ. Ср. «Kulturwissenschaft u. Naturwissenschaft», s. 48—49. «Если бы кому-нибудь удалось, какъ того желаетъ Ранке, погасить свое «я»—для того перестала бы существовать исторія, а осталась бы только лишенная всякаго смысла груда обособленныхъ фактовъ, которые были бы всѣ равно значительны... или всѣ равно лишены значенія».

***) Simmel, «Probleme», ss. 5 ff., 15, 17, 18, 28.

численныхъ заблужденіяхъ", съ которыми связано „дополненіе" непосредственно наблюдаемаго внѣшняго предполагаемымъ психическимъ. Онъ констатируетъ, что конструированіе чужихъ душъ всегда, даже при всѣхъ стараніяхъ человѣка быть безпристрастнымъ, неминуемо будетъ актомъ творчества — творчества „по своему образу и подобію". Да и какъ же иначе? „Чтобы мы могли въ себѣ воспроизвести эти акты сознанія, чтобы мы могли „стать на мѣсто дѣйствующихъ лицъ", необходимо, чтобы я самъ испыталъ нѣчто подобное. Наше пониманіе чужихъ поступковъ достигается въ той мѣрѣ легче или труднѣе, въ какой „наше теперешнее внутреннее состояніе расположено къ подобнымъ или совершенно инымъ ощущеніямъ—и насколько, поэтому, облегчается или затрудняется психологическое воспроизведеніе". „Это сочувствіе мотивамъ дѣйствующихъ лицъ; всему ихъ существу во всей его цѣлости и единичныхъ деталяхъ, когда намъ даны лишь фрагментарныя внѣшнія проявленія его; это перенесеніе своего „я" во все разнообразіе неизмѣримой системы силъ, изъ которыхъ каждая можетъ быть понята только тогда, когда ее отражаютъ въ себѣ — это и есть собственный смыслъ требованія, согласно которому историкъ есть и непремѣнно долженъ быть художникомъ... Уже въ истолкованіи, упорядоченіи, соподчиненіи событій... дѣятельность историка приближается къ дѣятельности поэта, различаясь отъ нея *только въ степени* свободы, которою обладаетъ послѣдняя при обработкѣ разсказываемаго" *). Это ли *строгій* объективизмъ, не говоря уже о *величайшемъ* объективизмѣ? Нѣтъ, пора перестать выдавать историческій методъ за то, чѣмъ онъ по существу дѣла не является и не можетъ являться, пора взглянуть на него трезвыми глазами, не обманывать себя, ибо только зная слабыя стороны метода, можно ихъ парализовать и связанныхъ съ ними ошибокъ остерегаться. А г. Бердяеву пора, кромѣ того, потщательнѣе перечитывать тѣ книжки, на которыя онъ ссылается, чтобы избѣжать другихъ подобныхъ же казусовъ, какъ съ попыткой опереться на Зиммеля.

---

*) Simmel, ibid., s. 19. Онъ, между прочимъ, цитируетъ слова такого спеціалиста-историка, какъ Момзенъ, о «фантазіи, которая является матерью, какъ всякой поэзіи, такъ и всякой исторіи». («Römische Geschichte», V, s. 5). Согласно Рикерту («Kulturwissenschaft u. Naturwissenschaft», s. 39) «историкъ долженъ вновь сдѣлать для насъ прошлое настоящимъ, и этого онъ можетъ достигнуть только тѣмъ, что даетъ намъ возможность до извѣстной степени *пережить* разъ случившееся въ его индивидуальномъ теченіи», причемъ вызывается «сила воображенія» читателя, его «фантазія», направляемая въ опредѣленное русло, по опредѣленной дорогѣ. Поэтому «историческая психологія... является, если угодно, искусствомъ, художествомъ (Kunst)». (Ibid., s. 42). Наконецъ, и по Дильтею «In *künstlerischen* Darstellung immer wird eine grosze Aufgabe der Geschichtschreibung sein» (Einleitung, s. 114). Ср. также Зигвартъ, Logik, II, s. 614. Эти авторы, однако, по сравненію съ русскими субъективистами, немного пересаливаютъ, подчеркивая «свободу» творчества историка.

Зиммель говоритъ почти дословно то же самое, что и наши „субъективисты". Это будетъ особенно ясно по сравненію съ соотвѣтствующими мѣстами изъ Михайловскаго. Этотъ послѣдній, отмѣчая субъективный характеръ психологическаго метода, опирался на данныя, вполнѣ установившіяся въ научной психологіи. Онъ, именно, ссылался на Спенсера, согласно которому („Изученіе соціологіи", стр. 170), примѣняя психологическій методъ, „мы встрѣчаемся съ необходимостью извѣстнаго рода и въ то же время съ затрудненіемъ. Необходимость состоитъ въ томъ, что въ сношеніяхъ съ другими людьми и въ объясненіи ихъ дѣйствій мы должны представить себѣ ихъ мысли и чувства въ формѣ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ. Затрудненіе же состоитъ въ томъ, что представляя ихъ такимъ образомъ, мы всегда будемъ справедливы только отчасти. Понятіе, которое одинъ составляетъ объ умѣ другого, неизбѣжно болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ складу его собственнаго ума; оно бываетъ *автоморфическимъ* И его автоморфическія сужденія тѣмъ дальше отстоятъ отъ истины, чѣмъ болѣе его собственный умъ отличается отъ того ума, о которомъ онъ долженъ составить себѣ понятіе" И вотъ, вслѣдствіе этого-то неизбѣжнаго „автоморфизма", Михайловскій и назвалъ „результаты изслѣдованія чужихъ мыслей и чувствъ въ формѣ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ — результатами *субъективнаго* процесса мысли" *). Затрудненія, связанныя съ планомѣрнымъ и методическимъ пользованіемъ этого способа изслѣдованія, несомнѣнно, больше, чѣмъ тѣ, которыя связаны съ употребленіемъ болѣе объективныхъ методовъ. Но что же дѣлать, если эти затрудненія неизбѣжны? Во всякомъ случаѣ, съ ними нужно считаться, а не игнорировать ихъ. Какъ справедливо говоритъ другой современный философъ-критицистъ, поставившій себѣ соціологическую проблему **), — „вопросъ о томъ, можетъ ли пользованіе самонаблюденіемъ давать точные результаты изслѣдованія, есть вопросъ праздный постольку, поскольку оно является соціальной необходимостью въ качествѣ основы для умозаключенія о внутреннемъ мірѣ другихъ людей; какъ бы ни были неточны его результаты — замѣстить его нечѣмъ". Этотъ субъективизмъ есть субъективизмъ неизбѣжный. Онъ долженъ быть отграниченъ отъ субъективизма незаконнаго. Требованіе же изгнать всякій субъективизмъ, требованіе чистаго объективизма въ соціологическомъ познаніи можетъ обусловливаться лишь дѣвственной невинностью людей, не вкусившихъ отъ древа теоріи познанія.

И Вундтъ въ своей „Логикѣ" противопоставляетъ „наивно и

---

*) Н К. Михайловскій, т. III, стр. 400.

**) Richard von Schubert-Soldern, «Das menschliche Glük u. soziale Frage», Tübingen 1896, s. XXX.

инстинктивно, по субъективнымъ мотивамъ вытекающему истолкованію духовныхъ явленій“ постепенно вырабатывающійся изъ него „*принципъ* субъективнаго обсужденія“ (das Princip des subjectiven Beurtheilung), какъ „*сознательно и планомѣрно* совершаемое перенесеніе субъекта на объекты“. И онъ также отмѣчаетъ, что принципъ этотъ „можетъ вести, благодаря извѣстному способу и объему своего примѣненія, частью къ ошибкамъ, частью же—по меньшей мѣрѣ къ одностороннему пониманію вещей“, но что, съ другой стороны, онъ есть неизбѣжный, необходимый принципъ; можно и должно отказаться отъ односторонняго и неправильнаго его примѣненія, но не отъ него самого. И этотъ принципъ нисколько не противорѣчитъ „объективизму“ въ смыслѣ, напр., требованія не прилагать къ событіямъ одного времени мѣрку и и масштабъ другого времени, соблюдать такъ называемую „историческую перспективу“ *). Вундтъ останавливается подробно и на томъ, какимъ образомъ согласовать примѣненіе „принципа субъективнаго обсужденія“ съ объективными данными. Изслѣдователь,—говоритъ онъ,—всегда легко впадетъ въ ошибку, если онъ захочетъ сдѣлать масштабомъ всякой чужой индивидуальности только свое собственное сознаніе. Конечно, въ концѣ концовъ для него нѣтъ другого вспомогательнаго средства при психологическомъ пониманіи, кромѣ своего собственнаго душевнаго опыта. Но онъ долженъ въ то же время умѣть представлять себѣ въ измѣненномъ на всѣ лады видѣ силу различныхъ элементовъ, которые онъ открываетъ въ себѣ. Такимъ образомъ, онъ будетъ создавать себѣ живой внутренній образъ чужихъ индивидуальностей; такимъ образомъ онѣ будутъ различны съ его собственной индивидуальностью и только потому понятны ему, что нѣтъ такихъ индивидуальныхъ типовъ, для которыхъ не нашлось бы и во всякомъ другомъ субъектѣ въ той или другой степени задатковъ. Такимъ образомъ, психологическій анализъ объективныхъ психическихъ событій и вліяній требуетъ, кромѣ перенесенія на нихъ своего субъективнаго сознанія, еще мысленной переработки собственной личности сообразно тѣмъ внѣшнимъ признакамъ, которые подмѣчаетъ наблюдатель. Этнологъ и историкъ должны умѣть примѣнять здѣсь искусство, подобное тому, которымъ надѣлены великіе актеры, способные на краткій промежутокъ времени совершенно сливаться со своей ролью, какъ бы ни былъ различенъ характеръ лица, котораго онъ изображаетъ“ **). Ту же мысль превосходно выражаетъ Михайловскій въ словахъ: „мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполнѣ сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни

---

*) Wundt, Logik, B. II, 2-te Abtheilung, s. 27 ff. Ср. по этому поводу также «Историческія письма» П. Миртова, письмо 2-е, стр. 27 послѣдн. изданія.

**) Wundt, Logik, III, 2, s. 63.

на минуту не разлучится съ нимъ, т. е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданіе, проплачетъ его слезами“ *).

Вообще у Вундта (какъ и у Зиммеля) можно найти очень много важныхъ соображеній о способахъ регулированія естественнаго и неизбѣжнаго субъективизма, и его возведенія—путемъ такого регулированія—въ научный принципъ, Princip des subjectiven Beurtheilung **). Но, по его мнѣнію, одни методическія правила здѣсь еще ничего не гарантируютъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что въ концѣ концовъ въ этой области лучшее можетъ быть дано природной одаренностью и счастливымъ инстинктомъ, и что безъ этой одаренности психологическій анализъ, покоющійся на проникновеніи въ свой психическій объектъ—невозможенъ“ ***). Къ той же мысли приходятъ и Риккертъ, и Зиммель. Первый говоритъ, что здѣсь все дѣло—въ интуитивной способности, совершенно независимой отъ научно-психологическихъ познаній ****). Зиммель также обращаетъ вниманіе на „естественныя, присущія душѣ историка силы и категоріи“, которыми опредѣляется „объемъ того, что вообще можетъ быть понято и прочувствовано его сознаніемъ“. Въ этомъ отношеніи результаты будутъ различны, „смотря по тому, насколько широкой или ограниченной натурой является историкъ“. Съ одной стороны, Зиммель придаетъ большое значеніе счастливой наслѣдственности: онъ разсматриваетъ „пониманіе неиспытанныхъ самимъ душевныхъ движеній“, какъ „переходъ въ сознательное состояніе унаслѣдованныхъ и находящихся въ скрытомъ состояніи душевныхъ склонностей“. При этомъ геніальнымъ историкомъ будетъ тотъ, „въ которомъ дары эти такъ благопріятно установлены, что воспроизведеніе происходитъ легко... и достигаетъ полной сознательности“. Кромѣ наслѣдственности, многое зависитъ отъ личнаго опыта изслѣдователя, „смотря потому, откуда черпалъ онъ свои жизненные взгляды: въ узкихъ ли мелкобуржуазныхъ отношеніяхъ или въ широкомъ общеніи съ міромъ, въ политически-связанномъ или въ свободномъ общежитіи“. Еще рельефнѣе выражена та же мысль у Михайловскаго. Онъ указываетъ, что способность ставить себя на мѣсто другихъ, переживать ихъ жизнь—такъ называемый „сочувственный опытъ“—имѣетъ извѣстныя границы и по своему объему, и по интенсивности. Сочувствовать можно только себѣ подобнымъ, и въ этомъ смыслѣ устанавливается естественная грація въ силѣ сочувствія и легкости сочувственнаго опыта. Уже по одному этому, чѣмъ

*) Н. К. Михайловскій, I, 56.

**) Г. Бердяевъ и здѣсь долженъ усмотрѣть «нелѣпое словосочетаніе», ибо «subjektiv»—психологическій терминъ, а «Beurtheilung»—логическій.

***) Wundt, ibid., s. 63—64.

****) «Kulturwiss. u. Naturviss», s. 41.

болѣе неравенства въ обществѣ, чѣмъ глубже „уединительныя борозды“, проводимыя сословными, классовыми, расовыми и т. п. раздѣленіями, тѣмъ болѣе суживается для большинства сфера сочувственнаго опыта. Различіе правъ, обязанностей, образа жизни, образованія и т. п. производитъ такое различіе въ психологіи группъ, что членъ одной группы дѣлается чужимъ для члена другой, не понимаетъ его и неспособенъ мысленно стать въ его положеніе. „Поэтому онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ; онъ ихъ не замѣчаетъ, онѣ для него не существуютъ. Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ. Въ его сознаніи они отдаются глухо, хотя онъ въ то же время способенъ съ полною отчетливостью оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ. Эта естественная неравномѣрность оцѣнки существеннымъ образомъ отражается на всемъ его психическомъ складѣ, состояніе котораго, такъ сказать, замораживается въ цѣломъ ряду поколѣній наслѣдственною передачей. Чтобы въ этомъ періодѣ общественнаго развитія могли явиться люди, органически способные къ многостороннему сочувственному опыту, способные воспроизвести въ своемъ сознаніи всѣ оттѣнки жизни, раскиданные процессомъ общественныхъ дифференцированій въ разныя стороны,—для этого нужны особенно счастливыя и чисто случайныя сочетанія обстоятельствъ, удачное смѣшеніе крови, особенности воспитанія и пр. И это будутъ люди съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, способные къ успѣшной разработкѣ соціологіи. Но такіе люди, конечно, рѣдки“ *).

Какъ относится ко всему этому строю мыслей г. П. Струве? Почти также, какъ и Н. Бердяевъ: въ основѣ соглашается, но пытается создать словесную видимость какого то глубокаго разногласія. „Вѣрно, что для познанія человѣческихъ чувствъ и переживаній вообще, а, стало быть, и поступковъ, необходимъ „сочувственный опытъ“. Мы даже толкуемъ его еще болѣе „субъективистически“, чѣмъ Н. К. Михайловскій; психологически человѣкъ никогда не переживаетъ чужихъ душевныхъ состояній, а всегда первоначально вкладываетъ свои собственныя состоянія въ чужое тѣло и, такимъ путемъ, нѣкоторымъ образомъ одушевляетъ его, создаетъ по своему образу и подобію чужое „я“ **). Превзойдя такимъ образомъ Михайловскаго въ

*) Н. К. Михайловскій, т. I, стр. 133—134, 140—141.

**) Г. Струве очень обязалъ бы насъ, если бы всетаки потрудился объяснить—чѣмъ этотъ взглядъ разнится отъ взгляда Михайловскаго? Чѣмъ это «созданіе по своему образу и подобію» субъективистичнѣе «автоморфизма», чѣмъ это «вкладываніе собственныхъ состояній въ чужое тѣло» субъективистичнѣе «представленія себѣ чужихъ мыслей и чувствъ въ формѣ своихъ мыслей и чувствъ»? Вѣдь не буквально же, надо полагать, говоритъ г. Струве

субъективизмѣ, П. Струве поворачивается къ намъ другой, объективной стороной. Оказывается, что человѣкъ не только чувствуетъ, но и мыслитъ; онъ можетъ мыслить о чувствахъ—какъ своихъ, такъ и чужихъ; и это мышленіе о чувствѣ, представленіе о немъ не то же самое, что чувство, какъ таковое. „Сочувственный опытъ есть мышленіе чужихъ мыслей, чувствованій и хотѣній. Какъ бы ни было необходимо ихъ субъективно переживать, такое субъективное переживаніе опредѣленій чужого сознанія глубоко отлично отъ ихъ мышленія. Первое дѣйствительно субъективно, второе же есть дальнѣйшая ступень, принципіально отличная отъ первой—ступень объективаціи". Трудно разобрать, что это—просто ли слова, или г. Струве думаетъ, что возражаетъ этимъ русскому субъективисту? Но вѣдь и „всякій, даже не учившійся въ семинаріи", пойметъ, что, разъ переживъ, воспроизведя извѣстное психическое состояніе, нѣтъ надобности сызнова его переживать съ той же полнотой каждый разъ, когда приходится къ нему обращаться въ мысляхъ; точно также, напр., какъ, думая о разстановкѣ мебели въ новой квартирѣ, вовсе не нужно воспроизводить въ своемъ представленіи полный и точный образъ каждаго стула, каждаго стола во всѣхъ его деталяхъ, включая еще, пожалуй, и чернильныя пятна, и царапины, и т. п. Но причемъ здѣсь субъективизмъ и объективизмъ—трудно понять. Притомъ же, будь даже „мышленіе чужихъ чувствъ и хотѣній" чѣмъ-то безусловно объективнымъ (а не „степенью объективаціи", какъ уклончиво и осторожно выражается г. П. Струве)—въ противоположность субъективному ихъ переживанію, то достаточно признать, что мышленіе *заранѣе предполагаетъ* переживаніе и безъ него не можетъ состояться: это ужъ значило бы, что объективные пріемы въ соціологіи являются лишь надстройкой надъ субъективными. „Теоретики субъективнаго метода,—признается далѣе П. Струве,—совершенно правильно указываютъ на необходимость въ извѣстной мѣрѣ „переживать" чужія состоянія для того, чтобы адэкватно мыслить ихъ и воспроизводить". Въ чемъ же разногласіе? А вотъ въ чемъ. „Истинное познаніе существуетъ только тамъ, гдѣ переживанія—только матеріалъ... Между тѣмъ, „субъективный методъ" сознательно подчиняетъ науку ея матеріалу—переживаніямъ и индивидуально-психологическую ограниченность эмпирическаго субъекта познанія возводитъ въ методическій принципъ". Но вѣдь это же просто вздоръ, это самая фактическая неправда. Михайловскій, напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ говоритъ, что наука можетъ и должна „признавъ желательнымъ *устраненіе* субъективныхъ разногласій, *опредѣлить условія, при которыхъ оно можетъ*

о «вкладываніи» въ чужое тѣло своихъ психическихъ состояній? Въ чемъ же разница? Мудрый Эдипъ, разрѣши?

произойти" *). Эта задача распадается на двѣ части: во-первыхъ, опредѣленіе общихъ психическихъ и соціальныхъ условій (ибо, вѣдь, какъ признаютъ и гг. Струве-Бердяевъ, *истина—соціальное понятіе*), при которыхъ мыслимо осуществленіе идеала науки. Отвѣтъ субъективистовъ на вопросъ объ этихъ соціальныхъ условіяхъ гласитъ: „соціологіи мы никогда не будемъ имѣть, если *борьба интересовъ* не расчиститъ для нея почвы, *сгладивъ общественныя дефференцированія*", **) ибо только тогда будетъ расчищенъ въ общественной мысли и жизни путь общечеловѣческому началу, только тогда будетъ въ корнѣ подорвана та „индивидуально-психологическая ограниченность" *въ познаніи*, оборотной стороной которой *въ жизни* является свойственный буржуазно-феодальному строю индивидуализмъ и сословно-классовое раздѣленіе людей. Только тогда возможна будетъ общечеловѣческая (и въ этомъ смыслѣ, если угодно, объективная) соціологическая правда. Такова первая часть задачи—опредѣлить условія, необходимыя для устраненія субъективныхъ разногласій. Во-вторыхъ, кромѣ идеала, нужна еще система мѣръ, которая бы посильно приближала насъ къ идеалу, давала бы переходныя ступени отъ реальной дѣйствительности къ идеальному будущему, позволяла бы и въ анти-соціальныхъ условіяхъ настоящаго, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе *приблизиться* къ недосягаемому идеалу общечеловѣческой соціологической правды. Это достигается *регулированіемъ* необходимыхъ субъективныхъ пріемовъ мысли, такимъ методическимъ пользованіемъ ими, которое ведетъ наикратчайшимъ путемъ къ „общечеловѣческой правдѣ". Никогда, вопреки утвержденію г. Струве, Михайловскій не возводилъ „индивидуально-психологической ограниченности" въ принципъ. Напротивъ, онъ признавалъ, что „разногласіе субъективныхъ заключеній представляетъ дѣйствительно *весьма важное неудобство*" ***), и хотя онъ признавалъ его „неизбѣжность" для общественной науки въ настоящее время, однако указывалъ, что „изъ этого не слѣдуетъ, что наука должна сидѣть сложа руки и отложить всякія попеченія объ устраненіи или хоть облегченіи такого важнаго неудобства" ****). Онъ только не видѣлъ возможности путемъ какого то диковиннаго сальтомортале *перепрыгнуть* черезъ субъективные пріемы мышленія, и потому для него путь къ общечеловѣческой истинѣ заключается въ методическомъ регулированіи этихъ пріемовъ—въ области теоріи, и въ устраненіи

---

*) Н. К. Михайловскій, IV, стр. 404. См. также выше, стр. 403; «Одна изъ задачъ соціологіи состоитъ въ опредѣленіи условій, при которыхъ субъективныя разногласія исчезаютъ», почему «соціологія должна начать съ нѣкоторой *утопіи*».

**) Н. К. Михайловскій, I, стр. 141.

***) Н. К. Михайловскій, III, 404.

****) Ibid., 405.

„общественныхъ дифференцированій“, осуществленіи безсословнаго и безклассоваго строенія общества—въ области практики. Нечего и говорить, что онъ вѣрилъ въ конечную побѣду общечеловѣческой правды *). „Запасъ накопленныхъ знаній всетаки растетъ и растетъ. Истина и здѣсь все та же вода, вылитая по каплѣ на камень, только камень крѣпче и въ водѣ есть посторонняя, но неизбѣжныя примѣси. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ наукѣ о природѣ истинѣ удалось выбить изъ позиціи odium theologicum, такъ одолѣетъ она соотвѣтствующій элементъ и въ наукѣ объ обществѣ... И наступитъ, наконецъ, пора, когда поблѣднѣетъ извѣстный сарказмъ Гоббса: если бы и геометрическія аксіомы задѣвали человѣческіе интересы, такъ и онѣ вѣчно оспаривались бы. Мы имѣемъ право вѣрить, что наступитъ такая пора, потому что это—вѣра въ человѣческій разумъ и вѣра разумная“ **). Г. Струве блистательно заканчиваетъ доказательство... своего полнаго непониманія существа субъективнаго метода, заявляя: „Субъективный методъ утверждаетъ *невозможность познавать* переживаемое и пережитое“. Гдѣ, когда, у кого изъ субъективистовъ нашелъ онъ подобное утвержденіе? Всякій баронъ, конечно, имѣетъ право на свою фантазію насчетъ чего угодно, хотя бы и субъективнаго метода, но не слѣдуетъ слишкомъ злоупотреблять этимъ правомъ. А обнаруживаемое здѣсь г. Струве незнакомство съ существеннѣйшими положеніями субъективизма равняется только той развязности, съ которой онъ говоритъ объ этомъ незнакомомъ ему предметѣ.

„Субъективный методъ“ былъ долго не въ модѣ. Но le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, desavoir se resinger à être démodé. Эта пословица начинаетъ сбываться. Современная философская мысль запада все чаще и чаще приходитъ къ пониманію неизбѣжности субъективизма въ общественно-историческихъ наукахъ, необходимости его урегулированія, превращенія его изъ случайнаго, безпорядочнаго пріема въ научно-методическій, словомъ, отдѣленія отъ *незаконнаго* субъективизма —субъективизма неизбѣжнаго и законнаго. Мы слышали уже Зиммеля, Дильтея, Вундта, Риккерта, Шуберта-Зольдерна. Еще болѣе интересныхъ изслѣдованій по этому вопросу можно ждать отъ школы Авенаріуса. Строгій эмпиристъ, Авенаріусъ особенно рельефно подчеркиваетъ въ самомъ элементарномъ, естественномъ, первоначальномъ человѣческомъ представленіи о мірѣ

*) Г. Струве только лишній разъ доказываетъ свое непониманіе «субъективнаго метода», когда отождествляетъ его со скептицизмомъ въ познаніи. Рекомендую ему обратиться къ т. IV соч. Н. М—го, гдѣ онъ найдетъ доказательство, что скептицизмъ, конечно, законенъ лишь какъ «первая ступень, подготовительный пріемъ къ обладанію правдой», но что успокоиться, остановиться на немъ нельзя.

**) Н. К. Михайловскій, I, стр. 64.

скрытую *гипотезу*, заключающуюся въ признаніи за движеніями другихъ людей болѣе, чѣмъ чисто механическаго значенія *). Въ журналѣ Авенаріуса („Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie") мы встрѣчаемъ, между прочимъ, чрезвычайно любопытную статейку Э. Вахлера о методѣ историческихъ изслѣдованій **). Вахлеръ также, конечно, исходитъ изъ той предпосылки, что необходимо „психологическое дополненіе" непосредственно воспринимаемаго историкомъ, освѣщеніе голыхъ фактовъ умозаключеніями, мотивировкой историческихъ дѣйствій. И всякій историкъ „создаетъ себѣ субъективное пониманіе, потому что его принуждаетъ къ этому потребность въ причинномъ связываніи событій". Попытка почти совсѣмъ обойти субъективное (во вкусѣ объективизма Ранке) цѣли не достигаетъ, а только „изъ опасенія впасть въ субъективность смываетъ съ историческихъ фигуръ всѣ яркія краски; ихъ историческое значеніе безмѣрно затемняется, ослабляется, разжижается; наконецъ, является даже труднымъ понимать ихъ дѣйствія". Словомъ, заявляетъ Вахлеръ, „исторія, какъ чуждое всего субъективнаго констатированіе и описаніе событій... кажется мнѣ невозможной. Въ качествѣ единственнаго способа писанія исторіи, которое съ наибольшей степенью вѣроятности можно назвать „объективнымъ" и „подлиннымъ" — приходится разсматривать замѣтки хронологическихъ таблицъ". „Но—не говоря уже объ объективной обработкѣ, есть ли для нея вообще объективные матеріалы?" Вахлеръ доказываетъ, что большинство наиболѣе цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ также состоитъ „изъ пестраго ряда своеобразныхъ освѣщеній событій". Возьмемъ хотя бы разсказы и воспоминанія современниковъ. „Каждый переживаетъ и объясняетъ то же самое событіе на особый ладъ, сообразно со своимъ характеромъ, жизненнымъ опытомъ и выростающими изъ него міровоззрѣніемъ и партійными взглядами. Каждый получаетъ свое впечатлѣніе, которое и изображаетъ... Какъ матеріальный предметъ различно отражается рядомъ зеркалъ—близкихъ и далекихъ, большихъ и малыхъ, вогнутыхъ и выпуклыхъ—такъ представляется намъ и историческое событіе въ субъективной оцѣнкѣ различныхъ умовъ—какъ самыхъ ограниченныхъ, такъ и наиболѣе свободныхъ отъ предразсудковъ. Все, что можетъ дать историкъ-критикъ, это—средній выводъ и снимокъ съ наиболѣе близкихъ для его духовнаго склада толкованій" ***).

Понятно, что, стоя на такой точкѣ зрѣнія, Вахлеръ очень критически относится къ „объективизму" экономическаго матеріализма, который, чтобы свести къ minimum'у субъективное,

*) См. «Der menschliche Weltbegrift» Leipzig, 1891, s. 7 ff.

**) E. Wachler, «Zur Kritik der historischen Methode», «Viert. f. w. Phil.» 1893, IV. 490.

***) Ср. также Sigwart, Logik, II, s. 609.

приходитъ „къ чудовищнымъ преувеличеніямъ“, стараясь выводить все изъ одной элементарной психологической потребности и утопить все ярко-индивидуальное въ общемассовомъ. Въ томъ же духѣ высказывается и Риккертъ *), отмѣчая въ этомъ стремленіи субъективный моментъ: элементарныя жизненныя потребности есть самое важное для пролетаріата, еще не завоевавшаго себѣ достаточнаго минимума благосостоянія; его идеалъ—демократія и равенство. Субъективно-желательное идеологи пролетаріата превращаютъ въ объективно-реальное, доходя до почти полнаго отрицанія, съ одной стороны—роли единичной личности, съ другой—роли нематеріальныхъ факторовъ исторіи. Видимость объективизма получается здѣсь оттого, что разнообразіе и богатство психологической подкладки исторіи сводятся къ скудости и однообразію. Въ результатѣ получается одна изъ произвольнѣйшихъ историческихъ конструкцій. „А то, что именно представители этого направленія разыгрываютъ изъ себя единственно-научныхъ историковъ въ противоположность старому „субъективному“ писанію исторіи, привноситъ въ эту путаницу, можно сказать, умиротворяюще-юмористическій элементъ“ **). Съ своей стороны и Зиммель находитъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи—которое должно всего ревностнѣе „защищать себя противъ инсинуаціи введенія метафизическихъ предпосылокъ“—на дѣлѣ можетъ достигать этого „лишь путемъ самообмана“; ибо „предположеніе, что всѣ исторически-активные интересы являются только преобразованіемъ и прикрытіемъ матеріальныхъ—это вѣчно-недоказуемое предположеніе очевиднымъ образомъ проистекаетъ изъ *оцѣнки* матеріальныхъ факторовъ жизни со стороны такъ утверждающихъ“. Метафизичность этой предпосылки заключается въ томъ, что эмпирическая дѣйствительность „тысячи разъ показываетъ совершенно иные мотивы, чѣмъ экономическіе“. Здѣсь, слѣдовательно, кромѣ общей психологической, субъективной интерпретаціи событій и надъ ней, имѣется гипотетическая надстройка высшаго порядка, „спускающаяся гораздо глубже доступной наблюденію поверхности явленій“ ***). Словомъ, г. Бердяевъ поступилъ въ высшей степени неосторожно, пытаясь найти своему „объективизму“ и „историческому матеріализму“ союзника въ нѣмецкой критической философіи. Она самымъ безжалостнымъ образомъ поворачивается къ нему тыломъ.

Викторъ Черновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Надо отмѣтить, однако, что Риккерта, какъ и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, отъ русскихъ субъективистовъ невыгодно отличаютъ проскальзывающія у него иногда буржуазно-аристократическія нотки.

**) «Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft», s. 61.

***) Simmel «Die Probleme», s. 85.

У КАЗАКОВЪ.

(Изъ лѣтней поѣздки на Уралъ).

VI.

Въ Январцевѣ.—Казачка-поэтесса.—Казакъ Григорій Терентьевичъ Хохловъ.—Уральскіе «искатели».

Январцевскій поселокъ, Кирсановской станицы, имѣетъ видъ большого села. Въ немъ до 500 домовъ, церковь и—рѣдкое явленіе на Уралѣ—двѣ школы: одна войсковая (до 70 учениковъ), другая—церковно-приходская (45). Въ прежнія времена Январцевскій форпостъ (фарфосъ—какъ называютъ казаки) стоялъ нѣсколько дальше, на ровномъ мѣстѣ, надъ озеромъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія онъ перенесенъ на высокій берегъ Урала, но теперь жители помышляютъ опять о старомъ пепелищѣ. Съ бухарской стороны степной вѣтеръ заметаетъ рѣку пескомъ, и стѣсненное быстрое теченіе рветъ обрывистый берегъ, снося огороды, дома и уже приближаясь къ церковной площади.

Было уже поздно, когда мы въѣхали на эту площадь и остановились противъ дома учителя, Александра Осиповича Токарева, знакомаго моему спутнику. Въ домѣ огней не было, и Макару Егоровичу пришлось нѣкоторое время стучать въ окно, пока, наконецъ, не вспыхнулъ огонекъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ открыли ворота...

Учителя не было дома, онъ отправился въ луга. Дома осталась старушка мать и сестра, которая встрѣтила насъ очень привѣтливо и, по нашей просьбѣ, устроила намъ постель изъ свѣжаго сѣна на дворѣ, подъ телѣгой... Попросивъ любезную хозяйку ни о чемъ болѣе не безпокоиться, мы не могли устоять отъ соблазна—искупаться въ близкомъ Уралѣ. Для этого пришлось спуститься внизъ по крутымъ, очевидно, еще свѣжимъ обрывамъ, надъ которыми, точно испуганные, склонились уже подрытые заборы и старыя бани,

готовые рухнуть съ ближайшимъ половодьемъ... У меня осталось своеобразное воспоминаніе объ этомъ вечернемъ купаніи подъ темнымъ обрывомъ, въ черной глубинѣ сердитаго и быстраго Яика...

Ночью я слышалъ, какъ открылись ворота, въѣзжала телѣга, вбѣгали лошади, кто-то подходилъ къ намъ, съ любопытствомъ разсматривая пришельцевъ. На утро оказалось, что это вернулся съ луговъ хозяинъ...

Это былъ еще молодой человѣкъ, сильно загорѣлый отъ полевыхъ работъ, въ пиджакѣ и казачьей фуражкѣ. За утреннимъ чаемъ мы разговорились, и онъ очень любезно старался сообщить мнѣ все, что могло интересовать заѣзжаго наблюдателя. Между прочимъ, онъ разсказалъ, что въ Январцевѣ жила казачка-поэтесса, М. И. Тушканова. Въ сборникѣ Н. Г. Мякушина я встрѣчалъ ея стихотворенія, сохранившіяся повидимому случайно. Особыми красотами они, правду сказать, не блещутъ. Въ одномъ Тушканова жалуется, что ее „мучитъ страсть стихотворенія“:

Съ перомъ на досугѣ
Горе я дѣлю,
Бумагѣ, какъ другу,
Все я говорю.

Самый фактъ зарожденія этой страсти въ душѣ совершенно необразованной казачки, да еще въ глухомъ казачьемъ поселкѣ, представляетъ, конечно, явленіе интересное, и ея біографія съ этой стороны могла бы дать не мало любопытнаго. Безъ сомнѣнія, это была тихая, но глубокая драма. „Супругъ ужъ старенекъ,—простодушно жалуется поэтесса,—

Порой обижаетъ,
Слишкомъ горяченокъ,—
Писать запрещаетъ...
И мнѣ нѣтъ веселья,
Лишь грущу всегда...

Александръ Осиповичъ разсказывалъ, что послѣ ея смерти осталось много рукописей, но семейные сожгли ихъ, какъ никуда негодный хламъ.

Въ Январцевѣ же оказался другой, еще болѣе интересный человѣкъ. Я уже слышалъ ранѣе, что уральскіе казаки два раза предпринимали очень отдаленныя, чуть не кругосвѣтныя путешествія въ поискахъ „истинной вѣры“. Одинъ изъ этихъ путешественниковъ напечаталъ даже свои похожденія въ мѣстной газетѣ, и редакція издала ихъ потомъ отдѣльной брошюрой. Брошюра, кажется, разошлась въ огра-

ниченномъ количествѣ, и мнѣ приходилось слышать по большей части насмѣшливые разсказы объ этомъ произведенiи казака-путешественника. Мнѣ казалось, однако, что предметъ этотъ заслуживаетъ большаго вниманiя, и я былъ очень заинтересованъ, узнавъ, что одинъ изъ этихъ путешественниковъ (ихъ было трое) живетъ въ Январцевѣ, и что онъ тоже записывалъ свои впечатлѣнiя.

Ради этого мы отложили свой отъѣздъ, и Александръ Осиповичъ послалъ Григорiю Терентьевичу Хохлову приглашенiе—придти къ нему. Долгое время онъ не являлся, но, наконецъ, кусты бесѣдки, въ которой мы сидѣли въ небольшомъ садикѣ учителя, раздвинулись, и, внимательно изучая насъ взглядомъ, вошелъ казакъ среднихъ лѣтъ, крѣпко сложенный, съ густо загорѣлымъ лицомъ и умными черными глазами. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый пиджакъ и на головѣ у него была неизбѣжная казачья фуражка съ малиновымъ околышемъ.

Въ первыя минуты онъ держалъ себя съ почтительной, но чуткой осторожностью и даже подозрительностью. Узнавъ, что его приглашаютъ къ учителю какiе-то прiѣхавшiе ночью люди неизвѣстнаго званiя, онъ подумалъ, что это прибыли миссiонеры для собесѣдованiя о вѣрѣ. А такъ какъ и на Уралѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, къ сожалѣнiю, не рѣдки случаи, когда г-да миссiонеры смѣшиваютъ „слова убѣжденiя“ съ словами и дѣйствiями совершенно другого характера, то казаки-начетчики уже прiучились держаться на сторожѣ.

Узнавъ, что ошибся, онъ охотно присѣлъ къ столу и сказалъ, улыбаясь:

— А мнѣ, видите-ли, парнишка прибѣжалъ и говоритъ:— Ступай, Григорiй Терентьевъ, скоряе. Тамъ прiѣхалъ какой-то изъ Петербурха, такъ ступай!—А, между тѣмъ, вамъ можетъ извѣстно,—прибавилъ онъ какъ бы съ пробудившейся опять подозрительностью,—частныя бесѣды о вѣрѣ не дозволены. Вотъ, извольте посмотрѣть, даже статья есть.

Оказалось, что онъ пришелъ уже вооруженный какимъ-то печатнымъ листкомъ и, указывая на него, продолжалъ:

— За совращенiе православныхъ въ иновѣрiе полагается ссылка въ Сибирь на поселенiе...

— Такъ вѣдь то, Григорiй Терентьевичъ, за совращенiе...

— Мало-ли что? Вы, скажемъ, не совратитесь, да я то, выйдетъ, васъ совращалъ... Всяко бывало! Ну, а мнѣ,—добавилъ онъ, улыбаясь,—своя-то свобода дороже всего. Я и думаю: нѣтъ ужъ, если такъ второй разъ зовутъ,—пойду, но бесѣдовать о вѣрѣ не стану. Лучше-же, если угодно, пусть устроятъ собесѣдованiе формально. Да и то еще сказать: не время, пора рабочая.

Александръ Осиповичъ отвелъ его въ сторону и сказалъ нѣсколько словъ, повидимому, окончательно разсѣявшихъ его опасенія. Узнавъ, что я слышалъ объ его путешествіи и очень интересуюсь имъ, Григорій Терентьевичъ оживился. Разговоръ на эту тему, очевидно, былъ ему даже пріятенъ.

— Да вотъ, погодите, когда...—сказалъ онъ,—я сбѣгаю къ себѣ, принесу свою книжечку.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и принесъ небольшую карманную записную книжку. Переплетъ былъ сильно потертъ, вся книжка видимо видала виды. Раскрывъ ее, я увидѣлъ, что вся она вдоль и поперекъ тѣсно и убористо исписана стариннымъ полу-уставомъ, съ слово-титлами и сокращеніями. Владѣлецъ, очевидно, очень бережно относился къ ней, слѣдя за нею глазами, какъ будто за дорогой и хрупкой вещью.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что въ лицѣ Григорія Терентьевича Хохлова и его двухъ товарищей-казаковъ современный старообрядческій Уралъ посылалъ въ невѣдомыя, а отчасти даже чудесныя страны какъ бы экспедицію въ поискахъ истинной вѣры. Депутаты добросовѣстно исполнили порученіе. Они отправились въ Константинополь, проѣхали Архипелагомъ, побывали въ Малой Азіи, Іерусалимѣ, проѣхали Суэцскимъ каналомъ и Краснымъ моремъ, обогнули Индостанъ и Индокитай, разспрашивали о русскихъ церквахъ на островахъ, населенныхъ дикарями, были въ Китаѣ и въ Опоньскомъ царствѣ и, переходя отъ надежды къ разочарованіямъ, не найдя нигдѣ признаковъ „истинной вѣры" и „древляго благочестія",—вернулись послѣ многихъ приключеній черезъ Сибирь на родину... Въ маленькую книжку свою Григорій Терентьевичъ заносилъ при этомъ славянскими буквами всѣ факты и впечатлѣнія пути, втискивая ихъ, при помощи слово-титлъ и сокращеній на эти тѣсныя страницы, и теперь, заглядывая въ нее—онъ развертывалъ передо мною любопытные эпизоды этой своеобразной экспедиціи.

Около двухъ часовъ просидѣли мы въ бесѣдкѣ январцевскаго учителя, слушая любопытные разсказы этого современнаго землепроходца, а затѣмъ мнѣ удалось убѣдить Григорія Терентьевича перевести полу-славянскій текстъ его книжки на общеупотребительный языкъ и изложить его гражданскими письменами. Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня за то, что, сдѣлавъ нѣкоторое отступленіе, я изложу здѣсь нижеслѣдующее.

Путешествіе уральскихъ казаковъ въ Бѣловодское Царство.

Прежде, однако, нѣсколько вступительныхъ словъ.

По своему религіозному настроенію Уралъ глубоко-консервативенъ. Въ одной статьѣ мѣстной газеты мнѣ попалось перечисленіе толковъ, между которыми распредѣляется населеніе большой казачьей станицы. Тутъ есть *поморцы* или перекрещеные, признающіе, что въ господствующей церкви воцарился антихристъ, и потому принимающіе обращенныхъ не иначе, какъ послѣ второго крещенія; *ѳедосѣевцы* или *чистенькіе;* отрицающіе бракъ; *дырники*, молящіеся на востокъ и притомъ преимущественно подъ открытымъ небомъ; чтобы примирить это требованіе съ условіями климата, они прорубаютъ отверстіе въ восточной стѣнѣ дома и молятся, глядя въ него, на небо; есть признающіе священство *австрійцы, окружники*, принявшіе Бѣлокриницкую іерархію, основанную греческимъ епископомъ Амвросіемъ; *бѣглопоповцы*, сманивающіе священниковъ у господствующей церкви. Есть и *единовѣрцы*, но особенно много такъ называемыхъ *никудышниковъ*, не признающихъ никакихъ компромиссовъ и потому не ходящихъ *никуда*, гдѣ молитвы совершаютъ австрійскіе-ли, единовѣрческіе или бѣглые священники.

Не смотря, однако, на эти различія, вражду и споры, всѣ эти толки объединены одной общей всѣмъ идеей. Всѣ они признаютъ существованіе нѣкоторой формулы, состоящей изъ совокупности догматовъ и обрядовъ, въ которой и только въ ней одной спасеніе. Но эта формула дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока въ ней не измѣнена ни одна буква, ни одна іота или титло. Малѣйшее нарушеніе обращаетъ ее, наоборотъ, въ орудіе гибели, независимо отъ внутренняго чувства, которое человѣкъ влагаетъ въ эти внѣшніе символы. Отчасти подъ вліяніемъ такого настроенія Никонъ вводилъ, сурово и прямолинейно, свои исправленія, а Питиримъ проклиналъ и казнилъ двуперстниковъ. Но старообрядческій міръ съ встрѣчнымъ упорствомъ всталъ за старую вѣру. По мнѣнію приверженцевъ древляго благочестія, Никоновскія новшества, наоборотъ, нарушили спасительную формулу и не только лишили ее таинственной силы, но обратили въ орудіе антихриста.

Однако, всѣ старообрядцы признаютъ самую формулу и даже радикальнѣйшіе изъ безпоповцевъ, никудышники, не отрицаютъ священства въ идеѣ. Но въ то время, какъ австрійцы, напримѣръ, успокоились, „перемазавъ“ для очищенія отъ ереси безмѣстнаго греческаго епископа Амвросія, а

бѣглопоповцы похищаютъ благодать по частямъ у господствующей церкви въ лицѣ бѣглыхъ священниковъ,—никудышникъ не идетъ на компромиссы и только тоскуетъ о благодати, не признавая ея ни въ одной изъ существующихъ церквей.

На этой почвѣ возникла странная, почти волшебная сказка, которой, однако, долго вѣрилъ, а отчасти и теперь еще вѣритъ старообрядческій міръ. Исторія всего раскола проникнута этой поэтически заманчивой, я-бы сказалъ даже—романтической иллюзіей. „Тамъ, за далью непогоды“ рисуется темному и мечтательному воображенію блаженная страна, въ которой промысломъ божіемъ и случайностями исторіи—сохранилась и процвѣтаетъ во всей неприкосновенности полная и цѣльная формула благодати. Это настоящая сказочная страна всѣхъ вѣковъ и народовъ, окрашенная только старообрядческимъ настроеніемъ. Въ ней, насажденная апостоломъ Ѳомой, цвѣтетъ истинная вѣра, съ церквями, епископами, патріархомъ и благочестивыми царями. Среди другихъ, преимущественно ассирскихъ, тамъ есть также и болѣе 40 русскихъ церквей. Ни татьбы, ни убійства, ни корысти царство это не знаетъ, такъ какъ истинная вѣра сопровождается тамъ и истиннымъ благочестіемъ.

Страна эта называется Камбайскимъ царствомъ или Бѣловодіей. Проникнуть въ нее очень трудно, однако, смѣлые люди всетаки проникали и составили нѣсколько описаній. Изъ этихъ описаній или „маршрутовъ“ (какъ по военному называютъ ихъ казаки), по словамъ Григорія Терентьевича Хохлова, особеннымъ распространеніемъ пользовался на Уралѣ маршрутъ извѣстнаго инока Марка (топозерской обители), который, будто-бы, лично посѣтивъ Бѣловодію и вернувшись въ Россію, „подтверждалъ свое путешествіе евангельскимъ словомъ“ *).

Было это еще въ XVIII столѣтіи и съ тѣхъ поръ маршрутъ ходилъ по рукамъ въ рукописныхъ спискахъ и жадно читался по станицамъ, возбуждая въ предпріимчивыхъ уральцахъ желаніе проникнуть въ чудную страну. По словамъ Григорія Терентьевича Хохлова, на съѣздахъ казаковъ старообрядцевъ вопросъ этотъ подымался много разъ, но путешествіе пугало своими трудностями и неопредѣленностью „маршрута“. Въ 60-хъ годахъ истекшаго вѣка донской казакъ Дмитрій Петровичъ Шапошниковъ, житель Новочеркасска, ассигновалъ на путешествіе довольно значительную сумму, но съ вызовомъ смѣльчаковъ Донъ обратился къ Уралу. Уральцы согласились, и ихъ выборъ палъ на казака Голов-

*) Объ этомъ инокѣ Маркѣ и его сказаніи писалъ П. И. Мельниковъ.

скаго поселка Варсонофія Барышникова съ двумя товарищами. Барышниковъ отправился въ путь, побывалъ въ Константинополѣ, Малой Азіи, на Малабарскомъ берегу и даже въ Остъ-Индіи. Но до предѣловъ Камбайскаго (Камбоджа?) и Опоньскаго (очевидно, Японскаго) Царства за какими-то препятствіями не доѣхалъ, и такимъ образомъ ни положительной, ни отрицательной цѣли эта экспедиція не достигла. Заманчивая Бѣловодія попрежнему осталась за далью морей, въ таинственномъ и непроницаемомъ туманѣ.

Но вотъ, черезъ нѣкоторое время на Уралѣ пронесся слухъ, что въ Пермской губерніи появился живой выходецъ изъ Бѣловодіи, въ лицѣ нѣкоего Аркадія, именующаго себя архіепископомъ Бѣловодскаго ставленія и въ свою очередь ставящаго поповъ и епископовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самые радикальные безпоповцы, отвергавшіе бѣлокриницкое и всякое иное священство,—приняли Аркадія съ умиленіемъ и вѣрой.

Я видѣлъ портретъ этого страннаго „архіепископа", происхожденіе котораго даже послѣ нѣсколькихъ случаевъ судимости нельзя установить вполнѣ точно. По даннымъ его біографіи, это человѣкъ необыкновенно предпріимчивый, способный, человѣкъ, какъ говорится, „съ мечтой" и огромной энергіей. Въ прежнія, быть можетъ еще недавнія времена, онъ могъ бы, вѣроятно, увлечь многихъ, но теперь уже запоздалъ, и встрѣтилъ на свѣтѣ слишкомъ много критики и недовѣрія.

Казаки отрядили къ „архіепископу" депутацію, въ которой принялъ участіе тотъ же Барышниковъ, уже разъ путешествовавшій въ Бѣловодію и своими разспросами о „маршрутѣ" поставившій епископа въ крайнее затрудненіе. Барышниковъ вернулся съ убѣжденіемъ, что Аркадій—простой самозванецъ.

Это, однако, не остановило попытокъ Аркадія. Черезъ нѣкоторое время онъ всетаки проникъ на Уралъ, посѣтивъ поселокъ С., гдѣ успѣлъ убѣдить почетнаго казака С—на. Получивъ такимъ образомъ точку опоры, Аркадій поставилъ двухъ поповъ и архимандрита.

Однако, успѣхи его не шли дальше, и это чрезвычайно характерно для того двойственнаго состоянія умовъ, въ которомъ находится огромная часть нашего народа. Съ одной стороны, наивное невѣжество, доходящее до признанія „русскихъ народовъ" въ Бѣловодскомъ царствѣ, съ другой — осторожная критика и недовѣріе. Казаки прибавили къ этому еще готовность самыхъ тщательныхъ не только богословскихъ и даже географическихъ изысканій.

Нѣкоторыя бесѣды казаковъ съ самимъ архіепископомъ и его послѣдователями чрезвычайно характерны и любопытны.

Григорій Терентьевичъ передаетъ свой разговоръ съ архимандритомъ Израилемъ, человѣкомъ простымъ, даже неграмотнымъ, повидимому, искренно повѣрившимъ Аркадію и принявшимъ отъ него свое званіе. „Отецъ Израиль,—спросилъ у него Хохловъ.—Скажите, Бога ради, чѣмъ вы могли увѣриться въ истинности архіепископскаго званія самого Аркадія, который возвелъ васъ въ санъ архимандрита?“ Простодушный Израиль отвѣтилъ на это разсказомъ изъ писанія. По его словамъ,— нѣкогда два старца были посланы отъ христіанъ на поклоненіе св. мѣстамъ съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, они принесли съ собой частичку святыни. Старцы посѣтили св. мѣста и только на обратномъ пути вспомнили, что отъ святыхъ мѣстъ ничего (вещественнаго) не взяли. Тогда, убоясь упрековъ, они рѣшили такъ: возьмемъ простую вещицу на подобіе святыни и скажемъ братіи: „принесохомъ отъ святыхъ мѣстъ“. По приходѣ старцы показали братіи лже-святыню. И вотъ къ нимъ повезли больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, и разныхъ калѣкъ, которые съ вѣрою и чистой совѣстью приступали къ мнимой святынѣ и по своей вѣрѣ получали исцѣленіе. Продолжалось это до тѣхъ поръ, пока старцы не признались явно въ своемъ обманѣ. Только тогда отъ мнимой святыни больнымъ „отрада быть прекратилась“.—„Такъ вотъ и я—закончилъ Израиль—вѣрю страшнымъ клятвамъ Аркадія, что онъ принялъ санъ архіепископа отъ патріарха Мелетія въ Камбайскомъ царствѣ Восточнаго Индокитайскаго полуострова. Когда онъ признается въ своей несправедливости,—я откажусь отъ него, а пока по чистой совѣсти вѣрю его евангельской клятвѣ, — то и надѣюсь получить душѣ спасеніе“.

Эта простодушная формула слѣпой вѣры, не разсуждающей и не сомнѣвающейся, встрѣтила, однако, въ наши дни сильный отпоръ. Нашлись даже тексты изъ номоканона, предусмотрѣвшіе такое духовное самозванство: „Божіе убо лицемѣрствующихъ, безбожныхъ-же сущихъ и противныхъ Богу...“

Впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомиться съ двумя казаками Кругло-озерной станицы, которые бесѣдовали съ самимъ Аркадіемъ. Оба они безпоповцы, начетчики, знающіе священное писаніе, люди умные, страстно преданные своей вѣрѣ, готовые повѣрить въ существованіе чудесной Бѣловодіи, но въ то же время чрезвычайно осторожные и подозрительные. Въ обоихъ этихъ посланцахъ Аркадій, очевидно, сразу почувствовалъ тотъ пытливый скептицизмъ, который доставилъ ему не мало затрудненій на Уралѣ. Казаки явились къ нему въ Оханскъ (гдѣ онъ живетъ подъ надзоромъ полиціи по рѣшенію суда) съ просьбой ѣхать съ ними и дать доказательства своего званія. Аркадій наотрѣзъ отказался

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—меня уже разъ возили такіе-же. Отняли на дорогѣ 75 рублей денегъ и оставили нага и боса.

— Отче,—отвѣтили казаки-начетчики:—аще-ли на земли сокровища собираешь? Вспомни, какъ поступали апостолы.

Аркадій спохватился и поправился:

— Вы, пожалуй, и меня-то убьете,—сказалъ онъ.

— Отче,—отвѣтилъ опять посланецъ:—аще убіенъ будеши на пути проповѣдническомъ,—имаши вѣнецъ мученическій и внидеши въ царствіе небесное.

— Иди отъ меня, сатана!—закричалъ Аркадій.—Вы, маловѣры, мнѣ не надобны. Ежели въ Бога вѣришь, то и въ меня вѣрь, потому что я посланецъ Божій...

— Вѣруемъ, владыко,—тонко отвѣтили казаки, еще не знавшіе вполнѣ, какъ понимать этого человѣка.—Помоги нашему невѣрію.

— Ну, а когда подлинно вѣрите, то какія вамъ доказательства?.. Вѣрующій не испытуетъ, но пріемлетъ. Идите съ миромъ и да будетъ по вѣрѣ вашей...

Эти два теченія — безотчетной вѣры въ „Бѣловодскую мечту“ и недовѣріе къ Аркадію привели, наконецъ, казаковъ къ рѣшенію послать новую депутацію въ Камбайское царство. И вотъ въ то самое время, какъ въ центрахъ и на вершинахъ нашей культуры говорили о Нансенѣ, о смѣломъ проектѣ Андрэ и о шансахъ достиженія сѣвернаго полюса, въ далекихъ уральскихъ станицахъ шли толки о Бѣловодскомъ царствѣ и готовилась своя собственная религіозно-ученая экспедиція.

25 января 1898 года на съѣздѣ въ Кирсановскомъ поселкѣ избрана новая „депутація“, въ которую вошли по выбору: во 1-хъ, урядникъ Рубехенской станицы Вонифатій Даниловичъ Максимычевъ, во 2-хъ, Онисимъ Варсонофьевъ Барышниковъ (очевидно, сынъ прежняго путешественника, въ лицѣ котораго на поиски Бѣловодіи отправлялось уже второе поколѣніе), и въ 3-хъ—мой январцевскій знакомый, Григорій Терентьевичъ Хохловъ. На расходы ревнителями благочестія было собрано 2500 рублей, да жители города Уральска прибавили 100 рублей. Около половины февраля депутаты подали просьбу атаману о выдачѣ имъ заграничныхъ паспортовъ (въ чемъ помогъ—съ благодарностью прибавляетъ авторъ записокъ — безвозмезднымъ написаніемъ прошенія дѣйствительный студентъ Н. М. Л—нъ). 22 мая они выѣхали изъ Уральска, а 30 мая сѣли на пароходъ, отходившій изъ Одессы въ Константинополь. Съ этого дня, собственно, и началось заграничное путешествіе депутатовъ Урала въ Бѣловодское царство, и среди международной толпы купцовъ, военныхъ, ученыхъ, туристовъ, дипломатовъ, разъѣзжающихъ

по свѣту изъ любопытства или въ поискахъ денегъ, славы и наслажденій—замѣшались три выходца какъ бы изъ другого міра, искавшихъ путей въ чисто-сказочное Бѣловодское царство...

Я, разумѣется, не намѣренъ передавать всѣ подробности этого интереснаго путешествія (въ надеждѣ, что рукопись Г. Т. Хохлова увидитъ свѣтъ во всей своей оригинальной полнотѣ) и ограничусь лишь краткими выдержками. Изъ Одессы наши казаки выѣхали вмѣстѣ съ отрядомъ, отправлявшимся на о. Критъ. „Два хора духовой музыки,—пишетъ авторъ,—унывно играли, отъѣзжающіе солдаты въ печальномъ видѣ стояли на палубѣ.“ Въ Константинополѣ нашихъ казаковъ чуть не арестовали за то, что они пытались провезти съ собой револьверы. Этотъ случай доставилъ имъ много затрудненій, потребовалъ вмѣшательства русскаго консула и заставилъ впослѣдствіи быть осторожнѣе. Въ дальнѣйшемъ путешествіи казаки попрежнему не разставались съ оружіемъ, но прятали его какъ-то такъ (воинскій секретъ!), что никакое „таможенство“ не могло разыскать ни револьверовъ, ни патроновъ.

Пребываніемъ въ Константинополѣ казаки воспользовались, между прочимъ, чтобы обратиться къ патріарху съ своего рода дипломатической нотой. Всѣмъ, я думаю, извѣстна исторія босносараевскаго митрополита Амвросія, который въ 40-хъ годахъ по какимъ то политическимъ причинамъ былъ отозванъ изъ своей епархіи и проживалъ (безъ лишенія сана) въ Константинополѣ. Въ это время къ нему явились послы австрійскихъ стаообрядцевъ, Павелъ и Алимпій, и вступили въ переговоры на предметъ перехода митрополита въ строобрядчество. Для доказательства, что Амвросій „не лишенъ благодати“, они потребовали, чтобы онъ отслужилъ публично литургію и послѣ этого увезли его въ Бѣлую Криницу. Такъ у старообрядцевъ явился собственный епископъ и основалась австрійская іерархія.—Эпизодъ этотъ, въ свое время, доставилъ много дипломатическихъ затрудненій и константинопольскому патріархату, и австрійскому правительству, а нѣкоторыя обстоятельства этого „похищенія“ до сихъ поръ покрыты покровомъ дипломатической тайны, въ раскрытіи которой очень заинтересованъ весь старообрядческій міръ. И вотъ, 2-го іюня 1898 года въ канцелярію вселенскаго патріарха въ Фанарѣ явились три уральскіе казака и на вопросъ (по русски) со стороны патріаршаго секретаря Христопапа-Іоанну, что имъ нужно,—отвѣтили, что они хотятъ предложить въ патріархатѣ нѣсколько „вопросовъ“.—„О чемъ же это замѣчательное дознаніе?“—спросилъ, усмѣхнувшись, секретарь и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ то, что сказали

бы во всякой канцеляріи, т. е. что „нужно подать прошеніе на бумагѣ.“ 3-го іюня казаки обдумывали и составляли это „прошеніе“ или скорѣе „ноту“ старообрядческаго міра, обращенную къ патріарху, а 4-го оно уже поступило въ патріархатъ. Гласило оно такъ (передаю точно):

„Ваше святѣйшество!“

„Нижеподписавшіеся представители старообрядцевъ уральскаго края въ Россіи, подвергая Вашему Святѣйшеству и Святѣйшему Синоду Патріаршему: На обсужденіе нижеслѣдующихъ шесть вопросовъ, мы имѣемъ честь покорнѣйше просить Ваше Святѣйшество не отказать выдать письменно отвѣтъ на нихъ.

«Вопросъ 1-й: По какой винѣ былъ отозванъ съ каѳедры митрополитъ Босносараевскій Амвросій въ 1840 году? Вопросъ 2-й: Былъ-ли произведенъ судъ Амвросію отъ синодальнаго начальства по отозваніи съ каѳедры боснійской? Вопросъ 3-ій: Остался-ли Амвросій при своемъ санѣ Митрополита послѣ суда, ежели былъ надъ нимъ судъ? Вопросъ 4-й: Литургисалъ-ли онъ въ облаченіи архіерея на сопрестолѣ въ какой либо церкви по отозваніи съ каѳедры послѣ 1840 года? Вопросъ 5-й: Какія свѣдѣнія имѣются въ патріархіи о смерти Амвросія: умеръ ли онъ въ соединеніи съ православною греческою церковью или до конца оставался соединеннымъ съ старообрядцами въ Австріи? Вопросъ 6-й (самый интересный!): Какое значеніе имѣетъ фраза въ 5-мъ пунктѣ даннаго изъ патріархіи въ 1876 г. старообрядцамъ отвѣта объ Амвросіи? Значитъ-ли она, что Амвросій былъ подъ запрещеніемъ или что онъ жилъ въ Константинополѣ безъ мѣста?

Константинополь, 3 іюня 1898 года.

«Вашего Святѣйшества покорнѣйшіе слуги уральскаго войска казаки: Григорій Терентьевъ Хохловъ, урядникъ Вонифатій Даниловъ Максимычевъ, Анисимъ Варсонофьевъ Барышниковъ».

Отвѣтъ на эти вопросы, точное рѣшеніе которыхъ моглобы, дѣйствительно, оказать огромное вліяніе на настроеніе старообрядческаго міра,—смѣлые вопрошатели просили послать черезъ 4 мѣсяца на Уралъ. Нѣтъ, разумѣется, надобности прибавлять, что отвѣта этого не послѣдовало.

На слѣдующій день нашимъ казакамъ пришлось испытать довольно сильное ощущеніе, когда, по пути въ русское консульство, они воспользовались услугами подземной желѣзной дороги. Имъ указали дорогу въ тунель.

„Вошли мы, — повѣствуетъ Григорій Терентьевичъ,—въ зданіе, на подобіе какой-то магазины: въ срединѣ небольшая комнатка, вокругъ которой масса людей. Подошли мы поближе и усмотрѣли, что изъ этой комнаты человѣкъ въ окно выдаетъ билеты, а въ саженяхъ въ пяти, въ полутемномъ мѣстѣ стоятъ вагоны. Получившіе билеты идутъ къ вагонамъ. Мы также купили билеты и въ числѣ народа пошли въ вагоны. Въ вагонахъ пристроены по двѣ лампы. Черезъ

пять минутъ данъ былъ свистокъ, и вагоны рѣзко двинулись впередъ, подъ землю...

— Не во адъ-ли насъ повезли, товарищи?—сказалъ Максимычевъ.—Везутъ подъ землю, да и паровика нѣтъ... Чѣмъ же двигаются вагоны?

— И я этому удивляюсь,—отвѣтилъ авторъ.

„Однако, минутъ черезъ 5 завидѣлся свѣтъ и выѣхали мы подобно въ такую-же комнату (изъ которой отправились). Вагоны остановились, и мы сошли.—Бѣсъ, никакъ, эти вагоны таскаетъ,—сказалъ я Максимычеву. Но Максимычевъ что-то смотрѣлъ внизу, подъ вагонами.—Эй, смотри, чѣмъ дѣйствуетъ,—закричалъ онъ“. Оказалось, что онъ замѣтилъ приводный ремень и, такимъ образомъ, сомнѣнія относительно басурманской дороги разсѣялись.

Затѣмъ, узнавъ, что въ этотъ день султанъ производитъ смотръ войскамъ, воины-путешественники не могли, конечно, удержаться отъ желанія посмотрѣть это военное зрѣлище и чуть было опять не попали въ непріятную исторію. Пробравшись въ передніе ряды зрителей, они хотѣли пробраться и въ самый дворецъ. Жандармъ, замѣтивъ этихъ странныхъ и подозрительныхъ иностранцевъ съ очевидной военной выправкой, пробирающихся во дворецъ, хотѣлъ арестовать ихъ, но казаки, по картинному выраженію автора записокъ, „дали вилка и скрылись въ густой толпѣ“. „Тутъ опять подошелъ къ нимъ турокъ и занялся разговоромъ“. Оказалось, что онъ былъ въ Харьковѣ съ плѣннымъ Османомъ и узналъ русскихъ по говору и наружности. Завязался разговоръ о прошлой войнѣ больше, повидимому, жестами, и казаки очень выразительно старались напомнить туркамъ, кто былъ побѣдителемъ. „Мы—говорили казаки,—турка гонялъ!“ и при семъ „показывали ему признакъ руками“. Турокъ перевелъ другимъ эти и безъ того понятныя рѣчи; въ толпѣ стали смотрѣть на казаковъ „недобрыми взглядами“ и, пожалуй, дѣло бы этимъ не ограничилось, если бы испуганный вожакъ (какой-то русско-турецкій бродяга) не увелъ ихъ въ другое мѣсто. „Васъ убьютъ,—сказалъ онъ казакамъ,—да и мнѣ съ вами не уйти“.

7-го іюня казаки посѣтили церковь, называемую Балыклы, съ которой связано преданіе о завоеваніи Константинополя. По этому преданію, царь Константинъ завтракалъ на этомъ мѣстѣ, когда ему сообщили, что турки ворвались въ городъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію, пока „обжаренныя рыбы не соскочили со сковороды въ воду“. Въ церкви есть бассейнъ, къ которому наши казаки подошли вмѣстѣ съ народомъ. „Я наклонился,—пишетъ авторъ,—и сталъ смотрѣть въ родникъ.—Увидалъ одну рыбу, величиной вершка 3—4“.

Тѣ-ли это рыбки, которыя упали со сковороды несчастнаго царя,—онъ сказать не можетъ. О тѣхъ передаютъ, „что одна сторона у нихъ бѣлая, а другая ожаренная, темнокрасная".

10 іюня путники выѣхали изъ Константинополя, а 11-го уже „туманно завиднѣлись скалистыя горы Аѳона". Здѣсь авторъ мимоходомъ разсказываетъ о страшныхъ „автоподахъ", имѣющихъ „по 12 ногъ, долготой по 5 четвертей каждая и толщиною въ человѣческую руку". Когда человѣкъ купается, автоподъ подкрадывается къ нему, хватаетъ его за руки и ноги, и человѣкъ отъ автопода погибаетъ въ морѣ. Избавиться отъ гибели можно только хладнокровіемъ и самообладаніемъ: необходимо схватить автопода за оба глаза...

При посѣщеніи въ Салоникахъ бывшей церкви Дмитрія Солунскаго (обращенной въ мечеть), — какой то „турецкій монахъ", показывавшій церковь, возбудилъ было сильное подозрѣніе казаковъ, попавшихъ въ темные и узкіе переходы. Авторъ уже приготовилъ ножъ, чтобы при первыхъ подозрительнхыъ признакахъ „всадить злодѣю въ животъ"... „Турецкій монахъ", вѣроятно, и не подозрѣвалъ, какъ близокъ онъ былъ въ эту минуту къ порогу магометова рая. Къ счастью, освоившись съ темнотой, казаки увидѣли, что ихъ привели не въ басурманскій разбойничій вертепъ, а дѣйствительно къ гробницѣ. Образъ Дмитрія Солунскаго пробудилъ скептицизмъ казаковъ своей славянской надписью. „Этому мы не мало удивились,—пишетъ авторъ,—такъ какъ мѣстность Салоники принадлежала раньше грекамъ, и письмо должно бы быть на греческомъ языкѣ... Не два-ли образа имѣются въ этой темной комнатѣ: для русскихъ поклонниковъ съ славянской надписью, а для грековъ—по гречески"... „Всемогущій Богъ за грѣхи наши попустилъ обладать святыя мѣста невѣрнымъ народамъ,—прибавляетъ авторъ,—и какъ въ этомъ мѣстѣ признать святыню,—объ этомъ предоставляю на обсужденіе каждому читателю"... Въ городѣ Лемносѣ, на о-вѣ Кипрѣ казаки спросили у провожатаго араба—нѣтъ ли здѣсь христіанской церкви? Арабъ отвѣтилъ, что есть, и повелъ ихъ туда, но на дорогѣ имъ попался священникъ. Это былъ „человѣкъ высокаго роста, среднихъ лѣтъ, немного побѣлѣе араба... На плечахъ у него была надѣта черная куртка, панталоны высоко приподняты"... Но что всего болѣе поразило искателей древляго благочестія—„въ одной рукѣ онъ держалъ кисетъ, а въ другой трубку съ длиннымъ чубукомъ"... Казаки остановились, внимательно посмотрѣли на эту, безъ сомнѣнія, довольно живописную фигуру, „и съ тѣмъ пошли обратно на пароходъ, не заходя уже въ церковь"...

Къ городу Ларнаку пароходъ подошелъ въ сильный вѣтеръ. „Море ужасно расколыхалось, пароходъ то подымался

на хребетъ волнъ, то опускался внизъ, какъ въ пропасть". Однако, услыхавъ, что здѣсь есть икона Богоматери, писанная, по преданію, евангелистомъ Лукою,—двое изъ нихъ рѣшились съѣхать на берегъ. На возраженіе третьяго товарища,—они „перекрестили себя крестнымъ знаменіемъ и сказали: пусть будетъ надъ нами воля Божія, пусть поглотятъ насъ морскія волны и вода послужитъ намъ гробомъ... а не видавши древняго написанія образъ Богоматери съ предвѣчнымъ,—не возворотимся".

Я пропускаю описаніе Іерусалима и его окрестностей. Здѣсь легкое движеніе скептицизма, которое проснулось въ Солунской мечети, совершенно затихло, и казаки съ безотчетнымъ благоговѣніемъ осматривали всѣ дѣйствительныя и мнимыя достопримѣчательности и святыни, не подозрѣвая, какая сѣть лжи и обмана раскинута теперь (и притомъ христіанскими руками) надъ святою землей *). Они видѣли, между прочимъ, „подлинный домъ" Милосердаго Самарянина и „ту самую смоковницу", на которой сидѣлъ Закхей въ день, когда его посѣтилъ Христосъ (По счастливой случайности, смоковница эта украшаетъ садъ современной гостиницы). Не видали только жены Лотовой, которой „въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она окаменѣла": „ее уже давнымъ давно увезли англичане"...

Въ Портъ-Саидѣ нашихъ путешественниковъ встрѣтила большая непріятность: капитанъ русскаго парохода „Херсонъ" (на которомъ, между прочимъ, ѣхали на востокъ сосѣди уральцевъ—оренбургскіе казаки) отказался принять ихъ, не смотря на усиленныя ихъ просьбы и даже на заступничество „начальника Палестинскаго общества". Сильно нагруженный „Херсонъ" вскорѣ ушелъ въ море, а казакамъ предстояло или ждать новаго русскаго судна цѣлый мѣсяцъ, или пуститься въ дальнѣйшее плаваніе на иностранномъ пароходѣ, гдѣ ни ихъ никто, ни они никого не понимали. 9 іюля они сѣли на французскій пароходъ, вызвавъ общее любопытство пассажировъ. На вопросы съ перечисленіемъ разныхъ національностей, казаки отвѣчали одно слово „но", и, наконецъ, сказали „Моску" (такъ какъ, по словамъ автора, „европейцы русскій народъ называютъ Моску"). Французы стали жать имъ руки и принесли винограднаго вина, желая, очевидно, закрѣпить франко-русскій союзъ обильнымъ угощеніемъ нашихъ соотечественниковъ. Но искатели вѣры не употребляли ни вина, ни кофе, ни чаю, и, такимъ образомъ, почвы для закрѣпленія союза не оказалось.

---

*) Въ этомъ отношеніи поучительны даже нѣкоторыя разоблаченія, сдѣланныя органомъ нашего Палестинскаго общества.

Въ Суецскомъ каналѣ вниманіе казаковъ было занято совершенно особеннымъ обстоятельствомъ. Едва-ли кто-нибудь изъ пассажировъ корабля, освѣщеннаго электричествомъ и далеко впереди себя кидавшаго снопы электрическаго свѣта, думалъ въ эти минуты о томъ, что нѣкогда въ этихъ мѣстахъ „Моисей-Боговидецъ перешелъ яко по суху съ израильскимъ народомъ“. Думали объ этомъ одни наши путники. Имъ говорили раньше: „когда поѣдете Краснымъ моремъ, увидите фараоновъ. Вылазіютъ изъ моря и кричатъ людямъ: „Скоро-ли будетъ свѣту преставленіе?“ Но они проѣхали Чермное море изъ края въ край и нигдѣ водяныхъ фараоновъ не видѣли. Только разъ,—иронически прибавляетъ авторъ,—спугнули на берегу какихъ-то „фараоновъ“-купальщиковъ, которые убѣжали въ пески, а въ морѣ всплывали косяками лишь „адельфины, бѣжавшіе по обѣимъ сторонамъ за пароходомъ“...

Индѣйскій океанъ при выходѣ изъ Краснаго моря встрѣтилъ ихъ бурными волнами, которыя издали казались скалами. „Пароходъ заигралъ подъ нами, началъ поваливаться съ боку на бокъ, такъ что даже бортами черпалъ воду“. Веселые французы, которые раньше пѣли пѣсни, теперь валялись на койкахъ. Пятеро сутокъ дулъ вѣтеръ, и разсказчикъ въ теченіе всего времени не ѣлъ и не пилъ. Только здѣсь, въ бурномъ океанѣ, среди чужого языка, вдали отъ знакомыхъ хоть по наслышкѣ мѣстъ—наши путники оцѣнили все значеніе своего предпріятія...

Изъ всего, что я привелъ выше, читатель также можетъ оцѣнить его. Безъ языка, съ географическими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ „маршлутовъ“ миѳическаго инока Марка и загадочнаго архіепископа Аркадія, съ взглядами четіихъ-миней и цвѣтниковъ, съ міросозерцаніемъ, допускающимъ существованіе живыхъ ожаренныхъ рыбъ, путешествій во адъ и появленія фараоновъ, они плыли съ невѣдомыми людьми, по невѣдомымъ морямъ, съ чувствами, напоминающими если не Одиссея, то во всякомъ случаѣ людей XV или XVI столѣтія... А впереди, за этими невѣдомыми морями ихъ манила чудесная, таинственная, загадочная и... чего добраго, пожалуй, даже не существующая Бѣловодія!..

Такимъ образомъ, непосредственно за этими грозными валами океана, которые показались имъ бѣлыми скалами, начиналась область изслѣдованія нашихъ путниковъ. Въ писаніяхъ „архіепископа“, которыя теперь должны были служить для нихъ главною путеводною нитью, предѣлы Бѣловодскаго царства зачерчены необыкновенно широко и неопредѣленно: „Есть на востокѣ за сѣвернымъ, а къ южной странѣ за Магелланскимъ проливомъ, а къ западной странѣ за

южнымъ или тихимъ моремъ славяно-бѣловодское царство, земля патагоновъ (!), въ которомъ живетъ царь и патріархъ. Вѣра у нихъ греческаго закона, православно ассирійскаго или попросту сказать сирскаго языка... Царь тамо христіанскій, въ то время былъ Григорій Владиміровичъ, а царицу звали Глафира Іосифовна. А патріарха звали Мелетій. Городъ, по ихъ названію бѣловодскому Трапезанчунсикъ, а по русски перевести — значитъ Банконъ (онъ же и Левекъ). А другой ихъ-же столичный городъ Гридабадъ... Ересей и расколовъ, какъ въ Россіи, тамъ нѣтъ, обману, грабежу, убійства и лжи нѣтъ же, но во всѣхъ—едино сердце и едина любовь" *).

Таковы были свѣдѣнія о предѣлахъ и примѣтахъ искомаго Бѣловодскаго (или Камбайскаго) царства, религіозное вліяніе котораго простирается, однако, гораздо далѣе этихъ предѣловъ. На ставленныхъ грамотахъ, которыя показывалъ Аркадій,—„смиренный патріархъ Мелетій" именуетъ себя „Божіею милостію патріархъ славянобѣловодскій, камбайскій, японскій, индостанскій, индіянскій, англоиндійскій, Остъ-индіи, юстъ-индіи и фестъ-индіи, и африки, и америки, и земли хили, и магелланскія земли, и бразиліи, и абасиніи"...

20 іюля путники прибыли къ городу „Колумбѣ" (Коломбо на островѣ Цейлонѣ) который уже нерѣдко упоминается въ обманно-апокрифической литературѣ, выросшей на почвѣ простодушной вѣры въ Бѣловодію. 24 іюля передъ ихъ глазами потянулся цвѣтущій берегъ Малакки, и вскорѣ пароходъ присталъ къ Сингапуру. Здѣсь ихъ очень удивили мѣстные извозчики, которые, „не имѣя на себѣ ни рубахъ, ни штановъ",—сами входятъ въ оглобли и возятъ на себѣ людей. Одинъ изъ такихъ „извозчиковъ"—на требованіе казаковъ доставить ихъ въ русское консульство,—долго возилъ ихъ по городу, и, наконецъ, привезъ къ какому-то магазину и заявилъ „русска, русска". Изъ магазина, однако, показался хозяинъ, „человѣкъ лѣтъ 25, высокаго роста, борода и усы выбритые, не имѣя на себѣ ни рубахи, ни штановъ, какъ говорится въ чемъ мамынька родила". Въ магазинѣ извозчикъ потребовалъ плату, которая казакамъ показалась слишкомъ высокой. Григорій Терентьевичъ Хохловъ „вскочилъ со стула и хотѣлъ его ударить врасплохъ, чтобы онъ вылетѣлъ изъ магазина". „Я, говоритъ, съ тобой раздѣлаюсь по казачьи, будешь помнить, какъ грабить русскаго человѣка". Къ счастью, урядникъ Максимычевъ удержалъ его. „Далеко мы за-

---

*) Эту цитату беру изъ доставленныхъ мнѣ казаками же «Пермскихъ губ. Вѣдомостей», гдѣ напечатана автобіографія «епископа» Аркадія (№ 253, 1899).

ѣхали—сказалъ онъ,—и нашихъ кулаковъ на всѣхъ здѣсь не хватитъ“.

Наконецъ, послѣ многихъ еще недоразумѣній, казаки попали таки въ русское консульство. Здѣсь на дворѣ, за столомъ они нашли трехъ соотечественниковъ,—двухъ мужчинъ и женщину,—съ которыми вступили въ разговоръ.

— Мы разыскиваемъ здѣсь на островахъ русскій народъ,—сказали казаки,—который вышелъ изъ Россіи ста два лѣтъ и болѣе. Нѣтъ-ли гдѣ на этихъ островахъ русскаго православнаго народа?

Имъ отвѣтили, что ничего подобнаго здѣсь нѣтъ.

— „Я въ этой странѣ нахожусь уже 7 лѣтъ,—прибавила женщина,—и не слыхала, чтобы здѣсь на островахъ проживали русскіе, кромѣ того, какъ и мы: гдѣ двое, гдѣ трое“.

Узнавъ, что наши путники ищутъ цѣлое царство, съ церквями, патріархомъ и епископами,—собесѣдники ихъ очень удивились.—„Если на какомъ островѣ есть одинъ русскій—и тотъ намъ извѣстенъ“,—говорили они.—„Не токмо быть здѣсь православнымъ, но даже нѣтъ и вѣрующихъ въ Распятаго, кромѣ одного острова, на которомъ живутъ армяне“.

Такимъ образомъ, одно изъ указаній маршрутовъ было рѣшительно опровергнуто. Огорченные казаки отправились на пароходъ. По дорогѣ они купили арбузъ, который очень обрадовалъ ихъ, напомнивъ родныя бахчи.

— Вотъ этотъ обощь намъ знакомой,—сказалъ Максимычевъ. Но и обощь обманулъ ожиданія. Попробовавъ арбузъ, казаки отплевывались „до трехъ разъ“...

— Теперь,—рѣшили они,—остается доѣхать до Бѣловодіи и Индокитайскаго полуострова, на которыя мѣстности указываетъ Аркадій... Поѣдемъ подальше, не нападемъ ли на слѣдъ того, на что онъ указываетъ,—сказалъ Максимычевъ.

— Необходимо нужно,—отвѣтили остальные.

Огибая полуостровъ Малакку и направляясь къ Сіаму, казаки грустно разговаривали о томъ, что по сличеніи многихъ уже видѣнныхъ мѣстъ,—указанія Аркадія и „маршрутовъ“, повидимому, не сходятся съ дѣйствительностью. На 28-е въ ночь пароходъ достигъ до Камбоджскихъ (т. е. Камбайскихъ) протоковъ и цѣлую ночь блуждалъ между острововъ рѣки Камбоджи. На утренней зарѣ поднялись они къ городу Сайгону и здѣсь, у входа въ „Камбайское царство“ надежда вдругъ улыбнулась нашимъ искателямъ. На самомъ восходѣ солнца, надъ густымъ пушистымъ лѣсомъ понесся вдругъ навстрѣчу пароходу звонъ церковнаго колокола.

— Слышите,—церковный звонъ,—сказалъ Барышниковъ.— Ужѣ не вѣрны-ли разсказы Аркадія?

Какъ только пароходъ подошелъ къ пристани, казаки

спустились по сходнямъ, помѣстились „на двухъ такихъ-же бѣгункоръ“, какъ въ Сингапурѣ, и показали, чтобъ везли ихъ въ направленіи звона. Возчики привезли ихъ на площадь и положили оглобли. Звонъ все еще раздавался, но возчики не понимали, что нужно казакамъ, которые, среди окружавшей ихъ полуголой толпы,—указывали руками въ направленіи колокольнаго звона и говорили только: „донъ, донъ, донъ!“ Въ толпѣ смѣялись, а извозчики настоятельно потребовали разсчета.

Между тѣмъ и руководящій звонъ стихъ. Казакамъ удалось всетаки найти мѣсто, откуда онъ исходилъ, но оказалось, что это была французская церковь, осѣненная четырехъконечнымъ латинскимъ крыжемъ... Не только признаковъ русскаго народа и церквей, но даже и русскаго консульства здѣсь не оказалось. Голые жители мало напоминали древлеблагочестныхъ жителей счастливой Бѣловодіи. Они не только курятъ, но еще жуютъ табакъ, отчего улицы всѣ оплеваны „точно по нимъ пробѣжало какое-нибудь раненое животное“. Въ пищу употребляютъ разныхъ нечистыхъ животныхъ,—въ лавкахъ висятъ на продажу копченыя кошки, собаки, крысы и тому подобная нечисть...

На базарѣ нашихъ путниковъ окружила толпа туземцевъ. „Вѣроятно этотъ народъ никогда не видалъ русскаго человѣка, поэтому они и дивились нашей обрядѣ“, — замѣчаетъ Хохловъ. Одинъ любознательный парень осмѣлился до того, что „ощупалъ наши бороды и подъ бородами оглядѣлъ наши шеи... Не думалъ-ли онъ, что подъ бородами на мѣстѣ горла— нѣтъ ли у насъ другого рта?“

Вернувшись на пристань, казаки узнали, что на одномъ съ ними пароходѣ ѣдетъ русскій, г-нъ К. „прокуроръ морского вѣдомства“. Онъ обрадовался землякамъ и охотно отвѣтилъ на ихъ вопросы. Страна, гдѣ они находились, по его словамъ, „называется въ просторѣчіи Восточно-Индо-Китайскій полуостровъ, жители малайцы, буддійскаго исповѣданія“. Названіе довольно точно совпадало съ тѣмъ, которое упоминалось въ маршрутахъ и грамотахъ Аркадія... Казаки чистосердечно разсказали г-ну К-скому, чего ищутъ, и когда онъ раскрылъ передъ ними карту и сталъ указывать „разные города и урочища“, они просили найти городъ Левекъ. Такого города не оказалось...

Становилось уже довольно яснымъ, что Аркадій—просто, самозванецъ и въ печальномъ разговорѣ съ товарищами, Григорій Терентьевичъ Хохловъ вспомнилъ одинъ случай изъ своего дѣтства: однажды его отцу, тоже „никудышнику“, не устававшему, однако, отыскивать чистые источники „благодати“, сказали во время зимняго лова (багренья), что изъ Петербурга вер-

нулся казакъ-гвардеецъ, которому удалось видѣть „настоящаго священника". Отецъ разсказчика въ тотъ-же вечеръ розыскалъ гвардейца, и тотъ, сидя за столомъ съ обильнымъ угощеніемъ, разсказалъ казакамъ, какъ одинъ петербургскій купецъ пригласилъ его на тайное служеніе въ своемъ домѣ. Онъ описывалъ разговоры свои съ кроткимъ пастыремъ и когда дѣло дошло до самой торжественной (рождественской) службы,—„у покойнаго родителя потекли изъ глазъ слезы. Онъ приткнулся локтями на столъ, ладонями закрылъ глаза, но слезы у него неудержимо текли, проникали между пальцевъ и капали на столъ. Я сидѣлъ (говоритъ Хохловъ), тоже слушалъ разсказъ Изюмникова (такъ звали гвардейца) и меня также сердечно тронуло: покатились слезы. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, мальчишкѣ, плакать, чтобы видѣли люди. Я вскочилъ со стула, выбѣжалъ въ другую комнату, уткнулся лицомъ въ кроватную постель и втихомолку поплакалъ. Потомъ обтеръ кулакомъ глаза, поглядѣлъ въ зеркало и, замѣтивъ, что лицо у меня отекло и глаза покраснѣли, подошелъ къ умывальнику, умылъ лицо и только тогда вышелъ къ старшимъ".

Нужно-ли говорить, что разсказъ Изюмникова впослѣдствіи оказался празднымъ вымысломъ, а самъ разсказчикъ обманщикомъ...

„Считаю нужнымъ,—прибавляетъ Хохловъ къ этому эпизоду,—обратиться ко всѣмъ поповцамъ: лушковцы, окружники, полуокружники, духовныя и мірскія, грамотныя и неграмотныя лицы приняли за привычку говорить намъ въ укоризну: вы не имѣете при себѣ священства отъ нерадѣнія и безстрашія вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь. Не обличаете своихъ грѣховъ священнику, къ тому же подтверждаете, что можно спастись и безъ священника..."

„Однако,—спрашиваетъ авторъ у этихъ обличителей,—что же тогда побудило моего отца пролить неудержно теплыя слезы!.. Безстрашіе ли тронуло тринадцатилѣтняго мальчика убѣжать отъ людей въ уединенное мѣсто, удариться на подушку внизъ лицомъ и плакать?.. Или, скажутъ, и это нерадѣніе, что, въ случаѣ когда проникнетъ туманный слухъ о томъ, что въ такой удаленной странѣ народъ имѣетъ при себѣ священство,—тогда мы съѣзжаемся, обсуждаемъ и снаряжаемъ отъ себя депутацію. Одни щедро ублаготворяютъ деньгами отъ пота и тяжкихъ трудовъ добытыми, другіе... разлучаясь со своими женами и дѣтьми, рѣшаются ѣхать въ отдаленныя и неизвѣстныя страны... Придется-ли возвратиться и видѣть своихъ домашнихъ, или закроются глаза на

морѣ окіянѣ и послужатъ могилой волны, а гробомъ—дно окіяна?..“

„Да,—говоритъ авторъ,—нужно судить, положа руку на сердце“. И, положа руку на сердце, каждый искренній человѣкъ признаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ „нерадѣніемъ и безстрашіемъ“, а съ искренней вѣрой, только покрытой слоемъ невѣжества самихъ вѣрующихъ и коварнаго обмана со стороны эксплуатирующихъ на разные лады темную народную вѣру. И нужны тутъ не враждебныя обличенія и преслѣдованія, а широкое просвѣщеніе и, главное, терпимость... Слушая, а впослѣдствіи и читая разсказы Г. Т. Хохлова, я не могъ отдѣлаться отъ назойливаго вопроса: почему эти искатели съ такимъ довѣріемъ и благодарностью относились къ словамъ партикулярныхъ русскихъ людей, въ родѣ той женщины, которая бесѣдовала съ ними за столомъ, на дворѣ Сайгонскаго консульства, или „морского прокурора“ К—скаго, который (чуть-ли не въ первый разъ!) показалъ казакамъ „разные города и урочища“ на картѣ... И тотъ же Хохловъ, мужественный землепроходецъ, не боящійся даже близкой гибели въ морской пучинѣ,—съ такой подозрительной осторожностью и робостью подходилъ у себя дома къ человѣку, желавшему съ нимъ побесѣдовать хотя бы даже о вѣрѣ?.. . . . .

Въ дальнѣйшемъ пути одинъ еще разъ улыбнулась нашимъ искателямъ надежда. 4-го августа, по выходѣ изъ Гонъ-Конга, они замѣтили, что цвѣтъ воды измѣнился: въ моряхъ вода синяя, но прозрачная. Тутъ же кругомъ на далекое разстояніе ихъ окружали бѣлыя, непрозрачныя волны. „Не эта-ли самая мѣстность называется Бѣловодіей?—говорили казаки между собою,—такъ какъ вода здѣсь отъ прочихъ водъ совсѣмъ отличная?“ И они опять принялись разспрашивать о древле-православныхъ народахъ и русскихъ церквяхъ. Но отвѣтъ былъ все тотъ же. А вода бѣлая оттого, что сюда докатываетъ свои мутныя волны „великая рѣка Кіанга“, несущаяся въ океанъ изъ языческаго Китая...

Они посѣтили еще Китай и Японію, всюду допрашивая о народахъ, живущихъ на Японскихъ, Сандвичевыхъ и Аландскихъ островахъ, видѣли китайцевъ-христіанъ (не брезгающихъ употреблять въ пищу кошекъ, крысъ и даже червей), встрѣтили скитавшихся казаковъ-албазинцевъ, взятыхъ когда-то въ плѣнъ, окитаившихся и впослѣдствіи обращенныхъ миссіонерами въ католичество... Но надежда найти Бѣловодію у нихъ давно уже исчезла. На возвратномъ пути (черезъ Сибирь) они встрѣтили подъ Владивостокомъ казачьяго офицера Оренбугскаго войска. Онъ видѣлъ ихъ, когда они при-

ходили проситься на „Херсонъ“ въ Портъ-Саидѣ, и догадался о цѣли ихъ путешествія.

— Навѣрное вы ищете истинную вѣру?—сказалъ онъ и, узнавъ о результатахъ поисковъ, прибавилъ, указывая на небо:

— Истинная вѣра осталась, видно, только тамъ.

— По всему такъ, ваше высокоблагородіе,— отвѣтили казаки.

Экспедиція была, въ сущности, кончена. Отсюда начинались уже чисто-отечественныя впечатлѣнія. Сойдя во Владивостокѣ на берегъ, казаки увидѣли подъ городомъ густо разставленныя палатки и узнали, что это—переселенцы изъ донскихъ и оренбургскихъ казаковъ. Они вызвались охотниками на поселеніе въ Уссурійскій край, для чего получили по 600 рублей на обзаведеніе. Но условія поселенія были разсчитаны плохо, казаки истратились и оголодали. Не встрѣтивъ вниманія къ своему положенію, они самовольно бросили мѣста поселенія, прося о возвращеніи обратно. Мѣстное начальство взглянуло на это, какъ на бунтъ. Казаки, не имѣя средствъ пропитанія, обносились до наготы и въ лѣтнихъ худыхъ палаткахъ проживали (съ семьями?) на возвышеномъ мѣстѣ. Подкатила зима, затрещалъ морозъ... а одежды нѣтъ, хоть ложись и умирай. На два самыхъ тяжелыхъ зимнихъ мѣсяца имъ отвели казармы, но затѣмъ „генералъ Духовской распорядился выгнать ихъ изъ казармъ, а жителямъ Владивостока воспретили пускать ихъ на квартиры даже съ угрозой: кто пуститъ хоть одного человѣка хоть на одну ночь переночевать, того подвергнутъ штрафу въ 50 р.“ Теперь подходила уже вторая зима и, когда наши путники посѣтили этотъ „бунтующій“ голодомъ лагерь,—„казаки жили въ ветхихъ палаткахъ, иные даже подъ открытымъ небомъ съ грудными дѣтьми и 80-тилѣтними стариками.“

Я не стану приводить дальнѣйшія подробности обратнаго пути. За этими первыми отечественными впечатлѣніями слѣдовали другія, и сами путники постепенно изъ смѣлыхъ искателей сказочнаго царства превращались въ обыкновенныхъ русскихъ людей „нижняго чина“. „Чернѣевскій перекатъ“, на Амурѣ, гдѣ застрялъ пароходъ „Графъ Игнатьевъ“ съ нѣсколькими военными и штатскими генералами въ числѣ пассажировъ,— видѣлъ нашихъ уральцевъ уже въ совершенно новой роли Однажды поваръ-китаецъ кинулъ въ Амуръ икру изъ свѣжепойманнаго осетра. Одинъ изъ казаковъ тотчасъ же кинулся въ холодную воду и вытащилъ ее, а другой сдѣлалъ грохотку, просолилъ и быстро приготовилъ прекрасную икру къ генеральскому завтраку. На слѣдующій день, выйдя на палубу прогуляться, господа тотчасъ замѣтили услужливыхъ ураль-

цевъ и поклонились имъ. „Что значитъ икра!“ — говорили казаки втихомолку. „Прочіе пассажиры,—простодушно повѣствуетъ объ этомъ эпизодѣ Г. Т. Хохловъ, — отпускные солдаты и съ златыхъ пріисковъ народы удивлялись тому, что господа такъ привѣтливо съ нами обращались. Мы еще болѣе стали слѣдить за каждымъ ихъ движеніемъ и старались къ ихъ услугамъ. Господа пойдутъ съ ружьями на охоту стрѣлять птицу, и мы идемъ за ними. На каждый выстрѣлъ бѣжимъ, моментально сбросимъ съ себя верхнюю одежду и рубаху, бросаемся въ холодную воду и достанемъ застрѣленную птицу...“

Все это, повидимому, лукавые казаки дѣлали въ томъ соображеніи, что гг. генераловъ не оставятъ зимовать на перекатѣ, а съ господами выберутся и они... Оказалось, однако, что, въ концѣ концовъ, прибѣжавшій снизу путейскій пароходъ взялъ только пять человѣкъ, кинувъ остальныхъ на произволъ судьбы...

Мнѣ остается, забѣгая нѣсколько впередъ,—дополнить это повѣствованіе еще однимъ характернымъ эпизодомъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ „архіепископу Аркадію“ и Бѣловодской эпопеѣ.

Вернувшись изъ описываемой поѣздки по станицамъ, я засталъ на своей дачкѣ въ гостепріимныхъ садахъ надъ Деркуломъ—небольшую посылку изъ Петербурга. Въ коробкѣ петербургскихъ конфектъ я нашелъ записочку отъ своихъ добрыхъ знакомыхъ, въ которой моему вниманію рекомендовались „податели“ посылки, два уральскихъ казака, посѣтившіе столицу съ совершенно особыми цѣлями. Къ сожалѣнію, эти „податели“ не нашли меня и посылку я получилъ уже изъ третьихъ рукъ.

Недѣли двѣ спустя, я поѣхалъ съ Н. А. Бородинымъ *) въ Кругло-озерную низовую станицу, тотъ самый „Свистунъ“, о которомъ говорилось выше. Вначалѣ и здѣсь насъ преслѣдовала неудача, такъ какъ всѣ знакомые Н. А-ча оказались на бахчахъ. Мы проѣхали станицу изъ конца въ конецъ, безуспѣшно стучась въ разныя ворота. Большія и богатыя избы съ рѣзными коньками остались назади, и теперь на насъ глядѣли мазаныя избушки съ плоскими земляными крышами. Улица старозавѣтной станицы встрѣчала насъ равнодушно и замкнуто, предоставляя, очевидно, свободную дорогу въ горячую степь, по которой въ разныхъ мѣстахъ вѣтеръ гналъ и крутилъ бѣлые столбы пыли... Они какъ-то лѣниво подыма-

*) Теперь издатель «Вѣстника Казачьихъ войскъ».

лись, лѣниво крутились надъ степью и изнеможенно ложились опять на жаркую землю...

Это унылое зрѣлище заставило меня идти на проломъ, чтобы всетаки остаться и отдохнуть въ станицѣ, и я предложилъ своему спутнику привернуть къ первой группѣ у первыхъ воротъ. Николай Андреевичъ отнесся къ этому плану съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, но лошадей всетаки повернулъ. Группа казаковъ и казачекъ молча смотрѣла на наше приближеніе.

— Добраго здоровья,—сказали мы, остановивъ лошадь.— Нельзя ли у васъ отдохнуть и напиться чаю?

Одинъ изъ казаковъ усмѣхнулся и отвѣтилъ съ ироніей:

— Уходцы мы. Какіе самовары у уходцевъ?

„Уходцами“ въ старину назывались депутаты войсковой стороны, отправлявшіеся въ столицы съ жалобами и вынужденные „уходить“ для этого тайно и съ большими опасностями. Теперь этимъ именемъ зовутъ тѣхъ (возвращенныхъ по манифестамъ) участниковъ „бунта“ 1874 года, которые согласились лучше отправиться въ ссылку, чѣмъ дать извѣстную уже читателямъ „подписку“ о повиновеніи. Изъ старозавѣтнаго Свистуна уходцевъ было особенно много.

Упоминаніе объ этомъ интересномъ эпизодѣ въ жизни Урала еще болѣе усилило мое желаніе побесѣдовать съ казаками, но разговоръ не клеился, пока одинъ изъ нихъ, пристально вглядѣвшись въ меня, не спросилъ:

— А вы чьи будете?

— Дальній.

— Однако?.. Не петербургскій ли?

— Да, петербургскій.

— Такъ это не тебѣ-ли былъ посылочекъ отъ Ѳ. Д.?

— Мнѣ.

Лицо казака привѣтливо оживилось...

— А-ахъ ты Господи... Отворяй живо ворота! Вотъ вѣдь самъ Богъ васъ направилъ... Пожалуйте, дорогіе гости, милости просимъ...

Загадка этой внезапной перемѣны разрѣшилась очень просто: оказалось, что счастливая судьба привела меня именно къ дому одного изъ казаковъ, которые напрасно разыскивали меня въ Уральскѣ.

Въ лицѣ этихъ казаковъ,—Евстифія Мокѣевича Кудрявцева и Ѳедора Осиповича Сармина,—я, какъ оказалось, встрѣтилъ новыхъ изслѣдователей по дѣлу о бѣловодскомъ архіепископѣ. Только поиски ихъ были направлены не на восточныя моря-окіяны, а на западъ. Прежде всего они отправились къ самому архіепископу, въ Ханской городъ (Оханскъ), гдѣ онъ проживаетъ послѣ многихъ „судимостей“, среди самой бѣд-

ственной обстановки, безъ средствъ и безъ паствы, какъ затравленный старый волкъ. Казаки почтительно обратились къ нему за разъясненіемъ сомнѣній, и при этомъ у нихъ произошелъ разговоръ, который я уже приводилъ выше. „Мы начали его вопрошать,—писали депутаты послѣ этого свиданія,—и онъ съ нами обходился тонко". Впослѣдствіи, однако, разговоръ обострился и на указаніе текста („ежели явится странствующій епископъ, не имѣяй грамоты отъ своего си патріарха и своея-си паствы, таковому да не имуть вѣры")—Аркадій отослалъ ихъ въ Пермскій окружный судъ, гдѣ хранится отобранная у него грамота. „И мы въ Пермь отправились",—писали опять депутаты. Тамъ показали имъ „ево ризу и антиминсы, и патрахиль, и пояса, и камилаву, и протчіи приборы церковны... и ставленной грамоты ево копію. А самую ставленную грамоту не видѣли (она отослана въ восточной иностранныхъ дѣлъ анъ-ститутъ").

Все это не было еще рѣшающимъ. Депутаты отправились въ Москву, побывали (подъ видомъ приверженцевъ Аркадія) въ уѣздномъ городѣ Новгородской губерніи, гдѣ познакомились съ сестрой „епископа" (именующаго себя, между прочимъ, княземъ Урусовымъ), разыскали и подлинную грамоту „на сирійскомъ языкѣ", которую кто-то снялъ имъ на кальку, и, запасшись всѣмъ этимъ матеріаломъ, а также печатными свѣдѣніями объ Антонѣ Пикульскомъ, именующемъ себя Аркадіемъ Бѣловодскимъ,—отправились со всѣмъ этимъ въ Петербургъ, въ поискахъ ученыхъ людей, которые могли бы разъяснить недоумѣнія и перевести сирійскую грамоту.

В. К. Саблеръ указалъ имъ, какъ на такого ученаго—на профессора-санскритолога, академика С. Ф. Ольденбурга. Послѣдній отнесся съ чрезвычайнымъ вниманіемъ къ запросу казаковъ, разсмотрѣлъ печатные матеріалы, указалъ на нелѣпости географическихъ терминовъ въ Бѣловодскихъ сказаніяхъ, ставящихъ рядомъ Асулепсіонъ, Парагвай, Гельветическую республику и т. д. и, наконецъ, разобравъ копію грамоты, нашелъ, что это собраніе индусскихъ и арабскихъ начертаній, поставленныхъ рядомъ безъ всякаго смысла.

Депутаты вернулись въ полномъ восторгѣ отъ Петербурга, отъ С. Ф. Ольденбурга и другихъ ученыхъ, съ которыми имъ пришлось встрѣчаться. Отраженіемъ этой благодарности пришлось воспользоваться и мнѣ въ вышеописанномъ маленькомъ эпизодѣ. Но...

Осталось еще одно маленькое сомнѣніе, чреватое, быть можетъ, новыми предпріятіями старообрядческаго Урала и новыми экспедиціями... Разсказывая объ Индіи, Индо-Китаѣ, Опоньскомъ царствѣ и другихъ странахъ востока, объ ихъ жителяхъ и религіи, Сергѣй Ѳедоровичъ показалъ казакамъ,

между прочимъ, статуэтку, подаренную государю императору въ Японіи и находящуюся теперь въ музеѣ академіи наукъ. Это изображеніе Майтреи, который, по вѣрованію буддистовъ, теперь находится на небѣ, но современемъ сойдетъ на землю, чтобы научить людей истинной вѣрѣ. Вначалѣ этотъ буддійскій святой, повидимому, не обратилъ на себя особеннаго вниманія депутатовъ. Но впослѣдствіи онъ все чаще сталъ возникать въ ихъ памяти.

— Видите,—задумчиво говорили мнѣ теперь гостепріимные хозяева,—въ одной рукѣ держитъ вродѣ кулганчика (сосудъ), а другая изображаетъ какъ бы двуперстное сложеніе. И потомъ—для чего японцы поднесли ее православному царю?

Когда депутаты разсказали объ этомъ своимъ единовѣрцамъ, старики стали упрекать ихъ, что они не собрали точныхъ свѣдѣній о мѣстопребываніи этого Майтреи и о народахъ, имѣющихъ такое перстосложеніе въ Японскомъ царствѣ. И теперь депутаты просили меня, когда буду въ Петербургѣ, попросить у С. Ф. Ольденбурга этихъ свѣдѣній, а если можно, то и фотографическаго снимка со статуэтки.

— Въ случаѣ чего... можно бы туда отправить людей,— говорили они.

Теперь это все исполнено, и такимъ образомъ я съ своей стороны вложилъ свою лепту въ разысканія таинственной Бѣловодіи. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что эта апелляція къ наукѣ составляетъ первый еще эпизодъ этого рода во всей исторіи благочестиваго... Камбайско-Бѣловодскаго царства!..

Опять дорога.—Кирсановская станица.—Косцы.—Нѣчто о «киргизской мечтѣ».—Казакъ-поэтъ и его поэма о пугачевцѣ Чикѣ.—Въ Щотецкомъ поселкѣ.—Опять переносные пески.—Драма степного уголка.

Изъ Январцева мы выѣхали довольно поздно, увозя съ собой въ знойную степь яркія впечатлѣнія только что выслушанныхъ разсказовъ. Какъ бы для контраста дорога лежала передъ нами однообразная и пустынная, съ песками и бурханами, покрытыми кіякомъ и солянкой. Впереди насъ скрипѣлъ плохо смазаными колесами казачій возъ, запряженный верблюдомъ, а издали подкатывался клубокъ бѣлой пыли.

Когда онъ приблизился, изъ него выступили очертанія трехъ повозокъ, запряженныхъ крѣпкими, сытыми тройками. Въ повозкахъ сидѣли какіе-то необыкновенно черномазые люди. Нѣкоторые безпечно лежали въ разныхъ позахъ, свѣсивъ на обѣ стороны босыя ноги.

— Откуда Богъ несетъ?—крикнулъ ѣхавшій впереди насъ казакъ, сворачивая съ дороги.

— Изъ Сибири,—отвѣтилъ черномазый возница и хлестнулъ тройку, какъ будто избѣгая дальнѣйшихъ неумѣстныхъ разспросовъ. Сытыя лошади взяли рѣзво и дружно, кованыя колеса заскрипѣли въ сыпучемъ пескѣ...

— Цыганы,—раздумчиво сказалъ казакъ и, хлестнувъ верблюда веревкой, продѣтой въ ноздрю, прибавилъ:—въ степѣ какихъ народовъ не встрѣтишь...

Подъ Кирсановской станицей песокъ становился все глубже... Станица мелькнула вдалекѣ за красными ярами излучистаго Урала и опять потонула за огромными бурханами, перегородившими дорогу, точно застывшія волны песчанаго моря... И еще долго намъ пришлось пробираться пѣшкомъ, утопая въ пескахъ, пока лошадь, тяжело работая боками, тащила съ бурхана на бурханъ пустую телѣжку.

Кирсановская станица считается первоначальнымъ мѣстомъ поселенія Яицкихъ казаковъ. Вѣроятно, наскучивъ этими непроходимыми песками, казаки рѣшили спуститься внизъ. Разобравъ старую церковь, они сладили изъ ея бревенъ плотъ и спустились по рѣкѣ къ благодатной равнинѣ между Ураломъ, Чаганомъ и Деркуломъ. У Кирсановской станицы и теперь еще указываютъ мѣсто бывшаго городка и крѣпости.

Въ Кирсановѣ живетъ станичный атаманъ, К. Е. Бѣляевъ, къ которому у меня было письмо изъ города, и потому мы сдѣлали здѣсь привалъ, остановившись на казачьемъ дворѣ, невдалекѣ отъ станичнаго правленія.

Зной все усиливался, и небольшой казачій дворикъ, съ тѣсно уставленными навѣсами и базами, казалось, весь изнывалъ отъ истомы. Подъ однимъ изъ этихъ навѣсовъ, въ тѣни сидѣли три мужика. Это были косцы, пришедшіе сюда за 300 верстъ изъ Самарской губерніи, Бугульминскаго уѣзда. Они косили у нашего хозяина по 8 рублей за десятину и уже второй день ждали расплаты.

— Э-эхъ, казаки!—съ глубокой укоризной сказалъ одинъ изъ нихъ, старикъ съ топорной фигурой и крупными чертами добродушнаго лица.—Своихъ обовязанностей не сполняютъ...

— Бяда!—прибавилъ какимъ то нервнымъ, почти истерическимъ голосомъ его молодой товарищъ.—Страда чижолая, жаръ, сухмянь, а тутъ еще изъ-за своихъ кровныхъ наплачешься...

Страда въ этотъ годъ, дѣйствительно, была необыкновенно тяжелая. Надъ степями нависъ какой-то изсушающій зной, ни вѣтру, ни облачка, а на пашняхъ, вдалекѣ отъ воды уби-

вались на тяжкой работѣ тысячи рабочихъ. Наканунѣ, разсказывали намъ, въ степи „загорѣлся“ киргизъ. Косилъ-косилъ и, внезапно бросивъ косу, побѣжалъ къ Уралу. Добѣжавъ до рѣки, онъ, обезпамятѣвъ, бросился въ быстрыя волны и уже не выплылъ. Два его брата все сидѣли пониже этого мѣста, на мысу, ожидая всплытія трупа. „Загорѣлся“ еще казакъ на собственной пашнѣ и, вообще, то и дѣло слышались разсказы о случаяхъ солнечнаго удара.

И вотъ для такого-то труда эти три человѣка прошли пѣшкомъ три сотни верстъ, чтобы заработать рублей по 10 на человѣка. И вдобавокъ они узнали, что подъ Уральскомъ плата дошла до 20 рублей за десятину. Они были въ очень дурномъ настроеніи и о казакахъ отзывались очень желчно...

— Самофалы они,—говорилъ старикъ своимъ устало-благодушнымъ голосомъ.—На работу ничего не стоятъ, народъ легкой...

— А кормятъ какъ?

— Иной кормитъ ничего. А иной—не дай Господи... Зимой все отсѣвки копятъ, самое которое зерно не годится... Потомъ смелетъ,—ладно: рабочіе слопаютъ... Ничего, что хлѣбъ хоть ложкой черпай!..

— Да еще, мотри, брезгуютъ нашимъ братомъ,—опять нервно вскрикнулъ молодой.—Изъ одной чашки съ тобой ѣсть не станетъ... Мы вотъ киргизомъ, башкуртомъ не брезгуемъ, а они руськими людьми брезгуютъ.

— Да-а,—опять, зѣвая, прибавилъ старикъ:—бывалъ я у нихъ, всего видалъ. Бывалъ и въ ситѣ, и въ рѣшетѣ. Очковъ много, а не выскочишь...

Однако, когда мы вошли въ тѣсную, душную и всю наполненную мушинымъ жужжаніемъ избу хозяина,—намъ стало на этотъ разъ жаль и другую сторону. Хозяйка оказалась больна, блѣднаго мальчишку тоже измучила лихорадка. Старуха угрюмо суетилась по хозяйству, хозяинъ мыкался по шабрамъ за деньгами для расплаты съ косцами.

— Несладко тоже и казачье житьишко,—сказалъ съ невольной симпатіей къ своимъ Макаръ Егоровичъ...

Здѣсь намъ разсказали, между прочимъ, странную степную новость. На-дняхъ, будто бы, въ Требуханскомъ поселкѣ три казачьи дѣвочки переправились въ лодочкѣ за Уралъ, въ луга на бухарской сторонѣ, за ягодами. Здѣсь одна изъ нихъ наткнулась на молодого киргиза, который лежалъ подъ кустомъ, скинувъ съ себя всю одежу, и глядѣлъ на небо. Когда дѣвочка подошла, не замѣчая его, къ этому мѣсту, киргизъ, будто бы, вскочилъ вдругъ на ноги, схватилъ ножъ и зарѣзалъ дѣвочку почти на глазахъ у ея перепуганныхъ подругъ. Послѣднія кинулись въ лодку и подняли тревогу въ казачьемъ поселкѣ.

Атаманъ собралъ 5 полевыхъ казаковъ и, переправившись за Уралъ, настигъ убійцу на томъ же мѣстѣ. Тотъ, будто бы, долго не сдавался...

Разсказъ этотъ мы слышали по форпостамъ и дальше. Говорили, что киргиза провезли въ Уральскъ подъ карауломъ. Меня очень заинтересовала эта странная исторія, пріуроченная, вдобавокъ, именно къ Требухамъ, гдѣ я еще недавно слушалъ эпическіе разсказы стараго казака объ усмиреніяхъ Давыда Бородина и о „старой крови"... Теперь казаки пытались объяснить этотъ эпизодъ именно пережитками кровной мести по преданію. Память объ усмиреніяхъ и о запутанныхъ событіяхъ взаимной борьбы еще несовсѣмъ умерла, и немудрено, что она можетъ спорадически оживать въ какой нибудь фанатической головѣ, какъ марево въ знойной степи. Впослѣдствіи, когда я говорилъ объ этомъ эпизодѣ съ бывалымъ человѣкомъ, хорошо знающимъ киргизъ илецкимъ торговцемъ, онъ сначала усомнился въ самомъ фактѣ, но потомъ, подумавъ, сказалъ:

— А все можетъ быть... Тогда это у него не иначе—отъ мечты!

Я не могъ добиться болѣе точнаго опредѣленія, и мой собесѣдникъ только прибавилъ съ убѣжденіемъ:

— Да, да... Мечта у нихъ, у кыргызъ а-гро-мадная!

Вѣроятно подъ мечтой онъ разумѣлъ эти еще не замершія воспоминанія побѣжденнаго племени, питаемыя разсказами стариковъ, преданіями, пѣсней домрачеевъ, пѣвцовъ и изъ туманной глубины прошлаго взывающими къ отмщенію...

Впрочемъ, когда на обратномъ пути мы опять ѣхали черезъ Требухи, то на мѣстѣ намъ сказали, что у нихъ ничего подобнаго не было. Въ Январцевѣ говорили, что дѣйствительно провезли арестованнаго киргиза, но гдѣ и что именно онъ сдѣлалъ,—неизвѣстно... Такимъ образомъ, можетъ быть, и самый разсказъ объ этомъ странномъ убійствѣ, возникшій надъ берегами Урала въ нашъ проѣздъ и настойчиво съ такими подробностями повторявшійся по линіи бывшихъ „форпостовъ"—есть тоже своего рода характерная „мечта", тяжелая кошмарная греза, которой знойная степь безсознательно грезитъ о пережиткахъ кроваваго и безчеловѣчнаго прошлаго...

Въ станичномъ правленіи шли занятія, когда я пришелъ туда, чтобы отдать письмо и поговорить съ станичнымъ атаманомъ Квинтиліаномъ Емельяновичемъ Бѣляевымъ. Въ Уральскѣ отъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ отъ архиваріуса войскового архива, очень интересующагося стариной и кое-что печатавшаго уже, Ивана Семеновича Алексѣева, я

слышалъ о рукописной поэмѣ самородка поэта казака Голованова, озаглавленной „Герой разбойникъ". Герой этой поэмы—извѣстный пугачовецъ Чика; авторъ ея—природный уральскій казакъ, служившій по канцелярской части въ разныхъ учрежденіяхъ и, кажется, благодаря строптивому и свободолюбивому нраву, вѣчно „терпѣвшій по службѣ". О поэмѣ отзывались, какъ о произведеніи интересномъ, основанномъ на разсказахъ стариковъ, будто бы лично знавшихъ пугачовскаго атамана. Все это, разумѣется, очень подстрекнуло мое любопытство. Насколько еще живы на Уралѣ преданія и разсказы о Пугачовѣ, настолько же блѣдны и безличны въ народной памяти образы второстепенныхъ личностей пугачовскаго движенія. Что же касается пугачовскихъ атамановъ, то, кажется, объ одномъ только Чикѣ народъ еще вспоминаетъ, но и то смутно: я слышалъ, между прочимъ, что Чика тоже не былъ казненъ (какъ это очень точно указывается писанной исторіей), а жилъ будто бы до конца своихъ дней въ одномъ изъ уральскихъ скитовъ. Но затѣмъ—никакихъ указаній на личныя черты этого удалого пугачовца не сохранилось.

Тѣмъ интереснѣе было мнѣ познакомиться съ рукописнымъ произведеніемъ уральскаго поэта. Самъ Головановъ въ то время уже умеръ, и въ Кирсановскомъ поселкѣ жилъ его малолѣтній сынъ, а поэма, по словамъ моихъ знакомыхъ, находилась у его родственника, станичнаго атамана. Къ сожалѣнію, это оказалось невѣрно, и мальчикъ, призванный атамамаиомъ, сообщилъ, что рукопись отца находится въ Уральскѣ.

Впослѣдствіи мнѣ удалось добыть ее. Называется она „Герой разбойникъ" (поэма—преданіе изъ временъ Пугачова). Авторъ говоритъ въ предисловіи, что ему въ 1877 году пришлось познакомиться съ однимъ 130-лѣтнимъ старикомъ „горячимъ участникомъ пугачовскаго бунта". Въ газетахъ какъ-то, дѣйствительно, сообщалось о двухъ такихъ старикахъ въ самарской губерніи (одинъ изъ нихъ умеръ уже въ 80-хъ годахъ). Затѣмъ, автору попалась старинная (1828 года) печатная поэма, подъ заглавіемъ „Чека", и это, „совокупно съ собственными превратностями и невзгодами"—побудило его передѣлать поэму неизвѣстнаго автора, соотвѣтственно съ разсказами стараго пугачовца. Къ сожалѣнію, поэтъ-самоучка увлекся довольно шаблоннымъ образомъ романтическаго героя во вкусѣ шиллеровскаго Моора, и разсказы очевидца потонули въ этомъ шаблонномъ вымыслѣ. Чика изображенъ въ поэмѣ страстнымъ патріотомъ, человѣкомъ „очень начитаннымъ" и даже обладавшимъ „многими разнообразными (хотя и поверхностными) свѣдѣніями въ области практическихъ наукъ, философіи и политики". „Конечно,—прибавляетъ ав-

торъ—мудрено, даже невозможно объяснить, какимъ путемъ простой казакъ, да еще въ XVIII вѣкѣ обогатилъ свой умъ такими познаніями". „Онъ былъ страстно привязанъ къ своей казачьей родинѣ и разнообразному воинственному образу жизни современнаго ему казачества". Сначала онъ горячо вѣритъ въ Пугачова, потомъ разочаровывается и, въ роли жестокаго разбойника, мститъ уже всему человѣчеству за свое разочарованіе.

Совершенно понятно, что этотъ образъ не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Чикой, пугачовскимъ „графомъ Чернышовымъ". Надо думать, что даровитый самоучка Головановъ болѣе всего вдохновлялся собственными „превратностями и невзгодами" и въ уста своего Чики, онъ влагаетъ свои взгляды и чувства. Съ этой точки зрѣнія поэма уральскаго неудачника, тоже „обладавшаго (хотя и поверхностными) свѣдѣніями", тоже страстно привязаннаго къ своей казачьей родинѣ и тоже потерпѣвшаго, очевидно, большія разочарованія,—пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ (хотя и не тотъ, какой хотѣлъ ей придать самъ авторъ), и я позволю себѣ привести изъ нея нѣсколько отрывковъ

Увѣровавъ въ Пугачова, Чика ѣздитъ по станицамъ, собираетъ казаковъ и говоритъ въ кругахъ о прежнихъ казачьихъ вольностяхъ. Но теперь,—продолжаетъ онъ

...пора иная!
Вольность вѣку отдана,
И старинка удалая,
Какъ шеренга фрунтовая,
Подъ ранжиръ подведена!
И стальная дисциплина,
Точно жадная змѣя,
Въ видѣ тягостной рутины
Поглотила всѣ картины
Прежде бывшаго житья.

Разсказывая о своихъ чувствахъ, Чика говоритъ далѣе:

Съ мечтами дѣтства возникала,
Во мнѣ къ свободѣ милой страсть,
Меня томила, ужасала,
Гиганта сѣвернаго власть...
Стѣснилъ онъ волю золотую
На берегахъ родной рѣки,
Но, твердо помня жизнь иную,
Скорбятъ и ропщутъ казаки...

Въ такомъ же тонѣ изложены всѣ рѣчи пламеннаго Чики и лирическія отступленія поэмы. Особенно достается при этомъ „злымъ властямъ“.

Да, переходно наше время,
Лукавъ, коваренъ этотъ вѣкъ,
И современный человѣкъ
Несетъ, какъ крестъ тяжелый, бремя
Самолюбивыхъ, злыхъ властей...
Для нихъ народъ—пустое слово,
Они не сѣяли, но жнутъ,
Съ живого, съ мертваго дерутъ...
Имъ властолюбіе, нажива
И глупыхъ титуловъ почетъ
Такой продуктъ—какъ мухамъ медъ.
Вся гордость черствыхъ, злыхъ нахаловъ,
Вся грязь змѣиныхъ ихъ натуръ
И пошлыхъ жалкихъ идеаловъ
Ужъ стали темой для журналовъ
И, какъ постыдный каламбуръ,
Вошли въ отдѣлъ каррикатуръ.

Все это, конечно, очень субъективно. Въ концѣ поэмы авторъ даетъ общую оцѣнку своего героя, въ которой опять нельзя не видѣть его собственнаго портрета:

И вотъ ты самъ, казакъ простой,
Науки свѣтомъ озаренный,
Съ душой безхитростной, прямой...
...Добра и счастья всѣмъ желалъ,
На пользу общую трудился,
Чиновъ, отличій не искалъ,
Отъ юныхъ лѣтъ съ нуждою сжился...
Ты идеалъ свой воплотилъ
Въ свободѣ, истинѣ и чести...
Но что въ награду получилъ
Отъ прозелитовъ зла и мести?
Гнилую нищенства суму,
Нужды и голода мученье,
Пренебреженье, отверженье,
Позоръ и смрадную тюрьму!

Лица, знавшія біографію Голованова, сообщали мнѣ, что, дѣйствительно, даже „позоръ и смрадная тюрьма“ не миновали этого даровитаго самоучку-казака, строптивая натура котораго не укладывалась въ рамки дореформеннаго и дѣйствительно затхлаго таки строя казачьей бюрократіи. Все это,

однако, не убило въ душѣ казака-поэта лучшихъ надеждъ. „Придетъ пора,—восклицаетъ онъ въ заключеніе,—

...Русь просвѣтится
И сила титуловъ, какъ дымъ,
По ѣдкимъ качествамъ своимъ,
Вся испарится, разлетится...

Голованову не пришлось увидѣть въ печати свое не всегда, правда, складное произведеніе. Только въ проѣздъ черезъ Уральскъ государя наслѣдника (нынѣ царствующаго императора) онъ поднесъ августѣйшему гостю свою поэму и получилъ денежный даръ... Теперь уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ умеръ...

Письмоводитель станичнаго правленія совѣтовалъ мнѣ, проѣздомъ черезъ Иртецкій поселокъ, повидать стараго казака Наума Гавриловича Баннова, человѣка лѣтъ за 90, очень толковаго и словоохотливаго.

— А что же къ дядѣ Климу не посылаешь?—спросилъ атаманъ.—Онъ вѣдь начетчикъ, тоже могъ бы поразсказать много интереснаго.

— Нѣтъ, лучше не надо. А Баннова вотъ спросите,—уклончиво сказалъ писарь.

Выѣхавъ изъ Кирсанова (мимо стараго городка), мы миновали два-три чудесныхъ степныхъ хуторка, ютившихся въ зелени. Пески здѣсь кончились, близость Урала сказывалась свѣжею лѣсною порослью, изъ-за которой какъ-то неожиданно показались за Иртекомъ освѣщенныя вечернимъ солнцемъ избы Иртецкого поселка.

Здѣсь ждала меня, первая еще во время этого путешествія, довольно комическая неудача. Почти у самаго въѣзда въ станицу, сидѣлъ у воротъ своей избы престарѣлый сѣдой казакъ со старухой казачкой. Остановивъ лошадь, я подошелъ къ нимъ и спросилъ: гдѣ живетъ Наумъ Гавриловичъ Банновъ.

— Я самый,—отвѣтилъ казакъ, подымая свою сѣдую голову съ круглыми, дѣтски простодушными глазами.—А на что тебѣ?

Я передалъ поклонъ отъ кирсановскаго писаря и объяснилъ ему, что мнѣ нужно.

— А самъ чьихъ будешь?

— Дальній, петербургскій.

— Видишь ты... петербургскій,—сказала старуха, повидимому польщенная тѣмъ, что ея старикомъ интересуются дальніе люди.

— Что-жъ, ничего,—подтвердилъ старикъ.—Побесѣдуемъ.. Чего не знаемъ, не скажемъ, а что, можетъ, слыхали отъ добрыхъ людей,—отчего не сказать... Да ты погоди, я тебѣ еще одного человѣка позову... Клима Донскова. У него книги есть вотъ какія... ста-ѣрыя книги...

И, поднявшись съ бревна, онъ пошелъ было черезъ улицу, но увидѣвъ Макара Егоровича съ телѣжкой, спросилъ:

— А это кто?

— Товарищъ мой... Илецкій.

— Иле-ецкой? Вишь ты!—протянулъ старикъ какимъ-то особеннымъ тономъ, изъ котораго я началъ догадываться, что вышло какъ-будто что-то неладное. Макаръ Егоровичъ, впрочемъ, проѣхалъ на постоялый дворъ, а старикъ задумчиво побрелъ къ дому напротивъ.

Черезъ двѣ-три минуты скрипнула въ высокихъ запертыхъ воротахъ калитка и со двора вышелъ старый казакъ, угрюмаго вида, низкорослый, съ огромной, ушедшей въ плечи, головой и черными, нѣсколько мрачными глазами. Онъ шелъ впереди, а Банновъ, съ видомъ какъ-будто нѣсколько сконфуженнымъ и виноватымъ, слѣдовалъ за нимъ. Подойдя почти вплоть ко мнѣ своимъ рѣшительнымъ шагомъ, Донсковъ круто остановился и, окинувъ меня недоброжелательнымъ взглядомъ, спросилъ:

— Что такое нужно? По какому дѣлу?

Я объяснилъ безобидную цѣль моей поѣздки и сказалъ, кто меня направилъ къ Баннову.

— Что онъ знаетъ? Онъ вѣдь ничего не знаетъ,—рѣшительно отрѣзалъ Донсковъ, а кроткій Банновъ повторилъ, какъ эхо, глядя въ сторону своими круглыми простодушными глазами:

— Ничего я не знаю.

— Одно мы знаемъ,—отрубилъ Донсковъ еще рѣшительнѣе.—Этакъ же вотъ разъ пріѣзжалъ одинъ. Будятъ меня ночью: ступай, Климъ Донсковъ, чиновникъ пріѣхалъ, требуетъ. Ну, я, конечно, прихожу. Что такое? „Я, говоритъ, по илецкому дѣлу. По какому, говоритъ, случаю грань у васъ съ илецкими казаками за Бородинскимъ поселкомъ, а черными-те водами илецкіе пользуются до Утвы?..“

Я ничего не понималъ, но, очевидно, рѣчь шла о предметѣ очень интересномъ: старый Банновъ даже покачалъ укоризненно своей бѣлой головой, а Донсковъ продолжалъ насмѣшливо торжествующимъ тономъ:

— А такъ,—я говорю.—Значитъ, въ стары-те годы такой словесный договоръ былъ: что у нихъ мало черныхъ водъ, а у насъ лѣсовъ... Мы, значитъ, у нихъ рубили, а они того...

въ нашихъ-те водахъ рыбалили... Вотъ, это мы знаемъ, а больше ничего не знаемъ и говорить больше намъ нечего.

И онъ рѣшительно повернулся ко мнѣ спиной. Послѣ его ухода Банновъ и старуха тоже измѣнили свое прежнее благодушное отношеніе ко мнѣ, и я распрощался съ ними, недоумѣвая, въ чемъ тутъ дѣло. А когда, покормивъ лошадь, мы поѣхали вдоль иртецкой улицы, то намъ пришлось проѣхать какъ-бы сквозь строй пытливыхъ и, кажется, не вполнѣ доброжелательныхъ взглядовъ иртецкихъ обывателей.

Посмѣиваясь въ усы, мой спутникъ, Макаръ Егоровичъ, далъ, впрочемъ, удовлетворительное объясненіе этому непонятному для меня эпизоду. Мы были не далеко отъ границы илецкихъ земель, а у Илека съ Уральской общиной идетъ давній, вѣковой споръ изъ-за земель за р. Иртекомъ. Пользованіе „черными водами" до Утвы и другія формы сервитутовъ на земляхъ, фактически находящихся во владѣніи Уральской общины,—обличаютъ прежнія права илецкихъ жителей...

И вотъ мой неожиданный пріѣздъ, разспросы насчетъ старины и, особенно, присутствіе Макара Егоровича,—илецкаго казака,—внушили подозрительному Донскову мысль, что я—илецкій эмиссаръ, собирающій свѣдѣнія не спроста...

За Иртекомъ пошли опять переносные пески и опять—шорохъ, шопотъ, движеніе и испугъ степной природы... Вечеръ спускался надъ степью тихій и какъ-то особенно, по своему печальный. Надъ горизонтомъ, въ смутной пеленѣ тумановъ, висѣла большая луна, красная, какъ червонецъ... Изъ сумрака выползали отовсюду, точно стаи гигантскихъ ужей, песчаные увалы и бурханы—все гуще и выше. Убѣгая отъ нихъ, степная дорога прижалась къ рѣчкѣ, осторожно сочившейся между зелеными камышами къ недалекому Уралу, но пески настигали ее здѣсь, затѣсняя въ узкую лощину.

У самаго въѣзда въ эту лощинку меня поразили причудливые силуэты нѣсколькихъ осокорей, странно рисовавшихся на озаренномъ луною небѣ... Они, очевидно, спокойно выросли подъ защитой слежавшихся песчаныхъ холмовъ, а теперь по какому-то странному капризу разрушительной силы, холмы опять снимались съ мѣста. Вершины ихъ какъ будто дымились въ лунномъ свѣтѣ, съ разработанныхъ вѣтромъ боковъ, шипя, неся тонкій песокъ, и бѣднымъ осокорямъ пришлось первымъ выдержать этотъ натискъ... Изъ-подъ корней у нихъ выдуло уже почву почти на два аршина и корни, странно искривленные и обнаженные,—судорожно хватались за ускользающую землю... Въ густыхъ еще темныхъ вершинахъ стоялъ немолчный, тихій, но внятный шорохъ. Невольно чудилось, что старыя деревья сознаютъ надвигаю-

щуюся смерть и ведутъ печальную бесѣду о томъ, что свѣтъ портится, что наступаетъ кончина міра, что явились небывалые изсушающіе вѣтры, что въ старину, въ годы ихъ молодости этого не бывало и что все это „за грѣхи, за грѣхи, за грѣхи“...

Луна перекрылась причудливымъ роемъ легкихъ облаковъ, загорѣвшихся, какъ въ огнѣ, своими серебристыми краями. Вверху стало ясно, весело, оживленно, а внизу, надъ померкшею степью, надъ камышами, надъ рѣчкой, пугливо кравшейся къ Уралу, вѣяло глубокой и какъ бы сознательной печалью передъ медленнымъ зловѣщимъ движеніемъ пустыни...

— Да, заноситъ уже и луговую дорогу,—сказалъ Макаръ Егоровичъ,—я еще помню: дорога была тамъ, за бурханами, даже обозы ходили. А теперь уже и здѣсь трудно...

Вскорѣ вдали замелькали передъ нами огоньки Бородинской станицы.

Крѣпостная деревня на казачьей землѣ.—Наемка въ Ташлинской станицѣ.—Ночлегъ на базу.—Обратные переселенцы.—Стачка косцовъ и смиренный мужичекъ.—Бабушка Душарея.—Граница.—Городище.—Летучка.

Казачій строй принято считать безусловнымъ антагонистомъ крѣпостного права. Однако, рабство давно уже просачивалось на вольныя степи. Началось это, разумѣется, съ того, что старшинская партія сложилась въ крѣпкую аристократію, и вскорѣ у старшинъ явились свои „дворовые люди“. Первоначально они комплектовались изъ плѣнныхъ инородцевъ или изъ „киргизскихъ полонянниковъ“, выбѣгавшихъ изъ степи къ уральскимъ форпостамъ. Впослѣдствіи-же, входя постепенно во вкусъ, старшины стали обращать въ „дворовыхъ“ также и русскихъ людей, бѣжавшихъ на Уралъ отъ одной крѣпостной зависимости и попадавшихъ въ другую. Въ уральскомъ архивѣ сохранилось не мало дѣлъ о насильственномъ захватѣ богатыми казаками даже пріѣзжихъ изъ сосѣднихъ губерній крестьянъ и женокъ, а когда такіе полонянники пытались убѣжать съ „вольнаго Яика“ на родину,— ихъ уже ловили на степныхъ дорогахъ казачьи команды и водворяли къ „владѣльцамъ“.

Это было, конечно, злоупотребленіе. Однако, оно все росло, а такъ какъ казачья масса всетаки косилась на это явленіе (интересъ „войска“ состоялъ, конечно, въ „наемкѣ“ бѣглыхъ за себя въ дальніе походы),—то старшины населяли „дворо-

выми" дальніе хутора на верховьяхъ степныхъ рѣчекъ и незанятые никѣмъ углы степи.

Особенно широко насаждалъ эту форму крѣпостного права все тотъ же знаменитый Мартемьянъ Бородинъ. Унего на истокахъ Иртека и Киндели, на сырту было много хуторовъ, населенныхъ уже настоящими крѣпостными, которые сторожили его табуны и рабьими руками распахивали вольныя степи. Сынъ Мартемьяна, Давыдъ, уже покупалъ на сводъ цѣлыя деревни. А такъ какъ уральская община, строптивая и сильная, всетаки не дозволила бы селить крестьянъ на своихъ земляхъ, то Давыдъ сажалъ ихъ на земляхъ илецкой общины, зависимой отъ него и слабой.

Такимъ образомъ онъ основалъ цѣлый Бородинскій поселокъ, жителей котораго, какъ говорятъ, выигралъ въ карты у какого-то помѣщика въ Россіи... Казачья всетаки совѣсть суроваго атамана, повидимому, и сама плохо мирилась съ этимъ рабствомъ: передъ смертью онъ освободилъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и добился причисленія ихъ въ казаки. Уральское войско согласилось на это безъ возраженій, вѣроятно, потому, что такимъ образомъ, вмѣстѣ съ новой станицей, окончательно примежовывался къ уральскимъ землямъ большой кусокъ илецкой степи, занятой *временно* Давыдомъ Бородинымъ.

Такова исторія Бородинскаго поселка, вклинившагося между двухъ казачьихъ общинъ и подавшаго поводъ къ обостренію ихъ вѣковой вражды и спора...

Проѣхавъ широкія, залитыя луннымъ свѣтомъ улицы огромной и, повидимому, цвѣтущей станицы,—мы остановились у воротъ обширнаго постоялаго двора. Ворота были отворены, хозяинъ собирался на мельницу съ новымъ хлѣбомъ. Посерединѣ двора стоялъ столикъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, приготовленный для уѣзжавшихъ.

Это было очень кстати, и мы сѣли за столъ вмѣстѣ съ хозяевами. Казаки были веселы, и весь дворъ, освѣщенный луною, былъ полонъ какого-то радостнаго оживленія. Хлѣбъ въ этомъ году уродился отлично, собрать его удалось во-время и притомъ очень дешево.

— Почемъ платятъ косцамъ въ Уральскѣ?—спросилъ у насъ хозяинъ и, узнавъ, что цѣны тамъ стояли отъ 15 до 20 рублей и даже выше,—весело улыбнулся и сказалъ:

— А у насъ по десяти.

— Ташлинскій атаманъ такую цѣну сдѣлалъ,—прибавила радостно хозяйка.—„Наемка" у насъ нынче отличная...

„Наемка" въ этихъ степныхъ мѣстахъ — это настоящая военная кампанія, гдѣ интересы нанимателя и работника становятся лицомъ къ лицу въ совершенно откровенныхъ фор-

махъ. Цѣлыя арміи косцовъ сходятся въ нѣсколькихъ пунктахъ: къ Уральску, въ Таловую (на границѣ Самарской губ.) и въ Ташлу—для этихъ верховыхъ станицъ. Разумѣется, рабочіе прежде всего пытаются организоваться, чтобы поднять цѣну. Для этого иногда артели жнецовъ приносятъ всѣ серпы и косы въ одно мѣсто и выдаютъ ихъ только при наймѣ на извѣстныхъ условіяхъ. Первые дни обѣ воюющія стороны крѣпятся, измѣряя взаимные шансы, и порой дѣло доходитъ даже до формальныхъ побоищъ. Въ тотъ годъ подъ Уральскомъ произошли крупныя столкновенія между рабочими русскими и киргизами (сбивавшими цѣны). Въ Таловой побѣду одержали рабочіе, поднявшіе цѣну до 20 рублей; въ Ташлѣ, наоборотъ, рабочая армія потерпѣла рѣшительное пораженіе.

— Конечно, мужики обиждаются,—радостно говорила намъ теперь казачка:—а для казаковъ хорошо. Они, значитъ, косцы, сошлись въ Ташлу, и говорятъ: хлѣбъ нонѣ у казаковъ дюже сильный, давайте, ребята, дешевле 25-ти не наймоваться. Ну, и стали на томъ. Кто, можетъ, и хотѣлъ-бы наняться, не смѣетъ. Тогда станичный атаманъ собралъ полевыхъ казаковъ и говоритъ: „дуйте ихъ, дураковъ, нагайками. Что на нихъ смотрѣть“. Потомъ стариковъ-то, которые посмирнѣе, отдѣлилъ, а остальныхъ, говоритъ, гоните вонъ изъ станицы. „Вы, говоритъ, наше мѣсто поганите, хозяевъ огорчаете. Не хозяева къ вамъ идутъ, вы къ казакамъ пришли. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ“... Ну, смирные-то и пошли наниматься. Тутъ опять казаки видятъ: на ихъ сторону погнуло, сами сговорились: не давать больше десяти. Тѣмъ опять-же дѣваться нéкуда: пришли работать, не назадъ идти, да и боятся... Такъ и стали наймоваться...

Мнѣ вспомнились усталые и озлобленные косцы, которыхъ мы встрѣтили въ Кирсановѣ, и я понялъ ихъ настроеніе, доходившее у молодыхъ почти до истерической нервности. Говорятъ, „цѣны строитъ Богъ“. На этотъ разъ ташлинскій атаманъ устроилъ ихъ хотя и не совсѣмъ по божьему, но съ большимъ успѣхомъ...

— А гдѣ вы ляжете?—спросила у насъ хозяйка, когда чай былъ конченъ.—Въ горницѣ постелить, а то на базу?.. Ночь-то вонъ какая тихая, да теплая...

Мы, разумѣется, выбрали послѣднее. Ночь, дѣйствительно, стояла замѣчательно тихая; хозяинъ съ возами уѣхалъ, широкій дворъ опустѣлъ. Луна поднялась высоко и освѣтила сверху избы поселка. Прямо передъ нами, надъ обрѣзомъ сосѣдняго „база“ вся въ мѣсячныхъ лучахъ стояла стройная церковка. Огни въ окнахъ станичныхъ избушекъ гасли.

Я долго стоялъ на плоскомъ базу, оглядываясь на зати-

хавшую станицу, и въ моемъ воображеніи проносилось своеобразное прошлое ея обитателей, занесенныхъ Богъ вѣсть откуда на эту окраину и здѣсь по капризу суроваго казачьяго атамана неожиданно нашедшихъ казачью волю...

Наконецъ, я улегся рядомъ съ заснувшимъ уже товарищемъ на душистомъ сѣнѣ, стожокъ котораго стоялъ на базу, приготовленный для корма. Звѣздное небо прямо надо мной все искрилось и сыпало падучими звѣздами... Необыкновенно яркій метеоръ съ огнистымъ хвостомъ, прорѣзавшій небо отъ самаго зенита,—остался въ моей памяти послѣднимъ впечатлѣніемъ этого вечера...

На утро я проснулся раньше моего товарища... Было свѣжо, небо поблѣднѣло, солнце подымалось изъ за-гряды облаковъ, какъ бы заночевавшихъ на далекомъ степномъ горизонтѣ. Казачки доили коровъ и выгоняли ихъ въ поле. Наша лошадь напоминала о себѣ тихимъ и ласковымъ ржаніемъ... Ее надо было напоить передъ дорогой и дать овса.

Когда я вернулся съ нею съ берега Урала, надъ живописными кручами котораго красиво разлегся поселокъ, — въ нашемъ дворѣ оказались новые посѣтители. На распряженномъ возу сидѣли, свѣсивъ ноги и головы, 4 мужика,—два старика и двое молодыхъ. Видъ у нихъ былъ какой-то раздумчивый и печальный.

— Откуда Богъ несетъ?..—спросилъ я.

— Астраханскіе, а идемъ съ переселенія...

— Что-же такъ?

— Да такъ... Дома-те плохо, да и тамъ тоже...

— Земля плохая?

— Земля, видишь ты, ничего-бы, — отвѣтилъ медленно старикъ,—земля гожа, вода близко и луга хорошіе... Морозомъ когда и побьетъ, ну, не всегда! Кормиться бы можно.

— Такъ что-же?

— Далеко, дорогъ нѣтъ. За Орскъ это и дальше, за Кустонай. До желѣзной дороги 400 верстъ, до Петропавловска тоже далече, базаровъ нѣтъ, въ городъ вези, а на чемъ повезешь?

— Значитъ, — поясняетъ другой,—сытъ будешь, а ходи нагой и босой... Куда съ хлѣбомъ дѣнешься?

— Живутъ люди,—угрюмо возразилъ молодой парень.

— Намъ одинъ человѣкъ говорилъ: вамъ, старики, добра ужъ тутъ не видать при своей жизни, а дѣти счастливы будутъ, когда проведутъ желѣзную дорогу... А когда ее проведутъ? Ну, мы и того, и повернулись...

— А не надо бы—опять говоритъ молодой. Дома тоже

чего наживешь!..—У него жизнь впереди, и онъ, повидимому, надѣялся еще „увидѣть добра“ на новыхъ мѣстахъ.

— Да и дома,—такъ же вяло продолжаетъ разсказчикъ.— Земли мало, вода чужая... степь только клинушкомъ къ намъ подошла, выгонъ чужой, озеро чужое... Никакого тебѣ удовольствія...

И опять они сидятъ, свѣсивъ головы, четыре русскихъ человѣка на распутьи между постылымъ настоящимъ и неопредѣленнымъ будущимъ... Пока что, они тоже работали у казаковъ. О ташлинскомъ столкновеніи при наемкѣ разсказываютъ нѣсколько иначе, чѣмъ нашъ хозяинъ.

— Казаки что!.. Народу сила огромная... Осердились, и казаковъ было смяли. Прискакалъ атаманъ, они и его приняли... Да тутъ выискался мужичокъ одинъ, ну, и усмирилъ...

— Какимъ-же образомъ?

— Да онъ, видишь ты, семьянный. Ну, семьяннымъ-те трудно, такъ что—харчиться надо, а откуда возьмешь? Оголодали. Они, смирные-то, нанялись-бы, да другіе-то, вишь, не дозволяютъ. Бить грозятъ. Вотъ онъ, мужичокъ, значится, и того... И сдѣлался въ родѣ сказать юродивый: схватилъ ножикъ, давай за мужиками гоняться...

— Зачѣмъ?

— А низачѣмъ, для усмиренія. Они, значитъ, отъ его въ страхъ пришли, давай разбѣгаться, а тутъ казаки на нихъ и припустили... Этакъ-ту вотъ и усмирились. А то-бы гдѣ-же казакамъ...

Самъ разсказчикъ, повидимому, изъ „смирныхъ“, разсказывалъ объ этомъ своеобразномъ эпизодѣ спокойно, какъ будто самъ не былъ вынужденъ изъ-за этого работать за половинную цѣну...

Хозяева сказали мнѣ, между прочимъ, что въ Бородинскомъ поселкѣ, при австрійской моленной доживаетъ свой вѣкъ „баушка Душарея“ (своеобразное измѣненіе имени Авдотья), старуха ста-десяти лѣтъ отъ роду. По ихъ словамъ, она ослѣпла, но сохранила память и порой бываетъ очень разговорчива.

Мнѣ, разумѣется, захотѣлось посѣтить эту бабушку Душарею и, розыскавъ моленную, я вошелъ въ сѣни. Всѣ ставни моленной были наглухо закрыты. Изъ глубины помѣщенія на меня пахнуло запахомъ масла и ладона, и вначалѣ я не могъ ничего разсмотрѣть въ темнотѣ. Черезъ нѣкоторое время, однако, передъ привыкшимъ взглядомъ замелькали блестками въ глубинѣ просторной избы иконныя ризы, налой, паникадила... Было совершенно тихо, казалось, здѣсь не было ни живой души. Никто не откликался на мой вопросъ...

Но вдругъ рядомъ со мной, на лежанкѣ въ сѣняхъ что-то

зашевелилось, и старый голосъ, точно шелестъ листьевъ на деревѣ, спросилъ:

— Ты, Никитушка? Принесъ, что ли?

Я вздрогнулъ отъ неожиданной для меня близости этого голоса, и затѣмъ разглядѣлъ на скамьѣ, подъ стѣнкой, въ углубленіи маленькую сгорбленную фигуру сѣдой старухи. Она была совершенно слѣпа и, повидимому, глуха: мое появленіе ее не удивило. Она продолжала прясть и дрожащей рукой выводила тонкую нитку, на концѣ которой тихо жужжало веретено.

— Нѣтъ, бабушка, это не Никита. Я—чужой человѣкъ,—отвѣтилъ я, наклоняясь къ ея уху.

— Чужой?—спросила она, какъ будто встрепенувшись.—Что же тебѣ, чужому, надо? А?.. Ну-ну,—продолжала она успокоившись, когда я по возможности ясно сказалъ, что я пріѣзжій, слышалъ о ней, и хотѣлъ бы побесѣдовать о старыхъ годахъ.

Къ сожалѣнію, бесѣда удавалась плохо. Я попалъ, очевидно, въ минуту неблагопріятную, когда старая память потускла и умъ стараго человѣка работалъ, какъ хриплая, испорченная шарманка. Какіе-то клочки воспоминаній, безсвязные и отрывочные, вспыхивали и тотчасъ же гасли, а рѣчь переходила въ малопонятный шопотъ...

Я узналъ только, что „баринъ“ (такъ она называла Давыда Бородина) купилъ ихъ „по-смерть“. Жить было трудно, охъ, трудно... Барщина была... Ныньче вотъ народъ балованный: беременныя бабы,—ужъ онѣ и не работницы... А прежде беременныя кирпичи таскали... Да... еще, говоритъ, лучше: положи, говоритъ, на брюхо десяточекъ, и неси... хо-хо... Да, положи, говоритъ, ничего!..

Она засмѣялась, покачала старой головой и, какъ-будто что прояснилось у нея въ памяти,—прибавила со вздохомъ:

— Коли не трудно было, дитятко... Управители строгіе, работа чижолая... Дастъ, знаешь, три пудовки... а чистили руками въ ступахъ... Вотъ, знашь, разъ этакъ-ту... Моloденька я была...

Она, видимо, хотѣла разсказать какой-то эпизодъ изъ прошлаго, но вспышка старой памяти угасла. Она только кивала головой, и блѣдныя губы скорбно шевелились безъ звуковъ...

— А откуда, баушка, бородинскіе крестьяне?—спросилъ я, чтобы вызвать ее изъ забытья.

— А? Что? Ты все здѣсь? Откуда крестьяне? Да разные народы были, разные. А то ерзаловъ пригналъ, Богъ знаетъ откуда, дальные. И баяли не по нашему, по ерзальски *).

---

*) Это указаніе, въ связи съ разсказами о томъ, что въ Бородинскомъ

И она опять замолчала. Въ полутемной моленной водворилась тишина, показавшаяся мнѣ какой-то жуткой. Веретено съ тихимъ жужжаніемъ вертѣлось въ привычной рукѣ, по временамъ какъ-то жалобно стукаясь объ полъ. Старыя губы шевелились; бабушка Душарея бормотала что-то, забывъ обо мнѣ; повидимому, ея память, какъ заведенная старая машина, продолжала выбрасывать клочки безсвязныхъ воспоминаній.

— Молòденька я была... да, молòденька, молодёшенька...— слышалось мнѣ въ этомъ неразборчивомъ шопотѣ...

Я вышелъ, не прощаясь съ нею, изъ моленной и невольно зажмурилъ глаза на свѣтлой улицѣ, гдѣ уже ждалъ меня Макаръ Егоровичъ съ телѣжкой...

Въ верстѣ за Бородинскимъ поселкомъ намъ пришлось переѣхать глубокій оврагъ, называемый Крутою рóстошью. Оврагъ этотъ весь лежитъ на землѣ Бородинской станицы, но по старой памяти починка моста составляетъ повинность илецкихъ казаковъ.

За ростошью влѣво нѣсколько маровъ обозначаютъ илецкую границу, а вправо раскинулись широкія поймы Урала, съ степными рѣчками Кòшемъ и Заживной. На другой сторонѣ въ Уралъ падаетъ рѣчка Голубая. Въ этихъ мѣстахъ сохранились еще слѣды двухъ старыхъ городищъ, къ которымъ мѣстное преданіе пріурочиваетъ древній Кошъ-Яицкій городокъ и Голубое городище. Примѣшиваютъ сюда же еще имя Маринки (извѣстно, что Марина Мнишекъ бѣжала на Яикъ и нѣкоторое время держалась въ укрѣпленіи, но не здѣсь, а на низовьяхъ Урала).

Эта часть рѣки, удобная, повидимому, для переправы, долго служила какъ бы воротами для киргизской орды, перелàзившей черезъ броды и дѣлавшей экспедиціи на незащищенныя русскія поселенія. Самое слово „Кошъ", по объясненію мѣстныхъ казаковъ, означаетъ „дорогу".

— Они, видите ли, посылали впередъ развѣдчиковъ,—говорилъ мнѣ одинъ старожилъ,—а потомъ спрашивали у нихъ: „кошъ аманъ"?—Значитъ, дорога свободна-ли. И ежели было свободно, тогда уже орда валилась за развѣдчиками. Ну, тоже ихъ наши родители винтовками тутъ жарили порядочно —прибавилъ разсказчикъ, улыбаясь...—Много киргизскихъ костей здѣсь въ лугахъ истлѣло...

поселкѣ было много мордвы, повидимому, точно пріурочиваетъ происхожденіе бородинскихъ казаковъ отъ мордовскаго племени «ерзя», живущаго въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за Крутой ростошью, на пыльной дорогѣ за нами послышался топотъ и показался быстро скакавшій верховой. Когда онъ поровнялся съ нашей телѣжкой, изъ тороковъ у него свалился кафтанъ и упалъ на дорогу.

— Эй, товарищъ!—крикнулъ Макаръ Егоровичъ.—Кафтанъ, гляди, потерялъ.—Казакъ повернулъ лошадь и, не слѣзая, поднялъ кафтанъ съ земли.

— Летучка, что ли?—спросилъ Макаръ Егоровичъ.

— Стафета Ивану Ивановичу,—отвѣтилъ казакъ и, опять хлестнувъ свою лошадь, помчался впередъ, по степной дорогѣ.

„Летучкой" по объясненію моего спутника, называютъ особый видъ почты. Въ экстренныхъ случаяхъ изъ войскового правленія посылается пакетъ, который и идетъ отъ поселка къ поселку, препровождаемый верховыми гонцами. Въ недавнее еще время къ конверту сургучомъ прикрѣплялось перо, какъ эмблема быстроты. Получивъ такую летучку хотя бы среди ночи, поселковый атаманъ немедленно снаряжаетъ гонца, и верховой казакъ мчитъ эстафету до слѣдующаго поселка. Обычнаго почтоваго тракта здѣсь нѣтъ, а станичная почта идетъ не каждый день и движется очень нетороппливо. Въ данномъ случаѣ „летучка" догоняла войскового агронома Ивана Ивановича Иванаева, который на зарѣ проѣхалъ черезъ Бородинскій поселокъ, направляясь въ верховыя станицы, съ какими-то служебными цѣлями...

Вскорѣ клубокъ пыли, изъ котораго еще нѣсколько времени доносился къ намъ частый топотъ копытъ, скрылся на поворотѣ дороги за небольшимъ уваломъ...

Кинделинскій поселокъ на Илецкой землѣ.—Въ гостяхъ у поселковаго атамана.—Пренія о вѣрѣ.—Пограничныя недоразумѣнія и военныя дѣйствія между двумя общинами.

У самаго въѣзда въ Кинделинскій поселокъ (уже на илецкой землѣ) насъ встрѣтилъ высланный поселковымъ атаманомъ казакъ, который сообщилъ, что Иванъ Ивановичъ теперь у атамана и что насъ просятъ заѣхать туда же.

Скромная квартира поселковаго атамана, Андрея Яковлевича Калмыкина, была на этотъ разъ полна народа. Въ поселкѣ недавно закончилось собесѣдованіе о вѣрѣ, на которое, по приглашенію мѣстныхъ поморцевъ, пріѣзжалъ изъ Нижегородской губ. очень извѣстный начетчикъ г-нъ А. Надеждинъ, съ четырьмя помощниками. Церковная сторона, въ свою очередь, выдвинула свои лучшія миссіонерскія силы,

въ лицѣ двухъ миссіонеровъ и шести священниковъ. Собесѣдованія происходили въ присутствіи поселковаго атамана, на площади, и продолжались, не смотря на рабочее время, четыре дня. Какъ это всегда бываетъ, обѣ стороны считали себя побѣдителями, и теперь въ квартирѣ атамана мы застали еще довольно оживленные отголоски спора. Атаманъ, изъ казачьихъ урядниковъ, держалъ себя благодушно и просто, но самъ былъ на сторонѣ пріѣзжихъ.

— Нѣтъ, куда,—говорилъ онъ какому-то старому казаку, сидѣвшему на кончикѣ стула съ большой книгой на колѣняхъ.—Какъ онъ вамъ сказалъ насчетъ благодати... То-то вотъ и есть... И прилпне языкъ къ гортани...

Казаки зашумѣли.

— Нѣтъ, ты погоди, Андрей Яковлевичъ! Ты это неправильно... Почему же, когда такъ, самъ онъ не отвѣтилъ... А какимъ чиномъ принимали еретиковъ до такого-то собора?

— Да ну васъ!—благодушно отбивался атаманъ.—Давайте лучше о дѣлѣ говорить... А прежде—выпьемъ... Господа, пожалуйте! Иванъ Ивановичъ, милости просимъ.

Отъ религіозныхъ темъ разговоръ перешелъ къ предметамъ болѣе близкимъ. Заговорили о тяжбѣ илецкаго войска съ уральскимъ,—недавніе противники тотчасъ же объединились въ одномъ чувствѣ.

— Бѣда совсѣмъ, — наперебой жаловались казаки,—не знаемъ, что и будетъ.

— Пашемъ, напримѣрно, у самаго Иртека, а скотину поить ступай за десять верстъ, въ Кинделю.

— Это почему же?

— Да вѣдь они, иртецкіе, не пускаютъ къ водопоямъ.

— Даже такъ, что пикеты разставили... точно отъ киргизовъ.

— Кажную осень не то что бой—убійство идетъ...

— Однако,—сказалъ я, улыбаясь, сидѣвшему около меня атаману:—у васъ тутъ, повидимому, настоящая война...

— Упаси Богъ,—отвѣтилъ онъ.—Вѣрно вы изволили выразить; настоящее военное дѣйствіе. Повѣрите—истинно наподобіе орды, даже въ плѣнъ уводятъ... Вотъ, напримѣръ, въ прошломъ годѣ казакъ моего поселка Ипатій Мякушинъ печку клалъ. На пашнѣ у него въ степи хуторокъ маленькій, такъ вздумалъ, знаете, печурку скласть для печенія хлѣба. Сидитъ себѣ мой Ипатій на печкѣ, умазываетъ трубу... Вдругъ наѣзжаютъ иртецкіе... И атаманъ, замѣтьте, съ ними. Стащили раба божія съ печки, давай таволгàми жарить.

— У атамана-то, говоритъ, тàволга-те всѣхъ тверже,—замѣтилъ, улыбаясь, одинъ изъ казаковъ.

— Этого еще мало. Взяли его, привязали руки свистомъ.

— Что это значитъ свистомъ?—спросилъ я.

— Свистомъ, значитъ локти назадъ, а кисти связали на груди. Да подъ локти-то, знаете, шестъ продѣли. Мучительная самая вещь! А потомъ посадили на задокъ телѣги, шестъ прикрутили покрѣпче,—айда по степѣ цѣлиной, только лошадей нахлестываютъ...

— Вѣрно, что по киргизской модѣ. Только орда дѣйствовала арканами, а тутъ, значитъ, свистомъ. А сласть-то одна...—опять пояснили казаки.

— Привезли къ себѣ на хуторъ, атаманъ взялъ, да и надѣлъ ему на голову дѣтскій колпакъ... Въ видѣ, разумѣется, безчестія всему Илеку. Вотъ, дескать, посмотрите илецкихъ казаковъ! Потомъ налилъ чаю, опустилъ туда кусокъ копченой воблы, даетъ пить...

— Что же, этотъ Ипатій жаловался?

— Конечно, какъ я атаманъ, приходитъ ко мнѣ. Такъ и такъ. Ну, я, разумѣется, вступился. Потому что какое же, помилуйте, у него право хватать моихъ казаковъ да еще на моей землѣ? Ежели онъ у тебя что нибудь сдѣлалъ, напримѣръ, въ твоемъ поселкѣ,—вяжи хоть за ноги! А то пріѣхалъ ко мнѣ и моихъ же людей хватаетъ... Я сейчасъ въ войсковое правленіе отзывъ. И въ отзывѣ выразилъ такъ, что, дескать, слыхали мы, этакъ дѣлали башибузуки въ турецкой державѣ и то еще до 1878 года. А что нынѣ этакъ же поступаетъ казачій атаманъ Благодарновской станицы, надо думать, подъ вліяніемъ Бахуса...

— Что говорить!—одобрили слушатели, очевидно, чрезвычайно довольные выразительнымъ стилемъ своего атамана...—Написалъ Андрей Яковлевичъ здорово...

— Ну, и что же?—спросилъ я.

— Да что,—какъ-то сконфуженно досказалъ атаманъ, наливая себѣ и намъ водки... Вызвали въ Уральскъ и того...

— И въ кутузку,—улыбаясь докончилъ Иванъ Ивановичъ.

— Вѣрно. Что дѣлать. Говорится пословица: „Скажешь правду, теряешь дружбу". Выпьемъ, господа...

При этомъ простодушномъ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ и дипломатическихъ нотахъ, о казачьихъ пикетахъ, стоящихъ на спорной границѣ и о захватѣ въ плѣнъ „моихъ людей" сосѣднимъ атаманомъ—мнѣ какъ-то невольно вспомнилась первая моя встрѣча на уральской землѣ, рыбопромышленная застава и доморощенный уральскій Суворовъ... Такими Суворовыми, очевидно, полна вся эта вольная степь, гдѣ не только станичные, но и поселковые атаманы вынуждены вести войны и писать дипломатическія ноты. И все это за 10—15 рублей вознагражденія!..

Поѣздка къ верховьямъ рѣчки Киндели.—Нашъ новый спутникъ.—Желѣзная дорога и верблюды.—Спиритическія явленія въ казачьихъ степяхъ.—А. В. Щаповъ.—Ночлегъ въ степи.

Изъ Киндели́нскаго поселка нашъ маршрутъ измѣнялся: съ „линіи" мы рѣшили повернуть къ сѣверу, въ глубину степи, къ верховьямъ степныхъ рѣчекъ Киндели и Иртека. Непосредственной цѣлью этой поѣздки былъ хуторъ А. В. Щапова, отставного казачьяго офицера, человѣка интеллигентнаго и даже отчасти извѣстнаго въ спеціально правда—спиритической литературѣ...

Одному изъ старыхъ казаковъ, расходившихся теперь изъ Кинделинскаго поселка по своимъ хуторамъ,—Дмитрію Ефимовичу Полякову, путь лежалъ нѣкоторое время съ нами, и онъ, вмѣстѣ съ бережно уложенными въ сумку старопечатными книгами, помѣстился на передкѣ нашей скромной телѣжки.

Это былъ очень красивый старикъ съ тонкими чертами лица, выразительными глазами и мягкой сѣдой бородой. Глядя на это лицо, я думалъ невольно, что такая тонкость и правильность очертаній свидѣтельствуетъ, вѣроятно, о старой культурѣ, покрытой затѣмъ нѣсколькими поколѣніями казачества. Фамилія нашего спутника была Поляковъ. Это отчасти подтверждало мое предположеніе. Во многихъ родословныхъ нетрудно прослѣдить, какъ какой-нибудь „плѣнный шведской нацыи человѣкъ" Иванъ Шведъ во второмъ поколѣніи давалъ уже русскихъ людей, Шведовыхъ, а въ одномъ архивномъ документѣ я встрѣтилъ яицкаго казака съ венеціанской фамиліей Маркобруновъ. Немудрено, что и этотъ Поляковъ могъ представлять отпрыскъ какого-нибудь конфедерата, закинутаго политическими бурями въ ту же далекую степь, въ которой очутился и загадочный Марко-Бруно... И можетъ быть также, что предки его когда-то защищали Ченстоховскую божію матерь и громили схизму и диссидентовъ съ той же страстью, съ какой этотъ ихъ потомокъ громитъ теперь никонову прелесть, и даже въ эти минуты, сидя противъ меня въ телѣжкѣ, катившейся по пыльной степной дорожкѣ,—отстаивалъ древлее православіе и старое перстосложеніе...

Да, думалось мнѣ невольно,—какъ часто наши отношенія къ небу опредѣляются случайностями нашего земного существованія... А наша телѣжка катилась, между тѣмъ, чудесными зелеными бережками красивой Киндели, по дорогѣ, то подбѣгавшей близко въ рѣчкѣ, то углублявшейся въ долинки между степныхъ уваловъ. Въ одномъ мѣстѣ нашъ но-

вый спутникъ указалъ рукой на одинъ такой увалъ, съ торчавшей на его гребнѣ вѣхой,—и широкимъ жестомъ какъ бы разсѣкая степь,—сказалъ:

— Инженеры прошли. Желѣзную дорогу поведутъ...

Это было такъ неожиданно для меня здѣсь, въ этомъ тихомъ степномъ раздольѣ, на такомъ дальнемъ разстояніи отъ послѣдняго вокзала, что я невольно оглянулся, и въ воображеніи моемъ какъ будто всталъ вдругъ черный силуэтъ паровоза на верхушкѣ невысокаго степного сырта... И даже, казалось, отголоски рѣзкаго свистка замираютъ гдѣ-то въ степныхъ даляхъ.

— И близко отъ васъ пройдетъ?—спросилъ Макаръ Егоровичъ.

— Вплоть.

— Что же вы... не боитесь желѣзной дороги?

— Ничего,—спокойно отвѣтилъ старый казакъ,—намъ она, пущай, не вредна... Вотъ только, баютъ, насчетъ верблюдовъ обидно: давитъ много...

Это соображеніе о верблюдахъ мнѣ приходилось слышать и раньше, какъ одно изъ существеннѣйшихъ возраженій противъ желѣзной дороги. Одна изъ особенностей верблюда— необыкновенная склонность къ безпечному кейфу цѣлыми обществами на самой серединѣ пыльныхъ степныхъ дорогъ. Казаки обыкновенно объѣзжаютъ ихъ, не дожидаясь, пока верблюды, брюзгливо кряхтя, надумаютъ подняться сначала на заднія, потомъ на переднія ноги. Паровозъ, конечно, менѣе внимателенъ къ обычаямъ почтеннаго степного аборигена. Другая особенность верблюда та, что, разъ поднятый окрикомъ или свисткомъ паровоза, онъ не уходитъ въ сторону, а бѣжитъ, не сворачивая, прямо впередъ. Поэтому на полотнѣ Уральской дороги можно иногда видѣть вереницу верблюдовъ, бѣгущихъ въ перевалку по шпаламъ, перебирая неуклюжими ногами, между тѣмъ, какъ сзади наползаетъ на нихъ черная лента поѣзда. Если поѣздъ великодушно остановится, верблюды опять, какъ ни въ чемъ не бывало, расположатся на полотнѣ, и тогда кондукторамъ приходится сгонять ихъ оттуда палками. Нерѣдко это кончается и трагически для степныхъ горбуновъ, гибнущихъ ежегодно на дорогѣ въ значительныхъ количествахъ, причемъ хозяева, конечно, не вознаграждаются. Это обстоятельство и вызывало теперь нѣкоторыя опасенія нашего спутника... Что паровозъ измѣнитъ когда-нибудь физіономію степи и ея отношеній,—а, можетъ быть, даже еще разъ перевернетъ самыя отношенія потомковъ къ небу,—это, повидимому, не приходитъ въ головы казачьей массы...

Мы опять въѣхали на сыртъ. Ничтожная вышка, пред-

вѣстникъ грядущаго нашествія пара, давно исчезла, передъ нами опять разстилалась степь, съ тихо колыхавшимися травами. На горизонтѣ, какъ застывшія волны какого-то загадочнаго прошлаго, лежали „мары"...

— Въ старину на марахъ маяки ставили, огни зажигали...—сказалъ Дмитрій Ефимовичъ, замѣтивъ, что я внимательно разглядываю цѣпь этихъ холмовъ, тянувшихся по сырту, къ Уралу.—Я еще помню: въ 1845 году орда промежду себя бунтовала, а тамъ и на нашихъ кинулась, побила казаковъ. Тогда на тѣхъ вонъ марахъ огни зажгли, потомъ по степѣ столбы огненные пошли... значитъ. Тревога сдѣлалась... Это уже въ послѣдній разъ тогда маячные огни горѣли... А въ старину, говорятъ, мѣсяца не проходило. Все, бывало, оттуда, изъ-за рѣки признакъ подавали. Днемъ—столбы дыма надъ степью стоятъ, ночью—огни... значитъ, гдѣ-нибудь орда крадется... А вотъ и моя хатка... Милости просимъ ко мнѣ.

Мы дѣйствительно подъѣзжали къ казачьему хуторку, съ наивной безпечностью невѣденія лежавшему посреди степи между бурнымъ прошлымъ и невѣдомымъ будущимъ. Здѣсь Дмитрій Ефимовичъ сошелъ съ нашей телѣжки, вмѣстѣ со своими старопечатными фоліантами, а мы, отказавшись отъ его приглашенія, опять двинулись въ путь, такъ какъ до ночлега было еще далеко...

До мельницы А. В. Щапова оказалось дальше, чѣмъ мы думали. Мы миновали бродъ (по мѣстному „перелазъ") черезъ рѣчку и проѣхали мимо нѣсколькихъ хуторовъ и маленькихъ скитовъ, укромно ютившихся въ кудрявой зелени. Закатъ засталъ насъ все еще въ степи, на незнакомыхъ дорогахъ.

Закатъ чудесный, задумчивый, полный какого-то особеннаго фантастическаго, чисто степного обаянія. Уже нѣсколько вечеровъ солнце садится въ дымныя тучи, которыя выглядываютъ изъ-за горизонта, какъ передовые отряды какой-то рати, готовящейся къ нашествію. Но знойное солнце слѣдующаго дня разгоняетъ ихъ, и днемъ небо виситъ надъ степью чистое и какъ-бы раскаленное, а она вся млѣетъ со своими сыртами и ростошками, рѣдкими островками зелени и марами. Но на этотъ разъ, казалось, облачная рать не на шутку собиралась съ новыми силами. Солнце садилось въ густыя, красноватыя тучи и тонуло въ нихъ, то появляясь временами въ видѣ кроваво-краснаго сегмента, то опять тяжело опускаясь въ густые свинцовые туманы. А во время этой борьбы облака подымались все выше. Степь постепенно блѣднѣла, теряла краски, стушевывалась и меркла, а встревоженнымъ вниманіемъ всецѣло овладѣвало небо. На немъ, среди

багровыхъ и огненныхъ сполоховъ, вставали причудливыя очертанія и мѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ. Казалось, померкшая степь тяжело грезитъ о прошломъ и эти грезы складываются въ вышинѣ туманными призраками... Облака тѣснились, выползали другъ изъ за друга... Вотъ какъ будто толпа людей, цѣлое море головъ рисуется на пламенномъ фонѣ. Потомъ снизу, надъ этой испуганной толпой, быстро клубясь, взвивается какой-то богатырскій образъ, готовящійся занять все небо... Точно сказочный богатырь, выдуманный этими засыпающими степями, подымается изъ туманнаго марева на встрѣчу бурной ночи, но скоро его очертанія мѣняются, колеблются, сплываютъ, и опять новыя толпы и новыя очертанія. А по другой сторонѣ однообразно-темной степи луна, огромная и блѣдная, какъ призракъ, старается пробиться изъ сплошной синей мглы... Впрочемъ, можетъ, и это только марево... Нѣтъ. Еще немного, солнце окончательно гаснетъ, тучи какъ будто тяжелѣютъ, мгновенный вѣтеръ пробѣгаетъ по степи, какъ бы торопясь за послѣдними лучами, а луна вырѣзается рѣзко и ясно... Надъ степью ложится вечеръ, мглистый, смутный, тревожный, полный ощущенія тихо надвигающейся ночной грозы...

Оставивъ въ сторонѣ поселокъ Герасимовскій и Измайловку, населенную казаками-татарами, мы, наконецъ, спустились уже среди глубокихъ сумерекъ къ берегу Киндели, къ такъ называемой Щаповской мельницѣ.

Можетъ быть, причиной этому былъ тревожный закатъ и какая-то напряженная нервность природы, только мѣсто, куда мы подъѣхали, произвело на меня впечатлѣніе необычайной грусти. Прежде всего на гребнѣ холма смутно вырисовались влѣво отъ дороги восемь крестовъ. Это было семейное кладбище владѣльца мельницы. Дальше изъ густой массы деревьевъ, въ которыхъ тонули всѣ очертанія строеній,—несся глухой шумъ мельничныхъ колесъ и поставовъ... Какіе-то люди толпились на плотинѣ, откуда уже мы могли разглядѣть широкій прудъ... Небольшой островокъ съ красивыми деревьями отражался, опрокинутый въ темной глубинѣ. Все это было очень красиво и печально.

Въ этомъ уголкѣ первобытная степь съ ея простыми и неподвижными общинными порядками сдѣлала попытку перехода къ высшей культурѣ. Издавна уже нѣкоторыя отрасли хозяйства, требующія какъ бы отчужденія общинной земли въ пользу предпринимателей, получили право гражданства на Уралѣ. Таковы, напримѣръ, подъ Уральскомъ— „сады", требующіе значительныхъ затратъ и ухода и находящіеся въ рукахъ болѣе состоятельныхъ членовъ казачьей общины. Земля подъ садами считается не отчужденной, но,

разумѣется, фактически она находится въ полномъ владѣніи собственника сада. Такимъ же образомъ, прекрасные многоводные пруды на Кинделѣ были во владѣніи Щаповыхъ. А. В. Щаповъ, вмѣстѣ съ другимъ интеллигентнымъ казакомъ, затѣяли здѣсь цѣлую систему нововведеній. Кромѣ мельницы и обширнаго хозяйства, они рѣшили эксплуатировать прекрасныя воды запруженной Киндели, разводили искусственно разныя породы рыбы. Надъ прудомъ горѣло даже электричество...

Кончилось все это, однако, печально. На наши разспросы объ А. В. Щаповѣ мельникъ отвѣтилъ, что мельница уже продана другому владѣльцу. Недавно здѣсь случился пожаръ, причемъ прежняя мельница, деревянная, но прекрасно обставленная, сгорѣла до тла. При этомъ погибло нѣсколько человѣкъ, застигнутыхъ пожаромъ среди ночи, и вдобавокъ самое зданіе, по казачьей безпечности, оказалось незастрахованнымъ. Владѣльцамъ пришлось продать свои права на этотъ чудесный уголокъ, электрическій свѣтъ погасъ, а въ новой мельницѣ водворился другой владѣлецъ.

— А гдѣ же Андрей Васильевичъ?—спросилъ мой спутникъ.

— Да онъ сегодня былъ здѣсь. Келійка у него тутъ пока въ амбарушкѣ. Только теперь онъ все больше на степѣ. Жнейка у него съ молотилкой куплена, вотъ онъ и ѣздитъ съ ними, казачьи хлѣба жнетъ.

— Что жъ, какъ дѣла?

— Да что. Дѣла бы ничего. Нынѣшній годъ—слава те Господи... Да вы Андрея-то Васильича знаете?

— Знаю.

— А знаете, такъ и говорить нечего. Въ долгъ много жнетъ... Конечно, благодарятъ люди,—прибавилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ ясно слышалось пренебреженіе къ такой дешевой вещи, какъ людская благодарность...

— Значитъ, теперь гдѣ же намъ искать его?

— Да надо опять вернуться въ Герасимовку. Тамъ скажутъ...

Мы опять пустились обратно по той же дорогѣ. Вечеръ по прежнему былъ сумраченъ, однако, у грозы все еще не было силы, чтобы заполонить все небо: хотя луна на долго скрывалась въ клубящихся тучахъ, но сверху, съ зенита, на засыпающую степь, спокойно мигая, глядѣли въ просвѣты ласковыя звѣзды. Сзади насъ провожалъ глухой гулъ мельничныхъ шлюзовъ...

— Когда-то,—сказалъ, улыбаясь, мой спутникъ,—объ этой мельницѣ много писали въ газетахъ. Здѣсь происходили какія-то спиритическія явленія...

Дѣйствительно, мельница А. В. Щапова на Кинделѣ когда-то (въ семидесятыхъ годахъ) привлекала вниманіе прессы, какъ арена загадочныхъ явленій. Раздавались необъяснимые стуки, летали различные предметы, появлялись таинственные огни,—однимъ словомъ — происходило все то, что и теперь отъ времени до времени повторяется въ нѣкоторыхъ „одержимыхъ" уголкахъ нашей матушки Россіи. Но тогда у насъ это было еще вновѣ. Первыя извѣстія о дѣйствіяхъ этой модной чертовщины въ казачьихъ степяхъ появилось въ войсковыхъ областныхъ вѣдомостяхъ. Перепечатанныя затѣмъ столичными газетами, они вызвали интересъ къ далекой степной мельницѣ, и тогда на хуторъ была командирована мѣстнымъ начальствомъ особая коммиссія. Сначала члены коммиссіи принялись за дѣло очень серьезно, намѣреваясь производить изслѣдованія „почвеннаго электричества" и т. д. Мѣстное высшее начальство, находившее, что хозяйничанье „невѣдомой силы" во ввѣренной ему казачьей области составляетъ уже нарушеніе порядка, — требовало скораго выясненія дѣла и обузданія загадочнаго своевольства. Вскорѣ коммиссія пришла, однако, къ убѣжденію, что изслѣдованія почвеннаго электричества излишни, и что дѣло объясняется гораздо проще при допущеніи прямого вліянія „человѣческихъ рукъ". А. В. Щаповъ и издатель журнала „Ребусъ" г. Аксаковъ остались при своемъ мнѣніи, но коммиссія, напечатавшая свой отчетъ въ войсковыхъ вѣдомостяхъ, не пускаясь въ детали, закончила успокоительнымъ сообщеніемъ, что теперь явленія уже не повторятся, такъ какъ къ этому приняты начальствомъ особыя мѣры.

Мѣры состояли въ томъ, что тогдашній войсковой атаманъ призвалъ къ себѣ А. В. Щапова и, сдѣлавъ ему краткое „внушеніе", пригрозилъ „всей строгостью законовъ". Впослѣдствіи г-нъ Щаповъ напечаталъ въ „Ребусѣ" всю эту исторію и очень ѣдко отозвался о притязаніи начальства повелѣвать таинственными силами природы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы эти послѣднія зависѣли отъ него, то послѣ столь неосновательнаго приказа стуки и все прочее повторились бы съ особенной силой. Но онѣ, несомнѣнно, отъ него не зависѣли, и... послѣ начальственнаго окрика таинственныя силы природы смирились и затихли...

Теперь всѣ почти свидѣтели и свидѣтельницы таинственныхъ происшествій, по крайней мѣрѣ, изъ семьи и домочадцевъ А. В. Щапова — покоятся на семейномъ кладбищѣ подъ темными крестами...

Подъ впечатлѣніемъ этой сумрачной мельницы съ таинственно-мерцающими водами, фантастическими островками и глухимъ шумомъ колесъ, а еще болѣе подъ вліяніемъ разсказовъ о постигшихъ владѣльца невзгодахъ, — я ждалъ встрѣтить въ лицѣ А. В. Щапова человѣка угрюмаго, задумчиваго, убитаго судьбой и угнетеннаго обстоятельствами. Позднимъ вечеромъ, проѣхавъ по улицамъ станицы Герасимовки, мы остановились у казачьяго двора, гдѣ, какъ намъ сказали, Щаповъ ночуетъ иногда, пріѣзжая съ пашни. На этотъ разъ его не было, съ пашни вернулся только его подручный, для котораго хозяева уже истопили баню. Однако, узнавъ, что мы ѣдемъ къ Андрею Васильевичу, утомленный работникъ тотчасъ же взгромоздился на облучокъ, чтобы показать намъ дорогу. Меня, вообще, поразило необыкновенное радушіе, почти нѣжность, являвшаяся у всѣхъ этихъ людей при упоминаніи имени Андрея Васильевича: казаки охотно указывали дорогу и провожали насъ по станицѣ, а вотъ этотъ усталый человѣкъ отказался даже отъ бани послѣ недѣли труда на молотилкѣ...

Въ какой-то лощинѣ надъ рѣчкой работникъ отпрягъ нашу усталую лошадь, и молодой киргизъ Нурей, субъектъ необыкновенно молчаливый и мрачный, поймалъ на лугу лошадь Щапова, запрягъ ее и сѣлъ къ намъ на облучокъ. Черезъ четверть часа, поднявшись на возвышенный сыртъ, мы увидѣли въ голой степи небольшой блѣдный огонекъ около огромныхъ ометовъ соломы, а еще черезъ нѣсколько минутъ насъ радостно привѣтствовалъ самъ хозяинъ.

Къ моему удивленію, вмѣсто убитаго судьбой и неудачами мрачнаго мизантропа, я увидѣлъ небольшого, уже сильно посѣдѣвшаго человѣка, необыкновенно подвижнаго, жизнерадостнаго и бодраго... Онъ только что кончилъ работу, и завтра мы бы его уже не застали, такъ какъ онъ готовился на утро сняться съ мѣста и уйти для молотьбы дальше вглубь степи... Послѣ своего крушенія, онъ купилъ жнейку и молотилку и, нанимаясь у казаковъ, по его словамъ, уже почти окупилъ свои затраты...

Скоро вспыхнулъ новый костеръ изъ сухого степного бурьяна, освѣщая приставленный къ огню чайникъ, небольшой шалашъ изъ соломы и фигуру киргиза Нурейки, возившагося около возовъ и лошадей. Хозяинъ засыпалъ насъ вопросами о новостяхъ, о политикѣ, о китайской войнѣ, о литературѣ, о событіяхъ внутренней жизни. Ко всему этому онъ относился съ живымъ интересомъ, почти съ жадностью интеллигентнаго человѣка, заброшеннаго въ далекую степь, куда письмо и газета добираются отъ ближайшей почты (въ Илекѣ) при счастливой „оказіи"...

Полночь застала насъ еще за разговорами на мягкой соломѣ, на краю омета. Тучи еще разъ разошлись, не осуществивъ своихъ угрозъ, луна спокойно взбиралась на высоту, освѣщая оживавшія степныя дали. Легкій вѣтеръ шевелилъ солому и порой гналъ откуда-то по степи сухіе круглые шары перекати-поля, невдалекѣ лошади жевали овесъ, и Нурейка безпечно храпѣлъ на обмолоченной соломѣ...

— Ну, что?—спрашивалъ меня Андрей Васильевичъ,— что вы скажете о нашей сторонѣ? Каковъ нашъ Яикъ Горынычъ?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ съ восторгомъ:

— Ахъ, батюшка! Что за сторона, что за народъ!.. Видали вы, какъ вѣютъ хлѣбъ.—Шелуху, мелкое зерно, всякую, понимаете, дрянь степной вѣтеръ уноситъ къ чорту... На мѣстѣ остается только отборное зерно, „головка", тяжелое, вѣское, крѣпкое. Такъ и наши казаки. Вѣдь это была окраина, рубежъ, тутъ еще недавно лилась кровь, на пашню вооруженными отрядами выѣзжали. Ну, и происходилъ, понимаете, этотъ естественный подборъ. Все слабое гибло, что оставалось—значитъ ужъ самое жизнеспособное, богатыри...

Онъ приподнялся на соломѣ и продолжалъ развивать свою мысль, оживленно жестикулируя...

— Все это такъ,—сказалъ я на эту горячую рѣчь.—Да приспособленіе-то происходило къ условіямъ, которыя уже исчезли... А вотъ, что скажутъ новыя условія?

— Выдержатъ,—сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.—Возьмите нашъ родной ковыль... Вся трава посохнетъ иной разъ въ засушливое лѣто, ковыль держится... Отчего? Корни глубоко пускаетъ. Разъ, знаете, встрѣтилась намъ въ степи провалина, въ родѣ пещеры. Спустились мы туда, надъ головой у насъ пластъ земли толщиной сажени двѣ. И что же вы думаете: корни ковыля прошли насквозь!.. Такъ и казачество: крѣпкіе у насъ, батюшка, корни...

Въ этой оживленной рѣчи слышалась глубокая, страстная любовь къ своему краю. *Такъ* нельзя любить ту или другую „губернію", административно-территоріальную единицу, лишь условной чертой отдѣленную отъ другой такой-же губерніи. Этотъ казачій край имѣетъ свою собственную очень яркую исторію, свои особые нравы, свои типы, свои пѣсни, свой особый укладъ жизни. Душевный строй казака тысячью нитей связанъ съ родною степью. „Гдѣ кровь лилась,—поется въ одной уральской пѣснѣ,—тамъ вязель сплелась. Гдѣ слезы пали, тамъ озера стали". Казакъ еще, такъ сказать, вживѣ помнитъ, гдѣ казачья кровь поила сухую землю, и гдѣ падали на нее слезы казачьихъ матерей, сестеръ и женъ. И онъ страстно любитъ свою степь съ этими красными пятнами

вязели, съ тихими извилистыми рѣчками, ериками, озерами, всю наполненную еще живыми, еще не совсѣмъ переболѣвшими воспоминаніями кровавой старины, полными своеобразнаго полусознательнаго степного романтизма...

Но всетаки условія, которыя вырабатывали этотъ типъ— уже, слава Богу, назади, а новыя условія идутъ быстро и требованія предъявляютъ тоже новыя...

Чрезъ часъ кругомъ меня все спало. Казаковъ родная степь убаюкала скоро и крѣпко, только мнѣ, чужаку, все еще не спалось. Я смотрѣлъ на звѣзды, на волнистыя очертанія нивъ, слушалъ тысячеголосый шопотъ и шелестъ сухого жнивья на степной возвышенности, вдыхалъ пряный ароматъ хлѣбовъ и по временамъ взглядывалъ на освѣщенное луною безпечное лицо Андрея Васильевича. Кто знаетъ, — думалось невольно, не это-ли истинный философъ, разрѣшившій мучительный вопросъ о счастьи: діогеновское презрѣніе къ земнымъ благамъ, простая и неоспоримо полезная работа, душевное равновѣсіе среди родной степи, въ которой знаешь и любишь каждую былинку, и доброжелательство окружающихъ людей... Что же нужно еще?..

Такъ думалось мнѣ,—впрочемъ только въ эту тихую ночь, успѣвшую тоже успокоиться послѣ тревожнаго вечера, —среди широкаго, безбрежнаго простора, обвѣяннаго ароматомъ травъ и хлѣбовъ и ласковымъ дыханіемъ убаюкивающаго ночного вѣтра...

В. Г. Короленко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Шумитъ гроза, рокочетъ громъ...
Сомкнулись тучи въ грозный рядъ...
Я вижу—молніи кругомъ
Зловѣщимъ пламенемъ горятъ.

И дождь, и градъ—картечь небесъ—
Разятъ нещадно, какъ свинецъ;
Шумитъ въ тоскѣ смертельной лѣсъ,
И плачетъ ель: «Всему конецъ!»

Напрасны льстивыхъ лозъ мольбы,
Лѣсныхъ царей тревожный стонъ:
Свершится приговоръ судьбы—
Отжившее изъ поля вонъ!..

Но ты, въ комъ жизни молодой
Кипитъ и бьетъ отрадный ключъ,
Не бойся вихрей, молній, тучъ:
Ты лишь окрѣпнешь подъ грозой!

С. Травиновъ.

„СОГРѢШИХЪ“.

Романъ Эрнеста Уильяма Хорнунга.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

XVI.

Конецъ поединка.

На слѣдующее утро Радамантъ явился уже не въ такомъ бьющемъ въ глаза туалетѣ, какъ наканунѣ, но въ костюмѣ для верховой ѣзды (онъ только что соскочилъ съ сѣдла), съ булавкой въ видѣ подковы въ бѣлоснѣжномъ галстухѣ, въ болѣе человѣческихъ воротничкахъ и съ болѣе оживленнымъ лицомъ. Карльтонъ съ первой же минуты почувствовалъ на себѣ его взглядъ и самъ, въ свою очередь, проникся новымъ интересомъ къ неизвѣстному ему юношѣ, въ рукахъ котораго была теперь его судьба, ибо настроеніе двухъ другихъ судей стало ему давно понятно. Впрочемъ, долго раздумывать объ этомъ было некогда. На свидѣтельской скамьѣ снова появился Томъ Айви, и обвиняемому было предложено приступить къ допросу безотлагательно.

Карльтонъ скоро доказалъ, что промежутокъ отдыха не пропалъ для него даромъ, и что онъ сумѣлъ воспользоваться опытомъ вчерашняго дня. Его вопросы были искусно подготовлены. Для перваго изъ нихъ не легко было найти благовидную форму, но онъ сумѣлъ это сдѣлать.

— Вы показали подъ присягой, что, когда вы вошли въ горящую церковь, у васъ при первомъ же взглядѣ на меня зародилось извѣстнаго рода подозрѣніе. Высказывали вы кому нибудь это подозрѣніе въ ту-же ночь?

— Въ ту ночь не высказывалъ.

— Или въ теченіе того мѣсяца?

— И въ тотъ мѣсяцъ не высказывалъ, сэръ.

— Почему же?

— Потому, сэръ, что я пересталъ васъ подозрѣвать.

Карльтонъ усиленно старался подавить свое удовольствіе, считая себя не вправѣ испытывать такое чувство. Ночью ему это удалось,—днемъ оказывалось труднѣе. Онъ помолчалъ немного, добросовѣстно стараясь изгнать изъ своихъ мыслей и голоса всякій оттѣнокъ торжества; но преимуществомъ своимъ, конечно, воспользовался.

— Можно узнать, когда у васъ исчезло подозрѣніе?

— Меньше, чѣмъ черезъ пять минутъ послѣ того, какъ мы стали вмѣстѣ работать для спасенія церкви.

— Вы вступили на опасную почву,—сказалъ предсѣдатель.—То, что свидѣтель думалъ, или пересталъ думать, не есть доказательство.

— Въ такомъ случаѣ, перейдемъ къ другому пункту. Вы помните, какой видъ имѣли лампы?

— Помню.

— Какой-же?

— Онѣ висѣли криво.

— Вы замѣтили, что парафинъ былъ вылитъ изъ нихъ?

— Да, когда на это обратили мое вниманіе.

— Гдѣ-же вы видѣли пролитый парафинъ?

— На загорѣвшихся скамьяхъ.

— Кто обратилъ на это ваше вниманіе?

— Вы сами, сэръ.

— Я самъ!—повторилъ Карльтонъ, усиливаясь придать своему голосу равнодушный оттѣнокъ.—Этого достаточно. Я еще разъ вернусь на минуту къ этимъ вашимъ подозрѣніямъ. Такъ вы никому и не высказывали ихъ?

— Нѣтъ, сэръ, высказывалъ.

— Какъ нѣчто такое, что было и прошло?

— Какъ такое, что было и прошло.

— Когда вы впервые высказали ихъ?

— Въ прошлую пятницу—18-го, сэръ.

— И тогда вы высказали ихъ по собственному побужденію, или васъ кто нибудь спрашивалъ?

— Меня спрашивали, сэръ.

— Какъ перваго, кто вошелъ въ горѣвшую церковь?

— Да, сэръ.

— Будьте осторожны!—вскричалъ предсѣдатель.—Это наводящій вопросъ.

— И послѣдній. Свидѣтель можетъ удалиться. Я кончилъ. Но я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы извиниться передъ господами судьями за различныя ошибки и промахи, которые я дѣлалъ и могу еще сдѣлать, по незнанію закона и неопытности, а также вслѣдствіе своего негодованія на ложное обвиненіе. На этомъ и только на этомъ основаніи я прошу у суда снисхожденія и позволенія исправить одну

изъ такихъ ошибокъ. Я слишкомъ поторопился вчера, когда сказалъ, что мнѣ не о чемъ больше спросить свидѣтеля Фуллера. Если судъ позволитъ, я желалъ бы еще разъ вызвать этого свидѣтеля.

Предсѣдатель довольно рѣзко возразилъ, что бываютъ случаи, когда вторичный вызовъ свидѣтеля является необходимостью, но упущеніе, сдѣланное защитникомъ обвиняемого, или самимъ обвиняемымъ, когда онъ самъ ведетъ свое дѣло, для этого слишкомъ недостаточная причина. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ свидѣтель находится въ залѣ засѣданія, онъ можетъ быть вызванъ.

— Я цѣню оказанное мнѣ снисхожденіе и обѣщаю не задерживать долго свидѣтеля,—сказалъ Карльтонъ.

Онъ сдѣлался рѣчистъ и ловокъ, какъ опытный адвокатъ. Въ промежуткахъ борьбы онъ стыдился этого, и его мучила мысль, что ему вовсе не слѣдовало-бы защищаться. Но онъ одинъ противъ многихъ и невиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ. Онъ долженъ бороться и вложить въ эту борьбу весь свой умъ и способности. Его свобода, уваженіе къ себѣ, единственный оставшійся у него шансъ, желаніе и цѣль жизни,—больше того, самая жизнь стоятъ на картѣ. Тутъ некогда думать о прошломъ. Грѣхъ, совершенный имъ—одно, а преступленіе, не совершенное имъ—другое. Его долгъ— быть справедливымъ къ самому себѣ, отнестись къ себѣ добросовѣстнѣе, чѣмъ, повидимому, къ нему относятся тѣ, отъ кого зависитъ его участь. И когда эта рѣшимость зазвучала въ его голосѣ, при звукѣ этого голоса вздрогнулъ не одинъ изъ тѣхъ, кто уже осудилъ его въ сердцѣ своемъ.

— По поводу вашего разсказа о пустомъ пасторатѣ и освѣщеніи въ церкви,—началъ онъ, обращаясь къ Фуллеру,— по поводу этого вашего вчерашняго разсказа,—совершенно правдиваго—я имѣю предложить вамъ одинъ вопросъ. Разсказывали вы объ этомъ кому нибудь въ то время?

— Одному только Тому Айви.

— Почему же только ему?

— Онъ просилъ меня держать языкъ за зубами.

— Вы такъ и сдѣлали?

— Я добросовѣстно молчалъ, сэръ, но разъ таки проболтался, говоря съ...

— Все равно съ кѣмъ; имени можете не называть. Вы добросовѣстно старались молчать объ этомъ, но въ концѣ концовъ всетаки проболтались въ разговорѣ. Теперь скажите мнѣ, когда вы въ послѣдній разъ разсказывали эту правдивую исторію, не считая вчерашняго дня, также полно и подробно, какъ вчера на судѣ? Подумайте! Мнѣ нужно знать въ точности, когда это было.

— Это было въ прошлую пятницу, сэръ. Позвольте, сегодня у насъ 22-ое—ну, да, значитъ, это было 18-го августа.

— Пятница на прошлой недѣлѣ, 18-го августа—роковой для меня день,—сказалъ Робертъ Карльтонъ...—Благодарю васъ. Больше мнѣ ничего не нужно.

Ни судьи, ни секретарь вопросовъ не предлагали. Свидѣтелю велѣно было удалиться.

Затѣмъ наступила краткая, но тягостная пауза, полная соображенія о томъ, къ чему клонились всѣ эти вопросы и почему обвиняемый такъ настойчиво добивался этого числа. Что-нибудь это должно было значить, но что? Карльтонъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, спокойный, непроницаемый, самоувѣренный. Казалось, прошло много времени, прежде чѣмъ молчаніе было нарушено оффиціальнымъ вопросомъ секретаря.

— Угодно вамъ вызвать свидѣтелей со стороны защиты?

Карльтонъ устремилъ свой взглядъ въ глубину залы и встрѣтился съ парой глазъ, неотрывавшихся отъ его лица и блестѣвшихъ, какъ ружейное дуло.

— Да,—сказалъ онъ.—Я прошу васъ вызвать, сэръ, Уильтона Глида.

Спокойно, но явственно произнесенное, это имя поразило присутствовавшихъ, какъ громовой ударъ. Изумлены всѣ были одинаково, ибо вопросъ объ исходѣ борьбы между этими двумя противниками давно ужъ занималъ весь округъ. Общее сочувствіе было, какъ и слѣдовало ожидать, на сторонѣ нравственности, и ея поборникъ своимъ великодушнымъ и тактичнымъ отказомъ засѣдать въ числѣ судей, только выигралъ въ глазахъ общества. Посадить его вмѣсто этого на свидѣтельскую скамью было со стороны его безстыднаго противника смѣлостью, столь же невѣроятной, какъ и непонятной. Въ залѣ все стихло, потомъ поднялся тихій говоръ, въ которомъ приняли участіе и сами судьи.

Уайльдерсъ пробормоталъ: „онъ сумасшедшій"; его коллега направо признался, что онъ смущенъ; его коллега налѣво прижался подбородкомъ къ золотой подковѣ, весь трясясь отъ смѣха. Сэръ Уильтонъ, принужденно усмѣхнувшись, сказалъ:

— Вы желаете посадить меня на свидѣтельскую скамью, такъ, что-ли?

— Желаю.

— Ваше желаніе будетъ исполнено.

Все такъ же усмѣхаясь, онъ принялъ присягу; лицо его выражало странную смѣсь злорадства и какого-то заискиванія; это цвѣтущее лицо говорило: „я хотѣлъ держаться все время въ сторонѣ; вы рѣшили иначе—что же, будетъ по вашему! Сами виноваты! Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ

и т. д., и т. д.,“ но въ душѣ сэръ Уильтонъ думалъ совсѣмъ другое.

Карльтонъ началъ съ самаго начала.

— Вы попечитель лонгстоунскаго прихода?

— Вы сами знаете.

— Я хочу, чтобы судъ слышалъ это отъ васъ; будьте любезны отвѣтить на мой вопросъ.

— Я попечитель лонгстоунскаго прихода, — выговорилъ сэръ Уильтонъ съ насмѣшливой покорностью.

— Предложили ли вы мнѣ въ 1880 г., по своей доброй волѣ, мѣсто священника въ этомъ приходѣ?

— Да, и потомъ все время раскаявался въ этомъ!

По залѣ пронесся сочувственный шопотъ и тотчасъ же стихъ. Каждый тянулся впередъ, напрягая слухъ и зрѣніе. То была уже не тяжкая борьба одного противъ всѣхъ, но поединокъ между двумя и, какъ всегда при поединкѣ, воздухъ былъ полонъ электричества.

— И въ послѣднее время вы въ этомъ раскаявались больше, чѣмъ обыкновенно?—спросилъ Карльтонъ твердымъ голосомъ. Кожа на его лбу, казалось, натянулась отъ внутренней боли; жилы надулись и посинѣли, но публика въ залѣ могла судить о его душевномъ состояніи только по его голосу.

— Само собой,—усмѣхнулся сэръ Уильтонъ.

— На столько, что рѣшили заставить меня отказаться отъ прихода?

— Я надѣялся, что у васъ хватитъ порядочности сдѣлать это.

— Приходили ли вы ко мнѣ пятаго числа текущаго мѣсяца и говорили ли мнѣ, что мой первый долгъ—отказаться отъ прихода?

— Я не помню числа.

— Было ли это въ субботу передъ праздникомъ?

— Кажется. Да, должно быть. Я не ожидалъ встрѣтить васъ тамъ. Я шелъ смотрѣть развалины вашего дома и церкви,—не васъ.

— Но вы, однако, были у меня и видѣли меня, и сказали мнѣ, что мой долгъ отказаться отъ прихода?

— Разумѣется, сказалъ.

— Вы помните свои слова?

— Нѣкоторыя помню.

Карльтонъ заглянулъ въ свою записную книжку—въ замѣтки, набросанныя ночью.

— Помните вы, что вы употребили слѣдующія выраженія: „Тамъ законъ, или не законъ, а я выгоню васъ отсюда!

Я вытравлю васъ отсюда! Я сдѣлаю такъ, что васъ разорвутъ въ куски, если вы останетесь"!

— Возможно, что я и говорилъ что-нибудь въ этомъ родѣ,— согласился свидѣтель съ напускнымъ равнодушіемъ.

— Говорили вы это или не говорили?—воскликнулъ Карльтонъ, ударивъ ладонью по ручкѣ скамьи. Этотъ голосъ, взглядъ и жестъ были знакомы многимъ изъ присутствовавшихъ, слыхавшихъ его проповѣди, и взволновали ихъ, не смотря на все то новое, что они знали о проповѣдникѣ.

— Право, я не могу припомнить въ точности выраженій. Мнѣ сдается, что они были сильнѣе.

Кто-то засмѣялся, и свидѣтель тоже заставилъ себя усмѣхнуться, но это вышло какъ-то неубѣдительно.

— Я говорю не о силѣ. Можете ли вы поклясться, что вы не говорили: Я выгоню васъ отсюда! Я вытравлю васъ отсюда?

— Нѣтъ, не могу!

— Благодарю васъ,—сказалъ обвиняемый, моментально переходя въ безукоризненно учтивый тонъ. Онъ сдѣлалъ отмѣтку въ своей записной книжкѣ, и судьи опять зашептались, а достойный предсѣдатель сдѣлалъ и больше: онъ на нѣсколько минутъ забылъ о своемъ оффиціальномъ положеніи и поспѣшилъ напомнить о немъ первымъ пришедшимъ въ голову замѣчаніемъ.

— Я не вижу цѣли этихъ вопросовъ.

— Сейчасъ увидите.

— А если не увижу, то прекращу ихъ.

Карльтонъ отвелъ глаза отъ записной книжки, но не для того, чтобы взглянуть на судей: онъ смотрѣлъ только на свидѣтеля.

— Вы помните, когда и гдѣ мы встрѣтились снова?

— Вы имѣли наглость придти ко мнѣ въ домъ.

— Не было ли это въ понедѣльникъ утромъ, на другой день послѣ праздника?

— Полагаю, что такъ.

— Я не стану васъ просить повторить въ точности все, сказанное вами въ этотъ разъ. Я просто попрошу васъ сообщить суду, предлагалъ я или не предлагалъ отказаться отъ прихода—на извѣстныхъ условіяхъ?

— Да, предлагали,—угрюмо буркнулъ сэръ Уильтонъ. Лицо его пылало.

— И вы отклонили предложеніе?

— Погодите минутку,—сказалъ предсѣдатель.—Что это были за условія, сэръ Уильтонъ?

— Развѣ я обязанъ приводить ихъ?

— О, если вы находите это неудобнымъ...

— Я нахожу это ненужнымъ. Я думаю, что это не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ Уильтонъ, мы будемъ очень счастливы не настаивать.

Карльтонъ былъ очень не прочь настоять на отвѣтѣ. Онъ предложилъ сэру Уильтону выстроить церковь на свой счетъ. Предложеніе его было отклонено. Карльтону любопытно было знать—неужели сквайръ будетъ отрицать и это? Но онъ побѣдилъ свое любопытство. Для защиты это не имѣло значенія, а до простой мести онъ не унизился. Такимъ образомъ, даже въ конечной фазѣ этого поединка между двумя хорошими бойцами онъ устоялъ отъ искушенія и отказался отъ одного преимущества. Но его врагъ видѣлъ эту борьбу и почувствовалъ то же, что онъ чувствовалъ, когда Карльтонъ на развалинахъ церкви возвратилъ ему его палку.

— И вы отклонили предложеніе?—повторилъ Карльтонъ совершенно тѣмъ же голосомъ, какъ и раньше.

— Отклонилъ.

— Указывалъ ли я вамъ на то, что я не только имѣю право, но могу быть принужденъ „содержать свою церковь въ цѣлости и добромъ порядкѣ, ремонтировать и перестраивать, буде понадобится"? Я цитирую законъ, господа судьи, какъ цитировалъ тогда. Вы помните это, сэръ Уильтонъ?

— Помню.

— Я сказалъ это вамъ такъ же ясно, какъ говорю теперь?

— Да.

— И что же вы на это отвѣтили?

На этотъ разъ Карльтонъ измѣнилъ форму вопроса и, кромѣ того, впервые за все время прибѣгнулъ къ хитрости: голосъ его не только не звучалъ торжествомъ, но вдругъ упалъ, какъ будто онъ боялся отвѣта. Сэръ Уильтонъ попался въ ловушку.

— Я сказалъ: если такъ велитъ законъ, смотрите же, исполняйте его. Гдѣ законъ, тамъ и кара; стройте вашу церковь, или я... вамъ покажу!..

— Что же вы хотѣли мнѣ „показать"—законъ или кару?

— Какъ хотите, такъ и понимайте.

Отвѣтъ былъ данъ не сразу, и напускное равнодушіе плохо скрывало тревогу.

— О, такъ вы въ сущности были не противъ того, чтобы я строилъ церковь?

Сэръ Уильтонъ не вытерпѣлъ.

— Что же это такое?—воззвалъ онъ къ судьямъ.—Отъявленный распутникъ задираетъ носъ передо мной и оскорбляетъ меня, а вы и не вступитесь?

Предсѣдатель покраснѣлъ отъ смущенія и нерѣшительности.

— Боюсь, что вы обязаны отвѣтить на его вопросъ, сэръ Уильтонъ,—кротко сказалъ м-ръ Престонъ.

— Я присоединяюсь къ вашему мнѣнію,—поддержалъ Радамантъ тономъ, говорившимъ краснорѣчивѣе словъ.

Предсѣдатель надменно закинулъ голову и строго посмотрѣлъ на обвиняемаго.

— Позвольте узнать, что вы желаете установить этимъ окольнымъ и дерзкимъ допросомъ?

— Сказать вамъ прямо?

— Чѣмъ прямѣе, тѣмъ лучше.

— Я желаю установить—*и установлю*, здѣсь, или въ окружномъ судѣ—тотъ фактъ, что вотъ этотъ человѣкъ,—онъ указалъ на сэра Уильтона Глида,—всякими средствами, чистыми и нечистыми, добивался того, чтобы лишить меня моего прихода, который и по сейчасъ мой, и не только по имени. Далѣе, я установлю,—здѣсь или въ слѣдующей инстанціи, если вамъ угодно будетъ направить меня туда,—что самое это обвиненіе не что иное, какъ послѣднее и самое гнусное изъ средствъ, которыми этотъ человѣкъ пытался избавиться отъ меня!

Его высокій голосъ громко разносился по залѣ, его прекрасные глаза горѣли благороднымъ негодованіемъ. Но молчаніе, наступившее, когда онъ остановился, было вызвано не тѣмъ и не другимъ. Здѣсь впервые свободно проявилась личность, несравненно болѣе сильная, чѣмъ всѣ, собравшіеся въ этой залѣ, и молчаніе было первымъ справедливымъ и единодушнымъ—хотя и безсознательнымъ—признаніемъ этой личности. Среди полнаго безмолвія громко раздавалось тиканье круглыхъ часовъ на стѣнѣ, пока, наконецъ, предсѣдатель не нарушилъ очарованія.

— Воз-му-ти-тель-ныя вы-ра-женія!—воскликнулъ онъ, подчеркивая каждый слогъ, какъ онъ всегда дѣлалъ это въ торжественныя минуты.—За одни эти ваши слова васъ стоило бы призвать къ отвѣту въ той высшей инстанціи, о которой вы упомянули.

— Я докажу ихъ справедливость и въ этой,—возразилъ Карльтонъ,—если вы добросовѣстно дадите мнѣ высказаться и не лишите меня права голоса.

— О, пожалуйста, дайте ему высказаться!—вскричалъ свидѣтель высокимъ дрожащимъ голосомъ.—Не обращайте вниманія на *меня*; я самъ за себя постою. Пусть говоритъ, что хочетъ, и пусть тѣ, кто знаетъ, что такое онъ и что такое я, разсудятъ насъ.

Карльтонъ посмотрѣлъ на дрожащія губы подъ коротко

остриженными бакенбардами, съ трудомъ подавилъ улыбку и вернулся къ своей записной книжкѣ. Приводить подробно весь допросъ сэра Уильтона Глида нѣтъ нужды: его слабыя и сильныя стороны сказались съ перваго же момента. Будь на предсѣдательскомъ креслѣ кто-либо поумнѣе, или на скамьѣ подсудимыхъ—поглупѣе, или если бы хоть полиція была представлена порядочнымъ адвокатомъ—большая часть этихъ вопросовъ вовсе не были-бы предложены; а теперь выходило такъ, что предсѣдательствовалъ не предсѣдатель, а обвиняемый, и его врагу пришлось отъ этого такъ солоно, какъ никогда еще не бывало; хотя, взявъ верхъ надъ своимъ противникомъ, Карльтонъ пользовался своими преимуществами уже не такъ безпощадно, какъ во время борьбы. Загнавъ противника въ уголъ,—передъ его обращеніемъ къ судьямъ,—Карльтонъ далъ ему передохнуть, но сэръ Уильтонъ не замедлилъ сбиться въ показаніяхъ, что само по себѣ говорило достаточно. Съ другой стороны, изъ этихъ показаній выяснились нѣкоторыя поразительныя обстоятельства—такъ, напримѣръ, что свидѣтель требовалъ постройки церкви, полагая, что для Карльтона это окажется невозможнымъ. Свидѣтель безпечно сознался въ этомъ. Съ его стороны это была маленькая бравада, которая могла импонировать весьма немногимъ въ залѣ, а изъ судей только одному.

— Итакъ, вы рѣшили избавиться отъ меня тѣмъ или другимъ образомъ?

— Да.

— И вамъ пришло на мысль, что это можетъ быть сред ствомъ?

— Да—на минуту.

— Ахъ,—пробормоталъ предсѣдатель,—всѣ мы дѣйствуемъ иногда подъ впечатлѣніемъ минуты!

— Почему же вы думали, что для меня окажется невозможнымъ выстроить церковь?

— Я полагалъ, что вамъ трудно будетъ достать рабочихъ на мѣстѣ.

— На какомъ основаніи вы это полагали?

— Я имѣлъ въ виду вашу репутацію.

— И другихъ основаній у васъ не было?

— Два—три строителя и каменьщика имѣли со мной разговоръ по этому поводу.

Карльтонъ раскрылъ свою записную книжку на новой страничкѣ и прочиталъ списокъ изъ девяти именъ.

— Это все мѣстные рабочіе; есть ли въ числѣ ихъ бесѣдовавшіе съ вами?

— Да.

— Можетъ быть и всѣ?

— Д—да.

— Какъ! Вы сознаетесь, что бесѣдовали обо мнѣ въ текущемъ мѣсяцѣ—и послѣ того, какъ я впервые заговорилъ съ вами о постройкѣ церкви—со всѣми этими девятью строителями или каменьщиками?

— Я не отрицаю этого,—громогласно заявилъ сэръ Уильтонъ.

— Знаете ли вы по сосѣдству хоть одного каменьщика, или строителя, съ которымъ бы вы *не* говорили обо мнѣ?

— Не могу сказать, чтобы зналъ.

— Этого вполнѣ достаточно. Я не стану спрашивать у васъ, *что* вы имъ говорили. Я не намѣреваюсь вызывать этихъ людей, въ качествѣ свидѣтелей, въ этотъ судъ; на то будетъ время въ судѣ присяжныхъ.—И, не вдаваясь въ дальнѣйшіе комментаріи, онъ спросилъ свидѣтеля о нѣкоторыхъ подробностяхъ ихъ послѣдняго разговора среди развалинъ—о нѣкоторыхъ, не обо всѣхъ—особенно напирая на число.

— Итакъ, слѣдующій день былъ пятница, 18-го августа?—спросилъ въ заключеніе Карльтонъ, повидимому, не придавая своимъ словамъ никакого особеннаго значенія.

Свидѣтель отказался отвѣчать, обратился къ судьямъ, и обвиняемому снова сдѣлано было внушеніе.

— Я подчеркиваю это число,—сказалъ Карльтонъ,—потому что, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить, это число было для меня роковымъ. Оно такъ часто повторялось въ теченіе этихъ двухъ дней... теперь не время перечислять, по какимъ поводамъ; сначала кончимъ нашъ разговоръ. Имѣли ли вы, сэръ Уильтонъ Глидъ, 18-го числа текущаго мѣсяца сепаратный или коллективный разговоръ со свидѣтелями Бёсби, Фуллеромъ и Айви?

— Да, имѣлъ.—Глидъ весь побѣлѣлъ отъ гнѣва и яростно сверкалъ глазами.

— Сепаратный или коллективный? съ каждымъ отдѣльно или со всѣми тремя заразъ?

— И то, и другое!—свирѣпо крикнулъ свидѣтель.—Я не могу припомнить. Лучше скажемъ: и то, и другое!

— Вы видѣлись съ этими тремя свидѣтелями, порознь и вмѣстѣ, въ тотъ самый день, когда четвертый свидѣтель, Фростъ, подалъ вамъ, какъ мировому судьѣ, жалобу на меня?

— Я уже сказалъ, въ какой день это было. Вы все спрашиваете одно и то-же.

Онъ весь дрожалъ и готовъ былъ заплакать отъ обиды и безсильной ярости.

— Еще два вопроса, и мы кончимъ.—Во время этихъ разговоровъ въ роковое для меня 18-е число, говорилъ-ли вамъ

свидѣтель Фуллеръ о видѣнномъ имъ освѣщеніи въ церкви и свидѣтель Айви о томъ, что́ *онъ* видѣлъ нѣсколько позже?

— Говорили.

— И вы тогда впервые услыхали объ этомъ?

— Впервые.

— Это мой послѣдній вопросъ, сэръ Уильтонъ Глидъ.

Судьи не предлагали вопросовъ. Глидъ передъ тѣмъ, какъ уйти, бросилъ имъ молніеносный взоръ.

— Это стыдъ и срамъ!—воскликнулъ онъ.—Въ жизнь свою не слыхалъ ничего подобнаго!

— Совершенно съ вами согласенъ,—шепнулъ Уайльдерсъ.

— И я также, — сказалъ м-ръ Престонъ, но другимъ тономъ.

Радамантъ не вымолвилъ ни слова. Его маленькіе глазки ни на одну секунду не отрывались отъ лица Карльтона, но выраженіе ихъ оставалось непроницаемымъ.

— Могу я просить вниманія суда на нѣсколько минутъ?—спросилъ священникъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Священники на судейскихъ креслахъ посмотрѣли на часы, потомъ другъ на друга. Часъ завтрака уже прошелъ.

— Говорите,—сказалъ Престонъ,—и кончайте поскорѣе.

— Если вы говорите правду,—обратился Уайльдерсъ къ подсудимому,—мы выслушаемъ васъ теперь; если же вы хотите просто блеснуть передъ нами своимъ краснорѣчіемъ, я отложу засѣданіе. Мой долгъ напомнить вамъ, что всѣ ваши слова будутъ записаны и могутъ быть обращены противъ васъ въ окружномъ судѣ.

— Если я попаду туда,—возразилъ Робертъ Карльтонъ,—я готовъ отвѣтить за каждое слово, которое сказалъ, или которое еще могу сказать, и не задержу васъ долго. Я знаю, что я уже и такъ злупотребилъ терпѣніемъ господъ судей, но не стану тратить время на пустыя и неискреннія извиненія. Я пришелъ сюда отвѣтить на страшное и тяжкое обвиненіе; мой долгъ опровергнуть его какъ можно полнѣе и энергичнѣе. Но мнѣ немногое остается прибавить къ показаніямъ тѣхъ свидѣтелей, которые прошли передъ вами. Два-три комментарія, и я кончу. Мнѣ кажется, что свидѣтели, вызванные полиціей, всѣ вмѣстѣ выдвинули только три пункта обвиненія противъ меня, сколько-нибудь вѣскихъ и достойныхъ серьезнаго обсужденія въ этой или иной судебной инстанціи. Я возьму эти три пункта въ послѣдовательномъ порядкѣ и постараюсь отвѣтить на каждый возможно короче. Артуръ Бёсби подъ присягой показалъ, что утромъ наканунѣ пожара я приказалъ ему наполнить лампы парафиномъ, хотя было крайне мало вѣроятія, чтобы въ церкви могло понадобиться вечеромъ искусственное освѣщеніе. Но,

по собственному признанію этого человѣка, онъ все утро приставалъ ко мнѣ и надоѣдалъ мнѣ въ такой день... когда мнѣ было много тяжелѣе на душѣ, чѣмъ сегодня!— вырвалось у Карльтона изъ глубины сердца, и онъ вдругъ смолкъ, не ради эффекта (хотя это вышло эффектно), но подъ наплывомъ внезапно охватившаго его волненія.—По собственному-же признанію этого человѣка,—продолжалъ онъ тономъ ниже,—онъ однажды забылъ выполнить эту важную обязанность, и съ тѣхъ поръ я „постоянно приставалъ" къ нему изъ-за этого. Что можетъ быть естественнѣе, какъ велѣть ему пойти и наполнить лампы, какъ я это часто дѣлалъ и раньше, но на этотъ разъ не думая и просто для того, чтобы избавиться отъ него? Съ другой стороны, если парафинъ нуженъ былъ мнѣ для осуществленія злого умысла, который приписывается мнѣ, вѣроятно-ли, чтобы я избралъ для полученія его приписываемый мнѣ инкриминирующій меня способъ? Оба эти вопроса, вмѣстѣ съ заключающимся въ нихъ тяжкимъ обвиненіемъ, я повергаю на разсмотрѣніе суда и не безъ нѣкоторой увѣренности въ томъ, что они будутъ рѣшены въ мою пользу. Слѣдующее обвиненіе, сознаюсь, опровергнуть труднѣе. Я не стану пытаться заставить кого-либо изъ господъ судей забыть о немъ. Я просто предлагаю господамъ судьямъ отнестись къ нему, какъ могутъ отнестись свѣтскіе люди и знатоки человѣческаго сердца. Время близится къ полуночи. Меня нѣтъ въ пасторатѣ; въ церкви виденъ свѣтъ. Сознаюсь, я былъ въ церкви и зажегъ одну изъ лампъ. Здѣсь я вынужденъ напомнить о другомъ дѣлѣ, — гдѣ я, Богу извѣстно, никогда не отрицалъ своей вины, какъ отрицаю теперь обвиненіе въ поджигательствѣ, гдѣ я никогда и не пробовалъ защитить себя, какъ вынужденъ защищать себя здѣсь вотъ уже почти два дня. Войдите въ мое положеніе въ день пожара. Я не стану распространяться; большинство присутствующихъ знаютъ, что было, и могутъ представить себѣ мое душевное состояніе... Это была *моя* церковь; утромъ я служилъ въ ней въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ, что больше мнѣ въ ней служить не придется. А я, каковъ бы я ни былъ,—я любилъ свою церковь! Вы, засѣдающіе въ судѣ... вы, члены церкви Христовой... я прошу не сочувствія вашего, я прошу васъ лишь вникнуть въ мое положеніе. Можете ли вы думать, что я пошелъ въ церковь, свою любимую церковь, съ сознательнымъ умысломъ сжечь ее до тла? Развѣ вы не можете себѣ представить, что я пошелъ туда, среди мертвой тишины этой страшной ночи, чтобы взглянуть на нее въ послѣдній разъ,— чтобы проститься со своей церковью?

Волненіе Карльтона дѣлало его трогательнымъ, но не жал-

кимъ. Дрожалъ только его голосъ. Ни голова его не опустилась долу, ни слеза не затмила блеска его глазъ. Онъ умолкъ на минуту, и никто не смѣлъ нарушить молчанія; потомъ онъ слегка проштудировалъ показаніе Тома Айви. Это было показаніе въ его пользу; обвиняемый считалъ недостойнымъ себя распространяться о немъ. Одного рискованнаго пункта онъ коснулся легко—даже слишкомъ легко: Томъ видѣлъ, какъ онъ что-то бросилъ въ огонь. Полагаютъ ли обвинители, что онъ подлилъ масла, или подбросилъ дровъ? Другихъ пунктовъ, выяснившихся на перекрестномъ допросѣ, какъ, напримѣръ, парафина на скамьяхъ и того, что онъ самъ обратилъ на это вниманіе Тома Айви, онъ совсѣмъ не касался. Во всей его рѣчи ни разу не упомянуто было о томъ, что церковь сгорѣла отъ поджога; такое предположеніе было высказано имъ однажды въ жару перекрестнаго допроса, но не было повторено. Казалось даже, что Карльтонъ либо твердо увѣренъ въ исходѣ дѣла, либо равнодушенъ къ этому исходу, и впечатлѣнія этого не изгладило заключеніе его рѣчи.

— Теперь мнѣ остается разсмотрѣть показаніе сэра Уильтона Глида. Я постараюсь быть по возможности безпристрастнымъ и краткимъ. Сэръ Уильтонъ Глидъ—человѣкъ лично на меня обиженный; всѣ вы это знаете, и я никогда не отрицалъ своей вины. Но я не позволю себѣ обсуждать здѣсь мои отношенія съ сэромъ Уильтономъ Глидомъ или хотя бы на минуту предположить, что онъ былъ неправъ въ своей рѣшимости избавить всю деревню и себя самого отъ человѣка, навлекшаго на себя горькую, хотя и заслуженную скорбь и безславіе. Я здѣсь не затѣмъ, чтобъ оправдывать свои грѣхи, да я и нигдѣ не оправдывалъ ихъ и не отказывался пострадать за нихъ. Но здѣсь меня обвиняютъ въ томъ, чего я не дѣлалъ,—меня посадили въ тюрьму и привели на судъ, какъ преступника. А я вамъ говорю, что это обвиненіе такъ же ложно, какъ другое было справедливо, хотя безъ того другого не было бы и этого. Но довольно голословныхъ утвержденій; позвольте мнѣ кристаллизовать нѣкоторыя изъ слышанныхъ вами показаній.

Всѣ вмѣстѣ взятыя показанія свидѣтелей дали нѣсколько подозрительныхъ обстоятельствъ. И, однако же, ни одинъ изъ свидѣтелей, повидимому, не заводилъ о нихъ рѣчи и никто, повидимому, не слыхалъ о нихъ—до пятницы на прошлой недѣлѣ. Въ прошлую пятницу—роковой для меня день—эти свидѣтели, словно по соглашенію, вдругъ заговорили. И довольно любопытно, что всѣ они до одного повѣрили свои подозрѣнія не кому иному, какъ сэру Уильтону Глиду!

Но, есть совпаденіе, еще болѣе любопытное и поучительное. Мы съ сэромъ Уильтономъ Глидомъ ведемъ бурные ра-

говоры, при чемъ онъ пытается, сначала одной хитростью, потомъ другой—въ чемъ онъ самъ открыто сознался—выгнать меня изъ прихода, который я въ концѣ концовъ отказался возвратить. Вы можете, если вамъ угодно, считать мой отказъ упорствомъ, ничѣмъ не оправдываемымъ,—это не относится къ дѣлу. Суть дѣла въ этой борьбѣ его упорства съ моимъ, дошедшей до кульминаціонной точки въ нашей послѣдней бесѣдѣ наканунѣ того дня, когда всѣ эти свидѣтели нарушили свое болѣе или менѣе полное молчаніе относительно того, какъ я велъ себя въ ночь пожара, и подѣлились своими подозрѣніями съ сэромъ Уильтономъ Глидомъ!

Предлагаю вамъ сдѣлать выводъ; онъ очевиденъ. Мой врагъ испробовалъ всѣ средства выкурить меня. Онъ грозилъ мнѣ, оскорблялъ меня. Онъ возстановилъ противъ меня всѣхъ каменьщиковъ и строителей по сосѣдству. Лишивъ меня—какъ ему казалось—всякой возможности построить церковь, онъ вдругъ мѣняетъ фронтъ и говоритъ мнѣ: стройте или возьмите на себя послѣдствія! Вопреки его ожиданіямъ, я начинаю строить; надо придумывать новый способъ изгнанія,—и вотъ онъ геніально изобрѣтаетъ это обвиненіе противъ меня...

Предсѣдатель хотѣлъ возразить, но обвиняемый движеніемъ руки остановилъ его.

— Повторяю, эта выдумка была геніальна, но это не значитъ непремѣнно, что она была недобросовѣстна. Я не затрогивалъ и не затрогиваю вопроса о *bona fides* сэра Уильтона Глида. Напротивъ того, я убѣжденъ, что онъ искренно и добросовѣстно считаетъ меня способнымъ на всякое преступленіе, но опять вопросъ не въ томъ, на что я способенъ, и увѣренность и доказанность двѣ вещи разныя. Если господа судьи считаютъ это страшное обвиненіе противъ меня доказаннымъ, пусть они пошлютъ меня въ высшую инстанцію, какъ повелѣваетъ имъ долгъ. Но если они думаютъ, что ненависть и предубѣжденіе, хотя и заслуженныя, сыграли роль искренняго и непроизвольно зародившагося подозрѣнія; что факты были извращены такъ, что получилось неблагопріятное для меня освѣщеніе, и желаніе, хотя безсознательно, сдѣлалось отцомъ мысли,—однимъ словомъ, что честный человѣкъ былъ ослѣпленъ и введенъ въ заблужденіе именно отвращеніемъ своимъ ко мнѣ и моимъ дѣяніямъ,—тогда, господа судьи, я умоляю васъ: снимите съ меня это обвиненіе и дайте мнѣ вернуться назадъ къ моей работѣ!

Послѣднія слова прозвучали крикомъ сердца и не могли произвести дурного впечатлѣнія на тѣхъ, кто зналъ, о какой работѣ онъ говоритъ. Среди полнаго молчанія Карльтонъ опустился на стулъ, поставленный для него возлѣ скамьи,

согнувшись въ три погибели, чтобы не быть видимымъ публикой, и закрылъ руками глаза; сердце его стучало, въ ушахъ звенѣло, ладони, прижимавшіяся къ глазамъ, были горячи. Въ залѣ вдругъ раздался громкій говоръ, и обвиняемый понялъ, что судьи удалились для совѣщанія; ему казалось, что прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ внезапно наступившая тишина возвѣстила объ ихъ возвращеніи. Изъ слышанныхъ имъ разговоровъ только обрывки сохранились въ его памяти, все знакомыя фразы, въ родѣ:

„Врать-то онъ гораздъ“, или: „Этотъ и черное обѣлитъ“. Только одинъ голосъ сказалъ: „Воздайте должное и діаволу“, и этой единственной крупицей справедливости Робертъ Карльтонъ долженъ былъ довольствоваться, пока ему не объявили рѣшенія его участи.

Среди глубокой тишины судьи заняли свои мѣста—Радамантъ съ усмѣшкой на устахъ, священники, видимо, недовольные другъ другомъ. Честное лицо Престона, какъ и раньше, не умѣло скрывать его чувствъ, но предсѣдатель скрылъ свою досаду подъ принужденной улыбкой, и только голосъ выдалъ его, когда онъ обратился къ подсудимому.

— Послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія, судъ призналъ это дѣло весьма и весьма сомнительнымъ. Но, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, судъ находитъ, что уликъ недо-ста-точно для того, чтобы передать дѣло въ окружной судъ. Слѣдовательно, обвиняемый свободенъ. Я желалъ бы, однако, прибавить нѣсколько словъ по адресу человѣка, который, будь онъ менѣе благороднымъ противникомъ и менѣе великодушнымъ человѣкомъ, могъ бы засѣдать здѣсь вмѣстѣ съ нами, вмѣсто того, чтобы сѣсть на свидѣтельскую скамью и добровольно подвергнуться немилосердному перекрестному допросу со стороны своего личнаго врага. Я жалѣю,—это было сказано съ задней мыслью,—что сэръ Уильтонъ не счелъ удобнымъ занять свое мѣсто среди судей! Едва ли нужно говорить, что онъ выходитъ отсюда безъ малѣйшаго пятна на своей чести, унося съ собой сердечное сочувствіе, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ товарищей по должности.

Радамантъ отвернулся, чтобы скрыть свое лицо; Джэмсъ Престонъ кончилъ тѣмъ же, чѣмъ и началъ. Онъ поймалъ взглядъ Карльтона и снова кивнулъ ему головой, но на этотъ разъ энергично и не краснѣя.

Когда обвиняемый выходилъ, въ залѣ раздалось нѣсколько свистковъ; то-же и на улицѣ, гдѣ онъ показался вопреки ожиданіямъ. „Это похоже на него! извѣстно, мѣдный лобъ“!— говорили въ толпѣ, когда онъ пробирался сквозь неё; но онъ дѣлалъ видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ.

Однако же, ни одна рука не поднялась, чтобы бросить въ него камень, ибо видимое равнодушіе еще не доказываетъ внутренняго безстрастія, и всѣ знали, что этотъ человѣкъ умѣетъ обороняться руками не хуже, чѣмъ языкомъ. Онъ такъ упорствовалъ въ своей глухотѣ, что одинъ человѣкъ гнался за нимъ по пятамъ до самой заставы и докричался до хрипоты, прежде чѣмъ ректоръ, осѣненный внезапной догадкой, удѣлилъ ему больше вниманія, чѣмъ своимъ хулителямъ. Человѣкъ этотъ былъ прилично одѣтый кучеръ изъ Линкворта и все время упрашивалъ бѣглеца только объ одномъ—сѣсть въ кабріолетъ.

— Кто васъ послалъ за мной?

— М-ръ Престонъ, сэръ; онъ велѣлъ мнѣ ждать здѣсь цѣлый день, на случай если я вамъ понадоблюсь.

— Спаси Господи Джима Престона!—сказалъ Карльтонъ и прыгнулъ въ кабріолетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они доѣхали до перекрестка, и возница съ сконфуженнымъ лицомъ сталъ поворачивать лошать вправо. Онъ хотѣлъ сдѣлать большой крюкъ, но не могъ вразумительно объяснить почему. Карльтонъ тѣмъ не менѣе угадалъ истинную причину, и кто надоумилъ кучера, и самъ взялъ въ руки вожжи, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, везите меня черезъ деревню! До суда, въ субботу, меня провезли черезъ всю деревню; я хочу, чтобы и на обратномъ пути было тоже. Какъ это похоже на м-ра Престона подумать обо мнѣ! Передайте ему это отъ меня и скажите, что я никогда не забуду его доброты.

Была середина яснаго августовскаго дня; деревья шумѣли краснозолотистой листвою; звонкій хоръ пернатыхъ вокругъ разрушенной церкви пропѣлъ привѣтъ другу, который никогда не грѣшилъ противъ нихъ; Гленъ бросилась къ нему навстрѣчу съ громкимъ лаемъ, какъ бы бросая вызовъ всему остальному міру; и неоконченный камень, первый камень, который Роберту Карльтону суждено было обтесать и заложить собственными руками, ждалъ его на томъ же мѣстѣ—все было такъ, какъ будто его отпустили отдохнуть на нѣсколько дней, и теперь онъ вернулся назадъ.—Всѣ еще передавали другъ другу изъ двери въ дверь вѣсть о его возвращеніи, когда новый звукъ, долетѣвшій изъ за церковной ограды вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, возвѣстилъ поселянамъ развязку всей этой исторіи.

То былъ стукъ топора съ острымъ, какъ стилетъ, наконечникомъ о мягкій песчаникъ.

XVII.

Три недѣли и одна ночь.

Черезъ два часа Карльтонъ окончилъ этотъ историческій камень и заложилъ его въ ту-же ночь. Измученный душою и тѣломъ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшилъ сдѣлать это теперь же и во что бы то ни стало. Кончивъ обтесывать камень, онъ измѣрилъ его стороны и углы. Камень годился. Высота его была одиннадцать дюймовъ, какъ разъ подходящая, но длина семнадцать дюймовъ. Значитъ, надо было найти или сдѣлать для него отверстіе такой же длины. И Карльтонъ, вмѣсто отдыха, пошелъ бродить съ собакой и съ футомъ вдоль почернѣвшихъ стѣнъ.

Мѣсто нашлось въ цоколѣ восточнаго угла, надъ уцѣлѣвшей частью плинтуса. Эта близость къ алтарю была хорошимъ предзнаменованіемъ, и Карльтонъ принялся энергично отскабливать старый цементъ. Но затѣмъ начались затрудненія. Надо было приготовить новый цементъ—но какъ? Это всегда дѣлалъ Томъ Айви. Карльтонъ пробовалъ свои силы во многихъ отрасляхъ строительнаго искусства, но никогда не пытался дѣлать цементъ. Возлѣ сарая была куча песку, а въ сараѣ запасъ извести—составныя части цемента. Это онъ зналъ, но этого было недостаточно.

Вдругъ онъ вспомнилъ о своемъ *Строительномъ Искусствѣ*. Въ томъ изъ двухъ томовъ, который потолще, говорилось о матеріалахъ. Онъ мигомъ отыскалъ книгу, всю покрытую пылью, и притащилъ ее въ сарай. О цементѣ тамъ говорилось даже слишкомъ много; Карльтонъ былъ угнетенъ этимъ обиліемъ свѣдѣній, но тѣмъ не менѣе сталъ перелистывать страницы, посвященныя извести. Его ожидало большое разочарованіе: прежде чѣмъ дѣлать цементъ, надо было „погасить“ известь. Объ этомъ онъ совсѣмъ забылъ, но теперь смутно припомнилъ, какъ это дѣлается. По руководству, на это требовалось не менѣе двухъ-трехъ часовъ, и то при условіи, что известь „жирная“. Что такое „жирная известь“, Карльтонъ не зналъ, а спросить было не у кого; поэтому онъ взялъ на авось лопату своей негашенной извести и, смѣшавъ её съ водой и пескомъ, оставилъ такъ ровно на два съ половиной часа.

Этотъ перерывъ подоспѣлъ какъ разъ во время. Онъ напомнилъ Роберту Карльтону о его тѣлесныхъ нуждахъ, которыя онъ опять упустилъ изъ виду. Онъ развелъ огонь—благо дѣлать все равно было нечего—вскипятилъ воду въ

котелкѣ, сварилъ два яйца, нашелъ кусокъ совсѣмъ черстваго хлѣба и за ѣдой поневолѣ отдохнулъ. Солнце сѣло; новый мѣсяцъ бѣлымъ серпомъ вырѣзался на небѣ, но для работы этого освѣщенія было слишкомъ недостаточно: вотъ почему фонарь такъ долго горѣлъ на землѣ возлѣ сарая и вокругъ свѣта вились, хлопая крылышками, изумленныя птички.

Но еще дольше стоялъ фонарь на выступѣ полуразрушенной восточной стѣны, пока лопатка неумѣлаго каменьщика хлюпала, размѣшивая известь. Когда поверхность ея сдѣлалась совершенно гладкой и блестящей, Карльтонъ сталъ на колѣни, напрягши всѣ мускулы, поднялъ обтесанный имъ камень, и съ размаху опустилъ его на мѣсто: расплескавшаяся известь брызнула ему на жилетку. Прижать, надавить, прихлопнуть лопаткой, концомъ ея загладить цементъ—все это было дѣломъ одной минуты. Нѣсколько словъ молитвы—и Робертъ Карльтонъ поднялся съ мѣста, заложивъ первый камень новой церкви и своей новой жизни.

Съ слѣдующаго утра онъ началъ работать систематически: вставалъ въ пять часовъ, разводилъ огонь, убиралъ постель, мелъ, вытиралъ пыль, накачивалъ воду, мылъ посуду—все это до завтрака. Настоящая работа начиналась уже послѣ завтрака и шла постепенно, переходя отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, соотвѣтственно программѣ, начертанной Карльтономъ передъ его арестомъ. Въ вечернія попытки разобраться въ черномъ хаосѣ, наполнявшемъ церковь, также, съ теченіемъ времени, введена была нѣкоторая систематичность; не менѣе замѣтно сказывалось вліяніе времени въ постепенномъ исчезновеніи наклонности къ болѣзненнымъ реакціямъ, неизбѣжнымъ въ первые дни физическаго и моральнаго напряженія силъ, непрестаннаго и почти непосильнаго труда и глубокаго одиночества. Но здѣсь времени помогли еще здравый смыслъ и твердая воля самого Карльтона, знавшаго, какъ мало въ угрызеніяхъ дѣятельной энергіи, и боровшагося противъ нихъ изо-всѣхъ силъ. Прошло, однако, много времени, прежде чѣмъ онъ окончательно совладалъ съ собою. Однажды, переутомленный работой, подъ вліяніемъ крайняго физическаго и нервнаго напряженія, онъ за работой началъ насвистывать; прежде чѣмъ онъ самъ поймалъ себя, объ этомъ знала уже вся деревня; но никто не слыхалъ, какъ внезапно оборвался свистъ; никто не видѣлъ поднятаго къ небу лица, сложенныхъ рукъ, губъ, шептавшихъ мольбу о прощеніи за минуту радости. Никому и въ голову не приходило, какъ этотъ человѣкъ, столько времени спустя, мучитъ себя добровольнымъ вызываніемъ въ памяти прошлаго. Въ грустной цѣпи недавнихъ событій было только одно звено, на которомъ онъ никогда не позволялъ сосредоточиваться

своимъ мыслямъ—его торжество на судѣ надъ сэромъ Уильтономъ Глидомъ. Онъ далъ себѣ слово въ этомъ въ моментъ своего освобожденія и употреблялъ всѣ усилія, чтобы свято держать это слово.

Уже три недѣли онъ не говорилъ ни съ однимъ человѣческимъ существомъ, и ни одна живая душа, сколько ему было извѣстно, не приближалась къ пасторату. Но однажды утромъ въ воздухѣ пронесся какой-то шопотъ, хотя желтѣющіе вязы стояли недвижно въ осеннемъ туманѣ, и отверженный, оглянувшись, увидалъ на церковной оградѣ цѣлый рой ребятишекъ.

Онъ ниже наклонился надъ работой. Стѣна, которую онъ очищалъ, была мѣстами не ниже его, и дѣти не могли видѣть его работающимъ; но достаточно было слышать ихъ голоса. Бѣдныя дѣти! Рости, имѣя передъ собою такой примѣръ! Никогда еще сердце его не сжималось такой мучительной болью.

„И онъ сказалъ ученикамъ: невозможно не придти соблазнамъ, но горе тому, черезъ кого они приходятъ!

„Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили его въ море, нежели чтобы онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ“.

Текстъ пришелъ на память непрошенный, но отъ этого уязвилъ еще больнѣе. Горе ему! горе! Онъ выронилъ молотокъ и рѣзецъ, закрылъ лицо руками и заткнулъ пальцами уши, но скоро отнялъ пальцы. Слышать дѣтскіе голоса было для него нестерпимо, но потому именно онъ и долженъ ихъ слушать, въ наказаніе за свой грѣхъ. И онъ слушалъ, пока дѣло не представилось ему въ иномъ освѣщеніи. Черезъ минуту онъ появился у церковной ограды, и ребятишки мигомъ соскочили на землю.

— Не убѣгайте! Старшіе, подите сюда!

Этому голосу дѣти не умѣли не повиноваться.

— Почему вы не въ школѣ?

Молчаніе. Потомъ одинъ, посмѣлѣе, отвѣтилъ:

— Нынче праздникъ, сэръ.

— Не суббота?

Онъ уже начиналъ терять счетъ днямъ: разъ было такъ, что только звонъ церковнаго колокола прервалъ его работу.

— Нѣтъ, сэръ. Это особенный праздникъ

— Все равно, проводите его лучше, чѣмъ вы это дѣлаете. Идите въ поле, или къ рѣкѣ. Нечего виснуть здѣсь на стѣнѣ. Ничего интереснаго и полезнаго для себя вы тутъ не увидите. Бѣгите прочь всѣ и забудьте, кто говорилъ съ вами, но не заставляйте меня повторять это!

Дѣти не заставили его повторить. И работникъ вернулся

къ своей работѣ, но руки плохо его слушались и на сердцѣ было такъ тяжело, какъ будто его давилъ камень, такой же тяжелый, какъ тѣ, что онъ обтесывалъ.

Почему его никогда не безпокоили раньше? Разгадка не заставила себя ждать. При немъ не было сегодня друга одинокихъ, его собаки. Гленъ, тѣнью слѣдовавшая за нимъ по пятамъ всѣ эти дни, какъ нарочно, сегодня покинула его, и Карльтонъ былъ радъ этому, ибо только теперь онъ могъ вполнѣ оцѣнить собаку. Какъ часто вѣрное животное съ лаемъ кидалось къ стѣнѣ или калиткѣ и возвращалось назадъ виляя хвостомъ! Поглощенный работой, онъ въ то время не обращалъ на это вниманія. Теперь онъ вспомнилъ и понялъ.

Вмѣсто того, чтобы работать, онъ пошелъ искать Гленъ. Онъ самъ дивился, какъ ему недоставало товарища, присутствія котораго онъ иногда не замѣчалъ по цѣлымъ часамъ. Ему казалось, что безъ собаки, безъ ея нѣмого сочувствія, онъ не въ состояніи сдѣлать ничего путнаго. Это вилянье хвостомъ, такъ хорошо знакомое ему, было все равно, что пожатіе руки честнаго человѣка. Изъ этихъ печальныхъ глазъ, все время слѣдившихъ за нимъ, чудилось ему на него смотрѣло кроткое око Всевидящаго, сіявшее сквозь обличье смиреннѣйшаго изъ своихъ твореній другому, столь же смиренному. Если думать такъ было богохульствомъ, то Робертъ Карльтонъ богохульствовалъ въ первый разъ въ жизни и былъ наказанъ за это по заслугамъ напрасными поисками.

Онъ обошелъ весь домъ и садъ, постоялъ у калитки, свистомъ подзывая собаку, побывалъ во всѣхъ концахъ своего участка. Ночь застала его съ пилой въ рукахъ: преодолѣвая неохоту,—что для него было новостью,—онъ яростно пилилъ какую-то перекладину, чтобы сдвинуть ее съ мѣста, и обрадовался темнотѣ, какъ предлогу бросить работу.

Что могло случиться съ собакой? Карльтонъ сидѣлъ угрюмый и почти не могъ ѣсть. Вдругъ лицо его прояснилось, въ глазахъ блеснула рѣшимость, черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на улицу.

XVIII.

Ночное дѣло.

Ночь была такъ темна, какъ только можетъ быть темна августовская ночь. Туманъ все еще висѣлъ надъ землею; свѣтъ звѣздъ не проникалъ сквозь его пелену, а луны не было. Карльтонъ не сѣтовалъ на это: ему не хотѣлось, чтобы его видѣло больше народу, чѣмъ это было безусловно необходимо; онъ не думалъ о томъ, что рабочее платье, суконная

фуражка и давно небритая борода мѣняютъ его лицо и не даютъ узнать въ немъ священника.

Пройдя шаговъ двѣсти, онъ остановился въ удивленіи. Онъ никого не встрѣтилъ; деревня была такъ же темна, какъ и небо; въ первыхъ коттэджахъ не видно было свѣта. Карльтонъ раза два постучался, но дверей не отперли и внутри никто не пошевелился. Точно онъ своимъ грѣхомъ разогналъ прихожанъ на всѣ четыре стороны.

Онъ шелъ и дивился все больше: никто не попадался ему навстрѣчу. Вдругъ онъ свернулъ съ дороги направо, вдоль пшеничнаго поля, оставивъ влѣво Флинтъ-Гоузъ. Тамъ окна были освѣщены, даже больше того. Парадная дверь была отворена, и на улицу падалъ полосой свѣтъ отъ лампы. На единственной ступенькѣ крыльца виднѣлся силуэтъ Джаспера Муска, опиравшагося на дубинку, почти такой же колоссальный, какъ тѣнь, падавшая отъ него на освѣщенную полосу.

Карльтонъ ждалъ вызова, брани, и прошелъ медленно, на виду, вмѣсто того, чтобы проскользнуть незамѣтно, какъ ему диктовало чувство стыда. Но гигантская фигура на крыльцѣ ничѣмъ не подала вида, что узнала его. Дальше огней не было, кромѣ какъ въ рѣшетчатомъ окошечкѣ почтовой конторы, въ комнатѣ м-рсъ Айви, уже много мѣсяцевъ не встававшей съ постели. Карльтонъ замѣтилъ на шторѣ тѣнь отъ цвѣточнаго вазона; это, должно быть, была герань, подаренная имъ старушкѣ въ началѣ лѣта; онъ помнилъ, что самъ поставилъ её на подоконникъ. Онъ ускорилъ шагъ. Теперь онъ шелъ по длинной улицѣ по направленію къ трактиру Плуга и Бороны. Здѣсь, наконецъ, онъ нашелъ недостающее. Всѣ окна въ трактирѣ были освѣщены и не только шумъ, но и запахъ пирушки доносился до дороги. Робертъ Карльтонъ медлилъ войти. Онъ готовъ былъ вернуться домой. И столкнуться съ кѣмъ-нибудь однимъ изъ своихъ прихожанъ ему было тягостно, а ужъ увидать ихъ всѣхъ вмѣстѣ!.. Но какъ же быть съ собакой? Настойчивость была отличительной чертой его характера; кромѣ того ему, естественно, было любопытно узнать, что это за празднество такое, опустошившее всѣ дома.

По наружному виду трактира опредѣлить ничего было нельзя. Въ ярко освѣщенной залѣ никого не было, кромѣ служителя за стойкой; пировали, очевидно, въ ригѣ, находившейся на задворкахъ. Трактиръ прежде былъ фермой, и ненужная теперь рига служила для вечеринокъ и пирушекъ.

Карльтонъ заглянулъ въ окно. Лицо буфетчика за стойкой было незнакомо ему—это, пожалуй, и лучше. Буфетчикъ былъ ражій парень съ цвѣтущимъ лицомъ, съ газетой въ рукѣ и

сигарой въ зубахъ; газету онъ отложилъ въ сторону, чтобы отвѣтить на вопросъ посѣтителя.

Нѣтъ, онъ не видалъ никакой овчарки; впрочемъ, онъ здѣсь новый человѣкъ, его наняли помогать, только на одинъ вечеръ. Темно-каштановая, скорѣе даже черная? Нѣтъ; онъ видѣлъ только здѣшняго двороваго пса, да левретку молодаго барина изъ усадьбы.

— Хотите выпить?—спросилъ буфетчикъ и потянулся къ кувшину.

Карльтонъ учтиво отказался, но при этомъ выразилъ удивленіе.

— Нынче пиво всѣмъ даровое, пей не хочу!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Я затѣмъ здѣсь и сижу, чтобъ наливать. Что, передумали?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Ну, такъ я выпью.

И парень наполнилъ свою кружку пѣнящейся влагой. Изъ-за дверей, ведущихъ во внутренніе покои, неслся шумъ пирушки, смягченный разстояніемъ.

— Можно узнать, что тамъ происходитъ?—освѣдомился Карльтонъ.

— Этакого пира въ Лонгстоу еще не видывали,—отвѣтилъ парень, вытирая рукавомъ губы и становясь еще румянѣе.

— Неужто хлѣбъ уже весь свезли? Кажись бы, еще рано.

— Нѣтъ. Это сквайръ задалъ пиръ цѣлому приходу—мужчинамъ, женщинамъ и ребятамъ—всѣмъ, кромѣ одного.

Посѣтитель задумался.

— Всѣмъ, кромѣ одного!— повторилъ парень, эффектно подчеркнувъ это слово, и подмигнулъ гостю изъ-за стойки.

— А!

— Одного здѣшняго пастора нѣту—не велико кушанье!

— Съ чего же это сквайру вздумалось задать такой пиръ?

— Въ честь побѣды, конечно.

— Какой побѣды?

— Да нашей послѣдней въ Египтѣ. Вотъ оно—все здѣсь, въ газетѣ; хлестко написано, право!

Карльтонъ уже нѣсколько недѣль не видалъ ни одной газеты. Срокъ его подписки на *Standard* истекъ еще лѣтомъ, и онъ не возобновлялъ ея. Свѣтъ отрекся отъ него, и онъ долженъ отречься отъ свѣта. Жить такъ, какъ онъ жилъ, и прислушиваться къ отголоскамъ свѣтской суеты—этого онъ не могъ. Онъ уже постигъ ту поразительную истину, что оди-

ночество можно выносить только тогда, когда это полное одиночество.

Но глаза его блестѣли, пробѣгая газетные столбцы, и на загорѣломъ лицѣ появился какой-то мѣдный отблескъ, когда онъ вернулъ газету.

— Очень вамъ благодаренъ. Я радъ, что прочелъ это.

— Вы развѣ раньше не слыхали?

— Нѣтъ; я не часто вижу газеты.

Парень смѣрилъ его взгядомъ отъ старыхъ холщевыхъ штановъ до старой суконной фуражки.

— Бродяжить изволите?

Карльтонъ не удостоилъ отвѣтомъ

— Откуда же вы все знаете про нашего пастора?

— Кто же этого не знаетъ!—воскликнулъ человѣкъ въ холщевыхъ штанахъ съ невольной горечью.

— Да, это-то правда. И какого же вы мнѣнія о немъ?

— Да такого же, какъ и всѣ прочіе.

— Что это негодяй, котораго слѣдовало бы вздернуть на висѣлицу?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ. Такъ и молодой баринъ изъ усадьбы говорилъ здѣсь давеча. Но хозяинъ, м-ръ Пальмеръ — Господи! какъ онъ ненавидитъ его! — тотъ такъ и затрясся. „На висѣлицу?“ — кричитъ. — „Много чести! Висѣлица еще слишкомъ хороша для него!“ И какъ подумаешь, вѣдь сущая правда: сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, и еще на закуску поджечь свою собственную церковь!

— Ну, это положимъ еще не доказано.

— Но это всѣ знаютъ, Господь съ вами!

— Не смотря на то, что по суду онъ оправданъ?

— Ба! Знаемъ мы это! „Не виновенъ, но въ другой разъ не дѣлай того же!“

И парень опять лукаво подмигнулъ изъ-за борта кружки.

— Такъ это здѣсь общее убѣжденіе?

— Конечно, и врядъ ли оно измѣнится.

Карльтонъ не былъ удивленъ. Онъ предвидѣлъ это, еще сидя на скамьѣ подсудимыхъ, въ тотъ моментъ, когда ему вдругъ стало стыдно, что самозащита дается ему такъ легко, и онъ усомнился, слѣдуетъ-ли ему вообще защищаться. Но мужество, вдохновлявшее его тогда, не умерло и теперь въ его груди; онъ не могъ оставить это безъ возраженія; онъ не искалъ этого разговора, но разъ ужъ такъ вышло, надо защитить себя хоть немного

— Я никогда не стоялъ за него,—началъ онъ,—но надо же и къ нему быть справедливымъ. Чего ради было ему поджигать свою собственную церковь?

— Я и самъ объ этомъ спрашивалъ хозяина. А онъ говоритъ: „Собака на сѣнѣ: не хочетъ, чтобы другой пожиналъ тамъ, гдѣ онъ сѣялъ. И потомъ это для него предлогъ остаться здѣсь.“ Такъ онъ говоритъ.

У Карльтона не было охоты возражать; онъ едва подавилъ улыбку.

— Такъ его прихожане не стали лучше думать о немъ послѣ его оправданія?

— Лучше? Да они теперь прямо бѣсятся. Здѣшній хозяинъ—тотъ говоритъ, что его оправдали только потому, что онъ врать гораздъ, что попы всѣ на это мастера, а нашъ въ особенности; это какое-то чудовище въ рясѣ. Гдѣ же за нимъ угоняться такому джентльмэну, какъ сэръ Уильтонъ Глидъ? Да и всѣ это говорятъ, кромѣ самого сэра Уильтона. Давеча былъ здѣсь лакей изъ усадьбы, такъ онъ говорилъ, что сквайръ запретилъ даже имя его преподобія произносить у себя въ домѣ, и самъ послѣ суда никогда не говорилъ о немъ—такъ онъ гнѣвается. А послѣднюю новость вы слышали?

Карльтонъ слышалъ совершенно достаточно и взялся было за ручку двери; при этихъ словахъ онъ повернулъ голову, но ручки не выпустилъ.

— Еще что-нибудь, говорящее не въ пользу его преподобія?

— Ну да. А то вы такъ бы и ушли, не узнавши?

— Что же онъ еще сдѣлалъ?

— Дѣлать-то онъ самъ не дѣлалъ, да вышло-то оно черезъ его дѣла. Юноша тутъ одинъ такъ разогорчился его поведеніемъ, что съ горя пошелъ въ солдаты и участвовалъ въ послѣднемъ сраженіи.

О поступленіи Меллиса въ военную службу Карльтону было извѣстно, но мотивъ поступленія былъ новостью, и сердце его сжалось щемящей болью, а рука крѣпче стиснула ручку двери.

— Пока еще неизвѣстно, списки еще не пришли, но если этого молодца убьютъ, всѣ будутъ говорить, что и эта смерть ляжетъ на совѣсти его преподобія.

Когда дверь распахнулась, до слуха Карльтона донеслось изъ риги громкое ура.

— Это сквайра чествуютъ,—пояснилъ буфетчикъ.—Онъ говоритъ рѣчь.

Отверженный затворилъ за собою дверь и очутился въ глубокомъ мракѣ; было не темнѣе прежняго, но со свѣту онъ ничего не могъ разглядѣть.

— Еще разъ: да здравствуетъ нашъ добрый сквайръ!—крикнулъ кто-то въ ригѣ.

Поднялся такой ревъ, что Карльтонъ могъ бы слышать его и не выходя изъ пастората. Но это былъ еще не конецъ.

— И трижды плевать на...

Голосъ былъ хриплый; имени Карльтонъ не разслышалъ, но онъ и безъ того зналъ, о комъ шла рѣчь. Онъ инстинктивно остановился и тверже уперся въ землю ногами; эти оскорбленія хлестали его, словно дождь и вѣтеръ, но онъ подставлялъ лицо свое бурѣ. Раздались рукоплесканія. Очевидно, ждали еще чего-то; надо ужъ испить чашу до дна.

Рига поражала рѣзкимъ контрастомъ ослѣпительнаго свѣта и непроницаемой тьмы. Ея контуры сливались съ окружающимъ мракомъ, но огромныя, распахнутыя настежь двери и широкая щель въ стѣнѣ, длиною футовъ въ двадцать, лили потоки свѣта. Внутренность риги, освѣщенная висячими лампами и свѣчами и уставленная длинными столами, тянувшимися отъ одного конца до другого, выступала, какъ освѣщенная сцена темнаго театра. Снаружи тѣснились, заглядывая въ щель, недостойные элементы, безъ которыхъ не обходится ни одна самая крошечная община и которыхъ не захватываетъ самое широкое милосердіе. Эти бродяги были абсолютно невидимы сидящимъ внутри, и сами слишкомъ ослѣплены свѣтомъ и слишкомъ обижены, чтобы замѣтить, что къ нимъ прибавился еще лишній собратъ.

Сэръ Уильтонъ Глидъ поднялся на ноги за высокимъ столомъ, самымъ дальнимъ отъ дверей, и, прежде чѣмъ начать рѣчь, сдѣлалъ вступительную паузу, составляющую маленькую роскошь для опытнаго оратора и затруднительную необходимость для новичка. По одну руку его сидѣлъ школьный учитель, по другую—его собственный сынъ. У перваго лицо было красно и лоснилось, какъ и у всѣхъ, сидѣвшихъ противъ двери; лицъ остальныхъ не было видно; всѣ смотрѣли на сквайра.

Для начала сэръ Уильтонъ замѣтилъ, сверкнувъ глазами, что ему очень непріятно было слышать это имя, и что онъ предпочелъ бы на такомъ праздникѣ не вспоминать, что въ средѣ ихъ есть прокаженный. Прошло минуты двѣ, прежде чѣмъ оратору позволили продолжать. Онъ повторилъ удачный эпитетъ, предложилъ замѣнить его синонимомъ, вызвавъ новую бурю аплодисментовъ, затѣмъ продолжалъ рѣчь, подчеркивая свою сдержанность. Разъ этотъ вопросъ поднятъ, ему желательно сказать нѣсколько словъ отъ себя, хотя случай и не вполнѣ подходящій; но онъ въ первый разъ говоритъ объ этомъ публично, и даетъ слово, что это будетъ въ послѣдній разъ — по крайней мѣрѣ, въ здѣшнемъ приходѣ. Ѳраторъ снова сдѣлалъ умышленную паузу и затѣмъ внезапно измѣнилъ тонъ.

— Что пользы говорить объ этомъ? — воскликнулъ онъ, съ жестомъ, выражающимъ безнадежность.—Англійскій законъ противъ насъ; пока законъ остается тѣмъ, что онъ есть, говорить не о чемъ. Я говорю не о давешнемъ постановленіи моихъ товарищей судей — мнѣ не пристало вдаваться въ какіе бы то ни было комментаріи по этому поводу. Нѣтъ, господа, я критикую только законъ, разрѣшающій священнику, совершившему гнуснѣйшую гнусность, не смотря на всѣ протесты, сохранить за собою приходъ и продолжать отравлять чистый воздухъ нашей деревни, упорно оставаясь среди насъ.

— Стыдно! стыдно!

— Стыдно ему или не стыдно, *я* этого такъ не оставлю Я доведу это до свѣдѣнія парламента (громкіе возгласы одобренія) и при первомъ-же случаѣ подниму этотъ вопросъ въ палатѣ общинъ. И, думается мнѣ, могу обѣщать вамъ, что еще до истеченія этого года въ законъ этотъ будетъ внесена нѣкоторая поправка. А пока,—сэръ Уильтонъ поднялъ руку, чтобы усмирить новый взрывъ энтузіазма,—пока будемъ уважать законъ. Выражая свое отвращеніе къ этой чудовищной несправедливости, будемъ осторожны, чтобы самимъ не оказаться неправыми. Стеколъ бить не полагается, — помните это!

Теперь сэръ Уильтонъ поднялъ кверху только одинъ палецъ.

— Но,—продолжалъ онъ,—что мы можемъ, что мы имѣемъ право, что мы обязаны сдѣлать, это отнынѣ игнорировать самое существованіе этого человѣка въ нашей средѣ.

— Не зовите его человѣкомъ!

— Это самъ сатана!

— Человѣкъ онъ или дьяволъ, будемте абсолютно игнорировать его существованіе. Не приближайтесь къ нему, не оборачивайтесь взглянуть на него, проходя мимо. Онъ дѣлаетъ видъ, будто хочетъ построить церковь, представляется мученикомъ, а на дѣлѣ посмѣивается себѣ въ рукавъ и плюетъ на всѣхъ честныхъ людей. Посмотримъ, кто посмѣется послѣдній! А пока не замѣчайте его, запретите дѣтямъ подходить близко къ оградѣ; не давайте никакой пищи болѣзненной жаждѣ извѣстности, которая иногда заставляетъ меня думать, что этотъ человѣкъ въ концѣ концовъ сумасшедшій. Но если онъ осмѣлится показать носъ въ деревню, тогда другое дѣло: тогда гоните его, какъ бѣшеную собаку! Въ другой разъ не покажется! А пока, вотъ вамъ мой совѣтъ: оставьте пса въ его конурѣ и прокаженнаго въ карантинѣ.

Невидимый слушатель отошелъ подъ громъ рукоплесканій, стукъ столовъ и стакановъ, и эти нестройные звуки преслѣдовали его, какъ грохотъ мѣдныхъ тарелокъ и большого

барабана въ оркестрѣ. Онъ не жалѣлъ, что слышалъ то, что говорили въ его положеніи выгоднѣе было знать, что говорятъ—и самое худшее. Разумѣется, безъ надобности онъ не пойдетъ въ деревню, но, разумѣется, пойдетъ, если представится надобность. Во всякомъ случаѣ, лучше быть подготовленнымъ. Сегодня ему посчастливилось избѣжать большой опасности, но самъ онъ, если бы и могъ, не сталъ бы избѣгать ея.

Его противникъ положительно выросъ въ его глазахъ. Итакъ, онъ избралъ высшей инстанціей парламентъ! Это законно; это Робертъ Карльтонъ могъ одобрить. Противникъ, который никогда не признаетъ себя побитымъ, страшно подстрекаетъ энергію и въ другомъ противникѣ, если тотъ похожъ на него въ этомъ отношеніи. А это, повидимому, была единственная общая характерная черта въ м-рѣ Карльтонѣ и сэрѣ Уильтонѣ Глидѣ.

Тѣмъ не менѣе, отверженецъ нѣсколько ожесточился. Его критическое чутье, всегда острое, хотя безпощаденъ онъ былъ только къ самому себѣ, нечувствительно принялось работать надъ новымъ матеріаломъ.

— Онъ, должно быть, заучилъ эту рѣчь наизусть. Очень ужъ она кстати пришлась.

Это былъ первый выводъ, сдѣланный Карльтономъ. Дойдя до второго, онъ остановился, какъ вкопанный.

— Пусть меня повѣсятъ, если вся эта пирушка не была имъ затѣяна только для того, чтобы сказать рѣчь!

И онъ пошелъ дальше, засмѣявшись отрывистымъ презрительнымъ смѣхомъ; ни тѣни сомнѣнія не осталось въ его умѣ, но думать объ этой рѣчи дальше не стоило. Надо искать Гленъ, а если думать, такъ ужъ думать о Джорджѣ Меллисѣ. Бѣдный мальчикъ! Да, если его убьютъ, эта кровь падетъ на его голову. Какъ бы тамъ ни было, одно достовѣрно: худыя вѣсти ужъ непремѣнно дойдутъ до него, а пока онъ можетъ молиться за своего друга, какъ молится уже теперь, съ прояснившимся небомъ надъ головой и чистымъ воздухомъ полей вокругъ.

Деревня осталась позади; Лекенхольская дорога шла на полмили прямо, потомъ сворачивала въ сторону; теперь Карльтонъ шелъ—только онъ одинъ способенъ былъ на такую дерзость—по завѣтному полю, гдѣ сэръ Уильтонъ Глидъ охотился за кроликами. Собака могла попасть въ одинъ изъ капкановъ; ея хозяинъ и боялся, и желалъ этого: сломанную ногу можно вылѣчить, а послѣ такого урока его другъ нескоро рѣшится снова покинуть его. Карльтонъ даже радовался при мысли, что теперь изувѣченная собака будетъ въ полной зависимости отъ него: все же это что-нибудь да значитъ чувствовать себя необходимымъ хоть для одного живого

существа. Но собаки не было и слѣда, хотя онъ поминутно останавливался, свисталъ до того, что въ горлѣ у него пересохло, и звалъ: „Гленъ! Гленъ! Гленъ!" Ни звука въ отвѣтъ; не откликалось даже эхо, и въ полночь онъ прекратилъ поиски.

Въ полночь и лонгстоунская пирушка закончилась національнымъ гимномъ и пьяными пѣснями на пути домой. Карльтонъ заслышалъ ихъ издали—и впервые смутился. Столкнуться съ пьяной толпой, настроенной противъ него, значило въ лучшемъ случаѣ нарваться на исторію. Лучше ужъ пройти берегомъ: рѣка шла параллельно улицѣ. Онъ свернулъ къ рѣкѣ возлѣ шлюза и мельницы на одномъ концѣ Лонгстоу и снова вышелъ на дорогу на другомъ, перейдя черезъ бѣлый деревянный мостъ, что́ на пути въ Линквортъ. Но это было уже часъ спустя: три четверти часа онъ простоялъ передъ Флинтъ-гоузомъ, гдѣ за чистенькой лужайкой и запущеннымъ садомъ виднѣлось во второмъ этажѣ слабо освѣщенное окно.

Къ этому времени въ деревнѣ все уже стихло; тѣмъ скорѣе ректоръ замѣтилъ впереди мигающій свѣтъ фонаря и заслышалъ тихій говоръ. Онъ замедлилъ шаги, чтобы пропустить идущихъ мимо пастората, какъ вдругъ эти люди вошли во дворъ. Онъ, стараясь не шумѣть, поспѣшилъ вслѣдъ за ними. Ночные гости были уже на полдорогѣ къ дому; они громкимъ шопотомъ переговаривались между собой, но, помимо ихъ голосовъ, слышенъ былъ какой-то непрерывный шорохъ, словно они что-то тащили за собой по песку на веревкѣ. Карльтонъ неслышно шелъ по травѣ; страшное подозрѣніе зародилось въ его душѣ; онъ не замедлилъ узнать голоса.

— Куда класть-то? Гдѣ его окно?

— Вотъ тутъ, недалеко. О Господи, вотъ потѣха-то!

— Да ужъ!.. Подумать только, что онъ говорилъ со мною давеча въ ригѣ. Нахалъ! Ну вотъ же ему отвѣтъ!

Разговаривавшіе были ражій буфетчикъ изъ трактира „Плугъ и Борона" и Джимъ Кубиттъ, большой негодяй, выгнанный ректоромъ изъ церковнаго хора нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. „Отвѣтомъ" была пропавшая собака, мертвая, съ блестѣвшими въ свѣтѣ фонаря крупинками гравія, запутавшимся въ ея потускнѣвшей шерсти.

При видѣ такого финала долгихъ поисковъ, достойно увѣнчавшаго собой перипетіи этой мучительной ночи — онѣ казались ему теперь слаще меда, въ сравненіи съ *этимъ*— безумная ярость овладѣла Карльтономъ; онъ прыгнулъ изъ мрака въ полосу свѣта, гдѣ стояли двое юныхъ мерзавцевъ, и накинулся на нихъ, какъ бѣшеный. Ни слова не было

произнесено; онъ не далъ имъ даже вскрикнуть. Кубиттъ попался первый и съ перваго же удара очутился на землѣ; хмѣль мигомъ соскочилъ съ него, раньше чѣмъ его товарищъ успѣлъ броситься къ нему на помощь. Эта попытка была такъ неудачна, что мигъ спустя онъ самъ лежалъ на эксъ-хористѣ, держась за нижнюю челюсть. А Карльтонъ, задыхаясь отъ бѣшенства, стоялъ надъ ними, сжавъ кулаки и ожидая, чтобъ они поднялись, чтобы снова сшибить ихъ съ ногъ.

Буфетчикъ не вставалъ, только сѣлъ; лицо у него было жалкое и угрюмое; здравый смыслъ подсказалъ ему, что кричать не слѣдуетъ, и лонгстовецъ былъ такъ уменъ, что послѣдовалъ его примѣру.

— *Мы* не трогали вашей собаки, — жалобно заговорилъ первый.—Она была уже мертва, когда я увидалъ ее, и я не знаю, кто это сдѣлалъ. Я и не слыхалъ о ней до сегодняшняго вечера, когда вы сами зашли въ трактиръ, и только потомъ узналъ, что это были вы.

— Мнѣ все равно!—крикнулъ разъяренный Карльтонъ.—Вы помогли притащить сюда моего бѣднаго пса. Вы сдѣлали мнѣ такую гадость—за что? До сегодняшняго вечера я васъ и не видалъ никогда! Вы хуже Джима Кубитта: онъ, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя издавна обиженнымъ мною,—и вы оба хуже того, кто сдѣлалъ эту гнусность, кто бы онъ ни былъ,—я и знать не хочу его имени. Вонъ съ глазъ моихъ оба! идите, разсказывайте, что̀ вы отъ меня получили и чѣмъ заслужили это. Вы прослывете въ деревнѣ мучениками!

— Мнѣ жаль,—сказалъ буфетчикъ, поднимаясь на ноги:—мнѣ очень жаль, что это случилось, и я ничего не могу сказать въ свое оправданіе, кромѣ того, что я, должно быть, былъ здорово пьянъ. Но теперь я не пьянъ. Я не лонгстовецъ, сэръ, и выйдя отсюда, всѣмъ буду говорить, что вы настоящій мужчина, каковы бы вы ни были въ другихъ отношеніяхъ. Только что касается болтовни, то врядъ ли мы станемъ болтать... ты какъ полагаешь, пріятель?

— Я не убивалъ собаки,—сказалъ бывшій хористъ.

Такъ Карльтонъ и не узналъ, да и не дознавался, кто виновникъ этого гнуснаго дѣла, даже болѣе гнуснаго, чѣмъ оно казалось съ перваго взгляда. Ибо при свѣтѣ лампы, принесенной изъ кабинета, онъ убѣдился, что собака не была ни отравлена, ни застрѣлена: ей просто разбили голову. И Карльтону казалось, что это разбили его собственное сердце. Онъ принесъ заступъ изъ сарая и зарылъ вѣрнаго друга въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей своего кабинета.

XIX.

Первая зима.

Послѣдній листъ опалъ съ вязовъ, а каштаны давно уже стояли обнаженные. И оголенные вѣтки и сучья теперь уже не скрывали ни почернѣвшихъ развалинъ церкви, окруженной кольцомъ изъ гніющихъ листьевъ, ни ея недостойнаго служителя, хозяина этихъ печальныхъ мѣстъ. Всѣ могли видѣть его теперь и оцѣнить всю несбыточность его дерзкой затѣи. Деревенскій приходъ—это цѣлый маленькій хитрый мірокъ, котораго не проведешь; но его просили не обращать вниманія, и онъ довольствовался тѣмъ, что лишь мимоходомъ удѣлялъ частицу вниманія драмѣ, интересъ къ которой уже начиналъ въ немъ ослабѣвать. Были, однако, вещи, которыхъ даже такая послушная и флегматичная община не могла не замѣтить съ наступленіемъ зимы. Можетъ быть, трудъ ректора и не былъ честнымъ трудомъ, но отъ него и прежде худой человѣкъ исхудалъ еще больше. И работалъ онъ, не отрываясь, но, повидимому, работа перестала доставлять ему удовольствіе. Лицо его замѣтно измѣнилось. Теперь оно выражало только угрюмое упорство. Это было лицо работника, который утратилъ интересъ къ своему дѣлу. Тѣмъ не менѣе дѣло подвигалось впередъ.

Теперь Карльтонъ работалъ во всякую погоду. Вначалѣ онъ пробовалъ посвящать дождливые дни работѣ внутри дома. Онъ вычистилъ пасторатъ сверху до низу, сложилъ всю мебель въ двѣ комнаты, оставивъ остальныя пустыми, и покрылъ ее чехлами, какъ заботливая хозяйка. Не то, чтобы онъ особенно дорожилъ своими вещами: онъ просто не хотѣлъ, чтобъ его домъ пришелъ въ упадокъ. Себѣ онъ оставилъ только кухню и кабинетъ (гдѣ онъ и спалъ), а въ кладовой съ плитянымъ поломъ устроилъ ванную. Остальныя комнаты онъ заперъ, предварительно стеклами съ картинъ починивъ разбитыя окна; теперь эти окна съ улицы представляли собой довольно курьезное зрѣлище и, хотя вставлены они были весьма хитро, въ сильный вѣтеръ своимъ дребезжаньемъ и нерѣдко трескомъ разбитыхъ стеколъ они немолчно призывали замазку и стекольщика. Теперь дома дѣлать было больше нечего. А дождь не переставалъ. И вотъ, въ одинъ непрекрасный день Карльтона видѣли идущимъ по деревнѣ (на этотъ разъ его не трогали) и удостовѣрились, что онъ взялъ обратный билетъ въ Феликсстовъ, по всей вѣроятности, для перемѣны воздуха. Но уже на другой день, не смотря на

дождь, его видѣли за работой на стѣнѣ (и не только видѣли, но и слышали), въ клеенчатомъ плащѣ и такой же фуражкѣ. Такимъ образомъ, работа снова наладилась.

Къ Рождеству всѣ годные въ дѣло камни были очищены и обточены; немногіе совершенно нетронутые и только почернѣвшіе отъ огня очищены и положены на мѣсто; иные камни обгорѣли до того, что потеряли всякую форму, ихъ пришлось замѣнить новыми; но въ нижнихъ частяхъ стѣнъ такіе случаи были рѣдки—слишкомъ рѣдки для творческаго духа Карльтона; тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ работать сначала надъ нижними частями стѣнъ и довести всѣ ихъ до высоты своего роста, прежде чѣмъ закончить хоть одну. Что касается тѣхъ стѣнъ, въ которыхъ были окна, здѣсь онъ рѣшилъ остановиться на лежняхъ, такъ какъ одни окна могли, пожалуй, занять года два. А эти стѣны какъ разъ больше всѣхъ пострадали—значитъ, съ нихъ надо было и начинать. Карльтонъ соображалъ, что, если черезъ полгода онъ доберется до лежней, и то будетъ счастье! Ибо работа его подвигалась впередъ со скоростью инфузоріи, созидающей коралловый рифъ; часто результаты были незамѣтны даже для него самого, но тѣмъ не менѣе дѣло двигалось.

Въ тѣлѣ ректора остались теперь одни мускулы и ни одного унца жиру. Въ интересахъ своей работы онъ соблюдалъ необычайную правильность въ пріемахъ пищи и дважды въ теченіе осени зарѣзалъ барана; въ холодную погоду бараниной можно было питаться много дней подъ рядъ. Но и рѣзать, и потрошить ему было до нельзя противно, и онъ предпочиталъ дѣлать набѣги въ курятникъ. Навыкъ сдѣлалъ его прекраснымъ пекаремъ и довольно посредственнымъ поваромъ, но такъ какъ онъ никогда не былъ прихотливъ насчетъ пищи, а теперь единственной цѣлью его было поддержать свою физическую силу, его стряпня иногда никуда не годилась и только прибавляла ко всѣмъ другимъ напастямъ еще и несвареніе желудка. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чисто физическая жизнь шла на пользу Карльтону; онъ весь день проводилъ внѣ дома и самыя непріятныя ощущенія рѣдко испытывалъ на открытомъ воздухѣ. Такъ, напримѣръ, за работой ему было всегда тепло, а дома тепло только въ постели. Онъ разводилъ огонь только для того, чтобы сварить себѣ пищу; благодаря этому, у него еще оставалось немного угля, но онъ сомнѣвался, продадутъ ли ему гдѣ-нибудь новый мѣшокъ, когда этотъ выйдетъ. Правда, у него былъ еще рессурсъ—полуобгорѣлыя балки и вообще деревянныя части церкви; многое здѣсь годилось на топливо и, при экономіи, этого могло хватить на весь срокъ его наказанія. А пока, въ кабинетѣ, Карльтонъ позволялъ себѣ грѣться только при по-

мощи лампы, пальто и одѣяла Однажды, когда вышелъ, его запасъ, парафина ему пришлось идти пѣшкомъ за новымъ въ городъ, гдѣ его не знали въ лицо, и этотъ опытъ заставилъ его болѣе прежняго соблюдать экономію и въ расходованіи масла.

Исключительное положеніе для священника англиканской церкви, обладателя завиднаго прихода, человѣка съ университетскимъ образованіемъ, изъ хорошей семьи, ревностнаго служителя господствующей церкви, просвѣщеннаго и талантливаго проповѣдника, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія! Хотя поведеніе этого священника и было скандальное, все же его положеніе было единственнымъ въ своемъ родѣ, и самъ онъ поистинѣ былъ достоинъ сожалѣнія: парія въ собственномъ приходѣ, отверженецъ среди своихъ, Робинзонъ на материкѣ, обреченный идти традиціоннымъ путемъ отверженныхъ, живущій ихъ жизнью на виду и на слуху у жестокаго свѣта, который молчитъ и не хочетъ видѣть! Немногіе люди способны безъ ужаса представить себя хоть на минуту въ такомъ положеніи. Этотъ человѣкъ выносилъ его цѣлую зиму— и цѣлую зиму работалъ. Весна застала его здоровымъ.

Но мозгъ его оказался выносливѣе его души. Мозгъ его совершенно не пострадалъ, тѣло пока не сдавалось, но сердце въ немъ ожесточилось; никакія молитвы не могли смягчить его и мало-по-малу Карльтонъ разучился молиться.

Вотъ почему такъ измѣнилось его лицо; теперь это лицо было лицомъ человѣка, бьющагося въ когтяхъ отчаянія. Но глубокая и существенная перемѣна въ душѣ его была несравненно страшнѣе, чѣмъ можно было заключить по ея отраженію на его лицѣ.

То не была внезапная измѣна, буря, пронесшаяся и вырвавшая изъ рыхлой почвы слабо и мелко сидящіе корни. Мелкимъ этого человѣка назвать было нельзя, и убѣжденія держались въ немъ крѣпко. Главные догматы въ немъ и теперь остались незыблемы. Онъ по прежнему вѣрилъ въ силу усердной и достойной молитвы, хотя уже не могъ вѣрить въ то, что его собственныя молитвы доходятъ до Бога. Но это только значило, что его молитвы недостойны; въ этомъ и вся суть. Онѣ достаточно горячи, но совершенно недостойны, и лучше ужъ совсѣмъ не молиться.

Всего усерднѣй онъ просилъ у Бога прощенія самому себѣ, возвращенія себѣ душевнаго покоя, благословенія Божія на свой трудъ; все это были эгоистическія молитвы; въ концѣ концовъ онъ это понялъ и былъ потрясенъ. Онъ пытался подавить въ себѣ этотъ новый непрошенный эгоизмъ, но это ему не удалось. Поставленный внѣ всякаго соприкосновенія со своими ближними, въ такія условія, что ему при-

ходилось справляться только съ собственными желаніями, дѣлать только свое дѣло, испытывать только свое сердце и устраивать только свою собственную жизнь, онъ сдѣлался эгоистомъ, самъ того не сознавая, и замѣтилъ это только по своимъ молитвамъ. Онѣ не только оставались безъ отвѣта, но и не приносили ему, какъ бывало прежде, даже временнаго утѣшенія. Тому должна была быть причина; онъ сталъ спрашивать себя: какая?—и понялъ, наконецъ, истинный характеръ своихъ молитвъ. Онѣ были отравлены у самаго источника. Онъ пытался очистить ихъ, но напрасно. Эгоизмъ вторгался въ его душу помимо его воли. Онъ сталъ молиться единственно о возвращеніи ему способности къ чистой и чуждой эгоизма молитвѣ. И эта его мольба была всѣхъ горячѣе. Но и она не была услышана. И онъ совсѣмъ перестал молиться.

Карльтонъ объяснялъ это себѣ тѣмъ, что Богъ не хочетъ простить его, и, подумавъ, еще болѣе утвердился въ этой мысли. Если бы Богъ простилъ его, Онъ бы проявилъ это какимъ-нибудь знакомъ своего милосердія въ людяхъ. Но какъ же поступали съ нимъ люди? Повыбивали окна въ его домѣ, сожгли его церковь, закрыли для него всѣ пути даже къ такому жалкому искупленію, какое было въ его власти, принудили его занять по отношенію къ нимъ такое положеніе, какого онъ вовсе не добивался, хотя одно время оно приносило ему утѣшеніе; затѣмъ пытались, при помощи ложнаго извѣта, принудить его выйти изъ этого положенія и, наконецъ, изгнали его изъ своей среды, отрѣзали, какъ больной членъ, отшатнулись отъ него, какъ отъ чего-то нечистаго, дошли до того, что убили единственное живое существо, оставшееся ему вѣрнымъ въ его изгнаніи!

Убійство собаки было само по себѣ не малой гнусностью, но, явившись достойнымъ вѣнцомъ всего предыдущаго, послѣдней каплей горечи въ горькой чашѣ его испытаній, оно окончательно ожесточило истинно смиренное и горячо сокрушавшееся сердце.

Но не окаменѣла его рука, и эта рука работала неустанно, давая себѣ отдыхъ только въ тотъ день, который для всѣхъ долженъ быть днемъ отдыха. За то въ остальные дни ректоръ работалъ за двоихъ. Если теперь онъ болѣе, чѣмъ когда либо, былъ измѣнникомъ въ глазахъ своего Господа, все же было одно, что̀ онъ могъ сдѣлать для своего Господа. И къ этому онъ прилагалъ всѣ свои силы.

Онъ не обращалъ вниманія ни на сырость, ни на холодъ. Пока его пальцы были въ состояніи держать рѣзецъ, а рука владѣть молотомъ, никакая погода не могла удержать его дома.

Наступилъ Новый Годъ. Весь январь и февраль работа шла непрерывно. Но мартъ мѣсяцъ, какъ это часто бываетъ, съ лихвой искупилъ слабость своихъ предшественниковъ. Безцвѣтные сырые туманы смѣнились рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ при ясномъ небѣ. Чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ вѣтеръ становился пронзительнѣе, а небо темнѣло раньше времени. И когда на другой день Робертъ Карльтонъ отворилъ дверь своего кабинета, чтобы провѣтрить комнату, пока онъ будетъ брать ванну, вокругъ него закружились снѣжинки.

Карльтонъ выглянулъ за дверь: передъ нимъ былъ новый, весь бѣлый міръ, представлявшій ослѣпительный контрастъ съ темно-сѣрымъ беззвѣзднымъ небомъ; сначала, кромѣ этихъ двухъ, другихъ красокъ и не было. Но съ каждымъ мгновеніемъ становилось свѣтлѣе; скоро и силуэты деревьевъ стали вырисовываться на фонѣ неба, какъ прежде, тонкіе и черные: снѣгъ, кружившійся въ воздухѣ, не могъ осѣсть на ихъ колеблемыхъ вѣтромъ вѣтвяхъ, а вѣтеръ по прежнему дулъ холодный и рѣзкій.

Карльтонъ, стиснувъ зубы, окунулся въ воду, покрывшуюся ледяной корой: не мѣнять же своихъ привычекъ изъ-за того, что выпалъ снѣжокъ. Онъ отстраивалъ теперь восточный конецъ, пользуясь, когда можно было, старыми камнями, но все же обтесывая новые чаще, чѣмъ это входило въ его разсчеты. Но дѣлать было нечего: эта стѣна приходилась противъ улицы; надо, чтобы она закрывала голову строителя, прежде чѣмъ онъ перейдетъ къ другой стѣнѣ. Теперь она уже доходила ему до бедеръ.

Весь день онъ работалъ, стоя въ мокромъ снѣгу, подъ суровымъ ледянымъ вѣтромъ, отъ котораго была защищена только нижняя часть его туловища. Камни были уже обтесаны, цементъ приготовленъ съ вечера; оставалось приносить ихъ изъ сарая, ставить на мѣсто и облицовывать, но чтобы не опускать ихъ въ снѣгъ и грязь, каждый камень приходилось, принесши, тотчасъ же и закладывать и, послѣ такого сильнаго мышечнаго напряженія, еще долго возиться надъ нимъ съ лопаточкой и отвѣсомъ, на холодномъ вѣтру, по два по три раза въ часъ. У него еще не было такого труднаго дня, но за то и не было такого удачнаго. Къ тремъ съ половиною часамъ пополудни стѣна увеличилась на цѣлый рядъ.

Въ былые дни Карльтонъ, навѣрное, ощутилъ бы приливъ невольной гордости, за которую онъ потомъ расплачивался такъ дорого; но сегодня усталый работникъ еле дотащился до кровати, думая только объ отдыхѣ (онъ рѣдко чувствовалъ себя такимъ усталымъ) и объ ужинѣ, который необхо-

димо было приготовить потомъ для поддержанія силъ. Но на порогѣ кабинета онъ остановился и оглянулся назадъ, какъ оглядывается осужденный у подножія эшафота.

Окружающій ландшафтъ самъ по себѣ не представлялъ ничего особенно примѣчательнаго. Снѣгъ уже начиналъ таять, но небо оставалось такимъ же суровымъ, а восточный вѣтеръ пронизывалъ до костей. Сосны, обрамлявшія на горизонтѣ вспаханныя поля, вырисовывались на мрачномъ небѣ, какъ темныя кокарды на рыже-бурыхъ стержняхъ; надъ ними плыли бѣлыя облака; еще выше висѣлъ бѣлый мѣсяцъ. Реполовъ прыгалъ по снѣгу у самыхъ ногъ Карльтона: онъ любилъ птицъ и никогда не забывалъ гокормить ихъ, не забылъ и сегодня утромъ. Гдѣ-то черный дроздъ затянулъ свою пѣсенку; скворецъ щелкалъ клювомъ. Только и всего— но эта картинка на всю жизнь осталась въ памяти Роберта Карльтона.

Вмѣсто того, чтобы отдохнуть часъ, онъ проспалъ до глубокой ночи, а остальное время до разсвѣта промучился, то трясясь отъ озноба, то изнывая отъ нестерпимаго жара, Въ горлѣ у него горѣло; чтобы прочистить его, онъ откашлялся и почувствовалъ при этомъ острую боль. Къ утру онъ былъ уже настолько боленъ, чтобы знать, что скоро ему станетъ еще хуже. Пока хватало силъ, надо было принять надлежащія мѣры.

Какое счастье, что онъ все время экономилъ на углѣ; инстинктъ, подсказавшій ему необходимость этого, былъ безошибоченъ: теперь этотъ небольшой запасъ угля, пожалуй, спасетъ ему жизнь! У него было только одно ведерко для угля, и это въ первый моментъ смутило его; но затѣмъ онъ вытеръ до суха свою ванну и, переложивъ въ нее уголь, втащилъ ее въ кабинетъ. Физическія усилія, которыя приходилось сдѣлать при этомъ, причиняли ему такую же боль, какъ и кашель. Ему казалось, что его прокалываютъ насквозь. У него даже голова закружилась отъ боли. Но черезъ минуту онъ уже опять шелъ въ кухню за дровами. Каждое такое путешествіе за тѣмъ или другимъ было адской мукой; онъ держался на ногахъ только потому, что былъ въ жестокомъ жару. Это было своего рода самоубійство, но не запастись всѣмъ необходимымъ значило обречь себя на вѣрную смерть. То надо было принести бутылку съ водкой, простоявшую въ шкафу больше года, то корзину яицъ, которыхъ у него набрался порядочный запасъ, то нѣсколько ведеръ воды. Карльтонъ въ свое время часто навѣщалъ больныхъ и видѣлъ немало смертей отъ той самой болѣзни, съ которой онъ теперь готовился бороться, а потому имѣлъ нѣкоторое понятіе о томъ, что надо дѣлать, и только сомнѣвался, долго ли

онъ будетъ въ состояніи дѣлать что-бы то ни было. Теперь ему даже дышать было больно. Онъ чувствовалъ, что ему съ каждой минутой становится хуже, но умирать не собирался. Онъ вѣрилъ въ выносливость своего организма, унаслѣдованнаго отъ крѣпкаго, здороваго рода, вѣрилъ и въ собственную силу воли.

Наконецъ, огонь былъ разведенъ, надъ нимъ привѣшенъ котелокъ съ водой, кровать придвинута къ огню, и Карльтонъ могъ, наконецъ, прилечь. Подъ кроватью была ванна, полная угля, по близости яица, виски, чашка и ведро съ водой. Но и до кровати больной добрался не сразу; сначала онъ свалился безъ памяти на полъ, въ первый же моментъ, какъ только могъ себѣ позволить потерять сознаніе.

Оправившись, онъ наполовину раздѣлся, залѣзъ подъ одѣяло, разболталъ въ чашкѣ яйцо съ нѣсколькими каплями виски, выпилъ его и лежалъ, чувствуя въ груди своей иголки и кинжалы, пока не уснулъ.

— Я не умру. Не доставлю имъ этого удовольствія. Имъ хотѣлось бы избавиться отъ меня, но я не желаю издохнуть, какъ крыса въ норѣ!

Всѣ его мысли вертѣлись на этомъ въ теченіе, какъ ему казалось, многихъ дней, хотя на самомъ дѣлѣ прошло всего нѣсколько часовъ. По временамъ рѣшимость подымалась въ его сердцѣ съ новой силой, и запекшіяся губы выражали ее словами, и все тѣло подбиралось для усилія, въ сравненіи съ которымъ постройка церкви была дѣтской забавой. Онъ садился на постели и подбрасывалъ угли въ каминъ рукой, почернѣвшей отъ постояннаго прикосновенія къ углю, потомъ наклонялся надъ котелкомъ и вдыхалъ паръ, пока исхудалая рука въ состояніи была поддерживать тяжесть его тѣла. Но и тутъ, прежде чѣмъ лечь, онъ тянулся къ ведру и доливалъ котелокъ, черпая воду чашкой. Котелокъ на время прерывалъ свою пѣсенку, а больной, совершенно обезсиленный, опускался на подушки и порою тутъ же впадалъ не то въ сонъ, не то въ обморочное состояніе. Но этотъ сонъ никогда не бывалъ слишкомъ долгъ. Больному начинало сниться, что огонь погасъ, и онъ вскакивалъ, чтобы подбавить угля, часто даже раньше, чѣмъ котелокъ снова закипалъ. А потому огонь не только не угасалъ, но въ теченіе шестидесяти часовъ подъ рядъ горѣлъ одинаково ровно. Карльтонъ не забывалъ о немъ и во снѣ, не забылъ даже и на третій день, когда тихій бредъ на нѣсколько часовъ лишилъ его сознанія. Худая черная рука и въ бреду находила дорогу къ ваннѣ съ углемъ и слабо шарила въ ней, выбирая угольки поменьше. Мысли его и въ промежутки сознанія, и въ бреду были поглощены исключительно огнемъ. Больной

только имъ и жилъ. Онъ не дастъ огню погаснуть, пока онъ живъ. А жить онъ хочетъ. Когда огонь погаснетъ, и онъ умретъ... Но на этотъ разъ ему не суждено было умереть.

— Это ваша послѣдняя уловка, чтобы избавиться отъ меня,—а? Выслали противъ меня генерала Февраль—нѣтъ Мартъ! Дудки! не наложитъ онъ на меня своей костлявой руки!.. Жгите, если посмѣете!.. Попробуйте, только я вамъ говорю, что законы на моей сторонѣ.

Бредъ изъ исключенія превратился въ правило. Котелокъ пересталъ пѣть; дно его вывалилось, и самъ онъ раскалился до красна, ибо никогда еще огонь не горѣлъ такъ ярко: Каминная рѣшетка на нѣсколько дюймовъ ушла въ золу. Въ памяти и безъ сознанія Карльтонъ не забывалъ мѣшать кочергой огонь, и огонь все пылалъ.

Каминъ дышалъ жаромъ, который для здороваго человѣка на такомъ разстояніи былъ бы нестерпимъ. Жаръ палилъ простыни, жегъ кожу на лицѣ больнаго, но онъ же и удерживалъ эту сильную душу въ ослабѣвшемъ тѣлѣ.

Кризисъ наступилъ раньше времени. Карльтонъ такъ ослабѣлъ, что уже не въ состояніи былъ помѣшать кочергой огонь, или дотянуться до угля, но въ головѣ у него вдругъ прояснилось. До сихъ поръ онъ не молился. Онъ пересталъ молиться сознательно еще въ то время, когда онъ былъ здоровъ и силенъ. И одного страха смерти было мало, чтобы вновь заставить его молиться, и менѣе всего о сохраненіи жизни. Теперь, когда огонь потухалъ, и выздоровленіе становилось невозможнымъ, положеніе дѣлъ измѣнилось; теперь заблудшій слуга божій нарушилъ свое долгое молчаніе и молился снова—и о прощеніи, и о скоромъ избавленіи отъ своихъ горестей. И въ тотъ же часъ пришелъ какъ-бы отвѣтъ, словно для того, чтобъ увѣрить его, что даже *его* молитвы имѣютъ нѣкоторую цѣну въ глазахъ Всевышняго. Бредъ его перешелъ въ спячку съ коротенькими промежутками сознанія, а лихорадка и боль исчезли.

Но пробудился Робертъ Карльтонъ въ этомъ же мірѣ и, пробудившись, увидѣлъ свой драгоцѣнный огонь пылающимъ ярко, а у огня уродливую человѣческую фигуру, прислушивавшуюся къ пѣсенкѣ новаго котелка. То былъ старый Бёсби, церковный сторожъ. Больной былъ не въ состояніи говорить; ему трудно было даже пошевелить пальцемъ: руки его стали тяжелы, словно камни; прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлать движеніе, чтобы обратить на себя вниманіе Бёсби. Но все это время жаръ камина согрѣвалъ ему душу. И онъ уже убѣдился, что будетъ жить.

Сторожъ, наконецъ, повернулъ къ нему лицо. На такомъ близкомъ разстояніи это лицо поражало своимъ безобразіемъ.

Беззубый, никогда не закрывавшійся ротъ и прежде напоминалъ Карльтону одну изъ собственноручно высѣченныхъ имъ каменныхъ масокъ—напомнилъ и теперь. Постоянно текшая изъ уголка рта слюна довершала отвратительный реализмъ изображенія. Но маска мгновенно ожила, превратившись въ человѣческое лицо, а беззубый ротъ расплылся въ хитрую старческую усмѣшку.

— Что, вамъ было очень худо?

— Раз-бейте-яйцо. Не-могу-говорить.

Онъ, очевидно, говорилъ невнятно, такъ какъ Бёсби, насторживъ ухо, переспросилъ:

— Что такое?

Карльтонъ, закрывъ глаза, сдѣлалъ новое усиліе.

— Не ѣлъ... ослабъ... отъ голода... яицъ нѣтъ?

— Яицъ? Вотъ тутъ есть одно.

— Сбейте... для меня... Худо... не могу говорить.

— Я такъ и думалъ, что вы захворали,—наставительно заговорилъ сторожъ, кивая головой и видимо радуясь своей прозорливости.—Я такъ и думалъ!

— Это была простуда и только,—прошепталъ Карльтонъ, чувствуя ужасъ при мысли, что всѣ вдругъ начнутъ жалѣть его.

— Только простуда?

— О да!—ничего больше.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ было не такъ худо, какъ мнѣ!—торжествующимъ тономъ вскричалъ Бёсби.—Вы знаете, что со мной творилось весь этотъ годъ? Это созданіе все еще тамъ! Я его слышу...

— Сдѣлаете вы то, о чемъ я васъ прошу?

На этотъ разъ шопотъ звучалъ повелительно.

— Я бы сдѣлалъ, сэръ, да не знаю, какъ это дѣлается.

— Такъ дайте мнѣ яйцо, ради самого Господа, и подержите чашку.

Карльтонъ въ своемъ нетерпѣніи ухитрился даже приподняться, но въ пальцахъ у него было меньше силы, чѣмъ у новорожденнаго, и яйцо выскользнуло изъ его руки. Сторожъ, съ неожиданной для самого себя ловкостью подставилъ чашку; яйцо упало туда и разбилось. Такимъ образомъ, случай помогъ неумѣнью.

— Ну вотъ, смотрите, что вы надѣлали!—съ упрекомъ сказалъ Бёсби, выбирая изъ чашки скорлупу. Затѣмъ онъ получилъ инструкціи, которымъ даже онъ былъ въ состояніи слѣдовать, и, наконецъ, яйцо было проглочено, съ прибавкой чайной ложечки виски, которую Бёсби само собой налилъ черезъ край. Это вторая случайность была еще счастливѣе

первой. Больной сразу подбодрился, и теперь Бёсби могъ слушать его, уже не наклоняясь.

— Когда вы нашли меня?

— Да, пожалуй, будетъ съ часъ тому назадъ. Ну, и видъ же у васъ былъ! Я какъ глянулъ на васъ, такъ и говорю себѣ: „Ну, нашла таки коса на камень! Не выстоять его преподобію! Страсть, какъ ему должно быть худо“. И вы видите, я былъ правъ.

Въ огромныхъ блестящихъ глазахъ больного мелькнуло слабое подобіе улыбки.

— Вы были отчасти правы, отчасти неправы. Нѣтъ, Бёсби, мой конецъ еще не пришелъ. Такъ это вы развели огонь?

— Онъ еще не совсѣмъ потухъ...

— А!

— ...И скоро разгорѣлся. А потомъ я сходилъ за новымъ котелкомъ.

Въ большихъ глазахъ мелькнуло подозрѣніе.

— И, конечно, разсказали всѣмъ, что вы видѣли?

— Вотъ ужъ нѣтъ! — многозначительно возразилъ сторожъ.—Напротивъ того, я всячески старался, чтобы никто не видѣлъ, какъ я сюда вошелъ. Я подумалъ, что вы не прочь будете выпить чашечку чайку, а отъ *вашего* котелка уже и слѣда не осталось.

— Вы хорошо сдѣлали, — прошепталъ Карльтонъ. — Вы спасли меня—не дали моей простудѣ обостриться. Вы никогда не пожалѣете объ этомъ, Бёсби, только не говорите никому, что я былъ боленъ—слышите? Ни одной живой душѣ не говорите, что вы нашли меня въ постели!

— Не бойтесь,—хихикнулъ сторожъ.—Велика мнѣ корысть разсказывать, что я былъ тутъ у васъ! Пусть поищутъ кого другого.

Карльтонъ лежалъ неподвижно и думалъ; нижняя часть его лица словно окаменѣла; сама смерть не могла бы придать ей болѣе суроваго выраженія, но глаза его горѣли. Потомъ онъ заговорилъ—и жаль, что его могъ слышать только церковный сторожъ: такъ твердо звучалъ этотъ слабый голосъ.

— Найдите мои ключи, Бёсби. Я хочу дать вамъ соверенъ...

— Что такое?

— Это только первый; потомъ вы получите еще, если сдѣлаете то, что я хочу.

Полчаса спустя старикъ уже ковылялъ по направленію къ Лекенхоллю, въ первый разъ за много лѣтъ, и больной сильно сомнѣвался, увидитъ ли онъ его еще разъ. Разговоръ взволновалъ его, потребовалъ большого усилія воли, и теперь

имъ овладѣла страшная слабость. Лампада его жизни едва мерцала; ее поддерживало только ожиданіе, жаръ отъ огня и собственная непреклонная воля больного. За то послѣдняя ни на минуту не измѣняла ему.

— Я *хочу* выздоровѣть!—бормоталъ онъ въ самыя трудныя минуты,—хочу!.. хочу!.. Охъ, онъ кажется, никогда не вернется!

Сторожъ вернулся, наконецъ,—съ пшеничной мукой, мяснымъ экстрактомъ, бутылкой портвейну и всѣмъ прочимъ, что только пришло на умъ больному, какъ могущее возстановить силы. Все это были простыя средства, но они ускорили выздоровленіе.

Сторожъ сталъ приходить каждый вечеръ: онъ тоже былъ одинокій человѣкъ и любилъ денежку. За одну недѣлю онъ отложилъ больше, чѣмъ за всю предыдущую жизнь. Ему даже трудно было относиться совершенно безкорыстно къ тому, что его паціентъ замѣтно поправлялся и, слѣдовательно, скоро долженъ былъ сдѣлаться независимымъ отъ него. За то у него теперь было маленькое утѣшеніе: воображаемый страдалецъ могъ всласть каркать надъ настоящимъ, жалуясь на свои горести.

— Ахъ, сэръ, вы и не знаете, что значитъ быть по настоящему больнымъ—вотъ какъ я. У васъ никогда не сидѣла внутри огромная жирная жаба, высасывающая всѣ соки изъ вашего желудка. Что я ни съѣмъ, она все проглотитъ и кричитъ: давай еще! Ква, ква, ква!

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ выяснился неожиданный фактъ. Бёсби уже не былъ больше ни церковнымъ сторожемъ, ни звонаремъ, ни могильщикомъ. Похороны были рѣдки, а въ школьный колоколъ по воскресеньямъ, да и каждый день, звонилъ сынъ учителя. Бёсби уволили, выдавъ ему небольшую сумму наградныхъ, еще въ августѣ мѣсяцѣ. Но это было не все. Въ приливѣ естественнаго гнѣва старикъ отрекся отъ церкви, перешелъ къ баптистамъ и сталъ ходить въ маленькую часовню, что за Флинтъ-гоузомъ, не доходя поворота въ Линкворть. И онъ убѣждалъ м-ра Карльтона сдѣлать то же.

— Вотъ увидите, сэръ; если вы это сдѣлаете, вы никогда больше не отступитесь.

Кальтонъ поморщился. Но этотъ человѣкъ спасъ ему жизнь. Онъ не долженъ обижаться на добраго стараго глупца, который пришелъ ему на помощь въ то время, когда всѣ здравомыслящіе люди отреклись отъ него.

— Этого вы не можете знать,—спокойно возразилъ онъ.

— Какъ не могу? Кому же и знать, какъ не мнѣ. Божьи дѣти не могутъ грѣшить, и я не могу.

Карльтонъ широко раскрылъ глаза.

— Вы хотите сказать, что вы никогда не грѣшите?

— Говорю вамъ, сэръ, — торжественно пояснилъ старикъ,—что, съ тѣхъ поръ, какъ Божія десница коснулась меня, вотъ уже семь мѣсяцевъ я не совершилъ и тѣни грѣха.

— На вашемъ мѣстѣ я бы припомнилъ, что говоритъ св. Павелъ: „Пусть тотъ, кто думаетъ, что онъ стоитъ твердо, остерегается, какъ бы... ему... не... упасть“.

Голосъ говорившаго дрогнулъ; текстъ былъ о двухъ концахъ, но Карльтонъ не замѣтилъ ловушки, пока не очутился на краю. Въ гнѣвѣ онъ забылся, и голосъ его звучалъ властно, какъ годъ тому назадъ. Но закоренѣлый эгоистъ былъ слишкомъ поглощенъ собой, чтобы обидѣться.

— Упасть?—переспросилъ онъ, таращa свои глупые глаза на ректора.—Я, если-бъ и захотѣлъ, не могъ бы этого сдѣлать; я даже пробовалъ—такъ только, чтобъ посмотрѣть—но я, оказывается, даже забылъ, какъ грѣшать. Повѣрите ли, сэръ, я даже не могу выругать эту гадину, которая понемножку убиваетъ меня. Да что! я благодаренъ ей! За то я иногда чуть не плачу, какъ подумаю, что мнѣ нужно еще жить въ этомъ грѣшномъ мірѣ, когда мнѣ уже уготовано мѣсто на небесахъ.

Даже самообладаніе Карльтона не устояло передъ этой поразительной рѣчью. Плаксивый голосъ, очевидная убѣжденность и эта безобразная усмѣшка, дышащая невѣроятнымъ самомнѣніемъ, наконецъ, полная неожиданность этого признанія, — все это пробудило въ душѣ Карльтона давно не звучавшую струну. Онъ не выказалъ досады, которую рѣшилъ скрывать; онъ сдѣлалъ хуже — онъ расхохотался въ лицо сторожу, долгимъ, истерическимъ смѣхомъ, отъ слабости и съ непривычки звучавшимъ необычайно громко и рѣзко.

Бёсби вскочилъ на ноги, онѣмѣвъ отъ ужаса и оскорбленія.

— Простите,—задыхаясь, началъ Карльтонъ, у него даже слезы выступили на глазахъ,—я очень извиня... охъ!..

И опять повалился на кровать въ припадкѣ неудержимаго хохота, звучавшаго такъ дико и странно въ этомъ опустѣвшемъ домѣ.

Старикъ только ахнулъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могъ выговорить ни слова. Потомъ лицо его прояснилось и онъ забормоталъ скороговоркой:—Ну, чтожъ! всетаки, благодаря Бога, я вылѣчилъ васъ; благодаря Бога, я не далъ вамъ умереть въ вашей грѣховной сквернѣ и пойти

прямо въ адъ; теперь у васъ есть еще возможность заслужить безсмертіе. Злой человѣкъ! Я пойду и буду молиться за васъ, но никогда больше не приду къ вамъ!

Такимъ образомъ, одинокій человѣкъ снова остался одинокимъ; теперь онъ могъ разговаривать только самъ съ собой.

— Ну что-жъ, старикъ получилъ, что ему слѣдовало, — размышлялъ вслухъ Карльтонъ: онъ передалъ сторожу въ общемъ около семи фунтовъ.—И мою благодарность тоже!— прибавилъ онъ немного погодя.—Я не долженъ забывать, что я обязанъ жизнью этому глупому Бёсби.

До сихъ поръ больной не выходилъ, теперь онъ рѣшилъ выйти. День былъ ясный, теплый; близился уже конецъ марта. И, какъ весенніе соки струились въ деревьяхъ, такъ волна иной, горячей благодарности всколыхнула сердце Карльтона.

О! что за радость чувствовать, какъ скрипитъ подъ ногами мокрый песокъ, видѣть влажную зеленую травку, яркое солнце, снова видѣть друзей своихъ, птичекъ, вдыхать живительный теплый воздухъ!

Ноги сами понесли его по старой дорожкѣ. Черезъ минуту онъ былъ уже возлѣ церкви и, сидя на той самой стѣнѣ, которую строилъ двѣ недѣли тому назадъ, смотрѣлъ на свою работу.

Что это? Кто-нибудь работалъ за него въ его отсутствіе? Или въ томъ, что видишь изо дня въ день, не замѣчаешь перемѣны, а послѣ долгаго отсутствія поражаешься разницей между тѣмъ, что есть и что было? Ну да, конечно. И, откинувъ первую догадку, онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ.

А все же странно: вотъ эта стѣна значительно выше, та много чище прежняго; а между тѣмъ, здѣсь не было камня, котораго бы Карльтонъ не узналъ съ перваго взгляда, надъ которымъ бы онъ не работалъ; даже веревочка, которую онъ натянулъ, чтобы кладка выходила ровной — на томъ же мѣстѣ. Онъ просто слишкомъ низко цѣнилъ свою работу. И опять ему показалось, будто весенніе соки вливаются въ его сердце и струятся по его жиламъ.

Даже груды обгорѣлыхъ балокъ, до сихъ поръ загромождавшихъ девять десятыхъ внутренности церкви, не представлялись ему теперь непобѣдимымъ хаосомъ, какъ въ тотъ памятный горькій день, который казался теперь такъ далекъ. И, однако, когда онъ взялся, бѣлыми теперь, руками за одно изъ бревенъ, какія онъ прежде легко взваливалъ себѣ на плечи, онъ не могъ даже приподнять его отъ земли. О, этотъ день! Пройдутъ недѣли, прежде чѣмъ изгладятся

его результаты. Карльтону казалось, что онъ опять испытываетъ всѣ *тѣ же* ощущенія: мокрыя ноги, рѣзкій, холодный вѣтеръ, потъ, стынущій на тѣлѣ, каждая пора — открытая дверь для смерти. На горизонтѣ рядъ сосенъ съ красными стволами, слишкомъ далекихъ для того, чтобы преградить путь губительному вѣтру; передъ нимъ—стѣна, которую необходимо довести до извѣстной высоты, прежде чѣмъ приняться за что-либо другое. А какъ хорошо вышелъ послѣдній рядъ камней, положенный въ тотъ день, когда его уже схватили за горло костлявые пальцы! Что же, онъ умеръ бы съ сознаніемъ, что хорошо поработалъ... А должно быть смерть была очень близка... И какъ это только Бёсби надумался навѣстить его? Старикъ самъ не умѣлъ хорошенько объяснить этого: просто пришло ему на мысль, что съ ректоромъ что-то неладно—ну, и зашелъ.

На обратномъ пути Карльтонъ остановился передохнуть подъ деревомъ. То былъ дикій каштанъ; всѣ почки на немъ уже набухли и были клейкія на ощупь; птицы, какъ лѣтомъ, распѣвали на вѣтвяхъ. Карльтонъ пошелъ къ дому мелкими быстрыми шагами слабаго человѣка, который спѣшитъ. Онъ жаждалъ упасть на колѣни, чтобы излить свое переполненное сердце.

XX.

Мирное житіе.

Прошло три года, а опальный священникъ все жилъ одинъ, и церковь все росла подъ его неутомимой рукой. Съ одной стороны она казалась почти готовой, если не считать крыши; западный шпицъ уже выступалъ изъ-за деревьевъ, а подъ нимъ виднѣлось нетронутое окно. Но это окно было единственное уцѣлѣвшее во время пожара, остальныя до прошлаго года были только помѣхой. Да и теперь только три одиночныхъ окна, два въ трансептахъ и одно направо отъ портика—были совсѣмъ готовы, отъ лежня до арки; среднее окно было только начато; остальныя представляли собой зіяющія рваныя отверстія различной величины. Но деревнѣ виденъ былъ только казовый уголъ церкви и западныя стѣны трансептовъ, совершенно лишенныя оконъ и потому подведенныя подъ самую крышу. И деревня понемногу смягчалась къ своему отщепенцу, хотя никто не говорилъ объ этомъ громко; и ни одна живая душа—завѣдомо для другихъ—не навѣщала его всѣ эти годы, кромѣ новаго сторожа, приходившаго время отъ времени выкопать могилу, да Лекенхолльскаго викарія, пріѣзжавшаго сдѣлать запись въ приходской книгѣ.

Были, впрочемъ, и другіе посѣтители, хотя и немного: первый изъ нихъ постучался въ дверь ректорскаго кабинета вечеромъ, въ день первыхъ похоронъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ выздоровленія Карльтона.

Ректоръ читалъ. Сердце его замерло при этомъ звукѣ, и только по второму стуку онъ могъ заставить себя отворить дверь.

— Томъ Айви!

— Онъ самый, сэръ; можно войти?

— Разумѣется, Томъ.

Гость неуклюже протиснулся бокомъ въ дверь и отказался присѣсть. Онъ, казалось, занялъ полкомнаты. Его могучіе мускулы какъ-то ненормально оттопыривались въ черномъ сюртукѣ изъ толстаго, лубомъ стоявшаго, сукна, очевидно, купленномъ готовымъ. Въ его суровомъ, почти грозномъ, взорѣ читались угрюмое смущеніе и мрачная рѣшимость.

— Нынче были похороны.

— Знаю.

— Хоронили мою бѣдную мать, м-ръ Карльтонъ.

— Да, я слышалъ, Томъ, мнѣ такъ грустно за васъ.

Руки ихъ встрѣтились, и Карльтонъ поморщился отъ пожатія.

— Грустить тутъ не о чемъ,—возразилъ Томъ съ суховатой философіей крестьянина.—Теперь она перестала страдать, бѣдняжка. Да и мнѣ въ одномъ отношеніи легче будетъ. Можете пустить меня въ дѣло завтра же.

— Пустить васъ въ дѣло, Томъ?

— Ну да, сэръ; теперь я могу работать на васъ. Посмотрю я, кто посмѣетъ запретить мнѣ! Вы показали всѣмъ, что вы за человѣкъ; теперь *мой* чередъ.

Широкое лицо каменьщика то озарялось энтузіазмомъ, то темнѣло, принимая угрожающее выраженіе. Карльтонъ смотрѣлъ на него не отрываясь, не дыша, пораженный. И такъ они долго молча стояли другъ противъ друга; наконецъ, Карльтонъ тихо опустился въ свое старое кресло, съ улыбкой шепча:

— Послѣ столькихъ мѣсяцевъ! Послѣ столькихъ мѣсяцевъ!

Свѣтъ лампы падалъ на его лицо; улыбка была необычайно кроткая.

— Мнѣ хочется спрятать лицо отъ стыда, когда я вспомню, сколько времени вы уже тутъ работаете одни!—съ горечью молвилъ Томъ.—Но что пользы было приходить, когда я все равно не могъ взяться за работу! А развѣ я могъ это сдѣлать, пока матушка была жива? Это значило бы—ну, да что тутъ говорить! вы и сами знаете.

— Вы намекаете на сэра Уильтона?

— Ну да, на него.

— Онъ былъ добръ къ вамъ?

— О да!

— И пристройку сдѣлалъ, какъ обѣщалъ?

— Да, — вздохнулъ Айви:—онъ даже больше сдѣлалъ, чѣмъ обѣщалъ; теперь вы и не узнаете нашего дома. Для матушки это была такая радость! А работалъ все я же.

— Вотъ какъ!

— И вообще надо по совѣсти сказать, благодаря ему, я все это время ни разу не сидѣлъ безъ работы.

— То есть, до послѣдняго времени?

— Сказать правду, сэръ, я и теперь работаю у него.

— У сэра Уильтона Глида?

— Ну да—такъ разныя мелочи, здѣсь, въ усадьбѣ.

— Въ такомъ случаѣ, другъ мой, какъ же вы предлагаете свою помощь *мнѣ*?

— Какъ?—мрачная рѣшимость въ глазахъ Айви вспыхнула яркамъ пламенемъ.—А такъ, что я порѣшилъ завтра же пустить его въ трубу ради васъ. Я бы давно это сдѣлалъ, если-бъ не матушка; но лучше поздно, чѣмъ никогда. Вы показали имъ, что вы за человѣкъ—теперь мой чередъ. Посмотрѣть только, сколько вы сдѣлали вотъ этими двумя руками!.. Ну да ладно, съ завтрашняго дня будутъ работать еще двѣ. Не дамъ я вамъ уходить себя до смерти на моихъ глазахъ! Вотъ у васъ уже волосы посѣдѣли отъ этой работы.

Карльтонъ отодвинулся дальше отъ лампы.

— Не можетъ быть,—пробормоталъ онъ.

— Ну конечно же, посѣдѣли, сэръ. Вы когда въ послѣдній разъ смотрѣлись въ зеркало?

— Не знаю.

— Такъ посмотритесь завтра. Они бѣлы, какъ снѣгъ. И борода у васъ сѣдая.

— Она слишкомъ длинна, это такъ,—сказалъ Карльтонъ, прикрывая бороду рукой.

— А рука-то—рука!

Рука была вся въ рубцахъ и мозоляхъ, не хуже собственной руки Тома. Карльтонъ отвелъ и руку отъ свѣта, но ничего не сказалъ.

— Сегодня послѣдній день, что она работала одна!—воскликнулъ Томъ.—Завтра я стану рядомъ съ вами, хотите вы этого, или нѣтъ. Я имъ покажу! Я имъ покажу!

И при каждомъ словѣ онъ свирѣпо кивалъ головой.

— Милый мой, вы не можете этого сдѣлать.

Слова эти прозвучали очень мягко, послѣ долгой паузы.

— Почему не могу?

Карльтонъ привелъ безчисленное множество доводовъ и, наконецъ, закончилъ:

— Это было бы нехорошо и съ вашей, и съ моей стороны. Продолжайте работать у сэра Уильтона—по крайней мѣрѣ, еще годъ. Вы обязаны сдѣлать это для него. А за меня не бойтесь: я счастливѣе, чѣмъ я того заслуживаю. Зимой было не такъ; но Богъ оказалъ мнѣ безконечное милосердіе и состраданіе. А теперь Онъ направилъ васъ ко мнѣ, въ знакъ того, что въ концѣ концовъ и люди, быть можетъ, простятъ мнѣ! Этого съ меня достаточно, Томъ. Вы не можете сдѣлать для меня больше того, что сдѣлали сегодня. А долгъ свой вамъ надо исполнить. Не сокрушайтесь обо мнѣ! Я уже привыкъ къ работѣ и начинаю пріобрѣтать сноровку. Можетъ быть, къ тому времени, какъ я дойду до крыши—если я когда-нибудь дойду—потребность въ церкви побудитъ и другихъ помочь мнѣ окончить мою работу. Тогда, если захотите, и вы вернетесь, но я не хочу, чтобъ вы сдѣлались отверженцемъ изъ-за меня; довольно и одного!

Томъ Айви больше не приходилъ. О его визитѣ въ пасторатъ было доложено сэру Уильтону, и тотъ, какъ истый дипломатъ, вмѣсто того, чтобы сыграть въ руку врагу, разсчитавъ Айви, довершилъ свою доброту, предложивъ каменьщику мѣсто въ Лондонѣ, въ томъ округѣ, котораго онъ былъ представителемъ. Искушеніе было непреодолимо, и Томъ уѣхалъ. Такимъ образомъ, сэръ Уильтонъ удалилъ отъ соблазна ненадежнаго союзника и закрѣпилъ за собой его вѣрность.

Карльтонъ узналъ объ этомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда Лекенхолльскій викарій снова пріѣхалъ по случаю похоронъ сдѣлать запись въ приходской книгѣ. Викарій былъ джентльмэнъ. Онъ имѣлъ доброе сердце и былъ очень тактиченъ. Онъ не только говорилъ съ Карльтономъ, какъ говорилъ бы со всякимъ другимъ священникомъ, поставленнымъ въ совершенно нормальныя условія, но и старался продлить бесѣды, на сколько считалъ это возможнымъ, не давая повода заподозрить, что имъ руководитъ глубокое состраданіе. Онъ разсказывалъ о событіяхъ дня, сообщалъ кое-что изъ мѣстной хроники; разъ онъ упомянулъ о томъ, что Сидней Глидъ поступилъ въ Кембриджъ и сдѣлался отчаяннымъ шалопаемъ, а Лидія, теперь м-рсъ Гольдштейнъ, хозяйка великолѣпнѣйшаго дома въ Голландскомъ Паркѣ и другого, выше по Темзѣ. Изъ того-же источника Карльтонъ узналъ запоздалыя новости о Джорджѣ Меллисѣ, который изъ двухъ кампаній вышелъ безъ единой царапины, но не собирался вернуться домой, чтобы разыгрывать роль

героя на родинѣ. Однимъ словомъ, этотъ викарій, очень еще молодой и нѣсколько вульгарный, скоро замѣнилъ отшельнику внѣшній міръ, міръ газетъ и сплетенъ, и Робертъ Карльтонъ былъ ему сердечно признателенъ, хотя его болѣе опытный глазъ давно уже разгадалъ нехитрыя уловки, которыми тотъ старался замаскировать свою жалость.

Этотъ же викарій служилъ по воскресеньямъ обѣдню въ Лонгстовской школѣ. Двумъ закадычнымъ друзьямъ, сэру Уильтону Глиду и канонику Уайльдерсу, организовавшимъ его наѣзды въ Лонгстоу, было бы, вѣроятно, не безынтересно узнать, какъ ихъ делегатъ пользуется своими визитами въ пасторатъ. Но его визиты въ пасторатъ были рѣдки. Похороны бываютъ не каждый день, а вѣнчались лонгстовцы теперь въ Линквортской церкви, тамъ же и крестили дѣтей.

Въ началѣ втораго года въ пасторатъ пріѣхалъ новый гость, котораго Робертъ Карльтонъ узналъ съ перваго взгляда, хотя никогда не видалъ его раньше. Гость имѣлъ видъ спортсмэна, ведущаго довольно безпутный образъ жизни; прокативъ на тэндемѣ черезъ всю деревню, онъ среди бѣлаго дня остановился у развалинъ церкви. Это было прямо скандально, и какъ только красный затылокъ господина исчезъ за низкой и ободранной стѣной, негодующіе крестьяне осадили грума въ шляпѣ съ кокардой, осыпая его вопросами.

Карльтонъ забился въ самый дальній уголъ и нервно царапалъ ближайшій камень; гость подошелъ, остановился и свиснулъ.

— Я думалъ, это та церковь, которую пасторъ строитъ своими руками.

— Такъ оно и есть, милордъ.

— А вы тотъ, кого онъ зоветъ „своими руками“?

— Нѣтъ, я—это онъ.

Гость воззрился на него.

— Вы—пасторъ?

— Я знаю, что не имѣю вида священника,—согласился Карльтонъ, глядя то на свои мозолистыя руки, то на свое старое рабочее платье:—да я и едва ли вправѣ назвать себя въ данное время священникомъ. Но все-же я ректоръ здѣшняго прихода—другого ректора здѣсь нѣтъ—и это я писалъ вамъ по поводу камня. Въ нашемъ графствѣ нѣтъ другихъ каменоломенъ, кромѣ вашихъ. Оттуда привезенъ и тотъ камень, которымъ я сейчасъ пользуюсь. Но теперь онъ весь израсходованъ, и если вы мнѣ не дадите еще, мнѣ, пожалуй, придется остановить работу; а я думаю, что могъ бы довести зданіе до крыши, безъ посторонней помощи.

— А зачѣмъ вамъ это?

— Моя церковь сгорѣла по моей винѣ.

— Это я все знаю. Я спрашиваю, зачѣмъ вамъ непремѣнно хочется выстроить ее одному?

— Вначалѣ мнѣ вовсе этого не хотѣлось,—вздохнулъ Карльтонъ.—Это длинная исторія.

Графъ пристально посмотрѣлъ на него зоркими маленькими глазками; онъ былъ не хорошій человѣкъ съ некрасивой репутаціей, но въ то же время одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не стараются ни скрыть дурныя черты своего характера, ни выставить на показъ хорошія.

— Говоря откровенно,—началъ онъ,—я случайно узналъ кое-что изъ вашей исторіи и нахожу, что это довольно таки некрасивая исторія, болѣе дискредитирующая другихъ, чѣмъ васъ. Вотъ мое мнѣніе, и я не стѣсняюсь высказывать его. Такъ вы, на самомъ дѣлѣ, дѣлаете здѣсь буквально все своими руками?

— Буквально все—пока.

— Кто же прислуживаетъ вамъ?

— О, ко мнѣ никто не заглядываетъ, но я долженъ сказать, что выучился весьма недурно прислуживать самъ себѣ. Это оказывается безусловно необходимымъ для моей работы.

— Такъ что вы и стряпаете сами, и все такое?

— Стряпаю и даже, когда нужно, рѣжу барановъ.

— Значитъ, полный бойкотъ? Плохо дѣло!

— Не хуже того, что я заслужилъ.

Гость опять устремилъ на него проницательный взоръ, но съ перваго же взгляда убѣдился, что это не лицемѣріе, а искренность, что не помѣшало ему громко высказать свое неодобреніе.

— По моему, это стыдъ и позоръ, но я не намѣренъ оскорблять ваши чувства, выражая свои. Я совсѣмъ не охотникъ ворошить прошлое. Но—если-бъ вы еще на самомъ дѣлѣ подожгли церковь, а то... — какая низость: обвинить васъ въ этомъ!.. Откуда я знаю, что вы *не* поджигали ее? Одинъ мой пріятель былъ въ числѣ судей: онъ мнѣ много кой-чего поразсказалъ. Ну, покажите-ка, что вы тутъ сдѣлали?

Показывать пришлось недолго: весь долгій первый годъ и часть второго ушли на очистку и выравниваніе камней и на кладку фундамента. Кромѣ западной, ни одна стѣна не доходила осматривающимъ и до плечъ. При осмотрѣ они обмѣнялись всего лишь нѣсколькими коротенькими фразами, но графъ бормоталъ себѣ подъ носъ много такого, чего онъ не сказалъ бы при другомъ человѣкѣ. Подъ конецъ онъ совершенно неожиданно предложилъ Карльтону доставить ему даже больше камня, чѣмъ требовалось, не взявъ съ него ни гроша ни за камень, ни за доставку.

Смуглое лицо ректора стало темно-бронзовымъ, но онъ

попросилъ, какъ милости, позволенія заплатить.—Новая церковь—его долгъ приходу, единственный долгъ, который онъ можетъ уплатить. Каждый камешекъ долженъ быть купленъ на его собственныя деньги. Онъ началъ эту постройку по доброй волѣ, вложилъ въ нее всю свою душу и всю свою гордость, но именно потому видитъ, на сколько онъ недостоинъ, и скорѣе отдастся въ руки его сіятельства, чѣмъ позволитъ ложной гордости взять надъ собою верхъ въ такомъ дѣлѣ.

— Ну, такъ я же возьму съ васъ втридорога,—посулилъ графъ,—и вы отъ этого только выиграете въ моихъ глазахъ. Будь я проклятъ, если это не правда! Прошу извинить. Я старался не божиться—но не могу. Надо вамъ сказать, что я не терплю поповъ; вы, пожалуй, обидитесь, если я скажу вамъ прямо въ лицо, что вы лучшій изъ тѣхъ, кого я знаю! Вы—мужчина, да, и передъ вами—шляпу долой!

Онъ такъ и сдѣлалъ на глазахъ у цѣлой толпы крестьянъ, глазѣвшихъ на нихъ съ дороги, раскрывъ рты отъ изумленія. Такъ закончился этотъ курьезный визитъ. Сэръ Уильтонъ говорилъ потомъ, что онъ во всю свою жизнь не видалъ ничего скандальнѣе, прибавляя при этомъ: „Ну, что-жъ, извѣстно, одного поля ягоды“! И это новое словечко быстро обошло всю округу, какъ раньше: „Не виноватъ, а только въ другой разъ не попадайся“!

На этотъ разъ оно не дошло до ушей Роберта Карльтона, но комментарій напрашивался самъ собой и, пожалуй, пришелъ въ голову ему первому; и при этой мысли его радостное настроеніе, вызванное визитомъ графа, нѣсколько потускнѣло. Лучше было бы пріобрѣсти симпатіи лучшаго человѣка... но кто онъ, чтобы судить ближняго? Онъ утратилъ право критиковать поступки другихъ людей. Пусть же въ душѣ его не будетъ ничего, кромѣ искренней и горячей признательности! Съ каждымъ годомъ для нея является все болѣе и болѣе поводовъ. Сердца людей видимо начинаютъ смягчаться къ заблудшему брату, который горько кается въ своемъ грѣхѣ и добросовѣстно дѣлаетъ то немногое, что въ его власти сдѣлать, дабы уничтожить наименьшій изъ результатовъ этого грѣха. О, если бы онъ могъ сдѣлать больше! О, если бы онъ могъ своею смертью вернуть къ жизни умершую!

Но онъ только человѣкъ и можетъ только страдать въ свою очередь. А это было, есть и будетъ. И онъ благодарилъ Бога за свои страданія,—старый духъ былъ въ немъ еще силенъ,—но въ то же время былъ не менѣе признателенъ за каждый знакъ прощенія или участія со стороны людей. Онъ зналъ, что многимъ его имя до конца останется нена

вистно, зналъ одного, по крайней мѣрѣ, который никогда не простить ему въ этой жизни.

Этотъ одинъ пришелъ на четвертый годъ весной, въ лунную ночь; прихрамывая, дошелъ до кладбища и остановился, опираясь на свою толстую палку и что-то сердито бормоча про себя. Онъ не подозрѣвалъ, что Карльтонъ, притаившись въ развалинахъ, наблюдаетъ за нимъ изъ средняго окна южнаго трансепта, или, вѣрнѣе, того отверстія, которое должно было превратиться въ среднее окно. Старикъ проходилъ мимо, и ректоръ увидалъ его; когда старикъ завернулъ за уголъ, ректоръ сначала высунулся въ отверстіе, чтобы прослѣдить, куда онъ пойдетъ, потомъ влѣзъ на подоконникъ и, наконецъ, крадучись, вышелъ наружу.

Мускъ стоялъ къ нему спиной; за эти годы онъ совсѣмъ сгорбился. Карльтонъ зналъ, у какой могилы остановился старикъ, и сердце его сжалось мучительной болью. О, какъ онъ виноватъ передъ этимъ человѣкомъ! Развѣ можетъ быть прощеніе — на небѣ или на землѣ—для него, священника! Бѣдный старикъ, такой дряхлый, сгорбленный! Надо заговорить съ нимъ, надо броситься къ его ногамъ... Старый, хромой! Пусть онъ хоть убьетъ его своей палкой!

Карльтонъ, крадучись, сталъ подвигаться впередъ и вдругъ остановился. Мускъ, нагнувшись, быстро водилъ палкой по могилѣ, словно метлой или косой. Что онъ такое дѣлаетъ? Карльтонъ вспомнилъ—угадалъ—и кровь въ немъ застыла. Онъ недавно положилъ на могилу букетикъ подснѣжниковъ; теперь они валялись на землѣ. На могилѣ не было ни плиты, ни креста; она отличалась отъ другихъ только тѣмъ, что была на всемъ кладбищѣ самая чистенькая и зеленая. Карльтонъ самъ смотрѣлъ за нею. И вотъ его цвѣты сброшены, разметаны по землѣ, какъ будто они оскверняютъ могилу..

Мускъ отошелъ и смотрѣлъ на южную стѣну церкви, доведенную уже до значительной высоты. Карльтонъ спрятался въ портикѣ. Свѣтъ мѣсяца падалъ прямо на это поднятое кверху лицо, покрывая его бѣлыми полосами и черными морщинами; это лицо такъ и ходило ходуномъ, какъ кипящая чугунная масса, но тѣло долго оставалось неподвижнымъ. Потомъ вдругъ могучая рука, какъ молнія, взвилась кверху и со всего размаха ударила могучимъ кулакомъ о камень, потомъ опять размахнулась и трясла кулакомъ по направленію къ пасторату, пока кровь не закапала изъ поврежденныхъ суставовъ. Карльтонъ былъ такъ близко, что и видѣлъ, и слышалъ, какъ падали тяжелыя капли; онъ видѣлъ и лицо своего врага.

Карльтонъ былъ человѣкъ не заурядный: онъ обладалъ зоркимъ взглядомъ и трезвымъ умомъ и въ большинствѣ

случаевъ видѣлъ вещи сразу такими, каковы онѣ есть въ дѣйствительности, а не такими, какими ему желательно было ихъ видѣть, въ особенности, когда дѣло касалось его лично. Онъ много дней потомъ видѣлъ передъ собой освѣщенное луной лицо Джаспера Муска. Это лицо не преслѣдовало его; онъ могъ отогнать его по желанію, но предпочиталъ разсмотрѣть его на досугѣ, при свѣтѣ дня. На этомъ лицѣ была написана непримиримая, неугасающая ненависть. Такое чувство заслуживало уваженія. Карльтонъ сравнивалъ мелкую, хоть и упорную вражду къ нему сэра Уильтона Глида съ безконечной нѣмой ненавистью Джаспера Муска; послѣдняя была такъ же неумолима, какъ и законна; первая ни то, ни другое. Карльтонъ былъ увѣренъ, что сэръ Уильтонъ Глидъ, можетъ быть, никогда не проститъ ему, но въ концѣ концовъ пойдетъ за всѣми, если случится такъ, что всѣ пойдутъ впереди. Джасперъ же Мускъ, по мѣрѣ того какъ ненависть другихъ будетъ гаснуть и ослабѣвать, будетъ ненавидѣть все сильнѣй и упорнѣй.

Эта мысль не омрачила новой тѣнью жизни Карльтона, но внесла новое имя въ его молитвы и обострила давнишнюю тревогу. Онъ всегда тревожился за своего ребенка, хотя въ началѣ эту заботу и перевѣшивали другія. Но теперь она грызла его сердце. Что сталось съ мальчикомъ? Живъ-ли онъ? Взялъ ли его Мускъ къ себѣ въ домъ? Хорошо ли съ нимъ обращаются? Да, да, это навѣрное! Въ этомъ отношеніи Карльтонъ довѣрялъ великодушію своего врага, но его собственное положеніе отъ этого не становилось менѣе печальнымъ. Вѣрнѣе сказать, онъ не занималъ никакого положенія по отношенію къ ребенку—у него не было ни правъ, ни возможности контроля, ни голоса, никакого *locus standi*. Къ лучшему это, или къ худшему? Чему они учатъ ребенка? Неужели и онъ выроститъ, не зная Бога и ненавидя самое имя его недостойнаго слуги?

Нѣтъ, тѣнь была, но не новая; она только залегла глубже и мрачнѣе прежняго. И постепенно Карльтона стала преслѣдовать мысль, что онъ обязанъ что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь показать, что онъ признаетъ лежащую на немъ серьезную отвѣтственость—какія бы новыя униженія ни ожидали его. Но что сдѣлать, что предпринять? Въ другихъ отношеніяхъ Карльтону жилось теперь нѣсколько легче; эта задача явилась новымъ осложненіемъ, мучительнымъ напоминаніемъ о первоначальномъ грѣхѣ. Задачу эту, однако же, нельзя было рѣшить сразу. Нужно было много думать и еще больше молиться, чтобы придти къ правильному рѣшенію; но и думая, и даже молясь, Карльтонъ не переставалъ работать, и стѣны церкви все росли подъ его рукой.

И за работой онъ былъ безмятежно счастливъ; теперь у него уже не было спазмодическихъ приливовъ радости и отчаянія. Онъ зналъ, что покрыть зданіе крышей одному человѣку немыслимо, да и подвести его подъ крышу будетъ страшно трудно, но онъ былъ артистъ и мужчина, и предстоящія трудности только разжигали его энергію. Онъ начертилъ мѣломъ на полу въ пустыхъ комнатахъ, въ настоящую величину, діаграммы всѣхъ арокъ, раздѣленныхъ на столько-же частей, сколько въ нихъ должно было быть камней, согласно указаніямъ, вычитаннымъ въ драгоцѣнномъ руководствѣ. Затѣмъ онъ собралъ всѣ ящики и коробки, деревянные, жестяные, картонные, какіе только могъ найти въ домѣ, и вырѣзалъ изъ нихъ нумерованныя модели, въ точности соотвѣтствовавшія діаграммамъ на полу. Надъ этими моделями онъ работалъ по вечерамъ цѣлую зиму, и къ веснѣ все было готово. Но лѣто еще застало его за работой надъ большимъ среднимъ окномъ сѣвернаго трансепта.

Долго живущій въ одиночествѣ человѣкъ можетъ опуститься и одичать или же возвыситься до святости, но никогда не останется такимъ же, какъ былъ. Въ Робертѣ Карльтонѣ было еще слишкомъ много человѣческаго, чтобы его можно было въ то время назвать святымъ, но все же уединеніе развило въ немъ многія такія черты, которыя свойственны не столько нашему, сколько иному лучшему міру. Его мысли были постоянно сосредоточены на высокихъ предметахъ; онъ совсѣмъ пересталъ копаться въ собственной душѣ. Послѣ жестокой болѣзни, свалившей его въ первую страшную зиму, онъ не страдалъ больше ни тѣломъ, ни духомъ. Онъ весь очистился, пройдя сквозь горнило испытанія, сталъ проще и вмѣстѣ утонченнѣе. Никогда еще вѣра въ немъ не была такъ сильна, и никогда она такъ не приближалась по простотѣ своей къ дѣтской вѣрѣ. Самъ того не зная, этотъ великій грѣшникъ, уличенный распутникъ, подозрѣваемый въ поджогѣ церкви, былъ, какъ дитя, передъ очами своего Господа, и даже смиреннѣйшія созданія Божіи любили его и довѣряли ему теперь такъ, какъ никогда не любили и не довѣряли въ дни его благоденствія и доброй славы—ибо теперь и онъ любилъ ихъ. Природа не вложила въ его душу способности проникать въ жизнь низшихъ существъ, обусловливаемой любовью ко всякой живой твари. Это даръ, который у большинства обладающихъ имъ бываетъ врожденнымъ. У Роберта Карльтона онъ явился только въ пору его одинокой и безславной зрѣлости, какъ утѣха въ изгнаніи, новый интересъ и занятіе для ума и несомнѣнно также какъ признакъ возвращенія благодати. Онъ научился за эти годы любить все малое и ничтожное, до тѣхъ поръ отстраняемое или

попираемое ногами, научился горячо любить природу во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, а, главное, пріобрѣлъ душевный покой и независимость того, съ кѣмъ шепчется трава и говорятъ стихіи.

Налетавшій вѣтеръ то подымалъ его духъ до титаническаго усилія, то поддерживалъ его въ терпѣливомъ трудѣ, то освѣжалъ ему душу и тѣло въ часъ заслуженнаго отдыха. Онъ зналъ всѣхъ птицъ вокругъ себя, какъ пастухъ знаетъ свое стадо, и даже научился различать индивидуальность въ птицахъ одной породы. Былъ, напримѣръ, одинъ большой воробей, непомѣрно жадный и проявлялъ самыя низкія свойства; онъ, какъ демонъ, накидывался на хлѣбныя крошки, которыя Карльтонъ сыпалъ каждое утро неподалеку отъ того мѣста, гдѣ работалъ, чтобы не оставаться весь день одному. Карльтонъ поймалъ его въ силокъ и посадилъ въ клѣтку, откуда маленькій обжора принужденъ былъ въ наказаніе только смотрѣть сквозь прутья на пиръ своихъ товарищей, самъ не принимая въ немъ участія. Былъ реполовъ, пріучившійся сидѣть на поляхъ шляпы отшельника въ то время, какъ тотъ работалъ, хотя хлѣбныя крошки посыпались на полѣ шляпы только вначалѣ. Былъ скворецъ, часами занимавшій его разговоромъ, сидя на бузинномъ кустѣ, что возлѣ сарая.

Каждый годъ приносилъ болѣе обильную жатву знаній, и, наконецъ, тѣнистый уголокъ съ раскинувшимся надъ нимъ куполомъ измѣнчиваго неба, полный кипучей жизни для прояснившагося взора, сдѣлался для отверженца не только второй Библіей, но и календаремъ. Не читая газетъ, по мѣсяцамъ не получая писемъ и не слыша человѣческаго голоса, онъ узнавалъ время года только по птицамъ и по листу; впрочемъ, поле его изслѣдованій было теперь значительно расширено ночными наблюденіями на обрамленной соснами площадкѣ за церковью. Теперь, какъ бы ни набухали почки каштановъ, онъ не считалъ, что весна пришла, пока ржанка не начинала щеголять новымъ чернымъ опереніемъ на груди, а пѣночка съ крикомъ взлетать на воздухъ изъ-подъ ногъ нежданнаго ночного гостя. Лѣтомъ было царство мелкой пташки: она распѣвала и щебетала на изгородяхъ, презирая крошки, забывая человѣка для улитокъ и червей. Но когда только-что оперившіеся молоденькіе чирки начинали учиться летать, Карльтонъ зналъ, что это начало конца; а съ отлетомъ дикихъ утокъ кончалось и лѣто. На третій годъ Карльтонъ уже привыкъ слѣдить за дикими утками, видѣть въ ихъ отлетѣ зловѣщее предзнаменованіе и удваивалъ усилія, когда слышалъ въ воздухѣ ихъ пронзительный крикъ. Онъ по горькому опыту зналъ, какъ мало возможна правильная и непре-

рывная работа въ такое время года, когда птицы снова начинали видѣть въ немъ лучшаго друга.

Шла уже вторая половина мая, листва деревьевъ уже становилась гуще и скоро должна была скрыть церковь на цѣлое лѣто, а Карльтонъ все еще работалъ надъ среднимъ окномъ сѣвернаго трансепта, въ углу, за большой кладкой нетесаннаго камня, закрывавшей его со стороны улицы, какъ стѣна закрывала его со стороны дороги. Крестьяне изъ другихъ деревень начинали останавливаться у ограды и заглядываться на его работу, а это ему было вовсе не желательно. Онъ хотѣлъ только, чтобъ ему дали спокойно достроить церковь и оставить своимъ прихожанамъ примѣръ, который хоть отчасти искупитъ зло, сдѣланное имъ раньше; то и другое предназначалось только для его прихожанъ, а не для остального міра. Онъ прямо таки боялся реакціи въ его пользу со стороны какого-либо сантиментальнаго жителя. Это только снова повредило бы ему въ глазахъ многихъ, тѣхъ, чью симпатію онъ жаждалъ пріобрѣсти вновь честнымъ путемъ. Притомъ же онъ смотрѣлъ на вещи просто и не видѣлъ въ своемъ поведеніи ничего геройскаго. Наряду съ желаніемъ загладить причиненные другимъ вредъ и зло, въ немъ говорила чисто человѣческая потребность искупить прошлое, на сколько это возможно въ здѣшнемъ мірѣ. Карльтонъ зналъ это съ самаго начала. Онъ не создавалъ себѣ иллюзій насчетъ самого себя и не хотѣлъ, чтобы это дѣлали другіе. Взять хоть бы его работу. Она никогда не была легка, иногда бывала безнадежна, но всегда привлекательна. И Карльтонъ не хотѣлъ, чтобъ ему ставили въ заслугу его преданность дѣлу, которое ему было дорого само по себѣ, и за которымъ онъ и теперь иногда забывалъ прошлое—хотя теперь уже не стыдился этого.

Перевалило за подлень, и тихій уголокъ былъ уже въ тѣни, но мокрая трава рядомъ блестѣла на солнцѣ, такъ какъ нынче все утро солнце чередовалось съ дождемъ, и обратно. Карльтонъ, пользуясь тѣмъ, что солнышко выглянуло снова, торопливо обтесывалъ одинъ изъ камней свода, съ ловкостью опытнаго каменьщика. Мѣрно и звонко стучалъ молотокъ по рѣзцу, ровными завитками летѣли осколки отъ мягкаго мокраго камня; быстрые удары звенѣли, какъ колокольчикъ въ прохладномъ и чистомъ воздухѣ. Дождь прошелъ изрядный, и теперь солнышко свѣтило на совѣсть. Все кругомъ ожило и зазеленѣло; всѣ краски стали ярче, отъ красно-желтаго песчаника, смоченнаго дождемъ, до лиловыхъ кистей сирени въ саду, отъ молочно бѣлыхъ, похожихъ на башни, цвѣтовъ каштана, до изумрудныхъ листиковъ вѣчно отстающихъ вязовъ, которые только еще начинали зеленѣть. Каждый дюймъ земли,

каждая травка и лепестокъ струили благоуханіе. Птицы пѣли, пчелы гудѣли, молотокъ стучалъ. И Карльтонъ былъ такъ поглощенъ работой, такъ спѣшилъ наверстать потерянные часы, что не смотрѣлъ и не слушалъ, какъ будто на дворѣ была зима, а не лѣто, но въ то-же время и видѣлъ, и слышалъ, и лицо его выражало полный душевный покой.

На видъ онъ сильно постарѣлъ; издали его можно было принять за отца того человѣка, который нѣкогда проповѣдывалъ въ этой церкви, привлекая столько слушателей, что для всѣхъ не хватало мѣста. Волосы его были бѣлы, борода съ просѣдью. Отъ постояннаго занятія ручнымъ трудомъ онъ пріучился горбиться, и это еще больше старило его, и руки его огрубѣли, какъ у чернорабочаго. Но каріе глаза, прежде такъ легко загоравшіеся, теперь сіяли кротостью и смиреніемъ; всѣ черты лица были смягчены и облагорожены страданіемъ; выраженіе стало также болѣе кроткимъ, менѣе суровымъ; впрочемъ, отчасти, этому способствовали борода и усы, скрывавшіе ротъ и нижнюю челюсть.

Однако, о его кротости свидѣтельствовало уже то обстоятельство, что, не смотря на мѣрные удары молотка по рѣзцу, тутъ же рядомъ, на сосѣднемъ камнѣ сидѣлъ ручной реполовъ и критически наблюдалъ за работой. Вдругъ, въ одинъ и тотъ же моментъ произошли сразу три неожиданности: реполовъ улетѣлъ, Карльтонъ обернулся и удары молотка прекратились...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* * *

Бываютъ годы мрачнаго безсилья,
Лишь рѣдкій стонъ разбудитъ тишину...
И молодость влачитъ уныло крылья,
　　Какъ соколъ раненый—въ плѣну.
И кажется—конца не будетъ ночи,
Въ пустынной мглѣ затерянъ къ солнцу слѣдъ...
Сѣдой мудрецъ потупилъ скорбно очи,—
　　И ты безмолвствуешь, поэтъ!

Но жизни свѣтъ—живая мысль свободна!
Когда грознѣй сомкнется злая тѣнь,
И будетъ скорбь людская безъисходна,—
　　Онъ возсіяетъ, красный день.
Придетъ онъ вдругъ, негаданный, нежданный:
Раздвинется угрюмый, тѣсный сводъ,
Пѣснь зазвучитъ—и гостьею желанной
На праздникъ жизни молодость войдетъ!

П. Я.

уменьшались боль и стыдъ открытія. Кромѣ того, онъ помнилъ, что событіе совершилось семьдесятъ лѣтъ назадъ; что дальнѣйшихъ разслѣдованій быть не можетъ; что тайна извѣстна лишь ему и Констанціи, и что нѣтъ нужды сообщать о ней кому-либо изъ остальныхъ членовъ семьи.

Но что оставалось налицо изъ семейной чести? Онъ горько разсмѣялся, подсчитавши мысленно всѣ пятна на своемъ нѣкогда чистомъ гербѣ. Самоубійство, банкротство, грязь и низость горькой бѣдности, подлогъ, позоръ и притворство, и, наконецъ, высшее зло, до какого можетъ дойти человѣкъ, послѣднее преступленіе, бывшее когда-то первымъ—отнятіе жизни братомъ у брата, убійство.

Стукъ въ дверь потревожилъ его. Неужели опять горе? Онъ инстинктивно выпрямился для борьбы съ нимъ, но чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Онъ не ожидалъ горя. Когда оно является, то, обыкновенно, предчувствуешь его приближеніе. Онъ же не испытывалъ никакого предчувствія. Дѣйствительно, это была только записка отъ Констанціи:

„Пишу, чтобы сказать вамъ, что бѣдствія вашего дома окончились. Новыхъ уже не будетъ. Я знаю, что говорю. Не спрашивайте, какъ я въ этомъ убѣдилась, потому что вы не повѣрите. Мы были приведены (и этому вы не повѣрите) рукою убитаго, а не чьею иною, къ открытію, которымъ всё кончается. Констанція“.

— Къ открытію,—подумалъ онъ,—которое хуже всего прочаго, вмѣстѣ взятаго. Новыхъ бѣдствій не будетъ? Значитъ: не будетъ послѣдствій? Что она хочетъ сказать? Послѣдствія неотвратимы.

Вы помните, какъ къ нѣкоему патріарху пришелъ вѣстникъ горя и еще не кончилъ рѣчи, какъ явился другой съ подобною же вѣстью, а за нимъ—и третій. Вы помните также, какъ къ этому человѣку другъ за другомъ приходили люди съ исповѣдью обмана и позора.

Въ этотъ же день случилось обратное. Явилось трое, но вѣстниками не горя, а мира и даже радости.

Первою пришла кузина Мэри-Анна.

— У меня,—сказала она,—есть къ вамъ порученіе отъ брата. Самъ очень сожалѣетъ, что велъ себя здѣсь такимъ образомъ. Не знаю, что именно онъ тутъ дѣлалъ, но онъ бываетъ несносенъ, когда раздраженъ и озабоченъ.

— Пожалуйста, пусть успокоится. Я и забылъ, что онъ говорилъ.

— Кажется, онъ приносилъ свой замѣчательный счетъ за бабушку и показывалъ вамъ. Теперь онъ говоритъ, что сжегъ его и что составилъ-то его только въ надеждѣ, что вы одолжите ему сколько-нибудь денегъ.

— Понимаю. Ну, кузиночка, это все?

— Еще онъ покорно проситъ у васъ извиненія и говоритъ, что его архитекторъ таки добился кредита въ банкѣ, а онъ подождетъ своей доли прадѣдушкиныхъ капиталовъ.

— Мнѣ жаль, что онъ до сихъ поръ питаетъ надежды въ этомъ направленіи.

— О! онъ только объ этомъ и думаетъ. Онъ все это высчиталъ и знаетъ, сколько должно оказаться. Если его доля завѣщана вамъ или еще кому, онъ будетъ оспаривать завѣщаніе и говоритъ, что дойдетъ хоть до палаты лордовъ.

— Очень хорошо. Подождемъ, пока будетъ объявлено завѣщаніе. А пока, Мэри Анна, замѣчу, что онъ забываетъ объ одной бездѣлицѣ: вѣдь право-то оспаривать завѣщаніе принадлежитъ его бабкѣ, а не ему. Неужели же онъ такъ плохъ въ юриспруденціи, что не знаетъ и этого?

— Онъ заставляетъ бабушку подписывать бумаги. Не знаю ужъ, сколько она ихъ подписала. Онъ все соображаетъ, какія еще могутъ произойти осложненія и на каждый отдѣльный случай пишетъ бумагу, которую она и подписываетъ, при чемъ я бываю свидѣтельницей. Бабушка никогда и не спрашиваетъ, зачѣмъ эти бумаги.

— Подписывать документы всегда опасно. Вы не должны допускать этого, кузиночка. Если что нибудь достанется вашей семьѣ изъ Кампейнь-парка, то вы—такая же наслѣдница, какъ и Самъ.

Она разсмѣялась.

— Вы не знаете Сама. Онъ хочетъ все забрать одинъ. Онъ говоритъ, что уже сдѣлалъ все, что для этого требуется.

— Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Довольна ли бабушка своею теперешнею жизнью?

— Нѣтъ. Но она всегда была такъ несчастлива, что нѣсколько лишнихъ лѣтъ, отравленныхъ эгоизмомъ и раздражительностью Сама, ужъ какъ-то не идутъ въ счетъ. Сегодня я пришла къ вамъ отчасти затѣмъ, чтобы сказать, что я, наконецъ, все устроила. Я объяснилась съ Самомъ вчера: сказала ему, что пусть онъ живетъ по-прежнему съ матерью а я возьму бабушку; она такъ сердится—вы представить себѣ не можете,—на то, что Самъ написалъ на нее счетъ и предъявилъ вамъ,—что мнѣ удалось уговорить ее. Бабушка будетъ жить со мною, я могу прокормить ее, а мать останется у Сама. И я твердо надѣюсь, г. Кампейнь, что вы иногда будете навѣщать ее.—Она спрашиваетъ, прочли ли вы книгу?

— Да. Я буду навѣщать ее. Скажите ей это. Что же касается книги, то я прочелъ ее всю.

— А вамъ пріятно было это чтеніе? Мнѣ всегда этотъ старикъ представляется такимъ великодушнымъ и прекрас-

нымъ: нашелъ адвоката для невиннаго бѣдняка — и все такое.

— Скажите ей, что книга произвела все то, чего она желала, и даже болѣе.

Они еще бесѣдовали, какъ ворвался дядя Фредъ. Мэри Анна удалилась, чтобы не мѣшать гостю, котораго она по наружности признала за крупный и превосходный экземпляръ породы Кампейней.

Онъ ворвался и разразился, точно землетрясеніе, такъ что отъ прихода его затрещала мебель, задребезжала посуда и задрожали рамы. Онъ имѣлъ самый веселый, счастливый и благосклонный видъ, какой только возможенъ. Никто не могъ бы глядѣть счастливѣе, благосклоннѣе и самодовольнѣе его.

— Поздравь меня, мой милый юноша!—закричалъ онъ, дружелюбно протягивая руку. Въ этомъ рукопожатіи выражалось благородное и великодушное прощеніе: послѣдній разговоръ былъ забытъ и прощенъ.—„Братья Барловъ" спасены!

— Да? Ну, какъ же вы спасли ихъ?

— Сейчасъ разскажу. Это былъ счастливый случай для австралійской торговли. Мы просто избѣжали всенароднаго бѣдствія!

— Въ самомъ дѣлѣ! А я заключилъ изъ вашихъ недавнихъ сообщеній, что дѣло-то... едва ли стоитъ поддержки.

— Не стоитъ поддержки? Милѣйшій Леонардъ, да оно громадно, колоссально!

Леонардъ до сихъ поръ изумляется этой рѣзкой перемѣнѣ фронта, каждый разъ какъ вспоминаетъ о ней. Что подразумѣвалъ его посѣтитель?

— Я тотчасъ же ѣду назадъ въ Австралію, чтобы привести все въ должный видъ.

— Вотъ что! Вамъ удалось-таки составить компанію въ Сити.

— Нѣтъ,—былъ рѣшительный отвѣтъ.—Сити отказался отъ собственной выгоды и пусть теперь оплакиваетъ свою близорукость. Остается пожалѣть его. Я же ѣду въ Австралію. А дѣло „Братьевъ Барловъ" или приметъ колоссальные размѣры, или будетъ по-прежнему поторговывать сардинками и ваксой, или совсѣмъ провалится.

Въ эту минуту взоры его упали на письмо. Оно принадлежало къ числу относившихся къ процессу документовъ: это было письмо изъ Австраліи, отъ наслѣдниковъ Джона Дуннинга. По случайности его забыли спрятать съ прочими бумагами. Онъ прочелъ надпись на печати: „Джона Дуннинга сыновья".

— Джона Дуннинга сыновья?—переспросилъ онъ.—Джона Дуннинга сыновья?

— Это—старая исторія. Вашъ дѣдъ помогъ Джону Диннингу въ молодости. — Леонардъ вынулъ письмо.—Теперь семья его письменно передаетъ посмертную благодарность покойнаго Джона Дуннинга всей нашей семьѣ вообще. Не желаете ли прочесть?

Дядя Фредъ прочелъ. Его веселое лицо стало серьезнымъ, даже суровымъ отъ глубокихъ думъ. Онъ сложилъ письмо и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Съ твоего позволенія,—сказалъ онъ.—Мой милый мальчикъ, Дуннинги—первые богачи въ Колоніи. Моя судьба обезпечена. Ихъ благодарность просто умилительна. Она вновь воскрешаетъ юношескую вѣру въ людскія добродѣтели. Съ этимъ письмомъ, съ этою рекомендаціею, „Братья Барловъ" не нужны. Къ чорту коробки съ сардинками! Въ Австралію возвращается Фредъ Кампейнь, и ему улыбается Фортуна. Душа моя, прощай. Съ этимъ письмомъ въ карманѣ я уѣзжаю завтра.

— Стойте! Стойте! — вскричалъ Леонардъ.—А какъ же колоссальное дѣло? Какъ же спасеніе той замѣчательной хибарки, гдѣ вы продавали сардинки?

Дядя Фредъ взглянулъ на часы.

— Вы же сказали, что спасли ее? Какимъ образомъ?

— Я какъ разъ успѣю,—онъ еще посмотрѣлъ на часы,— на одно—да! на весьма важное свиданье. Въ Австралію ѣду на той недѣлѣ. Дорогою буду развлекаться писаніемъ тебѣ отчета о „Братьяхъ Барловъ" въ нѣсколькихъ главахъ: „Замыселъ", „Первая коробка сардинъ", „Хибарка", „Реализація" „Милліонеръ". Выйдетъ увлекательнѣе всякаго романа.

— И вы бросаете это колоссальное предпріятіе?

— Бросаю. Почему? Потому что мнѣ открывается легчайшій путь. Я былъ бы сверхчеловѣкомъ, если бы не предпочелъ болѣе легкаго пути.

— Вы явитесь къ г-ну Дуннингу съ этимъ письмомъ въ карманѣ?

— Я кинусь, сударь ты мой, въ объятія благодарности. Человѣческая природа! Какъ она прекрасна, когда украшается благодарностью!

Леонардъ помычалъ

— Не знаю,—сказалъ онъ затѣмъ,—имѣлъ ли я право отдать вамъ это письмо.

— Можешь взять его назадъ. Содержаніе мнѣ извѣстно. А теперь, милый племянничекъ, тебѣ осталось исполнить еще маленькую обязанность: я намекаю на гостиничный счетъ. Братъ добылъ мнѣ денегъ на дорогу: Христофоръ всегда былъ эгоистичнымъ скотомъ и отдавая эти деньги, ругался просто непростительно. А заплатить по счету отказался.

— Поэтому вы пришли ко мнѣ. Но почему сталъ бы платить я?

— Не вижу никакой особой причины, кромѣ того, что въ конторѣ гостиницы я упоминалъ о тебѣ, какъ о членѣ парламента и джентльмэнѣ.

— Являетесь хвастаться вашимъ богатствомъ, а сами— чуть не нищій.

— Ты забываешь... о дѣдовыхъ капиталахъ.

— И, наконецъ, сознаетесь, что все лгали.

— Ты хочешь сказать: показывался съ выгоднѣйшей стороны, являлся въ завидной роли преуспѣвшаго дядюшки, современнаго набоба.

— А при этомъ собираете дань съ родственниковъ?

— Я беру взаймы въ ожиданіи причитающейся мнѣ доли... наслѣдственныхъ капиталовъ.

— Я заплачу по вашему счету съ условіемъ, чтобы вы отсюда убрались. Сколько нужно?

Дядя Фредъ назвалъ сумму. Она была невѣроятна.

— Господи Боже! Да купались вы что ли въ шампанскомъ?

— Безъ шампанскаго не обошлось,—возразилъ Фредъ съ достоинствомъ. — Приходилось поддерживать свой кредитъ. Купцы изъ Сити у меня завтракали и обѣдали. Мы обсуждали четвертый актъ комедіи: „Братья Барловъ"—реализацію. Что же касается уплаты тобою счета, то это—не болѣе, какъ заёмъ.

Леонардъ сѣлъ и написалъ чекъ. Дядя Фредъ взялъ его, прочелъ, сложилъ и вздохнулъ отъ сожалѣнія, что не запросилъ вдвое.

— Спасибо,—сказалъ онъ.—Исполнено было нелюбезно, но главное — чекъ на лицо. Такъ я всегда разсуждалъ, даже выжимая деньги изъ того стараго ростовщика. Ну, такъ я вернусь въ страну, которая доселѣ была для меня негостепріимной. Прощай, племянничекъ: тамъ я устроюсь на солнышкѣ и разжирѣю. Я растолстѣю отъ теплоты сиднейскаго солнца, лучи котораго весьма питательны; это—лучи благодарности сиднейскаго милліонера.

Онъ застегнулъ пальто и удалился, какъ пришелъ: тяжелыми и звонкими шагами, при чемъ мебель трещала, рамы дребезжали. Леонардъ же доселѣ не получилъ объясненія тайны „Братьевъ Барловъ", да и чекъ его пропалъ безслѣдно.

Оставался еще одинъ достойный членъ семьи—Христофоръ, знаменитый и ученый юристъ.

Онъ тоже явился въ гости черезъ полчаса по уходѣ брата.

— Я пришелъ,—сказалъ онъ,—прежде всего предостеречь тебя, чтобы ты не давалъ ни копѣйки этому мошеннику—брату Фреду.

— Значитъ, ты опоздалъ. Я уплатилъ по его счету въ гостиницѣ. Ты далъ ему денегъ на дорогу...

— Нѣтъ, я далъ денегъ на уплату по счету, а ты далъ ему на дорогу.

— Ну, ладно; только-бъ онъ уѣхалъ...

— Я уплатилъ его счетъ, потому что онъ грозился пойти въ Сити и разгласить мое настоящее имя.

— Въ Сити? Что онъ можетъ сдѣлать въ Сити? Кого онъ тамъ знаетъ? Твой братъ только и дѣлаетъ, что лжетъ и обманываетъ. Но не все ли равно, если онъ дѣйствительно уѣзжаетъ?

— Поневолѣ уѣдетъ, какъ никто кромѣ тебя да меня не даетъ и не дастъ ему денегъ. Онъ уѣзжаетъ, какъ пріѣхалъ: въ качествѣ богатаго австралійца. Онъ обѣщалъ моимъ семейнымъ обогатить ихъ въ своемъ завѣщаніи, намекалъ на неизлѣчимую болѣзнь и простился навѣки... имѣя мой чекъ въ карманѣ!

— Пусть ѣдетъ. Не скажешь ли чего еще?

— Да. Еще о моемъ дѣлѣ. Онѣ знаютъ все, Леонардъ!

— Знаютъ все? Да кто же имъ сказалъ?

— Мнѣ было страшно трудно съ дочерью и женой; только онѣ узнали все. Этотъ мстительный скотъ явился въ домъ, пошелъ наверхъ и все имъ выложилъ, а потомъ ушелъ, ухмыляясь. Буря поднялась ужасная.

— Я думаю!

— Да, но потомъ все уладилось. Я, хоть и съ трудомъ, убѣдилъ ихъ, что моя профессія чуть не священна. Я поставилъ на видъ факты, честь и славу, тайное улучшеніе и облагороженіе вкуса, возвышеніе уровня требованій, мою эстетическую миссію и заработокъ—въ особенности заработокъ.

— Онъ-то и явился серьезнѣйшимъ доводомъ.

— Да. Я указалъ на воспитательную сторону: прогрессъ въ ораторскомъ искусствѣ. Такъ онѣ понемножку и присмирѣли. А я увѣнчалъ зданіе выраженіемъ готовности вернуться къ дѣятельности адвоката, въ каковомъ случаѣ имъ пришлось бы жить за городомъ, на 40 фунтовъ въ годъ, а Олджернону—поступить куда нибудь конторщикомъ за пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю, чего онъ даже и не стоитъ.

— Ну, если это подѣйствовало, то поздравляю тебя. А профессію свою продолжаешь, не правда-ли?

— Разумѣется. Но, признаюсь, меня удивило здравомысліе Олджернона. Онъ хочетъ немедленно поступить въ адво-

каты, хочетъ присоединиться ко мнѣ. Отнынѣ въ семьѣ будетъ два замѣчательныхъ юриста вмѣсто одного.

— А что вышло изъ обѣщанія публичнаго скандала?

— Олджернонъ пошелъ къ этому скоту. Онъ хочетъ внушить ему, что при первомъ его словѣ или намекѣ весь свѣтъ узнаетъ у кого онъ, скотъ, покупаетъ свои анекдоты, стихи, эпиграммы, точно такъ, какъ и застольныя рѣчи. Олджернонъ все это разнюхалъ. Помилуй! Да этотъ человѣкъ мошенникъ! Просто мошенникъ! У него все покупное!

Отдавъ, такимъ образомъ, дань правдѣ и честности, составитель рѣчей удалился. Еще наканунѣ его сообщеніе было бы принято Леонардомъ съ негодованіемъ, какъ новое униженіе. Обманъ, жизнь, полная притворства, не прекращались. Для него это было бы новымъ ущербомъ семейной чести. Теперь же ему было все равно. Ложь и готовность, съ какою его кузенъ Олджернонъ принялъ въ ней участіе, касались какъ бы не его, а кого-то другого. Та фамильная честь, которую онъ всегда хранилъ и въ которую вѣрилъ, погибла, разсыпалась въ прахъ. Домъ Кампейней, подобно всякому другому, имѣлъ свои засыхающія вѣтви, имѣлъ и совсѣмъ сухія, и молоденькія, и низкія, и приносившія ему безчестіе.

Нѣтъ на свѣтѣ такой семьи, гдѣ всѣ мужчины были бы Баярдами, а всѣ женщины—безъ упрека. Ему суждено было сдѣлать явнымъ тайное, обнаружить пятно на гербѣ, воскресить непріятныя воспоминанія прошлаго, отыскать и бѣдныхъ, и недостойныхъ родственниковъ. Всѣ эти открытія сначала заставляли его испытывать чувство униженія; но вскорѣ стали для него чѣмъ-то внѣшнимъ и постороннимъ. Дядя Фредъ могъ быть обманщикомъ и мошенникомъ. Прекрасно. Его это не касалось. Дядя Христофоръ былъ притворщикъ и хвастунъ;—ему-то что за дѣло? Повѣренный изъ Истъ-Энда даже не претендовалъ на порядочность или честность;—что за бѣда? Они были его родными по крови, но самъ онъ все таки оставался собою.

Только одно казалось важнымъ. Но даже внушаемый этимъ однимъ ужасъ былъ все таки сноснѣе унизительности первыхъ разоблаченій. Это была ужасная исторія преступленія и семидесятилѣтняго покаянія, которое, впрочемъ, ничего не загладило, ибо ничѣмъ никогда нельзя загладить преступленія или сдѣлать, чтобы его какъ бы не было.

Люди молятся о прощеніи: „ниже воздай намъ по беззаконіямъ нашимъ.“

Должна бы существовать иная и менѣе эгоистическая молитва: мольба о томъ, чтобы все въ мірѣ продолжало идти такъ, какъ будто не было совершенно беззаконія, чтобы по-

слѣдствія беззаконія были предотвращены чудеснымъ образомъ,—ибо, при отсутствіи чуда, они должны слѣдовать одно за другимъ, сообразно всякому закону мірозданія, въ силу коего ничто не можетъ происходить внѣ условій, созданныхъ прошедшимъ. Мечта грѣшника заключается въ томъ, чтобы получить прощеніе и попасть въ страну бѣлыхъ одѣяній и навѣкъ умиротворенныхъ сердецъ, между тѣмъ какъ здѣсь, на землѣ, его дѣти и внуки, бѣдствуя, несутъ послѣдствія,—неотвратимыя послѣдствія его безумствъ и злодѣяній. Такъ всякая душа держится или падаетъ сама собою, но при этомъ поддерживаетъ или тянетъ внизъ также дѣтей и внуковъ.

Эти мысли и имъ подобныя тѣснились въ мозгу молодого человѣка, пока онъ сидѣлъ одинъ, замкнувши въ ящикъ отчетъ о преступленіи, отогнавъ отъ себя мысли о родственникахъ и сохранивъ о злодѣяніи, имѣвшемъ такъ много послѣдствій, лишь сострадательное воспоминаніе. Теперь Леонардъ испыталъ все, что пожелала ему Констанція, сама не понимая значенія своихъ словъ. Онъ самъ едва подозрѣвалъ насколько велика была перемѣна, произведенная въ немъ всѣмъ пережитымъ.

XX.

Онъ заговорилъ наконецъ.

Неужели это былъ послѣдній день испытаній? Неужели суждено прекратиться возмездію или послѣдствіямъ?

Возмездіе ли или послѣдствія — не все ли равно? Но въ этотъ богатый событіями день произошло еще нѣчто: получилась телеграмма отъ прадѣдовой экономки.

„Пріѣзжайте какъ можно скорѣе. Есть перемѣна.“

Перемѣна! Когда человѣку девяносто пять лѣтъ, какой перемѣны могутъ ждать окружающіе? Леонардъ понесъ телеграмму къ Констанціи.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—что это долженъ быть конецъ.

— Это непремѣнно конецъ. Поѣзжайте тотчасъ, сегодня же. Возьмите меня съ собою, Леонардъ.

— Васъ? Но это васъ только разстроитъ.

— Меня это не разстроитъ, если я успѣю передать ему добрую вѣсть.

— Вы прислали мнѣ доброе предсказаніе. Почему вы въ немъ увѣрились?

— Я увѣрена потому, что ясно его увидѣла моимъ духовнымъ взоромъ, и услышала совершенно отчетливо. Это

случилось ночью. Я приняла это за сонъ, а теперь считаю за откровеніе.

— Вы сказали, что больше несчастій не будетъ. Но, подобно вашему откровенію, это—греза. Вотъ передъ нами эта телеграмма.

— Какъ? Вы это считаете несчастіемъ? Чего же лучшаго можемъ мы желать бѣдному старику, какъ не смерти?

Они выѣхали немедленно, захвативши поѣздъ, который высадилъ ихъ на станціи около семи часовъ.

Былъ вечеръ раннею весною. Солнце заходило, безоблачное небо дышало миромъ и красотою, воздухъ былъ тепелъ и ароматенъ, листья не шелестѣли, даже птицы затихли.

— Наступаетъ конецъ, — тихо сказала Констанція,—съ нимъ умиротвореніе.

Съ самого выѣзда они молчали. Когда знаешь мысли спутника, какая нужда въ словахъ?

Вскорѣ они свернули въ Паркъ съ дороги, какъ разъ напротивъ той изгороди, черезъ которую, семьдесятъ лѣтъ назадъ, одинъ человѣкъ перелѣзъ, идя на смерть, а другой— идя на гибель.

— Пройдемъ здѣсь, — проговорилъ Леонардъ. — Прежде, чѣмъ идти далѣе, я хочу кое-что сказать и радъ былъ бы высказать это до свиданія съ тѣмъ несчастнѣйшимъ изъ людей.

Констанція повиновалась и присѣла у изгороди.

— Когда мы пріѣзжали сюда впервые,— началъ онъ серьезнымъ голосомъ и съ такимъ же взоромъ,—я былъ полонъ стыда, узнавъ о семейныхъ бѣдахъ. Мы толковали объ грѣхахъ отцовъ, ѣвшихъ кислый виноградъ, и объ утѣшительныхъ словахъ пророка... я помню все. Очень хорошо. Я думаю, вы поймете меня, Констанція, если я скажу, что радъ сдѣланному открытію, выяснившему мнѣ эту роковую семейную исторію со всѣми послѣдствіями—цѣлымъ рядомъ бѣдъ и униженій,—да, радъ, хотя это повело къ трехнедѣльному мученію и невозможности для меня думать о чемъ либо иномъ.

— Какъ же вы полагаете теперь: взыскиваются ли на дѣтяхъ грѣхи родителей или былъ правъ пророкъ?

— Я вижу, какъ и вы, что невозможно уклониться отъ послѣдствій жизни и поступковъ отца. Слова „до третьяго и четвертаго колѣна“ не надо понимать буквально. Они означаютъ лишь то, что между отцами и дѣтьми тянется непрерывная цѣпь событій, другъ изъ друга вытекающихъ и создающихъ событія послѣдующія; и это бываетъ такъ, хотя бы мы не знали прошлаго и не видѣли соединительныхъ звеньевъ цѣпи. На высшей ступени развитія люди будутъ воздерживаться отъ однихъ поступковъ и стремиться къ дру-

гимъ единственно въ силу соображенія о послѣдствіяхъ. Люди же прегрѣшившіе будутъ сами подвергать себя тому наказанію, что, изъ состраданія къ потомству, вовсе не будутъ имѣть дѣтей, чтобы нѣкому было наслѣдовать ихъ позоръ.

— Вы высказываете мои собственныя мысли. Но о дѣтяхъ я не стала бы выражаться такъ опредѣленно: самый позоръ предковъ можетъ стать для нихъ ступенью къ совершенству, какъ для Августина—его грѣхи.

— Совершенно вѣрная мысль о наслѣдственности послѣдствій, но вину не слѣдуетъ считать наслѣдственною. Передается стремленіе къ извѣстному образу дѣйствій. „Ничто такъ не передается, какъ страсть къ пьянству“, говорятъ врачи. Отсюда я вывожу, что могутъ быть и наслѣдственныя склонности иного рода. Есть люди—и я знавалъ такихъ,—неспособные къ упорному труду; имъ необходимо гулять на солнышкѣ, необходимо баклушничать; въ нихъ есть изъянъ, органическій порокъ, настолько же неизлѣчимый, какъ горбъ, и заключающійся въ физической и нравственной распущенности. Есть люди, не могущіе оставаться честными: такіе примѣры всѣмъ извѣстны; другіе не въ состояніи не лгать. Я хочу сказать,—продолжалъ Леонардъ, и его мысли становились яснѣе по мѣрѣ того, какъ онъ облекалъ ихъ въ форму разсужденія, — что подверженность искушенію, склонность бываетъ унаслѣдована, но импульсъ, принуждающій человѣка къ дѣйствію, наслѣдственнымъ не бываетъ, а зависитъ отъ личной воли. Что говоритъ пророкъ? „Такъ же вѣрно, какъ я живу, говоритъ Господь Богъ“. Это великолѣпно. Это грозно по своей глубинѣ. Здѣсь выражается боговдохновенность. Господь подкрѣпляетъ Свои собственныя слова—воистину Свои собственныя слова — клятвою. „Какъ я живъ, говоритъ Господь“. Можете ли представить себѣ что-нибудь болѣе сильное и смѣлое, кромѣ только вѣчной истины, выраженной затѣмъ?

Голосъ говорившаго дрожалъ; щеки его пылали въ лучахъ заходившаго солнца, въ глазахъ отражалось сіяніе заката. Констанція, какъ женщина, трепетала, видя передъ собою новаго человѣка, преображеннаго пережитымъ стыдомъ и горемъ.

— „Въ Моей власти какъ душа отца, такъ и душа сына; но если человѣкъ поступаетъ законно и праведно, то навѣрно будетъ жить, говоритъ Господь Богъ“.

— „Говоритъ Господь Богъ“!—повторилъ Леонардъ.—Какую вѣру долженъ былъ имѣть человѣкъ, чтобы такъ приписывать Богу слова свои? Какъ постигнуть глубину такой вѣры и прозорливости? Онъ искренно былъ убѣжденъ, что слышалъ голосъ Бога.

— Мы живемъ для и посредствомъ другъ друга, — продолжалъ Леонардъ.—Мы воображаемъ, что стоимъ сами по себѣ, а насъ держатъ дѣла предковъ; мы разсуждаемъ такъ, будто живемъ одни, а являемся лишь звеньями въ цѣпи; мы созданы и создаемъ, мы выкованы и куемъ. Я похожъ былъ на человѣка посреди толпы, движимаго ея движеніямъ, но воображающаго себя все время одинокимъ на холмѣ.— Онъ помолчалъ съ минуту.

— Все, что случилось послѣ злодѣянія, явилось его послѣдствіемъ. Человѣкъ, его совершившій, удалился отъ міра; онъ покинулъ міръ, отказался отъ своихъ обязанностей, отдалъ родныхъ дѣтей въ чужія руки. Одинъ изъ дѣтей ушелъ въ море и утонулъ; съ нимъ утонули и другіе люди, — это было послѣдствіемъ. Дочь, заброшенная и дурно воспитанная, убѣжала съ искателемъ приключеній, принявъ его за рыцарственнаго кавалера,—это было тоже послѣдствіемъ. Его сынъ додумался до страшной правды и совершилъ самоубійство; его сыновья остались безъ отца; двое изъ нихъ пошло по дурнымъ путямъ: и это было послѣдствіемъ. Мой собственный отецъ умеръ молодымъ, но не настолько молодымъ, чтобы не оставить по себѣ меня, хотя я былъ еще ребенкомъ: это было несчастіе, но не послѣдствіе. Другими словами, Констанція, грѣхи этого старика были взысканы на его дѣтяхъ, но душа сына осталась такою же, какою была душа отца. Вотъ итогъ и сущность сказаннаго. Послѣдствія длятся и доселѣ. Та бѣдная старушка на Коммерческой все еще находится въ томъ аду нищеты, куда попала добровольно. Ея внукъ есть и будетъ тѣмъ, что̀ онъ есть. Внучка возвысилась надъ своею средою. „Она навѣрно будетъ жить, говоритъ Господь Богъ“. Мои оба дяди пойдутъ до конца своими путями, точно такъ же, какъ, вѣроятно, и я самъ.

Онъ умолкъ; сіяніе въ глазахъ его погасло. Онъ вновь принялъ свой обычный прежній видъ.

— Это все, Леонардъ?

— Это все. Я хочу дать вамъ понять, что передъ концомъ—если это конецъ—я не желаю относиться къ старику съ укоризненными мыслями или чувствами, а хочу только жалѣть его за то роковое дѣяніе, совершенное въ одну минуту и повлекшее за собою семьдесятъ лѣтъ наказанія. Вы же, чьего предка онъ убилъ...

— Я прощаю его именемъ этого предка и жалѣю одинаково и наравнѣ съ вами. Идемте, Леонардъ: пожалуй, конецъ уже насталъ.

Они прошли въ Паркъ мимо сломанныхъ воротъ и развалившейся сторожки.

— Я ждала подобнаго извѣстія, — сказала Констанція.—

Нынче утромъ я послала вамъ записку и знала, что написала правду, потому что на меня снизошло, совершенно внезапно, глубокое спокойствіе. Всѣ мои тревоги исчезли. Мы такъ истерзались (она говорила такъ, какъ будто и сама принадлежала къ его семьѣ) горестями и предчувствіями, бѣдами и слухами о бѣдахъ, что когда все это исчезло внезапно и неожиданно, я поняла, что срокъ миновалъ.

— Вы—ясновидящая, Констанція.

— Большинство женщинъ таковы, когда въ чемъ-нибудь заинтересованы. О, Леонардъ! Какое это счастіе, что все на свѣтѣ имѣетъ конецъ,—не только печаль, но даже и радость! Поэтому и наказанія или послѣдствія должны имѣть конецъ.— Она подняла взоръ и оглядѣлась.—Вечеръ такъ тихъ, взгляните на блескъ заката! Все такъ мирно, что нельзя вѣрить въ возможность бури, града или мороза. Намъ это какъ бы пророчитъ избавленіе, а ему—прощеніе.

Дѣйствительно, все было тихо; даже ихъ шаги не давали звука на весенней травкѣ парка, а домъ, когда они подошли къ нему, горѣлъ въ лучахъ заката, и каждое окошко пламенѣло какъ будто радостью жизни, а не печалью смерти. Между тѣмъ, въ домѣ былъ умирающій.

— Смерть идетъ,—сказала Констанція,—и несетъ съ собою прощеніе.

Многозначительная вѣсть, что въ помѣщичьемъ домѣ есть „перемѣна“, долетѣла до села. Его обитателямъ, которые гордились тѣмъ, что ни въ одномъ селѣ Англіи не было такого отшельника, жившаго въ затворѣ въ большомъ домѣ и позволявшаго всему разваливаться, предстояло лишиться предмета своей гордости. Не станутъ уже собираться по воскреснымъ утрамъ пріѣзжіе изъ ближайшаго городка и окрестныхъ селъ смотрѣть черезъ стѣну на высокую и мощную фигуру, расхаживающую во всякую погоду по террасѣ съ правильностью маятника. Въ деревенскомъ трактирѣ народъ собрался спозаранку, чтобы разсказывать и слушать, и перешептываться о слышанномъ.

Воскрешались старыя воспоминанія, почти исчезнувшія изъ памяти людской, о томъ, какъ бѣдный баринъ, тогда еще молодой, не дожившій до тридцати лѣтъ, своенравный и горячій—странно, что никѣмъ не забылась его горячность!—въ одинъ день потерялъ жену и шурина, и съ тѣхъ поръ ужъ не поднималъ головы, не выходилъ изъ дома, не смотрѣлъ ни на взрослыхъ, ни на ребятъ, не брался за ружье, не созывалъ собакъ, не ѣздилъ съ борзыми, не ходилъ въ церковь.

Все это пересказывалось въ тысячный разъ въ грязноватомъ зальцѣ деревенскаго трактира. Самыя слова какъ бы

пропитались ужъ запахомъ дыма, табаку и промокшаго платья. Семьдесятъ лѣтъ кряду все тоже повѣствовалось въ тѣхъ же выраженіяхъ. Доселѣ повѣсть эта принадлежала къ самому интересному разряду поэтическихъ произведеній—къ разряду неоконченныхъ. Теперь наступалъ конецъ, и дальше говорить будетъ не о чемъ.

Разсказчики умолкли. Дверь отворилась и появился бывшій пугальщикъ птицъ. Онъ, ковыляя, вошелъ въ трактиръ и аккуратно заперъ за собою дверь, а потомъ оглядѣлъ всю комнату. Онъ храбро оперся на свои двѣ палки и заговорилъ:

— Здѣсь все друзья? Все друзья? Никто не пойдетъ переносить тому молодому человѣку? Нѣтъ?

— Выпей полпинты, Ѳома!

— Съ вашего позволенія. Сію минуту. Завтра или на дняхъ мнѣ придется помочь копать могилу. Всѣ мы тамъ будемъ. Отчего же не помочь?

Онъ имѣлъ важный видъ и, очевидно, высказалъ далеко не все, только не зналъ, какъ приступить.

— Мы всѣ думаемъ объ одномъ,—началъ онъ.—О старомъ баринѣ, что скоро будетъ лежать мертвымъ тамъ, откуда не выходилъ цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ я себя помню. А почему? Потому что здѣсь убили одного мужчину, и умерла одна женщина. Кого же это убили? Да баринова шурина. А кто убилъ? Толковали, будто Джонъ Дуннингъ. Джона-то судили, отпустили, и онъ уѣхалъ. Кто-жъ убилъ-то? Да не Дуннингъ, потому что Дуннингъ и въ лѣсъ-то попалъ два часа спустя. А кто-жъ убилъ? говорю я.

Въ этомъ мѣстѣ онъ принялъ предложенное угощеніе и выпилъ стаканъ пива.

— Я-то знаю, кто это сдѣлалъ. Я все время зналъ. Никто не знаетъ, только я. Сколько лѣтъ я знаю и ни разу не сказалъ. Потому что къ чему? Онъ бы и меня ухлопалъ тоже. Вѣрное слово, онъ убилъ бы меня! Кто-жъ это былъ? Я вамъ скажу. Тотъ, что лежитъ сейчасъ при смерти. Самъ баринъ—вотъ кто! Все утро никого не было въ рощѣ, кромѣ того барина да нашего. Говорю вамъ, баринъ убилъ его, баринъ, и никто другой! Баринъ убилъ. Баринъ убилъ.

Присутствующіе переглядывались съ изумленіемъ. Затѣмъ всталъ кузнецъ и торжественно произнесъ:

— Ѳома, ты доживаешь восьмой десятокъ. Ты одурѣлъ на старости лѣтъ. Ты противъ барина! Я помню, какъ мой отецъ говорилъ: „Баринъ-то оставилъ г-на Хольма у рощи, а самъ вернулся“. Такъ сказали свидѣтели на судѣ и слѣдствіи. Ты противъ барина! Ступай домой, Ѳома, ложись, проспись да приди въ память.

Ѳома снова оглядѣлъ всѣхъ. Лица были суровы и несо-

чувственны. Онъ повернулся и, ковыляя, поплелся вонъ. Съ тѣхъ поръ онъ прожилъ не долго и невесело, потому что не могъ говорить ни о чемъ иномъ, а на его болтовню никто не обращалъ вниманія. Несомнѣнно, существуй въ селѣ больница для умалишенныхъ, его бы заперли туда. Роковой примѣръ вреда отъ сокрытія истины! Выясни онъ мальчикомъ на допросѣ, что оба господина провели десять минутъ въ рощѣ вмѣстѣ, кто знаетъ, что могло бы воспослѣдовать!

Ѳома не пошелъ домой. Онъ направился къ усадьбѣ, куда и приковылялъ съ выраженіемъ рѣшимости на лицѣ. Его сообщеніе было принято съ насмѣшкою и презрѣніемъ. Можетъ быть, въ другомъ мѣстѣ къ нему отнесутся уважительнѣе.

Ключница встрѣтила Леонарда съ Констанціей на порогѣ. Двери были распахнуты цѣлый день, какъ бы для пріема гостьи, витавшей очень близко.

— Онъ въ библіотекѣ,—сказала женщина, вытирая концомъ фартука слезы, которыми служанки всегда встрѣчаютъ Азраила.—Я просила его взойти наверхъ и лечь, но онъ и не обратилъ вниманія. Сидитъ въ библіотекѣ почти весь день.

— Выходилъ онъ сегодня послѣ чая?

— Напился чаю, какъ обыкновенно, и пошелъ гулять, по обыкновенію, прямой какъ столбъ и такой же крѣпкій и суровый съ виду, какъ всегда. Но вскорѣ онъ остановился и весь задрожалъ, а потомъ повернулся и вошелъ въ домъ. Тамъ онъ отправился въ библіотеку и усѣлся передъ каминомъ.

— Сказалъ онъ что-нибудь?

— Ни слова. Я предложила стаканъ вина, но онъ только покачалъ головой. Въ часъ я подала обѣдать, но онъ не могъ ничего съѣсть. Тогда же онъ выпилъ стаканъ вина. Въ четыре я подала чай, но онъ и не дотронулся, а только выпилъ еще стаканъ вина. Больше ничего у него во рту не было съ утра. А теперь сидитъ скорчившись и лицо страшно дергается.

Они потихоньку отворили дверь въ библіотеку и вошли. Онъ уже не сидѣлъ „скорчившись“, а лежалъ, прислонившись къ спинкѣ изорваннаго стараго кожанаго кресла, весь вытянувшись, протянувъ свои длинныя ноги, положивъ руки на ручки кресла, откинувшись назадъ своими широкими плечами и спиною, великолѣпный и въ своемъ разрушеніи, точно роскошная осень. Глаза его были открыты и устремлены прямо въ потолокъ. Лицо, какъ выразилась ключница, дергалось. На немъ выражалась внутренняя борьба. Что творилось въ его измученномъ мозгу?

— Леонардъ,—прошептала дѣвушка,—лицо его не выра-

жаетъ отчаянія. Въ немъ нѣтъ упорства. Взгляните! Это—недоумѣніе. Точно онъ чего-то не понимаетъ. Ему слышатся шопоты. Я, кажется, тоже слышу ихъ. Я знаю, о чемъ они и отъ кого.

Она опустила вуаль, чтобы скрыть слезы. Углы большой комнаты тонули въ сумракѣ, ряды книгъ имѣли видъ призраковъ; свѣтъ на западѣ начиналъ меркнуть, а краски—блѣднѣть. Въ каминѣ горѣлъ огонь, какъ и круглый годъ; его пламя начинало разбрасывать по комнатѣ дрожащіе отблески и тѣни. Оно освѣтило лицо старика, и весь онъ какъ-то выдѣлился при этомъ освѣщеніи, точно кромѣ него ничего и не было въ комнатѣ; болѣе того: какъ будто не было ни комнаты, ни мебели, ни дома, ничего, кромѣ одного этого человѣка въ неизрѣченномъ присутствіи своего Судьи.

Лицо его мѣнялось: ключница была права. Выраженіе вызова и упорства исчезало. Чѣмъ же замѣнялось оно? Пока еще только недоумѣніемъ, болью и печалью. Что же касается шопотовъ, то ихъ наличность ничѣмъ не доказывалась, если не считать увѣренности дѣвушки, слышавшей ихъ ухомъ вѣры. Леонардъ выступилъ впередъ и нагнулся къ старику.

— Слушайте,—сказалъ онъ торжественно,—вы знаете меня. Я—вашъ правнукъ, внукъ вашего старшаго сына, который убилъ себя, потому что открылъ тайну, вашу тайну. Онъ не могъ снести этого и жить. Я—его внукъ.

Слова эти были ясны, даже рѣзки. Леонардъ не хотѣлъ давать повода къ непониманію. Но не смотря на свою ясность, они не возымѣли дѣйствія. Въ глазахъ старика не промелькнуло даже искры, которая доказала бы, что онъ слышалъ.

— Вамъ девяносто пять лѣтъ,—продолжалъ Леонардъ.—Пора прервать молчаніе. Я привелъ съ собою личность, которая напомнитъ вамъ день—если вы только забыли его,—день трагическихъ событій, тотъ день, когда вы лишились жены и шурина. Вы вѣдь не забыли этого дня, неправда ли?

Старикъ не отвѣтилъ, но закрылъ глаза, можетъ, быть въ знакъ нежеланія слушать.

— У меня есть къ вамъ порученіе. Оно—отъ человѣка, спасённаго вами отъ висѣлицы, отъ невиннаго, съ котораго вы сняли обвиненіе въ убійствѣ. Онъ шлетъ вамъ со смертнаго одра слова благодарности и молится за васъ. Ваше доброе дѣло принесло плоды сторицею Пусть благодарность того человѣка послужитъ вамъ утѣшеніемъ.

Старикъ снова ничѣмъ не выказалъ участія.

Тутъ произошелъ неожиданный перерывъ: дверь отворилась и вошелъ простолюдинъ, шумно ковыляя. Семьдесятъ лѣтъ назадъ онъ былъ мальчикомъ и пугалъ птицъ.

— Я слышалъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Леонарду, но

глядя на фигуру въ креслѣ,—что вы —здѣсь, и что онъ, наконецъ, кончается. Такъ я и пришелъ. Я не забылъ, что вы спросили. Неужели никто не подозрѣвалъ? Вотъ что вы спросили. Мнѣ теперь на него плевать.—Онъ храбро кивнулъ въ сторону стараго барина.—Теперь ужъ онъ никого не загубитъ.

Онъ проковылялъ вдоль комнаты, насколько позволялъ ему ревматизмъ и остановился передъ кресломъ, громко стукнувъ палкою объ полъ.

— Неужели никто и не подозрѣвалъ?

Онъ оглядѣлся и поднялъ палецъ. Онъ подозрѣвалъ и даже зналъ.

— Старикъ,—онъ обратился прямо къ молчаливой фигурѣ,— кто сдѣлалъ эту штуку? Ты сдѣлалъ. Никто, какъ ты. Никто кромѣ и не могъ. Кто убилъ? Ты убилъ. Кромѣ тебя, въ рощѣ никого и не было, пока не подошелъ Джонъ Дуннингъ.

Леонардъ взялъ его за руку и, не встрѣчая сопротивленія, вывелъ изъ библіотеки. Но тотъ на ходу, все повторялъ свою исторію, какъ будто не могъ досыта наговориться.

— Я все собирался выложить это ему, прежде чѣмъ умру. Вотъ и выложилъ. Я и всѣмъ разсказалъ, всему народу. Чего я буду прятать да скрывать? Ему бы давно болтаться на висѣлицѣ. Да и будетъ! Его еще повѣсятъ, хоть ему и за девяносто. Кто убилъ? Кто убилъ? Кто убилъ? Онъ убилъ. Онъ убилъ. Онъ убилъ.

Его голосъ раздавался, пока Леонардъ велъ его къ двери; его голосъ продолжалъ раздаваться и за дверью, повторяя все тоже на пѣвучій стариковскій ладъ.

— Что за бѣда? — сказалъ Леонардъ.—Пусть распѣваетъ свою пѣсню на все село. Прошло то время, когда такіе, какъ онъ, могли повредить.

Старикъ же попрежнему дѣлалъ видъ, будто не слышитъ. Онъ хранилъ полную неподвижность. Никакой сфинксъ не могъ бы скрывать своего волненія подъ маскою большей невозмутимости. Вдругъ онъ пошевелился: можетъ быть, былъ тронутъ. Онъ съ усиліемъ приподнялся и сѣлъ, опираясь на ручки кресла, при чемъ тѣло согнулось подъ тяжестью массивныхъ головы и плечъ, оказавшихся въ концѣ концовъ не по силамъ даже его исполинскому корпусу; голова слегка подалась впередъ; ввалившіеся глаза устремились на раскаленные уголья камина, который топился весь годъ, чтобы согрѣвать его; мускулы на лицѣ натянулись и походили при свѣтѣ пламени на веревки. Густые сѣдые волосы разсыпались по плечамъ, а длинная бѣлая борода ниспадала до пояса.

Итакъ онъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ, между тѣмъ какъ его молодость медленно переходила въ зрѣлость, между тѣмъ

какъ разрушеніе примѣшивало къ волосамъ его первыя пряди сѣдины, какъ наступала старость, морщины бороздили лицо, глаза вваливались, скулы выступали впередъ, зубы выпадали, лицо укорачивалось и теряло былую привлекательность. Такъ онъ жилъ, между тѣмъ какъ его заброшенныя дѣти выростали и несли на себѣ неожиданныя и непонятныя послѣдствія; онъ не зналъ, что творилось во внѣшнемъ мірѣ, хотя вокругъ него создавалась новая жизнь съ новыми мыслями, идеалами, требованіями,—новая цивилизація. Великій переворотъ, который мы зовемъ Девятнадцатымъ Вѣкомъ, происходилъ вокругъ, а онъ совсѣмъ не зналъ о немъ. Онъ жилъ, какъ и родился, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, длившемся до дней короля Георга IV. Если во всю свою долгую жизнь онъ о чемъ либо думалъ, то мысли его носили печать эпохи его рожденія.

Думалъ ли онъ вообще-то? О чемъ могъ онъ думать, когда день проходилъ за днемъ, каждый—подобно предыдущему, ничто не мѣнялось; когда весна незамѣтно смѣняла зиму, жаръ и холодъ были безразличны тому, кто ничего не чувствовалъ, и не было ни книги, ни газеты, ни дружеской бесѣды, чтобы дать пищу уму и нарушить однообразіе дней?

Религіозные отшельники молились; ихъ единственнымъ занятіемъ была молитва и борьба съ дьяволомъ. Если же этотъ деревенскій отшельникъ не могъ молиться, то что оставалось ему для наполненія дней и ночей? Безъ сомнѣнія, семьдесятъ лѣтъ такой жизни должны были его измучить.

Леонардъ повторилъ:

— Говорите.

Старикъ ничѣмъ не отвѣтилъ.

— Говорите же. Говорите, и скажите намъ то, что мы уже знаемъ.

Отвѣта попрежнему не было.

— Вы мучились такъ долго, искупали свой грѣхъ такъ ужасно; теперь пора заговорить и кончить это.

На лицѣ старика видимо выразилось упорство.

— Ахъ, все безполезно!—воскликнулъ Леонардъ съ отчаяніемъ.—Все равно, что биться головой объ стѣну. Вы, вѣдь, слышите меня! Вы понимаете, что говорится! Вы ничего не можете сказать намъ такого, чего бы мы уже не знали.

Онъ сдѣлалъ жестъ отчаянія и отступилъ назадъ.

Тогда ужъ выступила впередъ Констанція. Она бросилась къ ногамъ старика, подобно просительницѣ, обняла его колѣни и произнесла тихо и медленно:

— Вы обязаны меня выслушать. Я имѣю на то право. Взгляните на меня. Я—правнучка Ланглея Хольма.

Она подняла вуаль.

Старикъ громко вскрикнулъ, схватился за ручки кресла

и выпрямился. Онъ устремилъ взоръ на ея лицо, а самъ такъ затрясся и задрожалъ, что эта дрожь сообщилась полу, запрыгали тарелки на столѣ и задребезжала каминная рѣшотка.

— Ланглей!—крикнулъ онъ, ничего не видя, кромѣ лица ея.—Ланглей, ты вернулся! Наконецъ!

Онъ не могъ понять, что это—живая женщина, а не покойникъ. Онъ видѣлъ только ея лицо, вполнѣ похожее на лицо Ланглея.

— Да,—сказала она смѣло.—Ланглей вернулся. Онъ говоритъ, что полно вамъ страдать. Онъ говоритъ, что давно васъ простилъ. Сестра его тоже простила васъ. Все прощено, говоритъ вамъ Ланглей. Скажите же, скажите все, передъ лицомъ Господнимъ. Скажите! Вы ударили его дубиною по лбу, такъ что онъ упалъ мертвый. Когда принесли въ усадьбу его трупъ, то началось ваше наказаніе смертью вашей жены и съ той поры продолжалось. Говорите же!

Старикъ машинально потрясъ головою. Онъ старался заговорить, но губы его отказывались произносить слова. Онъ упалъ назадъ въ кресло, все глядя на ея лицо и дрожа. Наконецъ, онъ произнесъ;

— Ланглей знаетъ!.. Ланглей знаетъ!

— Говорите,—приказала Констанція.

— Ланглей знаетъ...

— Говорите!

— Я убилъ его!—сказалъ старикъ.

Констанція стала на колѣни и начала молиться вслухъ.

— Я убилъ его!—повторялъ тотъ.

Констанція взяла его руку и поцѣловала.

— Я—дитя Ланглея,—сказала она.—Отъ его лица прощаю васъ. Да, долгое наказаніе миновало. Да, мы всѣ простили васъ! Ахъ, вы страдали такъ долго, такъ долго! Наконецъ, наконецъ, простите же сами себя!

Тутъ произошло нѣчто странное. Часто бываетъ съ глубокими стариками, что въ минуту смерти къ нимъ возвращается юность. Лицо старика стало молодымъ; годы точно спали съ него; если бы не сѣдые волосы, его бы можно было принять за молодого. Исчезли рѣзкія очертанія, складки и морщины, нѣжная краска юности показалась на щекахъ. О! какъ онъ сталъ красивъ и лицомъ, и станомъ. Онъ всталъ безъ видимаго усилія. Онъ держалъ Констанцію за руку, но стоялъ прямо, ничуть не опираясь, во весь свой гигантскій ростъ.

— Простили?—спросилъ онъ.—А что было прощать? Простить себя? За что? Что я сдѣлалъ требующаго прощенія? Пройдемся въ рощу, Ланглей, пройдемся въ рощу. Мой другъ, я не понимаю: Ланглеево дитя вѣдь еще младенецъ.

Голова его поникла. Онъ упалъ бы на полъ, если бы Лео-

нардъ не подхватилъ его и не положилъ тихонько въ кресло.

— Это—конецъ,— сказала Констанція.—Онъ исповѣдалъ грѣхъ свой.

Это—былъ конецъ. Затворникъ умеръ.

XXI.

Завѣщаніе.

Одна изъ лондонскихъ утреннихъ газетъ посвятила передовую статью темѣ о современныхъ затворникахъ. Ниже слѣдуетъ отрывокъ изъ этой статьи:

„Типъ затворника или отшельника давно исчезъ съ дорогъ, съ мостовъ, съ рѣчныхъ береговъ. Жилища ихъ коегдѣ сохранились, какъ, напр., въ Вариворсѣ, но прежняго ихъ обитателя уже нѣтъ. Его замѣнилъ эксцентрикъ, типъ весьма распространенный въ XVIII вѣкѣ и принимавшій разныя странныя формы; нѣкоторые изъ подобныхъ господъ жили по одиночкѣ, каждый въ отдѣльной комнатѣ; другіе стали скупцами и выползали по ночамъ и собирали отбросы для пропитанія; были такіе, что жили въ древесныхъ дуплахъ, такіе, что никогда не мылись и не позволяли мыть ничего въ домѣ. Не было нелѣпостей, которыя бы не примѣнялись къ жизни эксцентриками прошлаго вѣка.

„По причинамъ, изученіе которыхъ предоставляемъ наблюдателямъ общественныхъ нравовъ, эксцентрики почти повсюду исчезли, какъ и отшельники: ихъ теперь нѣтъ. Поэтому жизнь Олджернона Кампейня изъ Кампейнь-Парка въ Букингамширѣ, эксцентрика того же типа, какой преобладалъ въ XVIII вѣкѣ, является пріятнымъ исключеніемъ въ скучной и однообразной хроникѣ современной частной жизни.

„Этотъ достойный человѣкъ, помѣщикъ хорошаго рода и владѣлецъ обширнаго имѣнія, женился въ ранней молодости, очутившись собственникомъ помѣстья что-то около двадцати годовъ отъ роду. Здоровья онъ былъ превосходнаго и на видъ являлся образцомъ человѣческой породы, будучи выше шести футовъ ростомъ и пропорціональной ширины въ плечахъ. Онъ не безъ отличія прошелъ обычный курсъ гимназіи и университета, былъ юристомъ, исполнялъ обязанности судьи и въ немъ предполагались стремленія къ парламентской карьерѣ. Однимъ словомъ, не было на свѣтѣ молодого человѣка съ лучшими видами на успѣхъ на всякомъ пути, какой бы онъ ни избралъ.

„Къ несчастью, одно трагическое происшествіе разрушило всѣ эти виды и погубило его жизнь. Его своякъ, человѣкъ равнаго съ нимъ званія и положенія и самый закадычный его другъ, былъ внезапно убитъ неизвѣстно кѣмъ въ то

время, какъ гостилъ у него въ усадьбѣ. Событіе это такъ потрясло молодую жену г-на Кампейня, что привело ее къ преждевременнымъ родамъ, окончившимся смертью въ тотъ же день.

„Это горе настолько повліяло на несчастнаго, что погрузило его въ уныніе, отъ котораго онъ не оправился во всю жизнь. Онъ добровольно удалился отъ міра и весь остатокъ дней своихъ, семьдесятъ лѣтъ, провелъ одинъ въ большомъ домѣ съ единственной только старухой, служившей ему домоправительницей. Въ теченіе всего этого срока онъ хранилъ абсолютное молчаніе и ни разу не произнесъ ни слова. Онъ забросилъ всѣ дѣла; когда его подпись оказывалась настоятельно необходимою, довѣренный оставлялъ документъ у него на столѣ и на другой день находилъ его подписаннымъ. Онъ ничего не подновлялъ въ домѣ; намъ передаютъ, что красивая мебель и цѣнныя картины погибли отъ холода и сырости, а садъ и оранжереи заросли и заглохли. Каждое утро, во всякую погоду, онъ посвящалъ прогулкѣ по кирпичной террасѣ, выходившей на заросшія лужайки; обѣдалъ онъ въ часъ бифштексомъ и бутылкой портвейна, затѣмъ спалъ передъ каминомъ, а ложился въ постель въ девять. Онъ никогда не раскрывалъ ни книги, ни газеты, ни письма. Онъ не заботился о томъ, что дѣлается съ его дѣтьми, и отказывался принимать знакомыхъ. Трудно себѣ представить жизнь болѣе безрадостную и безполезную. И такую жизнь онъ велъ безъ малѣйшей перемѣны въ теченіе семидесяти лѣтъ. Онъ умеръ третьяго дня, въ девяносто пятую годовщину своего рожденія“.

Дальше были изложены тѣ факты, которые уже извѣстны читателю, и изъ нихъ выведено поученіе.

Старика погребли въ усыпальницѣ предковъ „въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной“. Съ этими словами можно, пожалуй, согласиться, такъ какъ онъ былъ наказанъ, если признавать что наказаніемъ можно искупить преступленіе. Констанція изрекла ему прощеніе, но могъ ли онъ простить себя самъ? Всякій грѣхъ можно простить. Убитый человѣкъ, опозоренная женщина, обиженный сирота, притѣсненный рабочій, разоренный акціонеръ, невинный страдалецъ, измѣной приведенный въ тюрьму или на смерть—всѣ могутъ, пожалѣвши, поднять руки и громко, со слезами, изречь прощеніе; но проститъ ли виновный себя самъ? Прежде чѣмъ онъ почувствуетъ къ тому возможность, лучезарныя стѣны Новаго Іерусалима потемнѣютъ, звуки арфъ и славословящихъ голосовъ превратятся въ смутный шумъ и сама новая жизнь станетъ ничѣмъ инымъ, какъ несноснымъ продолженіемъ прежней тяготы.

„Земля еси, въ землю и отыдеши“.

Всѣ пошли прочь, и когда никого не осталось, старый

пугальщикъ птицъ ковыляя приблизился къ могилѣ, заглянулъ въ нее и пробормоталъ, но не громко, изъ страха, какъ бы лежащій тамъ не всталъ и не убилъ его:

— Ты убилъ! Ты убилъ! Ты убилъ!

Провожавшіе тѣло вернулись въ домъ, гдѣ, впервые за семьдесятъ лѣтъ, былъ накрытъ столъ. Всѣ были на лицо: старуха-дочь покойнаго, величавая въ черномъ шелкѣ и кружевахъ, съ осанкою княгини опиралась на руку двоюроднаго внука; оба его внука, Фредъ и Христофоръ, съ женою и дѣтьми послѣдняго; г. Самуилъ Галлей и сестра его Мэри-Анна; и Констанція, двоюродная правнучка умершаго. Съ ними былъ и повѣренный—нотаріусъ изъ сосѣдняго городка.

Послѣ завтрака нотаріусъ вынулъ завѣщаніе.

— Это завѣщаніе,—сказалъ онъ,—было засвидѣтельствовано моимъ дѣдомъ въ 1826 году, какъ разъ черезъ мѣсяцъ послѣ трагическаго событія, столь угнетающе повліявшаго на его кліента.

— Былъ ли завѣщатель въ здравомъ умѣ?—спросилъ Самъ, сильно покраснѣвъ.—Я спрашиваю это безъ дурного умысла.

— Онъ все время былъ въ здравомъ умѣ. Онъ не говорилъ, но въ случаѣ нужды писалъ. До самой смерти онъ никогда не утрачивалъ разсудка. Я имѣю отъ него письма и инструкціи годъ за годомъ, въ теченіе семидесяти лѣтъ—наша фирма пользовалась довѣріемъ его семьи въ теченіе ста лѣтъ—и ими могу доказать полную его правоспособность, если бы возникло сомнѣніе.

— Ну, такъ что-жъ въ завѣщаніи?—сказалъ Самъ.—Покажите намъ завѣщаніе.

— Я прочту его.

Для завѣщанія богача оно было сравнительно коротко; однако, въ немъ нашелся пунктъ, при чтеніи котораго Леонардъ съ любопытствомъ и испытующе взглянулъ на Констанцію.

— Я не понялъ,—сказалъ Самъ.—Мнѣ что-то завѣщано...

— Нѣтъ, не вамъ, а вашей бабушкѣ. Вамъ же—ничего.

— Это безразлично. Что ея—то мое.

— Нѣтъ,—холодно сказала старушка.—Ты увидишь, внучекъ, что ошибаешься.

— Ну,—сказалъ обезкураженный Самъ,—какъ бы то ни было, вы получили долю. Но мнѣ интересно, что означаетъ тотъ пунктъ о чьихъ-то наслѣдникахъ. Они-то тутъ при чемъ?

— Можетъ быть,—сказалъ Леонардъ,—вы будете любезны и разъясните завѣщаніе.

— Съ удовольствіемъ. Въ пору написанія завѣщанія завѣщатель могъ располагать нѣкоторой личной собственностью. Собственность состояла частью изъ наличныхъ денегъ, до-

ставшихся ему, главнымъ образомъ, отъ матери, у которой онъ былъ единственнымъ ребенкомъ, частью же изъ городского дома на Берклеевой площади, также входившаго въ составъ материнскаго имущества, которое находилось въ неограниченномъ его распоряженіи, и картинъ, книгъ, мебели, экипажей, лошадей и пр. Послѣднее все онъ завѣщалъ наслѣднику Кампеньевскаго помѣстья, вамъ, г. Леонардъ. Первое же, т. е. наличныя деньги—своимъ троимъ дѣтямъ поровну. Такъ какъ второй сынъ утонулъ, не оставивъ наслѣдниковъ, то деньги эти раздѣлятся поровну между старшимъ сыномъ и дочерью,—вами, г-жа Галлей; а такъ какъ старшій сынъ умеръ, то наслѣдники его сообща получатъ его долю.

— Со всѣми накопившимися процентами! А!—воскликнулъ Самъ съ протяжнымъ вздохомъ облегченія.

— Нѣтъ, безо всякихъ процентныхъ денегъ. О нихъ имѣется особое распоряженіе. Завѣщатель ясно выразилъ, что только наличность, принадлежащая ему въ день написанія завѣщанія, должна дѣлиться такимъ образомъ, а затѣмъ высказался такъ: „Принимая во вниманіе, что я могу прожить еще нѣсколько лѣтъ, хотя противъ моего желанія, и что ничего не стану тратить ни на себя, ни на домъ свой, ни на что иное, такъ какъ я отнынѣ мертвъ для міра и буду ждать кончины въ молчаніи,—слѣдуетъ полагать, что на деньги эти наростутъ процентныя деньги, которыя должны быть ежегодно помѣщаемы моимъ повѣреннымъ опять подъ проценты. И желаю, чтобы по смерти моей весь приростъ на мои теперешніе капиталы, каковъ бы онъ ни былъ, получили въ равныхъ доляхъ наслѣдники Ланглея Хольма, моего свояка, который былъ предательски убитъ близь моего дома, по причинѣ, мнѣ одному извѣстной“.

— Это весьма удивительно,—замѣтилъ Фредерикъ.—Все, что накопилось, сложные проценты за семьдесятъ лѣтъ, громадное состояніе,—отдать постороннимъ или отдаленнымъ родственникамъ. Неужели мы не станемъ оспаривать этого завѣщанія? Леонардъ, ты—глава. Что ты скажешь?

— Вопросъ въ томъ, былъ ли завѣщатель въ здравомъ умѣ въ моментъ написанія завѣщанія,—сказалъ Леонардъ.

— Думаю, что тогда былъ въ умѣ,—отвѣтилъ нотаріусъ,—и, безъ сомнѣнія, былъ въ умѣ и передъ концомъ. У меня есть записка, писанная имъ три года назадъ. Мы сносились только письменно. Я попробовалъ спросить его, не желаетъ ли онъ измѣнить свои распоряженія, изложенныя въ завѣщаніи. Вотъ его отвѣтъ.

Онъ вынулъ изъ бумажника записку, совсѣмъ коротенькую:

„Не произошло ничего, могущаго побудить меня измѣнить завѣщаніе. Причины, заставившія меня предназначить

всѣ накопленныя деньги наслѣдникамъ Ланглея Хольма, досѣлѣ существуютъ. Я не знаю, кто эти наслѣдники. О. К.“

— Развѣ это похоже на письмо помѣшаннаго?

— Я, по крайней мѣрѣ, буду оспаривать завѣщаніе,— сказалъ Самъ, вставая и засовывая руки въ карманы.

— Извините, но у васъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

— Все равно. Это—несправедливое завѣщаніе.

— Какъ угодно, сударь, какъ угодно.

— Скажите, пожалуйста, сколько намъ приходится денегъ?—спросилъ Фредъ.

— Имѣлась сумма въ 90.000 фунтовъ, помѣщенная изъ трехъ процентовъ. Половина ея, 45.000 фунтовъ будетъ дѣлится между вами тремя, господа, какъ сыновьями и внукомъ старшаго сына г-на Кампейня. А другая половина принадлежитъ вамъ, г-жа Галлей.

— Гм! — сказалъ Самъ.—Но когда я оспорю завѣщаніе...

— Процентныя же деньги составляютъ въ настоящій моментъ весьма значительную сумму, даже громадную, болѣе милліона. Покойный Ланглей Хольмъ оставилъ одну дочь, единственнымъ потомкомъ которой является молодая дѣвица, здѣсь находящаяся,—г-жа Констанція Амбри.

Констанція встала.

— Я поговорю съ вами объ этомъ въ другое время,— сказала она.

Леонардъ вышелъ вслѣдъ за нею изъ сырого, похожаго на могилу дома въ запущенный садъ, и они сѣли въ молчаніи.

— Пятнадцать тысячъ фунтовъ,—сказалъ Фредъ.—По теперешнимъ временамъ они дадутъ не болѣе 400 ф. въ годъ. Всетаки пріятный запасецъ, коль перевезти его въ Австралію, да пристроить у Дуннинговъ...

— Пятнадцать тысячъ фунтовъ!—замѣтилъ Христофоръ сыну.—Недурно. Но, дитя мое, наша контора стоитъ вдесятеро.

Они ушли и осмотрѣли весь разрушенный домъ. Потомъ они направились къ станціи. Мечты о колоссальномъ богатствѣ разлетѣлись дымомъ. Но все же было кое-какое утѣшеніе.

Г-жа Галлей обратилась къ нотаріусу.

— Когда могутъ эти деньги поступить въ мое распоряженіе?—сказала она.

— Немедленно. Надо ихъ только перевести на ваше имя. Впрочемъ, если прикажете авансъ...

— Я прошу защитить меня отъ моего внука.

— Очень хорошо.—Это произнесла Мэри-Анна, до сихъ не сказавшая ни слова.

— Онъ претендуетъ на мою долю, какъ на свою собственность.

— Сударыня,—сказалъ нотаріусъ,—мы въ теченіе четы-

рехъ поколѣній пользовались довѣріемъ вашей семьи. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, что если вы удостоите меня откровенностью, то не останетесь безъ защиты.

Самъ взглядывалъ на нихъ поочередно. Затѣмъ онъ надѣлъ шляпу и мрачно удалился.

— Милая,—сказала г-жа Галлей, кладя руку на плечо внучки,—теперь я опять—барыня. Будемъ жить съ тобой въ деревянномъ домикѣ съ садомъ, цвѣтами, прислугой и экипажемъ. Нѣтъ, дорогая, я ужъ не вернусь на Коммерческую. Пусть все, что тамъ есть остается ему. Останемся въ этомъ селѣ, съ людьми, среди которыхъ я родилась, и будемъ жить вмѣстѣ. О, милая, милая! Это слишкомъ большое счастье. Рука Господня уже не тяготѣетъ на насъ. Гнѣвъ Его прекратился.

Леонардъ и Констанція вмѣстѣ вернулись въ городъ.

Въ вагонѣ дѣвушка сидѣла рядомъ съ Леонардомъ, молча, сложивъ руки, опустивъ глаза.

— Вы—богатая наслѣдница, Констанція,—сказалъ онъ.— Я узналъ, что вашъ капиталъ составляетъ громадную сумму. Что сдѣлаете вы съ этими деньгами?

— Не знаю. Я буду притворяться сама передъ собою, будто у меня ихъ нѣтъ. Можетъ быть, современемъ кто-нибудь поможетъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ употребленіе. Мнѣ довольно и того, что было прежде. Мнѣ не нужны дорого стоющія вещи. Я не желаю тратить больше на туалетъ. Общество, въ которомъ я вращаюсь, меня удовлетворяетъ, и я думаю, что не въ состояніи ѣсть больше, чѣмъ ѣла всегда.

— А, между тѣмъ, многіе сочли бы себя счастливыми, получивъ такое наслѣдство.

— Вопросъ о томъ, какое дать ему назначеніе, затрудняетъ меня ужасно. Давайте никогда не говорить о немъ. Кромѣ того, вашъ родственникъ оспоритъ завѣщаніе, если только найдетъ къ тому возможность.

Она снова замолчала и стала думать совсѣмъ не о своемъ новомъ богатствѣ.

Со станціи они проѣхали домой и поднялись на второй этажъ.

— Позвольте мнѣ зайти къ вамъ, Леонардъ,—сказала она.—Мнѣ кое-что надо вамъ сказать и лучше сегодня, сейчасъ же, а то я никогда не соберусь.

Онъ замѣтилъ ея смущеніе, принужденность и краску на лицѣ. Предчувствіе овладѣло имъ. Предчувствіе такъ же несомнѣнно, какъ и совпаденіе. Онъ тоже измѣнился въ лицѣ. Они остановились другъ противъ друга.

— Скажите мнѣ прежде всего,—начала она,—свободенъ ли умъ вашъ отъ навожденія? Вполнѣ ли оно разсѣялось?

— Къ счастью, да. Я совершенно отъ него избавился. Мысли мои вполнѣ ясны. Подумать мнѣ есть о чемъ—послѣднія недѣли не такъ-то легко забудутся, но я могу думать о чемъ хочу. Я опять—въ полномъ обладаніи моей волей.

— Я тоже совсѣмъ свободна. Первымъ дѣломъ я хочу спросить: что же мы сдѣлаемъ съ нашимъ открытіемъ?

— Это ужъ вамъ рѣшать. Если хотите, можно опубликовать.

— Я не могу желать этого.

— Если хотите, можно написать исторію этого событія дать прочесть всѣмъ членамъ нашей семьи и спрятать съ прочими фамильными документами, чтобы дальнѣйшіе потомки могли прочесть и узнать о ней.

— Нѣтъ, я хочу совсѣмъ покончить съ этой исторіей, чтобы она уже никогда не выплывала наружу. Черезъ нѣсколько лѣтъ воспоминаніе о событіи изгладится изъ памяти крестьянъ. Родственники съ Коммерческой врядъ ли захотятъ обнародовать ее, да они ничего и не знаютъ. Остается только книга вырѣзокъ. Давайте, сожжемъ ее.

Леонардъ вынулъ книгу. Констанція по одному вырвала листы, свернула ихъ, аккуратно уложила въ каминъ, сверху положила переплетъ и все это подожгла. Въ одну минуту ужасная исторія была истреблена. Отчета о дѣлѣ не оставалось нигдѣ, кромѣ тѣхъ грудъ старыхъ газетъ, которыя медленно тлѣютъ въ подвалахъ Британскаго Музея.

— Никогда, — сказала она,—никогда больше не будемъ упоминать о ней. Никто не узнаетъ, что мы открыли. Это наша съ вами тайна. Кто можетъ ее знать, кромѣ насъ съ вами?

— Если она васъ тяготила, то я желалъ бы, чтобы она была только моею.

— Отнынѣ она не тяготитъ меня. Какъ можетъ тяготить то, что уже прощено? Тайною пусть будетъ и то, что намъ съ вами было послано страданіе, приведшее насъ къ раскрытію истины.

— Приведшее насъ? Вы, пожалуй, и меня увѣрите, что тутъ было сверхъестественное вмѣшательство? Впрочемъ, это очень натурально, что вамъ кажется, будто что-то руководило нами.

— Вы, не вѣря ни во что, кромѣ видимаго, не поймете меня. А для меня все такъ ясно,—такъ ясно. Вы были принуждены, поставлены въ необходимость, противъ воли, изслѣдовать это дѣло. Кто принудилъ васъ—не знаю, но такъ какъ та же сила побудила меня присоединиться къ вамъ, то я полагаю, что это былъ самъ убитый. Сознайтесь, что вы дѣйствовали противъ воли: вы сами говорили это.

— Правда, я былъ очень поглощенъ изслѣдованіемъ этого дѣла.

— Кто прислалъ вамъ родственника изъ Исть-Энда? Кто разжегъ ваше воображеніе недосказанною повѣстью горя? Кто послалъ вамъ книгу? Какъ объясняете вы поглощающій интересъ къ такому старому, давно забытому дѣлу?

— Да развѣ это не естественно?

— Нѣтъ, совсѣмъ не естественно, чтобы человѣкъ съ вашею силою воли былъ порабощенъ задачею, повидимому, столь неразрѣшимою. Затѣмъ, послѣ того какъ мы усвоили всѣ подробности, перебрали всѣ гипотезы, пересмотрѣли всѣ доказательства, послѣ того какъ вы осмотрѣли мѣстность и допросили единственнаго живого свидѣтеля, словомъ, послѣ того какъ подготовленъ былъ путь, кто вызвалъ изъ могилъ два голоса, изъ которыхъ одинъ удостовѣрилъ, что, кромѣ тѣхъ двоихъ, никого не было въ лѣсу, а другой доказалъ, что они ссорились, при чемъ одинъ изъ ссорившихся бывалъ несдержанъ во гнѣвѣ. Можете ли вы объяснить это, Леонардъ?

— Вы вѣрите, что невидимыя руки ради своей цѣли привели насъ шагъ за шагомъ къ этому открытію?

— Цѣлей было двѣ: имѣлось въ виду утѣшеніе того старика и затѣмъ—вы сами.

— Какъ это: я самъ?

— Припомните, что было мѣсяцъ назадъ. Остались ли вы тѣмъ же, или измѣнились? Я сказала вамъ тогда, что вы составляете исключеніе изъ человѣчества, потому что имѣете все: достаточныя средства, незапятнанныхъ предковъ, успѣхъ въ сферѣ умственнаго труда и ни малѣйшаго соприкосновенія съ міромъ низшимъ, грубымъ и пошлымъ, или преступнымъ и презрѣннымъ. Помните? Измѣнились ли вы?

— Если войти въ соприкосновеніе со всѣмъ, что столь нежелательно, значитъ измѣниться, то я измѣнился.

— Если утрата свойствъ, отчуждавшихъ васъ отъ человѣчества, и пріобрѣтеніе такихъ, которыя васъ съ нимъ сближаютъ, и производятъ перемѣну въ человѣкѣ, то вы измѣнились. Вы перемѣнитесь еще болѣе, ибо все болѣе будете чувствовать свою принадлежность къ міру живыхъ людей, а не кастовыхъ подраздѣленій и книгъ. Вы все утратили, чѣмъ жили прежде, но всетаки остались сами собой—одинъ передъ цѣлымъ міромъ.

Онъ ничего не возразилъ.

— Гдѣ теперь ваша фамильная гордость? Она утрачена. Гдѣ ваше презрѣніе ко всему пошлому и нечистому? Вамъ послано было видѣніе Св. Петра. Если существуютъ вещи пошлыя и нечистыя, то онѣ могутъ относиться и къ вамъ точно такъ же, какъ и къ людямъ ниже поставленнымъ, ибо и вы, и они принадлежите къ тому же роду человѣческому.

— Нѣчто подобное понялъ и я.

— Другая цѣль достигалась одновременно. Между тѣмъ какъ ударъ за ударомъ сокрушалъ вашу гордость, вы все глубже и глубже вникали въ эту тайну; голоса изъ могилъ помогали вамъ, пока, наконецъ, все тайное не стало явнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и я принуждена была трудиться вмѣстѣ съ вами, пока въ концѣ концовъ мнѣ не пришлось увидѣть умирающаго и возвѣстить ему прощеніе отъ имени убитаго. О, Леонардъ, повѣрьте мнѣ: если правда, что душа переживаетъ тѣло, если душѣ возможно продолжать видѣть, что происходитъ въ мірѣ живущихъ, то я и вы дѣйствовали подъ руководствомъ убитаго.

Снова онъ ничего не отвѣтилъ, такъ какъ былъ тронутъ до такой степени, что лишился дара слова.

— Прощеніе было даровано давно,—о я увѣрена!—очень давно. То же, что было потомъ—послѣдствіе ли, или наказаніе?—длилось семьдесятъ лѣтъ. Охъ, что за жизнь! Что за длинная, длинная агонія! Постоянное сосредоточеніе на одномъ моментѣ день за днемъ, ночь за ночью, безъ перемѣны и безъ конца. Все время ударять тяжелымъ сукомъ по головѣ брата, видѣть, какъ онъ падаетъ мертвымъ, сознавать, что сталъ его убійцею! Леонардъ, Леонардъ, представьте себѣ это!

— Я представляю себѣ, Констанція, но вы не должны думать объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я говорю объ этомъ въ послѣдній разъ. Прощеніе—да! Блаженствующія души не могутъ не прощать. Но правосудіе должно совершиться, неся съ собой самоосужденіе и терзанія, пока не преодолѣетъ прощеніе, пока какимъ то таинственнымъ путемъ грѣшникъ не дойдетъ до того, что проститъ самъ себя.

Она сѣла и закрыла лицо руками.

— Вы говорите, что насъ вела чужая воля. Все можетъ быть. Я этого не признаю и не отрицаю. Но если все происшедшее было сдѣлано ради того старика, котораго мы схоронили нынче утромъ и ради надѣленія меня родственниками—ну, изъ низшаго слоя,—то имъ достигнута и еще одна цѣль: между вами и мною течетъ потокъ крови.

Она подняла голову, встала, подошла къ нему ближе и остановилась какъ разъ передъ нимъ со сжатыми руками, блѣднымъ лицомъ, со слезами, еще невысохшими на щекахъ, съ глазами, полными мягкости и странной нѣжности.

— Три или четыре недѣли назадъ,—начала она,—вы просили меня выйти за васъ замужъ. Я отказала. Я отвѣтила вамъ, что не понимаю значенія любви и потребности въ ней. Теперь я понимаю, что она означаетъ полное сочувствіе и нужду въ сочувствіи. Я понимаю, кромѣ того, что тогда и

вы, подобно мнѣ, не испытавали нужды въ сочувствіи. Вы были одиноки и довольны своимъ одиночествомъ, довлѣя сами себѣ. Вы были горды,—горды до мозга костей, причисляя себя къ кастѣ отдѣленной отъ простыхъ смертныхъ длинной генеалогіей и незапятнанностью предковъ. Вамъ не нужно было зарабатывать себѣ пропитаніе; отличій вы уже добились; во всей Англіи не было человѣка вашихъ лѣтъ, болѣе счастливаго и болѣе поглощеннаго собою. Я могла уважать васъ—но вы оставались чужды моему сердцу. Вы слѣдите за мною, Леонардъ?

— Я стараюсь слѣдить.

— Съ тѣхъ поръ многое произошло съ вами. Вы попали въ число тѣхъ, кто страдаетъ за грѣхи ближнихъ, узнали униженіе и стыдъ...

— И между нами потекла кровь.

Есть вещи, высказать которыя бываетъ нелегко даже сильной, рѣшительной женщинѣ, не боящейся непониманія и не подчиняющейся условностямъ.

— Только одно и есть, Леонардъ, что можетъ осушить эту кровь.

Онъ измѣнился въ лицѣ, такъ какъ понялъ смыслъ ея фразы.

— Такъ ли это? Подумайте, Констанція. Ланглей Хольмъ былъ вашимъ предкомъ. Онъ погибъ отъ руки моего прадѣда.

— Да, есть только одинъ путь. О, Леонардъ! въ эти дни скорби и тревоги я присматривалась къ вамъ ежедневно. Я разсматривала человѣка подъ оболочкою ученаго. Прими я ваше предложеніе три недѣли назадъ, я сдѣлала бы это, цѣня ученаго. Но женщина можетъ любить лишь человѣка,—повѣрьте мнѣ: не ученаго, не поэта, не художника, а только человѣка.

— Констанція, это невозможно! Вы—его кровь!

— Счастье, что это такъ. Убитый пострадалъ менѣе, чѣмъ убійца. Онъ мучился секунду, а тотъ всю жизнь. Если я стану женою потомка того старика, которому я принесла вѣсть прощенья, то это знакъ, что все прощено, даже „до третьяго и четвертаго колѣна.“

— Скажите, Констанція: это—жалость или ...

— Ахъ, Леонардъ, я не знаю, какой плодъ даютъ сочувствіе и жалость, но...

Она не продолжала, ибо это оказалось ненужнымъ.

(конецъ).

Общественная философія г. Меньшикова.

Чѣмъ больше тормазовъ ставитъ дѣйствительность на пути прогресса, чѣмъ архаичнѣе общественный укладъ и слабѣе развита общественная самодѣятельность, тѣмъ строже приходится осуждать всякія попытки—во имя чего бы онѣ ни совершались—реабилитировать прошлое и подорвать въ широкихъ слояхъ читателей вѣру въ значеніе духовныхъ и матеріальныхъ завоеваній человѣчества. Одну изъ попытокъ подобнаго рода и представляютъ собою вышедшія недавно вторымъ изданіемъ „Думы о счастьѣ" г. Меньшикова,—„думы", благонамѣренныя по идеѣ, но до того наивно-нелѣпыя, что ими съ успѣхомъ и съ радостью можетъ воспользоваться въ своихъ цѣляхъ самая зловредная реакція.

Двойственный характеръ этой книжки,—а именно, ея реакціонное содержаніе въ связи съ идеалистическимъ настроеніемъ,—заставляетъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе. Реакціонеры à la Меньшиковъ, наполовину безсознательные, эти человѣколюбцы, проповѣдующіе застой во имя общаго блага,—они гораздо опаснѣе и вреднѣе для общественнаго прогресса, чѣмъ любой откровенный охранитель, безстыдно выдвигающій на первый планъ свои личные аппетиты и узкосословные интересы. Они не мало смуты и шатанія вносятъ въ умы, соблазняя читателей своимъ идеализмомъ. Начертавъ на своемъ знамени призывъ ко всеобщему счастью, они это свѣтлое знамя водружаютъ на топкой, засасывающей трясинѣ и даже не замѣчаютъ, какъ пачкаетъ болотная тина и грязь его бѣлое поле. Вперивъ свой взоръ въ ясное небо, поверхъ грѣшной земли, и мечтая о небесномъ раѣ, они въ то же время крѣпко держатся за эту самую землю, ихъ вскормившую, и не понимаютъ, повидимому, того, что находятся всецѣло въ ея власти, и что люди вообще никакъ не могутъ измѣнить условія своего земного существованія путемъ однихъ только благопожеланій. Не понимаетъ этого и г. Меньшиковъ и не замѣчаетъ ни многочисленныхъ логическихъ и этическихъ прегрѣшеній своихъ, ни безсмысленности своего реакціоннаго утопизма.

Такъ же точно и многіе изъ его читателей. Искренній тонъ и гладкій стиль, красивая тога проповѣдника, бутылочка съ елеемъ въ одной рукѣ и тетрадка съ душеспасительными изреченіями въ другой—все это, какъ хотите, способно соблазнить и увлечь малоинтеллигентную аудиторію. Но чему, спрашивается, научитъ ее проповѣдникъ, сулящій небо? что дастъ онъ этой толпѣ людей, сокрушенныхъ жизнью и взывающихъ о помощи?

На первой же страницѣ „Думъ о счастьѣ", въ маленькомъ къ нимъ предисловіи, г. Меньшиковъ знакомитъ читателей съ сущностью своего мистико-теистическаго міровоззрѣнія и, стало быть, съ исходнымъ пунктомъ всѣхъ своихъ разсужденій о человѣчествѣ, о цивилизаціи и о счастьѣ. „Преклонившись предъ Искусителемъ,—говоритъ онъ,—обѣщавшимъ „покорить всѣ народы и царства міра", наша цивилизація сдѣлала печальную ошибку, отъ которой предостерегалъ людей Христосъ". Другими словами, люди, т. е. наши отдаленнѣйшіе предки, сознательно выбрали тотъ, а не иной путь своего развитія; но этотъ избранный путь оказался отъ лукаваго. Соблазненные презрѣнными благами матеріальной культуры, люди пренебрегли тѣмъ высшимъ духовнымъ благомъ, которымъ обладали, и теперь, утерявши его, плачутся и страдаютъ. Но при желаніи дѣло поправить не трудно: нужно отказаться отъ „ложной" цивилизаціи, подсказанной нечистой силой, предать анаѳемѣ современность и вернуться къ завѣтамъ сѣдой старины, къ тому первобытному, естественному состоянію, когда людямъ,—какъ говоритъ г. Меньшиковъ дальше—„все казалось страннымъ, загадочнымъ, нездѣшнимъ" и было „близко и доступно Начало міра". Жизнь тогда превратится въ „волшебную поэму", и только тогда человѣчество снова будетъ счастливо...

Вотъ основныя предпосылки и общій выводъ изъ книжки г. Меньшикова,—такъ сказать, голый остовъ его „Думъ о счастьѣ". И какъ видитъ читатель, г. Меньшиковъ не только не блещетъ оригинальностью, но проповѣдуетъ вещи даже слишкомъ старыя и банальныя. Уже много столѣтій, и съ каѳедры, и съ амвона раздается подобная проповѣдь, но люди почему-то упорно отворачиваются отъ своего счастья и все дальше и дальше идутъ по тому „ложному" пути, на который нѣкогда вступили. Намъ же, въ частности, соотечественникамъ г. Меньшикова, его идеи также очень хорошо знакомы.

Легенду объ Искусителѣ—источникѣ зла на землѣ мы знаемъ, можно сказать, въ совершенствѣ, знаемъ чуть ли не съ пеленокъ; а проклятія по адресу современной цивилизаціи и прогресса мы не перестаемъ и теперь выслушивать изъ устъ нашихъ проповѣдниковъ ex officio: какъ разъ въ текущемъ году особенно много перловъ краснорѣчія было истрачено на этотъ предметъ. Но, выступая съ такими примитивными взглядами на источники зла и на средства къ его искорененію, г. Меньшиковъ идетъ вмѣстѣ съ

тѣмъ дальше своихъ оффиціальныхъ собратьевъ какъ въ критикѣ современнаго общественнаго неустройства, такъ и въ обоснованіи собственныхъ идеаловъ. Онъ не догматикъ, не сторонникъ буквы; въ своихъ душеспасительныхъ бесѣдахъ онъ часто аппелируетъ къ разуму,—этому „орудію заблужденія“ и „защитнику лжи“,—и пытается даже, гдѣ это удобно, привлечь на свою сторону науку. Понятно, однако, что эта попытка отнять у современной культуры всѣ права на существованіе, наряду съ допущеніемъ выработанныхъ этой самой культурой методовъ аргументаціи, производитъ въ устахъ нашего проповѣдника комичное впечатлѣніе и необходимо должна потерпѣть фіаско: ее не можетъ спасти ни искренность г. Меньшикова, временами подкупающая, ни его поразительная словоточивость.

Человѣчество „многолюдно, образованно, могущественно и богато“, но несчастно... „Духъ скорби овладѣваетъ именно лучшими представителями человѣчества... Геній жизни разочарованъ; возникаетъ всюду страстная потребность разрѣшить загадку счастья“. И вопросы: „что такое счастье? въ чемъ оно?“—„эти затаенные вопросы снова съ неожиданною силою поднимаются въ европейскомъ обществѣ“. Такъ приступаетъ г. Меньшиковъ къ своимъ „думамъ“. Несчастія рода человѣческаго, конечно, достаточное основаніе для того, чтобы выпустить книжку о счастьѣ. Но при чемъ тутъ, однако, „европейское общество“, когда авторъ—нашъ соотечественникъ и пишетъ для насъ? Развѣ у насъ „эти затаенные вопросы“, какъ выражается г. Меньшиковъ, не поднимались задолго до него и не стоятъ давно на очереди? Можетъ быть, нашъ авторъ хочетъ указать, что въ постановкѣ этихъ вопросовъ у насъ и „въ европейскомъ обществѣ“ есть разница? Дѣйствительно, тамъ они поднимаются „снова“ и „съ неожиданной силой“,—тамъ кое что сдѣлано для ихъ разрѣшенія. „Снова“—это значитъ, объясняетъ г. Меньшиковъ, послѣ того, какъ „всѣ возможныя „права“ добыты“; ну, а у насъ вѣдь дѣло обстоитъ иначе? Но г. Меньшиковъ гнетъ совсѣмъ въ другую сторону. Онъ разсуждаетъ такъ: „всѣ возможныя права добыты“, а счастья всетаки у людей нѣтъ,—стало быть, „права“ эти никуда не годятся и добывать ихъ не стоило труда. А отсюда уже „русскому“ читателю изъ патріотовъ не трудно, при благосклонномъ участіи того же г. Меньшикова, сдѣлать и дальнѣйшій выводъ. Если современная культура, т. е. европейская—культура „ложная“, то Европа и Азія, съ точки зрѣнія „истиннаго“ или, по г. Меньшикову, „конечнаго“ прогресса, должны помѣняться мѣстами: такъ какъ путь человѣчества къ счастью идетъ назадъ и такъ какъ отъ ненужной „лжи“ легче освободиться въ томъ случаѣ, когда ея меньше, то страны съ наиболѣе отсталой культурой оказываются самыми передовыми. Нашъ публицистъ прекрасно знаетъ, что „права“, о которыхъ онъ говоритъ, „добыты“ въ Европѣ далеко не для всѣхъ,

но это нисколько его не смущаетъ. Онъ дѣлаетъ глухую оговорку: „по крайней мѣрѣ, для многихъ милліоновъ“,—и на томъ успокаивается. Но неужели же все равно, пользуются ли извѣстными благами всѣ члены общества, или только незначительное меньшинство, хотя бы и въ количествѣ „многихъ“ милліоновъ? развѣ это безразлично для проблемы счастья, и развѣ положеніе обойденнаго большинства не отражается на судьбѣ той горсти избранныхъ, о которыхъ говоритъ г. Меньшиковъ? И затѣмъ, если имѣть въ виду этихъ послѣднихъ, не къ чему было совершать поѣздки въ Европу, такъ какъ привилегированное меньшинство въ азіатскихъ странахъ пользуется фактически еще большими правами за счетъ обездоленной массы, чѣмъ въ европейскихъ. Г. Меньшикова можно еще разъ спросить, зачѣмъ онъ приплелъ Европу и зачѣмъ всуе треплетъ разныя „права“? Съ своей стороны, мы можемъ дать только одинъ отвѣтъ: для того, чтобы напугать читателей и дискредитировать въ ихъ глазахъ путь развитія, по которому идутъ передовыя страны. У человѣка есть права—божественныя, которыя не могутъ быть отняты, и всегда есть возможность быть истинно счастливымъ, потому что,—говоритъ г. Меньшиковъ,—„счастье доступно, оно близко, въ насъ самихъ“, и намъ „стоитъ захотѣть“, чтобы взять его; все же остальное, всѣ пріобрѣтенія и изобрѣтенія „ложной“ цивилизаціи,—все это пустяки, не стоющіе вниманія, которые могутъ дать лишь „ложное“ счастье или призракъ его и приносятъ человѣчеству много вреда. Посмотрите на высшіе классы современнаго общества, на этихъ „изнѣженныхъ“, „чувственныхъ“ и „пресыщенныхъ“ людей, которые „увѣсили себя позолоченными цѣпями привилегій, титуловъ, богатства“ и „отъ надменности потеряли разумъ“,—которые „изнываютъ среди роскоши и комфорта“. Эти образованные, интеллигентные (?) люди—истинные представители современной ложной или, что то же, городской культуры, основанной „только на умѣ“. Ихъ жизнь течетъ, какъ „вѣчный праздникъ“, и „нѣтъ фантастическаго желанія, каковое они не могли бы осуществить за деньги“. Но они несчастны. Всѣ-ли?—это другой вопросъ: фактъ тотъ, что г. Меньшиковъ самъ встрѣчалъ *въ этой* средѣ людей, окончившихъ жизнь самоубійствомъ. И изъ этого частнаго факта онъ дѣлаетъ тотъ общій выводъ, что городская культура не только не даетъ, но и не можетъ дать людямъ счастье,—не можетъ потому, что подрываетъ въ корнѣ „элементарныя *основы*: свободу, собственность, семью, общественность и вѣру въ Бога“. Дальше слѣдуетъ у г. Меньшикова критика современной культуры, мѣстами сильная и дѣльная, но въ общемъ слишкомъ ужъ пристрастная, аляповатая и несправедливая. Раскритиковать господствующія общественныя отношенія, конечно, очень легко, но нужно умѣть разобраться въ этихъ отношеніяхъ, выяснить ихъ природу и найти реальныя

средства къ ихъ измѣненію,—словомъ, дать читателямъ какую-нибудь перспективу. А на это г. Меньшиковъ совершенно неспособенъ. Его усилія, какъ уже сказано, направлены исключительно къ тому, чтобы дискредитировать все городское и все современное,—если хотите, даже всякую вообще культуру, какъ ее обыкновенно понимаютъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать „культурой“—„изобрѣтенія Бога, непостижимо загадочныя“, въ родѣ „развитія растенія изъ сѣмени“. И онъ съ легкимъ сердцемъ валитъ въ одну кучу явленія разнаго порядка, играетъ понятіями и перескакиваетъ съ предмета на предметъ, забывая сказанное на предыдущей страницѣ. Тенденціозность и нелогичность аргументаціи нашего автора такъ велики, что ему нисколько не помогаютъ оговорки, которыя онъ временами, потерявши чувство мѣры, оказывается вынужденнымъ вставлять въ свое изложеніе: онѣ лишь портятъ дѣло.

Обычный ходъ разсужденій г. Меньшикова таковъ.

Допустимъ, онъ хочетъ доказать, что высшіе, изнѣженные классы лишены „основного условія счастья“—любви. Доказывается это тѣмъ, что городская или „культурная жизнь, соединяя громадныя людскія массы механически, разъединяетъ маленькія естественныя психическія группы, въ которыхъ только и можетъ жить человѣкъ, разрушаетъ тѣсные семейные и родовые кружки людей, столь крѣпкіе въ прежнія времена“. Но такъ какъ рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ объ интеллигентныхъ и обезпеченныхъ классахъ общества, то авторъ нашъ, желая подчеркнуть ненужность для счастья „утонченнаго умственнаго и эстетическаго развитія“ и матеріальныхъ достатковъ, не задумывается противопоставить интеллигенціи — народъ, привилегированному меньшинству—необезпеченную массу городского населенія. Онъ говоритъ: „даже какой-нибудь бѣднякъ-сапожникъ любитъ свою грязную и изнуренную жену прачку“,—какъ будто семейное счастье этого „бѣдняка-сапожника“ не страдаетъ отъ механическаго скопленія „громадныхъ людскихъ массъ“ и прочихъ неблагопріятныхъ условій жизни большихъ городовъ. Но пусть будетъ такъ: пусть наши городскіе сапожники „насыщаютъ свои потребности любви и дружбы“, пусть будутъ въ семейной жизни примѣромъ для нашей интеллигенціи. Но вотъ, въ другомъ мѣстѣ, г. Меньшиковъ возвращается еще разъ (и не одинъ разъ) къ семьѣ и прочимъ „*основамъ* истиннаго общества“ и, желая побить городъ на всѣхъ пунктахъ, говоритъ уже не о „верхахъ культуры“, а о низахъ, о городскихъ трудящихся классахъ. „Какая же,—спрашиваетъ онъ,—у парижскаго, напр., рабочаго „семья“? Не выше, чѣмъ у обезьянъ, и даже ниже“. Что же мѣшаетъ ему „насыщать свои потребности любви и дружбы“? То ли, что онъ *парижскій* рабочій, французъ? Нѣтъ,—его экономическое положеніе, его необезпеченность, т. е. именно то

самое, что у нашего городского же „бѣдняка-сапожника“ было выставлено, какъ преимущество. Итакъ, „бѣднякъ“ въ одно и то же время и „насыщаетъ свои потребности“ и не насыщаетъ, потому что бѣдность можетъ и разрушать семью. Но развѣ же, спроситъ читатель, парижскій рабочій менѣе обезпеченъ, чѣмъ нашъ „бѣднякъ“, городской сапожникъ, и меньше его способенъ отстаивать свои матеріальные интересы? Опять таки—нѣтъ. Даже г. Меньшикову, свысока трактующему о разныхъ тамъ „правахъ“, было бы трудно доказать *это*; г. Меньшиковъ и не хлопочетъ о доказательствахъ, а просто обходитъ данное возраженіе, играя, по обыкновенію, понятіями. Свою характеристику современнаго европейскаго пролетаріата онъ ограничиваетъ въ вопросѣ о семьѣ нѣсколькими прочувствованными строками, въ которыхъ описываются мрачные и гнусные подвалы, „гдѣ ютится „голь“,—т. е. вмѣсто заправскихъ парижскихъ рабочихъ подсовываетъ читателямъ парижскихъ *нищихъ*! Смысла въ подобныхъ разсужденіяхъ, конечно, мало, и уяснить они ничего не могутъ: вмѣсто фактовъ и логики тутъ краснорѣчіе и внушеніе. За то словъ у г. Меньшикова много,—такъ много словъ, что иной читатель, пожалуй, не разберется во всей этой словесной шумихѣ, устанетъ слѣдить за прихотливымъ полетомъ мысли автора и безпрепятственно отдастся внушенію основного припѣва,—своего рода лейтъ-мотива, неизмѣнно гласящаго: анаѳема современной культурѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ, со всѣми ея стремленіями и надеждами!

Остановимся еще немного на „верхахъ культуры“ или образованныхъ классахъ общества. Читатель уже замѣтилъ, что, говоря объ этихъ истинныхъ представителяхъ современной культуры, г. Меньшиковъ имѣетъ въ виду исключительно однихъ паразитовъ, дальше которыхъ, будто бы, „ложная“ цивилизація не пошла. Онъ такъ и называетъ „нашу интеллигенцію“—„приживалкой“, которая „готова, кажется, пожертвовать „до послѣдней капли крови“... отечествомъ ради своихъ интересовъ“. „Отдѣльныя, блестящія исключенія, конечно, есть, но я говорю,—продолжаетъ нашъ авторъ,—о средней интеллигентной массѣ“. У нея „гражданскіе инстинкты совсѣмъ слабы; ихъ свойства—самопожертвованіе, мужество, достоинство—почти вымерли среди интеллигенціи. Клянчить о подачкахъ—вотъ и вся наша „гражданственность“. Ничтожные и негодные людишки, о которыхъ говоритъ г. Меньшиковъ, должны, конечно, пойти на смарку вмѣстѣ съ культурой, представителями которой онъ ихъ считаетъ. Какъ же это произойдетъ? Нашъ философъ даетъ и программу „единственнаго“, по его мнѣнію, исхода. Онъ взываетъ къ милосердію „богача, пирующаго во дворцѣ“, которому все равно „придется рано или поздно или убить себя, или спуститься къ бѣдному Лазарю, раздѣлить съ нимъ жизнь“; онъ совѣтуетъ „верхамъ

культуры“ растворить свой эгоизмъ „въ океанѣ состраданія“ и приглашаетъ ихъ „въ міръ обездоленнаго человѣчества“. Онъ говоритъ имъ: „пойдите въ міръ униженныхъ и оскорбленныхъ, въ міръ простыхъ и чистыхъ сердцемъ—и вы будете спасены отъ самаго безутѣшнаго отчаянія“. Но позвольте, г. Меньшиковъ. Прежде всего ваши паразиты вовсе не предаются „безутѣшному отчаянію“, а преспокойно сосутъ кровь и копятъ деньгу: вѣдь „отдѣльныя, блестящія исключенія“ въ счетъ не идутъ. А затѣмъ... стоитъ ли метать бисеръ и тратить столько паѳоса на вѣтеръ? Вѣдь не послушаютъ васъ эти „рабы лукавые“—какъ бы вамъ того ни хотѣлось—и не „возвратятъ народу ввѣренные имъ таланты“? Вы восклицаете: „неужели же навѣки установилось неравенство между народомъ и образованными классами“? Это плохая аргументація. Можетъ быть, и не „навѣки“,—но только не въ милосердіи богачей лежитъ ключъ къ устраненію соціальнаго неравенства.

Мы познакомились съ важнѣйшей стороной поученій г. Меньшикова, съ его практической программой. Къ сожалѣнію, однако, и въ этомъ важномъ вопросѣ его мысль не можетъ сохранить устойчивое равновѣсіе, и тутъ онъ, наговоривъ много наивнаго вздора, спѣшитъ оговориться, т. е. отнять у своихъ разсужденій всякій логическій смыслъ. Если спросить у автора, вѣритъ ли онъ самъ въ то, о чемъ проповѣдуетъ, онъ отвѣтитъ: „Я не вѣрю, конечно, чтобы вся масса... и т. д... Но есть же, хоть и не много, людей.. Есть же добрые, есть честные, есть чистые среди интеллигенціи, которые тоскуютъ о народѣ и жаждутъ освѣженія жизни. Вотъ для нихъ этотъ исходъ возможенъ: вѣдь онъ такъ легокъ“!

Въ этихъ строкахъ г. Меньшиковъ обращается уже къ „отдѣльнымъ исключеніямъ“, съ которыми, однако, позабылъ познакомить читателей раньше и о которыхъ, въ виду ихъ малочисленности, полагалъ излишнимъ распространяться въ характеристикѣ современной интеллигенціи. Мы такъ и не знаемъ въ точности, о комъ именно говоритъ здѣсь авторъ; но заговорилъ онъ объ этихъ исключеніяхъ совершенно некстати. Не для нихъ писалъ онъ свою книжку и не для нихъ расточалъ перлы своего краснорѣчія. Мы можемъ удостовѣрить, что на всемъ протяженіи своихъ нравоучительныхъ бесѣдъ, авторъ имѣетъ въ виду испорченные ложной культурой высшіе классы общества, т. е. тѣхъ именно „богачей“-паразитовъ, о которыхъ была рѣчь выше и которыхъ онъ, нашъ увлекающійся проповѣдникъ, то пугаетъ безутѣшнымъ отчаяніемъ и смертью, то соблазняетъ перспективой истиннаго счастья на лонѣ природы, вдали отъ искушеній дьявола, въ объятіяхъ „полудикихъ, но все же родныхъ братьевъ.“ Оно и понятно. Человѣкъ, который „тоскуетъ о народѣ“ и задыхается въ условіяхъ паразитическаго существованія,—такой человѣкъ не хуже г. Меньшикова понимаетъ отрицательныя стороны совре-

менной культуры, не нуждается въ его поученіяхъ и не будетъ ожидать отъ него приглашенія „возвратить народу ввѣренные таланты“. Г. Меньшиковъ „думаетъ“, что „этотъ исходъ уже начался“—и, по обыкновенію, открываетъ Америку. Не только „начался“, но имѣетъ свою исторію, успѣлъ уже за десятки лѣтъ кое чему научить и не разъ измѣнялъ свою форму. Много „добрыхъ, честныхъ и чистыхъ“ неизмѣнно идетъ къ своимъ „братьямъ“, „униженнымъ и оскорбленнымъ“... Знаетъ ли ихъ г. Меньшиковъ? Если нѣтъ—пускай познакомится. Отъ нихъ онъ узнаетъ, насколько „этотъ исходъ возможенъ“ и „легокъ“ въ условіяхъ русской дѣйствительности, и какихъ онъ требуетъ огромныхъ жертвъ,—и тогда, быть можетъ, кое-чего устыдится...

Оставимъ теперь городъ, въ которомъ послѣ критики г. Меньшикова не осталось камня на камнѣ, и пойдемъ въ деревню, куда нашъ авторъ приглашаетъ горожанъ переселяться. Правда, „все лучшее идетъ изъ деревни и назадъ не возвращается“, и тѣснота тамъ такая, что не только лучшіе, а всякіе вообще поселяне бѣгутъ оттуда безъ оглядки. Но не будемъ обращать на это вниманія,—потому что „истощеніе деревни долго длиться не можетъ“, земельный же вопросъ такъ неваженъ, что не стоитъ даже разсуждать о томъ, какъ раздобыть землицы: бѣгутъ оттуда по недоразумѣнію, бѣгутъ отъ своего счастья. Деревня и городъ въ изображеніи г. Меньшикова относятся другъ къ другу, какъ естественное къ искусственному, какъ доброе начало къ злому, какъ предуказанное Богомъ къ наущенію дьявола. И насколько строгъ и нетерпимъ авторъ къ городу, настолько же снисходительно и любовно онъ описываетъ деревню, ея культуру и населеніе, смѣшивая въ одну кучу правду и небылицы и преклоняясь передъ какой угодно дичью, лишь бы она была *естественной*. Онъ поетъ восторженный гимнъ деревнѣ и сочиняетъ въ общемъ что-то до такой степени приторно-сладкое, что иногда, право, совѣстно становится передъ сельскимъ обывателемъ и конфузно за автора, ползающаго на четвереñкахъ. Ради экономіи мѣста, мы ограничимся сказаннымъ и не будемъ соблазнять читателя перспективами идиллическаго деревенскаго житья-бытья. И читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ за это. Очарованному труднѣе и больнѣе разочаровываться, а г. Меньшиковъ, вѣдь, все равно насъ разочаруетъ и самъ себя объявитъ празднымъ болтуномъ. Увы!—деревня, въ которую онъ такъ настойчиво зоветъ насъ, существуетъ лишь въ его собственномъ пылкомъ воображеніи. „Я говорю,—признается г. Меньшиковъ,—не о современной русской деревнѣ: она далека, конечно, отъ истинной живой культуры.“ Но почему же? Она достаточно прегрессировала? Нѣтъ—наоборотъ. Нынѣшняя деревня вступила на путь „безконечнаго развитія“ или „ложнаго прогресса“, который „отрицаетъ одно изъ основныхъ свойствъ Бога—неизмѣнность“, и слишкомъ далеко ушла

отъ патріархальныхъ „библейскихъ временъ". Поэтому, „развѣ только въ глуши, гдѣ-нибудь въ раскольничьихъ селахъ" или „въ дальнихъ лѣсныхъ поселкахъ" можно еще встрѣтить нѣкоторое подобіе „истинной, живой культуры". Мы приближаемся, такимъ образомъ, къ идеалу г. Меньшикова и дошли до глухихъ раскольничьихъ дебрей, застывшихъ на точкѣ замерзанія, по формулѣ истиннаго „конечнаго" прогресса. Но это еще не идеалъ: идеалъ лежитъ много дальше. „Не только тѣло, а и самый духъ человѣка вполнѣ (!) сложился до начала исторіи", и „нѣтъ сомнѣнія, что въ самыхъ нѣдрахъ природы, на зарѣ образованности, человѣкъ иногда во всѣхъ отношеніяхъ достигалъ совершенства: и въ физическомъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ". Тогда, до начала исторіи, „слагалась высокая и *умственная* и *нравственная культура*, дававшая здоровое, неотравленное счастье". Люди были тогда „безпорочны" и „обладали чуткою интеллигентною (!!) душою"; они были „свободны, беззаботны и великодушны, ихъ взаимность слагалась въ союзы братства и нѣжнаго береженія всѣми всѣхъ (!!!)". „Если же на лонѣ природы и встрѣчаются жалкіе дикари, то вопреки, ходячему взгляду, это породы не первобытныя, а выродившіяся... Первозданный типъ—это варваръ..." Ахъ, г. Меньшиковъ, куда вы насъ ведете за счастьемъ! Хватитъ ли силъ нашихъ?..

Итакъ, современную русскую деревню надлежитъ передѣлать, обратить ее сначала въ древній раскольничій скитъ, а затѣмъ уже въ кочевье „первозданныхъ" варваровъ, населявшихъ землю „до начала исторіи". Въ деревнѣ къ тому же не трудно „выпрямлять" людей и „прививать извѣстныя настроенія", т. е. „легко воспитать нужную породу людей". Бѣда только въ томъ, что доисторическихъ людей теперь нѣтъ и работу созиданія „нужной породы" должны взять на себя мы, современные культурные люди. А мы объ этой допотопной породѣ имѣемъ слишкомъ смутное представленіе... Да и г. Меньшикову мы не вѣримъ: онъ, какъ ужъ какой-нибудь, сейчасъ увильнетъ въ сторону, и тогда останешься, пожалуй, въ дуракахъ. Какъ ни примитивенъ нашъ несравненный проповѣдникъ застоя, но и онъ не въ состояніи долго удержаться на высотѣ истинно-варварскаго міровоззрѣнія. А вѣдь какъ бы ему этого хотѣлось! Строки, посвященныя доисторическимъ людямъ, до того трогательны, полны такой плѣнительной поэзіи, что способны, кажется, расшевелить самое холодное сердце! И всетаки безъ оговорки онъ не можетъ обойтись. Въ *его* деревнѣ, оказывается, вы встрѣтите магазины, книги, микроскопы и прочіе приборы, купленные за деньги; въ ней допускаются мягкіе диваны, газъ, водопроводъ, телеграфъ, телефонъ и электрическое освѣщеніе, т. е. „все, что въ городѣ есть цѣннаго"; лицамъ же, отправляющимся создавать на лонѣ природы первобытныхъ людей и насаждать

варварскую „истинную культуру“, рекомендуется брать примѣръ съ „нѣмецкихъ, голландскихъ и швейцарскихъ деревень“, подверженныхъ тлетворнымъ городскимъ воздѣйствіямъ!.. Какъ же г. Меньшиковъ не понимаетъ, что, не вступи человѣчество на путь „ложнаго“ прогресса, не было бы и этихъ „цѣнныхъ“ вещей? Затѣмъ, если у современной культуры предлагается кое что позаимствовать, если у нея есть положительныя пріобрѣтенія, то не слѣдуетъ ли отсюда, что въ огульное отрицаніе ея нужно внести существенныя поправки? И развѣ эти пріобрѣтенія—при желаніи авторъ могъ бы найти ихъ много—развѣ они не могли бы послужить основаніемъ для преобразованія не только деревни, но и города? Г. Меньшиковъ формулируетъ свою оговорку такъ: „поворотъ къ старой, истинной, *деревенской цивилизаціи*,—конечно,—съ новымъ содержаніемъ ея, но на древнихъ началахъ, которыя даны отъ вѣка“. Это довольно туманная формула, не уясняющая ни границы между „старымъ“ и „новымъ“, ни отличія „началъ“ отъ „содержанія“. Но мы спросимъ, гдѣ гарантія въ томъ, что заимствованіе новаго содержанія, т. е. пріобрѣтеній, связанныхъ съ „ложнымъ“ прогрессомъ, не подорветъ „данныхъ отъ вѣка началъ“,—какъ то и наблюдалось въ исторіи? А если такой гарантіи нѣтъ, то не ясно ли, наконецъ, что нужно, отвергая современную культуру, не поворачиваться къ ней спиною, а превзойти, побѣдить ее ея же собственнымъ оружіемъ, призвавъ на помощь всѣ таящіеся въ ея нѣдрахъ элементы новыхъ общественныхъ отношеній?..

Но этого мало. Чтобы показать, какую логическую безсмыслицу преподноситъ своимъ читателямъ нашъ наивный сочинитель реакціонныхъ утопій, приведемъ еще одинъ примѣръ изъ главы о „Прогрессѣ“. Внушивъ читателямъ, что „западная культура — торгашеская, хищная, помѣшанная на наживѣ—подтачиваетъ основы вѣчнаго порядка жизни“ и ведетъ къ „вырожденію цѣлыхъ классовъ общества“, г. Меньшиковъ ополчается затѣмъ на „теорію вѣчнаго развитія, прогресса, эволюціи“, существующую „для оправданія ложной цивилизаціи“. И вотъ, въ числѣ аргументовъ, ниспровергающихъ „теорію прогресса“, у него, помимо ссылокъ на „основное свойство Бога—неизмѣнность“ и т. п., фигурируютъ между прочимъ „примѣры загубленныхъ лѣтъ и цѣлыхъ столѣтій въ жизни народовъ, слѣдующихъ теоріи прогресса“. Такова „хотя бы наша сосѣдка, Персія“. Это—„огромная благословенная Богомъ страна съ неисчерпаемыми естественными богатствами“, съ населеніемъ „талантливымъ и сильнымъ“. Но что же, спрашивается, „держитъ благодатный край въ его жалкомъ упадкѣ?“ „Упадокъ понятенъ для тѣхъ, кто знаетъ порчу персидскихъ нравовъ, въ особенности—верхнихъ слоевъ, держащихъ свое отечество точно покоренную страну и немилосердно выжимающихъ изъ нея всѣ соки. Народное тѣло живетъ еще, но не ростетъ и

чахнетъ, какъ организмъ, въ который внѣдрились паразиты"... Итакъ, Персія, восточная деспотія, классическій образчикъ культурно-*отсталыхъ* странъ,— въ которыхъ, кстати, наряду съ „верхними слоями", выжимающими изъ народа соки, скорѣе всего можно встрѣтить и первобытныя деревни, подобныя „раскольничьимъ селамъ" съ имъ патріархальнымъ и плѣнительнымъ укладомъ,—Персія „слѣдуетъ теоріи прогресса" и потому погибаетъ! Но... „стоитъ придти англичанамъ, стоитъ удалить паразитовъ и ввести здоровые порядки, какъ Персія воспрянетъ и начнетъ развиваться"... Иначе говоря, гнилой Западъ, еще дальше ушедшій по ложному пути прогресса, оказываетъ на Востокъ „возрождающее вліяніе", и западная культура, по существу нездоровая, „подтачивающая основы вѣчнаго порядка жизни" и ведущая „къ вырожденію цѣлыхъ классовъ общества", дастъ Персіи „здоровые порядки" и спасетъ отъ погибели! Понимаете ли вы тутъ что нибудь? Право, если бы не репутація наивнаго человѣка, утвердившаяся за г. Меньшиковымъ, можно было бы подумать, что онъ смѣется надъ своими читателями. Но г. Меньшиковъ разсуждаетъ серьезно,—смѣяться же приходится читателямъ. Не всегда, впрочемъ, смѣяться. Иногда этотъ любитель застоя, полемизирующій съ „прогрессистами", уже не смѣшитъ, а возмущаетъ. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Всякому народу и во всякое время необходимы гуманные порядки, просвѣщеніе, свобода и т. п., и все это необходимо не въ низшей, не въ средней, *а въ полной мѣрѣ*, какъ чистый воздухъ для груди"... Но не подумайте, что требованія „гуманныхъ порядковъ, просвѣщенія, свободы", необходимыхъ людямъ „какъ чистый воздухъ" и составляющихъ „самыя важныя условія счастья", занимаютъ въ книгѣ о счастьѣ подобающее имъ важное мѣсто. Нѣтъ. „Все это" проходитъ какъ то мимо читателя, лежитъ гдѣ-то подъ спудомъ,— не то само собою разумѣется, не то вовсе игнорируется. О „самыхъ важныхъ условіяхъ счастья" г. Меньшиковъ упоминаетъ только въ полемической выходкѣ, стараясь увѣрить читателей, что если бы онъ „попробовалъ заявить объ этомъ", то „сейчасъ же хоръ прогрессистовъ" отвѣтилъ бы ему: „мы еще не созрѣли! Нужны постепенныя стадіи развитія... Подождите, все придетъ въ свое время".

Какіе же это прогрессисты, г. Меньшиковъ, просили *васъ* „подождать" и считали *ваши* требованія неумѣренными и несвоевременными? И какъ это прогрессисты могутъ разсуждать такъ, „какъ разсуждали прежде о крѣпостномъ правѣ, задержавъ его отмѣну на цѣлое столѣтіе", если лозунгъ прогресса—„впередъ!" и если этотъ лозунгъ „сдѣлался idée fixe нашей эпохи"? Оказывается, что задерживаютъ отмѣну устарѣлыхъ и вредныхъ институтовъ прогрессисты, приглашающіе идти „впередъ", а не задопяты, подобные г. Меньшикову, которые говорятъ: „остановитесь

и осмотритесь, одумайтесь, разглядите дорогу и вспомните, куда вамъ нужно идти, *да и нужно ли* (курсивъ нашъ)"! Очень наивно, конечно, но не только наивностью пахнетъ эта вольная передача заявленій „хора прогрессистовъ": получается что то ужъ очень похожее на клевету. И намъ кажется, что г. Меньшикову, желающему „спасать душу" и „бороться съ дьяволомъ", не мѣшало бы серьезно подумать о распущенности своего языка.

Пора, однако, кончать,—всѣхъ „цумъ" г. Меньшикова все равно не переберешь. Мы видѣли, что авторъ въ своей книжкѣ настоятельно рекомендуетъ образованнымъ классамъ идти въ народъ, а всѣхъ вообще горожанъ, интеллигенцію и народъ, посылаетъ искать счастья въ деревню. Но читатель вправѣ спросить: что же дѣлать тѣмъ „несчастнымъ", которые живутъ въ нашихъ деревняхъ? Какъ ни восторгается г. Меньшиковъ укладомъ деревенской жизни, — эта жизнь вѣдь хороша у насъ только въ возможности, только издали. Всякій знаетъ, что именно тамъ, въ деревнѣ, больше всего „униженныхъ и оскорбленныхъ", нуждающихся въ „милосердіи богачей", и что горе-злосчастье не переводится въ деревнѣ, свило себѣ тамъ прочное гнѣздо. Поэтому и запросы на счастье въ деревнѣ велики и особенно обильны. Какія же практическія указанія найдутъ для себя въ книжкѣ г. Меньшикова массы деревенскихъ несчастливцевъ? Они, конечно, „каждую минуту могутъ пасть на землю, какъ во храмѣ, предъ голубою сверкающею вѣчностью и вознестись душою къ Господу",— но этого имъ мало: они ѣсть хотятъ. Какое ужъ это счастье съ пустымъ желудкомъ, хотя бы и „припавъ къ землѣ"! А г. Меньшиковъ, вмѣсто хлѣба, кормитъ ихъ жалкими словами. Расхваливаетъ онъ деревенскій „народъ" черезчуръ усердно, даже черезъ край; но занятый городскими богачами, слишкомъ мало удѣляетъ вниманія горю деревенскаго бѣдняка. Что скажетъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ послѣдній, когда прочтетъ совѣтъ „слиться съ природой, довольствоваться малымъ, не насиловать себя и жить играючи, наслаждаясь красотою міра"? Или когда узнаетъ, что „въ жизни, какъ иногда въ математической выкладкѣ, полезно бываетъ предположить, что „задача рѣшена", и что онъ, имя рекъ, „уже счастливъ"? Мы думаемъ, что такой читатель съ негодованіемъ отброситъ книжку г. Меньшикова, какъ ненужный хламъ, какъ праздное кабинетное измышленіе. И будетъ правъ...

Ал. Потаповъ.

Новыя книги.

Т. Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. М. 1901.

„Прекрасной фантазіей" и „даромъ волшебныхъ пѣсенъ", льющихся съ „живою гармоніей", и „пламенною силой" надѣлила судьба г-жу Щепкину-Куперникъ... по крайней мѣрѣ, по увѣренію самого автора. Чего-чего, а ужъ „нѣжности музыкальной фразы" и „трепета пламенной мечты" ей не занимать стать. „И за мои фантазіи и сказки какъ заплатили мнѣ твои уста!"—обращается поэтесса къ возлюбленному: „За поцѣлуй—чистѣйшій жаръ сонета, за трепетъ сердца—трепетъ рифмъ моихъ"! Немного странный гонораръ, читатель, не правда ли? Но, конечно, такой обмѣнъ есть дѣло вступающихъ въ соглашеніе сторонъ, и третьему человѣку тутъ нечего, собственно, дѣлать. Но, вотъ, въ другомъ стихотвореніи той же книги читаемъ:

Открою я ларецъ свой драгоцѣнный
И звонкихъ рифмъ разсыплю жемчуга,
И пусть они звенятъ *по всей вселенной*,
Какъ мнѣ твоя улыбка дорога!

Такъ какъ мы и себя считаемъ маленькой частицей вселенной, то здѣсь, какъ-будто, ужъ и насъ дѣло касается. Мы приглашаемся слушать звонъ „жемчуговъ", а, слѣдовательно, имѣемъ право и сдѣлать имъ собственную расцѣнку...

„Живая гармонія" стиха, „нѣжность музыкальной фразы"... Превосходно, но спрашивается: зачѣмъ же при этомъ пренебреженіе къ самымъ элементарнымъ правиламъ и законамъ родного языка? Г-жа Щ.-К., напр., пишетъ:

То—ожиданіе, рой будущаго тѣней,
Туда *придущихъ* сновъ, тамъ *прозвучащихъ* словъ.

Любопытно бы узнать, согласно какой грамматикѣ произведены эти причастія будущаго времени?.. „И *безъ тебя* принадлежишь *ты* мнѣ", пишетъ наша поэтесса въ другомъ мѣстѣ, должно быть, завидуя славѣ г-жи Лохвицкой, которой принадлежитъ безсмертное „двѣ меня"... „*Ей* потемнѣло все вокругъ"; „*Подъ взорэмъ* бабушки играютъ ребятишки"; „*Помни*,—въ день, когда яркое солнце цѣлый міръ озаритъ изъ-за тучъ,—*что*..."—подобные перлы въ щедромъ изобиліи украшаютъ „Мои стихи". По мнѣнію автора, сердце можно „держать рукой", чтобъ оно не выскочило изъ груди; ему кажется также, что стихотворная форма допускаетъ: „съ бьеньемъ сердца", „тѣнистый", „нѐдугъ", „окòнъ"

и т. п. Встрѣчаются также стихи: „Грудь мою придавитъ мраморъ *бѣлой тяжестью* своей“,—сочетаніе словъ, которому могъ бы позавидовать и г. Бальмонтъ съ комп.

Но, разумѣется, это чисто-внѣшніе недостатки, и мы торопимся перейти къ тому, что сама поэтесса называетъ „трепетомъ пламенной мечты“. Увы! пламени-то прежде всего и нѣтъ въ этой холодной и—sit venia verbo—прѣсной поэзіи... Въ самомъ дѣлѣ, не вѣетъ ли на васъ холодомъ, читатель, отъ такихъ, напр., стиховъ, обращенныхъ къ родинѣ:

Моя смиренная печальница Россія!
Вы, рощи тихія, *вы*, сосны вѣковыя,
Вы, изумрудные ковры лѣсныхъ полянъ,
Ты, утра ранняго серебряный туманъ,
Вы, рѣки свѣтлыя и золотыя нивы,
О, какъ вы хороши!..

Или:

Кто слезы лилъ, кто клялъ нужду,
О, въ наступающемъ году
Тѣхъ съ новымъ счастьемъ!

Чувствуя пристрастіе къ гражданскимъ мотивамъ, г-жа Щ.-К. тщится идти по слѣдамъ Некрасова. Стремленіе, заслуживающее всякихъ похвалъ; но въ то время, какъ стихи знаменитаго «печальника горя народнаго“ согрѣты вездѣ истиннымъ чувствомъ, звучатъ искреннимъ паѳосомъ любви и гнѣва, у его современной ученицы, къ сожалѣнію, одна лишь холодная декламація... Намъ преподносятся цѣлыя газетныя передовицы въ стихахъ:

Бояться мы должны не грознаго возстанья,
Не хитростей подпольныхъ, не враговъ:
Бояться мы должны тяжелаго незнанья
И вѣчнаго невѣжества оковъ.
Не противленья власти и законамъ,
Не смѣлыхъ подвиговъ должны бояться мы—
Но равнодушія къ людскимъ слезамъ и стонамъ,
Но прозябанья въ царствѣ мрачной тьмы.
Невѣжество—вотъ врагъ непобѣдимый,
Чтó родину лишаетъ лучшихъ силъ, и т. д.

Послѣ написанной полвѣка назадъ „Убогой и нарядной“ Некрасова вотъ какими вялыми и безцвѣтными стихами изображаетъ г-жа Щ.-К. ужасную долю женщины, гибнущей въ вертепахъ порока:

Она идетъ въ радушный тотъ пріютъ,
Откуда нѣтъ спасенья и возврата,
Въ разсадники законнаго разврата,
Гдѣ тысячи ея (?) подобныхъ ждутъ.
Тамъ шумъ и хохотъ дикаго похмелья,
Продажныхъ ласкъ несущій гибель ядъ.

И эта прѣсная іеремиада занимаетъ *24 стиха*, которые безсильно топчутся на одномъ мѣстѣ и сами себя повторяютъ:

Ихъ сотни тамъ, въ притонахъ преступленья,
Ихъ тысячи!..

Еще черезъ 10 стиховъ можно бы было сказать: „Десятки тысячъ ихъ и сотни тысячъ тамъ!“—но развѣ это тронуло бы чье-либо сердце?.. Врядъ-ли заслуживаютъ названіе поэзіи и такія, напр., вирши:

О мѣстѣ нечего ужъ было и мечтать.
Платить хозяину во что бы то ни стало;
Сверхъ этого ему на хлѣбъ едва хватало,
А часто и того не успѣвалъ достать.

Въ области „чистой“ лирики г-жа Щ.-К. не идетъ дальше избитаго шаблона: если первый куплетъ стихотворенія начинается словами „*безъ луны* небеса не ясны“, а второй—„*безъ цвѣтовъ* нѣтъ душистой весны“, то вы, и не заглядывая въ третій, уже знаете, что тамъ будетъ—„*безъ любви*“... А когда авторъ восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Я хочу быть свободной, свободной“, „Я умру, я умру безъ свободы!“—вы сразу чувствуете, что это только красивая фраза, взятая напрокатъ у нашихъ поэтессъ декадентскаго толка. Встрѣчаются стишки и совсѣмъ даже писарского пошиба:

Въ одни глаза я влюблена,
Я упиваюсь ихъ игрою.
Какъ хороша ихъ глубина...
Но чьи они—я не открою! и т. д.

Абсолютно ли, однако, лишена г-жа Щ.-К. поэтическаго дарованія? Отнюдь нѣтъ. Правда, рѣдко, но ей удаются все же и красивыя, сильныя вещи. Выдается въ этомъ отношеніи стихотвореніе „Неурожай“:

Истощена земля, не въ силахъ хлѣба дать.
Напрасно къ небу шлютъ моленья люди.
Несчастная примолкла, точно мать,
Которая боится зарыдать,
Держа ребенка у иссохшей груди.
А онъ—виновный безъ вины—
Страдаетъ, плачетъ онъ, не зная,
За что его караетъ грудь родная...
Такъ плачетъ и народъ моей страны.
Съ отчаяньемъ его рыданьямъ внемлю...
Повсюду слезы, слезы... Сколько ихъ!
Но, видно, мало слезъ людскихъ,
Чтобъ напоить сухую землю!

Правда, и это маленькое стихотвореніе не строго выдержано (можно бы было отмѣтить 2—3 вялыхъ или лишнихъ стиха), но отъ основного образа вѣетъ красотой и сердечностью. Другихъ такихъ же стихотвореній въ книжкѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ (хотя недурны, напр., „Куранты“, „На кладбищѣ“, „Сказка луннаго

луча"), и характерной чертой поэзіи г-жи Щ.-К. остается не задѣвающая за живое декламація. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, не смотря на пристрастіе къ гражданскимъ темамъ, міровоззрѣніе нашей поэтессы не можетъ быть названо широкимъ; общественные идеалы ея не выходятъ за черту филантропическаго сантиментализма.

Все просто, ясно все! Прочь міръ кошмаровъ смутный!
И тайный голосъ мнѣ твердитъ:—Живи, живи!
Люби свой милый трудъ, свой уголокъ уютный,
Ни счастья яркаго, ни тайны не зови.
Но все (?) люби кругомъ; въ покоѣ повседневномъ
Всѣхъ, кто придетъ къ тебѣ съ отчаяньемъ душевнымъ,
Съ тоскою горькихъ слезъ—посильно облегчи,
И въ этомъ ты найдешь поэзіи лучи.

Завидная, по-истинѣ, доля! Есть у человѣка „милый" трудъ, есть и „уютный" уголокъ; наслаждаясь „повседневнымъ покоемъ", онъ „посильно" облегчаетъ приходящихъ къ нему (sic!) несчастныхъ и обиженныхъ и... въ этомъ занятіи находитъ „поэзіи лучи"! Добрый паинька-мальчикъ или паинька-дѣвочка за свою доброту получаютъ каждый разъ конфетку! Мы думаемъ только, что поэзія, воспѣвающая такое счастье, есть не болѣе какъ сладкая розовая водица...

Вторая половина сборника состоитъ изъ разсказовъ въ стихахъ,—это излюбленный г-жей Щ.-К. родъ поэзіи. Но и какъ эпическій поэтъ, она представляется намъ въ томъ же освѣщеніи. Въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ („Пѣсенка дровъ") старому, одинокому богачу горящія въ каминѣ дрова напѣваютъ разнаго рода упреки: даромъ прожилъ онъ жизнь... никого и никогда не обогрѣлъ... Старикъ выходитъ тогда на улицу и, встрѣтивъ двухъ нищихъ малютокъ, заводитъ ихъ въ трактиръ, гдѣ и угощаетъ сытнымъ ужиномъ. Когда дѣти собираются послѣ того снова исчезнуть въ холодѣ и мракѣ столичнаго омута, онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ.

«Да мы... пожалуй, что жъ... Чуръ, только насъ не бить!»
— Нѣтъ, нѣтъ... Придется вамъ другому научиться...
«Чему же? Я готовъ... Съ ней (указывая на сестренку) не пришлось бы биться!»
— Нѣтъ... научу я васъ... «Чему?»—Меня любить!..

Эффектъ во вкусѣ идиллій Виктора Гюго. Но г-жа Щ.-К. не умѣетъ быть краткой и размазываетъ свой скромный сюжетъ на 270 строчекъ, недостаточно яркихъ и мѣстами прозаичныхъ.

Мелодрамой отдаетъ отъ другихъ разсказовъ. Женщину-врача призываютъ къ больному ребенку. Опытный глазъ сразу подсказываетъ ей, что единственнымъ спасеніемъ можетъ быть немедленная операція. Мать на все согласна; она молитъ, плачетъ, цѣлуетъ доктору руки... Вдругъ приходитъ отецъ, и женщина, въ рукахъ которой находится теперь жизнь его ребенка, узнаетъ въ

немъ человѣка, разбившаго нѣкогда ея счастье, обманувшаго ея любовь. „Да, да, пришла расплата! Я накажу его спокойно, какъ палачъ, уйду!“—Но вотъ раздался дѣтскій плачъ...

И, мать несчастную съ колѣнъ приподнимая,
Вся краскою стыда и боли залитая,
Она промолвила: «Не бойтесь ничего (?),
Ребенокъ будетъ живъ, я вамъ спасу его».

Или вотъ, напр.,—„Христосъ“. Въ пасхальную ночь крестьяне избиваютъ до полусмерти пойманнаго конокрада. Стоны его услыхала слѣпая, выжившая изъ ума старуха и приняла за стоны замученнаго врагами Христа. Съ помощью своей дочери и ея жениха она перенесла избитаго конокрада въ свою избушку, и когда на другой день несчастный, придя въ себя, узналъ, за кого былъ принятъ, то

... озвѣрѣлый волкъ заплакалъ, какъ дитя,
И въ свѣтѣ неземномъ и въ славѣ небывалой
Христосъ, Христосъ воскресъ въ душѣ его усталой!

Такъ же „нравоучительны и чинны“ остальные разсказы, и при этомъ всѣ они—длинны, длинны, длинны!..

Джонъ Рескинъ. Современные художники. Переводъ П. С. Когана. Москва, 1901.

Первый томъ перваго труда знаменитаго англійскаго критика и общественнаго дѣятеля посвященъ общимъ принципамъ художественнаго изображенія природы. Въ связи съ изученіемъ произведеній Тернера, великаго пейзажиста, предъ искусствомъ котораго онъ преклонялся, Рескинъ даетъ здѣсь удивительный по глубинѣ и чуткости анализъ явленій внѣшней природы, поскольку это касается ея воплощенія въ формахъ и краскахъ. Тѣмъ, кто, привыкнувъ видѣть въ искусствѣ исключительно изображеніе и обсужденіе человѣческихъ интересовъ, не находитъ въ этой эстетической системѣ мѣста изображенію равнодушной природы съ ея вѣчной красотой,— тѣмъ книга Рескина дастъ много поучительныхъ указаній и разрѣшитъ не одно кажущееся противорѣчіе. Насъ отдѣляетъ почти шестьдесятъ лѣтъ отъ появленія этой книги въ оригиналѣ, а, между тѣмъ, мысли, высказанныя въ ней, свѣжи и современны, и если иногда кажутся намъ извѣстными, то лишь потому, что мы узнаемъ ихъ изъ иного, позднѣйшаго источника. Важнѣйшія изъ этихъ мыслей нельзя считать общимъ достояніемъ даже такъ называемой образованной публики, хотя ихъ повторяли многіе не только выдающіеся, но и популярные теоретики,— напримѣръ Гюйо. Укажемъ для поясненія хотя бы на ту мысль, развитію которой посвящена глава, озаглавленная: „Невоспитан-

ное чувство не можетъ разсмотрѣть правды природы". До сихъ поръ не всѣмъ ясно, что художественное изображеніе природы есть мышленіе о ней, что художникъ учитъ насъ смотрѣть на природу, что онъ видитъ въ ней не только ту красоту, но и ту правду, которой до него мы не видимъ, что почувствовавъ и сказавъ—„какой красивый видъ" или „какое типичное лицо", мы совершили актъ художественнаго творчества. Сотни примѣровъ того, какъ мы просто не видимъ множества элементарнѣйшихъ явленій природы и какъ ихъ поэтому ложно изображаютъ тѣ, кого мы считаемъ мастерами этого дѣла, разсѣяны въ книгѣ Рескина. Удивленіе и уваженіе возбуждаетъ это безконечное любовное вниманіе къ жизни природы, столь самозабвенное и столь плодотворное. Не эстетическимъ критикомъ является здѣсь Рескинъ, не о красотѣ судитъ онъ съ высоты признаннаго и окаменѣлаго канона красоты. Эта книга есть настоящая школа высокаго художественнаго реализма—того, который жадно ищетъ правды изображенія не ради нея самой, но ради того, что, являясь наградой за это самоотверженное исканіе, сквозитъ изъ-за нея — школа того художественнаго реализма, который дается лишь нравственнымъ идеализмомъ.

Жоржъ Пелисье. Критическіе этюды современной литературы. Вторая серія. Москва, 1901.

Въ той группѣ современныхъ французскихъ критиковъ, произведеніямъ которой часто даютъ названіе „профессорской критики",—Пелисье, быть можетъ, не самый интересный—въ этомъ онъ положительно уступаетъ Фагэ,—но, несомнѣнно, самый симпатичный. Въ его манерѣ, простой, задушевной и чуждой всякой позы, есть нѣчто особенно привлекательное, и намъ кажется, что онъ имѣетъ шансы выдвинуться въ глазахъ русскихъ читателей.

Переведенное теперь на русскій языкъ собраніе его критическихъ этюдовъ представляетъ его не съ лучшей стороны; его сила въ спокойномъ, основательномъ и широкомъ историческомъ анализѣ, а здѣсь, въ изученіи современной литературы—онъ меньше всего могъ быть историкомъ. Но—живой и отзывчивый—онъ и не хотѣлъ здѣсь быть имъ, не гнался за вымученной и искусственной объективностью, и это дало ему возможность показать себя въ новомъ свѣтѣ; здѣсь онъ не только моралистъ—онъ откровенно выступаетъ въ роли публициста, судя о разнообразныхъ явленіяхъ французской современности, нашедшихъ себѣ изображеніе въ текущей беллетристикѣ. Сообразно съ этимъ онъ склоненъ заниматься не столько отдѣльными произведеніями, сколько широкими общественными категоріями, поскольку онѣ отразились въ современной литературѣ. Опыты такого изученія съ опредѣленнымъ публицистическимъ оттѣнкомъ представляютъ собою

очерки, посвященные изображенію въ современномъ французскомъ романѣ типовъ политическаго дѣятеля, священника, литератора, замужней женщины, дѣвушки. Не весела эта картина буржуазнаго распада, представляемая художниками, подчасъ очень мало думающими объ обличеніи. Дѣвушка—„полудѣва"; семья — „menage à trois", а у Бурже даже всегда à quatre; писатель — жестокій и завистливый эгоистъ и парвеню, жадно пробирающійся въ тотъ свѣтъ, который онъ попеременно обличаетъ и воспѣваетъ въ своихъ произведеніяхъ; политическій дѣятель — честолюбецъ, ренегатъ и панамистъ, вѣчно лгущій объ общественныхъ интересахъ, въ которыхъ видитъ лишь помѣху своимъ личнымъ цѣлямъ; свѣтскій католическій священникъ большого города, изуродованный своей мнимой чистотой, „соединяющій величіе пророка съ игривостью модистки", жадный къ власти, карьерѣ, къ почестямъ: вотъ тотъ міръ, который современный французскій романистъ изображаетъ всего охотнѣе. Значитъ ли это, что нѣтъ другого? Разумѣется, нѣтъ—и Пелисье, при всемъ отвращеніи къ этимъ типичнымъ фигурамъ, столь характернымъ для поверхности французской жизни, выступаетъ ея защитникомъ, указывая не разъ на другую жизнь, другіе нравы Новыя произведенія Золя даютъ ему матеріалъ для этого; онъ указываетъ на Мари Кутюрье въ „Парижѣ"—эту новую французскую дѣвушку, воспитанную въ гуманной свободѣ демократическаго идеала, на семью Пьера Фромана въ „Плодородіи"— и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ новую характеристику своего сильнаго единомышленника. „Никогда еще поэтъ не бралъ у Золя такого перевѣса надъ статистикомъ, за котораго онъ когда то себя выдавалъ. Никогда еще не выражалъ Золя такъ горячо и краснорѣчиво великодушный идеализмъ и мужественный оптимизмъ, которые составляютъ сущность его природы... Если онъ и былъ когда-нибудь пессимистомъ — историкомъ людской животности, то онъ давно пересталъ имъ быть. Теперь онъ прославляетъ жизнь, воспѣваетъ добродѣтели, которыя двигаютъ человѣчество впередъ, теперь онъ является пророкомъ всѣхъ побѣдъ, которыя дожно оно одержать надъ несправедливостью и ложью".

Такова публицистика Пелисье. Направленіе ея симпатично, но недостаточно опредѣленно, а тонъ слабъ и нерѣшителенъ. Авторъ знаетъ, на чьей сторонѣ правда въ борьбѣ враждующихъ сторонъ, но едва ли ему суждено привлечь на сторону праваго дѣла многочисленныхъ поборниковъ. И потому, намъ кажется, въ этой роли Пелисье не на мѣстѣ. У него есть всѣ данныя для того, чтобы съ успѣхомъ трудиться въ области критики; у него есть знанія, вкусъ, тонкое пониманіе литературныхъ явленій. Но публицисту нуженъ еще темпераментъ; чтобы искрой зажигать другихъ, надо пылать самому; а Пелисье только тлѣетъ.

Какъ написать повѣсть. Практическое руководство къ искусству беллетристики. Пер. съ англійскаго Е. И. Бошнякъ. Москва, 1901.

Вообще о произведеніяхъ этого рода должно сказать то-же, что сказалъ нѣкогда миссіонеру дикарь о *хорошихъ* испанцахъ: „Самые лучшіе изъ нихъ никуда не годятся“. На этотъ разъ мы повторимъ его отзывъ съ тѣмъ большимъ убѣжденіемъ, что книжка, лежащая предъ нами, несомнѣнно, принадлежитъ къ лучшему, что можно дать въ этомъ безнадежномъ родѣ. Авторъ прекрасно знаетъ трудность своей цѣли и крайнюю ограниченность своихъ средствъ, но думаетъ, что кой что можно сдѣлать. Онъ не думаетъ, что его книга сдѣлаетъ кого-нибудь талантливымъ беллетристомъ; мало того, по его мнѣнію, „время отъ времени намъ слѣдуетъ напоминать, что во всякомъ искусствѣ есть элементы, которыхъ нельзя передать никакимъ преподаваніемъ“. Но есть вѣдь другіе элементы, столь же существенные и лишь менѣе связанные съ индивидуальнымъ творчествомъ, а потому и болѣе доступные школьной передачѣ. Геній самъ проникнется ими; но для средняго дарованія необходима школа и „грамматика искусства“. Если таковая имѣется въ живописи, ваяніи, музыкѣ, то почему ей не быть въ изящной словесности? И авторъ пытается доказать это на практикѣ. Онъ даетъ разнообразныя и основательныя указанія, которыя безполезны для тѣхъ, кто лишенъ способности художественнаго творчества, и ненужны тѣмъ, кто одаренъ этой способностью. Онъ говоритъ обо всемъ—о формѣ и о содержаніи, о тайнѣ стиля и о залогѣ успѣха, о методахъ обрисовки характера и о необходимости справляться съ грамматикой, о мѣстномъ колоритѣ и о причудахъ нѣкоторыхъ писателей. Одна изъ его главъ носитъ любопытное и лаконическое заглавіе: „Сколько словъ въ день?“ Онъ указываетъ, откуда добыть будущему беллетристу свою фабулу, какъ можно при этомъ пользоваться газетными сообщеніями и дѣйствительными происшествіями, какъ обработать фабулу и какъ создавать типы и т. п. Все это онъ дѣлаетъ очень осторожно, не переходя за предѣлы того, чему можно научить, обличая при этомъ несомнѣнный вкусъ и знакомство съ литературой. Но съ основнымъ порокомъ своей темы ему не удалось справиться—да оно и невозможно. Съ характерной для англичанина самостоятельностью, ясностью, осмотрительностью, онъ сумѣлъ опредѣленно и сознательно раздѣлить предметъ на то, „чему можно и чему нельзя научить“; но по столь же характерной практичности онъ переоцѣниваетъ элементы ремесленности и всетаки не прочувствовалъ всей незамѣнимой важности того, „чему нельзя научить“. Пусть будетъ создана превосходная „школа беллетристики“, пусть въ ней преподаютъ испытанные мастера изящной словесности, пусть соберется въ нее вдохновенная молодежь—изъ всего этого не выйдетъ ровно ничего. Не слѣдуетъ увлекаться ложными и поверхностными ана-

логіями со школами живописи и музыки; тамъ передаютъ лишь тѣ необходимыя знанія, безъ которыхъ немыслимо творить: таково положеніе техническаго элемента въ пластикѣ и музыкѣ. Нѣтъ композитора, живописца, скульптора, которые такъ или иначе не прошли бы школы своего искусства; наоборотъ, нѣтъ поэта, который былъ бы въ такой школѣ. Нѣкоторымъ художникамъ слова посчастливилось, дѣйствительно, вынести кой что изъ непосредственныхъ указаній опытныхъ писателей. Но они учились, уже творя, и не трудно показать, какъ въ сущности ничтожно было то, чему они научились. Всякая школа имѣетъ бездарныхъ неудачниковъ, но нигдѣ они не будутъ такъ вредны, какъ въ этой школѣ беллетристовъ,—если ужъ о ней стоитъ говорить серьезно. Неудавшійся композиторъ выйдетъ изъ консерваторіи сноснымъ учителемъ музыки; безталаннаго живописца академія выпуститъ преподавателемъ рисованія. Но дурной беллетристъ—да еще къ тому же съ выучкой, вынесенной изъ беллетристической школы—на вѣки вѣковъ останется таковымъ: поставщикомъ журнальнаго балласта, фабрикантомъ художественныхъ суррогатовъ, которыхъ теперь и такъ слишкомъ много. Этой перспективы не боится авторъ, и именно поэтому онъ написалъ свою книгу, очень интересную по исполненію и положительно вредную по основной цѣли. На замѣчаніе настоящаго художника, который—какъ о безспорномъ злѣ—говоритъ о беллетристахъ, которые „послѣ одного или нѣсколькихъ хорошихъ произведеній приводили въ сокрушеніе читателей, потому что продолжали заниматься своимъ искусствомъ и тогда, когда оно дѣлалось для нихъ ремесломъ",—составитель нашего руководства спокойно отвѣчаетъ: „Что касается моего личнаго мнѣнія, то, по моему, не бѣда заниматься писаніемъ повѣстей, и какъ ремесломъ, лишь бы повѣсти были хороши". Авторъ не сомнѣвается, что онѣ и при этомъ условіи могутъ быть хороши.

Эта забавная вѣра въ выучку не представляетъ собой господствующаго впечатлѣнія, съ которымъ читатель покидаетъ лежащую предъ нами книжку. Въ ней много интереснаго, но только не для тѣхъ, кого имѣлъ въ виду авторъ. Ее во всякомъ случаѣ невозможно сравнивать съ отечественными произведеніями аналогичнаго содержанія; тѣ представляютъ собою просто книжную спекуляцію. Она, конечно, никому не поможетъ стать хорошимъ беллетристомъ, но тотъ, кто интересуется процессомъ литературнаго творчества, найдетъ въ ней любопытныя указанія. Особенно цѣнны творческія „признанія" современныхъ англійскихъ беллетристовъ, разбрасываемыя ими—и, вѣроятно, исковерканныя—въ газетныхъ интервью, и бережно собранныя составителемъ. Безсмертный образецъ такого признанія—уже извѣстный русскимъ читателямъ разсказъ Эдгара По о созданіи „Ворона"—данъ въ приложеніи.

С. Н. Кулябка. Общественно-этическія замѣтки. Москва 1901.

Изъ трогательнаго посвященія автора его сестрѣ, мы узнаемъ, что выраженныя въ „сборникѣ“ мысли и чувства, какъ и самая работа надъ замѣтками, общи имъ обоимъ и составляютъ плодъ „болѣе чѣмъ 50-лѣтней общности и дружбы“. Прекрасно. Но гдѣ же самый Сборникъ? Передъ нами тощая брошюрка въ 71 страницу, изъ которыхъ 16 занимаютъ „Посвященіе“ и „Предисловіе“. Изъ остальныхъ 55 стр. только 10 составляютъ „замѣтку“ въ строгомъ смыслѣ слова; весь же остатокъ, т. е. большая часть книжки, посвященъ изложенію „общественно-нравственныхъ взглядовъ Фридриха Альберта Ланге“. Тѣмъ не менѣе авторъ называетъ свою книжку Сборникомъ и, оправдываясь въ томъ, что даетъ меньше, чѣмъ предполагалъ, говоритъ: „Приближаясь съ концомъ XIX вѣка христіанской эры къ обычному предѣлу человѣческой жизни, желалъ бы успѣть, хоть въ небольшомъ сборникѣ, подѣлиться съ людьми тѣми чувствами и мыслями, которыя составляли для меня во все время моей сознательной жизни, какъ и составляютъ теперь, то внутреннее содержаніе духа, которому люди даютъ обыкновенно названіе „завѣтнаго“ въ человѣкѣ“.

Въ чемъ же то завѣтное, которымъ г. Кулябка такъ тревожно спѣшитъ „подѣлиться съ людьми“? Оно очень расплывчато и мало поддается формулированію, но въ общемъ весьма симпатично и благожелательно, хотя новаго и оригинальнаго ничего не содержитъ. Такъ, онъ сочувственно относится къ тому соціальному движенію, которое наложило свой отпечатокъ на всю исторію нашего вѣка и сводится къ „доставленію возможности обездоленнымъ исторіей массамъ, группамъ, лицамъ участія въ трудѣ и въ пользованіи его благами“. Отъ разрѣшенія соціальнаго вопроса онъ ждетъ такого состоянія общества, въ которомъ не было бы совсѣмъ „обездоленныхъ исторіей людей“. Переходя отъ разрѣшенія общечеловѣческихъ задачъ къ дѣятельности, обусловленной мѣстомъ и временемъ, онъ, какъ малороссъ, ставитъ очередную задачу—„работать для правового уравненія въ Россіи малороссовъ съ великороссами и другими національностями“. Слѣдующей задачей онъ считаетъ работу, вызываемую „принадлежностью къ Россійскому государству“. „Задача эта—поясняетъ онъ,—заключается въ работѣ для развитія и расширенія тѣхъ благъ свободы личности, просвѣщенія, культурности, которыми граждане другихъ государствъ пользуются уже въ настоящее время въ значительно большемъ размѣрѣ, нежели россійскіе граждане“. Противъ такой постановки проблемы личнаго существованія и предъявляемыхъ къ нему „общественно-этическихъ“ требованій ничего нельзя было бы возразить, если бы они не были разбавлены цѣлымъ потокомъ отступленій и уклоненій въ сторону, ссылокъ на публицистовъ и моралистовъ, почему-то соединяемыхъ въ группы неожиданныя: „Бѣлинскій, Шевченко, Пироговъ и Ушинскій“, или

„Бѣлинскій, Шевченко, Гладстонъ и Толстой“, или; „Пушкинъ, Шевченко, Салтыковъ и Ушинскій“ и т. п.

„Завѣтные идеалы“ г. Кулябки, которыми онъ живетъ, по его увѣренію, „съ самаго начала сознательнаго существованія и до настоящаго момента“, формулируются имъ самимъ въ четырехъ словахъ: „истина, свобода, справедливость, братолюбіе“; уясняются же они намъ только въ упомянутой „замѣткѣ“ подъ названіемъ „христіанская общественная этика и современные идеалы“. Выясняя альтруистическую и общественную сторону христіанскаго ученія, авторъ бѣглымъ обзоромъ русской и общеевропейской мысли (на 10 страницахъ!) приходитъ къ заключенію, что христіанская мораль не только въ прошломъ совпадала съ этическими тенденціями лучшихъ мыслителей и поэтовъ (у насъ и въ Европѣ), но и теперь составляетъ основу идеаловъ и лучшихъ стремленій нашей передовой интеллигенціи. Поэтому, всякому, кто не желаетъ отстать отъ послѣдней, онъ рекомендуетъ побольше и почаще изучать Евангеліе. Впрочемъ, для болѣе точной передачи „общественно-этическаго“ рецепта г. Кулябки, мы приведемъ его цѣликомъ, съ сохраненіемъ особенностей стиля и способа выраженій. „Поэтому—говорится въ заключеніи,—какъ нельзя болѣе желательно удѣленіе части праздничнаго времени семействами и лицами, условія жизни которыхъ дѣлаютъ для нихъ возможнымъ прямое, а не ироническое („остаться съ праздникомъ“) значеніе праздниковъ,—для общаго или единичнаго чтенія Евангелія и для мыслей о жизни, дѣлѣ и ученіи Іисуса Христа, а также—для чтенія подходящихъ произведеній Шевченка, Пушкина, Гейне, Тютчева и другихъ поэтовъ и 4-го отдѣла 2-го тома «Исторіи Матеріализма“ Ланге *и т. п.* и для мыслей и обмѣна мнѣній о прочитанномъ“. Вотъ! немножко длинно и сбивчиво, но все же ясно: читайте Евангеліе, *„подходящія* произведенія“ изъ Шевченка, Пушкина, Гейне и Тютчева, а также 4-ый отдѣлъ 2-го тома „Исторіи матеріализма“ Ланге и „въ результатѣ такого чтенія и такихъ мыслей“ вы почувствуете неодолимую „потребность послужить великому дѣлу уменьшенія стыда человѣчества, т. е. бѣдствій и нищеты массъ“. Не споримъ и желали бы устами благонастроеннаго автора медъ пить.

Что касается той значительной части брошюры, въ которой излагаются взгляды Ланге, то вышеприведенный отрывокъ можетъ служить образчикомъ и на тотъ случай, когда запутываются и затемняются не свои, а чужія мысли и положенія. Эта сбивчивость и темнота увеличиваются тутъ еще и манерой иллюстрировать какую-нибудь мысль литературными примѣрами, что отклоняетъ отъ прямого изложенія; напр., безъ нужды подробная передача романа Золя „Paris“ или попутная отповѣдь автора по адресу „интеллигентной молодежи“, гдѣ-то составлявшей оппозицію его гдѣ-то прочитанному реферату. Во всякомъ случаѣ, намъ

думается, что и съ этимъ изложеніемъ, какъ и со всѣмъ „сборникомъ“ можно было бы не такъ уже „спѣшить“.

Рутина нашихъ уголовныхъ защитниковъ. (Замѣтки начинающаго адвоката). Помощника присяжнаго повѣреннаго **Анатолія Доброхотова.** Москва., 1901 г.

Отвѣчаетъ ли каждое направленіе за своихъ простецовъ? Въ извѣстномъ смыслѣ и при извѣстныхъ условіяхъ—да, отвѣчаетъ. Разумѣется, не за отдѣльные, единичные экземпляры, попадающіеся въ рядахъ любого направленія. Но когда то или иное направленіе, точно комета, тянетъ за собою длинный хвостъ простецовъ, то невольно возникаетъ мысль: нѣтъ ли здѣсь гармоническаго соотношенія, не существуетъ ли какъ бы „избирательное сродство“ между направленіемъ съ одной стороны и умственнымъ уровнемъ его приверженцевъ—съ другой? И, кажется, можно даже указать, что именно служитъ приманкой въ такихъ случаяхъ. Если простота характеризуется, вообще, неспособностью подмѣчать различія и правильно подводить отдѣльныя явленія подъ соотвѣтственныя общія понятія и категоріи,—вспомнимъ героя сказки съ его похоронными утѣшеніями на свадьбѣ и свадебными поздравленіями на похоронахъ,—то направленія, подходящія къ сложной дѣйствительности съ упрощеннымъ масштабомъ, предлагающія одну отмычку для всѣхъ запертыхъ дверей, словомъ, направленія, отмѣченныя характеромъ универсальнаго упрощенія и упрощеннаго универсализма—должны оказывать притягательное дѣйствіе на тѣхъ, кто отъ природы предрасположенъ къ „удобопревратной“ простотѣ.

Да проститъ намъ г. помощникъ присяжнаго повѣреннаго Анатолій Доброхотовъ, что по его поводу, т. е. по поводу его брошюры, мы заговорили о направленіяхъ и влекомыхъ ими простецахъ; его „казусъ“ совсѣмъ особый, и вышеизложенныя разсужденія къ нему отнюдь не примѣняются. Правда, г. Анатолій Доброхотовъ въ каждой строчкѣ всѣхъ 13 страничекъ (in $^1/_{16}$) своей брошюрки аттестуетъ себя человѣкомъ направленія, именно марксистомъ. Правда и то, что марксизмъ не безгрѣшенъ по части склонности становиться въ элементарныя отношенія къ сложнымъ вещамъ. За всѣмъ тѣмъ, было бы несправедливо возлагать на марксизмъ отвѣтственность за г. Анатолія Доброхотова. Самородныя свойства г. Анатолія Доброхотова слишкомъ рѣзко пробиваются сквозь оболочку направленія, такъ что можно безошибочно утверждать, что не будь марксизма, г. Анатолій Доброхотовъ былъ бы... г. Анатоліемъ Доброхотовымъ на иной манеръ, а всетаки остался бы самимъ собою. Объ одномъ только можно пожалѣть — отчего брошюра г. Анатолія Доброхотова не появилась лѣтъ пять тому назадъ. Отъ этого она, конечно, не стала бы умнѣе; но тогда ее можно

было бы принять за каррикатуру на марксизмъ, на его—еще не обветшалый и модный въ то время—жаргонъ и трафаретъ, каррикатуру тѣмъ болѣе удачную, что она непроизвольна и простосердечна. Хотите видѣть, какъ „марксистская“ характеристика нашихъ общественныхъ и умственныхъ теченій за послѣднія тридцать лѣтъ отражается въ характеристикѣ „методовъ“ уголовной защиты за этотъ періодъ въ изображеніи г. Анатолія Доброхотова? „Надъ Россіей взошла заря освободительныхъ реформъ. Подъ аккомпаниментъ пѣсенъ Некрасова: „Муза, съ надеждой привѣтствуй свободу“... Миртовъ пишетъ свои письма о прогрессѣ... Это былъ идеалогическій періодъ русскаго общества, исходящій изъ положенія: Alle Menschen gleichgeboren, Sind ein adliges Geschlect („люди равными родились, нѣту знатныхъ и рабовъ“ переводитъ въ скобкахъ авторъ). Естественно, что и методъ лучшихъ уголовныхъ защитниковъ того времени былъ методомъ идеалогическимъ. Идеалогическое направленіе въ нашемъ обществѣ выразилось въ формѣ народнической. Слѣдовательно, идеалогическій методъ уголовной защиты также былъ методомъ народническимъ. Защитникъ смотрѣлъ на своего кліента, какъ на человѣка, котораго интеллигенція должна опекать, который не имѣетъ собственной воли. Не смотря на этотъ симпатичный методъ, онъ представляетъ изъ себя замаскированное отраженіе крѣпостнической психологіи, отношеніе барина къ опекаемому пейзану. Но жизнь идетъ впередъ, безжалостно разбивая область отвлеченной идеалогіи. Со времени освободительныхъ реформъ на святой Руси не потекли медовыя рѣки, и мы не стали питаться душистой амброзіей. Идеалогія уступаетъ мѣсто экономическому направленію, понимая послѣднее, конечно, не въ смыслѣ залѣзанія въ чужой карманъ, какъ понимаютъ нѣкіе изъ благодушныхъ россіянъ. Какъ естественное слѣдствіе экономическаго направленія, долженъ выступить на сцену и экономическій методъ уголовной защиты“. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе новаго метода: „Конгломератъ нашихъ общественныхъ отношеній выразился, главнымъ образомъ, въ формѣ отношеній производительныхъ. Въ результатѣ получается жизненная экономика, проникающая всюду и вездѣ, налагающая свою главную окраску на всѣ соціологическія отношенія. Безпощадная жизнь, выводя на соціологическую арену экономику, какъ краеугольный камень, тѣмъ самымъ кладетъ основаніе научно-экономическому направленію, экономическому образованію. Научно-экономическое направленіе испускаетъ лучи во всѣ стороны: въ область соціологіи, философіи, юриспруденціи. Юриспруденція дѣлается наукой экономической, пока теоретической, а затѣмъ экономическое направленіе переходитъ въ область практической юриспруденціи, въ область предварительнаго слѣдствія, въ область уголовной защиты. Такимъ образомъ, экономическій методъ уголовной защиты вовсе не представляетъ изъ себя страшнаго жу-

пела, пугающаго замоскворѣцкихъ купчихъ“ и т. д., въ томъ же родѣ. Повторяемъ—этотъ наивно-безграмотный вздоръ, подернутый еще сверху специфическимъ лакомъ самодовольнаго адвокатскаго „краснорѣчія“, былъ бы, можетъ быть, смѣшенъ, если бы экономическій методъ уголовной защиты „былъ выведенъ на арену“ одновременно, напримѣръ, съ экономическимъ методомъ литературной критики г. Андреевича. Но „безпощадная жизнь“ оказалась безпощадной и для брошюрки г. Анатолія Доброхотова: она опоздала и теперь „представляетъ изъ себя“ вздоръ просто, даже не смѣшной.

Еще одно замѣчаніе; за брошюрку, размѣромъ меньше $^1/_2$ листа, но снабженную громкимъ заглавіемъ, назначена цѣна въ 20 коп. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ одинъ изъ „лучей, испускаемыхъ во всѣ стороны научно-экономическимъ направленіемъ“, понимаемымъ, впрочемъ, въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣютъ „нѣкіе изъ благодушныхъ россіянъ“?

У. Ризонъ. Университетскія и соціальныя поселенія. Пер. съ англійскаго Е. С. Петрушевской подъ ред. проф. Д. М. Петрушевскаго. Спб. 1901.

Сидней Веббъ и С. Вельсъ. Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ. (Лондонскіе политехникумы). Переводъ снабдилъ примѣчаніями и дополнилъ двумя статьями П. Г. Мижуевъ. Спб. 1901 г.

Обѣ эти книжки посвящены обширному просвѣтительному и гуманитарному движенію въ англійскомъ обществѣ, съ отдѣльными формами проявленія котораго русская публика знакома главнымъ образомъ по журнальнымъ или газетнымъ статьямъ. Идея личнаго служенія обездоленнымъ классамъ, какъ она воплощается въ англійскихъ „поселеніяхъ“, очень сродни тому „покаянному“ душевному состоянію, которое въ разное время съ разною силой влекло и у насъ часть интеллигенціи къ различнымъ видамъ сближенія съ низшими общественными слоями. Конечно, что у насъ было скорѣе продуктомъ непосредственнаго моральнаго протеста, обрекавшаго нерѣдко протестанта на тяжелыя жертвы, то въ Англіи является болѣе результатомъ опыта и работы мысли, проведеніе котораго на практикѣ уже дѣло сравнительно второстепенное. Въ книжкѣ Ризона есть попытка изложить тотъ путь, которымъ англійскіе общественные дѣятели и мыслители пришли къ сознанію необходимости личнаго служенія въ сферѣ филантропіи. По словамъ одного изъ дѣятелей поселеній, С. А. Барнета, импульсомъ къ этому движенію послужили: во-первыхъ, утрата вѣры въ то, что обычныя филантропическія организаціи — „машины“, какъ ихъ называетъ авторъ статьи—удовлетворительно разрѣшаютъ задачу помощи обездоленному человѣчеству; во-вторыхъ—желаніе ближе познакомиться

съ положеніемъ народа и, наконецъ,—общій подъемъ духа гуманности.

Послѣдняя, самая, быть можетъ, неопредѣленная ссылка указываетъ наиболѣе общую и несомнѣнную причину подобныхъ общественныхъ движеній. Въ разнаго рода характеристикахъ истекшаго столѣтія, появлявшихся въ журнальныхъ и газетныхъ обзорахъ, общій подъемъ гуманности занималъ почти столь-же видное мѣсто, какъ и успѣхи техники. Не такъ давно лондонская газета „Daily News“ поставила своимъ читателямъ вопросъ: становится-ли міръ лучше или хуже?—Въ массѣ разнообразныхъ, нерѣдко очень остроумныхъ, писемъ къ редактору, содержавшихъ какъ положительные, такъ и отрицательные отвѣты, очень часто фигурировало указаніе на подъемъ гуманности, заставляющій „благополучныхъ“ относиться съ интересомъ и участіемъ къ „обездоленнымъ“—и въ частности нерѣдко можно было встрѣтить упоминаніе интересующаго насъ движенія, какъ одного изъ самыхъ опредѣленныхъ доказательствъ этого интереса и участія.

Познакомить съ такимъ движеніемъ русскую публику—задача очень почтенная, и книжка Ризона въ извѣстной мѣрѣ выполняетъ ее. Это—сборникъ статей, частью написанныхъ ad hoc дѣятелями поселеній, частью появлявшихся въ разное время въ ежемѣсячныхъ журналахъ. Это обстоятельство обусловливаетъ нѣкоторыя слабыя стороны русскаго изданія сборника, разсчитанна на англійскую публику, обладающую инымъ угломъ зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если на насъ и распространяется „общій подъемъ духа гуманности“, то формы проявленія его, фактическія и желательныя, не могутъ не быть нѣсколько иными, благодаря совершенно инымъ условіямъ, которыми обставлена у насъ всякая общественная дѣятельность. Въ Англіи достаточно рѣшить: вотъ въ чемъ будетъ заключаться моя наиболѣе полезная дѣятельность—и начать дѣлать такъ, какъ рѣшилъ. У насъ же, можно сказать, тысячи родовъ полезной дѣятельности давно намѣчены, давно выяснены, и существуютъ, быть можетъ, кадры людей, готовыхъ отдаться имъ, но эта потенціальная энергія встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія къ своему разряженію. Достаточно вспомнить судьбу нѣкоторыхъ просвѣтительныхъ обществъ, роль которыхъ была неизмѣримо менѣе реформаторской, въ соціальномъ смыслѣ, чѣмъ роль англійскихъ поселеній. Поэтому намъ кажется, что въ интересахъ большей полноты освѣщенія было бы необходимо снабдить книжку въ русскомъ изданіи вступительной или заключительной статьею съ характеристикой отношенія къ поселеніямъ внѣ его стоящихъ организацій. Еще одна частность, очень интересная для всякаго читателя—это характеристика того интеллигентнаго слоя, который поставляетъ работниковъ поселеній. Англійскій редакторъ сборника,

можетъ быть, не имѣлъ надобности включать эту деталь, но для русскаго читателя, разъ уже онъ заинтересованъ вопросомъ, далеко нелишне знать, изъ кого вербуются миссіонеры гуманности и просвѣщенія въ передовыхъ европейскихъ странахъ. Этотъ послѣдній пробѣлъ, впрочемъ, не понижаетъ общаго достоинства книги.

Вторая изъ вышеуказанныхъ въ заголовкѣ книгъ излагаетъ исторію возникновенія, организацію и дѣятельность лондонскихъ политехникумовъ. Переводчикъ вполнѣ основательно поставилъ послѣднее названіе въ скобки, давъ книгѣ главный заголовокъ „Универсальныя учрежденія для рабочихъ". Описываемыя организаціи имѣютъ прежде всего обще-культурное и просвѣтительное значеніе, весьма отдаленно касаясь собственно техническаго образованія въ той формѣ, какъ оно обычно понимается у насъ. Политехникумы Лондона—это просвѣтительные клубы, направленные къ удовлетворенію всевозможныхъ духовныхъ запросовъ той среды, которая лишена средствъ удовлетворить ихъ инымъ образомъ. Заключенный въ книгѣ матеріалъ даетъ много свѣдѣній о крайне разностороннихъ функціяхъ политехникумовъ, но способъ, которымъ г. Мижуевъ излагаетъ ихъ, возбуждаетъ большое недоумѣніе относительно категоріи читателя, для котораго предназначено изданіе. Судя по безчисленному множеству примѣчаній и поясненій, помѣщенныхъ и въ выноскахъ, и въ скобкахъ, изданіе должно служить очень неразвитому, не освѣдомленному читателю; съ другой стороны постоянное включеніе англійскаго текста (обыкновенно съ ошибками) какъ будто предоставляетъ читателю провѣрить правильность переведенныхъ выраженій. Эти примѣчанія, на девять десятыхъ совершенно ненужныя, вызываютъ въ читателѣ такое ощущеніе, какъ будто онъ ѣдетъ по крайне ухабистой дорогѣ.

Ѳ. Павловъ (Ѳ. П.). За десять лѣтъ практики (Отрывки изъ воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій изъ фабричной жизни). М. 1901.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что, не смотря на живой интересъ къ вопросамъ фабричной промышленности, проявившійся въ послѣднее десятилѣтіе въ нашемъ обществѣ,—знакомство наше съ характеромъ и особенностями нашей фабричной жизни до сихъ поръ очень слабо. Это соображеніе послужило для автора исходной точкой при составленіи очерковъ „За десять лѣтъ практики", появившихся первоначально въ видѣ фельетоновъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Форма очерковъ—полу-беллетристическая, но авторъ не претендуетъ на художественное творчество. Онъ стремился „воспроизводить въ очеркахъ только дѣйствительные, реальные, по большей части лично извѣстные ему факты".

Нужно признать, что въ этихъ предѣлахъ авторъ хорошо вы-

полнилъ свою задачу, и книга его читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Это рядъ небольшихъ очерковъ-картинокъ, какъ бы отрывковъ изъ дневника человѣка, умѣющаго наблюдать и поставленнаго въ условія, для наблюденія чрезвычайно благодарныя. Авторъ—техникъ, около десяти лѣтъ работавшій на заводахъ и теперь дѣлящійся съ читателемъ своими впечатлѣніями. Люди, которые стали бы искать въ этихъ очеркахъ подтвержденія тѣхъ или другихъ „тенденцій" общаго характера, между крайностями которыхъ вращались еще недавно всѣ споры о фабрикѣ и ея общемъ значеніи въ русской жизни,—будутъ разочарованы. Авторъ не касается этихъ общихъ вопросовъ, трактующихъ отвлеченную фабрику, такъ сказать, à vol d'oiseau. Онъ принимаетъ явленіе, какъ фактъ жизни, и *изображаетъ*, не мудрствуя лукаво, то, что онъ видѣлъ, что чувствовалъ и думалъ въ своемъ положеніи интеллигентнаго человѣка, втянутаго жизнью въ процессъ россійскаго фабричнаго производства.

Именно эта непосредственность и простота самаго разсказа составляютъ его главное достоинство. Фабрика, которую изображаетъ нашъ авторъ, расположенная въ центральномъ районѣ, не выдѣляется никакими рѣзкими особенностями. „Хозяинъ" ея—человѣкъ образованный, „хозяйка"—благожелательная и добрая женщина, заботящаяся о школахъ и разумныхъ развлеченіяхъ для фабричнаго населенія. „Директоръ" (фигура, обрисованная, кстати сказать, немногими, но очень яркими и характерными чертами)—умный, добросовѣстный и знающій свое дѣло. Нигдѣ не видно тѣхъ рѣзкихъ злоупотребленій, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ еще много совершается у насъ въ Россіи,—подъ гулъ свистка на фабрикѣ, какъ и подъ завываніе степного вѣтра въ глухой деревушкѣ. Фабрика, рисуемая авторомъ—если не выше средняго уровня, то, во всякомъ случаѣ, и не ниже, и поэтому картина производитъ впечатлѣніе типичности и жизненной правды. „Эта фабрика,—пишетъ авторъ (стр. 11. Очеркъ „Директоръ")—имѣетъ до 5½ тыс. рабочихъ и до 250 служащихъ. Не болѣе 750 рабочихъ живутъ внѣ фабричной ограды; остальные 5 тыс. человѣкъ, частью съ семьями, живутъ въ чертѣ фабричной усадьбы, общее населеніе которой со стариками и дѣтьми превышаетъ 8 тыс. душъ. По послѣдней переписи Россіи имѣется только 138 городовъ съ большимъ количествомъ жителей и даже одинъ губ. городъ (Якутскъ) на 2 тыс. человѣкъ отсталъ отъ этой фабрики. Жизнь этихъ 8 тыс. человѣкъ... связана съ жизнью фабрики нераздѣльно и неразрывно». Эта связь представляется автору настолько сильной, что онъ поневолѣ задается вопросомъ: „существуетъ ли въ настоящее время гдѣ-либо въ цивилизованныхъ государствахъ какая либо власть, административная или даже политическая, которая могла бы такъ полно и всесторонне подчинить себѣ индивидуума во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ, какъ

то можетъ сдѣлать директоръ русской фабрики?“ Нетолько условія труда, но и всѣ мелочи частной жизни рабочаго подвергнуты контролю и регулирующему вліянію этой власти. „Директоръ можетъ, напримѣръ, потребовать, чтобы рабочіе возвращались домой въ такомъ-то часу и собирались бы въ комнатѣ кого нибудь изъ своихъ товарищей не болѣе, какъ въ опредѣленномъ числѣ“... „Кромѣ работы и квартиры, администрація русской фабрики даетъ рабочему чуть ли не все, что ему требуется для жизни, и по своему усмотрѣнію въ той или иной степени удовлетворяетъ всѣ его нужды“. „Фабрика является госпожой и въ дѣлѣ удовлетворенія души и разума. Церковь строится хозяиномъ, онъ же, если найдетъ нужнымъ, устраиваетъ школу и нанимаетъ учительскій персоналъ“... Итакъ,—„каждый шагъ, каждый часъ жизни рабочаго и даже его семьи можетъ быть регламентированъ администраціей фабрики, во главѣ которой стоитъ одно полномощное лицо, завѣдующее фабрикой—директоръ“. „Онъ можетъ на законномъ основаніи лишить рабочаго квартиры, можетъ закрыть ему кредитъ въ лавкѣ, запретить сыну его посѣщать школу, наконецъ,—отказавъ отъ работы,—заставить его искать новаго мѣстожительства, быть можетъ, „голодать“. „Дисциплину, царствующую въ нашей мануфактурѣ,—говоритъ авторъ далѣе,—я могъ бы сравнить только съ дисциплиной военной, и думается мнѣ, что, если бы власть и вліяніе можно было взвѣшивать, то чашка вѣсовъ, на которую было бы положено имя директора, быстро перетянула бы имя любого командира полка или бригады“.

На этой почвѣ, разумѣется, должны расцвѣтать соотвѣтствующіе нравы и типы, и авторъ съ большой простотой и правдой рисуетъ такой типъ въ лицѣ своего директора: это человѣкъ умный, знающій, много работающій, но властный до самодурства, совершенно утратившій способность выслушивать и воспринимать самыя резонныя замѣчанія. Глава, въ которой авторъ изображаетъ случаи столкновенія этого фабричнаго диктатора съ совершенно независимой отъ него сторонней силой (въ данномъ случаѣ—фабричнымъ инспекторомъ, очень твердо ставящимъ, хотя и скромныя, требованія закона) представляютъ настоящія маленькія драмы, захватывающія въ простомъ и безхитростномъ изложеніи автора именно своей будничностью и отсутствіемъ эффектовъ („Инспекторская ревизія“). Съ невольнымъ чувствомъ нѣкотораго нравственнаго удовлетворенія читаются также главы, въ родѣ „Ткачи пошумѣли“, гдѣ навстрѣчу привычному, властному и въ значительной степени слѣпому авторитету фабричнаго диктатора подымается противодѣйствіе самой среды. На этой почвѣ чувствуется уже драма поглубже и посерьезнѣе и, хотя у автора, въ его случаѣ, она разрѣшается (при содѣйствіи того же фабричнаго инспектора) благополучно и сравнительно справедливо, но... тутъ невольно приходитъ въ голову много другихъ случаевъ, и не-

вольно же рождается вопросъ: много ли такихъ инспекторовъ, *такъ* понимающихъ и *такъ* выполняющихъ свою задачу? Поневолѣ начинаетъ казаться, что фабрика того района, который описываетъ авторъ, пожалуй, должна быть поставлена—по культурнымъ и инымъ условіямъ—нѣсколько выше средняго для Россіи уровня.

Мы не имѣемъ въ виду, въ краткой рецензіи, указать все, заслуживающее вниманія въ очеркахъ г-на Павлова, и отсылаемъ читателя къ самой книгѣ. Два очерка, касающіеся французскихъ фабрикъ, приложены въ концѣ книги очень кстати и оттѣняютъ картины русско-фабричной жизни чертами характерныхъ отличій.

Н. А. Дьячковъ. Пріуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. («Новая Библіотека», издаваемая редакціей журнала «Русская Мысль»). Москва 1901.

Справедливо упрекаютъ нашу популярную литературу въ маломъ вниманіи, которое она оказываетъ собственно Россіи. Правда, есть нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи, но ихъ нельзя назвать удачными. Интересныя-же географическія хрестоматіи, появившіяся за послѣдніе годы, хотя и имѣютъ много достоинствъ но по самой задачѣ своей—слишкомъ поверхностны и не могутъ удовлетворить читателя, заинтересовавшагося какимъ либо опредѣленнымъ райономъ нашего обширнаго отечества. Понятенъ поэтому интересъ, съ которымъ мы отнеслись къ книжкѣ г. Дьячкова. Прочитавъ оглавленіе, мы заинтересовались еще болѣе: удивительно въ общемъ полно и занимательно оно составлено. Географическій очеркъ Урала, Тундра, Самоѣды, Зыряне, Вотяки, Южный Уралъ и горные башкиры, Золотые пріиски на Уралѣ, Драгоцѣнные камни на Уралѣ, Гранильное искусство, Желѣзо, Сталь, Чугунъ, Мѣдь, Рабочіе на Тагилѣ, Угольныя копи, Общія соображенія о добываніи металловъ, Сплавъ на р. Чусовой.—Итого 15 главъ, да еще каждая глава имѣетъ подзаглавіе, указывающее подробно, какую массу интересныхъ вопросовъ затрагиваетъ авторъ. Одно только смущаетъ, что на 4 страницы оглавленія приходится всего 90 страничекъ малаго формата текста, да еще разгонисто напечатаннаго...

Но вотъ книжка быстро прочитана и наступаетъ разочарованіе... Можетъ быть, если-бы не широковѣщательность оглавленія, и самая книжка прошла-бы незамѣтнѣе... Вотъ характерный примѣръ, какъ авторъ справляется съ затронутыми имъ темами. Глава XII Рабочіе на Тагилѣ—имѣетъ слѣдующее подзаглавіе: „Вліяніе работы на характеръ человѣка. Грамотность среди рабочихъ тагильцевъ. Уменьшеніе пьянства. Увеселенія. Чистота въ домахъ“. Можетъ быть, покажется невѣроятнымъ, но фактъ на лицо: все это описано авторомъ на *двухъ* страничкахъ печатнаго текста!...

А чтобы судить, какъ описано—позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующую цитату: „Въ домашнемъ быту тагильцы очень отличаются отъ другихъ рабочихъ и особенно отъ крестьянъ. Пьянство среди нихъ замѣтно сократилось; свободное время они стараются провести возможно веселѣе, но не позволяютъ себѣ никакихъ излишествъ. Это особенно замѣтно, когда наступаетъ страда. По вечерамъ, послѣ сельскохозяйственныхъ работъ, они собираются и устраиваютъ подъ музыку танцы. Въ домѣ чистота и опрятность. Всѣ тагильскія помѣщенія для рабочихъ находятся подъ надзоромъ особыхъ смотрителей, которые ежедневно обходятъ свои участки и слѣдятъ за чистотой въ домахъ и на дворѣ. Если они замѣчаютъ какія-нибудь неисправности, то хозяинъ дома обязанъ ихъ устранить, причемъ неисполненіе бываетъ очень рѣдко" (стр. 75).

Оставляя достовѣрность этой идилліи тагильской жизни на отвѣтственности г. Дьячкова, мы укажемъ лишь, что приведенными немногими словами исчерпывается все, что авторъ находитъ возможнымъ сообщить объ „уменьшеніи пьянства, увеселеніяхъ и чистоты въ домахъ" тагильскихъ рабочихъ.

Иногда авторъ поступаетъ еще проще, напримѣръ: глава VI, носящая заглавіе „Южный Уралъ и горные башкиры", имѣетъ подзаглавіе: „Общій видъ горъ. Горное озеро Турголкъ. Село Турголкъ. Занятія населенія. Долина р. Міаса. Златоустъ. Тангай. Иремель. Наружность башкиръ. Ихъ доброта. Переходъ отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому. Захватъ ихъ земельныхъ владѣній пришельцами. Богатства башкиръ". Текстъ этой главы занимаетъ всего $2^1/_2$ странички. На этотъ разъ авторъ ухитрился быть столь краткимъ, просто не обмолвившись даже ни однимъ словомъ о всѣхъ первыхъ 9 пунктахъ подзаглавія, и начинаетъ главу прямо съ описанія наружности башкиръ (стр. 36).

Если мы обратимся къ наиболѣе обстоятельнымъ главамъ, чисто этнографическимъ, то и тамъ найдемъ не мало любопытнаго. Напр., глава III о самоѣдахъ кончается такими словами: „Главное удовольствіе самоѣдовъ заключается въ водкѣ и табакѣ. Эта страсть давно была подмѣчена зырянами и русскими, которые спаивали самоѣдовъ и доводили ихъ до нищеты. Теперь тундрой завладѣли болѣе энергичные и способные люди, русскіе и зыряне, которые гораздо умнѣе распоряжаются ея природными богатствами" стр. 23, а въ слѣдующей главѣ на стр. 30 находимъ нѣсколько строкъ на тему: „какъ обогатились ижемцы" и въ чемъ заключается умѣнье русскихъ и зырянъ „гораздо умнѣе распоряжаться" богатствами тундры посредствомъ табака и водки и, наконецъ, даже находимъ цѣлое признаніе: „разжились они (ижемцы) неправдой, разоривъ цѣлое племя" (стр. 32). — Вотъ и разбирайтесь тутъ, какъ хотите. Или, на стр. 33 читаемъ: „частые неурожаи довели ихъ (вотяковъ) до нищеты", далѣе слѣдуетъ

описаніе самой нищеты, а на стр. 35 узнаемъ, что „среди нихъ не попадаются очень богатые, но нельзя встрѣтить и очень бѣдныхъ“, и тутъ же сообщается, какъ примѣръ бережливости вотяковъ, что „даже лѣкарства у нихъ изготовляются домашнимъ образомъ“.

Далеко не исчерпавъ всѣхъ прелестей этнографическихъ главъ, перейдемъ къ главамъ, посвященнымъ горнопромышленности. Въ главѣ VII—„Золотые розсыпи на Уралѣ“—сообщаетъ намъ авторъ, что золото, серебро и платина называются благородными металлами, потому что никогда не теряютъ блеска, совершенно забывая, что серебро быстро чернѣетъ на воздухѣ, если его не чистить; далѣе сообщается уже совершенный вздоръ, что „Уралъ единственное мѣсто въ свѣтѣ, гдѣ встрѣчается этотъ (платина) драгоцѣнный металлъ“, что „платина употребляется исключительно для научныхъ цѣлей“, стр. 48. Описаніе вашгерда и самой промывки песковъ изложено такъ, что понять ничего нельзя. О взрывахъ въ шахтахъ страшнаго рудничнаго газа авторъ говоритъ дважды въ главахъ о добываніи мѣди и желѣза и совершенно неумѣстно, а въ главѣ „Угольныя копи“ о нихъ не говорится ни слова. Чтобы перечислить всѣ промахи, ошибки и небрежности г. Дьячкова, пришлось бы прямо перепечатать всю книжку, только испещривъ ее знаками вопросовъ и восклицаній...

Удивляться надо, что книжка г. Дьячкова входитъ въ составъ „Новой Библіотеки“, издаваемой редакціей журнала „Русская Мысль“.

Б. И. Воротынскій (прив.-доц. Казанск. унив.). **Истерія въ наукѣ и въ жизни**. Публичная лекція, читанная 10 мая 1901 г. Казань 1901.

Избравши предметомъ своей публичной лекціи истерію, авторъ не только не имѣлъ въ виду дать какую-нибудь новую теорію, объясняющую эту очень распространенную болѣзнь, но даже не намѣревался подвергнуть критическому разсмотрѣнію уже существующія теоріи происхожденія истеріи. Мало того, онъ даже почти не знакомитъ публику съ этими теоріями. Задача автора иная: онъ хочетъ „остановиться главнымъ образомъ на разборѣ такъ называемаго истерическаго характера или истерическаго темперамента“ (стр. 4). Прежде всего авторъ, конечно, отмѣчаетъ основную черту истерическаго темперамента: психическую неустойчивость истерическихъ субъектовъ, быструю смѣну настроеній и неожиданность въ измѣненіи настроеній; онъ отмѣчаетъ также и связанную съ этимъ слабость воли истеричныхъ. Что же касается весьма важнаго и характернаго явленія суженія сознанія истеричныхъ и свойственной имъ амнезіи, то объ этомъ нашъ авторъ почти не упоминаетъ, вѣроятно потому, что съ этимъ связана цѣлая теорія, объясняющая сущность истеріи, и нашъ авторъ рѣшилъ воздерживаться отъ изложенія и критики различныхъ тео-

рій. Но дѣло въ томъ, что самое пониманіе истеричнаго характера сильно видоизмѣняется, если принять во вниманіе суженіе сознанія и амнезію у истеричныхъ субъектовъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ о лживости истеричекъ является въ совершенно иномъ свѣтѣ, если твердо помнить, какъ узко сознаніе у этихъ субъектовъ, какъ мало элементовъ можетъ охватить за-разъ это сознаніе истеричекъ и какая масса элементовъ лежитъ обыкновенно внѣ сознанія. Вѣдь даже параличи истеричекъ легко объясняются амнезіей (забвеніемъ): всѣ ощущенія, связанныя съ какой либо частью тѣла (положимъ, съ лѣвой рукой) выпадаютъ изъ сознанія, и отсюда параличъ этой части тѣла.

Авторъ могъ относиться, какъ ему угодно, къ теоріи суженія сознанія при истеріи, но онъ долженъ былъ изложить факты суженія сознанія столь-же обстоятельно, какъ изложены имъ факты, иллюстрирующіе психическую неуравновѣшенность истеричныхъ. Конечно, согласно теоріи суженія сознанія, самая эта психическая неуравновѣшенность истеричныхъ связана съ суженіемъ сознанія, такъ что каждый примѣръ неустойчивости и неуравновѣшенности есть какъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и примѣръ суженія сознанія, но вѣдь это ясно лишь для тѣхъ, кто знаетъ и признаетъ эту теорію, нашъ же авторъ совсѣмъ не познакомилъ публику съ нею.

Вторую половину лекціи авторъ посвящаетъ вопросу о томъ, „какое значеніе имѣетъ истеричный темпераментъ въ семейной и общественной жизни“ (стр. 20). Изображеніе истеричнаго характера и изложеніе значенія, которое этотъ характеръ можетъ имѣть въ семейной и общественной жизни,—это двѣ такія обширныя задачи, что для того, чтобы удачно справиться съ ними въ одной публичной лекціи, нужно очень значительное искусство, большое умѣніе конденсировать изложеніе. Мы должны сказать, что нашъ авторъ этого искусства не обнаружилъ; и если въ первой части своей лекціи онъ не далъ полнаго и яснаго описанія истеричнаго характера, то и во второй половинѣ своей лекціи онъ даетъ скорѣе случайныя и отрывочныя замѣчанія, чѣмъ систематическое и доказательное изложеніе. Характернымъ образцомъ можетъ служить, напримѣръ, изложеніе авторомъ вопроса о связи между истеріей и современной семейной жизнью женщинъ. Вслѣдъ за Лаурой Маргольмъ авторъ отмѣчаетъ „душевный разладъ“ у женщинъ, стремящихся „свергнуть съ себя всякую опеку“. Авторъ говоритъ: „и не одна женщина пала жертвой такого душевнаго разлада. Какъ яркій примѣръ такой жертвы, Лаура Маргольмъ представила извѣстнаго профессора математики, нашу соотечественницу, Софью Ковалевскую, которая своими трудами завоевала себѣ высокое уваженіе всего ученаго міра, добилась полной самостоятельности, и тѣмъ не менѣе, страдая отъ одиночества, лишенная любви, не испытывая радостей святого материнскаго

чувства, пала жертвой душевнаго разлада, обездоленная, неудовлетворенная“ (стр. 45). Это очень неудачный примѣръ, ибо, какъ извѣстно, Софья Ковалевская не только была замужемъ, но и имѣла дочь. Преждевременная, трагическая смерть ея мужа не имѣла никакой связи съ ея математическими занятіями, а та жажда любви, которая несомнѣнно была ей присуща, указываетъ, что у женщинъ даже занятіе математикой не разрушаетъ семейныхъ инстинктовъ, и если эти инстинкты въ настоящее время часто не получаютъ удовлетворенія, то въ этомъ меньше всего виноваты, конечно, сами женщины...

Физическіе способы лѣченія. Общедоступная бесѣда о томъ, какъ и какія болѣзни можно лѣчить безъ лѣкарствъ свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ, холодомъ, водою и движеніями. Составилъ врачъ **В. Рахмановъ.** М. 1901.

Популярная книжка г. Рахманова написана въ общемъ толково и удачно. Правда, она не лишена довольно обычныхъ въ популярной литературѣ неточностей, но эти неточности встрѣчаются не особенно часто и въ большинствѣ случаевъ не особенно вредятъ дѣлу. Такъ, на стр. 119 мы читаемъ: „при лихорадкѣ происходитъ уменьшенная отдача тепла кожею и усиленное образованіе его въ тѣлѣ“. Здѣсь процессъ регулированія теплообразованія при лихорадкѣ изображенъ довольно-таки не точно, ибо, какъ извѣстно, этотъ процессъ разбивается на три періода, причемъ первый періодъ (время наростанія температуры) характеризуется почти исключительно уменьшеніемъ теплоотдачи, такъ что многіе авторы совершенно отрицаютъ повышеніе теплообразованія въ этотъ періодъ; второй періодъ лихорадки (ея вершина) характеризуется, какъ повышеніемъ теплообразованія, такъ и *повышеніемъ* (и даже очень значительнымъ повышеніемъ, а не пониженіемъ, какъ утверждаетъ авторъ) теплоотдачи; наконецъ, третій періодъ (паденіе температуры) характеризуется уменьшеніемъ теплообразованія сравнительно со вторымъ періодомъ (хотя абсолютно теплообразованіе все еще повышено) и еще большимъ (сравнительно со вторымъ періодомъ) увеличеніемъ теплоотдачи.

Эта неточность не можетъ особенно повредить автору; но когда его читатель увидитъ, напр., на стр. 120 фразу: „выдѣленіе пота при лихорадкѣ уменьшено“, то здѣсь неточность автора можетъ очень дискредитировать его въ глазахъ читателя, ибо очень многіе вспомнятъ, что выдѣленіе пота уменьшается лишь въ началѣ лихорадки, а затѣмъ появляются, напротивъ, весьма обильные поты.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Басни ***Лафонтена***. Полное собраніе въ 2-хъ томахъ. Съ біографіей и примѣчаніями подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Съ 118 рис. Спб. 1901. Ц. 6 р.

Басни Крылова—внука ***С. А. Образцова***. Съ портретомъ автора. Изданіе А. Н. Виноградова. М. 1900. Ц. 25 к.

Родныя картины. Стихотворенія ***Александра Черняева***. Спб. 1901. Ц. 40 к.

Александръ Курсинскій. Стихи. М. 1902. Ц. 50 к.

Сергѣй Рафаловичъ. Весенніе ключи. Стихотворенія. Спб. 1901. Ц. 1 р.

А. А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Книга третья. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Для народнаго театра. Сила любви. Общедоступное зрѣлище въ 5-ти дѣйствіяхъ. (Изъ сказки «Аленькій цвѣточекъ»). ***Живко Конева*** и ***Н. Егоровой***. Изд. А. И. Б. Москва 1901. Ц. 35 к.

К. И. Фоломѣевъ. Злая яма. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

И. Тенеромо. Изнанка эмансипаціи. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Кіевъ. 1901. Ц. 25 к.

Б. Глаголинъ. Пьесы изъ дѣтской жизни. Спб. 1902. П. 1 р.

Ольга Шапиръ. Законныя жены. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Алексѣй Плетневъ. На чужбинѣ и дома. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Федоръ Фальковскій. Спб. 1901. Ложь! Семь разсказовъ. Ц. 1 р.—Веселые звуки и другіе маленькіе разсказы. 2-е изданіе. Ц. 1 р.—Счастье наше. Совсѣмъ маленькіе разсказы. Ц. 1 р.

В. Н. Крачковскій. Жизнь и смерть. Разсказы, очерки, фантазіи и стихотворенія. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Павелъ Кузнецовъ. Маньчжурское возстаніе въ 1900 г. и разсказы. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Б. Дубровская. Изъ жизни сѣренькихъ людей. Изданіе Ц. Крайзъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

А. Е. Заринъ. Лѣто. Петербургская повѣсть. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Петръ Кара. Любовь отъ бездѣятельности. (Записки неврастеника). Спб. 1902. Ц. 75 к.

Изданія В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1901. Червонный хуторъ. Романъ ***В. І. Дмитріевой***. Ц. 1 р.—Исайка. Разсказъ ***К. Станюковича***. Ц. 6 к.—Димка. Разсказъ ***В. І. Дмитріевой***. Ц. 15 к.—Оборотъ. Разсказъ ***К. Станюковича***. Ц. 5 к. — Танино счастье. Разсказъ ***Евг. Чирикова***. Ц. 10 к.—Блестящій капитанъ. Очеркъ ***К. Станюковича***. Ц. 5 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Книга II. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1901. Ц. 1 р.

А. Малиновъ. На задворкахъ фабрики. Край безъ будущаго. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Ц. 80 к.

Библіотека «Всходовъ». Спб. 1901. ***Генри Вудъ***. Семейство Ченнинговъ. Романъ. Въ передѣлкѣ для дѣтей А. Анненской. Ц. 60 к.—***Лори***. Дядя изъ Чикаго. Съ франц. Ц. 30 к.—***Вальтеръ Бизантъ***. Съ англ. А. Анненской. Ц. 30 к.—***Д. Пахомовъ***. На развалинахъ стараго царства. Путевые очерки Кавказа. Ц. 75 к.—***Де-Нусанъ***. Замокъ чудесъ. Съ франц. И. Левашевъ. Ц. 50 к.

Изданія «Посредника». М. 1901. Разбойники. Драма ***Фридриха Шиллера***. Переводъ С. А. Порѣцкаго Ц. 13 к.—Любовь убійцы. Разсказъ ***Матильды Серао***. Ц. 7 к.—Золото и любовь. Романъ ***Джорджа Эліотъ***. Ц. 15 — Искра любви. Передъ праздниками. Два разсказа ***И. Данилина***. Ц. ½ к.—***И. Горбуновъ-Посадовъ***. Христіанка. (Быль). Святая (Стихотвореніе). Ц. 1½ к.—Кобылка въ пути. Разсказъ ***Л. Мель-***

щина. Ц. 3 к.—«Отслужилъ». Разсказъ ***Н. Николаевича.*** Ц. 3 к.—Великій свѣтъ древняго міра. Ц. 3 к.—***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** Рохъ и его собака. Разсказъ. Ц. $1^1/_2$ к.—Дѣдъ Аверьянъ. Разсказъ ***С. Т. Семенова.*** Ц. $1^1/_2$ к. — «Съ Богомъ»! Разсказъ ***Н. Телешова.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Разсказы о восточной Сибири. Составилъ ***Ф. Девель.*** Изданіе 2-е. Ц. 25 к.—***Ю. Вагнеръ.*** Разсказы о воздухѣ. Ц. 12 к.—***Его-же.*** Разсказы о водѣ. Ц. 15 к.—***Его-же.*** Разсказы о животныхъ. Ц. 15 к.

Иванъ Левицкый. Повисти й оповидання. Т. III. Зъ портретомъ автора. Кіевъ. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

А. Кримськиий. Пальмове гилля. Екзотичні поезиі. Львив. 1901.

Б. Гринченко. Середъ темнои ночы. Повисть. Кіевъ. 1901. Ц. 75 к.

Памятникъ Пушкину въ Екатеринославѣ. Екатеринославъ. 1901.

Иванъ Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Изданіе т-ва «Трудъ». Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Джонъ Рескинъ. Прогулки по Флоренціи. Замѣтки о христіанскомъ искусствѣ. Переводъ А. Герцыкъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Эдуардъ Дауденъ. Исторія французской литературы. Переводъ съ англ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія т-ва И. Д. Сытина. М. 1901. ***А. Алферовъ.*** Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія. Ц. 20 к.—Донателло. Изъ исторіи итальянскаго искусства XV в. Составилъ ***Н. Романовъ.*** Ц. 20 к.—Первый общедоступный театръ въ Россіи. Составилъ ***А. Кизеветтеръ.*** Ц. 20 к. — А. Н. Островскій и его дореформенные типы. Составилъ ***Ѳ. Нелидовъ.*** Ц. 20 к.

П. П. Викторовъ. М. 1901. Фаустъ и Мефистофель, какъ основные типы въ трагедіи общественныхъ настроеній. Очеркъ 1-й. Ц. 50 к. — Очерки эволюціи нашей художественной и публицистической критики. Серія 1-я, очеркъ 1-й. Ц. 60 к.—Живые вопросы текущей современности. Ц. 60 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе—какъ преступленіе. Мотивы Толстовскаго «Воскресенія» (Изъ журнала «Вѣстника Права»). Спб. 1901.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Изданіе Н. Юргенсона. Вып. XI. Ц. 40 к.

Автобіографія ***Абдурахманъ-Хана,*** эмира Афганистана. Перевелъ съ англ. М. Грулевъ. Съ картою Афганистана, портретомъ Абдурахманъ-Хана и 8 рис. Въ двухъ томахъ. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. ***Дмитрія Петрушевскаго.*** Часть вторая. М. 1901.

Германъ Вейнгартенъ. Народная реформація въ Англіи XVII вѣка. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей М. Н. Покровскаго и Н. Н. Шамонина. Изданіе И. А. Баландина. М. 1901. Ц. 1 р. 75 к.

Огюстэнъ Тьерри. Городскія коммуны во Франціи въ средніе вѣка. Переводъ Г. А. Лучинскаго. Съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Спб. 1901. Ц. 1 р. 30 к.

Эмиль Жебаръ. Начала возрожденія въ Италіи. Переводъ съ франц. Спб. 1900.

Эмиль Жебаръ. Мистическая Италія. Переводъ съ франц. Спб. 1901.

Арнольдъ Бергеръ. Культурныя задачи реформаціи. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей Г. В. Форстена. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Фюстель де-Куланжъ. Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ редакціей И. М. Гревса. Т. I. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Платформа, ея возникновеніе и развитіе (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Соч. ***Генри Джефсона.*** Переводъ съ англ. Н. Н. Мордвиновой, подъ редакціей В. Ѳ. Дерюжинскаго. Два тома. Спб. 1901. Ц. 3 р. за томъ.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. ***В. И. Семевскаго.*** Т. II. Спб. 1901. Ц. 5 р.

Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Историческій очеркъ ***М. М. Стасюлевича.*** 2-е изданіе. Спб. 1902.

Евгеній Филипповичъ. Основанія политической экономіи. Переводъ съ нѣм. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Е. Д. Максимовъ. Происхожденіе нищенства и мѣры борьбы съ нимъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Т. И. Осадчій. Общественный бытъ и проекты его улучшенія въ XIX столѣтіи. М. 1902. Ц. 75 к.

Общественныя теченія Запада конца XIX в. Осужденные въ Чикаго. ***Джона Макая.*** Съ франц. въ изложеніи О. Обломіевской и С. Штейнберга. Спб. 1901. Ц. 55 к.

Ѳ. К. Горбъ-Ромашкевичъ. По-

земельный кадастръ. Часть II. Варшава. 1900. Ц. 5 р.

М. Ковалевскій. «Экономическій строй Россіи». Библіографическая замѣтка ***В. К. Стукалича.*** Витебскъ. 1901.

О. М. Лернеръ. Евреи въ Новороссійскомъ краѣ. Историческіе очерки по даннымъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ - губернатора. Одесса. 1901.

Историческій очеркъ дѣятельности Кадниковскаго земства съ 1869 по 1893 годъ. Изданіе Кадниковскаго земства. Вологда. 1900.

Что доказала англо-бурская война? (Регулярная армія и милиція въ современной обстановкѣ). ***Мих. Павловича.*** Изданіе И. Т. Одесса. 1901. Ц. 20 к.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го Окт. 1900 г. по 1-е Окт. 1901 г. Подъ ред. директора коллегіи Павла Галагана А. З. Степовича. Кіевъ. 1901.

Вѣра Кудашева. Отъ русской женщины. Отвѣтъ Н. А. Лухмановой по поводу ея книги «Причины вѣчной распри между мужчиной и женщиной». М. 1901. Ц. 20 к.

А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изданіе С. Дороватовскаго и А Чарушникова. М. 1902. Ц. 40 к.

Н. Н. Шиповъ. Опытъ приложенія законовъ эволюціи къ изученію причинъ, вліяющихъ на развитіе плода мужского и женскаго пола. Спб. 1901.

Н. Н. Шиповъ. Изслѣдованіе болевого чувства во время родовъ и въ послѣродовомъ періодѣ. Спб. 1901.

Оспопрививаніе, какъ санитарная мѣра. ***Д. Д. Ахшарумова.*** Вольскъ. 1901.

Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія. (Воздухъ.—Вода.—Горѣніе). Составили ***П. Л. Мальчевскій*** и ***А. Г. Якобсонъ.*** Изд. Подвижного Музея учебн. пособій. Спб. 1901. Ц. 30 к.

Популярно-научная библіотека А. Ю. Маноцковой. № 7. Популярная минералогія. Проф. ***К. Ф. Петерса.*** Перев. съ нѣм. В. И. М. Съ рис. и чертежами. М. 1901. Ц. 80 к.

Императорское русское о-во акклиматизаціи животныхъ и растеній. Дневникъ отдѣла ихтіологіи. Подъ редакціей секретаря отдѣла В. А. Погоржельскаго. Вып. I—V. М. 1900—1901. Ц. 20 к. за вып.

Русскій сельскій календарь на 1902 годъ. Составилъ ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** М. 1901. Ц. 20 к.

Народный календарь на 1902 годъ. Составилъ ***И. Горбуновъ - Посадовъ.*** Для черноземныхъ (южныхъ и среднихъ) губерній. Ц. 5 к.—Тоже для нечерноземныхъ (сѣверныхъ и среднихъ) губерній. Ц. 5 к.

Докладъ о дѣятельности праздничныхъ собраній о-ва помощи нуждающимся женщинамъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Ниж.-Новгородъ. 1901.

Отчетъ о педагогическихъ курсахъ для учителей и учительницъ земскихъ школъ Тамбовской губ. Тамбовъ. 1901.

Отчетъ о дѣятельности муромскаго волостнаго отдѣленія Бѣлгородскаго сельско-хозяйственнаго о-ва. Курскъ. 1901.

Литература долгосрочнаго кредита. Изданіе Комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Изданія Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 1901. Статистика по казенной продажѣ питей за 1897 и 1898 гг.—Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, и гербовыхъ знаковъ за 1899 г.

Dr. ***V. Totomjanz*** und ***Toptschjan.*** Die Sozial-ökonomische Türkei. Berlin. 1901.

Политика.

Въ Америкѣ: Нью-іоркскіе выборы и пораженіе «Tammany».—Выборы губернаторовъ въ Массачусетсѣ, Нью-Джерси, Родъ Айландѣ, Пенсилваніи, Айовѣ, Огайо, Виргиніи, Кентуки, Мисиссипи.—Выборы мэра въ Санъ-Франциско.—Движеніе противъ трёстовъ и положеніе Рузвельта.—Международныя экономическія отношенія.—*Въ Англіи:* Проектъ бойкотированія англійскаго торговаго флота.—Его неудача.—Пробуры въ Англіи и ихъ митингъ въ Лондонѣ.—Положеніе правительства, критика либераловъ и отвѣтъ правительственныхъ ораторовъ.—Розберри.

I.

Еще въ XVIII в. въ Нью-Іоркѣ основалось благотворительное общество, принявшее имя легендарнаго героя американскихъ индѣйцевъ Таммани (Tammany) и организовавшееся на подобіе индѣйскаго быта. Раздѣленное на „племена“ и „колѣна“, оно управляется „боссомъ“, главою всего общества и „сахемами“, начальниками „племенъ“ и „колѣнъ“. Первоначальныя благотворительныя задачи были, однако, скоро оставлены, и общество, извѣстное подъ именемъ Tammany-Hall, Tammany-Ring или Tammany Society, превратилось уже въ 1802 году въ могущественную политическую ассоціацію демократической партіи города, а частью и штата Нью-Іорка. Сосредоточивъ въ своихъ рядахъ почти всю плутократію Нью-Іорка, считая сотни тысячъ записанныхъ членовъ и введя суровую партійную дисциплину, Таммани-Голлъ стала къ половинѣ XIX вѣка всемогущею въ Нью-Іоркѣ. Въ 60-хъ годахъ, подъ управленіемъ „босса“ Твида, оно выродилось въ союзъ для личнаго обогащенія и даже прямо хищенія. Злоупотребленія своимъ всемогуществомъ Твидъ довелъ до такого цинизма, что нисколько не скрывалъ цѣлей могущественной ассоціаціи, имъ руководимой, надѣясь на несокрушимость его избирательной силы (большинство нью-іоркскихъ избирателей считались членами союза), а потому и на безнаказанность хищеній. Однако, въ 1871 году Таммани-Голлъ потерпѣло пораженіе на муниципальныхъ выборахъ, а вслѣдъ затѣмъ самъ „боссъ“ и его „сахемы“ очутились на скамьѣ подсудимыхъ.

Недолго, однако, Нью-Іоркъ отдохнулъ отъ владычества этого своеобразнаго синдиката. Уже къ концу семидесятыхъ годовъ общество вновь является могущественнымъ факторомъ нью-іоркской муниципальной и политической жизни. Въ восьмидесятыхъ годахъ оно возвращаетъ себѣ безусловное первенство, а въ девятидесятыхъ, подъ управленіемъ энергичнаго „босса“ Крокера,

снова становится всесильнымъ и снова открыто становится союзомъ для личной наживы всяческими дозволенными и недозволенными средствами. И снова все благомыслящее и честное населеніе громаднаго города чувствовало себя десятки лѣтъ безсильнымъ передъ этою тиранніей шайки цинически открытыхъ хищниковъ и грабителей. Новая генеральная битва дана въ отчетномъ мѣсяцѣ на происходившихъ въ это время муниципальныхъ выборахъ въ Нью-Іоркѣ.

Никогда раньше избирательная борьба не доходила до такого ожесточенія, по истинѣ угрожающаго, и взаимное озлобленіе борющихся партій, доведенное до крайности, могло каждую минуту разразиться кровавою драмою. Съ цѣлью терроризировать противниковъ, полиція, которая вся находится въ рукахъ муниципалитета, и тогда стало быть находилась въ рукахъ Таммани-Голла, напустила на оппозицію все преступное населеніе огромнаго города. Личность и имущество непослушныхъ или просто ненадежныхъ избирателей были лишены полицейской и судебной охраны. Борьба была, такимъ образомъ, невиданно упорная и неслыханно ожесточенная, но и ставка была огромная. Вопросъ шелъ объ освобожденіи великаго города отъ постыдной тиранніи, о чести и свободѣ мильоновъ нью-іоркскихъ гражданъ. На предшествовавшихъ муниципальныхъ выборахъ борьба была тоже очень ожесточенная, но тогда демократы, республиканцы и популисты выставили, каждая партія, по особому списку и это раздѣленіе антитамманистовъ даровало тамманистамъ блистательную побѣду. На этотъ разъ антитамманисты, т. е. всѣ честные избиратели, рѣшились отложить партійныя разногласія и прежде всего освободить родной городъ отъ господства тамманистовъ. Это-то сліяніе всѣхъ честныхъ людей всѣхъ партій обнаружило боссу и его сахемамъ грозную опасность и заставило прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ для удержанія власти. Они понимали вполнѣ, что положеніе критическое, и, что если они потеряютъ эту битву, они едва ли когда-либо возвратятся къ власти. Для нихъ это вопросъ жизни и смерти, или, какъ цинически выразился самъ боссъ Крокеръ, вопросъ кармана. И Крокеръ рѣшился на coup de théatre. Когда обнаружилось, что изъ двухъ антитамманистскихъ кандидатовъ въ мэры Нью-Іорка на прошлыхъ выборахъ (третій, извѣстный Генри Джорджъ, умеръ) нынѣ антитамманистами намѣченъ Сетсъ Лоу, Крокеръ обратился къ другому въ то время антитамманистскому кандидату, Шипарду, и тотъ не постѣснился принять тамманистскую кандидатуру. Полагали, что популярность Шипарда среди антитамманистовъ разстроитъ ихъ ряды, а что тамманисты, хотя и неохотно, подадутъ единодушно свои голоса за своего недавняго противника, въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Вѣдь это было дѣло разсчета личной выгоды, болѣе того, дѣло самосохраненія. Замѣчательная организація, давнишнее

господство и слѣпая преданность членовъ Союза, все было за тамманистовъ. Сверху до низу вся муниципальная организація была въ ихъ рукахъ, вся полиція и даже весь судъ и всѣ эти агенты сознавали ясно, что съ побѣдой или пораженіемъ связано ихъ существованіе, ихъ заработокъ, часто ихъ свобода отъ тюрьмы. Денежныя средства тоже были огромныя: со всѣхъ служащихъ, дѣлались вычеты изъ содержанія въ капиталъ тамманистовъ; со всѣхъ притоновъ азартной игры, разврата и пр. взимался высокій налогъ въ ту же кассу; преступники и проститутки платили тоже свою дань; крупнѣйшіе капиталисты и банкиры Нью-Іорка были членами Таммани-Голла и дѣлали крупные взносы; другіе платили поневолѣ, опасаясь мести всемогущей ассоціаціи общественнаго растлѣнія. Понятно вполнѣ ожесточеніе борьбы со стороны тамманистовъ, но понятна и энергія честныхъ и смѣлыхъ избирателей Нью-Іорка въ ихъ штурмѣ столь блистательно укрѣпленныхъ позицій знаменитой банды. И, однако, многочисленные и очень крупные пари, заключенные по поводу выборовъ, показали, что публика склонна ждать пораженія тамманистовъ. За антитамманистовъ держали 100 противъ 75, не смотря на то, что сама касса ассоціаціи и ея крупные капиталисты и вожаки не жалѣли рисковать огромными суммами, чтобы не дать уронить этотъ *курсъ* еще ниже. Голосованіе состоялось 5 (18) ноября.

За Сетса Лоу было подано 206.742 голоса, за Шипарда—183.382. Такимъ образомъ, Лоу избранъ большинствомъ 23 тыс. голосовъ, и для тамманистовъ наступаютъ тяжелыя времена за безнаказанное хозяйничанье въ теченіе безъ малаго четверти вѣка. Вмѣстѣ съ Лоу, который, какъ выше упомянуто, избранъ въ мэры Нью-Іорка, прошелъ въ главные прокуроры города Джеромъ, противъ тамманистскаго кандидата Вика, бывшаго нью-іоркскаго мэра. Джеромъ извѣстенъ неподкупною честностью, неутомимою энергіей, юридическою опытностью и самымъ твердымъ намѣреніемъ очистить авгіевы конюшни нью-іоркскаго муниципалитета. Съ нимъ придется имѣть дѣло вожакамъ и заправиламъ банды, и это прибавляетъ много горечи къ ихъ и безъ того неутѣшительному положенію. Къ тому же они страшно много потеряли на пари: боссъ Крокеръ—300 тыс. руб., одинъ изъ сахемовъ, Джекъ Кэроль—200 тыс., другой сахемъ, сенаторъ Сюлливанъ, все свое состояніе и т. д.

Одновременно съ нью-іоркскими муниципальными выборами происходили муниципальные же выборы въ Санъ-Франциско и выборы губернаторовъ въ нѣсколькихъ штатахъ союза. Санъ-Францисскіе муниципальные выборы интересны тѣмъ, что здѣсь потерпѣли пораженіе кандидаты обѣихъ великихъ партій, раздѣляющихъ гражданъ американской республики. Избранъ мэромъ Шмитсъ, кандидатъ соціалистовъ, большинствомъ 2.500 голосовъ.

До своего избранія въ санъ-францискскіе мэры Шмитсъ состоялъ дирижоромъ оркестра въ одномъ изъ театровъ Санъ-Франциско. По образованію, онъ механикъ.

Выборы губернаторовъ происходили въ Массачусетсѣ, Нью-Джерси, Родъ-Айландѣ, Пенсильвеніи, Виргиніи, Миссиссипи, Кентуки, Мериландѣ, Айовѣ, Делаварѣ, Огайо и Небраскѣ. Демократы одержали верхъ въ Виргиніи, Миссиссипи, Кентуки, Мериландѣ и Делаварѣ. Въ остальныхъ избраны губернаторами республиканцы. Нѣкоторый интересъ представляли губернаторскіе выборы въ Пенсильваніи. Здѣсь республиканцы, не сочувствующіе имперіализму, заключили союзъ съ демократами, но и этотъ компромиссъ не имѣлъ успѣха. Знаменателенъ онъ, однако, какъ симптомъ броженія въ средѣ республиканской партіи. Отмѣтимъ еще, что Небраска, давшая побѣду республиканскому кандидату, есть родной штатъ О'Брайана, и что въ Массачусетсѣ, этомъ давно безспорномъ плацдармѣ республиканской партіи, ея побѣда была не столь рѣшительна, какъ раньше.

Эти симптомы броженія и возможнаго разложенія республиканской партіи заставили ея вожаковъ призадуматься. Очевидно, въ средѣ самой господствующей партіи сказывается довольно сильно недовольство крайностями вновь изобрѣтеннаго американскаго имперіализма, и въ первой линіи противъ всемогущества Trust'овъ и запретительнаго протекціонизма. Въ этомъ отношеніи имѣетъ немаловажный интересъ рѣчь сенатора Лоджа на одномъ банкетѣ въ Бостонѣ. Лоджъ считается единомышленникомъ Рузвельта и принадлежитъ къ числу самыхъ вліятельныхъ сенаторовъ. Прежде всего, онъ категорически высказался въ пользу торговыхъ договоровъ на началахъ взаимнаго признанія экономическихъ интересовъ договаривающихся націй, при чемъ прямо заявилъ, что выработка такихъ договоровъ составитъ предметъ заботы президента и конгресса въ теченіе ближайшей сессіи. Ораторъ, впрочемъ, еще не рѣшилъ, необходимо ли съ каждою націей имѣть особыя спеціально для нея выработанныя соглашенія, или создать такое законодательство, которое давало бы одинаковое покровительство всѣмъ націямъ въ обмѣнъ за взаимность. Лоджъ затѣмъ остановился на экономическихъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ наиболѣе заинтересованнымъ націямъ и высказалъ мнѣніе, что для Соединенныхъ Штатовъ наибольшее значеніе имѣетъ соглашеніе съ Франціей, „большее значеніе, чѣмъ всѣ остальныя соглашенія, вмѣстѣ взятыя... Франція (воскликнулъ онъ) представляется націей, съ которою мы горячо желаемъ укрѣпить наилучшія отношенія". Ораторъ находитъ, что такое соглашеніе съ Франціей крайне желательно съ точки зрѣнія политической столько же, сколько и ради экономическихъ соображеній. Съ Англіей необходимъ трактатъ о взаимности, чтобы устранить препятствія къ сооруженію междуокеаническаго канала. Соеди-

ненные Штаты находятся въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣмъ міромъ, и Лоджъ не сомнѣвается, что Рузвельтъ приложитъ всѣ старанія къ ихъ поддержанію. Это не должно мѣшать самому строгому проведенію доктрины Монроэ. Ораторъ понимаетъ эту доктрину въ томъ смыслѣ, чтобы ни одной европейской державѣ не было дозволено пріобрѣтать территоріи въ Новомъ Свѣтѣ, ни основывать морскія и угольныя станціи (извѣстно, что самъ Монроэ понималъ свою доктрину въ томъ смыслѣ, чтобы не дозволять господствующему въ Европѣ монархическому принципу, въ то время абсолютистскому, проникать въ республиканское полушаріе Новаго Свѣта). Въ заключеніе Лоджъ высказался за значительное развитіе арміи и особенно флота, видя въ этомъ *единственное* средство для охраненія мира.

Это „si vis pacem para bellum“ изобрѣлъ не Лоджъ съ американскими имперіалистами. Его изобрѣли римляне и средство оказалось для сохраненія мира столь дѣйствительнымъ, что римляне постоянно воевали. Европейскіе Наполеоны и Бисмарки его усвоили у римлянъ, и Европа давно стонетъ подъ непосильнымъ бременемъ „охраненія мира“. Охраняя миръ непосильными жертвами, Европа постоянно воевала и постоянно опасается войны. До сихъ поръ Соединенные Штаты не принимали такихъ мѣръ къ сохраненію мира и, однако, въ противуположность Европѣ, проходили въ мирѣ и безопасности свой блестящій историческій путь... Теперь и они начинаютъ заботиться о „сохраненіи мира“: тоже лицемѣріе, таже избитая фразеологія, таже жадность! Это одна сторона рѣчи Лоджа, очевидно, „имперіалиста“ съ ногъ до головы. Тѣмъ знаменательнѣе другая сторона, которою онъ отрекается отъ системы экономической борьбы съ другими націями при помощи протекціонизма, еще недавно создавшаго карьеру покойному Макъ-Кинлею. Конечно, отъ фразы до дѣла не очень близко, но интересно, что вожаки имперіализма чувствуютъ потребность брать эту, не другую ноту. Замѣчанія по адресу Франціи и сдержанность по отношенію Англіи показываютъ, что и здѣсь покойный Макъ-Кинлей нѣсколько хваталъ черезъ край въ своемъ англофильствѣ. Американцы еще не приготовлены къ этой эволюціи, уже вполнѣ совершившейся въ плутократическихъ слояхъ Нью-Іорка, Филадельфіи, Бостона, которые вполнѣ управляли политикою Макъ-Кинлея. Англійскіе подвиги въ Южной Африкѣ, конечно, не содѣйствуютъ такой же эволюціи въ болѣе широкихъ слояхъ сѣверо-американской націи.

„Охраненіе мира“ при помощи созданія арміи и флота и „охраненіе народнаго благосостоянія“ при помощи запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ являлись до сихъ поръ въ числѣ главнѣйшихъ пунктовъ имперіалистской программы. Третьимъ такимъ же пунктомъ являлось „охраненіе свободы народнаго труда и промышленной дѣятельности“, подъ чѣмъ разумѣлась защита

промышленныхъ синдикатовъ, знаменитыхъ trust'овъ. Если рѣчь Лоджа обнаруживаетъ нѣкоторую реакцію противъ протекціонизма, то существуютъ еще болѣе яркіе факты реакціи противъ безнаказанности дѣятельности синдикатовъ. Движеніе это настолько окрѣпло, что въ штатѣ Техасѣ недавно одобрена въ законодательномъ порядкѣ мѣра, ограничивающая свободу синдикатовъ, учреждающая за ними контроль правительства и устанавливающая отвѣтственность синдикатовъ за дѣйствія, нарушающія интересы населенія и государства. Какова была свободная дѣятельность trust-овъ, видно изъ того, что, по вступленіи новаго закона въ силу, генералъ-прокуроромъ штата возбуждено противъ синдикатовъ столько уголовныхъ дѣлъ, что въ случаѣ ихъ обвиненія судомъ, синдикаты должны бы были заплатить штрафовъ на сумму свыше 150 милліоновъ рублей (85 мил. долларовъ)! Эта иниціатива штата Техаса получила откликъ повсемѣстно, и проектируемое Рузвельтомъ созданіе новаго министерства (статсъ-секретаріата) торговли и промышленности ставятъ въ связь съ этимъ движеніемъ. Предполагается, будто бы, именно этому новому министерству поручить надзоръ за синдикатами, давъ ему для того надлежащія полномочія. Конечно, покуда это только слухи, но настолько не эфемерные, что синдикаты сочли полезнымъ начать между собою совѣщанія, не лучше ли будетъ пойти на встрѣчу движенію, сдѣлать нѣкоторыя уступки, понизить цѣны и пр. Они надѣются этими уступками удержать правительство („ихъ собственное“ правительство) отъ мѣропріятій, настоятельно требуемыхъ общественнымъ мнѣніемъ. Между прочимъ, и вышеупомянутый Джеромъ, нынѣшній прокуроръ города Нью-Іорка, на банкетѣ, данномъ въ честь его избранія, категорически высказался за борьбу съ синдикатами, этими вѣрными союзниками тамманистовъ.

Изъ этихъ отрывочныхъ, какъ все текущее, данныхъ позволительно заключить, что имперіализмъ въ Америкѣ, хотя и торжествуетъ, но имѣетъ противъ себя могущественныя теченія, съ которыми принужденъ считаться и которымъ приходится уступать, покрайней мѣрѣ, въ вопросахъ внутренней политики. Тѣмъ больше удовлетворенія долженъ принести американскимъ имперіалистамъ новый серьезный успѣхъ ихъ правительства во внѣшней политикѣ.

Въ Вашингтонѣ подписанъ новый договоръ между американскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гэемъ и англійскимъ посломъ Паунсефотомъ, въ отмѣну и замѣну ими же подписаннаго годъ тому назадъ договора о междуокеаническомъ каналѣ. Прежній договоръ, нейтрализуя будущій каналъ, ставилъ его и его нейтралитетъ подъ охрану Соединенныхъ Штатовъ и Англіи. Вашингтонскій сенатъ отказалъ въ ратификаціи этого договора, какъ предоставляющаго англичанамъ значеніе, не оправ-

дываемое ни ихъ участіемъ въ предпріятіи, ни интересами, ни ранѣе пріобрѣтенными правами. Новый, нынѣ подписанный договоръ повторяетъ нейтрализацію канала, но его и его нейтральности охрану предоставляетъ однимъ Соединеннымъ Штатамъ. Каналъ свободенъ и на одинаковыхъ условіяхъ будетъ доступенъ всѣмъ флагамъ, и Англія не получаетъ никакихъ привилегій. Неизвѣстно поэтому, изъ-за чего же было заключать договоръ? Развѣ, чтобы законно замѣнить прежній договоръ? Канада сѣтуетъ, что англійское правительство поспѣшило заключеніемъ этого договора, даже не спросивъ совѣта у правительства Канады, немаловажно заинтересованной въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, только для Канады, Мехики и Колумбіи каналъ имѣетъ значеніе не только международнаго, но и каботажнаго сообщенія, а договоръ совершенно забылъ объ этомъ и, въ стремленіи угодить Вашингтонскому правительству (чего только не заставитъ дѣлать южно-африканская драма?), не включилъ статьи, чтобы каботажъ Канады пользовался тѣми же правами, какъ и каботажъ Соединенныхъ Штатовъ. Вообще новый гэй-паунсефотовскій договоръ представляется очень важнымъ успѣхомъ для вашингтонскаго правительства. Между прочимъ, и въ смыслѣ укрѣпленія доктрины Монроэ, какъ она понимается американскими имперіалистами (см. выше, рѣчь Лоджа). Укрѣпленію этой же доктрины долженъ былъ служить и пан-американскій конгрессъ въ Мехико.

Мы уже упоминали объ этомъ конгрессѣ. Свѣдѣнія о ходѣ его занятій достигаютъ Европы въ очень скудномъ количествѣ, и то просѣянные въ Вашингтонѣ и другихъ центрахъ англо-саксонской Америки. Повидимому, ходъ конгресса мало утѣшаетъ англо-саксонскую Америку, которая не встрѣчаетъ даже довѣрія со стороны Америки латинской. Вашингтонское министерство иностранныхъ дѣлъ получило отъ своего представителя на мехиканскомъ конгрессѣ донесеніе, что громадное большинство представителей государствъ Южной и Центральной Америки имѣютъ, повидимому, секретныя инструкціи, направленныя къ отклоненію всѣхъ предложеній Соединенныхъ Штатовъ. Они подозрѣваютъ Штаты въ стремленіи установить родъ контроля надъ внѣшними сношеніями всѣхъ государствъ Новаго Свѣта. Эти подозрѣнія вносятъ много горечи въ дебаты. Представители латинской Америки пользуются каждымъ предлогомъ, чтобы выразить свои симпатіи и чувства самой глубокой преданности по адресу Испаніи, давая при этомъ понять, что они отклоняютъ всякую постороннюю опеку надъ своей политикой. Вашингтонское правительство не ожидаетъ, поэтому, отъ мехиканскаго съѣзда панамериканскихъ делегатовъ никакихъ положительныхъ результатовъ и даже опасается, что fiasco конгресса нанесетъ моральное пораженіе доктринѣ Монроэ. „Моральное пораженіе“, конечно, но въ этой доктринѣ, въ томъ видѣ, какъ ее исповѣдуютъ импе-

ріалисты, ничего не осталось моральнаго. Это просто стремленіе сберечь обширныя страны, еще мало культурныя и отсталыя, для своей собственной эксплуатаціи. Неморальное стремленіе въ сущности не можетъ понести моральнаго пораженія.

Чего, однако, желало правительство Соединенныхъ Штатовъ, добиваясь представительства на конгрессѣ въ Мехико, который, по первоначальной мысли мехиканскаго правительства, долженъ былъ состоять изъ делегатовъ латинской Америки? Я уже упомянулъ выше, что данныя о конгрессѣ очень неполны. Между прочимъ, очень неполны свѣдѣнія и о той роли, которую взяли на себя Соединенные Штаты, этотъ тигръ на совѣщаніи котовъ. Проскользнуло, однако, въ Европу одно въ высшей степени характерное свѣдѣніе. Представитель вашингтонскаго правительства внесъ на обсужденіе „пан-американскаго" конгресса вопросъ о томъ, чтобы государства и коммерческія предпріятія Америки перестали искать капиталовъ и кредитовъ въ Европѣ, замѣнивъ европейскіе капиталы сѣверо-американскими, которые можно получить на условіяхъ, аналогичныхъ условіямъ европейскаго денежнаго рынка. Это тоже очень характерное толкованіе доктрины Монроэ. Дѣло въ томъ, что если бы южно-американскія республики основательно задолжали сѣверо-американскимъ капиталистамъ, которые на свои же капиталы создали бы коммерческія и промышленныя предпріятія въ этихъ странахъ, то это былъ бы путь постепеннаго экономическаго и политическаго поглощенія латинской Америки англосаксонскою. Хорошо-ли это или дурно для человѣчества, это не можетъ быть желательно и пріятно для самихъ южно-американцевъ. Европейскіе капиталы въ этомъ отношеніи менѣе опасны. Прибыть, вслѣдъ за капиталами (черезъ извѣстный, болѣе или менѣе приличный срокъ), военнымъ кораблямъ изъ Европы, съ дессантомъ или безъ онаго, помѣшаетъ „доктрина Монроэ", такому же приходу военныхъ кораблей, съ дессантомъ или безъ онаго, изъ портовъ Соединенныхъ Штатовъ Европа, по всей вѣроятности, мѣшать не будетъ. Быть можетъ, не захочетъ; быть можетъ, не сможетъ; быть можетъ, взаимно себѣ самой мѣшать будетъ (обычное европейское занятіе). Словомъ, для южно-американцевъ европейскіе капиталы много безопаснѣе сѣверо американскихъ и, если южно-америкинскіе делегаты не прельстились перспективами, открытыми имъ представителями сѣверо-американскими, то выказали мудрости и осторожности гораздо болѣе, нежели отъ нихъ можно было ожидать. Вѣдь, кромѣ Мехики и Чили, остальныя республики уже вполнѣ исчерпали свою кредитоспособность въ Европѣ... Американцы, быть можетъ, согласятся еще ссудить! Надолго ли при этихъ условіяхъ хватитъ предусмотрительности и осторожности? Вѣроятно, не надолго, и „доктрина Монроэ" получитъ новое широкое, если не моральное, то матеріальное развитіе и укрѣпленіе. Впрочемъ, это гипотезы буду-

щаго, а покуда пан-американскій конгрессъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова, представляя собой въ этомъ случаѣ очень крупное событіе современной всемірной исторіи. Усилія Мехики и нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей другихъ государствъ латинской Америки выдѣлить и объединить эту Америку встрѣчаются на этомъ конгрессѣ съ доктриною Монроэ англо-саксонской Америки, которая, однако, свой пан-американизмъ умѣетъ какъ-то примирять съ все прогрессирующимъ пан-британизмомъ. Если мы предположимъ, что пан-британизмъ есть цѣль, а пан-американизмъ средство, то, вѣроятно, мы не будемъ далеки отъ чувствъ и намѣреній англо-саксонскихъ имперіалистовъ по обѣ стороны Атлантическаго океана.

II.

Дѣла англо-саксонцевъ по ту сторону Атлантическаго океана идутъ сравнительно не дурно. Если хотите, они идутъ въ общемъ лучше, нежели дѣла другихъ великихъ націй нашей планеты. Самый неисправимый оптимистъ не скажетъ того же о дѣлахъ англо-саксовъ по сю сторону Атлантическаго океана. Внѣшнимъ критеріемъ критическаго состоянія, переживаемаго европейскими англо-саксами, является паденіе государственныхъ заемныхъ обязательствъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ 114 за 100 номинальныхъ до 91. Принимая же во вниманіе, что англійскій государственный долгъ достигаетъ семи милліардовъ рублей, потеря однихъ владѣльцевъ государственныхъ бумагъ (всѣ въ Англіи) превзошла 1 милліардъ 600 милліоновъ рублей! Паденіе моральнаго кредита великой націи еще значительнѣе.

Въ этомъ отношеніи, очень интересна агитація, поднятая рабочими Голландіи съ цѣлью бойкотированія торговаго флота Англіи. Въ Роттердамѣ явилась идея, скоро подхваченная въ Амстердамѣ и Антверпенѣ, сдѣлать всеобщую стачку портовыхъ рабочихъ Европы, которая бы рѣшила не разгружать и не нагружать англійскихъ судовъ до тѣхъ поръ, покуда не будетъ англичанами отмѣнена система концентраціонныхъ лагерей, а вопросъ о войнѣ не будетъ переданъ на рѣшеніе международнаго суда. Само собою, что планъ этотъ могъ имѣть значеніе лишь при единодушномъ участіи главныхъ торговыхъ націй, по-крайней мѣрѣ, западной Европы. Забастовка въ портахъ, напр., Нидерландовъ повела бы только къ усиленію дѣятельности сосѣднихъ портовъ Франціи и особенно Германіи. Это было бы разорительно не для Англіи, а для Нидерландовъ. Предполагалось организовать двѣ группы: Атлантическій океанъ и Нѣмецкое море, во-первыхъ, а во-вторыхъ, западная половина Средиземнаго моря. Для первой группы было необходимо участіе

Бордо, Бреста, Гавра, Дюнкирхена изъ французскихъ портовъ, Антверцена изъ бельгійскихъ, Роттердама и Амстердама изъ голландскихъ, Бремена и Гамбурга изъ германскихъ. Для средиземно-морской группы въ центрѣ стоялъ Марсель (безъ него нельзя было начинать), а справа и слѣва, главнымъ образомъ, Барселона и Генуя. Сначала проектъ роттердамскихъ рабочихъ былъ всюду принятъ рабочими благопріятно, но когда выяснилось, какими громадными жертвами и убытками онъ будетъ оплаченъ, энтузіазмъ охладѣлъ. Правда, всѣ французскіе порты примкнули безусловно, а рабочіе Бреста постановили даже пригласить самихъ англичанъ рабочихъ къ стачкѣ; правда, въ Нью-Іоркѣ, гдѣ среди портовыхъ рабочихъ преобладаетъ элементъ ирландскій, постановлено было примкнуть къ бойкотированію Англіи, но колебательное отношеніе германскихъ рабочихъ, постигнутыхъ какъ разъ безработицей, и предусмотрительныя оговорки рабочихъ генуэзскихъ заставили усомниться въ успѣхѣ. Совѣщаніе делегатовъ, созванное въ Роттердамѣ, нашло проектъ неосуществимымъ и отъ него отказалось. Однако, мѣсяцъ агитаціи съ детальнымъ выясненіемъ жестокости и безчеловѣчности, съ которою ведется война въ Южной Африкѣ, долженъ дѣйствовать удручающимъ образомъ на всѣхъ благородныхъ и просвѣщенныхъ людей Англіи, гдѣ такихъ людей во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ какой либо другой странѣ міра.

Ихъ не мало, благородныхъ сердецъ и великихъ характеровъ, на туманной родинѣ Гладстона и Дарвина, но нынѣ не ихъ время. Ихъ заслоняетъ культурная чернь съ своими излюбленными вождями и руководителями вродѣ Чемберлэна, Мильнера, Сесиля Родса и т. д. Культурная чернь, ничего не позабывшая, потому что ей и забывать нечего, и ничему не научившаяся, потому что не ея это талантъ и не ученіе ея задача, эта многочисленная, состоятельная, самонадѣянная и ничѣмъ не стѣсняющаяся толпа въ настоящее время не въ одной Англіи является могущественнымъ элементомъ общественной жизни. Въ Англіи же переразвитіе плутократизма, для котораго культурная чернь представляется лучшею опорою, повело къ тому, что это могущество культурной черни перешло въ господство. Она зажимаетъ ротъ своимъ противникамъ, не гнушаясь прямымъ насиліемъ. Такъ, на 4 (17) ноября лондонскою демократическою лигою былъ созванъ митингъ съ цѣлью пропаганды идеи мира съ бурами и съ цѣлью защиты свободы слова, нынѣ стѣсненной терроромъ имперіалистовъ. Митингъ, однако, не могъ состояться, потому что въ назначенное для митинга мѣсто (Пекампъ-Рай) собралась громадная толпа антиманифестантовъ, и члены демократической лиги должны были спасаться подъ охрану полиціи. Тѣмъ не менѣе, были серьезно пострадавшіе, избитые, сбитые подъ ноги буйствующей толпы. Одинъ изъ членовъ лиги, защищаясь, выхватилъ ножъ. Онъ былъ

арестованъ и преданъ суду. Мировой судья приговорилъ его къ суровому тюремному заключенію. Отъ 12 (25) ноября изъ Лондона сообщаютъ о подобномъ же инцидентѣ. Либеральный митингъ не могъ состояться, вслѣдствіе угрожающаго положенія, занятаго громадною толпою имперіалистовъ, и вмѣшательства полиціи съ цѣлью предупредить столкновеніе.

Лондонскіе имперіалисты, опираясь на сундуки Сити и на косвенную поддержку полиціи, этимъ способомъ положительно терроризуютъ населеніе столицы и заставляютъ молчать противниковъ нынѣшняго правительства. Говорить противъ него можно въ Лондонѣ лишь въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Этотъ терроръ черни еще не распространился, однако, на провинцію и отсюда раздаются все громче и авторитетнѣе протесты противъ столько же безславнаго, сколько неспособнаго правленія кумировъ лондонской черни. Самые видные и отвѣтственные представители подняли голосъ, и страна вполнѣ освѣдомлена, что думаютъ о современномъ положеніи дѣлъ ея лучшіе люди.

Джонъ Морлей произнесъ рѣчь въ Форватѣ (Шотландія). Вспомнивъ, что Шотландія всегда отличалась либерализмомъ, хладнокровіемъ и чувствомъ мѣры, ораторъ всегда былъ того мнѣнія, что если болѣе или менѣе значительная часть шотландцевъ и увлеклась недавно идеями, не совсѣмъ отвѣчающими этимъ традиціоннымъ качествамъ шотландскаго народа, то увлеченіе это будетъ эфемерно и непродолжительно. Современное состояніе общественнаго мнѣнія въ Шотландіи подтверждаетъ это мнѣніе. Страна возвращается къ своимъ издавна излюбленнымъ идеямъ гуманности, свободы, предусмотрительной осторожности. Здравый смыслъ снова повсемѣстно торжествуетъ въ этой странѣ здраваго смысла по преимуществу. Обращаясь къ наиболѣе настоятельнымъ проблемамъ историческаго дня, Джонъ Морлей видитъ ихъ двѣ: окончаніе южно-африканской войны и выходъ изъ критическаго состоянія финансовъ государства. Онъ напоминаетъ, что два года тому назадъ слишкомъ онъ горячо рекомендовалъ прежде, чѣмъ идти на разрывъ и ссору, изучить дѣло и спросить компетентныхъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ въ дѣлахъ Южной Африки. Предостереженій отъ такихъ компетентныхъ судей тогда было не мало. Ихъ, однако, не спросили; ихъ мнѣніями пренебрегли, но ихъ предвидѣнія исполняются на нашихъ глазахъ. „Борьба продолжается. Ея послѣдствія пишутся кровью; они лягутъ бременемъ и страданіемъ на цѣлый рядъ поколѣній. Спрашивается, кто же были истинными слугами и друзьями государства? Тѣ ли, которые два года тому назадъ совѣтовали быть въ переговорахъ терпѣливыми и умѣренными и не спѣшить обнажать шпагу? Или тѣ, которые теперь взываютъ къ вашему терпѣнію и кричатъ объ опасностяхъ, угрожающихъ британской имперіи? Такою опасностью, серьезно угрожающей британской имперіи,

представляется въ моихъ глазахъ духъ нетерпимости, разнузданности и насилія, обуявшій значительную часть англійскаго населенія, тотъ духъ, къ которому постыднымъ образомъ аппелировало правительство во время послѣднихъ общихъ выборовъ... И это въ странѣ, которой интересы и отношенія сложнѣе, чѣмъ какой либо другой страны въ мірѣ, и которая поэтому нуждается въ государственныхъ людяхъ, прежде всего осторожныхъ и разсудительныхъ. Политика-же, требующая покорности безъ всякихъ условій, ведетъ прямымъ путемъ къ политикѣ истребленія. Этотъ духъ нетерпимости, разнузданности и насилія ведетъ васъ прямо къ рѣшенію: *эти люди стали на нашей дорогѣ, истребимъ же ихъ, если это необходимо*! Не самъ-ли лордъ. Солисбюри высказалъ въ палатѣ лордовъ мнѣніе, что наибольшею опасностью, угрожающею Англіи, это быстрый ростъ государственныхъ расходовъ"! Джонъ Морлей указываетъ на тѣсную связь между этимъ духомъ національной исключительности и возрастаніемъ государственныхъ расходовъ. Онъ цитируетъ цифры, опубликованныя Economist'омъ (извѣстный англ. журналъ), изъ которыхъ явствуетъ, что обыкновенные расходы, не включая чрезвычайныхъ, вызванныхъ войною, возрасли, въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ, на 28 мил. ф. ст., а если принять во вниманіе пріостановку погашенія государственной ренты, то даже—на 32 мил. ф. ст. ежегодно (800 мил. франковъ, или 300 мил. рублей въ годъ!). Такое возрастаніе расходовъ по истинѣ серьезная національная опасность. Причина ея въ ложномъ пониманіи національнаго величія и въ ложномъ представленіи о средствахъ народныхъ. Словомъ, въ концѣ концовъ, и разорительные расходы, и вырожденіе общественнаго мнѣнія, и злоключенія южной-африканской политики сведены всѣ Джономъ Морлеемъ къ одному знаменталю, развитію имперіализма.

Вслѣдъ за Джономъ Морлеемъ выступилъ и другой старый вождь либераловъ, другой вѣрный сподвижникъ Гладстона, Вильямъ Гаркортъ, опубликовавшій письмо въ „Times". Знаменательно, что „Times" далъ ему мѣсто, хотя самъ продолжаетъ держаться правительства. Въ этомъ письмѣ Вильямъ Гаркортъ обращаетъ вниманіе на опасность войны во что бы то ни стало. Лордъ Мильнеръ годъ тому назадъ выразился, что это уже потушенный пожаръ, лишь порою здѣсь и тамъ вспыхивающій, но несомнѣнно угасающій. Онъ угасаетъ, восклицаетъ Гаркортъ, но съ нимъ угасаютъ десятки тысячъ мужественныхъ жизней, и двѣсти тысячъ пожарныхъ не могутъ съ нимъ до сихъ поръ справиться. Предполагалось, что расходъ въ нѣсколько милліоновъ и военная прогулка отряда въ 10000 человѣкъ приведутъ къ полному подчиненію Трансвааля. Ни сожженіе и разореніе фермъ, ни истребленіе стадъ, ни заключеніе въ лагерь женщинъ и дѣтей, обреченныхъ тамъ на вымираніе, не привели, однако, къ этому ре-

зультату. Но самою непростительною ошибкою изъ многихъ, приведшихъ къ настоящему положенію, представляется удивительное легкомысліе, моральная и умственная слѣпота, съ которыми предпринималась и велась эта война. Можно думать, что предполагалось имѣть дѣло съ трусами, которые испугаются первой неудачи, которые отступятъ передъ любою безмысленною прокламаціей, которые не встрѣтятъ, какъ величайшее оскорбленіе, обязанность присутствовать при казни ихъ родныхъ и друзей,—образъ дѣйствія, еще недавно по заслугамъ заклейменный Джономъ Морлеемъ. Можно думать, что иниціаторы войны ничего не знали о расѣ, отъ которой произошли эти люди, о традиціяхъ, которымъ они преданы, о дѣлѣ, ради котораго они готовы жертвовать жизнью, семьею, состояніемъ! Напомнивъ затѣмъ слова Чемберлэна, будто средства, которыми теперь стараются принудить буровъ къ покорности, оправдываются историческими примѣрами и должны привести къ „высшей гуманности" въ будущемъ, Гаркортъ замѣчаетъ: „Можно-ли было себѣ представить, чтобы англійское министерство XX в. оправдывалось ссылками на историческіе примѣры Польши и Венгріи? Отчего бы уже не сослаться и на поведеніе знаменитаго герцога Альбы и на мѣры, которыя онъ примѣнялъ къ предкамъ буровъ въ Нидерландахъ?! Это кажется *высшей гуманностью* г. Чемберлэну, но посмотрите, что она уже сдѣлала въ Южной Африкѣ: англійская и голландская расы, жившія въ Капландіи и Оранжевой республикѣ въ мирѣ и дружбѣ, нынѣ раздѣлены ненавистью и враждою, страна разорена, а въ Трансваалѣ англійская раса изгнана, голландская или истреблена, или сражается! Таковы плоды двухлѣтней войны, и все, что отъ насъ снова и снова требуютъ: еще войны и еще жестокости. Но не такими мѣрами можно достичь умиротворенія. Характеръ и языкъ г. Чемберлэна удивительно приспособлены для того, чтобы затягивать войну. Онъ безъ застѣнчивости ими пользуется, чтобы возбуждать страсти и умножать предубѣжденія. Онъ сумѣлъ возстановить чувства всѣхъ націй Европы; онъ клевещетъ на своихъ политическихъ противниковъ; постоянными угрозами и постыдными жестокостями онъ укрѣпляетъ непріятеля въ рѣшимости сопротивляться à outrance. Не этимъ путемъ достигается миръ. Буры могутъ принимать лишь за издѣвательство, когда устами г. Чемберлэна имъ обѣщается въ будущемъ равенство расъ. Они знаютъ, что новый режимъ будутъ приводить въ исполненіе авторы Джемсоновой авантюры. Мы не должны забывать признанія лорда Мильнера, что *война въ Южной Африкѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ никогда не будетъ окончена*. Тѣ, кто желаютъ ея окончанія, должны, стало быть, поискать другихъ путей и средствъ".

Эти заявленія вождей оппозиціи, конечно, встрѣтили отпоръ въ рѣчахъ и заявленіяхъ правительственныхъ ораторовъ. Ранѣе другихъ говорилъ въ Бристолѣ Гиксъ-Бичъ. Какъ министръ фи-

нансовъ, онъ остановился преимущественно на финансахъ. Налоги, правда, повышены, но ихъ бремя не тяжело и плательщики несутъ это бремя безъ неудовольствія изъ патріотизма. Ораторъ не скрылъ, что, вѣроятно, въ ближайшую сессію парламента придется еще повысить налоги, но выразилъ увѣренность, что патріотизмъ облегчитъ населенію и это бремя. Министръ, однако, признался, что и безъ этого новаго возвышенія налоговъ подоходный налогъ уже превысилъ уровень, до котораго онъ доходилъ въ эпоху Крымской войны. Отвѣчая на только что передъ тѣмъ произнесенную, выше вкратцѣ изложенную, рѣчь Джона Морлея, сэръ Гиксъ-Бичъ замѣтилъ, что для Англіи большое счастье, что ея министры менѣе снисходительны и сговорчивы, нежели того желаетъ либеральный ораторъ. Болѣе снисходительные и сговорчивые министры стоили бы странѣ и больше денегъ, и больше крови... Благородный ораторъ не счелъ, однако, нужнымъ подкрѣпить свое заявленіе какими-либо доводами.

Послѣ Гиксъ-Бича, заговорилъ самъ Чемберлэнъ. Онъ предсѣдательствовалъ въ Лондонѣ въ собраніи, въ которомъ была поднесена отъ австралійцевъ генералу Баденъ-Поуэлю почетная сабля за защиту Мэфкинга противъ буровъ. Послѣ обычныхъ фразъ, приличныхъ случаю, и послѣ указанія на солидарность колоній съ метрополіей, Чемберлэнъ закончилъ свою рѣчь словами: „Если бы мы еще продолжали колебаться передъ поставленною проблемою; если бы мы не приняли во вниманіе мнѣнія нашихъ вѣрныхъ согражданъ (колоній), если бы мы согласились отсрочить разрывъ до времени, болѣе благопріятнаго для буровъ, мы не только утратили бы Южную Африку, но вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли бы симпатіи и уваженіе нашихъ сестеръ-націй (колоній), интимная дружба съ которыми должна быть задачею каждаго государственнаго человѣка этой страны“! Выходитъ, будто только въ угоду австралійцамъ и канадцамъ Чемберлэнъ, Мильнеръ, Родсъ и K° обрушились на буровъ. Et voilà comme on écrit l'histoire...

Очередь была за Сальсбюри, который, по вѣковому обычаю, долженъ былъ сказать политическую рѣчь на банкетѣ въ честь новаго лордмэра въ Гильдголлѣ. Послѣ обзора современнаго состоянія политическихъ дѣлъ земного шара и обрисовавъ ихъ въ смыслѣ, самомъ успокоительномъ и миролюбивомъ, высокопоставленный ораторъ продолжалъ: „Словомъ, я не вижу нигдѣ ничего, способнаго внушить серьезное безпокойство, за единственнымъ исключеніемъ. Это единственное, но очень значительное и серьезное, исключеніе представляетъ собою эта печальная и тягостная война, что мы ведемъ въ Южной Африкѣ. И всетаки я не склоненъ раздѣлять все болѣе и болѣе распространяющійся пессимизмъ на этотъ счетъ. Правда, дѣла не всегда идутъ такъ, какъ мы желали бы, но испытываемыя нами по этому поводу чувства

вызываются удивительною быстротою средствъ сообщенія въ наше время, которыя даютъ вамъ возможность узнавать возбуждающія сомнѣнія извѣстія нѣсколькими мѣсяцами раньше, нежели ихъ могли бы получать ваши предки. Я не вижу основаній для пессимизма. Я не думаю, чтобы въ войнѣ этого рода мы могли бы совершенно избѣгнуть непріятныхъ случайностей. Что мы должны были ожидать и на что мы должны были надѣяться, къ тому мы въ самомъ дѣлѣ пришли: къ постепенному, но прочному прогрессу въ направленіи къ окончательному успѣху. Если вы будете имѣть въ виду только то, что совершилось, вы несомнѣнно найдете возможнымъ констатировать, что въ прошедшихъ событіяхъ нѣтъ ничего такого, что могло бы насъ заставить усомниться въ окончательномъ успѣхѣ. Мнѣ возразятъ, что успѣхъ гораздо менѣе рѣшителенъ и скоръ, нежели мы надѣялись. Конечно, наши успѣхи оказались гораздо медленнѣе, нежели того многіе въ этой странѣ ожидали... Но медленность есть обыкновенный удѣлъ партизанскихъ войнъ... Стало быть, продолжительность войны не должна вызывать въ насъ ни колебаній, ни сомнѣній. Эта продолжительность могла бы внушать сомнѣнія лишь въ случаѣ, если бы мы дѣйствительно не дѣлали успѣховъ. И, однако, мы, правительство, находимся въ самомъ дѣлѣ въ затрудненіи: мы не можемъ вамъ сообщить всѣхъ деталей положенія, ни указать на всѣ наши планы. Молчать объ этомъ наша элементарная обязанность, а между тѣмъ, только нарушивъ это молчаніе, мы могли бы васъ совершенно успокоить. Все, что я вамъ могу сказать—и это не личное мое мнѣніе, быть можетъ, недостаточно компетентное, но лица, глубоко освѣдомленнаго въ дѣлахъ того края,—все, что я могу вамъ сказать, что мы постоянно, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю, дѣлаемъ успѣхи, прочные и существенные. Въ нѣкоторой части общественнаго мнѣнія высказываются взгляды, что война затянулась вслѣдствіе небрежности правительства. Я уже говорилъ, что продолжительность является необходимымъ спутникомъ партизанскихъ войнъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что война значительно ослабѣла. Мы не признаемъ, чтобы мы были тутъ чѣмъ либо виноваты, но нашъ долгъ мѣшаетъ дать надлежащій отпоръ обвиненіямъ. Правительство исполнило и исполняетъ свой долгъ. Требованія генераловъ выполняются немедленно; сдѣланы и постоянно дѣлаются громадныя заготовки. Это сознаніе могло бы значительно успокоить общественное мнѣніе и вселить больше довѣрія и твердости въ дѣло. Насъ часто и много критикуютъ. Одни—искренно; другіе,—руководствуясь духомъ партіи. Но среди этихъ критикъ нѣтъ ясныхъ, прямо формулированныхъ обвиненій, которыя можно было бы доказать или опровергнуть. И такая критика, не формулирующая точно свои нападки, не можетъ имѣть значенія, а именно только такую критику мы и встрѣчаемъ. Каково, однако, положеніе, нами зани-

маемое по отношенію къ войнѣ и переговорамъ? Переговоровъ еще не было. Наше положеніе остается неизмѣннымъ. Мы желаемъ одного: даровать этимъ странамъ всѣ тѣ преимущества, какія британская имперія, какъ то показываетъ исторія, даруетъ своимъ колоніямъ... Таково наше положеніе. Намъ говорятъ, что наши враги не согласятся ни на что другое, кромѣ независимости. Мы на это напомнимъ, что они сами насъ аттаковали, и что наша безопасность требуетъ лишить ихъ этой возможности. Это положеніе наше не измѣнилось съ начала войны и до настоящаго времени. Оно было одобрено всею Англіей... Я нимало не завидую тому министерству снисхожденія и примиренія, къ образованію котораго взываетъ мистеръ Морлей. Если бы такое министерство оказалось возможнымъ, оно бы очутилось въ положеніи, гораздо болѣе затруднительномъ, нежели всякое другое. Однако, въ настоящее время я не вижу, чтобы въ странѣ были сколько-нибудь значительныя теченія въ сторону, рекомендуемую м-ромъ Морлеемъ... Страна, по моему мнѣнію, исполнена твердой рѣшимости не допустить возобновленія опасностей, угрожавшихъ намъ въ Южной Африкѣ... Я знаю, что въ настоящее время южно-африканская война далеко не внушаетъ того энтузіазма, какъ годъ тому назадъ, но это не должно, повидимому, имѣть серьезныя послѣдствія для направленія и веденія войны. Страна ясно сознаетъ, какіе крупные интересы зависятъ отъ исхода этого предпріятія, и не позволитъ себя совратить съ истиннаго пути, ради временныхъ затрудненій и воображаемыхъ опасностей. Могущество Англіи, ея вліяніе на міровыя событія, ея положеніе среди другихъ націй зависитъ не отъ одного энтузіазма или страстей. Гораздо вѣрнѣе та дѣятельная энергія, которая, сознавъ свой долгъ и свои интересы, не даетъ себя увлечь съ избраннаго пути и, не смущаясь временными препятствіями и затрудненіями, всегда достигаетъ, хотя бы постепенно, хотя бы медленно, однажды намѣченной цѣли“.

Эта рѣчь англійскаго премьера въ своемъ родѣ, можно сказать, образцовая. Среди негодованія всего міра, среди обличеній въ самой Англіи, среди истребленія женщинъ и дѣтей въ лагеряхъ и сжиганія и разрушенія цѣлыхъ городовъ и деревень, среди вызывающей лжи его сподвижниковъ, высокородный маркизъ сохраняетъ олимпійское спокойствіе духа и, проходя мимо всего этого нечестія и стыда, взываетъ только къ твердости, испытанной вѣками, и энергіи, доказанной исторіей „этой страны“!.. Единственное въ самомъ дѣлѣ, что оставалось дѣлать человѣку, не научившемуся еще похваляться жестокостью и безчеловѣчностью, но не желающему и отречься отъ этихъ средствъ, послѣднихъ средствъ, на которыя возлагаются надежды. Воззваніе къ твердости и энергіи въ отстаиваніи интересовъ и могущества имперіи, это несомнѣнно серьезный козырь рѣчи англійскаго премьера.

Ссылка на необходимость молчать тоже не аргументъ, а только маневръ, но далеко не столь искусный и импонирующій: кто повѣритъ, чтобы немного больше правды о событіяхъ было нарушеніемъ военной тайны? Непріятель правду самъ лучше знаетъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, Бота, Деветъ и другіе такъ оторваны отъ всего міра! Но, несомнѣнно, самое сильное мѣсто въ рѣчи маркиза Сольсбюри, это указаніе на неопредѣленность критики. Въ самомъ дѣлѣ, принципіальный расколъ въ либеральной партіи на имперіалистовъ и анти-имперіалистовъ (вѣрныхъ гладстоніанцевъ), при желаніи сохранить аппарансы единой солидарной оппозиціи, совершенно парализуетъ критику; Джонъ Морлей и Вильямъ Гаркортъ, чью критику мы выше привели, въ самомъ дѣлѣ не даютъ программы, а это лишаетъ ихъ рѣчи девяти десятыхъ ихъ значенія. Они говорятъ, чего не надо было дѣлать. Они даже не очень сдержанно и осторожно говорятъ, чего теперь не надо дѣлать. Они не говорятъ, что же теперь надо предпринять. Этотъ параличъ оппозиціи, при явномъ банкротствѣ и господствующей партіи, и составляетъ вотъ уже болѣе полугода самую яркую и самую печальную сторону политическаго состоянія Англіи.

Послѣ гильдголльской рѣчи маркиза Сольсбюри, въ этой тяжбѣ, удручающей великую націю, слѣдуетъ отмѣтить еще два факта: заявленіе графа Розберри и рѣчь Баннермана-Кэмпбеля. Не очень давно мы подробно останавливались на положеніи, занятомъ графомъ Розберри. Бывшій гладстоніанецъ, принявшій отъ Гладстона руководительство либеральной партіей, потомъ оставившій это положеніе, графъ Розберри выступилъ съ заявленіемъ о необходимости распаденія либеральной партіи на имперіалистскую и „инсулярную“, какъ онъ назвалъ гладстоніанцевъ, при чемъ самъ рѣзко высказался за имперіализмъ и противъ „инсулярности“. Тогда либералы обѣихъ фракцій, только что закончившіе было компромиссъ, остались очень недовольны рѣзкимъ демаршемъ честолюбиваго графа. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Розберри снова выступаетъ, снова поражая общественное мнѣніе рѣзкостью сужденія и необычайностью предложенія. Онъ говорилъ въ Эдинбургѣ: „Правительство неспособно и безсильно. Къ тому же оно также переутомлено, какъ его солдаты въ Южной Африкѣ. Его должно и скоро его придется смѣнить. Но кѣмъ его замѣнить въ этомъ случаѣ? Что касается меня, то я желалъ бы, чтобы на мѣсто нынѣшняго кабинета былъ образованъ кабинетъ чисто дѣловой изъ людей, совершенно постороннихъ политикѣ. Я бы пригласилъ туда, напр., м-ра Изнэя или сэра Ричарда Муна, если бы они не умерли. Теперь я бы ввелъ туда сэра Эдуарда Липтона и м-ра Андрея Кэргля. Я увѣренъ, что такой кабинетъ удивилъ бы міръ количествомъ дѣла, которое онъ успѣлъ бы совершить въ теченіе какого-нибудь года“. Предложеніе графа Розберри, являющееся

осужденіемъ обѣихъ партій и признаніемъ ихъ неспособности вывести государство изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ оно очутилось по милости одной изъ этихъ партій, и изъ котораго оно не можетъ выдти, вслѣдствіе, между прочимъ, глубокаго раздора съ другой партіей, это необычайное и несогласное съ англійскими традиціями предложеніе „стоящаго внѣ партій“ графа произвело сильное впечатлѣніе не столько въ Шотландіи, гдѣ была произнесена рѣчь, сколько въ Лондонѣ среди дѣлового міра Сити. Здѣсь нынѣшнее, повидимому, безысходное положеніе отзывается очень тяжело. О кризисѣ говорить еще рано, но уже можно и должно говорить о застоѣ въ дѣлахъ и паденіи цѣнностей и объ огромныхъ убыткахъ. Однако, именно этотъ дѣловой людъ Сити и составляетъ опору имперіалистскому направленію. Замѣнить нынѣшній неспособный и дискредитированный кабинетъ министерствомъ либеральнымъ этотъ міръ ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы, но смѣнить столь неискусный и такъ мало пользующійся нынѣ довѣріемъ кабинетъ желали бы и несущіе убытки финансисты, и купцы Сити. Естественно, если въ этихъ кругахъ и подобныхъ же наслоеніяхъ другихъ торгово-промышленныхъ центровъ Англіи рѣчь графа Розберри встрѣтила общее вниманіе и нѣкоторое сочувствіе. Она была встрѣчена холодно и съ удивленіемъ во всѣхъ политическихъ кругахъ страны. Очевидно, она была неискренна. Очевидно, бывшій либеральный лидеръ и экспремьеръ чего-то не договаривалъ. Управлять безъ парламента никакое министерство не въ состояніи, а кабинетъ, какъ онъ намѣченъ графомъ, не могъ бы найти ни малѣйшей опоры въ парламентѣ. Если бы даже король Эдуардъ, о которомъ говорятъ, какъ объ очень расположенномъ къ графу Розберри, и послѣдовалъ его совѣту и для образованія опоры новому дѣловому кабинету распустилъ нынѣшній парламентъ, то это только усилило бы остроту положенія. Явиться передъ избирателями безъ программы кабинетъ не можетъ, а предложить программу, значитъ потерять свою дѣловую невинность и стать обыкновеннымъ политическимъ кабинетомъ, только взятымъ изъ среды новыхъ, притомъ незначительныхъ людей. Кабинетъ во всякомъ случаѣ долженъ будетъ быть либеральнымъ или консервативнымъ, имперіалистскимъ или гладстоніанскимъ. Идея графа Розберри сводится къ устраненію и консервативныхъ, и либеральныхъ вождей, съ которыми онъ не ладитъ. Это былъ только способъ осудить тѣхъ и другихъ и выдвинуть людей, стоящихъ будто бы „внѣ партій“. Онъ самъ о себѣ заявляетъ, что стоитъ внѣ партій. Онъ себя не называетъ главою будущаго „внѣ партійнаго“ кабинета, но назвать его могъ бы вѣдь и Эдуардъ VII. Если въ финансовыхъ кругахъ приняли рѣчь графа Розберри, какъ указаніе новаго исхода, то въ кругахъ политическихъ на нее посмотрѣли, какъ на пробный шаръ со стороны графа, очевидно желающаго воз-

вратиться къ политической дѣятельности. Онъ бы могъ вернуться къ ней всетаки, какъ либералъ. Поэтому, съ этой точки зрѣнія и взглянули на обходный маршъ благороднаго оратора въ средѣ либеральной партіи. Лидеръ либераловъ въ нижней палатѣ, единственный человѣкъ въ настоящее время, имѣющій право говорить отъ имени либеральной партіи, сэръ Баннерманъ Кэмпбель замѣтилъ на банкетѣ въ Абердинѣ (Шотландія), что если графъ Розберри въ самомъ дѣлѣ желаетъ вернуться къ политической дѣятельности, то либеральная партія охотно возвратитъ ему свое довѣріе, если онъ представитъ программу, соотвѣтствующую ея идеямъ. Баннерманъ Кэмпбель этими простыми и ясными словами указалъ благородному искателю премьерства единственный обычный путь. Онъ пригласилъ графа Розберри не считать себя исключеніемъ, отложить надежду диктовать свои условія и войти въ давно принятую и единственно при парламентской системѣ возможную колею: надо предложить программу, а партія обсудитъ и рѣшитъ. Имперіализмъ имперіализмомъ, это еще въ своей средѣ съ нѣкоторыми оговорками терпятъ либералы, но покушеніе на диктатуру въ самой Англіи, такъ ясно сказавшееся въ „дѣловой“ программѣ „стоящаго внѣ партіи“ графа, этого покуда ни либералы, ни консерваторы не потерпятъ. Можно себѣ представить то смущеніе, которое нынѣ господствуетъ въ политическахъ кругахъ Англіи, если даже такой испытанный политикъ, какъ графъ Розберри, могъ выступить съ своимъ удивительнымъ проектомъ.

21 (8) ноября произнесъ, наконецъ, рѣчь сэръ Баннерманъ Кэмпбель (въ Батѣ, на этотъ разъ въ Англіи) Онъ началъ прямо съ лагерей концентраціи. „Лицемѣріе оправдательныхъ доводовъ, которые намъ стараются представить,—сказалъ либеральный лидеръ,—почти такъ же отвратительно, какъ и сама жестокость. Прекрасно обсуждать, какъ то мы дѣлаемъ здѣсь въ Англіи, о большей или меньшей автономіи, которая можетъ быть предоставлена бурамъ. Но полагаете ли вы, что всѣ эти люди, которые видѣли свои фермы разграбленными и разрушенными, свои очаги поруганными, своихъ женъ и дѣтей истребляемыми, внезапно превратятся въ гражданъ счастливыхъ, довольныхъ и довѣряющихъ будущему? Не сожгли ли мы безъ всякой нужды домъ, въ которомъ думаемъ поселиться? Мы всѣ гордимся положеніемъ, которое занимаетъ наша страна въ мірѣ. Мы всѣ готовы защищать ея интересы. Мы готовы ее расширять, но, какъ либералы, мы не вѣримъ ни въ прочность, ни въ преуспѣяніе имперіи флибустьеровъ, лжецовъ и бахваловъ (*продолжительные апплодисменты*), имперіи, которая преслѣдуетъ свои выгоды, попирая права и чувства своихъ сосѣдей! Нѣкоторыя газеты, поклонницы грубой силы и грубой похвальбы, которую смѣшиваютъ съ патріотизмомъ, выдумали для людей иного типа названіе „малыхъ англичанъ“,

сторонниковъ малой Англіи. Я, господа, не сторонникъ малой Англіи, но старой Англіи. Я сторонникъ старыхъ обычаевъ и старыхъ традицій нашей націи, свободныхъ отъ всякихъ покушеній на неравенство и привилегіи. Я сторонникъ старинныхъ правилъ чести и свободы. Меня не увлекаетъ блестящая мишура, въ которую теперь желаютъ нарядить Англію. Желаніе наше—видѣть нашу націю великою націей. Но средство для этого мы видимъ не въ завистливыхъ взглядахъ, ни въ протянутыхъ хищныхъ рукахъ за достояніемъ другихъ народовъ, ни въ тратѣ милліоновъ на легкомысленныя авантюры".

Желалось бы думать, чтобы большинство либеральной партіи подписалось подъ этими благородными словами своего лидера. Покуда изъ авторитетныхъ устъ еще раздаются подобныя слова, можно съ надеждою взирать на будущность великой націи.

Мы нѣсколько долго остановились на дѣлахъ англо-саксовъ по обѣ стороны океана, но, по правдѣ, въ этихъ дѣлахъ въ настоящее время узелъ всемірной исторіи. О другихъ дѣлахъ до другого раза.

С. Южаковъ.

Литература и жизнь.

Объ одномъ неосновательномъ мнѣніи.—«Разсказы» Леонида Андреева.—Страхъ смерти и страхъ жизни.—Нѣсколько словъ «Финляндской Газетѣ».

Существуетъ мнѣніе,—мнѣ не разъ приходилось выслушивать его отъ заинтересованныхъ людей,—будто въ редакціяхъ журналовъ не читаютъ рукописей неизвѣстныхъ авторовъ, будто нужна „протекція", чтобы статья была напечатана или даже только прочитана, будто вообще печатаются только произведенія личныхъ знакомыхъ и „знаменитостей". Это одно изъ самыхъ неосновательныхъ представленій о редакціонныхъ порядкахъ. И не только неосновательно это представленіе, а и обидно. Члены редакцій тратятъ добрую половину своего рабочаго времени на закулисный, невидный публикѣ трудъ чтенія сотенъ и сотенъ рукописей, доставляемыхъ имъ,—и про нихъ же складывается такая нелѣпая легенда! Нелѣпа она и въ прямомъ, такъ сказать, ремесленномъ смыслѣ, ибо, увы! „знаменитостей" у насъ слишкомъ мало, чтобы какая нибудь редакція могла спокойно расположиться на ихъ плечахъ, а вѣдь матеріалъ-то для выпуска жур-

нальной книжки въ срокъ нуженъ. Но этого мало. Помимо всякихъ практическихъ соображеній редакторъ, именно потому, что ему приходится читать вороха подчасъ не только бездарныхъ, а и безграмотныхъ произведеній, съ особенною жадностью ищетъ въ этой кучѣ хоть проблеска таланта, хоть чего нибудь, надъ чѣмъ бы могла отдохнуть его утомленная мысль и оскорбленное эстетическое чувство. О, конечно, редакторы могутъ ошибаться и невѣрно оцѣнивать доставляемыя имъ произведенія, и это соображеніе можетъ служить достаточнымъ утѣшеніемъ для авторовъ непринятыхъ произведеній; а легенду о какомъ-то пренебреженіи къ новичкамъ, „неизвѣстнымъ", „начинающимъ", слѣдуетъ бросить, какъ совершенно нелѣпую...

Въ людяхъ, обреченныхъ на невидный и неблагодарный трудъ чтенія не того, что имъ хочется читать, а того, что они должны читать по обязанности, вырабатывается даже нѣсколько злобное нетерпѣніе: дескать, доберусь же я, наконецъ, до чего-нибудь настоящаго, свѣжаго, есть же они гдѣ нибудь, эти таланты, а если нѣтъ сейчасъ, то объявятся завтра, послѣ-завтра. И велика же бываетъ радость, когда, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ судьба пошлетъ что нибудь оригинальное и сколько нибудь значительное. Мнѣ еще недавно пришлось напомнить читателямъ о томъ восторгѣ, которымъ Некрасовъ, Григоровичъ и Бѣлинскій встрѣтили „Бѣдныхъ людей" Достоевскаго. Это исторія типическая, только расцвѣченная особенностями возраста и темперамента дѣйствующихъ лицъ.

И то же радостное чувство охватываетъ нашего брата, занимающаго скромное, но отвѣтственное положеніе сторожа при храмѣ литературы, когда мы наталкиваемся на что нибудь оригинальное и значительное не въ рукописи, не для нашего журнала предназначенное, а уже напечатанное, въ особенности, когда авторъ принадлежитъ къ числу „неизвѣстныхъ", „начинающихъ". Конечно, всякій читатель встрѣчаетъ новый талантъ съ удовольствіемъ, но для насъ яркость этого новаго таланта особенно выдѣляется среди той неизвѣстной публикѣ массы посредственныхъ, бездарныхъ и, наконецъ, безграмотныхъ писаній, которую мы преодолѣваемъ по обязанности. Мы способны даже преувеличить размѣры и значеніе новаго явленія на литературномъ горизонтѣ и были бы еще болѣе склонны къ подобнымъ преувеличеніямъ, если бы не воспитанный горькимъ опытомъ скептицизмъ: да, это хорошо, но будетъ ли эта искра разгораться и свѣтить, и грѣть, или завтра же потухнетъ, или занесетъ автора въ тѣ мрачныя дебри, гдѣ „лѣшій бродитъ" и гдѣ ненужно, да и невозможно никакое освѣщеніе? Все вѣдь это бывало...

И все это я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго небольшого сборника „Разсказовъ" г. Леонида

Андреева,—писателя, до тѣхъ поръ мнѣ совершенно неизвѣстнаго и во всякомъ случаѣ „начинающаго“.

Форма небольшихъ разсказовъ нынѣ въ большой модѣ. Не проходитъ мѣсяца, чтобы на книжномъ рынкѣ не появилось нѣсколько томиковъ „Разсказовъ“, „Очерковъ и разсказовъ“, „Маленькихъ разсказовъ“, „Печальныхъ разсказовъ“, „Веселыхъ разсказовъ“ и т. п. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ все это не возвышается надъ уровнемъ посредственности. Но самая форма, призванная, повидимому, замѣнить собою старый романъ, конечно, вполнѣ законна. Жалко немножко широкихъ рамокъ романа, въ которыхъ могла такъ всесторонне отражаться жизнь, преломляясь въ индивидульности автора. Однако, и въ этомъ отношеніи дѣло „разсказовъ“ не такъ ужъ плохо, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Мопассанъ и въ маленькихъ своихъ разсказахъ, не связанныхъ единствомъ фабулы, умѣлъ отражать жизнь съ разныхъ сторонъ, накладывая на каждую картинку печать своей индивидуальности, своей „самости“. А бѣда нашихъ многочисленныхъ творцовъ „маленькихъ разсказовъ“, „сѣренькихъ разсказовъ“ и т. п. состоитъ именно въ томъ, что они не „сами“. Они не имѣютъ опредѣленнаго, „своего“ угла зрѣнія на тѣ разрозненныя явленія жизни, которыя совершенно случайно подвертываются подъ ихъ перо. Только очень большой талантъ можетъ при такихъ условіяхъ выручить своею стихійною силою, но очень большой талантъ составляетъ и очень большую рѣдкость. Немудрено поэтому, что появляющіеся на нашемъ книжномъ рынкѣ безчисленные сборники разсказовъ и очерковъ отличаются чрезвычайною тусклостью во всѣхъ отношеніяхъ,—начиная съ тусклости языка, хотя бы и насыщеннаго разными словоизлитіями, и кончая тусклостью содержанія, хотя бы и переполненнаго кричащими эффектами.

Сборникъ разсказовъ г. Леонида Андреева рѣзко выдѣляется изъ этой тусклой, сѣрой массы. Ихъ всего десять, этихъ разсказовъ (уже послѣ выхода сборника я прочиталъ въ „Журналѣ для всѣхъ“ еще два разсказа—„Кусака“ и „Случай“). Но, не смотря на это, вы ясно видите если не всѣ черты и подробности физіономіи автора, то, по крайней мѣрѣ, несомнѣнную оригинальность этой физіономіи. Настоящую, подлинную оригинальность, а не поддѣлку подъ нее, не ломающееся оригинальничанье, котораго нынѣ развелось такъ много. Можетъ быть—отъ слова не станется!—оригинальность г. Андреева, находящагося еще въ началѣ пути, приведетъ его въ концѣ концовъ въ мѣста не совсѣмъ здоровыя, но можно, кажется, поручиться, что и въ этомъ печальномъ случаѣ онъ будетъ „самъ“. Въ немъ находятъ нѣчто общее съ Эдгаромъ По. Это до извѣстной степени вѣрно, но огромная разница въ томъ, что, за однимъ всего исключеніемъ (о немъ потомъ), въ разсказахъ г. Андреева нѣтъ ничего „необыкновеннаго“,

„страннаго“, фантастическаго, таинственнаго. Все простые житейскіе случаи, даже тогда, когда въ основѣ разсказа лежитъ тайна, какъ въ разсказахъ „Молчаніе“ и „Въ темную даль“. Здѣсь авторъ какъ бы закрываетъ половину своей картины, оставляя въ неизвѣстности причины упорнаго „молчанія“ и самоубійства молодой дѣвушки, и удаленія „въ темную даль“ молодого человѣка. Но ничего по существу таинственнаго здѣсь нѣтъ; этимъ пріемомъ лишь выдвигаются на первый планъ душевныя муки третьихъ лицъ,—родителей погибшей дѣвушки и родственниковъ неизвѣстно куда удалившагося молодого человѣка.

Творчество г. Андреева не ровное. У него есть разсказы истинно превосходные, въ которыхъ ни прибавить, ни убавить, ни передвинуть ничего нельзя („Жили-были“), но есть и растянутые („Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“). Не удаются ему дѣти („Ангелочекъ“, „Валя“). Но, повторяю, вездѣ и всегда онъ — „самъ“; не только въ смыслѣ отсутствія подражательности въ содержаніи и формѣ изложенія, а и въ смыслѣ отсутствія той распущенности, которая побуждаетъ большинство авторовъ „разсказовъ“ плавать „безъ кормила и весла“ по безграничному и безконечно разнообразному морю жизни. У г. Андреева есть то, что можно назвать центромъ вниманія,—даръ высокой цѣны, если лучи, исходящіе изъ этого центра, захватываютъ жизнь въ ширь и въ глубь...

Не веселы разсказы г. Андреева. Къ смѣху онъ совсѣмъ не склоненъ. Легкая улыбка,—дальше онъ не идетъ въ этомъ направленіи, хотя нѣкоторые изъ его сюжетовъ допускаютъ и иную обработку, иной подходъ къ нимъ. Читая его книгу, я уже съ внѣшней стороны былъ пораженъ тѣмъ, какъ часто встрѣчаются въ ней слова и цѣлыя реченія, выражающія страхъ или отсутствіе страха. Не то, чтобы его тянуло разсказывать непремѣнно „страшныя“ исторіи, — мы сейчасъ заглянемъ въ одну исторію, въ которой нѣтъ ничего страшнаго и которая въ другомъ освѣщеніи могла бы быть забавною, но и въ ней страхъ играетъ важную роль. Просто страхъ, ужасъ, и факты преодолѣванія страха, сознательно или безсознательно, привлекаютъ къ себѣ его вниманіе, и, вѣроятно, именно этимъ онъ напоминаетъ нѣкоторымъ читателямъ Эдгара По. Можетъ показаться, что эта тема до такой степени узка, что на ней мудрено построить цѣлую серію разсказовъ. Но это зависитъ отъ того, какъ отнестись къ темѣ, и я думаю, что съ той точки зрѣнія, на которой—повторяю, сознательно или безсознательно—стоитъ г. Андреевъ, это тема неисчерпаемая въ своихъ комбинаціяхъ.

Смерть часто „коситъ жатву жизни“ въ разсказахъ г. Андреева („Большой шлемъ“, „Молчаніе“, „Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“, „На рѣкѣ“, „Жили-были“), а смерть—страшная штука. Но и жизнь бываетъ страшной штукой, какъ видно уже изъ того, что

люди добровольно иногда мѣняютъ жизнь на смерть („Молчаніе", „Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ"). Страхъ смерти, страхъ жизни,— уже эти двѣ, грубо, такъ сказать, топоромъ намѣченныя рубрики открываютъ обширныя и разнообразныя перспективы для поэтическаго творчества, а вѣдь есть и гораздо болѣе тонкіе оттѣнки. Мы увидимъ ниже, какъ у г. Андреева умираютъ люди, что они думаютъ и чувствуютъ, приближаясь къ той неизбѣжной точкѣ, которою обрываетъ свою собственную работу, по выраженію нашего автора, „равнодушная, слѣпая сила, вызвавшая насъ изъ темныхъ нѣдръ небытія". Сначала посмотримъ, какъ люди жизни боятся.

Подъ заглавіемъ „У окна" разсказывается исторія молодого мелкаго чиновника Андрея Николаевича. Въ разговорѣ съ нѣкоей дѣвицей Наташей, онъ называетъ себя коллежскимъ секретаремъ, но или это опечатка, или Андрей Николаевичъ хвастаетъ. Чинъ на немъ долженъ быть гораздо меньше: образованіе его ограничивается двумя классами реальнаго училища, служебныя обязанности состоятъ въ перепискѣ бумагъ, товарищи прозвали его „Сусли-Мысли", а фамилія извѣстна одному казначею, да и самъ онъ въ письмѣ къ той же дѣвицѣ Наташѣ называетъ себя чиновникомъ „тринадцатаго" класса. Какъ бы то ни было, этотъ мизинный человѣкъ доволенъ своимъ положеніемъ, онъ по своему хорошо, спокойно устроился у себя въ комнатѣ и въ своей канцеляріи. Вся сутолока жизни, весь ея шумъ, всѣ ея тревоги идутъ мимо него, ему нѣтъ никакого дѣла до другихъ людей съ ихъ скорбями и радостями, да и имъ до него тоже дѣла нѣтъ. Но — говоритъ авторъ,—„въ созданной Андреемъ Николаевичемъ крѣпости, гдѣ онъ отсиживается отъ жизни, есть одно слабое мѣсто, и только онъ одинъ знаетъ ту потаенную калиточку, откуда неожиданно появляются непріятели. Онъ безопасенъ отъ вторженія людей, но до сихъ поръ онъ ничего не могъ подѣлать съ мыслями. И онѣ приходятъ, раздвигаютъ стѣны, снимаютъ потолокъ и бросаютъ Андрея Николаевича подъ хмурое небо, на середину той безконечной, открытой отвсюду площади, гдѣ онъ является какъ бы центромъ мірозданія, и гдѣ ему такъ нехорошо и жутко". Главное, — жутко, страшно. Конечно, такой страхъ наводятъ на Андрея Николаевича не всякія мысли,—онъ ими вообще не богатъ,—а тѣ, которыя въ формѣ воспоминаній или предположеній дѣлаютъ его участникомъ жизни, ставятъ въ ея шумный и вообще безпокойный и именно поэтому страшный водоворотъ.

Какъ разъ противъ окна комнатки, которую Андрей Николаевичъ нанималъ у пьянаго пекаря, стоялъ красивый домъ-особнякъ съ зеркальными стеклами, загороженными тропическими растеніями, вычурнымъ фасадомъ и проч. Андрей Николаевичъ любилъ смотрѣть на этотъ домъ и представлять себѣ, какъ жи-

вутъ его обитатели и какое тамъ множество всякихъ невиданныхъ имъ роскошныхъ вещей. Онъ зналъ въ лицо и великолѣпнаго владѣльца дома, и его великолѣпную супругу, и ребенка, и кучера, и горничную. Наблюденія надъ домомъ и его обитателями наводили его на различныя мысли. Такъ, при видѣ семилѣтняго сына владѣльцевъ дома, который съ необыкновенною важностью позволялъ горничной усаживать себя въ пролетку, Андрей Николаевичъ „искренно недоумѣвалъ, неужели такія дѣти, какъ онъ, съ врожденными погонами на плечахъ, родятся тѣмъ же простымъ способомъ, какъ и другія дѣти“? Всѣ подобныя мысли не были, однако, отравлены ни единой каплей зависти, прискорбныхъ или негодующихъ сравненій своего мизиннаго существованія съ этимъ блескомъ и роскошью. Андрей Николаевичъ былъ безповоротно доволенъ своею тихою и незамѣтною жизнью или своимъ „отсиживаніемъ отъ жизни“. Но вотъ ему приходитъ въ голову мысль, „что и онъ могъ бы быть человѣкомъ, который умѣетъ заработывать много денегъ, и у него тогда былъ бы домъ съ сіяющими стеклами и красивая жена. И отъ этого предположенія ему становилось страшно. Теперь онъ тихо сидѣлъ въ своей комнаткѣ, и стѣны, и потолокъ, до котораго легко достать рукой, обнимали его и защищали отъ жизни и людей. Никто не придетъ къ нему и не заговоритъ съ нимъ и не будетъ требовать отъ него отвѣта. Никто не знаетъ и не думаетъ о немъ, и онъ такъ спокоенъ, какъ будто онъ лежитъ на илистомъ днѣ глубокаго моря, и тяжелая, темно-зеленая масса воды отдѣляетъ его отъ поверхности съ ея бурями. И вдругъ бы у него богатство и власть, и онъ точно стоитъ на широкой равнинѣ, на виду у всѣхъ. Всѣ смотрятъ на него, говорятъ о немъ и трогаютъ его. Онъ долженъ говорить съ людьми, которые непрестанно приходятъ къ нему, и самъ онъ ходитъ въ дома съ высокими потолками и множествомъ оконъ, несущихъ яркій, бѣлый свѣтъ. И, ничѣмъ не защищенный, стоитъ онъ посрединѣ, словно на площади, по которой онъ такъ не любитъ ходить“.

Казалось бы, у такого человѣка могутъ быть страшныя предположенія и предвидѣнія, но не можетъ быть страшныхъ воспоминаній, если только какой-нибудь трагическій случай не разрѣзалъ его жизни пополамъ и не заставилъ его, какъ улитку, войти въ свою раковину лишь во вторую половину своего существованія. Такого трагическаго случая въ жизни Андрея Николаевича, повидимому, не было, онъ всегда быстро прятался въ раковину при приближеніи опасности, а потому и долженъ бы быть гарантированъ отъ нея. Но, по пословицѣ, рѣзвый самъ набѣжитъ, а на тихаго Богъ нанесетъ, у Андрея Николаевича страшныя воспоминанія есть. Такъ, онъ съ ужасомъ переживаетъ мыслью одно свое столкновеніе съ начальствомъ, столкновеніе,

въ которомъ онъ виноватъ только своимъ служебнымъ усердіемъ и которое, въ его пониманіи, окончилось благополучно именно потому, что онъ, только что повышенный по службѣ, былъ, благодаря этому столкновенію, возвращенъ въ свое тихое, спокойное, безотвѣтственное писарское состояніе. Но гораздо интереснѣе другое страшное событіе въ жизни Андрея Николаевича. У него былъ романъ... Романъ этотъ тоже кончился благополучно, въ его вкусѣ благополучно, то-есть ничего изъ него не вышло. Но и теперь, увидавъ на улицѣ предметъ своей бывшей любви,— „вотъ баба-то!—ужаснулся Андрей Николаевичъ.—И слава Богу, что я на ней не женился“...

Любовь окрыляетъ, поднимаетъ тонусъ жизни. Даже птицы, гады, рыбы наряжаются въ пору любви въ яркія одежды и вооружаются разными воинственными приспособленіями. Какъ же это съ нашимъ Андреемъ Николаевичемъ случилось? Это чрезвычайно любопытная исторія, богатая не столько внѣшними фактами, сколько душевными тревогами героя.

Первая встрѣча произошла на какой-то вечеринкѣ. Наташа, по ремеслу папиросница, была красивая дѣвушка, и любви ея многіе добивались, въ томъ числѣ нѣкій Гусаренокъ, удалой и пьяный мастеровой. Наташа сама подсѣла къ Андрею Николаевичу, заговорила съ нимъ. Гусаренку это не понравилось, и дѣвушка сочла нужнымъ предупредить нашего героя, чтобы онъ остерегался забубеннаго мастерового: побьетъ. —„Не смѣетъ, я чиновникъ,—возразилъ Андрей Николаевичъ, и, дѣйствительно, нисколько не боялся“. Онъ много и очень развязно разговаривалъ. „Но какъ только Наташа отошла отъ него, имъ овладѣло чувство величайшаго страха, что она снова подойдетъ и снова заговоритъ. И Гусаренка онъ сталъ бояться и долго находился въ нерѣшимости, что ему дѣлать: идти ли домой, чтобы спастись отъ Наташи, или оставаться здѣсь, пока Гусаренка не заберутъ въ участокъ, о чемъ извѣстно будетъ по свисткамъ. Весь слѣдующій день Андрей Николаевичъ томился страхомъ, что придетъ Наташа, и ноги его нѣсколько разъ обмякали при воспоминаніи о томъ, какъ онъ, Андрей Николаевичъ, былъ отчаянно смѣлъ вчера. Но когда за перегородкой у хозяйки онъ услышалъ низкій голосъ Наташи, онъ, подхваченный невѣдомой силой, сорвался съ мѣста и развязно вошелъ въ комнату. Такъ во время сраженія впереди батальона бѣжитъ молоденькій солдатикъ, размахиваетъ руками и кричитъ „ура!“ Подумаешь, что это самый храбрый изъ всѣхъ, а у него холодный потъ льетъ по блѣдному лицу и сердце разрывается отъ ужаса“.

Черезъ два мѣсяца они цѣловались и говорили другъ другу ласковыя слова, но изъ этого всетаки ничего не вышло. Когда „Сусли-Мысли“ былъ возлѣ Наташи, женитьба улыбалась ему, его захватывалъ тотъ инстинктъ, который и птицу, и гада, и рыбу осмѣ-

ляетъ, но въ отсутствіи дѣвушки его бралъ ужасъ передъ безчисленными трудностями этого дѣла: надо къ попу идти, шаферовъ искать, а они еще, пожалуй, не явятся во время, за ними ѣхать надо будетъ, потомъ въ церковь ѣхать, а она вдругъ заперта и сторожъ ключъ потерялъ, потомъ квартиру нанимать, потомъ дѣти пойдутъ, и вдругъ двойни... И пока онъ такъ „суслилъ-мыслилъ", Наташѣ надоѣло ждать, и она вышла за Гусаренка. Андрей Николаевичъ почувствовалъ нѣкоторую обиду, но и облегченіе: чаша, полная безпокойствъ и волненій, миновала его... Такъ и доживаетъ „Сусли-Мысли" свой вѣкъ „у окна", тихо, спокойно, лишь изрѣдка содрогаясь при воспоминаніи о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которыхъ онъ благополучно избѣжалъ, или при предвидѣніи не менѣе страшныхъ комбинацій обстоятельствъ, которыя, впрочемъ—онъ навѣрное знаетъ—никогда для него въ дѣйствительности не наступятъ... Изъ другихъ черточекъ, дополняющихъ образъ Андрея Николаевича, отмѣтимъ только одну еще: „Другіе (чиновники) вонъ и благодарность принимаютъ, а я не могу",—съ гордостью заявляетъ онъ Наташѣ и прибавляетъ: „еще попадешься грѣшнымъ дѣломъ"...

„Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ" рисуетъ намъ фигуру въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно противоположную Андрею Николаевичу. Сергѣй Петровичъ—студентъ, бѣдный, некрасивый, ограниченный, бездарный, робкій, неспособный ни къ напряженной мысли, ни къ сильному чувству, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ обдѣленный судьбою. Андрей Николаевичъ тоже не изъ богато одаренныхъ, но онъ счастливъ въ своей раковинѣ, гдѣ его только изрѣдка навѣщаютъ безпокойныя думы о томъ, какъ страшно жить шумною жизнью или жениться, и очень доволенъ собой. Сергѣй Петровичъ, наоборотъ, вполнѣ сознаетъ свое круглое ничтожество и вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ мечтать о какомъ-нибудь переворотѣ, который внезапно сдѣлаетъ изъ него красавца, умницу, богача. Любимымъ его чтеніемъ были „80.000 верстъ подъ водою" Жюля Верна и „Одинъ въ полѣ не воинъ" Шпильгагена, въ которыхъ онъ восторгается гордыми героическими личностями капитана Немо и Лео. Въ послѣднее время онъ увлекся еще „Заратустрой" Ничше, гдѣ его особенно поразила идея сверхъ-человѣка,—того, кто „полноправно владѣетъ силою, счастьемъ и свободой" (всей книги онъ, впрочемъ, не дочиталъ). „Заратустра" былъ для него кнутомъ, который было заставилъ его выпрямиться, но въ концѣ концовъ онъ, постоянно сравнивая свою сѣрость съ яркимъ блескомъ сверхъ-человѣка, остановился на слѣдующемъ изреченіи Заратустры: „Если жизнь не удается тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся смерть". Онъ рѣшилъ умереть. „И когда онъ ощутилъ въ себѣ спокойную готовность умереть,—впервые за всю жизнь онъ испыталъ глубокую и горделивую радость раба, ломающаго свои оковы. „Я не трусъ",

сказалъ Сергѣй Петровичъ, и это была первая похвала, которую онъ отъ себя и съ гордостью принялъ". Наканунѣ назначеннаго дня онъ испугался мысли о смерти, но скоро устыдился. „Страхъ исчезъ, но жгучій стыдъ медлилъ уходить, и всѣми силами измученной души Сергѣй Петровичъ возмутился противъ исчезнувшаго страха, этого позорнѣйшаго звена на длинной цѣпи раба. Равнодушная, слѣпая сила, вызвавшая Сергѣя Петровича изъ темныхъ нѣдръ небытія, сдѣлала послѣднюю попытку заковать его въ колодки, какъ трусливаго бѣглеца-неудачника, и хоть на нѣсколько часовъ, но это удалось ей". А затѣмъ Сергѣй Петровичъ отравился...

„Большой шлемъ". Трое мужчинъ и одна дама аккуратно три раза въ недѣлю собирались для игры въ винтъ, размѣщаясь за столомъ постоянно въ одномъ и томъ же порядкѣ, такъ что партнеры не мѣнялись. Замѣчу, что „Большой шлемъ" по тонкости отдѣлки одинъ изъ лучшихъ разсказовъ въ сборникѣ г. Андреева, но насъ будутъ интересовать здѣсь только два игрока, Николай Дмитріевичъ, игравшій съ нѣкоторою страстностью и тщетно мечтавшій о большомъ шлемѣ, и его неизмѣнный партнеръ, методическій Яковъ Ивановичъ, никогда не игравшій больше четырехъ. Вообще Николаю Дмитріевичу не везло. Но вотъ, однажды, ему повалила карта и, наконецъ, пришла такая, что если въ прикупкѣ попадется пиковый тузъ, то большой шлемъ готовъ. „Николай Дмитріевичъ протянулъ руку за прикупомъ, но покачнулся и повалилъ свѣчку. Евпраксія Васильевна подхватила ее, а Николай Дмитріевичъ секунду сидѣлъ неподвижно и прямо, положивъ карты на столъ, а потомъ взмахнулъ руками и медленно сталъ валиться на лѣвую сторону. Падая, онъ свалилъ столикъ, на которомъ стояло блюдечко съ налитымъ чаемъ, и придавилъ своимъ тѣломъ его хрустнувшую ножку".—Николай Дмитріевичъ умеръ отъ паралича сердца, что, можетъ быть, было результатомъ волненія, вызваннаго возможностью осуществленія мечты о большомъ шлемѣ. Но это была только возможность, прикупки своей Николай Дмитріевичъ не успѣлъ вскрыть; за него это сдѣлалъ его неизмѣнный партнеръ, Яковъ Ивановичъ...

Одно соображеніе, ужасное по своей простотѣ, потрясло худенькое тѣло Якова Ивановича и заставило его вскочить съ кресла. Оглядываясь по сторонамъ, какъ будто мысль не сама пришла къ нему, а кто то шепнулъ ее на ухо, Яковъ Ивановичъ громко сказалъ:

— Но вѣдь онъ никогда не узнаетъ, что въ прикупѣ былъ тузъ и что на рукахъ у него былъ вѣрный большой шлемъ. Никогда!

И Якову Ивановичу показалось, что онъ до сихъ поръ не понималъ, что такое смерть. Но теперь онъ понялъ, и то, что онъ ясно увидѣлъ, было до такой степени ужасно, безсмысленно и непоправимо. Никогда не узнаетъ. Если Яковъ Ивановичъ станетъ кричать объ этомъ надъ самымъ его ухомъ, будетъ плакать и показывать карты, Николай Дмитріевичъ не услышитъ и никогда не узнаетъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ никакого Николая Дмитріевича. Еще одно бы только движеніе, одна секунда чего то, что есть жизнь,—

и Николай Дмитріевичъ увидѣлъ бы туза и узналъ, что у него есть большой шлемъ, а теперь все кончилось и онъ не знаетъ и никогда не узнаетъ.

— Ни-ко-гда,—мéдленно, по слогамъ, произнесъ Яковъ Ивановичъ, чтобы убѣдиться, что такое слово существуетъ и имѣетъ смыслъ.

Такое слово существовало и имѣло смыслъ, но оно было до того чудовищно и горько, что Яковъ Ивановичъ снова упалъ въ кресло и безпомощно заплакалъ отъ жалости къ тому, кто никогда не узнаетъ, и отъ жалости къ себѣ, ко всѣмъ, такъ какъ то же страшное и безсмысленно жестокое будетъ и съ нимъ, и со всѣми. Онъ плакалъ—и игралъ за Николая Дмитріевича его картами и бралъ взятки одну за другой, пока не собралъ ихъ тринадцать, и думалъ, какъ много пришлось бы записать, и что никогда Николай Дмитріевичъ не узнаетъ...

Яковъ Ивановичъ съ ужасомъ думаетъ и о покойникѣ, и о томъ, что и ему, Якову Ивановичу, и „всѣмъ" предстоитъ смерть, но—любопытная черта—это не мѣшаетъ ему доигрывать игру Николая Дмитріевича: жизнь продолжаетъ прясть свою нитку даже въ минуту особенно ясной мысли о неизбѣжности смерти. Жизнь хочетъ жить во что бы то ни стало, хотя, казалось бы, если смерть такъ страшна, то и жизнь страшна, уже просто потому, что она должна кончиться. Но мы знаемъ, что и помимо того жизнь бываетъ страшна, не только для ничтожнаго и смѣшного Сусли-Мысли, но и для ничтожнаго же, но не смѣшного, потому что сознавшаго при холодномъ свѣтѣ идеи сверхъ-человѣка свое ничтожество Сергѣя Петровича, и для унесшей съ собой въ могилу тайну „молчанія" молодой дѣвушки. Далѣе, Николай Дмитріевичъ умеръ, не узнавъ, что къ нему пришелъ большой шлемъ, о которомъ онъ давно мечталъ, и собственно это-то и внушаетъ Якову Ивановичу скорбь. Ну, а если бы Николай Дмитріевичъ умеръ, не узнавъ о чемъ-нибудь тяжеломъ, непріятномъ, оскорбительномъ,—о своемъ разореніи, о подломъ коварствѣ друга, о смерти сына, объ измѣнѣ любимой женщины и т. п.? Скорбѣлъ ли бы тогда объ его участи Яковъ Ивановичъ? И потомъ: Яковъ Ивановичъ печалуется за „всѣхъ", и это понятно въ такой неопредѣленности. Но кто же можетъ по совѣсти сказать, что онъ никогда и никому не желалъ смерти, и не думалъ о ней отнюдь не съ печалью? Оставимъ убійцъ изъ мести, зависти, корысти; оставимъ наслѣдниковъ, съ жаднымъ нетерпѣніемъ прислушивающихся къ предсмертному хрипѣнію стариковъ; оставимъ чиновный людъ, ожидающій очищенія вакансіи, и проч. Припомнимъ только одно изъ стихотвореній Добролюбова:

Печальный вѣстникъ смерти новой,
Въ газетахъ черный ободокъ
Не будитъ горести суровой
Въ душѣ исполненной тревогъ.

. . . .

Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно;

Что въ старомъ мірѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено.
Ликуй же, смерть, въ странѣ унылой,
Все въ ней отжившее рази
И знамя жизни надъ могилой
На грудахъ труповъ водрузи!

Страшно думать о томъ, что „нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ", но нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, что умираетъ „отжившее", заслоняющее свѣтъ. О, конечно, не все къ лучшему въ нашемъ, допустимъ, даже наилучшемъ изъ міровъ, много въ немъ „безсмысленнаго и жестокаго", много ужаснаго, но въ томъ видѣ, какъ онъ есть, обновленіе жизни, покупаемое цѣною смерти „отжившаго", не страшно. Дѣло не въ возрастѣ, разумѣется. Мы знаемъ свѣтоносныхъ стариковъ, смерть которыхъ облекла бы нелицемѣрнымъ трауромъ всю родную страну и даже далекія чужія страны. Но знаемъ и такихъ, которые своею жизнью сокращаютъ сумму жизни на землѣ, жестоко и безсмысленно вырывая и давя ростки жизни; знаемъ и юныхъ мерзавцевъ. И, конечно, не ужасъ и печаль должно вызывать ихъ уничтоженіе.

Скажутъ: самому то умирающему отъ этого не легче, онъ то всетаки жить хочетъ и всѣми силами отпихиваетъ отъ себя страшную картину своей смерти и похоронъ, которая съ такою художественною отчетливостью рисовалась Сергѣю Петровичу (читатель найдетъ ее на стр. 93). Разъ возникшая жизнь упорно не сдается и до послѣдней возможности, корчась отъ страданій, отстаиваетъ свою форму, будь то форма могучаго льва или ничтожной бактеріи, гордой пальмы или смиренной блѣдной травинки. Однако, какъ разъ человѣкъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Онъ можетъ такъ испугаться жизни, что предпочтетъ ей смерть. И—кто знаетъ?—можетъ быть, тотъ зловредный старикъ, который заститъ людямъ солнце и съ безсмысленною жестокостью давитъ и рветъ ростки жизни,—можетъ быть, и онъ ужаснулся бы своей жизни, если бы его осіяло сознаніе. „Вотъ она—смерть избавительница", говоритъ измученный совѣстью волкъ въ Щедринской сказкѣ. А тотъ, другой, свѣтоносный старикъ, одна мысль о смерти котораго страшитъ насъ,—боится ли онъ ея въ такой же мѣрѣ, въ какой люди боятся за него? Можетъ быть, но ужъ, конечно, не по тѣмъ мотивамъ, по которымъ Щедринскій волкъ такъ радостно встрѣтилъ смерть. Блаженъ тотъ, кто почему бы то ни было можетъ сказать: „Нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе", и жалко, страшно умирать тому, кто чего-нибудь недобралъ отъ жизни, не додѣлалъ чего-нибудь такого, во что душу свою клалъ—чего именно, это ужъ отъ свойствъ души зависитъ: Бокль, умирая, скорбѣлъ о томъ, что его „Исторія цивилизаціи" оста-

нется недописанной, Яковъ Ивановичъ страдалъ за Николая Дмитріевича, потому что тотъ большого шлема не дождался, иной дома не достроилъ, дѣтей въ люди не успѣлъ вывести, не совершилъ подвига, къ которому готовился, и проч., и проч. Никто не можетъ съ полною увѣренностью сказать, какъ онъ встрѣтитъ смерть. Еще старикъ Монтень замѣтилъ, что можно путемъ опыта закалиться противъ физическихъ страданій, противъ униженій и т. п., но въ дѣлѣ смерти всѣ мы—неопытные новички. Однако, по чисто теоретическимъ соображеніямъ, можно, кажется, утверждать, что смерть не страшна человѣку, такъ или иначе доплывшему до своего берега, взявшему отъ жизни все, что онъ могъ съ нея взять по своимъ аппетитамъ и силамъ, и, напротивъ, ужасна въ своей безсмысленной жестокости, когда коситъ то, что сознаетъ свое право рости и цвѣсти...

Г. Андреевъ и къ жизни, и къ смерти подходитъ больше съ этой послѣдней стороны, со стороны ихъ безсмысленной жестокости. „Жили—были", это не только заглавіе едва ли не лучшаго изъ его разсказовъ, а и какъ бы итогъ всѣхъ ихъ. Мильоны людей вызываются „равнодушной, слѣпой силой изъ темныхъ нѣдръ небытія" и опять въ эти нѣдра ввергаются. Какой смыслъ въ этомъ возникновеніи и уничтоженіи? Вотъ, напримѣръ, купецъ Кошевѣровъ. Онъ на своемъ вѣку много ѣлъ, много пилъ, много любилъ женщинъ, много работалъ, но „все, что было въ немъ силы и жизни, все было растрачено и изжито безъ нужды, безъ пользы, безъ радости... Такъ прошла вся его жизнь, и была она одною горькой обидой и ненавистью, въ которой быстро гасли летучіе огоньки любви и только холодную золу да пепелъ оставляли на душѣ". И вотъ онъ умираетъ. „Онъ не хотѣлъ жизни и не боялся смерти". Но когда смерть совсѣмъ близко подступила, онъ обозлился,—растравилъ злымъ намекомъ сосѣда по больницѣ студента, котораго давно не навѣщала любимая дѣвушка; злобно открылъ глаза другому сосѣду, добродушному, жизнерадостному дьякону, который думалъ, что онъ поправляется, тогда какъ ему оставалось жить нѣсколько дней. Но когда дьяконъ заплакалъ, пораженный этой вѣстью, онъ размякъ. На его вопросъ, о чемъ дьяконъ плачетъ, смерти что ли боится,—тотъ отвѣтилъ, что не смерти боится, а „солнышка жалко... Кабы ты зналъ... какъ оно у насъ... въ Тамбовской губерніи свѣтитъ... За ми... За милую душу"! Тогда заплакалъ и купецъ. „Такъ плакали они оба. Плакали о солнцѣ, котораго больше не увидятъ, о яблонѣ „бѣлый наливъ", которая безъ нихъ дастъ свои плоды, о тьмѣ, которая охватитъ ихъ, о милой жизни и жестокой смерти".

Вы понимаете, что дьякону, котораго радуютъ и воробей, и солнце, который съ умиленіемъ вспоминаетъ и о четырехлѣтнемъ внукѣ, и о томъ, какая у него чудная яблоня въ саду растетъ, и какой „сладостный" квасъ у него, который мечтаетъ, выздоро-

вѣвъ, къ Троицѣ сходить, соборы осмотрѣть и пр.; вы понимаете, что ему жизнь, дѣйствительно, „мила“ и разставаться съ ней тяжело. И намъ вчужѣ обидно за него, не успѣвшаго, по волѣ безсмысленной судьбы, наглядѣться на внука, вдоволь нарадоваться солнцу и т. д. Но купецъ Кошевѣровъ, можно сказать, объѣлся жизнью, и если онъ злобствуетъ и плачетъ, такъ вспоминая свою жизнь, въ которой не было даже тѣхъ маленькихъ, но настоящихъ радостей, которыя знакомы простоватому дьякону. Есть вещи гораздо страшнѣе смерти купца Кошевѣрова... Одну изъ нихъ разсказываетъ г. Андреевъ подъ заглавіемъ „Ангелочекъ“.

Разсказъ этотъ нѣсколько испорченъ неудачной фигурой мальчика, стоящей въ центрѣ. Но за то у этого разсказа удивительный по красотѣ и трагической значительности конецъ. Дѣйствующія лица: 13-лѣтній мальчикъ Саша, выгнанный изъ гимназіи за безобразное поведеніе; его отецъ, когда-то учитель и земскій статистикъ, давно опустившійся и нынѣ непьющій, потому что уже не можетъ пить, — боленъ и почти не встаетъ съ лежанки; мать—Ѳеоктиста Петровна, пьяная и грубая баба, ненавидящая статистиковъ, книги и вообще все, что напоминаетъ лучшее прошлое мужа. Въ домѣ адъ. Отецъ „ежится отъ постояннаго озноба и думаетъ о несправедливости и ужасѣ человѣческой жизни“. Сашкѣ временами хочется „перестать дѣлать то, что называется жизнью“, а въ ожиданіи онъ всѣмъ грубитъ, дерзитъ, дерется и только въ его отношеніяхъ къ отцу изъ-подъ грубой оболочки сквозитъ что-то доброе. Надо сказать, что въ грубости Сашки авторъ пересолилъ, это грубость не настоящая, дѣланная. Какъ бы то ни было, въ этомъ аду появляется ангелъ — „ангелочекъ“. Когда-то отецъ Сашки давалъ уроки у нѣкіихъ Свѣчниковыхъ и любилъ сестру хозяйки, но случился у него грѣхъ съ дочерью квартирной хозяйки, Ѳеоктистой Петровной, и онъ женился, а затѣмъ и та, любимая дѣвушка, Софья Дмитріевна, вышла замужъ. Но Свѣчниковы сохранили къ нему добрыя отношенія, помогали ему и пригласили однажды Сашку къ себѣ на елку. Сашка велъ себя тамъ по обыкновенію безобразно, давая волю своей озлобленности, но вдругъ увидалъ на елкѣ то, „чего не хватало въ картинѣ его жизни и безъ чего кругомъ было такъ пусто, точно окружающіе люди не живые“. Это былъ ангелочекъ, искусно сдѣланный изъ воска. Сашка не понималъ, что влечетъ его къ этой игрушкѣ и почему она такъ поразила его, но онъ не могъ отъ нея оторваться и, чередуя грубость съ униженіемъ, выпросилъ ангелочка и тотчасъ же ушелъ домой. Тамъ ждалъ его отецъ, и вотъ, при свѣтѣ кухонной лампочки, отжившій старикъ и почти не жившій мальчикъ любуются на ангелочка. Старику чудится въ немъ ласка любимой и навсегда потерянной для него женщины и весь тотъ свѣтлый міръ, въ которомъ она живетъ; думы мальчика туман-

нѣе, неопредѣленнѣе, для него только „исчезло настоящее и будущее: и вѣчно печальный, жалкій отецъ, и грубая, невыносимая мать, и черный мракъ обидъ, жестокостей, униженій и злобствующей тоски“. Долго любовались въ какомъ-то благоговѣйномъ экстазѣ отецъ и сынъ ангелочкомъ. Наконецъ, легли спать, а ангелочекъ „былъ повѣшенъ на ниточкѣ, прикрѣпленной къ отдушинѣ печки, и отчетливо рисовался на бѣломъ фонѣ кафель; такъ его могли видѣть оба, и Сашка, и отецъ“, — пока не заснули...

Кроткій покой и безмятежность легли на истомленное лицо человѣка, который отжилъ, и смѣлое личико человѣка, который еще только начиналъ жить.

А ангелочекъ, повѣшенный у горячей печки, началъ таять. Лампа оставленная горѣть по настоянію Сашки, наполняла комнату запахомъ керосина и сквозь закопченое стекло бросала печальный свѣтъ на картину медленнаго разрушенія. Ангелочекъ какъ будто шевелился. По розовымъ ножкамъ его скатывались густыя капли и падали на лежанку. Къ запаху керосина присоединился тяжелый запахъ топленаго воска. Вотъ ангелочекъ встрепенулся, словно для полета, и упалъ съ мягкимъ стукомъ на горячія плиты. Любопытный прусакъ пробѣжалъ, обжигаясь, вокругъ безформеннаго слитка, взобрался на стрекозиное крылышко ангелочка и, дернувъ усиками, побѣжалъ дальше...

Авторъ не разсказалъ намъ, что почувствовали отжившій старикъ и не жившій мальчикъ, когда, проснувшись, увидѣли, что сталось съ ангелочкомъ. Авторъ, заставившій Сергѣя Петровича пережить картину его собственныхъ похоронъ, разсказавшій много и другихъ страшныхъ вещей, затруднился изобразить муки этихъ людей, для которыхъ на мгновеніе мелькнулъ въ аду лучъ свѣта, никогда не виданный мальчикомъ, давно забытый старикомъ. Не потому ли опустилъ здѣсь авторъ занавѣсъ, что пробужденіе старика и мальчика должно оказаться страшнѣе всякой смерти? Въ самомъ дѣлѣ, къ страху смерти приплетается много постороннихъ примѣсей. Тутъ и страхъ физическихъ страданій привходитъ, и страхъ воздаянія въ загробномъ мірѣ, и форма похороннаго обряда дѣйствуетъ (въ странахъ, гдѣ трупы сожигаются, а не зарываются въ землю, подвергаясь медленному и эстетически непріятному процессу разложенія, смерть имѣетъ, конечно, совсѣмъ другой обликъ). И вотъ, если отвлечь всѣ эти осложняющіе элементы, то на долю собственно уничтоженія, прекращенія бытія, останется не такъ ужъ много; по крайней мѣрѣ, для людей, которые живутъ въ аду и которыхъ среди этого ада посѣтило „мимолетное видѣнье“ идеала, чтобы въ слѣдующую минуту вновь погрузить въ холодъ и мракъ. Все равно, въ чемъ состоитъ этотъ идеалъ, воплотился ли онъ въ личности или остался безплотной идеей, или кристаллизовался въ общественную форму, — подъ этого восковаго „ангелочка“ можно подвести любой видъ идеала. Онъ умилилъ ожесточенное

сердце мальчика и отогрѣлъ измученное сердце старика и — исчезъ, растаялъ... Страшнѣе этого ничего быть не можетъ. И мнѣ опять припоминается одна изъ сказокъ Щедрина, „Баранъ непомнящій". Баранъ этотъ, какъ извѣстно, увидѣлъ какой-то загадочный, взволновавшій его сонъ (потомъ оказалось, что онъ „вольнаго барана" видѣлъ), сонъ сталъ повторяться, а баранъ тосковать, и когда онъ, наконецъ, понялъ значеніе сна,—„сильное, потрясающее блеянье вырвалось изъ его груди... Онъ весь ушелъ въ созерцаніе. Передъ тускнѣющимъ взоромъ его развернулась сладостная тайна его сновъ... Еще минута, и онъ дрогнулъ въ послѣдній разъ. Засимъ ноги сами собой подогнулись подъ нимъ, и онъ мертвый рухнулъ на землю". У озлобленнаго Сашки и его жалкаго отца, когда они, проснувшись, увидѣли безформенную кучку воска вмѣсто „ангелочка", должно было вырваться нѣчто въ родѣ потрясающаго блеянья барана непомнящаго. Г. Андреевъ уклонился отъ изображенія этого ужаса. И я думаю, что онъ поступилъ правильно: въ дѣлѣ „страшнаго" есть границы, переступая которыя, художникъ безнужно терзаетъ нервы читателя, и всетаки ни на волосъ не усиливая правды поэтическаго воспроизведенія жизни. А г. Андрееву дорога правда и, можетъ быть, ему самому не дешево обходится...

Среди его житейски простыхъ по своей фабулѣ разсказовъ есть одинъ, сильно меня смущающій. Смущаетъ онъ меня потому, что въ немъ сквозитъ какая то опасность для дарованія автора. Онъ называется „Ложь". Я не берусь передать его содержаніе. Это что то вродѣ монолога душевно больного, въ которымъ безпорядочнымъ вихремъ носятся фантастическіе образы, переплетаясь съ реальною дѣйствительностью. „Спасите меня, спасите"!— такъ оканчивается разсказъ, слишкомъ напоминая этимъ концомъ Гоголевскаго Поприщина: „Матушка, спаси своего бѣднаго сына"! Но подлиннаго сумасшествія въ „Лжи" такъ же мало, какъ и въ „Запискахъ сумасшедшаго". Задача разсказа состоитъ, повидимому, исключительно въ красивой передачѣ извѣстнаго тяжелаго настроенія, отрѣшеннаго отъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ формъ дѣйствительности, вызвавшей это настроеніе. Въ хаосѣ образовъ и картинъ, проносящихся передъ читателемъ, явственно звучитъ только одно слово: „ложь, ложь, ложь". Любимая женщина лжетъ разсказчику, онъ требуетъ правды, но она сама ея не знаетъ; „освѣщенныя окна высокого дома" совѣтуютъ ему „своимъ краснымъ и синимъ языкомъ" убить ее, потому что такимъ образомъ онъ убьетъ ложь; но когда онъ хватается за ножъ, окна говорятъ ему: ты никогда не убьешь ее, потому что оружіе въ твоихъ рукахъ такая же ложь, какъ ея поцѣлуи; однако онъ убиваетъ ее, но ложь остается безсмертной; онъ хочетъ уйти туда, „куда она унесла правду и ложь и гдѣ „темно и страшно", и тамъ потребовать отъ нея правды; но сейчасъ же соображаетъ,

что и это ложь: „тамъ тьма, тамъ пустота вѣковъ и безконечности и тамъ нѣтъ ея и нѣтъ нигдѣ". „О, какое безуміе быть человѣкомъ и искать правды! Какая боль"!

Я не знаю, что можетъ значить эта „Ложь", кромѣ настроенія отчаянія, вызваннаго невозможностью добиться правды. Можетъ быть, лгущая женщина даже не причемъ въ самомъ центрѣ драмы, (она и сама не знаетъ правды о себѣ и ей это страшно). Можетъ быть это—настроеніе художника, тщетно старающагося уловить и выразить словомъ истинный смыслъ жизни въ безконечной пестротѣ ея явленій. Недаромъ г. Андреевъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о „непередаваемыхъ краскахъ жизни и смерти". Да, слово оказывается часто слишкомъ бѣднымъ для выраженія мыслей и чувствъ, въ которыхъ и въ самихъ такъ много противорѣчій, что и самъ мыслящій и чувствующій не всегда можетъ различить свою правду. Но вѣдь художнику слова все равно приходится орудовать словомъ. Настроеніе, отрѣшенное отъ опредѣленныхъ формъ дѣйствительности, его вызвавшей, и потому разрѣшающее себѣ облекаться въ формы совсѣмъ не подходящія, заражаетъ въ послѣдніе годы довольно обширную область поэзіи. Поэты ищутъ такихъ звуковъ, которые, хотя бы и лишенные всякаго логическаго смысла, давали въ своихъ сочетаніяхъ извѣстное настроеніе. Это отрѣшенное, такъ сказать, чистое, безпримѣсное настроеніе надо предоставить музыкѣ, а когда господа декаденты называютъ себя символистами, то они забываютъ, что символы въ поэзіи такъ же стары, какъ сама поэзія, да вотъ и восковой „ангелочекъ" символъ, но смыслъ его совершенно ясенъ. Я не могу этого сказать о „Лжи". Этотъ странный разсказъ представляется мнѣ маленькимъ темнымъ облакомъ на свѣтломъ будущемъ г. Андреева, какъ художника. Вопросъ въ томъ,—разростется ли это облачко въ мрачную тучу, которая весь горизонтъ закроетъ, или, набѣжавъ на мгновеніе, разсѣется въ пространствѣ.

Говоря о свѣтломъ будущемъ, предстоящемъ г. Андрееву, какъ художнику, или, по крайней мѣрѣ, возможномъ для него въ виду его оригинальнаго таланта, я не смущаюсь мрачнымъ характеромъ его книги о жизни и смерти, какъ можно бы было назвать сборникъ его разсказовъ. Въ слѣпой и равнодушной силѣ, рождающей и убивающей насъ, нечего искать разума и справедливости,—таковъ итогъ наблюденій и впечатлѣній нашего автора. Но человѣкъ можетъ внести въ то кольцо, которымъ смыкаются жизнь и смерть,—и разумъ, и справедливость. Сумѣлъ же,—по своему, конечно—разрѣшить задачу жизни и смерти Сергѣй Петровичъ. А вѣдь онъ ничтожество. Для него было „закрыто все, что дѣлаетъ жизнь счастливою или горькою, но глубокой, человѣческой... Онъ не былъ ни настолько смѣлъ, чтобы отрицать Бога, ни настолько силенъ, чтобы вѣрить въ него; не было у него и нравственнаго чувства и связанныхъ съ нимъ эмоцій. Онъ не

любилъ людей и не могъ испытывать того великаго блаженства, равнаго которому не создавала еще земля,—работать для людей и умирать за нихъ. Но онъ не могъ и ненавидѣть ихъ, и никогда не суждено ему было испытывать жгучее наслажденіе борьбы съ себѣ подобными и демонической радости побѣды надъ тѣмъ, что чтится всѣмъ міромъ, какъ святыня"...

Какъ видите, въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ намѣченъ цѣлый рядъ мотивовъ—и не все мрачныхъ—для новой книги о жизни и смерти, которую хочется поскорѣе прочитать. Лишь бы благополучно разсѣялось, облачко, имя которому „Ложь"...

„Финляндская Газета" обратила вниманіе на печатавшіяся въ нашемъ журналѣ въ началѣ нынѣшняго года „путевыя впечатлѣнія и замѣтки" г-жи Э. З. изъ ея путешествія по Финляндіи. Воздавъ должное безпристрастію г-жи Э. З., „подчеркивающей и хорошія, и отрицательныя стороны финляндской жизни", почтенная газета дѣлаетъ и нѣкоторые выводы изъ ея замѣтокъ. „*Она путешествовала во второй половинѣ минувшаго лѣта,*—говоритъ газета,—*т. е. послѣ новаго закона о воинской повинности*", и продолжаетъ: „Судя по ея замѣткамъ, она, вопреки лживымъ увѣреніямъ финляндскихъ политиковъ, не видѣла среди нихъ какого-либо смущенія и броженія. Напротивъ того, крестьяне-финны всюду спокойно занимались своими будничными дѣлами и рѣшительно ни въ чемъ не проявляли какой-либо политики. Словомъ. настроеніе народа самое благодушное".

„Финляндская Газета" заявляетъ, что она „преслѣдуетъ одну только правду",—„преслѣдуетъ" не какъ врага, конечно. Такъ и должно быть. Если такое отношеніе къ правдѣ обязательно для всякого органа печати, то тѣмъ паче для „Финляндской Газеты", призванной стоять на стражѣ достоинства Россіи. По поводу все тѣхъ же замѣтокъ г-жи Э. З. „Финляндская Газета" говоритъ о „крайне оскорбительныхъ для русскаго имени подозрительности и недовѣрчивости", обнаруживаемыхъ финляндскою интеллигенціей. Подозрительность и недовѣрчивость воспитываются, между прочимъ, и неправдою. Мы не сомнѣваемся поэтому, что „Финляндская Газета" поторопится оговорить, надѣемся, невольную, но грубую ошибку, въ которую она впала.

Новый законъ о воинской повинности въ Финляндіи изданъ *29-го іюня 1901 года,* замѣтки же г-жи Э. З. уже напечатаны были въ *январѣ 1901 года,* и путешествовала она не *минувшимъ* лѣтомъ, а гораздо раньше. Поэтому замѣтки ея не могутъ имѣть никакого отношенія къ закону 29 іюня 1901 г. Не замѣтивъ на обложкѣ „Русскаго Богатства" весьма, впрочемъ, крупнымъ шрифтомъ напечатаннаго слова „январь", „Финляндская Газета" предоставляетъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ людямъ

слишкомъ удобный случай для „оскорбленій русскаго имени“. Чего добраго, подозрительные и недовѣрчивые люди скажутъ: вотъ вѣдь какъ беззастѣнчиво подтасовываютъ факты эти русскіе!

Ник. Михайловскій.

Борьба партій изъ-за хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи.

Въ концѣ 1903 года истекаетъ срокъ торговыхъ договоровъ, которые были заключены германской имперіей съ различными государствами въ эпоху канцлерства графа Каприви. Казалось бы, что дѣло это еще за горами, а между тѣмъ уже съ давнихъ поръ въ нѣмецкомъ народѣ бушуетъ кампанія изъ-за новыхъ договоровъ съ такой страстностью и такой силой, какія только могутъ быть внушены борьбой самыхъ насущныхъ политическихъ и экономическихъ интересовъ. На одной сторонѣ аграрные и промышленные сторонники покровительственныхъ пошлинъ пускаютъ въ ходъ свои недюжинныя силы и капитальную мощь, чтобы при предстоящей ревизіи договоровъ обезпечить себѣ возможно болѣе высокія ставки; съ другой—рабочія массы и либеральная, по преимуществу торгово-финансовая буржуазія, открыли энергическую аттаку на „хлѣбныхъ ростовщиковъ“ и широкую агитацію въ пользу возобновленія дѣйствующихъ теперь нормъ международныхъ торговыхъ отношеній. Органы различныхъ партій и впереди всѣхъ руководящія газеты крайнихъ борющихся направленій изо-дня въ день публикуютъ по нѣсколько статей за и противъ необходимости покровительственныхъ пошлинъ,—статей, уснащенныхъ грудами статистическаго матеріала. Летучіе листки на ту же тему въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ бросаются въ народъ по всей Германіи. Брошюры и цѣлыя монографіи о торговой политикѣ заполняютъ книжный рынокъ. Министры союзныхъ нѣмецкихъ государствъ шушукаются между собою на тайныхъ конференціяхъ. Университетскіе профессора, точно взбудораженные новой „флотской агитаціей“, устраиваютъ въ общей печати публицистическіе турниры изъ-за того, быть ли Германіи аграрнымъ или индустріальнымъ государствомъ. Всѣ крупныя сельско-хозяйственныя и промышленныя организаціи заинтересованныхъ группъ формулируютъ свои требованія. Образуются спе-

ціальныя общества для пропаганды въ пользу и противъ торговыхъ договоровъ. Имперскія власти, для выясненія положенія вещей, наряжаютъ статистику нѣмецкаго производства. Извѣстное „Общество соціальной политики", объединяющее всѣхъ выдающихся нѣмецкихъ экономистовъ, предпринимаетъ изданіе ряда монографій для безпристрастнаго изслѣдованія всѣхъ приходящихъ теперь въ разсчетъ вопросовъ торговой политики. Въ университетскихъ политико-экономическихъ семинаріяхъ юные претенденты на докторскій титулъ съ преобладающимъ интересомъ сочиняютъ свои диссертаціи на спорныя, но для настоящаго момента жгучія проблемы торговой политики. Агитируютъ городскія думы и торговыя палаты, духовенство и женщины, агитируютъ по всей линіи и во всѣхъ направленіяхъ, открыто и за кулисами...

Если разобраться въ основныхъ мотивахъ этой „борьбы всѣхъ противъ всѣхъ", то надо будетъ согласиться, что дѣло здѣсь заключается не въ мелкихъ пререканіяхъ и мелкомъ торгѣ изъ-за тарифныхъ ставокъ, сопровождающихъ всякіе споры о торговыхъ договорахъ. Правда, боевой преміей и въ этомъ случаѣ являются торговые договоры, но основную пружину всей борьбы составляетъ все тотъ же острый конфликтъ между консервативно-аграрнымъ и либерально-индустріальнымъ началами, который налагаетъ свою печать на всю политическую жизнь современной Германіи. Если, съ одной стороны, съ торговыми договорами здѣсь связываютъ судьбы чрезвычайно разросшейся вывозной промышленности, тотъ или иной ходъ промышленнаго развитія Германіи, ея положеніе на всемірномъ рынкѣ, дальнѣйшій экономическій и умственный подъемъ рабочихъ массъ,—то рядомъ съ этимъ отъ конечнаго исхода разгорѣвшейся теперь съ необыкновенной силой борьбы общественныхъ группъ и классовъ ставится въ прямую зависимость болѣе или менѣе либеральный строй внутренне-политическаго будущаго Германіи и въ частности ея соціальной политики. Споръ о хлѣбныхъ пошлинахъ принялъ характеръ государственнаго и культурнаго вопроса чрезвычайной важности. Уже теперь онъ доминируетъ надъ внутренней политикой страны, отражаясь на судьбахъ законопроектовъ, каковъ, напр., грандіозный проектъ Средне-германскаго канала, вызывая министерскіе кризисы и т. п. Отъ того же, что одержитъ верхъ въ этомъ спорѣ, будетъ зависѣть не только торговая, но и вся внѣшняя политика Германіи.

Представить на немногихъ страницахъ исчерпывающую картину совершающейся теперь „хлѣбной" агитаціи уже потому невозможно, что въ полномъ своемъ размѣрѣ картина этой агитаціи прямо необозрима. Задачей нижеслѣдующихъ строкъ будетъ поэтому—дать лишь нѣсколько наиболѣе характерныхъ чертъ той картины, нѣсколько главнѣйшихъ мотивовъ той свалки, которую одни выдаютъ за возмущеніе враговъ отечества, а другіе счи-

таютъ взрывомъ негодованія противъ реакціонныхъ посягательствъ...

Съ серединой февраля каждаго года совпадаетъ, такъ называемая, большая аграрная недѣля въ Берлинѣ. Подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть годичныя собранія и генеральные съѣзды всевозможныхъ организацій, имѣющихъ отношеніе къ сельско-хозяйственной жизни страны. Въ эту недѣлю собирается нѣмецкое сельско-хозяйственное общество, которое по мѣрѣ силъ и возможности воздерживается отъ политическихъ тенденцій, сосредоточивая свое вниманіе на преуспѣяніи сельско-хозяйственной науки и улучшеніи техническихъ пріемовъ сельскаго хозяйства. Къ собранію названнаго общества примыкаютъ годичныя засѣданія ферейна нѣмецкихъ винокуровъ, клуба нѣмецкихъ птицеводовъ, ферейна молочныхъ хозяйствъ, нѣмецкихъ мукомоловъ, сахарозаводчиковъ, свиноводовъ, товарищества по обработкѣ животныхъ продуктовъ, общества податныхъ и хозяйственныхъ реформъ, сельско-хозяйственной коллегіи и сельско-хозяйственнаго совѣта и безконечнаго числа другихъ болѣе спеціальныхъ организацій. Въ теченіе „большой аграрной недѣли“ въ сельско-хозяйственной академіи читаются „лекціи для практическихъ хозяевъ“, а въ институтѣ для химическихъ экспериментовъ надъ сельско-хозяйственными продуктами демонстрируются спиртовые моторы и локомобили; рядомъ съ этимъ устраиваются выставки-станціи картофельной культуры, обработки ячменя и пшеницы для пивоваренія, выставка хмѣля и т. п. Но среди этого болѣе или менѣе кропотливаго исканія, такъ называемыхъ, „малыхъ“, детальныхъ средствъ подъема нѣмецкаго сельскаго хозяйства рѣзко выдается генеральное собраніе той организаціи, которая является главной носительницей „большихъ“, широкихъ замысловъ,—собраніе пресловутаго союза сельскихъ хозяевъ—„Bund der Landwirte“...

„Bund der Landwirte“, выросшій изъ нѣдръ прусской консервативной партіи, по времени своего возникновенія (въ началѣ 1893 года) отмѣчаетъ начало „новаго курса“ въ имперской политикѣ Германіи, когда, съ уходомъ кн. Бисмарка съ политической арены, сельскіе хозяева вдругъ почувствовали, что лишились могущественнаго печальника и оказались вынужденными къ самозащитѣ. Политику новаго, а затѣмъ и новѣйшаго курса аграріи считали всецѣло поглощенной интересами обрабатывающей промышленности, индустріи. Противодѣйствію этой тенденціонной политики имперскаго правительства и призвана служить сплоченная, непреклонная организація сельскаго хозяйства *).

---

*) Исторію возникновенія «Союза» я подробно разсказывалъ въ статьѣ, посвященной аграрному движенію въ Германіи; см. «Русское Богатство» № 11 за 1896 годъ.

Генеральныя собранія „Союза сельскихъ хозяевъ“ происходятъ въ грандіозномъ помѣщеніи одного изъ берлинскихъ цирковъ. Толпы необычныхъ гостей снуютъ по улицамъ нѣмецкой столицы и почти безконечнымъ потокомъ направляются къ мѣсту своего конгресса. Въ этомъ потокѣ можно разглядѣть и много сотенъ настоящихъ крестьянъ, которые еще сами ковыряютъ землю и орудуютъ плугомъ и бороной. Большинство изъ нихъ, вѣроятно, въ Берлинѣ въ первый разъ, и потому они съ какимъ-то недовѣрчивымъ взглядомъ окидываютъ городскихъ фланеровъ, подозрѣвая, очевидно, въ каждомъ горожанинѣ или еврея-эксплуататора, или соціалиста-разрушителя, о которыхъ такъ много и такъ часто разсказывала имъ аграрная пресса... Рядомъ съ этими членами союза видны тысячи экономовъ, помѣстныхъ владѣльцевъ (Gutsbesitzer), помѣстныхъ арендаторовъ (Gutspächter), дворовыхъ владѣльцевъ или хуторянъ (Hofbesitzer) и разныхъ другихъ категорій тѣхъ среднихъ сельскихъ хозяевъ, которые, вообще говоря, не допускаютъ примѣненія къ себѣ клички крестьянина. Ихъ поддевка, и въ самомъ дѣлѣ, наружно выдѣляется изъ среды крестьянскихъ кителей, но въ свою очередь скромно отступаетъ передъ сюртукомъ крупнаго землевладѣльца. Такихъ крупныхъ помѣщиковъ на годичномъ собраніи союза также много сотенъ, но въ этотъ знаменательный день они до умиленія просты, непретенціозны и ничего лучшаго не желаютъ, какъ слыть и называться мужиками. Они дружески жмутъ руки среднему и мелкому крестьянину, тѣмъ самымъ, съ которыми они еще вчера обмѣнялись привѣтствіями, когда изъ дому отправлялись въ Берлинъ, садясь въ поѣздъ, кто въ вагонъ 2-го, кто 4-го класса. Здѣсь же, въ берлинскомъ циркѣ Буша, они равноправны, равноцѣнны, — здѣсь они братья въ сельскомъ хозяйствѣ...

Сельскіе хозяева собираются каждый годъ въ циркѣ германской столицы не съ цѣлью обсужденія и дебатированія своихъ нуждъ,—для этого и времени-то въ ихъ распоряженіи очень мало: всего-то одинъ неполный понедѣльникъ, круглымъ числомъ всего три-четыре часа. Члены союза собираются сюда не дебатировать, а демонстрировать. Кричать, кричать и кричать!—такъ формулировалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ аграрную тактику одинъ изъ вождей союза сельскихъ хозяевъ. Въ прежніе годы эти кричащія демонстраціи или демонстративныя кричанія возбуждали гораздо больше политическаго эффекта, чѣмъ теперь. Тогда слышались рѣчи, къ которымъ не безъ циническаго удовольствія, а то и злорадства, прислушивались многіе и внѣ цирка. Померанскіе и запомеранскіе вельможные паны бросали грозныя и вызывающія слова по адресу непокорнаго имъ правительства. Популярный, теперь уже умершій президентъ союза и депутатъ рейхстага фонъ-Плецъ, прозванный „отцомъ“, умѣлъ приковать

общее вниманіе своими до наивности простыми, на высокій жалобный тонъ настроенными рѣчами. Этотъ отецъ сельскихъ хозяевъ занималъ такое вліятельное мѣсто въ союзѣ, что бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлеръ даже представилъ его какъ-то императору... Въ прежніе годы ораторы союза любили, передъ лицомъ многотысячнаго собранія и всей страны, публично посылать правительству обвиненія въ томъ, что оно своей экономической политикой плодитъ нищихъ, культивируетъ соціалъ-демократію, насильственно гонитъ въ лагерь враговъ государства весь сельскій міръ—эту единственную опору порядка; что въ виду всего этого необходимо порвать торговые договоры хотя бы силою меча! Въ довершеніе же спектакля и къ общей потѣхѣ многочисленной публики цирка выходилъ на сцену извѣстный своей непосредственностью и непреклонностью юнкеръ фонъ-Дистъ-Даберъ, обрушивался на то же правительство, заключая свою филиппику многозначительными словами: „Что можемъ мы ждать отъ нашихъ господъ министровъ, этихъ...!“ Безпощадный юнкеръ предпочиталъ ставить точки, вызывая тѣмъ сцену недоумѣнія, подобную той, которая происходитъ при чтеніи письма Хлестакова о чиновникахъ пріютившаго его уѣзднаго города. Изъ одного частнаго письма фонъ-Дистъ-Дабера, опубликованнаго одной нескромной газетой, оказалось, что подъ точками и въ спеціальномъ примѣненіи къ бывшему министру земледѣлія слѣдовало разумѣть: политическіе нули...

Теперь „отца-Плеца“ не стало; его смѣнилъ баронъ Вангенгеймъ, человѣкъ далеко не такой яркой индивидуальности, но съ гораздо большей политической выдержкой и тактомъ. Ближайшими сотрудниками барона служатъ два „доктора философіи“ Резике и Ганъ, люди, не имѣющіе ни кола, ни двора, перебѣжчики изъ средняго сословія *). „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ не пересталъ, конечно, и по сіе время, по извѣстному рецепту, трижды кричать, но тембръ этого кричанія понижался въ своей рѣзкости по мѣрѣ того, какъ самый союзъ крѣпчалъ, становился все сильнѣе, покуда не выросъ въ могущественную организацію и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ германской политической жизни. За исключеніемъ соціалъ-демократіи, ни одинъ изъ этихъ факторовъ не смогъ уклониться отъ бо̀льшаго или меньшаго вліянія аграріевъ. Они настоящіе тріумфаторы на всей политической аренѣ. Крупнѣйшіе капиталисты, объединенные въ „Центральномъ союзѣ нѣмецкихъ промышленниковъ“, братаются съ аграріями, потому что видятъ въ нихъ надежнѣйшихъ флибустьеровъ въ борьбѣ съ докучнымъ пролетаріатомъ. Правительство Бюлова, смѣнившее режимъ Каприви и Гогенлоэ,

*) Третій докторъ, бывшій учитель гимназіи Эртель, редактируетъ главный органъ аграріевъ «Deutsche Tages Zeitung» въ Берлинѣ.

стяжавшихъ репутацію представителей „индустріальной системы“, обѣщаетъ вернуться къ экономической политикѣ кн. Бисмарка и тѣмъ самымъ капитулируетъ передъ натискомъ аграріевъ. Партія центра, желая удержать за собой упорно „деморализуемые“ союзными агитаторами ферейны католическаго крестьянства, на всѣхъ парахъ несется въ аграрный лагерь. Тотъ разнокалиберный винигретъ экономическихъ интересовъ, въ который превратилась былая политическая идеологія нѣмецкаго либерализма,— теперешняя національ-либеральная партія не находитъ себѣ настоящаго мѣста между крылатыми планами „міровой политики“ и аграрными проектами китайской обособленности или такъ называемой охраны національнаго труда. Наконецъ, южное и юго-западное крестьянство Германіи уже настолько пропиталось „союзнымъ“ сокомъ прусскихъ аграріевъ, что представители этого крестьянства въ парламентахъ и даже швабскіе демократы вынуждены подавать свой голосъ за повышенныя хлѣбныя пошлины, вопреки взываніямъ своей же демократической прессы, которая рветъ и мечетъ противъ „вздорожателей народнаго продовольствія“.

Когда въ февралѣ текущаго года „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ собрался въ Берлинѣ на свой годичный конгрессъ, то его даже самые закоренѣлые противники и завистники должны были признать, что онъ вправѣ хвалиться импозантными успѣхами своей неустанной агитаціи и пропаганды. Легкомысленные органы мѣщанскаго либерализма имѣютъ обыкновеніе проѣхаться на счетъ аграріевъ, которые-де погостили въ столицѣ, побывали въ разныхъ кафе-шантанахъ, развлеклись, покричали и разъѣхались по домамъ...

Но такіе тупые уколы и дешевые остроты не стоятъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ значеніемъ названной организаціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что союзъ сельскихъ хозяевъ представляетъ теперь въ Германіи силу, которая по своему политическому значенію можетъ быть поставлена рядомъ съ соціалъ-демократіей и партіей центра. Упорно отказываясь по тактическимъ соображеніямъ признавать себя политической организаціей, союзъ не имѣетъ и самостоятельнаго представительства въ нѣмецкихъ парламентахъ. Но что въ этомъ: фактически большинство парламентскихъ фракцій, начиная съ консервативной и до національ-либеральной включительно, не считая ужъ болѣе мелкихъ группъ, на добрую половину состоитъ изъ пенсіонеровъ союза, избранныхъ съ его помощью, связанныхъ рядомъ аграрныхъ обязательствъ, а то и всей программой союза. Чтобы оказать давленіе на парламентаріевъ и парламентскихъ кандидатовъ, союзъ располагаетъ достаточно внушительнымъ аппаратомъ. Однихъ членовъ у него теперь 232,000, какъ оказывается изъ отчета послѣдняго генеральнаго парада. Въ 1894 году, всего годъ послѣ

основанія союза, онъ уже насчитывалъ 180,000 членовъ; ко времени генеральнаго собранія прошлаго года ихъ было 206,000, а теперь они выросли на сумму, равную приросту за всѣ предыдущіе 6 лѣтъ. Всякому, конечно, хорошо извѣстно, что главное вербованіе членовъ всѣми правдами и неправдами особенно усердно идетъ передъ генеральными собраніями союза. Но сколько бы ни пришлось похерить ненадежныхъ „единомышленниковъ“ (т. н. Mitläufer имѣются во всѣхъ партіяхъ), все же останется еще много десятковъ тысячъ не только платящихъ, но и энергично работающихъ членовъ. При этомъ слѣдуетъ принять еще въ разсчетъ до послѣднихъ деталей расчлененную организацію, очень распространенную и хорошо поставленную прессу, изрядно наполненную кассу и цѣлый штабъ ревностныхъ агитаторовъ. Въ отчетѣ союза, представленномъ генеральному собранію, д-ръ Ганъ, — за свое преклоненіе передъ Бисмаркомъ прозванный „der Bismark-Hahn“ (бисмарковскій пѣтухъ), — съ особеннымъ эффектомъ отмѣтилъ, что въ истекшій годъ состоялось 9,000 агитаціонныхъ собраній!..

Одно время надѣялись, что преобладаніе крестьянства въ союзѣ наложитъ на него болѣе демократическую печать. Эти надежды не оправдались. Политически вышколенные юнкера забрали въ свои руки всю организацію и руководятъ ею. Крестьяне, какіе есть въ союзѣ, слѣдуютъ за своими руководителями, которые систематически игнорируютъ всѣ тѣ интересы, гдѣ возможна и неизбѣжна коллизія крупнаго и мелкаго владѣнія: интересы школы, лѣсоводства, охоты, сельскаго управленія, фидеикомиссныхъ отношеній и т. п. Союзъ, по преимуществу, занимается экономической политикой, приноровленной къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, и продолжаетъ оставаться въ политическихъ рамкахъ консервативной партіи.

Главнѣйшими очагами консервативной партіи и старо-консервативнаго міросозерцанія вообще являются тѣ области, гдѣ еще преобладаетъ натуральное хозяйство. Все то, что пропитано духомъ чисто капиталистическаго денежнаго хозяйства, претитъ истинному консерватору. Нѣмецкій консерваторъ совсѣмъ не космополитъ, онъ поддерживаетъ „міровую политику“ только изъ тактическихъ партійно-сословныхъ соображеній, онъ въ аграрныхъ вопросахъ сторонникъ самодовлѣющей внутренне-государственной политики, а въ мѣстныхъ дѣлахъ—неограниченный господинъ и такимъ хочетъ навсегда остаться. Кто изъ консерваторовъ остался вѣренъ своему старому быту, продолжаетъ жить сообща съ землей, лѣсомъ, своимъ скотомъ и „опекаемымъ“ имъ сельскимъ людомъ, тотъ не можетъ не импонировать многими чертами своей непосредственной самобытной физіономіи. Среди прусскихъ кон-

серваторовъ есть фигуры, которыхъ стойкость, рѣшимость и настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли способны внушить уваженіе и эстетическое удовлетвореніе даже самому крайнему радикальному демократу. Эти черты обнаруживаются еще съ большимъ эффектомъ въ своемъ сословномъ и классовомъ сочетаніи. Нѣмецкіе консерваторы, какъ классъ, не знаютъ никакой пощады, чужды всякихъ сентиментальностей, когда рѣчь идетъ о власти, о проведеніи тѣхъ или иныхъ домогательствъ. Не имѣвъ возможности удержаться въ прежней силѣ и на прежнихъ мѣстахъ, потерявъ съ ростомъ королевской власти и правового государства значительную долю своего аграрнаго суверенитета, они сумѣли, однако, по правую сторону Эльбы, цѣною гибели крестьянства создать себѣ такую мощную позицію, что являются самымъ вліятельнымъ политическимъ классомъ даже въ теперешней объединенной имперіи. Богатая буржуазія Германіи политически почти безсильна, тогда какъ бѣднѣющее юнкерство до сихъ поръ не утеряло политической мощи. Спеціально въ Пруссіи господствуетъ извѣстное число знатныхъ фамилій, обосновывающихъ свои претензіи на абсолютное владычество тѣмъ фактомъ, что онѣ прикочевали въ Бранденбургъ раньше Гогенцоллерновъ; это свое историческое право юнкерство утилизируетъ всегда съ рѣдкимъ упорствомъ. Оно игнорируетъ при дворѣ, царитъ въ арміи и хозяйничаетъ въ административныхъ учрежденіяхъ. Оно не только не примирилось вполнѣ съ эпохой, послѣдовавшей за 1848 годомъ, но и съ тѣмъ переворотомъ, который, выдвинувъ на арену абсолютную монархію, упразднилъ безграничное многовластіе знати. Оно застряло въ доабсолютистской феодальной эпохѣ и, если не особенно противится конституціонному строю, то только потому, что при условіяхъ подходящей избирательной системы (прусскій ландтагъ) признаетъ конституцію болѣе удобнымъ, чѣмъ абсолютная монархія, средствомъ для возстановленія прежняго неограниченнаго вліянія знати. Прусское юнкерство сумѣло какъ нельзя лучше приспособить парламентскій режимъ для своихъ феодальныхъ цѣлей. Этотъ режимъ не сократилъ его силы по отношенію къ меньшей братіи, значительно усиливъ его вліяніе по отношенію къ правительству и верховной власти.

Восточная и Западная Пруссія, Померанія, Познань, Бранденбургъ, Силезія и Мекленбургъ—вотъ тѣ области, которыя въ большей или меньшей степени являются данниками консервативной партіи. Въ прусскомъ ландтагѣ онѣ представлены въ почти безупречномъ консервативномъ видѣ, въ рейхстагѣ консервативная партія носитъ болѣе чрезполосный характеръ. Главнѣйшія неконсервативныя цифры, обнаруживаемыя на выборахъ въ Познани и Силезіи, слѣдуетъ отнести на счетъ вліянія поляковъ и католическаго центра. Помимо этого слѣдуетъ еще исключить большинство городовъ, въ которыхъ консервативная партія не

имѣетъ большого значенія. Сущность консерватизма въ его теперешнемъ видѣ можно практически свести къ борьбѣ за самосохраненіе прусскаго крупнаго помѣстнаго владѣнія. Старый господскій слой приблизительно въ 25,000 душъ очутился въ оборонительной позиціи и всѣми силами борется противъ демократизирующихъ вліяній времени. Въ своемъ стремленіи привлечь къ этой борьбѣ необходимыя ему вспомогательныя силы, онъ ищетъ дружескаго союза то съ крестьянами, то съ ремесленниками, порой даже съ промышленными рабочими. Изъ тѣхъ же побужденій онъ заключаетъ союзы съ промышленнымъ капиталомъ и католическимъ центромъ. Онъ лучше всякой иной политической группы усвоилъ искусство приспособленія къ себѣ разныхъ другихъ заинтересованныхъ имъ слоевъ. Для этого ему и самому пришлось въ сильной степени приспособиться. Вѣдь не лишено извѣстнаго трагизма положеніе, когда гордый знатный господинъ долженъ просить поденщиковъ помѣстной округи о своемъ избраніи, или убѣждать потомковъ нѣкогда экспропріированнаго господскими предками крестьянскаго сословія въ полной тождественности интересовъ знати и крестьянства, или увѣрять сапожниковъ и портныхъ ближайшаго городка въ спасительности старой цеховой организаціи. Неудивительно поэтому, что юнкеръ такъ сильно недолюбливаетъ всеобщаго избирательнаго права: оно ломитъ его натуру, нарушаетъ ея цѣльность, заставляетъ его кривить душой. Не станешь же передъ избирательнымъ собраніемъ развивать дорогой сердцу принципъ: Autorität, nicht Majorität! Это можно дѣлать вполнѣ откровенно лишь въ подходящемъ обществѣ, ну хотя бы въ такомъ строго сословномъ парламентѣ, какъ прусская палата господъ. Вообще же, и современному прусскому консерватору приходится пускаться на всякіе демократическіе компромиссы и въ этотъ досадный вѣкъ міровыхъ сношеній, выборнаго права, міровой хлѣбной торговли унижаться до уровня самого обыкновеннаго агитатора.

Въ своей интересной книгѣ „Demokratie und Kaisertum" извѣстный націоналъ-соціальный пасторъ Фридрихъ Науманъ отмѣчаетъ слѣдующія ступени въ политическомъ міросозерцаніи консервативной партіи:

1) Помѣстная знать въ качествѣ тѣсно сомкнутаго сословія убѣждена, что она одна хранитъ и руководитъ государствомъ и что на этомъ основаніи она по отношенію къ самому королю свободна, а, если необходимо, то и оппозиціонна. Иллюстраціей къ этому можетъ служить бранденбурго-прусская, ганноверская и брауншвейгская исторія.

2) Помѣстная знать признаетъ фактъ существованія сильной королевской власти и видитъ свою задачу въ поддержаніи королевскаго абсолютизма и вліяніи на него. На этой ступени большинство консерваторовъ стояло въ 1848 году; какъ роялисты и

легитимисты, они противились тогдашнему движенію, они боролись противъ „революціи", т. е. противъ всяческой конституціи.

3) Помѣстная знать подчиняется конституціонному режиму, но и въ условіяхъ этого послѣдняго присваиваетъ себѣ роль особаго заступника монархической преданности, арміи и авторитета. Только на этой ступени слово „konservativ" входитъ въ обычное употребленіе.

4) Помѣстная знать, убѣдившись, что королевская власть ищетъ порой поддержки и въ другихъ слояхъ, видитъ себя вынужденной обезпечить свою независимость по отношенію къ коронѣ въ обстоятельной политической, церковной и экономической программѣ. Съ этого момента консервативная партія получаетъ характеръ настоящей политической партіи и слово „konservativ" теряетъ кое-что въ своемъ буквальномъ значеніи. Четвертая ступень въ эволюціи консерватизма идетъ до самого послѣдняго времени и во многихъ отношеніяхъ походитъ на первую изъ указанныхъ здѣсь ступеней.

Въ нынѣ дѣйствующемъ консерватизмѣ смѣшаны всѣ эти точки зрѣнія. Союзъ между консерватизмомъ и короной является теперь болѣе тѣснымъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ между временными противниками. Такъ какъ консервативный слой въ нѣмецкомъ народѣ сумѣлъ обезпечить себѣ поставку главнѣйшаго чиновнаго персонала для всѣхъ отраслей высшаго государственнаго управленія, и такъ какъ онъ въ преобладающемъ размѣрѣ представленъ въ офицерскомъ корпусѣ германской и спеціально прусской арміи, то корона въ своихъ дѣйствіяхъ связана съ консервативной аристократіей болѣе, чѣмъ съ какимъ либо инымъ слоемъ народа. Ни одна политическая группа такъ хорошо не освѣдомлена на счетъ государственныхъ дѣлъ, чѣмъ та, которая поставляетъ почти весь контингентъ прусско-нѣмецкихъ министровъ. Она въ точности знаетъ всѣ детали политики, личныхъ отношеній и господствующихъ теченій. Поэтому она легко можетъ взвѣсить каждый разъ, что въ данный моментъ достижимо, что нѣтъ. Она почти всегда умѣетъ организовать новые выборы такимъ образомъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ весь правительственный и административный аппаратъ. Этимъ путемъ консервативная партія стяжала себѣ репутацію охранительной по преимуществу. Затушевывая по возможности свои крупно-помѣстныя тенденціи, она подъ личиной исключительной монархической преданности и патріотизма ставитъ себя въ центрѣ государственной жизни съ девизомъ: mit Gott für König und Vaterland!

Всего болѣе интересущая насъ въ данномъ случаѣ аграрная политика консервативной партіи есть по преимуществу политика интересовъ крупнаго землевладѣнія. Высокія цѣны на хлѣбъ, на скотъ, на животные продукты, сахарныя преміи, привилегіи въ области винокуренія, земельная рента и т. п.—таковы приблизи-

тельно центральные пункты такъ наз. аграрнаго движенія, являющагося какъ бы параллелью къ демократическому движенію промышленнаго пролетаріата. Параллель эта проведена еще далѣе, и можно сказать, что роль, которую въ составѣ демократіи играютъ профессіональныя организаціи, такъ наз. Gewerkschaften, въ консервативно-аграрномъ движеніи выполняется союзомъ сельскихъ хозяевъ. Знатные помѣщики, эти,—какъ заявилъ на послѣднемъ конгрессѣ союза его президентъ баронъ Вангенгеймъ,—врожденные вожди сельско-хозяйственнаго сословія, создали Bund der Landwirte, въ которомъ находятъ себѣ теперь могучее эхо всѣ аграрныя требованія крупнаго землевладѣнія. Если вѣрить отчету послѣдняго генеральнаго собранія союза, то изъ всего числа его членовъ (къ 1 февраля 1901 года насчитывалось 232.000) подавляющее большинство въ 202.000 душъ приходится на долю мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, тогда какъ остатокъ въ 30.000 членовъ набирается изъ крупныхъ и среднихъ хозяевъ и ремесленниковъ. Чтобы обработать болѣе 200.000 крестьянъ въ преданныхъ членовъ союзной организаціи, аккуратныхъ плательщиковъ союзной кассы и прилежныхъ читателей союзной прессы,—для этого требовалось не мало пропагандистскихъ усилій, требовалось вытравить изъ памяти крестьянства весь тотъ историческій процессъ, который свелъ его на степень батрака и поденщика. За исключеніемъ небольшой части крестьянства въ Сѣверной и Южной Германіи, все нѣмецкое сельское населеніе и въ самомъ дѣлѣ убѣждено, что его старые противники сдѣлались его искренними друзьями. Въ отношеніяхъ между обѣими сторонами произошла, конечно, значительная перемѣна. До тѣхъ поръ, покуда Германія вывозила хлѣбъ, хлѣбные экспортеры были заинтересованы въ расширеніи своихъ земельныхъ владѣній на счетъ смежнаго крестьянства. Но съ тѣхъ поръ, какъ ввозъ хлѣба въ Германію сталъ превышать хлѣбный вывозъ изъ нея и иностранная конкурренція на международномъ хлѣбномъ рынкѣ даетъ себя все сильнѣе и сильнѣе чувствовать,—съ тѣхъ поръ крупный нѣмецкій помѣщикъ отказывается отъ дальнѣйшаго расширенія своихъ помѣстій, примиряется съ фактомъ существованія средняго и мелкаго земельнаго владѣнія и группируетъ всѣ силы, чтобы законодательнымъ путемъ влiять на цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Онъ говоритъ крестьянину: „ты продаешь, правда, меньше моего, но и тебѣ лучше продать по сходной цѣнѣ; поэтому между нами нѣтъ различія“... Эта формула подкупила въ концѣ концовъ и тѣхъ крестьянъ, которые больше покупаютъ хлѣба, чѣмъ продаютъ.

Наряду съ крестьянствомъ основой политическаго вліянія аграрной аристократіи продолжаетъ оставаться масса сельскихъ рабочихъ. Эта наиболѣе обездоленная масса не имѣетъ еще своего прямого представительства въ рейхстагѣ или мѣстныхъ сеймахъ.

Тамъ и сямъ удается порой демократіи занять позицію, прорубить брешь на общихъ выборахъ. Въ общемъ же положеніе дѣлъ сравнительно съ прежнимъ мало измѣнилось. Даже крайняя нужда въ рабочихъ силахъ, пресловутая Leutenot, не могла до сихъ поръ принудить юнкерство признать за поденщиками права гражданства. Послѣ домашней прислуги сельскіе рабочіе являются тѣмъ единственнымъ въ Германіи классомъ, который лишенъ права коалиціи. Нужду же въ сельскихъ рабочихъ аграріи предпочитаютъ смягчать привлеченіемъ дешевой рабочей силы русскихъ и австрійскихъ подданныхъ и домогательствами въ смыслѣ законодательнаго ограниченія свободы передвиженія сельско-хозяйственнаго населенія.

Ремесленники, мелкіе торговцы, мелкіе чиновники и т. п.— вотъ еще общественныя группы, на которыхъ покоится политическая сила консервативно-аграрной аристократіи. Эти группы въ качествѣ „средняго сословія“ втягиваются въ общее русло консервативной, или—что тоже самое—антисемитической политики не столько въ силу строго опредѣленной программы, сколько вслѣдствіе общаго неудовлетворительнаго настроенія, которое питается отрывочными программными требованіями и агитаціонными аллюрами, въ родѣ того, что столь многострадальное среднее сословіе и есть-де подлинная опора престола и отечества. Дѣлались неоднократныя попытки кристализировать такъ называемое среднее сословіе въ особую отъ консервативной партіи, независимую партійно-политическую формацію,—къ этому сводились усилія антисемитизма. Но до сихъ поръ эти попытки не привели къ прочнымъ результатамъ, и антисемитизмъ, не смотря на свою подчасъ рѣзкую оппозицію аристократическимъ претензіямъ юнкерства, продолжаетъ служить однимъ изъ составныхъ элементовъ обще-консервативной твердыни. Эта твердыня въ прусскомъ ландтагѣ, напр., имѣетъ тѣсно-сплоченное представительство, тогда какъ въ рейхстагѣ консерватизму не удалось образовать вполнѣ однородную организацію. Здѣсь онъ фигурируетъ подъ флагомъ партій нѣмецко-консервативной (51 депутатъ), свободно-консервативной (22 депутата), антисемитовъ (10 депутатовъ), разныхъ крестьянскихъ союзовъ (10 депутатовъ), которыя всѣ въ совокупности представляютъ число въ 93 депутата съ поданными за нихъ на послѣднихъ выборахъ (1898 года) 1,737.800 голосами. Число избирательныхъ голосовъ значительно меньше, число депутатовъ нѣсколько большее, чѣмъ у партій либерально-демократической оппозиціи: соціалъ-демократіи (56 депутатовъ), свободомыслящей партіи (28 депутатовъ) и нѣмецкой народной партіи, такъ называемыхъ, южно-нѣмецкихъ демократовъ (8 депутатовъ).

Но, благодаря интимной близости къ правительственнымъ сферамъ, вліяніе консервативныхъ депутатовъ значительно больше,

чѣмъ вліяніе соединенной оппозиціи. Проникнутая чисто органической непріязнью къ индустріи, консервативная партія во всей своей внутренней политикѣ тѣмъ не менѣе тщательно избѣгаетъ формулировать этотъ антагонизмъ во всей его рѣзкости. Ея тактика сводится обыкновенно къ тому, чтобы обострять антагонизмъ между высшимъ и низшимъ промышленными слоями и съ помощью предпринимателей политически подтягивать рабочую массу. Эта тактика ей всегда прекрасно удавалась; реакціонные законопроекты послѣдняго десятилѣтія, въ родѣ пресловутыхъ Umsturz-Vorlage и Zuchthaus-Vorlage, находили въ классѣ крупрыхъ промышленниковъ ревностныхъ сторонниковъ, да и теперешнія аграрныя стремленія къ вздорожанію жизненныхъ продуктовъ встрѣчаютъ съ этой стороны очень дѣятельное сочувствіе..

Средне-европейскій аграрный кризисъ поставилъ всѣ стародавнія политическія партіи лицомъ къ лицу съ совершенно непредвидѣнными трудностями. Въ Германіи этотъ кризисъ еще не былъ въ состояніи вполнѣ разрушить и внѣшнюю оболочку старыхъ политическихъ группировокъ, но главнѣйшія изъ нихъ или были вынуждены предоставить отдѣльнымъ своимъ членамъ полнѣйшую свободу дѣйствій въ аграрно-политической области, лишь бы избѣжать внутреннихъ конфликтовъ; или же онѣ старались сообща удержаться на одной средней линіи, которая роковымъ образомъ все болѣе и болѣе сближалась съ линіей аграрныхъ требованій. Ни одна изъ старыхъ партій не могла устоять передъ той силой, которою снабдило широкія деревенскія массы всеобщее избирательное право. Всего отчетливѣе этотъ процессъ замѣтенъ на партіяхъ націоналъ-либераловъ и католическаго центра.

Уже въ старой Пруссіи заключены были въ одно государственное цѣлое двѣ экономическія различныя территоріи: исключительно аграрный востокъ и преимущественно промышленный западъ. Территоріальныя пріобрѣтенія 1866 года въ значительной степени перенесли центръ тяжести прусскаго государства на Западъ, а франкфуртскій миръ 1871 года соединилъ всю обширную область отъ Мемеля до Мааса въ одно политическое цѣлое. Параллельно съ этимъ приняли совершенно иной характеръ экономическіе интересы и экономическая политика вліятельнѣйшаго сословія старой, да и новой Пруссіи. Крупно-помѣстная знать съ давнихъ поръ была за свободную торговлю, такъ какъ издержки по транспортированію сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ восточной Пруссіи въ рейнскія области нельзя было уравновѣсить никакими покровительственными пошлинами при тѣхъ неудовлетворительныхъ путяхъ сообщенія, которые характеризуютъ

первыя десятилѣтія прошлаго вѣка; къ тому же потребленіе хлѣба въ этихъ областяхъ не могло быть значительно, покуда въ нихъ горная, желѣзная и всякая иная промышленность находилась еще въ зачаточномъ состояніи. Такимъ образомъ весь излишекъ хлѣба восточно-прусскихъ земель, какъ въ теченіе предыдущихъ пяти вѣковъ, продолжалъ идти въ Голландію и Англію, и прусская земельная аристократія твердо стояла на точкѣ зрѣнія манчестерскаго фритредерства, что было вполнѣ естественно для класса хлѣбныхъ экспортеровъ.

Но съ объединеніемъ нѣмецкихъ земель въ германскую имперію условія сильно измѣнились. Усовершенствованные пути сообщенія, желѣзныя дороги и каналы удешевили транспортъ грузовъ съ востока на западъ. Одновременно съ этимъ западная половина Германіи, благодаря росту и быстрому развитію крупной промышленности, становилась все болѣе и болѣе замѣтнымъ потребителемъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ въ то же самое время Англія начала кормиться американскимъ хлѣбомъ. Для поземельной знати самъ собой возникалъ вопросъ о монополизированіи нѣмецкихъ земель для хлѣбнаго экспорта помощью покровительственныхъ пошлинъ. Фритредерство смѣнила эра покровительственой политики крупнаго землевладѣнія. Но введеніе покровительственныхъ пошлинъ на продуктъ добывающей промышленности не было такимъ легкимъ дѣломъ: земельная знать столкнулась у кормила правленія съ новымъ факторомъ, который не хотѣлъ дать себя оттѣснить безъ всякихъ уступокъ. Это была новая „аристократія" западной половины имперіи, фабрично-заводская знать и банкократія, которыя не имѣли никакой склонности такъ себѣ, безъ всякаго вознагражденія допустить вздорожаніе предметовъ пропитанія рабочихъ массъ.

Необходимо было такъ или иначе „пактировать". Благопріятное стеченіе обстоятельствъ облегчало сдѣлку, такъ какъ и у западной аристократіи оказались сходныя желанія. Нѣмецкая промышленность была еще сравнительно слабо развита. Она лишь въ немногихъ отрасляхъ доразвилась до замѣтной вывозной силы и должна была еще сильно бороться съ иностранной, преимущественно бельгійской и англійской конкурренціей на отечественномъ рынкѣ. Для этого ей необходимы были индустріальныя пошлины. Она предложила поэтому хлѣбныя пошлины взамѣнъ желѣзныхъ—и дѣло было въ шляпѣ. Старо-прусская знать примирилась съ новой имперіей, скрѣпя сердце „рецепировала" новую денежную аристократію; коалиція или, такъ называемая, картель господствующихъ классовъ сдѣлалась на долгое время доминирующимъ факторомъ „національной политики" Германіи.

Кто хочетъ воочію видѣть аграрную аристократію Германіи, тотъ долженъ обратиться къ померанскимъ рыцарскимъ помѣстьямъ

и замкамъ, но кто желаетъ получить наглядное представленіе о новой промышленной знати, тотъ найдетъ ее главнымъ образомъ въ рейнско-вестфальской индустріальной области. Здѣсь она всего ярче представлена въ „желѣзныхъ баронахъ", являющихся главными застрѣльщиками новѣйшей эры экономическаго развитія страны. Около нихъ группируются собственники угольныхъ копей, химическихъ заводовъ, болѣе крупныхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, верфей, банковъ, общества заморской торговли. Далѣе слѣдуютъ собственники строительныхъ заводовъ, фабрикъ готоваго платья, фарфоровыхъ заводовъ, большихъ пивоваренъ, бумажныхъ фабрикъ и т. п. Имена Круппа, Штумма, Гейля, Зигля, Сименса уже пріобрѣли такую же нарицательную извѣстность, какъ имена графовъ Каницъ, Мирбахъ, Клинковштрель, Иценплицъ и др. Уже профессіональная роспись 1895 года отмѣчала 17.941 промыселъ съ числомъ рабочихъ болѣе чѣмъ 50. Если отнести собственниковъ этихъ промысловъ къ числу промышленныхъ тузовъ и присоединить еще къ нимъ торговую знать, то верхній аристократическій слой нѣмецкой промышленности по своей численности не уступитъ старой земельной знати. Его финансовое и экономическое значеніе уже теперь значительно превышаетъ силу послѣдней и только въ политическомъ своемъ вліяніи онъ еще остается далеко позади консервативно-аграрной аристократіи.

Крупные нѣмецкіе промышленники-предприниматели, образующіе вновь-испеченную аристократію, не могли не почувствовать въ себѣ импульса къ подражанію и ассимилированію со старымъ высокороднымъ классомъ. Каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлаться барономъ, служить въ гвардіи, блистать при дворѣ. На этомъ поприщѣ аристократическаго соперничества промышленная знать, благодаря сильному превосходству своихъ матеріальныхъ рессурсовъ, можетъ уже похвалиться значительными успѣхами, и на страницы той сенсаціонной прессы, которая съ особенною любовью черпаетъ свой матеріалъ изъ не всякому доступныхъ закулисныхъ сферъ, занесено уже не мало иллюстрацій уязвленныхъ самолюбій, разоблаченныхъ козней, восторжествовавшихъ интригъ. Но съ ростомъ сознанія у крупнаго предпринимательскаго класса званіе совѣтника и тайнаго совѣтника коммерціи пріобрѣтало въ его мнѣніи не меньшей мѣрѣ такой же блескъ, какъ баронскій титулъ. Сознаніе же классовыхъ интересовъ въ этой средѣ постепенно росло и обострялось съ развитіемъ промышленныхъ отношеній и организацій, каковы синдикаты, торговыя палаты, наконецъ,—по мѣрѣ того, какъ сплачивались все тѣснѣе и тѣснѣе массы промышленнаго пролетаріата. Рядомъ съ этимъ росли и политическіе инстинкты промышленной буржуазіи. До послѣдняго времени весь складъ и вся пружина политической и административной жизни Германіи были строго консервативны. До тѣхъ поръ, покуда крупные землевладѣльцы были фритредерами, и вся Гер-

манія держалась принципа свободной торговли; когда они подѣлались сторонниками покровительственныхъ пошлинъ, то и индустрія должна была такъ или иначе за ними слѣдовать. Весь главнѣйшій чиновный персоналъ набирался изъ сыновъ консервативно-аграрной знати, и торговля съ промышленностью изнывали подъ гнетомъ совершенно не компетентной въ этой области бюрократіи. Но вотъ, во время правленія Вильгельма II и съ началомъ колоніальной и міровой политики Германіи, разбогатѣвшая промышленная буржуазія, въ сознаніи своего высокаго призванія, все настойчивѣе стала претендовать на первыя роли центральнаго и административнаго управленія. Разныя невидимыя нити ея громаднаго вліянія достаточно обнаружились хотя-бы въ сенсаціонной исторіи 12.000-ной субсидіи, полученной правительствомъ отъ крупнѣйшей предпринимательской организаціи для агитаціи въ пользу пресловутой Zuchthausvorlage. Фактъ недавняго назначенія бывшаго націоналъ-либеральнаго депутата и крупнаго фабриканта Мэллера на постъ министра торговли и промышленности, быть можетъ, былъ бы также не лишенъ извѣстнаго симптоматическаго значенія, если бы не печальный прецедентъ недавно скончавшагося д-ра Микеля, который свою политическую карьеру началъ съ коммуниста и организатора крестьянскихъ возстаній, а затѣмъ, прошедши черезъ горнило націоналъ-либерализма, кончилъ ее, по жестокому выраженію одной берлинской газеты, въ роли „свинопаса прусскихъ аграріевъ“.

Свое политическое и парламентарное представительство крупные фабрично-заводскіе предприниматели имѣютъ по преимуществу въ націоналъ-либеральной партіи, частью же въ свободомыслящей и свободно-консервативной партіяхъ. Въ этой послѣдней группируются, между прочимъ, тѣ крупные заводчики, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются крупными землевладѣльцами и представляютъ, такимъ образомъ, смѣшанный аграрно-индустріальный типъ. Но какъ бы то ни было, предпринимательскій классъ,— ни въ рейхстагѣ, избираемомъ на основѣ всеобщаго выборнаго права, ни въ ландтагахъ, большею частью формируемыхъ на основаніи трехклассной системы выборовъ,—не находитъ вполнѣ рельефной и сплоченной партійно-политической организаціи. Въ противоположность аграрной знати, этотъ классъ не располагаетъ сколько-нибудь значительными вспомогательными отрядами: онъ не можетъ привлечь на свою сторону массы городского средняго сословія, которыя чувствуютъ себя жертвами всепоглощающаго капитализма, ни демократически и антагонистически настроенныхъ массъ промышленнаго пролетаріата, ни даже довольно широкаго слоя нѣмецкой интеллигенціи, которая при всемъ своемъ нерасположеніи къ отсталой консервативно-аграрной аристократіи, нерѣдко очень грубо третируется и „передовой“ промышленной знатью. При такихъ условіяхъ не удивительно, что крупные

предприниматели попадаютъ въ парламентъ почти исключительно съ помощью совершенно посторонныхъ элементовъ. Вотъ типическіе примѣры: извѣстный пушечный король, Круппъ, былъ избранъ въ 1893 году въ рейхстагъ только съ помощью соціалъ-демократовъ, видѣвшихъ въ немъ, т. н., „меньшее“ изъ тѣхъ золъ, которыя приходилось тогда выбирать; на выборахъ 1898 г. Круппъ совсѣмъ остался за штатомъ. Другой разительный примѣръ касается также заводскаго „короля“, недавно умершаго барона Штумма, который былъ избранъ, благодаря лишь поддержкѣ крестьянъ своего округа... Классъ крупныхъ предпринимателей, образуя чрезвычайно могущественную экономическую организацію, въ парламентарномъ отношеніи лишенъ самостоятельности и обреченъ на компромиссы то вправо, то влѣво. Эти компромиссы клонятся всего чаще вправо и на нихъ всего больше обречена нѣкогда очень вліятельная, а теперь внутренно разорванная націоналъ-либеральная партія...

Націоналъ-либеральная партія, взятая въ своемъ партійно-политическомъ значеніи, явилась партіей національнаго германскаго объединенія. Въ противоположность старой „прогрессивной“ партіи и южно-нѣмецкой демократіи, она представляла своего рода правительственный либерализмъ и, какъ таковая, служила очень существеннымъ парламентскимъ факторомъ во всемъ политическомъ и военномъ законодательствѣ новой объединенной имперіи. Она была въ рѣшительномъ смыслѣ централистична какъ въ области внѣшней политики, такъ равно и въ вопросахъ внутренняго хозяйства и права. Но блестящій періодъ націоналъ-либерализма былъ не продолжителенъ. Своимъ участіемъ въ „культурной борьбѣ“, а затѣмъ въ созданіи исключительнаго законодательства противъ соціалъ-демократіи онъ потерялъ всю свою либеральную репутацію, съ началомъ системы покровительственной политики утратилъ свое экономическое единство, а съ ростомъ соціалистическаго движенія—весь остатокъ своей популярности. Въ большинствѣ вопросовъ теперешніе націоналъ-либералы плетутся въ хвостѣ консервативной партіи и только изрѣдка и крайне вяло отстаивают свои либеральныя и фритредерскія традиціи передъ исключительными домогательствами аграріевъ. Единственное, что еще порой настраиваетъ ихъ на высокій ладъ и выдѣляетъ изъ среды другихъ партій,—это крылатыя идеи вездѣсущей міровой политики и мірового вліянія нѣмцевъ; не даромъ въ рядахъ націоналъ-либераловъ числятся и извѣстнѣйшіе пангерманисты и англофобы съ профессоромъ Гассе во главѣ.

Нѣтъ ни одного избирательнаго округа, съ которымъ не имѣла бы живыхъ связей націоналъ-либеральная партія въ цвѣтущую пору своего политическаго существованія. Теперь она, за двумя-тремя исключеніями, совершенно стерта аграріями съ лица земель восточной Пруссіи, Помераніи, Бранденбурга, Познани и Силезіи.

По правую сторону Эльбы пѣсенка націоналъ-либераловъ спѣта почти безъ остатка. По лѣвую же сторону ихъ пѣсенкѣ будетъ конецъ, какъ только союзъ сельскихъ хозяевъ откажетъ имъ во всякой поддержкѣ. Какъ партія, они теперь почти всецѣло во власти союза, который играетъ ими по произволу и поддерживаетъ кандидатуру націоналъ-либераловъ на выборахъ тамъ, гдѣ онъ съ ихъ помощью намѣренъ побить противниковъ изъ католическаго центра или соціалъ-демократіи. Такъ дѣло обстоитъ, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ округахъ. Изъ 48 націоналъ-либеральныхъ депутатовъ въ теперешнемъ составѣ рейхстага самая ничтожная часть прошла на первыхъ выборахъ, подавляющее большинство—лишь на перебалотировкахъ, при чемъ 25 депутатовъ было избрано противъ соціалъ-демократовъ, 15—противъ центра, 2—противъ поляковъ, 2—противъ свободомыслящей партіи и только 2—противъ кандидатовъ консервативной партіи. Отсюда можно видѣть, какую громадную роль играетъ консервативно-аграрный аппаратъ въ избирательныхъ судьбахъ націоналъ-либераловъ и какъ сильно пошла на убыль эта нѣкогда популярнѣйшая и вліятельнѣйшая партія. Исторію имперскаго парламента отъ 1874 до 1898 года можно разсматривать, какъ исторію разложенія и дробленія національнаго, да, пожалуй, и всякаго либерализма въ Германіи. Въ 1874 году націоналъ-либералы въ числѣ 155 депутатовъ стояли во главѣ партій рейхстага, теперь, послѣ выборовъ 1898 года, они сократились до 48 душъ, обязанныхъ помощи своихъ старыхъ заклятыхъ враговъ. Націоналъ-либеральная партія, и по сіе время кичливо называющая себя „партіей имущества и образованія“, die Partei von Besitz und Bildung, не имѣла недостатка въ талантливыхъ людяхъ: Бенигсенъ, Ласкеръ, Форкенбекъ, Штауфенбергъ и недавно умершій министръ финансовъ Микель были четверть вѣка тому назадъ ея гордостью и вообще первыми фигурами на политической аренѣ Германіи. Не недостатокъ талантовъ обусловилъ разложеніе партіи, а отсутствіе широкой, однородной массовой основы. Промышленная буржуазія, съ идеями и стремленіями которой всего болѣе сроднилась націоналъ-либеральная партія, слишкомъ тонкій слой, чтобы оказаться достаточнымъ для партійной группировки. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно „образованнаго сословія“, которое даже въ самыхъ широкихъ своихъ предѣлахъ составляетъ всего 4% населенія Германіи, и къ тому же не отличается ни политическою сплоченностью, ни устойчивостью и единствомъ своихъ политическихъ стремленій. Въ первое время своего существованія націоналъ-либерализмъ имѣлъ большую опору въ крестьянствѣ и рабочихъ массахъ. Извѣстна та красивая фраза, которую въ свое время лейпцигскіе рабочіе получили въ отвѣтъ на свой запросъ о вступленіи въ члены „Національнаго ферейна“, этого родоначальника теперешнихъ націоналъ-либераловъ: „вамъ

не зачѣмъ вступать въ ферейнъ, отвѣтили имъ тогда, такъ какъ вы и безъ того его урожденные почетные члены!“ Отъ этого прекраснодушія не осталось теперь и слѣда: за исключеніемъ немногихъ рейнско-вестфальскихъ округовъ національ-либерализмъ потерялъ своихъ „почетныхъ членовъ“, такъ какъ, по мѣрѣ своего сліянія съ крупнымъ предпринимательствомъ, онъ все болѣе проникался антагонизмомъ къ ихъ интересамъ и стремленіямъ, не пріобщалъ ихъ къ своимъ организаціямъ, едва сносилъ ихъ собственныя и до самаго послѣдняго времени почти безраздѣльно присоединялся къ тѣмъ злополучнымъ „законопроектамъ“, которые умышляла консервативно-аграрная реакція и интрига. Что касается крестьянства, то оно идетъ еще за національ-либералами по стольку, по скольку эти послѣдніе стоятъ за покровительственныя пошлины, т. е. по скольку они являются послушнымъ органомъ „Союза сельскихъ хозяевъ“.

Какъ по времени и мотивамъ своего возникновенія, такъ равно по складу мыслей и интересовъ тѣхъ классовъ, изъ которыхъ вышли первые вожди національ-либеральной партіи, эта послѣдняя не имѣла рѣшительно ничего общаго съ аргарными стремленіями въ ихъ современномъ видѣ. Еще въ 1879 году имѣлись въ средѣ этой партіи члены, которые хлѣбныя пошлины въ 50 пфенниговъ и 1 марку на одинъ центнеръ считали полнымъ разореніемъ для Германіи и ея промышленности. Въ 1885 году, во время обсужденіи таможеннаго закона, повышавшаго хлѣбныя пошлины до 3 марокъ, 20 національ-либераловъ голосовали противъ такого повышенія и уже 23—за него. Національ-либеральная партія постепенно шла на все большія уступки аграрнымъ требованіямъ. Противъ торговаго договора съ Румыніей голосовало 14 членовъ этой партіи, противъ договора съ Россіей (1893 года)—16 членовъ исключительно вслѣдствіе пониженія пошлинъ на русскій и румынскій хлѣбъ до $3^1/_2$ марокъ на центнеръ. Когда графъ Каницъ въ 1894 и 1895 годахъ вносилъ въ рейхстагъ свой извѣстный проектъ государственной монополіи хлѣбной торговли для выколачиванія болѣе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, то къ этому проекту присоединилось пять членовъ національ-либеральной фракціи, не смотря на то, что не задолго передъ тѣмъ знаменитый вождь этой фракціи Рудольфъ фонъ-Бенигсенъ торжественно заявилъ: ...„до такой высокой степени всеобщаго вреда не доходило еще ни одно изъ аграрныхъ требованій!..“

Когда наступили общіе выборы 1898 года, при которыхъ главнѣйшіе интересы бюргерскихъ партій сосредоточивались на пресловутомъ „сборѣ“ охранительныхъ элементовъ и на аграрныхъ пошлинахъ, то національ-либеральные кандидаты массами дезертировали въ лагерь союза сельскихъ хозяевъ, связавши себя тѣми одиннадцатью аграрными требованіями, которыми союзъ

обусловливалъ свою поддержку на выборахъ. Болѣе независимые органы націоналъ-либеральной печати съ ужасомъ вопили объ этомъ постыдномъ предательствѣ и капитуляціи своихъ кандидатовъ, между тѣмъ, какъ руководящій органъ союза, берлинская Deutsche Tageszeitung, въ побѣдномъ тонѣ возвѣщалъ: ...„мы предсказывали, что націоналъ-либеральные представители въ этотъ разъ во многихъ мѣстахъ не имѣютъ никакихъ шансовъ на избраніе и должны будутъ отступить отъ прежней арены своей парламентской дѣятельности. Выборы подтвердили наши предсказанія, такъ какъ всѣ большіе мужи этой партіи, поскольку они принадлежатъ къ манчестерскому крылу ея, исчезли съ лица земли въ округахъ Пфальца, Гессена и Бадена. Союзъ сельскихъ хозяевъ можетъ похвалиться грандіозными успѣхами своей довыборной агитаціи, пріуготовившей рѣшительное пораженіе манчестерскихъ вождей націоналъ-либерализма...“

Досада за безпрестанныя пораженія и униженія возбуждала порой въ рядахъ націоналъ-либераловъ раздраженіе и боевое настроеніе противъ аграрныхъ претензій, но чувство собственнаго безсилія то-и-дѣло вынуждало ихъ на все большія уступки. Дѣло кончилось тѣмъ, что уже въ іюнѣ прошлаго года центральный комитетъ націоналъ-либеральной партіи и націоналъ-либеральныя фракціи рейхстага и прусскаго ландтага на соединенномъ собраніи постановили резолюцію, въ силу которой... „при предстоящемъ пересмотрѣ таможенныхъ тарифовъ и при заключеніи будущихъ торговыхъ договоровъ предлагается охранять интересы сельскаго хозяйства путемъ усиленія покровительственныхъ пошлинъ въ болѣе высокой степени, чѣмъ это было до сихъ поръ“... Эта резолюція и вся послѣдующая тактика націоналъ-либераловъ по отношенію къ парламентскимъ и внѣ парламентскимъ демонстраціямъ союза сельскихъ хозяевъ, не оставляли никакихъ сомнѣній насчетъ прогрессирующей аграрной эволюціи нѣмецкаго націоналъ-либерализма.

Партійно-политическая жизнь Германіи получила бы несомѣнно значительно болѣе упрощенный характеръ, если бы она, кромѣ экономическихъ и политическихъ разногласій, не находилась еще подъ сильнымъ вліяніемъ конфликтовъ и контрастовъ религіознаго, вѣроисповѣднаго свойства. Побѣда, одержанная въ свое время католической контръ-реформаціей надъ цѣлой третью нынѣшней германской территоріи, повела за собою вѣроисповѣдную жизнь, которая и по сіе время кладетъ свой отпечатокъ на весь складъ нѣмецкихъ политическихъ отношеній.

Въ борьбѣ протестантизма съ католицизмомъ послѣдній отличается болѣе боевымъ характеромъ не только потому, что онъ находится въ меньшинствѣ, но еще потому, что въ немъ въ гораздо большей степени слиты въ одно политическія тенденціи съ церковно-религіозными. Христіански-соціальныя доктрины въ

тѣсномъ смыслѣ слова являлись въ нѣдрахъ католицизма дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, единичныхъ попытокъ. Католицизмъ же въ широкомъ смыслѣ церковной организаціи носитъ по преимуществу политическій характеръ. Долгая исторія католицизма такъ глубоко запечатлѣлась въ умахъ милліоновъ, что, не смотря на всяческія вольнодумства и индиферентизмъ въ отдѣльныхъ личностяхъ и массахъ, они всетаки считаютъ, особенно въ критическіе періоды своей жизни,—вполнѣ натуральнымъ принадлежать къ католической организаціи и содѣйствовать ея возможной силѣ и вліянію. Связанные съ нею религіозными узами, они по тому самому слѣдуютъ ея политическому руководству. Эти массы тѣмъ менѣе склонны разграничивать церковь и политику, что самъ духовный пастырь учитъ ихъ политикѣ въ церковномъ духѣ. И пастыря и пасомаго охватываетъ широкая струя чрезвычайно пестраго, удивительно сотконнаго, но въ основаніи своемъ все же единообразнаго міросозерцанія. Если кто ненарокомъ отступился отъ этого міросозерцанія, то пастырь спѣшитъ вернуть его въ лоно прежней вѣры. А разъ онъ снова увѣровалъ, онъ, конечно, подаетъ свой голосъ на выборахъ за партію католическаго центра. Въ теченіе послѣдняго вѣка католицизмъ значительно укрѣпился силою своего догматическаго возрожденія. Его церковно-религіозная мощь тѣмъ легче стала принимать характеръ политическаго вліянія, когда культурная борьба создала мучениковъ его вѣры. И вотъ, мы видимъ теперь, что вліяніе это громадно и что ростъ германскаго милитаризма и маринизма возможенъ лишь съ согласія и при содѣйствіи католическаго центра...

Мы уже упоминали, что католицизмъ въ Германіи находится въ меньшинствѣ по сравненію съ протестантизмомъ. Но меньшинство это довольно значительное. Изъ 56 милліоновъ душъ населенія Германіи на долю католиковъ приходится 35,8%, въ Пруссіи они составляютъ 34,5%, въ Вюртембергѣ — 30,0%. Въ Баваріи католики составляютъ большинство въ 70,8%, въ Баденѣ—62%, въ Эльзасъ-Лотарингіи—76,5%. Все побережье Балтійскаго и Нѣмецкаго морей населено протестантами, и только у Данцига и Вильгельмсгафена католики врѣзываются узкой полосой. Протестанты, крайне слабо представленные почти на всемъ протяженіи сухопутныхъ границъ Германіи, большими островами расположены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Германіи, напримѣръ: между Ансбахомъ, Байройтомъ и Нюрнбергомъ, въ Пфальцѣ и Вюртембергѣ... Изъ наиболѣе крупныхъ городовъ Германіи лишь немногіе имѣютъ католическое большинство населенія: Мюнхенъ—84%, Кельнъ—81,9%, Дюссельдорфъ—73,3%, Ахенъ—92,4%, Крефельдъ—77%, Эссенъ—57,8%. Значительныя католическія меньшинства имѣютъ Бреславль, Франкфуртъ н/М., Страсбургъ, Данцигъ, Дортмундъ и Мангеймъ. Центръ

тяжести католицизма лежитъ въ деревняхъ и мелкихъ городскихъ поселеніяхъ. Но такъ какъ изъ деревень много народа идетъ въ города, то католическая примѣсь фабрично-заводскаго населенія съ каждымъ годомъ растетъ. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе для направленія въ общемъ довольно неуловимой политики и тактики партіи центра. Въ этой партіи имѣется гораздо больше аграрной аристократіи, чѣмъ фабрично-заводской. Силезскіе магнаты, медіатизированныя знатныя фамиліи южной Германіи, помѣстная знать Вестфаліи — всѣ они стоятъ на границѣ консервативно-клерикальныхъ взглядовъ и значатъ больше тѣхъ немногихъ католическихъ крупныхъ фабрикантовъ, которые по самому свойству своихъ предпринимательскихъ интересовъ болѣе склоняются къ націоналъ-либеральной партіи. Но еще большимъ, чѣмъ тѣ и другіе, вліяніемъ пользуется католическое духовенство, какъ высшее, такъ и низшее. Партія центра посылаетъ въ рейхстагъ цѣлую массу своихъ каплановъ, что, конечно, служитъ нагляднымъ доказательствомъ ихъ громадной роли въ политической агитаціи среди католическаго населенія большихъ городовъ и еще болѣе мелкихъ захолустій. Значительное преобладаніе духовенства въ католической политикѣ придаетъ ей именно особый клерикально-этическій характеръ, не всегда вяжущійся съ суровымъ реализмомъ экономическихъ и политическихъ проблемъ. Впрочемъ, нѣтъ ничего проблематичнѣе экономической программы центра; она всѣмъ сулитъ золотыя горы: торговлѣ и промышленности „свободное процвѣтаніе“, среднему сословію—„условія его существованія“, сельскому хозяйству — „подъемъ общаго благосостоянія“, рабочимъ — осуществленіе ихъ „справедливыхъ домогательствъ“. Сообразно съ этимъ на годичныхъ генеральныхъ собраніяхъ нѣмецкихъ католиковъ произносятся спеціальныя рѣчи для каждаго отдѣльнаго сословія и каждая рѣчь въ отдѣльности очень недурно убаюкиваетъ спеціальную аудиторію.

Партія центра, на знамени которой значится девизъ борьбы за „Wahrheit, Recht und Freiheit“, въ прежніе времена и въ самомъ дѣлѣ неоднократно заступалась за эти принципы. Будучи въ меньшинствѣ, она должна была опираться на содѣйствіе болѣе свободолюбивыхъ элементовъ, чтобы и себя охранить отъ насилій. Наученная горькимъ опытомъ „культурной борьбы“, она охотно соединялась съ тѣми слабыми оппозиціонными группами—поляки, вельфы, эльзасъ-лотарингцы, — которые боролись противъ исключительныхъ законовъ. Но съ ростомъ вліянія центра оказывалось, что его оппозиціонные аллюры коренятся въ обстоятельствахъ времени, а не въ его природѣ, и что онъ готовъ продать всѣ свои высокіе принципы за спеціальныя вольности католической церкви. Располагая болѣе чѣмъ ста депутатскими мѣстами въ „центрѣ“ рейхстага, католическая партія

уже въ силу этой своей срединной позиціи обречена на тактику, которая на парламентскомъ языкѣ получила названіе „коровьяго торга“ — Kuhhandel или „пляски на яйцѣ“ — Eiertanz. Неудивительно, впрочемъ, что партія, въ основѣ отстаивающая одни церковные интересы, во всѣхъ остальныхъ областяхъ лишена ярко-выраженнаго принципіальнаго направленія.

Центру было легче, чѣмъ національ-либераламъ, примкнуть къ новымъ аграрнымъ теченіямъ и стремленіямъ современной Германіи. Эта партія съ самаго начала имѣла свои корни главнымъ образомъ въ сельскомъ населеніи и въ болѣе отсталыхъ областяхъ, гдѣ фритредерскія тенденціи торговли и промышленности могли служить лишь очень слабымъ противовѣсомъ. Аграрная „эволюція“ партіи центра шла безостановочно и наперекоръ всѣмъ предостереженіямъ, которыя дѣлались отдѣльными католическими вождями по вопросу о хлѣбныхъ пошлинахъ. По этому вопросу центру приходилось, правда, вынести не мало конфликтовъ со своими избирателями, но до послѣдняго времени эти конфликты грозили ему лишь съ одной стороны, — со стороны его сельскихъ избирателей, домогающихся повышенныхъ аграрныхъ пошлинъ на иностранные продукты. Католическіе же избиратели промышленныхъ центровъ и, главнымъ образомъ, промышленные рабочіе католическаго вѣроисповѣданія, тяготѣющіе къ принципамъ свободной торговли, только теперь, въ виду обострившихся отношеній, обнаруживаютъ признаки оппозиціи своему оффиціальному и крайне обаграрившемуся парламентскому представительству. До сихъ поръ критическое положеніе центра заключалось въ томъ, что, въ качествѣ „правительствующей“, рѣшающей парламентской партіи, онъ долженъ былъ играть посредническую роль, между тѣмъ, какъ его правое и болѣе сильное аграрное крыло избирателей не хотѣло и слышать про посредничество между прогрессомъ индустріи и сохраненіемъ сельскаго хозяйства и вождями крестьянскихъ собраній и союзовъ настраивалось на все болѣе радикально-аграрный и рѣзкій тонъ противъ парламентской партіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось въ первый разъ сообщать о крестьянскомъ движеніи въ Германіи *), обстоятельства сложились далеко не въ томъ направленіи, какого можно было ожидать въ виду необыкновеннаго подъема крестьянскаго движенія послѣ имперскихъ выборовъ 1893 года. Съ 1896 года „Союзу сельскихъ хозяевъ“ удалось въ очень значительной степени расширить свое вліяніе на ходъ сельско-хозяйственной жизни какъ въ Баваріи, такъ и вообще во всей южной и западной Германіи, гдѣ главнымъ образомъ концентрируются крестьянскіе союзы и организаціи. Агитаторы и руководители „Союза сельскихъ хо-

*) См. «Русское Богатство», 1896, кн. 12.

зяевъ“ съ большимъ искусствомъ сумѣли приспособить свою агитацію такъ, чтобы она не слишкомъ шла въ разрѣзъ съ партикуляристическими поползновеніями сельскаго населенія особенно старо-баварскихъ областей, каковы верхняя и нижняя Баварія и верхній Пфальцъ. Считаясь съ этими партикуляристическими особенностями, „Союзъ“ выступалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ и съ подлинной своей программой только въ протестантской части верхней Франконіи и въ рейнскомъ Пфальцѣ. Эта часть Франконіи съ начала 15-го вѣка (1415 г.) и до 1810 г. находилась подъ владычествомъ Гогенцоллерновъ, и въ связи съ этимъ фактомъ разныя условія — политическія, экономическія и религіозныя—способствовали развитію въ этой области прусскаго партикуляризма и мѣшали возникновенію баварскаго. Что касается Пфальца, то особенности его положенія и правоваго развитія (Code Napoleon), его агрикультурныхъ и промышленныхъ условій рѣзко отдѣляли его отъ Баваріи по правую сторону Рейна и потому также не допускали возникновенія баварскаго партикуляризма. Напротивъ того, въ католическихъ земляхъ верхней, нижней и средней Франконіи, въ старобаварскихъ областяхъ и въ Швабіи необходимо было агитировать съ большой осмотрительностью и не раздражать того недовѣрія, съ которымъ населеніе въ силу вѣроисповѣдныхъ, династическихъ и политическихъ причинъ всегда относилось къ тому, что шло къ нему съ сѣвера, отъ „пруссаковъ“. Въ виду этого, „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ въ названныхъ областяхъ выступалъ подъ фирмой „баварскаго“ или „франконскаго“, или „швабскаго крестьянскаго союза“, и эту партикуляристически-окрашенную декорацію онъ, сверхъ того, снабжалъ нѣсколькими демократическими аттрибутами популярныхъ крестьянскихъ требованій южной Германіи, каковы упраздненіе нѣкоторыхъ земельныхъ сборовъ, передача въ вѣдѣніе государства ипотекъ и т. п. „Союзъ сельскихъ хозяевъ“ не преминулъ придти навстрѣчу и другимъ влеченіямъ южно-мѣмецкаго мѣщанства и всѣми зависящими отъ него мѣрами поддерживалъ, напр., спеціально антисемитическую агитацію въ старобаварскихъ и франконскихъ областяхъ. Благодаря обильнымъ средствамъ союза, Баварію заполнили аграрные агитаторы, и аграрная иллюстрированная и неиллюстрированная пресса, встрѣтивъ здѣсь значительное сочувствіе со стороны земельной знати, солидарной съ аграрными стремленіями прусской аристократіи, со стороны расположеннаго къ Пруссіи протестантскаго чиновничества и духовенства, наконецъ, со стороны унитарныхъ и пангерманскихъ органовъ баварской печати.

Вся эта инспирированная „союзомъ сельскихъ хозяевъ“ агитація роковымъ и гибельнымъ образомъ отразилась на ходѣ чисто крестьянскаго движенія, которое такимъ многообѣщающимъ образомъ началось въ 1892 году и еще болѣе послѣ выборовъ

1893 года. Очень заслуженный ходатай по крестьянскимъ дѣламъ въ Баваріи, много и успѣшно потрудившійся на защиту лѣсныхъ, земельныхъ и охотничьихъ правъ баварскаго крестьянства д-ръ Клейтнеръ *) въ 1892 году основалъ „союзъ лѣсныхъ крестьянъ“ (Waldbauernbund), который, послѣ успѣшной выборной агитаціи въ рейхстагъ и баварскій ландтагъ, ему удалось расширить до размѣровъ „Верхне-баварскаго крестьянскаго союза“ вообще. Этой организаціей д-ръ Клейтнеръ съ самаго начала имѣлъ въ виду создать противовѣсъ союзу прусскаго юнкерства, имѣвшему въ Баваріи своего главнаго агента въ лицѣ барона Тюнгена, вождя „Нижне-баварскаго крестьянскаго союза“. Цѣль д-ра Клейтнера заключалась въ охраненіи политическихъ и экономическихъ интересовъ дѣйствительнаго крестьянства, а не такъ называемыхъ хозяйственныхъ мужичковъ, въ освобожденіи широкихъ слоевъ трудящагося населенія отъ клерикальнаго и аристократическаго гнета и въ созданіи на протяженіи всей южной и западной Германіи особой народной партіи.

Но проискамъ франканского барона Тюнгена и его сподвижниковъ удалось внести крайній безпорядокъ въ ряды Клейтнеровской организаціи. Еще въ 1897 году началась интрига, спекулировавшая на честолюбивые инстинкты главнѣйшихъ крестьянскихъ вождей верхнебаварскаго союза и подбивавшая ихъ присоединиться къ тюнгеновскому крылу. Эта интрига удалась, но она же послужила началомъ безконечныхъ дрязгъ, личныхъ пререкательствъ и подвоховъ въ средѣ крестьянской организаціи, а ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ неурядицъ было почти полное пораженіе крестьянскихъ кандидатовъ на выборахъ въ рейхстагъ въ 1898 году и на выборахъ въ баварскій ландтагъ въ 1899 году. Въ мутной водѣ крестьянскихъ раздоровъ и разногласій съ успѣхомъ ловила рыбу партія католическаго центра,—та самая партія, противъ которой страшной угрозой раздались первые голоса анти-клерикальной крестьянской агитаціи.

Потребовалось бы много мѣста для описанія всѣхъ перипетій въ судьбахъ южно-нѣмецкаго крестьянскаго движенія за послѣдніе годы. Здѣсь достаточно лишь отмѣтить, что въ концѣ прошлаго года въ Вюрцбургѣ состоялось собраніе, на которомъ якобы въ послѣдній разъ и окончательно совершилось объединеніе крестьянскихъ союзовъ разныхъ баварскихъ земель. Основа, на которой совершилось это объединеніе, и резолюціи, скрѣпившія его, носятъ очень смѣшанный и въ общемъ довольно реакціонный характеръ. Вюрцбургское собраніе явилось лишь баварско-партикуляристической варіацией на ту тему, которую приходится ежегодно слышать на берлинскихъ собраніяхъ „союза сельскихъ хозяевъ“. Тотъ же, казалось бы, ничего общаго съ нуждами сель-

*) О немъ подробнѣе въ указанной выше статьѣ.

скаго хозяйства неимѣющій протестъ противъ нейтралитета Германіи въ южно-африканской войнѣ, анаѳема англичанамъ и восторженный панегирикъ бурамъ, пламенный вотумъ недовѣрія канцлеру имперіи графу Бюлову и всей имперской политикѣ; далѣе слѣдуетъ протестъ противъ соціалъ-демократіи за ея требованіе нормальнаго восьми-часового рабочаго дня для горныхъ рабочихъ, протестъ противъ партіи центра, которая въ своемъ пруссофильскомъ усердіи предала-де интересы родной Баваріи; и т. д. Въ Вюрцбургѣ принята была, наконецъ, и резолюція противъ „клики прусскихъ юнкеровъ“, создавшихъ себѣ организацію въ „союзѣ сельскихъ хозяевъ“. Но изъ резолюцій вюрцбургскаго собранія видно, что оно ничего не имѣетъ противъ значительныхъ повышеній хлѣбныхъ пошлинъ; все разногласіе лишь въ томъ, что прусскіе юнкера, въ качествѣ производителей пшеницы и ржи, требуютъ высокихъ пошлинъ именно на эти сорта хлѣба и довольно равнодушны къ ячменю и овсу, которые главнымъ образомъ производитъ баварское крестьянство. Поэтому трудно принимать въ серьезъ то возмущеніе, съ которымъ баварскіе аграріи раздѣлываютъ своихъ прусскихъ односословцевъ и которое они между прочимъ формулируютъ въ слѣдующихъ крѣпкихъ словахъ своей резолюціи:

... „Представители „союза сельскихъ хозяевъ“ при всякихъ флотскихъ, китайскихъ и тому подобныхъ оказіяхъ, патріотически гнутъ спину, кричатъ ура! и безропотно падаютъ на колѣни передъ правительствомъ, поддерживая такимъ образомъ ту самую англизированную міровую и торговую политику новаго курса, которую они сами-то считаютъ причиною гибели нѣмецкаго сельскаго хозяйства“...

Въ этихъ словахъ какъ будто большая доза демократической строптивости; но къ этому демократизму примѣшивается у крестьянскаго движенія не мало элементовъ чисто реакціонныхъ и узко партикуляристическихъ, въ результатѣ чего получается сумбуръ, отъ котораго еще не скоро вполнѣ освободится баварское и вообще нѣмецкое крестьянство.

Въ сторонѣ отъ этого „объединеннаго“ честолюбіемъ вождей, происками аграріевъ и интригами клерикаловъ крестьянскаго союза стоитъ теперь только небольшая организація лѣсного и горнаго крестьянства Баваріи, такъ наз. Waldbauernbund подъ руководствомъ упомянутаго выше д-ра Клейтнера. Эта организація сумѣла покуда сохранить свою независимость вопреки всѣмъ зазываніямъ объединителей, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный вюрцбургскій агитаторъ Антонъ Мемингеръ, бывшій соціалъ-демократъ, а теперь правая рука барона Тюнгена, который, какъ сказано выше, есть ничто иное, какъ дѣятельный агентъ прусскихъ аграріевъ. Союзъ лѣсныхъ и горныхъ крестьянъ на своемъ послѣднемъ собраніи рѣшительно и единодушно отклонилъ предло-

женное ему присоединеніе къ мемингеровскому союзу, мотивируя свое рѣшеніе между прочимъ недовѣріемъ къ серьезности оппозиціи противъ своекорыстной и особенно для Баваріи вредной агитаціи „союза сельскихъ хозяевъ“. Лѣсные и горные крестьяне также рѣшительно высказались противъ аграрныхъ требованій полнаго стѣсненія пограничной торговли, такъ какъ такое стѣсненіе причинило бы крайній вредъ стародавнимъ и очень доходнымъ сношеніямъ горныхъ крестьянъ съ пограничными альпійскими областями. Въ этомъ случаѣ особенно приходитъ въ разсчетъ посредническая торговля скотомъ. Союзъ лѣсныхъ и горныхъ крестьянъ, при содѣйствіи д-ра Клейтнера успѣшно боровшійся за свои лѣсныя и охотничьи права, ведетъ теперь энергичную борьбу съ разными баронами и за свои права по рыболовству. Если обстоятельства сложатся благопріятнымъ образомъ, то верхнебаварскій Waldbauernbund послужитъ основнымъ ядромъ широкаго и независимаго крестьянскаго движенія и, быть можетъ, уже на ближайшихъ выборахъ сыграетъ замѣтную роль. Мы видѣли, что при первомъ серьезномъ натискѣ крестьянскаго движенія въ 1893 году одна баварская партія центра потеряла свыше 80 тысячъ крестьянскихъ голосовъ.

Въ связи съ этимъ наиболѣе передовымъ отрядомъ баварскаго крестьянства, кстати будетъ отмѣтить вольную организацію нѣмецкихъ крестьянъ на противоположномъ сѣверо-восточномъ концѣ Германіи. Этотъ крестьянскій союзъ, носящій имя „Nordost“ (сѣверо-востокъ), основался при содѣйствіи либеральной партіи и въ противовѣсъ ультрааграрному „союзу сельскихъ хозяевъ“. На своемъ послѣднемъ годичномъ собраніи, происходившемъ въ городѣ Грейфсвальдѣ, „Сѣверо-востокъ“ обсуждалъ между прочимъ и вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ. Предсѣдатель союза Штейнгаузеръ, самъ мелкій землевладѣлецъ, выступилъ съ рефератомъ на тему „сельское хозяйство и торговые договоры“ и поставилъ вопросъ: дѣйствительно ли торговые договоры оказались, какъ предсказывали въ свое время аграріи, „національнымъ несчастіемъ для Германіи“? Какъ разъ напротивъ, отвѣчалъ на это ораторъ: съ эпохой торговыхъ договоровъ совпадаетъ небывалый ростъ и расцвѣтъ Германіи. Требуемыя союзомъ сельскихъ хозяевъ хлѣбныя пошлины въ $7^1/_2$ и даже 10 марокъ исключаютъ-де возможность продолжать нынѣшнюю политику торговыхъ договоровъ. И кому вообще такія пошлины принесутъ пользу?—спрашивалъ далѣе Штейнгаузеръ.—Во всякомъ случаѣ, не среднему сословію, не чиновникамъ, купцамъ, ремесленникамъ и уже навѣрное не рабочимъ. Кромѣ того, изъ $5^1/_2$ милліоновъ сельскихъ хозяйствъ Германіи для $4^1/_2$ милліоновъ онѣ не только не были бы выгодны, но нанесли бы имъ прямой вредъ. Штейнгаузеръ за долго до съѣзда обратился къ членамъ крестьянскаго союза „Сѣверо-востокъ“ съ вопроснымъ листомъ по этому поводу, и результаты

этого изслѣдованія показываютъ, что собственникъ участка менѣе 50—60 моргеновъ не продаетъ хлѣба и принужденъ еще прикупать кормъ для скота. Мелкій и средній собственникъ кормятъ скотъ, чтобы имѣть мясо, и высокія хлѣбныя пошлины не въ его интересѣ.

Къ этому протесту противъ аграрной политики союза сельскихъ хозяевъ присоединялся и второй референтъ, указывавшій на неизбѣжныя вредныя послѣдствія ея. Враждебная торговымъ договорамъ политика аграріевъ затрудняетъ сбытъ промышленныхъ продуктовъ на міровомъ рынкѣ, можетъ даже сдѣлать его совершенно невозможнымъ. Увольненіе рабочихъ, борьба за заработную плату, озлобленіе, недовольство—вотъ единственно возможные плоды такой близорукой политики аграріевъ... Въ этомъ смыслѣ была составлена и резолюція, принятая затѣмъ собраніемъ крестьянскаго союза „Nordost“.

Наша экскурсія въ область крестьянскаго движенія слишкомъ затянулась, чтобы еще подробно останавливаться на организаціяхъ католическаго крестьянства въ Рейнской области, Вестфаліи и Силезіи. Достаточно указать, что весь этотъ хаосъ личныхъ честолюбій, традиціонной непріязни, провинціальныхъ и вѣроисповѣдныхъ разногласій и экономическихъ контрастовъ не могъ не отразиться на парламентской тактикѣ партіи центра. Когда въ 1891 году обсуждался торговый договоръ съ Австріей, то центръ еще явился надежной опорой правительства: онъ единодушно вмѣстѣ съ поляками и вельфами голосовалъ за пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ. Но уже во время имперскихъ выборовъ 1893 года, слѣдовательно не задолго до обсужденія главнѣйшихъ торговыхъ договоровъ, въ сельско-хозяйственныхъ католическихъ массахъ, руководимыхъ аграрной католической аристократіей (графъ Штраквицъ, бароны Лоэ и Шорлемеръ), раздались грозные голоса о предательствѣ интересовъ сельскаго хозяйства парламентскими вождями центра. Переполохъ, возбужденный этимъ протестомъ, немедленно повелъ къ расколу въ сферѣ католическихъ парламентаріевъ. При обсужденіи торговаго договора съ Румыніей голоса центра раздѣлились: 40 депутатовъ голосовало за договоръ, 50 противъ него. При обсужденіи договора съ Россіей за договоръ голосовало 45 депутатовъ, противъ—47. Въ вопросахъ торгово-политическаго свойства центръ утратилъ тѣмъ самымъ прежнее единство. Но наиболѣе вліятельные круги католическихъ избирателей не хотѣли успокоиться на фактѣ существованія все еще значительнаго меньшинства въ пользу торгово-договорной политики. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не прекращалась дѣятельная аграрная агитація въ католическихъ массахъ, куда то и дѣло совершали свои набѣги агенты союза сельскихъ хозяевъ. Эти массы были достаточно распропагандированы, чтобы заставить партію католическаго центра на ея прош-

логоднемъ генеральномъ собраніи въ Боннѣ и на недавнемъ собраніи въ Оснабрюкѣ рѣшительнымъ образомъ высказаться въ пользу значительнаго повышенія хлѣбныхъ пошлинъ при предстоящей ревизіи торговыхъ договоровъ.

Партіи, не вполнѣ лишенной чувства политической отвѣтственности и зявисящей отъ довольно большого кадра рабочихъ избирателей, не легко, конечно, съ спокойной совѣстью капитулировать передъ натискомъ аграрной демагогіи. Вотъ почему партія центра въ своихъ генеральныхъ собраніяхъ сочла нужнымъ утѣшить массы промышленныхъ рабочихъ обѣщаніемъ, что излишекъ увеличенныхъ сборовъ отъ хлѣбныхъ пошлинъ пойдетъ въ пользу вспомогательнаго фонда для рабочихъ вдовъ и сиротъ. Католическіе рабочіе, какъ и рабочіе всѣхъ другихъ толковъ, очевидно плохо вѣрятъ этому обѣщанію, подозрѣвая, что всякій излишекъ таможенныхъ сборовъ, по скольку онъ не пойдетъ въ пользу крупнаго землевладѣнія, неизбѣжно будетъ обращенъ въ фондъ для усиленія средствъ милитаризма и маринизма. Питаемые этимъ недовѣріемъ и тревожными перспективами вздораганія самыхъ необходимыхъ предметовъ народнаго продовольствія, католическіе рабочіе начинаютъ теперь дѣлать очень серьезную оппозицію аграрнымъ увлеченіямъ центра. Антиаграрная агитація соціалъ-демократіи и другихъ оппозиціонныхъ группъ пользуется благопріятнымъ моментомъ и съ большимъ успѣхомъ подкапываетъ устои могущественной клерикальной партіи. Твердынѣ католическаго центра грозитъ теперь тѣмъ большая опасность, что среди католическихъ рабочихъ союзовъ въ послѣдніе годы и безъ того замѣчается сильная тенденція оставить специфическую сферу такъ называемой христіански-соціальной политики и перейти на почву общей всѣмъ рабочимъ профессіональной организаціи.

Мы подошли, такимъ образомъ, вплотную къ тому послѣднему, очень важному партійно-политическому фактору, который, кромѣ уже выше отмѣченныхъ, приходитъ еще въ разсчетъ въ совершающейся теперь борьбѣ изъ-за хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи. Я разумѣю германскую рабочую партію, которая, въ настоящемъ случаѣ, въ борьбѣ противъ аграрныхъ домагательствъ, имѣетъ также на своей сторонѣ широкіе круги торгово-промышленнаго населенія, представляемаго наиболѣе передовыми группами нѣмецкаго либерализма. Чтобы намъ ясна была рѣзкая антиаграрная, къ нормальнымъ международнымъ торгово-договорнымъ отношеніямъ расположенная точка зрѣнія рабочей партіи, намъ необходимо нѣсколько болѣе конкретнымъ образомъ резюмировать тѣ фактическія отношенія, которыя по преимуществу диктуютъ этой партіи именно такую точку зрѣнія.

Система торговой политики Германіи, введенная въ канцлер-

ство графа Каприви, вытекала частью изъ экономическихъ, частью изъ политическихъ причинъ. Съ конца 70-хъ годовъ кн. Бисмаркъ держался политики покровительственныхъ пошлинъ, результатомъ которой являлся съ одной стороны постепенный ростъ хлѣбныхъ пошлинъ, а съ другой—тотъ фактъ, что и другія государства стали охранять себя все болѣе высокой крѣпостью протекціонизма. Такой порядокъ вещей не могъ не повести къ крайне затруднительному положенію, что съ особенной рѣзкостью сказалось въ 1891 году. Въ это время, послѣ непродолжительнаго періода промышленнаго подъема, наступилъ тяжелый торговый кризисъ. Между тѣмъ, какъ въ 70-хъ годахъ (начало покровительственной пошлины кн. Бисмарка) нѣмецкіе промышленники объясняли паденіе цѣнъ системой свободной торговли Германіи, облегчавшей переполненіе родного внутренняго рынка иностранными продуктами, и потому требовали покровительственныхъ пошлинъ, — въ началѣ 90-хъ годовъ они, напротивъ того, причину паденія цѣнъ усматривали въ покровительственной системѣ иностранныхъ государствъ, что крайне затрудняло иностранный сбытъ излишка нѣмецкихъ продуктовъ. Одновременно съ этимъ рядъ неурожаевъ быстро и сильно повысилъ цѣны на хлѣбъ. Въ Пруссіи, напр., тонна пшеницы въ 1886—90 годахъ стоила 175,3 марки, въ 1891 году она уже стоила 218,75 м. Цѣна ржи повысилась съ 143 на 204,5 марки за тонну. Дѣйствовавшая въ то время хлѣбная пошлина въ 5 марокъ на центнеръ должна была представиться слишкомъ высокой въ виду наступившей дороговизны. Даже упорно-протекціонистская Франція вынуждена была понизить свои хлѣбныя пошлины. Но это была съ ея стороны преходящая мѣра, къ которой она прибѣгла безъ соотвѣтственныхъ уступокъ другихъ странъ. Германія же воспользовалась наличными условіями, чтобы, взамѣнъ пониженія своихъ хлѣбныхъ пошлинъ, добиться пониженія промышленныхъ пошлинъ со стороны своихъ сосѣдей. Это было возможно только при условіи заключенія долгосрочныхъ торговыхъ договоровъ.

Весьма вѣроятно, однако, что такой поворотъ въ торговой политикѣ совершился бы съ меньшей легкостью, если бы вздорожаніе хлѣба и торговый кризисъ не такъ непосредственно слѣдовали за паденіемъ Бисмарковскаго режима. „Новый курсъ“ тотчасъ увидѣлъ себя вынужденнымъ къ политикѣ противоположной системѣ кн. Бисмарка, и неудивительно, что, упразднивъ исключительный законъ стараго курса, направленіе его общей, внутренней и соціальной политики,—преемники кн. Бисмарка сочли нужнымъ оставить и прежнюю, одностороннюю систему покровительства аграрныхъ интересовъ. И вотъ, цѣною пожертвованія нѣкоторой части аграрнаго протекціонизма, прежде всего, въ концѣ 1891 года, были заключены торговые договоры съ державами тройственнаго союза—Австріей и Италіей, далѣе—съ

Швейцаріей и Бельгіей, а затѣмъ, въ 1894 году—съ нѣсколькими другими государствами, среди которыхъ самое важное значеніе имѣетъ договоръ съ Россіей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ эти договоры пошли въ прокъ Германіи. Нужды нѣмецкаго сельскаго хозяйства нисколько не увеличились подъ дѣйствіемъ договоровъ; напротивъ того, онѣ даже сократились въ послѣдніе годы, что явилось результатомъ общаго экономическаго подъема. Что же касается спеціально расцвѣта крупной нѣмецкой промышленности подъ режимомъ торговыхъ договоровъ графа Каприви, то, не нагромождая здѣсь большихъ цифровыхъ данныхъ, достаточно указать, что за періодъ времени отъ 1894 до 1901 года сумма ввоза въ Германію увеличилась на 1,500 мил. марокъ, сумма вывоза также на 1,500 мил., слѣдовательно весь торговый оборотъ Германіи за указанный періодъ времени увеличился на внушительную сумму 3,000 милліоновъ марокъ.

Въ виду такого результата торговыхъ договоровъ для Германіи любопытно припомнить то политическое настроеніе, при которомъ они были заключены. При всей сравнительной легкости, они все же дались не безъ борьбы, не безъ треволненій, не безъ ожесточенной консервативно-аграрной оппозиціи. Противъ этой оппозиціи неоднократно выступалъ тогда на открытую арену самъ Вильгельмъ II. Во время обсужденія русско-нѣмецкаго торговаго договора, въ февралѣ 1894 года, императоръ Вильгельмъ, въ разговорѣ съ тогдашнимъ президентомъ рейхстага фонъ-Левецовомъ, заявилъ между прочимъ этому аграрію:

„Я далекъ отъ желанія вліять на убѣжденія каждаго въ отдѣльности, но вы должны себѣ ясно представить, что подумаетъ объ этомъ русскій императоръ. Онъ рѣшительно не пойметъ, какъ люди, то и дѣло вращающіеся у меня при дворѣ, носящіе мой мундиръ, противъ меня же голосуютъ въ вопросѣ, который имѣетъ такое громадное значеніе!“

Когда затѣмъ въ сентябрѣ 1894 года императоръ Вильгельмъ гостилъ въ Кенигсберѣ, то изъ списка гостей, приглашенныхъ къ его парадному обѣду, были исключены вожди консервативно-аграрной знати: графы Мирбахъ, Каницъ, Клинковштремъ, Дона-Вундлакъ и другіе. Въ своей застольной рѣчи Вильгельмъ II замѣтилъ:

„Съ чувствомъ глубокаго огорченія я долженъ былъ видѣть, какъ въ рядахъ близкой мнѣ знати перетолковываютъ мои намѣренія и борятся противъ моихъ плановъ; болѣе того: противъ меня раздалось даже слово оппозиція. Господа, оппозиція прусской знати противъ ея короля есть безсмыслица!..“

По поводу проекта хлѣбной монополіи графа Каница Вильгельмъ заявилъ барону фонъ-Мантейфелю: „Вы не можете же отъ меня требовать, чтобы я занялся хлѣбнымъ ростовщичествомъ!..“

Когда, наконецъ, дѣло торговыхъ договоровъ было улажено, Вильгельмъ II, въ одной своей рѣчи восхваляя заслуги графа Каприви, прибавилъ въ заключеніе:

..."Я полагаю, что тотъ актъ, коимъ были намѣчены и приведены къ благополучному концу торговые договоры, составитъ одно изъ важнѣйшихъ историческихъ событій и долженъ быть прямо названъ спасительнымъ дѣломъ. Я убѣжденъ, что не только наше отечество, но и милліоны подданныхъ другихъ странъ, стоящихъ съ нами въ торговой связи, будутъ благословлять этотъ день!.."

Въ 1903 году, какъ извѣстно, истекаетъ срокъ дѣйствія "спасительнаго акта" и уже снова по всей линіи бушуетъ кампанія изъ-за ревизіи и возобновленія торговыхъ договоровъ. Для предстоящихъ международныхъ переговоровъ по выработкѣ новыхъ торговыхъ договоровъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имперіи составленъ проектъ тарифовъ, который предназначалось покуда держать въ тайнѣ, но который, благодаря нескромности нѣкоторыхъ журналистовъ и чиновниковъ, правительство вынуждено было уже въ это лѣто цѣликомъ опубликовать. Проектъ составленъ подъ руководствомъ печальной памяти статсъ-секретаря и вице-канцлера имперіи, извѣстнаго аграрнаго графа Посадовскаго и при близкомъ содѣйствіи свѣдущихъ лицъ изъ среды крупныхъ аграріевъ и промышленниковъ. Неудивительно поэтому, если въ проектѣ нашли себѣ выраженіе настоятельныя требованія этихъ двухъ заинтересованныхъ группъ. Претензіи на особое покровительство со стороны наиболѣе крупныхъ нѣмецкихъ фабрикантовъ и заводчиковъ составляютъ на первый разъ большую загадку для теоретиковъ свободной торговли, вспоминающихъ, какъ въ свое время въ Англіи, въ борьбѣ противъ "хлѣбныхъ законовъ", сплоченной стѣной стояла вся индустрія. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи не трудно убѣдиться, что крупные нѣмецкіе промышленники требуютъ для себя повышенныхъ покровительственныхъ пошлинъ, чтобы съ ихъ помощью по возможности оградить себя на внутреннемъ рынкѣ отъ конкурренціи продуктовъ иностранной промышленности и при посредствѣ промышленныхъ синдикатовъ и картелей создать на нѣмецкомъ рынкѣ такія высокія цѣны, которыя обезпечивали бы имъ у себя дома громадные барыши и тѣмъ самымъ давали бы имъ возможность сбывать свои продукты за границу по значительно пониженной цѣнѣ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ представляетъ въ этомъ отношеніи не мало краснорѣчивыхъ иллюстрацій. Такъ, напр., благодаря охранительной пошлинѣ на желѣзно-дорожные рельсы, нѣмецкимъ желѣзнымъ и стальнымъ заводчикамъ удалось нагнать цѣну этого товара для собственнаго потребленія Германіи до внушительной высоты въ 120—130 марокъ за тонну, тогда какъ за границу этотъ же товаръ сбывался за 80—90 марокъ за тонну! Тоже са-

мое можно прослѣдить на сахарѣ и другихъ продуктахъ картелированной и привилегированной германской промышленности...

Нѣмецкіе аграріи разныхъ вѣроисповѣданій утверждаютъ, что торговыми договорами, заключенными въ началѣ 90-хъ годовъ, интересы сельскаго хозяйства были принесены въ жертву интересамъ обрабатывающей промышленности. Чтобы предотвратить на этотъ разъ такое предпочтеніе индустріи, они требовали установленія такъ назыв. двойнаго или, что то же самое, минимальнаго тарифа, и имперское правительство, ко всеобщему удивленію, откликнулось на это требованіе. Въ проектѣ новыхъ тарифовъ значится теперь минимальная пошлина въ 5 марокъ на центнеръ ржи и $5^1/_2$ марокъ на центнеръ пшеницы; это значитъ, что въ будущихъ торговыхъ договорахъ соотвѣтственные тарифы ни подъ какимъ видомъ не должны идти ниже этой нормы.

При наличныхъ условіяхъ, когда нѣмецкое сельское хозяйство далеко не покрываетъ нуждъ хлѣбнаго довольствія Германіи и Россія является для нея главнымъ поставщикомъ ржи, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что русскіе контрагенты не согласятся на такимъ образомъ повышенныя хлѣбныя пошлины. Но если бы Россія въ полной увѣренности, что нѣмцы такъ или иначе не обойдутся безъ русскаго хлѣба, и пошла на уступки, то вѣроятно только при условіи соотвѣтственнаго эквивалента со стороны ввозимыхъ въ нее продуктовъ германской индустріи. Точно также обстоитъ дѣло и съ другими странами. Въ Австро-Венгріи и Италіи раздается также самый рѣшительный протестъ противъ чрезмѣрнаго повышенія тарифныхъ ставокъ на аграрные продукты. Хлѣбныя пошлины являются въ проектѣ своего рода фундаментомъ, на которомъ возвышается пирамида прочихъ аграрныхъ пошлинъ, и сообразно съ повышеніемъ первыхъ въ проектѣ предусмотрѣно повышеніе ставокъ для цѣлой массы сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Вмѣсто дѣйствующей теперь нормы въ $3^1/_2$ марки, проектъ намѣчаетъ общій тарифъ для пшеницы въ $6^1/_2$ марокъ, минимальный—въ $5^1/_2$ марокъ, для ржи общій тарифъ въ 6 марокъ, минимальный—въ 5 марокъ. На рогатый скотъ пошлина повышена неимовѣрнымъ образомъ: съ 9 на 25 марокъ за голову, на свиней—съ 5 на 10 марокъ за штуку. На гусей, ввозъ которыхъ до сихъ поръ былъ совершенно безпошлинный, теперь значится пошлина въ 70 пфенниговъ за штуку! Въ этомъ послѣднемъ случаѣ самымъ чувствительнымъ образомъ затронуты интересы продовольствія широкихъ массъ наименѣе состоятельнаго люда, которому повышенныя хлѣбныя пошлины и безъ того грозятъ вздорожаніемъ хлѣба. Извѣстно, что нѣмецкія домашнія хозяйки, особенно на сѣверѣ и востокѣ Германіи, съ большимъ нетерпѣніемъ ждутъ осени, когда онѣ могутъ закупать для себя гусиное мясо, которое при наличныхъ условіяхъ мясного рынка является наиболѣе дешевымъ. Въ виду

этого потребленіе гусинаго мяса въ большихъ городахъ Германіи достигаетъ очень большихъ размѣровъ. Проектируемая же пошлина въ 70 пфен. означаетъ вздорожаніе этого мяса по меньшей мѣрѣ на 10—12 пфен. за фунтъ. Такое же вздорожаніе наступитъ и относительно другихъ аграрныхъ продуктовъ: скота, яицъ, сыра и т. п. Государства, съ которыми Германіи предстоитъ возобновить торговые договоры, очевидно мало расположены идти навстрѣчу всѣмъ желаніямъ нѣмецкихъ аграріевъ и во всякомъ случаѣ будутъ требовать отъ Германіи соотвѣтственныхъ компенсацій, по преимуществу изъ области ея индустріи. Въ результатѣ можетъ получиться, во 1-хъ, значительное вздорожаніе необходимыхъ жизненныхъ средствъ пропитанія, во 2-хъ, ущербъ для рабочихъ массъ вслѣдствіе сокращенія вывозной промышленности и, наконецъ, въ 3-хъ, политическая изолированность Германіи. Недаромъ изъ Австро-Венгріи и Италіи слышатся тревожные голоса, что таможенная политика Германіи подрываетъ устои тройственнаго союза.

Нѣмецкіе аграріи дѣлаютъ видъ, что недовольны проектомъ новыхъ тарифовъ, и какъ въ печатной, такъ и въ устной агитаціи требуютъ еще высшихъ пошлинъ на хлѣбъ и скотъ, а также на тѣ аграрные продукты, которые,—какъ напр., молоко, картофель, фрукты,—остались въ проектѣ безъ повышенныхъ пошлинъ. Эта тактика, конечно, очень прозрачна и имѣетъ лишь въ виду фиксировать и безъ того довольно высокія ставки проекта.

Нѣмецкіе аграріи обыкновенно мотивируютъ свои требованія тѣмъ, что подъ вліяніемъ дѣйствующихъ торговыхъ договоровъ сельское хозяйство будто бы сведено къ нулю и едва влачитъ свое существованіе. А, между тѣмъ, на лицо имѣются признаки совершенно обратнаго: задолженность землевладѣнія въ послѣдніе годы не только не увеличилась, но въ общемъ даже уменьшилась; цѣны на землю повсюду, исключая только самыя заброшенныя мѣста, значительно повысились. Положеніе сельскаго хозяйства не могло не улучшиться, какъ въ силу общаго покровительственнаго законодательства, такъ еще болѣе въ силу той громадной поддержки, которую ни одинъ классъ, кромѣ сельскихъ хозяевъ, не получалъ въ такой мѣрѣ отъ государства за послѣднее время. Дары такъ наз. соціальнаго законодательства остаются далеко позади того, что дѣлается въ помощь сельскимъ хозяевамъ, особенно въ Пруссіи. Они были въ теченіе послѣднихъ лѣтъ избавлены отъ земельной подати, имъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ горожанамъ, оказана субсидія для народныхъ школъ, для постройки новыхъ школьныхъ зданій, для жалованья и пенсіоннаго фонда сельскихъ учителей и учительницъ; въ затерянныхъ захолустныхъ провинціяхъ расширена желѣзнодорожная сѣть, тарифы для перевозки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и спеціально удобренія значительно понижены, оказана субсидія для меліорацій, основана

центральная касса сельско-хозяйственныхъ товариществъ съ государственнымъ кредитомъ въ 50 милліоновъ марокъ, спеціальному сельско-хозяйственному образованію оказано серьезное содѣйствіе, установленъ порядокъ, въ силу котораго казна и казенныя учрежденія при закупкѣ жизненныхъ продуктовъ должны по возможности обходить торговыхъ посредниковъ и непосредственно имѣть дѣло съ сельско-хозяйственными товариществами и крупными землевладѣльцами, чтобы весь барышъ въ такихъ случаяхъ шелъ въ пользу однихъ сельскихъ хозяевъ. Для „пристрастнаго" отношенія къ этимъ послѣднимъ характерно, между прочимъ, что сельскимъ товариществамъ Саксоніи, гдѣ сельско-хозяйственное населеніе составляетъ всего 15%, дается государственный кредитъ въ 5 милл. марокъ въ то самое время, когда рабочія потребительныя общества облагаются спеціальнымъ оборотнымъ налогомъ, такъ наз. Umsatzsteuer...

Ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, оказаннымъ въ пользу сельскаго хозяйства отдѣльными союзными государствами имперіи, необходимо еще прибавить то, что сдѣлано въ томъ же направленіи имперскимъ законодательствомъ. Здѣсь приходятъ въ разсчетъ такъ наз. любовные дары въ пользу винокуровъ и сахарозаводчиковъ, законы по стѣсненію ввоза иностраннаго мяса, ограниченіе таможенныхъ кредитовъ для мукомоловъ, упраздненіе транзитныхъ складовъ (элеваторовъ) и рядъ другихъ мѣръ на пользу исключительныхъ интересовъ сельскаго хозяйства. Все это дѣлалось, конечно, не ради прекрасныхъ глазъ сельскихъ хозяевъ, а благодаря тому вліянію и соціальному положенію, которое нѣмецкіе аграріи занимаютъ въ строѣ государственной жизни, классовымъ особенностямъ той выборной системы, которая дѣлаетъ ихъ хозяевами въ мѣстныхъ ландтагахъ, и привилегированной позиціи при общихъ выборахъ, дающей имъ возможность налагать свою печать на все имперское законодательство.

Наступившій теперь промышленный кризисъ, въ связи съ вытекающимъ изъ него сокращеніемъ потребительной способности населенія и большей потребностью въ сбытѣ продуктовъ, дѣлаютъ для Германіи заключеніе торговыхъ договоровъ въ настоящее время болѣе необходимымъ, чѣмъ когда либо. Крупные нѣмецкіе промышленники, организованные въ могущественномъ „Центральномъ союзѣ", вопреки своему прежнему мнѣнію, теперь сознали это и на своихъ послѣднихъ конференціяхъ высказались противъ проектированныхъ минимальныхъ тарифовъ на хлѣбъ, опасаясь, что они затруднятъ заключеніе торговыхъ договоровъ. Со стороны самыхъ разнообразныхъ отраслей нѣмецкой индустріи, которой составители проекта думали угодить намѣченными тарифами, раздаются теперь манифестаціи противъ этого дара Данайцевъ. А спеціально торгово-финансовыя сферы организовались теперь въ „общество торговыхъ договоровъ"—Handelsvertragsverein, кото-

рое хоть и получило въ публикѣ насмѣшливую кличку „союза совѣтниковъ коммерціи“, но тѣмъ не менѣе агитируетъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ и въ пользу торговыхъ договоровъ съ энергіей, не оставляющей желать ничего большаго.

Но торговые договоры нужны не только промышленникамъ и коммерсантамъ, они необходимы и для рабочихъ массъ. Изъ болѣе чѣмъ 8 милліоновъ нѣмецкихъ промышленныхъ рабочихъ, около 2 милліоновъ живетъ отъ вывоза нѣмецкой индустріи. Если къ ростущему теперь кризису присоединятся еще результаты нераціональный торговой политики, то значительная часть этихъ рабочихъ останется безъ работы, между тѣмъ, какъ остальные подъ давленіемъ конкурренціи своихъ собственныхъ товарищей будутъ обречены на пониженную заработную плату, а все это въ совокупности самымъ гибельнымъ образомъ отразится на условіяхъ жизни и слѣдовательно на сбытѣ промышленныхъ продуктовъ въ предѣлахъ внутренняго рынка. Рабочимъ массамъ нужны сверхъ того долгосрочные торговые договоры, такъ какъ ни одинъ предприниматель или купецъ не можетъ прочно обставить свое дѣло, если черезъ каждые 2—3 года можетъ измѣниться направленіе торговой политики и всѣ результаты его усилій подвержены сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи интересы предпринимателей и рабочихъ солидарны. Долгосрочные торговые договоры являются необходимостью не только въ интересахъ соціальнаго положенія рабочихъ массъ, но и для возможно болѣе прочнаго непоколебимаго хода всей хозяйственной жизни, которую аграрная агитація при каждомъ удобномъ случаѣ старается парализовать своими стереотипными требованіями повышенныхъ пошлинъ на необходимѣйшіе жизненные продукты.

Вотъ въ сжатомъ видѣ тѣ фактическія отношенія и тѣ логическія соображенія, которыя побуждаютъ германскую рабочую партію, вообще говоря стоящую на точкѣ зрѣнія полной свободы торговли, въ этомъ частномъ случаѣ бороться противъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ и за возобновленіе торговыхъ договоровъ на прежнихъ основаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ ведется партіей широкая массовая, устная и печатная, агитація, особенно со времени опубликованія проекта тарифовъ. Одинъ летучій листокъ партіи подъ заглавіемъ „Во что обходятся юнкера“ былъ распространенъ по всей Германіи въ 2 милліонахъ экземплярахъ. Антиаграрная агитація партіи проникаетъ въ самыя отдаленныя деревни, въ среду т. н. христіанскихъ рабочихъ, которымъ ставятся на видъ „хлѣбно-ростовщическіе планы“ католическаго центра. Слова Brotwucher, Kornwucher, коими характеризуются аграрныя домогательства настоящаго момента, сдѣлались теперь самой ходячей монетой въ Германіи. Въ безконечныхъ прокламаціяхъ и массовыхъ петиціяхъ, предназначенныхъ для рейхстага, указывается на увеличеніе расходовъ имперіи, отдѣльныхъ госу-

даретвъ и городскихъ управленій, которымъ, въ случаѣ вздорожанія средствъ жизни, придется считаться съ значительно отягощенными бюджетами больницъ, всякаго рода убѣжищъ для бездомныхъ и безработныхъ, тюремъ, продовольствія арміи и т. ц. Въ этомъ же смыслѣ былъ сдѣланъ докладъ депутатомъ Бебелемъ и принята резолюція на годичномъ конгрессѣ рабочей партіи, происходившемъ въ концѣ сентября въ г. Любекѣ.

Въ задачу настоящей статьи не входитъ разсмотрѣніе спорныхъ вопросовъ и теорій торговой политики, сложныхъ проблемъ индустріализаціи Германіи или противоположной этому аграрной эволюціи. Я даже долженъ отказаться отъ болѣе близкой моимъ намѣреніямъ мысли дать пространную картину той захватывающей агитаціи, приблизительный перечень которой намѣченъ въ началѣ статьи. Для господствующей въ настоящее время въ Германіи политической температуры характерно, напр., что даже такой ареопагъ нѣмецкихъ гелертеровъ, какъ извѣстное „Общество соціальной политики", на недавнемъ своемъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ, при обсужденіи вопросовъ торговой политики доходилъ порой до такого возбужденія, что живо напоминалъ собою публичный народный митингъ...

И неудивительно: мы стоимъ теперь въ Германіи передъ очень знаменательнымъ и тревожнымъ моментомъ. Эту мысль извѣстный либеральный политикъ и публицистъ д-ръ Бартъ ярко обрисовалъ на одномъ агитаціонномъ собраніи въ Берлинѣ:

„Борьба противъ повышенныхъ хлѣбныхъ пошлинъ и за торговые договоры, кромѣ своего чрезвычайнаго экономическаго и соціально-политическаго значенія, имѣетъ еще другую не менѣе важную сторону. Въ концѣ-концовъ рѣчь идетъ лишь объ одномъ рѣшительномъ эпизодѣ того громаднаго политическаго вопроса, который уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій занимаетъ Германію. Рѣчь идетъ о томъ, будетъ ли тотъ классъ населенія—назовемъ его извѣстнымъ именемъ: — будетъ ли прусскій юнкеръ и впредь править Германіей, тотъ прусскій юнкеръ, который самъ называетъ себя экономически несостоятельнымъ и который также духовно во многихъ отношеніяхъ несостоятеленъ. Въ настоящее время онъ фактически господствуетъ въ Германіи, онъ сумѣлъ свить себѣ гнѣзда во всѣхъ лучшихъ должностяхъ, онъ имѣетъ громадное вліяніе на все государственное управленіе, рѣшающее вліяніе въ мѣстной администраціи, въ окружномъ и провинціальномъ управленіи; благодаря жалкой выборной системѣ, ему удалось сдѣлаться рѣшающимъ факторомъ въ ландтагѣ, а въ палатѣ господъ онъ такимъ факторомъ является уже въ силу рожденія. Повсюду ему удалось обставить себя самымъ лучшимъ образомъ, только въ одной области онъ не сумѣлъ сохранить свою прежнюю супрематію: онъ не сумѣлъ удержать свою экономическую позицію. Экономически онъ отсталъ и сдѣлался несостоятельнымъ, потому

что онъ свое родное дѣло, занятіе сельскимъ хозяйствомъ, сдѣлавшееся болѣе сложнымъ, чѣмъ въ прежнее время, не сумѣлъ вести въ надлежащемъ порядкѣ, и потому что его жизненныя претензіи не сократились пропорціонально сокращенію его доходовъ. Эти претензіи, напротивъ того, значительно возросли. Такимъ образомъ, ему стало не подъ силу удержать свою экономическую позицію собственными средствами, и потому онъ требуетъ, чтобы весь народъ платилъ ему контрибуцію и доставилъ ему возможность по-прежнему одарять все прочее населеніе благами своего господства. Въ этомъ центральный пунктъ всей настоящей борьбы, и, такъ какъ мы въ этой игрѣ имѣемъ на своей сторонѣ рядъ превосходныхъ козырей, то я не вижу основанія, почему бы намъ въ этомъ случаѣ не вызвать рѣшительной битвы. Прусскіе юнкера съ необыкновенной фривольностью объявили намъ войну и намѣтили то поле брани, на которомъ мы должны вести теперь борьбу. Я надѣюсь, что на этомъ полѣ бюргерскимъ классамъ, рабочимъ и громадной долѣ крестьянства удастся пріуготовить прусскому юнкерству рѣшительное пораженіе, которое выяснитъ также вопросъ о томъ, останется ли оно и впредь единственнымъ вершителемъ судебъ германской политики"...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что борьба изъ-за хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи есть въ то же время борьба партій за политическую власть...

А. Ковровъ.

Крестьянская община въ Саратовской губерніи *).

I.

Беря для изученія крестьянскаго хозяйства и общины Саратовскую губернію, мы какъ бы вырѣзаемъ пробную полосу для всей черноземной Европейской Россіи, т. е. для всей главной земледѣльческой территоріи Россіи. Это—благодаря величинѣ Саратовской губерніи, благодаря ея своеобразной, на 500 верстъ протянутой съ сѣвера на югъ фигурѣ и географическому положенію. Въ Саратовской губерніи живетъ отъ $2^1/_2$ до 3 милліоновъ душъ, изъ коихъ собственно крестьянскаго населенія болѣе 2.000,000, т. е. хватило бы на цѣлое балканское государство, или на нѣсколько бурскихъ республикъ. По пространству своему Саратовская губернія занимаетъ 12-е мѣсто среди губерній Европейской Россіи: въ ней болѣе 7.700,000 десятинъ. Климатъ сѣвера ея подобенъ климату Казани, климатъ юга почти не отличается отъ климата Астрахани. Саратовская губернія представляетъ, такимъ образомъ, по своимъ естественнымъ, а также и по экономическимъ условіямъ, образчики всевозможныхъ мѣстностей южной и центральной Россіи. Южная ея часть, уѣзды Царицынскій, Камышинскій и отчасти Балашовскій и Аткарскій представляютъ типичные образчики южной и юговосточной степи,—такихъ мѣстностей, какъ Новороссія, области: Донская, Кубанская, Уральская, губерніи: Астраханская, Самарская, частью Уфимская и Оренбургская,—мѣстностей еще сравнительно многоземельныхъ, по большей части съ плодороднымъ черноземомъ, ведущихъ экстенсивное хозяйство, часто, если не обыкновенно, не дошедшихъ еще до правильнаго трехполья и удобренія. Затѣмъ вся основная, средняя часть Саратовской губерніи совершенно аналогична такимъ типичнымъ черноземнымъ центральнымъ губерніямъ, какъ Екатеринославская (частью), Харьковская, Воронежская, Курская, Тамбовская, Пензенская, частью Орловская, Тульская, Рязанская; тутъ населеніе уже очень густо, крестьяне по большей части малоземельные, установилось трехполье, развилось или развивается удобреніе. Наконецъ, отдѣльными своими мѣстностями, а особенно сѣвернымъ, Кузнецкимъ уѣздомъ Саратовская губер-

*) Изъ доклада, читаннаго въ секціи географіи и статистики Саратовскаго общества естествоиспытателей.

нія прекрасно представляетъ и ту широкую сѣверную окраину черноземной полосы, гдѣ начинаются уже худшія почвы, гдѣ удобреніе гораздо сильнѣе, обработка интенсивнѣе, гдѣ мѣстами уже сильно развиты отхожіе, а иногда и мѣстные промыслы, но гдѣ общій характеръ естественныхъ и экономическихъ условій всетаки еще далеко не такой, какъ въ типичныхъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ; эта переходная полоса обозначится приблизительно линіей отъ Симбирска на Смоленскъ.

Такъ какъ общинныя формы землевладѣнія складываются въ результатѣ взаимодѣйствія всѣхъ этихъ естественныхъ, экономическихъ, культурныхъ условій, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что и общинныя формы Саратовской губерніи представятъ намъ всевозможные образчики общинныхъ формъ всей указанной огромной части Россіи. Это придаетъ особый интересъ изученію саратовской общины. Интересъ этотъ усиливается благодаря еще одному обстоятельству: ни по одной губерніи мы не имѣемъ такого обильнаго и такого высокаго по качеству матеріала по общинѣ, какъ по Саратовской губерніи. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что эта губернія до сихъ поръ едва ли не единственная, гдѣ было полныхъ два земско-статистическихъ изслѣдованія крестьянскаго хозяйства: первое въ первой половинѣ 80-хъ годовъ и второе—съ 1897 по 1900 г. Во-вторыхъ, Саратовской губерніи посчастливилось на самую организацію этихъ изслѣдованій: за 20 лѣтъ существованія здѣсь земской статистики ею завѣдовали только три лица,—Л. С. Личковъ, С. А. Харизоменовъ и Н. Н. Черненковъ,—благодаря чему она не испытывала такихъ разстройствъ и пріостановокъ, какія портили результаты работъ во многихъ другихъ губерніяхъ. Затѣмъ, всѣ эти три завѣдующихъ не только всегда стояли на уровнѣ общаго развитія земской статистики въ Россіи, но и постоянно вносили много личной творческой инициативы въ огромное и сложное дѣло изслѣдованія крестьянства. Въ частности всѣ три завѣдующихъ придавали глубокое значеніе изслѣдованію общины и удѣляли ему самое настойчивое и пристальное вниманіе, какъ въ программахъ опросовъ крестьянъ, такъ и въ разработкѣ добытыхъ матеріаловъ.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я хочу представить только самые общіе выводы изъ произведенной мною разработки статистическихъ матеріаловъ по саратовской общинѣ. Я не буду докапываться до *историческихъ корней* наблюдаемыхъ нынѣ въ Саратовской губерніи общинныхъ формъ, такъ какъ, съ одной стороны, нѣкоторыя частныя такого рода изысканія,—и очень интересныя,—уже сдѣланы по Саратовской же губ., съ другой же стороны, для болѣе общихъ заключеній матеріалы по одной губерніи при всемъ ихъ достоинствѣ не могутъ считаться достаточными, для этого понадобилось бы сложное изслѣдованіе, захватывающее одновременно нѣсколько различныхъ районовъ Россіи.

Не стану я также съ исчерпывающей подробностью обрисовывать всѣ *оттѣнки общинныхъ формъ*; это имѣло бы интересъ только для сравнительно ограниченнаго круга лицъ, успѣвшихъ уже близко ознакомиться съ общиной, а кромѣ того все наиболѣе существенное для описанія и классификаціи общинныхъ формъ желающіе могутъ найти въ I томѣ общей моей работы („Русская Община", ч. I, „Что такое община?"), нѣкоторыя же свѣжія и характерныя подробности, открываемыя сырыми матеріалами саратовской статистики, я изложу въ особой работѣ. Тамъ же я займусь и обстоятельнымъ *цифровымъ анализомъ условій*, опредѣляющихъ различныя общинныя формы въ Саратовской губерніи и *вліяній*, оказываемыхъ этими формами на хозяйство и бытъ крестьянъ; разработка огромнаго матеріала, добытаго по этимъ вопросамъ саратовской статистикой, еще не совсѣмъ закончена. Наконецъ, я сейчасъ, вообще говоря, совершенно уклонюсь отъ *критики и оцѣнки* общинной формы, а остановлюсь на вопросѣ о томъ, *насколько живой, живучей, жизненной* рисуютъ ее собранные до сихъ поръ цифровые матеріалы. При этомъ пока для краткости я и тутъ не буду входить въ подробности, какъ ни глубоко они часто интересны, а воспользуюсь только *самыми общими итоговыми* цифрами о *распространеніи* въ Саратовской губерніи *разныхъ системъ разверстки и передѣловъ* (теперь) и о *смѣнѣ ихъ во времени*, за 40 лѣтъ пореформеннаго періода.

II.

Первый вопросъ, который представляется намъ въ нашемъ общемъ отчетѣ о современномъ состояніи общины въ Саратовской губерніи, это вопросъ формальный, вопросъ о томъ, сохранилось ли здѣсь и сейчасъ во владѣніи крестьянскихъ общинъ столько земли, сколько имъ было отведено въ надѣлъ, или часть этой земли они потеряли, или, можетъ быть, наоборотъ, пріумножили свои земельныя владѣнія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ чрезвычайно благопріятенъ для саратовскаго общиннаго землевладѣнія. Если мы отбросимъ всѣ такія измѣненія въ территоріяхъ разныхъ общинъ, какъ, напр., примывъ или отмывъ земли рѣкой, образованіе овраговъ и т. п., превращеніе удобныхъ участковъ въ неудобные и, наоборотъ, отрѣзки подъ желѣзную дорогу, отрѣзки или прирѣзки по суду и т. д. и т. д.,—если мы отбросимъ всѣ эти измѣненія, которыя, имѣя иногда серьезное значеніе для отдѣльныхъ общинъ, въ общемъ и среднемъ по губерніи даютъ, однако, лишь самыя незначительныя цифры и измѣняютъ общій итогъ крестьянской общинной земли въ Саратовской губерніи развѣ на десятыя доли процента,—то мы найдемъ, что единственнымъ серьезнымъ явленіемъ въ движеніи этого земельнаго фонда были *приращенія* его

въ результатѣ иногда дареній, часто новыхъ надѣленій отъ казны, а главнымъ образомъ въ результатѣ покупокъ земель самими общинами съ помощью или и безъ помощи крестьянскаго банка. Въ то время, какъ по рубрикѣ убыли общинной территоріи, вслѣдствіе перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному, значится почти О, такъ какъ всего такихъ случаевъ было не болѣе десятка и, въ большинствѣ изъ нихъ самый переходъ сомнителенъ и неокончателенъ и частью возмѣщается также бывшими 1—2 случаями перехода отъ необщиннаго четвертного владѣнія къ общинному, въ то время, какъ потеря общины отъ выкупа надѣловъ въ личную собственность отдѣльныхъ дворовъ выражается по Саратовской губерніи ничтожной цифрой менѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ тысячи десятинъ,— въ это время только однѣ покупки земли съ помощью крестьянскаго банка дали съ 1888 по 1899 г. г. саратовской общинѣ болѣе 266 тысячъ десятинъ, причемъ покупки эти растутъ съ каждымъ годомъ (значительнѣйшая ихъ доля приходится на послѣднія 5 лѣтъ); если присоединить сюда самостоятельныя покупки земли общинами и новыя нарѣзки общинамъ казною надѣльныхъ земель, то придется не менѣе 400 тысячъ десятинъ земли записать на прибыль саратовскому общинному землевладѣнію, т. е. иначе говоря, придется констатировать, что оно увеличилось минимумъ на 10%...

Но само собою разумѣется, что хотя цифры, показывающія, что саратовская община не теряетъ, а пріобрѣтаетъ земли, и обостряютъ нашъ интересъ къ ней и говорятъ о ея жизненности, такъ какъ уже a priori было бы мудрено совмѣстить экономическій ростъ извѣстнаго института съ упадкомъ его,—но всетаки формальное пребываніе данной территоріи въ общинномъ владѣніи представляетъ только формально-юридическую скорлупу, внутри которой можетъ быть совсѣмъ иное обычно-правовое и экономическое содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ фактъ принадлежности земли нѣсколькимъ лицамъ или семьямъ еще вовсе не означаетъ общиннаго владѣнія: послѣднее начинается только тамъ и тогда, гдѣ и когда осуществляется *уравнительное* владѣніе отдѣльныхъ семей разными долями этой земли; вся суть общиннаго владѣнія именно въ томъ и состоитъ, что каждый изъ совладѣльцевъ имѣетъ при немъ право не на отдѣльный опредѣленный участокъ земли и не на разъ навсегда *неизмѣнную* наслѣдственную *долю* ея, а только на ту *постоянно измѣняющуюся долю*, которая въ каждый моментъ опредѣляется той дробью, которую составляетъ данная семья по своему потребительному и рабочему составу среди всѣхъ семей общины. Вотъ и требуется выяснить, насколько осуществляетъ саратовская община именно такое общинно-уравнительное владѣніе.

Изъ сказаннаго ясно, что это владѣніе можетъ существовать и осуществляться не иначе, какъ при такихъ или иныхъ уравни-

тельныхъ перераспредѣленіяхъ земли, что общинное владѣніе есть собственно общинно-передѣльное владѣніе и что первѣйшимъ, значитъ, условіемъ и признакомъ жизнедѣятельной общины являются *уравнительные передѣлы* земли. Несомнѣнно, значительный интересъ представилъ бы подробный очеркъ различныхъ способовъ такихъ предѣловъ, практикующихся въ Саратовской губерніи, но эти подробныя описанія по самому существу своему не подходятъ для краткаго резюмирующаго отчета, какой я единственно сейчасъ имѣю въ виду, и потому я могу остановиться только исключительно на количественномъ анализѣ этихъ разныхъ системъ передѣловъ и разверстокъ общинной земли, качественный же ихъ анализъ я долженъ ограничить лишь двумя-тремя самыми необходимыми общими замѣчаніями.

Разъ самое присутствіе уравнительныхъ передѣловъ является признакомъ общиннаго владѣнія, то, ясно, что степень жизнедѣятельности общины до извѣстной степени измѣряется степенью интенсивности этой уравнительно-передѣльной функціи, а также и характеромъ ея формъ. Но надо замѣтить, что очень мудрено придумать отвлеченный принципъ наилучшаго, т. е. наиболѣе уравнительнаго распредѣленія земли между семьями,—мудрено уже хотя бы потому, что никакъ нельзя a priori отдать полное и безусловное предпочтеніе какому либо изъ двухъ возможныхъ принциповъ распредѣленія: соразмѣрно числу всѣхъ вообще душъ въ семьѣ, т. е. числу *потребителей*, „ѣдоковъ", какъ говорятъ крестьяне, или соразмѣрно числу только *рабочихъ* членовъ (о распредѣленіи поровну на дворъ я уже не говорю, такъ какъ оно, въ виду огромной разницы въ размѣрахъ и составѣ семей явно неуравнительно и почти не употребляется крестьянами). Каждая изъ этихъ разверстокъ имѣетъ свои достоинства и недостатки и, главное, бываетъ цѣлесообразнѣе, т. е. выгоднѣе и справедливѣе для большинства общинниковъ при разныхъ условіяхъ. Равнымъ образомъ трудно установить, и почти безполезно устанавливать и отвлеченно наилучшую форму передѣловъ,—предпочесть, напр., общіе передѣлы сразу всей земли между всѣми хозяевами частнымъ такъ называемымъ свалкамъ-навалкамъ надѣловъ между отдѣльными хозяевами, или, наоборотъ, установить желательные сроки передѣловъ и т. п.: каждая изъ этихъ формъ и разнообразныя комбинаціи ихъ могутъ быть очень цѣлесообразны при однихъ и совершенно нецѣлесообразны при другихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, высшимъ критеріемъ общинно-передѣльной функціи надо поставить именно эту живую *приспособленность* ея къ различнымъ цѣлямъ и условіямъ, или, что то-же, многообразіе и разнообразіе общинно-передѣльныхъ формъ.

Если съ этой точки зрѣнія мы бросимъ общій взглядъ на саратовскую общину, то должны будемъ признать ее въ высокой степени удовлетворяющей этому требованію. Въ дореформенный

періодъ было только два вида общинно-передѣльнаго владѣнія: у бывшихъ государственныхъ крестьянъ происходили при каждой ревизіи общіе передѣлы по всѣмъ записаннымъ при этой ревизіи мужскимъ душамъ, а у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ земля распредѣлялась частными „навалками“ надѣловъ на взрослыхъ рабочихъ по мѣрѣ вступленія ихъ въ бракъ и образованія такимъ образомъ рабочаго „тягла“. Въ пореформенные 40 лѣтъ изъ этихъ основныхъ разверстокъ, ранѣе извнѣ и механически установленныхъ и не дававшихъ живого дѣленія на мелкія отклоненія и разновидности,—крестьянство уже самопроизвольно развило, соотвѣтственно различнымъ условіямъ, множество различныхъ видовъ и разновидностей уравнительныхъ разверстокъ.

На какихъ-нибудь 3000 общинъ Саратовской губерніи мы можемъ наблюдать всевозможнѣйшія варіаціи общиннаго поравнененія. Иныя государственныя общины усвоили ранѣе незнакомыя имъ „свалки-навалки“, а, наоборотъ, бывшія помѣщичьи во множествѣ переходятъ къ общимъ передѣламъ; и тѣ, и другія часто въ различныхъ комбинаціяхъ начинаютъ соединять и общіе, и частные передѣлы. Сроки послѣднихъ варіируются безконечно: я встрѣтилъ буквально всѣ числа отъ 1 до 12 лѣтъ, а также 15, 16, 18, 20, 25 лѣтъ, даже въ одномъ случаѣ полгода! Въ самыхъ принципахъ распредѣленія еще большее разнообразіе. Даже въ тѣхъ общинахъ, которыя до сихъ поръ не производили систематическихъ уравнительныхъ передѣловъ, всетаки нѣтъ мертваго единообразія, а, наоборотъ, сама собой намѣчается длинная гамма оттѣнковъ отъ полной или почти полной неподвижности безпередѣльно наслѣдственнаго владѣнія къ той или иной уравнительной системѣ: получается это очень часто первоначально даже помимо воли и сознанія самихъ общинъ, въ результатѣ разныхъ мелкихъ проявленій, напр., путемъ разныхъ способовъ распоряженія всякими выморочными надѣлами, а также надѣлами недоимщиковъ, переселенцевъ, отсутствующихъ, отказавшихся отъ надѣловъ и т. д. и т. д.; часто отъ спорадическихъ вынужденныхъ распоряженій этими надѣлами до планомѣрныхъ уравнительныхъ передѣловъ остается только одинъ шагъ, особенно, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда по обычному праву наслѣдовать землю могутъ только близкіе родственники (или только мужчины и т. п.), благодаря чему постоянно уже очень много надѣловъ „падаютъ на міръ“ и имъ уравнительно распредѣляются. Объ уравнительныхъ же передѣлахъ уже нечего и говорить, разнообразіе пріискиваемыхъ для нихъ разными общинами принциповъ поистинѣ почти непередаваемо. Напр., традиціонная разверстка по всѣмъ мужскимъ душамъ испытала множество видоизмѣненій: надѣляютъ и всѣхъ „хоть только что родился, хоть мокренькаго“, надѣляютъ и лишь старше 1 года, или съ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. до 20, 21, 22—25 лѣтъ. Въ послѣднихъ случаяхъ разверстка

эта пріобрѣтаетъ уже рабочій характеръ. Такъ же размножились и рабочія разверстки; такъ же разнообразны возрасты надѣляемыхъ, которые тутъ ограничиваются и сверху, т. е. земля „снимается", положимъ, съ 55, 60, 65, 70, 75 иногда 80 и 90 лѣтъ; такъ же варіируются и доли надѣловъ, которыя постепенно накладываются на неполнорабочихъ подростковъ и стариковъ и т. д., и т. д. А кромѣ этихъ формально объективныхъ разверстокъ во множествѣ общинъ устанавливаются неопредѣленныя обще-глазомѣрныя „по семейству глядя", „по усмотрѣнію общества", „по согласію" и т. д.— нечего и говорить, какъ своеобразны и разнообразны бываютъ такія разверстки. Не имѣя здѣсь возможности развернуть во всѣхъ подробностяхъ эту живую и пеструю картину, я долженъ ограничиться только общимъ напоминаніемъ, что этотъ переходъ „отъ однороднаго къ разнородному" „отъ простого къ сложному" есть во всякомъ случаѣ вѣрный признакъ жизни и развитія.

Но перейдемъ теперь къ главной нашей задачѣ: посмотримъ, *сколько* именно среди общинъ Саратовской губерніи имѣется общинъ болѣе или менѣе живыхъ и жизнедѣятельныхъ, т. е. такъ или иначе осуществляющихъ уравнительно-передѣльную функцію, и сколько замерзшихъ и болѣе или менѣе неподвижныхъ. И затѣмъ, главнѣе того, посмотримъ, какія именно изъ нихъ, первыя или вторыя, съ теченіемъ времени умножаются, и какія сокращаются и исчезаютъ?

III.

Скажу прежде всего о степени полноты цифрового матеріала, который удалось добыть изъ саратовскихъ данныхъ. По сплошному изслѣдованію губерніи, произведенному ветеринарнымъ отдѣленіемъ саратовскаго губернскаго земства, всего оказалось въ губерніи около 3000 общинъ, у меня же вошло въ предлагаемыя таблицы до 2600 (2573) общинъ. Недостающія общины распадаются на такія категоріи: 55 общинъ исключены мною изъ сопоставленій по разнымъ причинамъ, какъ, напр., въ виду ихъ полной или почти полной безземельности, крайней неясности или случайности и странности, сомнительности ихъ способа владѣнія, того, наконецъ, что онѣ состоятъ изъ 1-го или 2—3 дворовъ и т. п., затѣмъ исключено нѣсколько десятковъ селеній крестьянъ четвертныхъ и бывшихъ питомцевъ воспитательнаго дома, какъ имѣющихъ общее, а не общиное владѣніе; исключено еще нѣсколько десятковъ новообразовавшихся на казенныхъ и купленныхъ участкахъ преимущественно въ 90-е года общинъ, гдѣ совершенно еще не успѣла опредѣлиться форма владѣнія; нѣкоторыя общины не вошли по разнымъ другимъ случайнымъ причи-

намъ и, наконецъ, отъ 150 до 200 общинъ остались не обслѣдованными (или вообще, или не оказалось записи о формѣ владѣнія) при изслѣдованіи 1897—1900 г. г. Надо, однако, замѣтить, что всякаго рода общины съ неизвѣстной или неопредѣленной въ данный моментъ формой владѣнія суть почти исключительно самыя мелкія общины, такъ что ихъ отсутствіе не имѣетъ серьезнаго значенія, ибо въ нихъ заключена лишь совершенно ничтожная доля земли и населенія. Такимъ образомъ, нижеслѣдующій цифровой отчетъ можно считать почти совершенно полнымъ, или во всякомъ случаѣ такимъ, что выводы его не могутъ быть поколеблены данными объ общинахъ, не вошедшихъ въ него. Впрочемъ, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ я еще сдѣлаю нѣкоторыя частныя оговорки по этому поводу.

Разъясню теперь принятую мною систему классификаціи общинныхъ формъ. Всѣ наблюдаемые въ Саратовской губерніи порядки землевладѣнія сами собой распадаются на слѣдующія четыре группы: 1) полное отсутствіе уравнительнаго вмѣшательства общины, т. е. *безпередѣльно-наслѣдственное* владѣніе отдѣльныхъ семей, почти всегда по старымъ ревизскимъ душамъ, а изрѣдка по душамъ рабочимъ и еще рѣже—по застывшей потребительной разверсткѣ; 2) либо очень *слабое*, либо *неуравнительное*, либо совершенно *неопредѣленное* или *смѣшанное* по своему принципу передѣльное движеніе; 3) различныя формы уравнительнаго распредѣленія земли по *рабочему* принципу; 4) уравнительныя распредѣленія по *потребительному* принципу. Относительно каждаго изъ этихъ четырехъ основныхъ разрядовъ надо сдѣлать еще нѣкоторыя частныя разъясненія.

О разрядѣ 1-омъ надо замѣтить, что, собственно говоря, не только нельзя поручиться, что въ послѣдующихъ таблицахъ къ нему отнесены только тѣ общины, гдѣ дѣйствительно нѣтъ рѣшительно никакого уравнительно-передѣльнаго движенія, но что, наоборотъ, въ замѣтномъ процентѣ ихъ это движеніе навѣрно есть, но только по бѣглости записи статистика не уловлено имъ; впрочемъ, во всякомъ случаѣ въ значительной части этихъ общинъ дѣйствительно владѣніе совершенно неподвижно, да и въ тѣхъ, гдѣ есть проявленія общиннаго начала, они во всякомъ случаѣ незначительны.

Разрядъ 2-ой представляетъ пеструю картину: къ нему я отношу, во-первыхъ, всѣ тѣ общины, гдѣ хотя нѣтъ ни общихъ передѣловъ, ни систематическихъ свалокъ-навалокъ, но „павшіе на міръ" „пустовые" надѣлы (или только выморочные, или также и переселенцевъ, отсутствующихъ, недоимщиковъ и т. п.) распредѣляются обществомъ между отдѣльными семьями; во-вторыхъ, сюда же я отношу тѣ случаи, когда такихъ надѣловъ скопляется уже много, когда право наслѣдованія ограничивается и надѣлы снимаются со многихъ или даже со всѣхъ умирающихъ, но при

этомъ распредѣляются они, хотя и уравнительно, но безъ опредѣленно-выраженнаго принципа, т. е. или „по усмотрѣнію общества“, или по совершенно случайной комбинаціи душъ умирающихъ и нарождающихся и т. п.; третья разновидность въ томъ же родѣ: общины, гдѣ свалками и общими передѣлами земли распредѣляются частью по рабочему, частью же по потребительному принципу; наконецъ, четвертую разновидность представляетъ оригинальная разверстка по оставшимся въ живыхъ ревизскимъ душамъ, при которой хотя производятся общіе и частные передѣлы, но по формальному извнѣ взятому принципу ревизской души, уравнительность и цѣлесообразность котораго можетъ быть только случайна, а въ общемъ болѣе чѣмъ сомнительна, но который по самому существу своему, вслѣдствіе неизбѣжности вымиранія всѣхъ ревизскихъ душъ, долженъ въ концѣ концовъ, очевидно, привести къ уже сознательнымъ и уравнительнымъ передѣльнымъ формамъ.

Разрядъ 3-й имѣетъ тоже много оттѣнковъ. Во-первыхъ, онъ дѣлится на два вида по *формѣ* передѣловъ: наиболѣе типичнымъ видомъ распредѣленія земли по рабочему принципу являются постоянныи свалки-навалки, общіе же передѣлы уже не такъ точно достигаютъ строгой разверстки по рабочимъ силамъ семей. Затѣмъ важны подробности осуществленія рабочаго принципа надѣленія: наиболѣе чистымъ рабочимъ надѣленіемъ является не только надѣленіе мужскихъ душъ со вступленія ихъ въ рабочій возрастъ, но и снятіе съ нихъ надѣловъ по мѣрѣ выхода изъ этого возраста; менѣе же строго осуществляется рабочій принципъ при ограниченіи надѣляемыхъ рабочихъ возрастовъ только снизу, т. е. при оставленіи разъ данныхъ надѣловъ до самой смерти. Наконецъ, особый, очень типическій видъ рабочей разверстки составляетъ надѣленіе „по хозяйственности“, при которомъ помимо рабочихъ силъ семьи принимается во вниманіе и общая ея хозяйственная сила (выражающаяся въ размѣрахъ посѣва, количествѣ скота, особомъ доходѣ отъ промысловъ и т. п.).

Въ 4-мъ разрядѣ, съ уравнительными разверстками по потребительному принципу,—основное ядро составляютъ общины съ исконными общими передѣлами по всѣмъ мужскимъ душамъ, частью съ указанными уже частными поправками въ видѣ ограниченій надѣляемыхъ возрастовъ, надѣленія нѣкоторыхъ женскихъ душъ и т. п. Кромѣ того есть нѣкоторое число общинъ съ общими передѣлами либо строго по всѣмъ душамъ обоего пола („по ѣдокамъ“), либо только въ общемъ и приблизительно по этому принципу,—„по семейству глядя“, „по нуждѣ“ и т. п. Послѣдняя разверстка осуществляется также и путемъ частныхъ свалокъ-навалокъ.

Теперь, распредѣливъ всѣ порядки владѣнія на указанные

разряды, посмотримъ, въ сколькихъ именно общинахъ практиковалась каждая изъ этихъ разверстокъ прежде и въ сколькихъ она наблюдается теперь. Чтобъ отчетливѣе прослѣдить эту смѣну разныхъ формъ владѣнія въ теченіе всего сорокалѣтняго пореформеннаго періода, я установилъ (по бо́льшей части вполнѣ точно, а иногда частью приблизительно) по всѣмъ 2,500 общинъ, гдѣ это позволяли матеріалы, какая въ каждой изъ этихъ общинъ была разверстка въ 1870-мъ, въ 1880-мъ, въ 1890-мъ и въ 1900 г. (по большей части собственно въ 1897, 1898 и 1899 гг.). Такимъ образомъ, въ предлагаемой таблицѣ мы какъ бы бросаемъ взглядъ на́задъ на итоги жизнедѣятельности общины въ каждомъ изъ 4-хъ истекшихъ десятилѣтій; первая строка таблицы даетъ намъ картину того, что увидѣли бы мы, если бъ стали изучать саратовскую общину въ 70-мъ году, вторая, что увидѣли бы въ 80-мъ году, третья въ 90-мъ г. и четвертая—что видимъ въ настоящее время. Вотъ эта таблица.

Годы:	*Разр. I.* Наслѣдственно-безпередѣльная разверстка.	Разрядъ II. а) Наслѣдств.-безперед.со слабыми поправками и ревизско-передѣльн.	Разрядъ II. б) Перед. по неопредѣл. принципу или смѣшанная.	Разрядъ II. Итого (IIа+IIб).	Разр. III рабочія разв. а) Со свалками и навалками.	Разр. III рабочія разв. б) Съ общими передѣлами.	Разр. III рабочія разв. Итого (IIIа+IIIб).	*Разр. IV.* Потребительныя разв.	V. Общины безъ пашни или съ неизвѣстною системою разверстки.
				число общинъ:					
1870	1079	464	92	556	824	8	832	15	91
1880	925	447	97	544	856	18	874	137	93
1890	569	396	120	516	688	120	808	591	89
1900	411	311	142	453	330	237	567	1062	80
				въ процентахъ:					
1870	42,0	18,1	3,6	21,6	32,1	0,3	32,4	0,6	3,4
1880	36,0	17,4	3,8	21,1	33,4	0,6	34,0	5,3	3,6
1890	22,2	15,4	4,6	20,0	26,8	4,6	31,4	23,0	3,4
1900	16,0	12,1	5,5	17,6	12,8	9,2	22,0	41,3	3,1

Итакъ, что-же отвѣчаютъ намъ эти цифры на вопросъ: куда идетъ саратовская община? Можно сказать, что очень рѣдко цифры на столь сложные и спорные вопросы, какъ этотъ, даютъ столь ясный, яркій и рѣшительный отвѣтъ, какъ въ приведенной таблицѣ.

Если бы мы сдѣлали осмотръ саратовской общины въ 1870 году, то мы нашли бы ее въ состояніи, которое скорѣе всего приняли бы за начало ея отмиранія: 42% общинъ совершенно неподвижны, къ нимъ же можно прибавить и 18,1% общинъ съ такой степенью и типомъ поравненій, болѣе или менѣе прогрессивное значеніе коихъ тогда совсѣмъ не выяснилось, и онѣ могли представляться скорѣе нулемъ или даже минусомъ, а не плюсомъ съ общинно-передѣльной точки зрѣнія; къ этимъ, значитъ, 60% мертвыхъ или почти мертвыхъ (съ виду) общинъ, надо было присоединить 32,4% общинъ съ рабочей разверсткой, ко-

торую слѣдовало тогда считать вынужденной, механической формой землевыкупанія, а не органически, самопроизвольно развившейся формой землевладѣнія (этотъ видъ я отношу къ особой формѣ, называемой мною *общинно-выкупнымъ* владѣніемъ); наконецъ, всего въ какихъ-нибудь 3,6% общинъ замѣчалось неопредѣленное, безсистемное передѣльное движеніе и лишь въ 0,6% общинъ оказались болѣе или менѣе ясныя и рѣшительныя потребительныя разверстки, которыя можно было принять за дѣйствительное пробужденіе общинно-передѣльной функціи.

Но если бъ мы затѣмъ снова посмотрѣли на саратовскую общину послѣ 70-хъ гг., то мы увидѣли бы уже въ нашей цифровой картинѣ кой-какія мелкія, но многозначительныя по своей однохарактерности перемѣщенія: только количество общинъ съ рабочей разверсткой, какъ этого и слѣдовало ожидать, при неизмѣнности вызвавшихъ ее условій, почти не измѣнилось (повысилось до 34,0%), но процентъ общинъ безъ признаковъ общинной жизни замѣтно сократился (съ 42 до 36%), слегка понизился и процентъ общинъ съ очень слабыми или сомнительными признаками жизни, а за то явилась уже болѣе замѣтная группа явственно ожившихъ общинныхъ ростковъ: процентъ общинъ съ потребительной разверсткой выросъ съ 0,6 до 5,3. Впрочемъ, въ послѣдней группѣ сидѣлъ еще внутри большой червякъ сомнѣнія: почти половину изъ этихъ общинъ, начавшихъ передѣлы по потребительному принципу, составляли нѣмецкія общины; если болѣе культурные, сплошь почти грамотные нѣмцы уже въ началѣ 70-хъ гг., при самомъ введеніи всеобщей воинской повинности, сейчасъ сообразили, что не вошедшимъ въ ревизію 1858-го года душамъ, которыя пойдутъ отбывать эту тяжелую обязанность, справедливо дать и земли и, недолго думая, почти всѣ сразу и передѣлили „по новымъ душамъ“,—то это еще ничего не говорило о томъ, какъ самопроизвольно разберется въ пореформенныхъ условіяхъ и какую форму владѣнія изберетъ темная россійская деревня...

Но вотъ если-бъ мы обозрѣли состояніе общины въ 90-мъ году,—когда какъ разъ назрѣло уже полное разочарованіе въ деревнѣ и крестьянинѣ,—то именно въ этотъ моментъ мы увидѣли бы уже совсѣмъ новыя краски въ этой пестрой картинѣ общинныхъ порядковъ, увидѣли бы уже яркія краски жизни. Процентъ совершенно неподвижныхъ общинъ сразу палъ съ 36 до 22,2%, т. е. по сравненію съ 70-мъ годомъ уменьшился почти вдвое. Общины съ очень слабой и сомнительной уравнительностью тоже замѣтнѣе пошли на убыль и рядомъ съ этимъ начала рости маленькая группа общинъ съ значительнымъ уравнительно-передѣльнымъ движеніемъ, но только по неопредѣленному или смѣшанному принципу. Рабочія разверстки за 80-ые гг. явственно пошли на убыль, благодаря и субъективному и объективному вздорожанію земли за это время.

Наконецъ, потребительныя уравнительныя разверстки, главнымъ образомъ въ видѣ простыхъ или различно-видоизмѣненныхъ общихъ передѣловъ по мужскимъ душамъ, сразу за 10 лѣтъ возросли болѣе чѣмъ въ четыре раза и охватили уже болѣе, чѣмъ 1/5 всѣхъ общинъ губерніи. Такой результатъ для всего только 30 первыхъ лѣтъ пореформеннаго періода надо было уже считать очень благопріятнымъ: какъ только поднялось взрослое пореформенное поколѣніе крестьянства, такъ сразу и развились въ серьезныхъ размѣрахъ уравнительные передѣлы. Однако и тутъ, въ послѣдней цифрѣ 23% общинъ съ потребительными передѣлами опять-таки таилось еще большое сомнѣніе въ видахъ на будущее: какъ мы увидимъ ниже, вся эта волна передѣловъ по новымъ душамъ поднялась преимущественно, даже почти исключительно, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которые хотя и опоздали по сравненію съ нѣмцами на цѣлыхъ 10 лѣтъ, но всетаки, когда молодые „неревизные" пошли на солдатскую службу и вообще вступили во всѣ крестьянскія обязанности и права, то всюду произвели, по крестьянскому выраженію, „самовольныя ревизіи",—самопроизвольные передѣлы „на новыя души". Но эта передѣльная волна почти не захватила бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и въ томъ то весь и былъ вопросъ, можетъ ли она ихъ когда либо захватить, при ихъ выработанной исторіей темнотѣ и инертности, при крайнемъ зачастую малоземельѣ, при огромныхъ личныхъ правахъ на надѣлы хозяевъ, долгое время ихъ выкупавшихъ, часто въ то время, когда арендная плата за нихъ не окупала платежей, при поголовномъ убѣжденіи этихъ крестьянъ, что такое *семейно-выкупное*, а не общинное владѣніе предустановлено у нихъ и самимъ закономъ. Понятно, что и земскіе статистики, изучавшіе общину въ 80-ые гг., и тѣ, кто разрабатывалъ преимущественно эти ихъ матеріалы,—а въ томъ числѣ и я въ изданномъ всего годъ тому назадъ I томѣ моей работы,—всѣ почти болѣе или менѣе скептически или, по крайней мѣрѣ, очень осторожно относились къ возможности такого же широкаго пробужденія уравнительно-передѣльной жизнедѣльности въ помѣщичьей общинѣ, какъ это произошло за 80-ые гг. въ государственной... Но оказалось, что скептики ошиблись, а вѣрующіе, вродѣ г. В. В., оказались болѣе правы. Именно за тѣ 90-ые гг., когда молодое поколѣніе склонно было поставить крестъ на деревнѣ, именно въ это время окончательно проснулась и ожила даже темная и, казалось, замерзшая помѣщичья община. Для Саратовской губерніи это пробужденіе выражается слѣдующими цифрами, показывающими число общинъ съ потребительными системами разверстки за 4 десятилѣтія у государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ отдѣльно:

	1870	1880	1890	1900
у государственныхъ	3	109	428	518
» помѣщичьихъ	12	28	163	244
или въ %%:				
у государственныхъ	0,5	17,3	67,8	82
» помѣщичьихъ	0,6	1,5	8,5	28,3

Какъ видимъ, подобно тому, какъ государственныя общины проснулись на 10 лѣтъ позже нѣмцевъ-колонистовъ, такъ помѣщичьи общины отстали на 10 лѣтъ отъ государственныхъ, что, конечно, и a priori нужно было ожидать, исходя изъ указанныхъ болѣе неблагопріятныхъ для общины условій у помѣщичьихъ крестьянъ. Въ общемъ же итогѣ теперь, черезъ 40 лѣтъ пореформенной жизни, мы имѣемъ въ Саратовской губерніи уже всего лишь 16% неподвижныхъ общинъ, вмѣсто 42% ихъ всего лишь 30 лѣтъ тому назадъ, процентъ общинъ съ сомнительной и слабой уравнительностью хотя таетъ медленнѣе, чѣмъ % общинъ, совсѣмъ неподвижныхъ, но всетаки съ каждымъ десятилѣтіемъ неуклонно все скорѣе и скорѣе. Процентъ же вполнѣ живыхъ общинъ (съ потребительными разверстками) дѣлаетъ второй огромный скачокъ кверху и какъ разъ почти сравнивается уже съ первоначально бывшимъ въ 70-мъ г. % неподвижныхъ общинъ. Но этого мало: самая знаменательная трансформація совершилась за 90-ые гг. въ общинахъ,—преимущественно бывшихъ помѣщичьихъ,—съ рабочими системами разверстки. Во-первыхъ, впервые общій % ихъ быстро и рѣзко шагнулъ къ низу,—съ 31,4 до 22,0, т. е. цѣлая треть общинъ съ рабочими разверстками перешла, какъ увидимъ дальше, почти исключительно къ потребительнымъ, или полу-рабочимъ, полу-потребительнымъ системамъ; но этого мало,—внутри самихъ рабочихъ разверстокъ почти завершилось начавшееся еще раньше столь же характерное и замѣчательно правильное перемѣщеніе отъ наиболѣе типичныхъ къ менѣе типичнымъ разновидностямъ рабочаго принципа: такъ, еще въ 90-мъ г. общій % общинъ со *свалками-навалками* по рабочимъ силамъ замѣтно уменьшился,—съ 33,4 до 26,8%,—а въ 1900 г. онъ сразу упалъ до совсѣмъ незначительной цифры,—до 12,8%,—и хотя большинство общинъ, прекратившихъ свалки-навалки по рабочимъ силамъ не перешли къ потребительному принципу распредѣленія, но онѣ усвоили систему общихъ передѣловъ по рабочимъ силамъ, являющуюся по существу своему не строгой рабочей разверсткой, а переходной къ потребительной. Это ослабленіе рабочаго принципа въ рабочихъ разверсткахъ выразится даже и еще детальнѣе, если мы разобьемъ общіе итоги общинъ со свалками и навалками на подгруппы. Мы найдемъ въ такомъ случаѣ, что въ то время, какъ менѣе типичная, въ сущности отчасти потребительная разверстка съ ненадѣленіемъ только младшихъ возрастовъ сократилась съ 1870 къ 1900 г. всего вдвое (съ 327 до

161 общины), въ это время наиболѣе типичныя рабочія разверстки,—съ ненадѣленіемъ и младшихъ, и старшихъ возрастовъ и „по хозяйственности",—сократились за эти тридцать лѣтъ почти въ 3 раза (съ 497 до 169). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ цифръ совершенно ясно, что прежнія рабочія разверстки, которыя я называю *общинно-выкупными* и которыя мы не рѣшались считать настоящимъ общинно-передѣльнымъ владѣніемъ въ виду ихъ механичности и вынужденности,—ясно, говорю, что эта сомнительная форма по мѣрѣ вздорожанія земли совершаетъ массовой переходъ въ чистое и самопроизвольное общинно-передѣльное владѣніе. Такимъ образомъ, мы съ несомнѣнностью констатируемъ, что въ Саратовской губерніи укоренилось и развилось общинно-передѣльное владѣніе не только тамъ, гдѣ оно первоначально не подавало никакихъ признаковъ жизни, но и тамъ, гдѣ формы и функціи его были закрыты и механизированы внѣшними условіями выкупной системы.

IV.

Демонстрируя такое рѣдкостное явленіе, такое, можно сказать, чудо, какъ *живая община,* я готовъ, конечно, къ крайне скептическому, частью прямо-таки къ упрямо, слѣпо недовѣрчивому отношенію къ приводимымъ мною фактамъ и цифрамъ, и потому постараюсь вкратцѣ самъ заранѣе отвѣтить на главныя изъ возможныхъ сомнѣній и возраженій.

Первое сомнѣніе и возраженіе можно формулировать такъ: насколько прочно все оживленіе общины, не объясняется ли оно случайными условіями, не повернутъ ли крестьяне послѣ опыта интенсивнаго уравнительно-передѣльнаго владѣнія опять къ безпередѣльному или даже прямо къ подворному, нѣтъ ли уже теперь случаевъ или признаковъ такой реакціи?.. Я старался тщательно разсмотрѣть все, что могло служить въ имѣющихся обильныхъ саратовскихъ матеріалахъ для провѣрки этого предположенія, и долженъ констатировать, что не только совершенно не нашелъ въ современной саратовской общинѣ такихъ опасныхъ для ея жизни симптомовъ, но, наоборотъ, именно встрѣтилъ въ соотвѣтствующихъ матеріалахъ новыя яркія показанія въ пользу ея жизненности, крѣпости, укрѣпленія. Изложу нѣкоторыя изъ этихъ цифръ.

Посмотримъ, прежде всего, насколько прочно утверждается, разъ установившись, наиболѣе типичная форма общинно-передѣльнаго владѣнія, — потребительная система распредѣленія по всѣмъ мужскимъ душамъ (съ поправками и безъ поправокъ): насколько часты случаи, чтобъ, послѣ начавшихся передѣловъ по этому принципу, установилась другая разверстка и какая именно?

Ясный отвѣтъ на этотъ важный вопросъ даютъ слѣдующія цифры. Имѣющіеся матеріалы даютъ на ровно почти тысячу случаевъ установленія наличной мужской разверстки всего 22 случая, когда эта разверстка замѣнялась потомъ другой, причемъ въ 2-хъ изъ этихъ 22-хъ случаевъ она вскорѣ опять возстановилась. Какой же характеръ имѣли эти остальные 20 переходовъ? 6 изъ нихъ нужно считать скорѣе усиленіемъ и развитіемъ общинно-передѣльнаго принципа, такъ какъ тутъ имѣлъ мѣсто переходъ къ смѣшанной потребительно-рабочей разверсткѣ, вѣроятно, не менѣе уравнительной и во всякомъ случаѣ болѣе своеобразной и приспособленной къ условіямъ, чѣмъ чистая мужская разверстка. Затѣмъ въ 3-хъ случаяхъ совершился, — всего, надо замѣтить, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — переходъ къ менѣе, повидимому, строгому передѣльному порядку, — къ свалкамъ-навалкамъ и передѣламъ по неопредѣленному (но въ общемъ всетаки потребительному) принципу. Въ 5 случаяхъ произошелъ переходъ отъ налично-мужской къ рабочей разверсткѣ, который самъ по себѣ опять-таки не можетъ считаться регрессомъ, ибо принципіально рабочій принципъ распредѣленія такъ же законенъ, какъ и потребительный, а практически можетъ быть именно и вынуждался въ данномъ случаѣ какими либо спеціальными условіями. Такимъ образомъ, всего лишь въ остальныхъ 6 случаяхъ изъ 20 мы имѣемъ, повидимому, понятное движеніе: а именно въ 2-хъ случаяхъ налично-мужская разверстка, начавшись въ 80-хъ гг., затѣмъ не подновлялась новыми передѣлами и какъ бы „застыла", въ 1 случаѣ, въ 80-хъ же гг., произошло возвращеніе отъ налично-мужской къ ревизской разверсткѣ со слабыми лишь свалками-навалками и въ 3-хъ случаяхъ матеріалы констатируютъ возвращеніе къ безпередѣльно-ревизской разверсткѣ въ 90-ые годы... Резюмируемъ сказанное. Мы видимъ, во-первыхъ, что вообще нарушенія налично-мужской разверстки ничтожно рѣдки: два случая на 100. Во-вторыхъ, въ большинствѣ случаевъ они вовсе не имѣютъ характера регресса, а скорѣе даже представляютъ именно дальнѣйшее развитіе, приспособленіе къ цѣли и условіямъ общинно-передѣльнаго владѣнія. Въ третьихъ, наконецъ, прибавимъ еще,—даже и тѣ нѣсколько случаевъ, повидимому, регрессивнаго измѣненія, которые мы нашли, еще тоже, по самому характеру своему, совершенно не даютъ никакого опредѣленнаго указанія противъ прочности налично-мужской разверстки, такъ какъ совершились слишкомъ недавно, и, какъ были они результатомъ случайной комбинаціи интересовъ разныхъ группъ общинниковъ, такъ въ результатѣ перемѣщенія этихъ интересовъ, накопленія обдѣленныхъ безпередѣльнымъ владѣніемъ хозяевъ, мы должны ожидать и новаго обращенія къ уравнительнымъ передѣламъ (ибо о сознательномъ рѣшеніи больше не передѣлять земли, или перейти къ подворному владѣнію и т. п., тутъ, конечно, и рѣчи не

было). Добавлю къ сказанному, что и среди остальныхъ разновидностей потребительной разверстки тоже я нашелъ всего три случая регрессивныхъ измѣненій, изъ коихъ два тоже еще совершенно не опредѣлились, а въ одномъ даже, наоборотъ, именно отмѣчено, что въ моментъ изслѣдованія данная община собиралась уже опять произвести передѣлъ по потребительному принципу. Изъ сказаннаго очевидно, какъ прочно принимается наиболѣе типичная и все быстрѣе растущая общинно-передѣльная форма. Если вы посадите 1,000 деревьевъ и изъ нихъ только какой-нибудь десятокъ, т. е. 1% не примется и засохнетъ, то вы сочтете такой результатъ прекраснымъ, ибо ожидать, чтобъ принялись *всѣ*, ожидать отъ органической жизни механической правильности, конечно, нелѣпо. А въ нашемъ случаѣ, гдѣ, притомъ, мы даже наблюдаемъ и не гибель этого десятка общинъ, а лишь остановку и замедленіе ихъ распусканія и укорененія, — тутъ мы имѣемъ дѣло съ указанными еще несравненно болѣе сложными взаимодѣйствіями соціальной жизни, и тутъ не эти уклоненія, а скорѣе отсутствіе ихъ, какъ съ этимъ согласится, конечно, каждый опытный статистикъ, могло бы возбудить сомнѣніе если не въ дѣйствительности укрѣпленія общины, то въ точности и реальности нашихъ о ней матеріаловъ...

Но будемъ послѣдовательны и упорны въ своемъ недовѣріи, попробуемъ испытать жизнеспособность проснувшихся къ уравнительно-передѣльной дѣятельности формъ еще на другихъ цифрахъ. Поставимъ вопросъ такъ: если передѣльная функція, разъ проявившись, упрочилась, то она должна въ общемъ совершаться точно и правильно; наилучшимъ показателемъ этой регулярности можетъ служить выполненіе въ заранѣе назначенный срокъ общихъ передѣловъ по наличнымъ душамъ: если они какъ общее правило, происходятъ въ эти сроки и если притомъ наблюдающіяся отступленія не имѣютъ анти-передѣльнаго, анти-общиннаго характера, а объясняются, какъ частичныя реакціи, частичныя приспособленія къ реальнымъ условіямъ, то опять это подтвердитъ здоровое состояніе этихъ общинъ. Именно таковы показанія цифръ, добытыхъ мною изъ саратовскихъ матеріаловъ.

На тысячу общинъ съ общими передѣлами по потребительному принципу и минимумъ на 2, а почти навѣрно на 3 или болѣе тысячи (вполнѣ точныя цифры еще не подсчитаны) совершенныхъ ими такихъ общихъ передѣловъ оказалась всего 181 отмѣтка въ срокъ о несовершенныхъ въ срокъ передѣлахъ, причемъ во многихъ изъ этихъ случаевъ отмѣтки очень неясны и указанія только косвенны; если присоединить къ этимъ случаямъ еще тѣ случаи, когда хотя нѣтъ указаній о несовершеніи передѣла въ срокъ, но нѣтъ также достаточныхъ указаній и о совершеніи его въ срокъ, такъ что въ части этихъ случаевъ тоже возможны нарушенія

сроковъ,—то всетаки наберется не болѣе 300 случаевъ передѣловъ, т. е. не болѣе 10% общаго числа передѣловъ, о которыхъ не установлено, что они совершились въ заранѣе назначенный самими общинами срокъ; такихъ же случаевъ, когда именно вполнѣ установлено, что они не совершились въ назначенный срокъ, набралось всего 150, т. е. не болѣе 5% всего числа передѣловъ. Но, спрашивается затѣмъ, какой характеръ имѣли эти случаи, не проявилось ли въ нихъ ослабленіе или искаженіе уравнительно передѣльной функціи? Какъ разъ наоборотъ: изъ этихъ 150 нарушеній сроковъ въ 114, т. е. въ $^3/_4$ всѣхъ случаевъ произошелъ передѣлъ еще скорѣе, чѣмъ былъ назначенъ, и только въ $^1/_4$ случаевъ произошло замедленіе противъ назначеннаго срока. Для части тѣхъ и другихъ случаевъ указаны и причины, вызвавшія эти ускоренія и замедленія передѣловъ, и разсмотрѣніе ихъ окончательно доказываетъ, что онѣ не могутъ быть признаками упадка или нецѣлесообразности передѣльной дѣятельности. Изъ 52 случаевъ *недодержанія* до срока въ 13-ти, т. е. въ 25% случаевъ, причиной было вмѣшательство земскихъ начальниковъ, по разнымъ соображеніямъ отмѣнявшихъ прежніе, постановленные крестьянами передѣлы; затѣмъ въ 19-ти, т. е. въ 36% случаевъ являлись въ самой жизни общины разные непредвидѣнные толчки къ передѣлу ранѣе срока, какъ, наприм., лишеніе нѣкоторыхъ хозяевъ надѣловъ за недоимки, или вслѣдствіе безхозяйности, отсутствія, отказа ихъ самихъ, выселенія, и, наоборотъ, надѣленія уплатившихъ недоимки, вернувшихся, обзаведшихся хозяйствомъ и т. д. Затѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ было еще другихъ, тоже болѣе или менѣе неизбѣжныхъ особыхъ поводовъ, какъ напр.: перемѣрка земли землемѣромъ, покупка земли и соединеніе ея въ одно съ надѣльной и т. п.; въ 17-ти, т. е. 33% случаевъ имѣло мѣсто своего рода нетерпѣніе, какъ бы избытокъ уравнительно-передѣльной энергіи: „на 12 лѣтъ неудобно“, „не выдержали долгаго срока“... „при предыдущемъ передѣлѣ плохо уравняли, стали спорить, да передѣлили заново“... „явились новыя души“... „земли не стало хватать для народившихся“... „всюду кругомъ стали дѣлить, ну и насъ сбили дѣлить раньше срока“ и т. д. Причины *запозданія* передѣловъ указаны, къ сожалѣнію, всего въ 8 случаяхъ изъ 36, такъ что врядъ ли можно сдѣлать по нимъ точныя заключенія; въ 3 изъ этихъ 8 случаевъ второй передѣлъ, повидимому, затянулся изъ-за продолженія той борьбы терявшихъ и выигрывавшихъ отъ передѣла, которая шла при первыхъ передѣлахъ, т. е. тутъ вѣроятно передѣльная функція дѣйствительно временно затормозилась; затѣмъ въ 2-хъ случаяхъ „долго собирались, да ничего не выходило“, „шла борьба за разныя системы разверстки“, т. е., повидимому, тоже еще общинно-передѣльный механизмъ не успѣлъ вообще наладиться къ опредѣленной регулярной дѣятельности;

наконецъ, въ 2-хъ случаяхъ опоздали дѣлить изъ-за размежеванія между селеніями, составляющими части одной общины, и въ 1 случаѣ „земскій начальникъ не позволилъ дѣлить". Въ общемъ мы въ этихъ опозданіяхъ опять-таки видимъ только рядъ конкретныхъ частныхъ сплетеній разныхъ условій, тормазящихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ передѣлы, а не проявленіе общаго ослабленія передѣльной функціи. О послѣднемъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что изъ всѣхъ случаевъ опозданія противъ назначеннаго срока передѣловъ только въ 5 передѣлы не были въ моментъ изслѣдованія произведены, причемъ, однако, всѣ безъ исключенія 5 общинъ собирались опять дѣлить,—во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ повторные передѣлы только опоздали, но всетаки уже совершились и притомъ только въ 5—7 случаяхъ опозданіе было значительное,—въ 10—17 лѣтъ, въ большинствѣ же случаевъ опозданіе было совсѣмъ незначительное,—въ 2, 3, 4, 5 лѣтъ.

Выводы изъ всѣхъ этихъ фактовъ еще важнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; они ярко рисуютъ именно *упроченіе* общины. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что извѣстный % уклоненій и неправильностей неизбѣженъ всюду, гдѣ есть жизнь и соціальная жизнь въ особенности,—а намъ эти цифры объ ускореніяхъ и опозданіяхъ передѣловъ даютъ чрезвычайно низкій % этихъ уклоненій. Затѣмъ, если мы вникнемъ въ общее значеніе этого факта полной регулярности и правильности разъ начавшихся уравнительныхъ передѣловъ, если мы сдѣлаемъ тщательный діагнозъ всѣмъ этимъ уклоненіямъ, какъ указано, еще ярче оттѣняющимъ закономѣрность основного процесса, то мы должны будемъ признать и тотъ чрезвычайной важности фактъ, что община уже выходитъ изъ фазиса *экономическаго конструированія* и входитъ или уже вошла въ стадію *юридическаго функціонированія*. Какъ раньше я уже подчеркивалъ, при первыхъ передѣлахъ идетъ преимущественно, или даже исключительно хаотическая борьба экономическихъ интересовъ, а правовые мотивы хотя и есть, но побѣждаютъ только тѣ изъ нихъ, у которыхъ крупнѣе и сильнѣе экономическіе корни, за которыми просто на просто стоитъ выгода большинства общинниковъ. Поэтому совершеніе этихъ первыхъ передѣловъ само по себѣ еще не говоритъ объ установленіи общинно-передѣльнаго владѣнія, какъ постоянной правовой нормы: все зависитъ отъ того, будетъ ли и послѣ того продолжаться та же случайная борьба экономическихъ интересовъ, которая въ концѣ концовъ можетъ вѣдь привести въ разныхъ случаяхъ и къ переходу къ подворному владѣнію, и къ отсутствію передѣловъ по 30—40 и болѣе лѣтъ (ибо раньше врядъ ли можетъ накопиться столько обдѣленныхъ, чтобъ составить требуемое закономъ большинство ²/₃ за передѣлъ), и къ случайнымъ скачкамъ къ всевозможнымъ формамъ и принципамъ передѣловъ? Или послѣ

первыхъ передѣловъ послѣдующіе войдутъ уже въ юридическую колею и будутъ совершаться,—въ точности или приблизительно,—по заранѣе намѣченнымъ принципамъ и формамъ и въ опредѣленные сроки, т. е., значитъ, уже независимо или почти независимо отъ того, какой группѣ хозяевъ они выгодны, а только сообразуясь съ цѣлью и условіями осуществляемаго „земельнаго поравненія"? Вотъ именно вторую картину и рисуютъ намъ всѣ эти цифры о почти неуклонномъ правильномъ теченіи разъ опредѣлившагося передѣльнаго порядка, объ отсутствіи почти *регрессивныхъ* отступленій отъ разъ опредѣленныхъ системъ разверстокъ и сроковъ ихъ осуществленія, въ то время, какъ каждый изъ осуществляющихъ эти системы передѣловъ обыкновенно выгоденъ не большинству, а меньшинству хозяевъ, какъ это, по крайней мѣрѣ, оказалось въ тѣхъ нѣсколькихъ общинахъ, гдѣ я могъ до сихъ поръ сравнить число хозяевъ, получившихъ при повторномъ передѣлѣ земли меньше и больше прежняго. Ясно, что эти повторные передѣлы осуществляются уже не въ силу случайной выгодности ихъ большинству хозяевъ въ данный моментъ, а въ силу постоянной выгодности или справедливости ихъ съ точки зрѣнія этого большинства вообще, т. е. какъ теперь, такъ и въ будущемъ,—осуществляются, однимъ словомъ, какъ уже болѣе или менѣе твердо кристаллизовавшееся обычное право.

Чтобъ закончить этотъ анализъ, я позволю себѣ еще нѣсколько интересныхъ цифръ. Въ особой подробной программѣ вопросовъ объ общинныхъ порядкахъ, примѣненныхъ въ Саратовской губерніи,—программѣ вообще едва-ли не наиболѣе широкой изъ всѣхъ примѣнявшихся земскими статистическими бюро въ послѣдніе годы,—имѣется, между прочимъ, крайне любопытный особый вопросъ о томъ, какъ прошли повторные передѣлы по сравненію съ первыми: мирнѣе и спокойнѣе или съ еще большими спорами, ссорами, драками и проч.? Къ сожалѣнію, записей по этому вопросу имѣется въ матеріалахъ не много, однако, мнѣ всетаки удалось извлечь изъ нихъ нѣкоторыя указанія о степени и характерѣ борьбы за передѣлъ при 76 общихъ передѣлахъ по наличнымъ мужскимъ душамъ въ 68 общинахъ (по нѣкоторымъ общинамъ охарактеризованъ и первый, и второй, а въ одномъ случаѣ и третій передѣлъ). И вотъ какія получились цифры:

Содержаніе отмѣтокъ:	Число отмѣтокъ о передѣлахъ:			
	первомъ	второмъ	третьемъ	всего
Отсутствіе замѣтныхъ споровъ . . .	3	13	1	17
Болѣе или менѣе серьезные споры. .	36	3	—	39
Общія указанія объ особенно ожесточенной борьбѣ	14	1	—	15
Крайнія ея проявленія (судъ, драки, убійства)	5	—	—	5

Для надлежащей оценки цифръ этой таблицы я долженъ прежде всего указать на особыя условія собиранія свѣдѣній статистиками по данному пункту: когда крестьянамъ задавался вопросъ, не было ли у нихъ особенно сильныхъ споровъ при передѣлѣ и при какомъ передѣлѣ ихъ было больше,—при первомъ или при слѣдующихъ, то понятно, благодаря недавности послѣднихъ, споры, бывшіе при нихъ, должны были ярко оставаться въ памяти крестьянъ и, наоборотъ, при значительномъ часто промежуткѣ времени, истекшемъ съ первыхъ передѣловъ, борьба за нихъ не могла не забыться хотя отчасти крестьянами, такъ что a priori нужно было въ отвѣтахъ крестьянъ ожидать преувеличенія ожесточенности борьбы за повторные передѣлы и преуменьшенія ея при первыхъ передѣлахъ. Имѣя это въ виду, а также и малочисленность записей по этому вопросу, я даже былъ почти увѣренъ, что матеріалъ этотъ не можетъ дать опредѣленныхъ выводовъ, такъ что разработалъ его только, такъ сказать, по обязанности, на всякій случай: какова же, значитъ, должна быть правильность въ самихъ явленіяхъ, если даже и эти немногія и болѣе или менѣе случайныя данныя даютъ какъ нельзя болѣе яркую картину. Споровъ и борьбы вообще константируется много: изъ 76 показаній, только 17, или 22%, говорятъ объ отсутствіи ихъ, а въ 78% описанныхъ случаевъ они указаны. При этомъ въ 20 случаяхъ, т. е. въ цѣлой трети всѣхъ случаевъ констатированной обостренной борьбы, она доходила до крайней степени: обращались къ содѣйствію начальства, сажали противниковъ подъ арестъ, былъ даже случай порки розгами, или, напр., противники передѣла ложились подъ сохи, когда новые владѣльцы выѣзжали на прежніе ихъ надѣлы, и не давали пахать,—такъ что при этомъ передѣлѣ въ первый годъ многія полосы остались незасѣянными; въ 2-хъ случаяхъ дѣло дошло до суда, въ 3-хъ до отчаянныхъ дракъ, причемъ въ одной общинѣ былъ убитъ одинъ крестьянинъ и трое сосланы за это въ Сибирь, а въ другой было *убито* при дракѣ изъ-за передѣла *7 человѣкъ!*.. Но все это было, какъ видно изъ приведенной таблицы, *только* при *первыхъ* передѣлахъ: при второмъ передѣлѣ отмѣчены только 4 случая болѣе или менѣе серьезныхъ споровъ (безъ крайнихъ проявленій); причемъ и изъ этихъ 4 случаевъ 3 при ближайшемъ разсмотрѣніи лишь еще подтверждаютъ наше общее правило: въ одномъ случаѣ хотя вообще передѣлъ былъ повторный, но въ частности по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ это былъ передѣлъ первый (раньше были общіе передѣлы по рабочимъ душамъ), такъ что и споры понятны; въ другомъ случаѣ, хотя споры и указаны, но пояснено, что ихъ было меньше, чѣмъ при первомъ; наконецъ, въ единственномъ случаѣ, когда и при второмъ передѣлѣ отмѣчена особенно ожесточенная борьба, она, во-первыхъ, была и при первомъ передѣлѣ въ той же общинѣ, а во-вторыхъ, третій передѣлъ прошелъ въ этой общинѣ

уже спокойно, безъ серьезныхъ споровъ... Какъ видимъ, нельзя и нарочно придумать цифръ, болѣе ярко рисующихъ легализацію общинно-передѣльнаго владѣнія, перерожденіе случайной экономической борьбы за землю въ постоянный правовой уравнительно передѣльный порядокъ. Экономическіе корни общины ушли въ глубь, а на поверхности предъ нами выросъ и развѣтвился твердый и гибкій юридическій стволъ общины.

V.

Теперь, обозрѣвши въ общихъ цифрахъ прошлое и настоящее саратовской общины, какіе выводы можемъ мы сдѣлать о наиболѣе вѣроятномъ ближайшемъ ея будущемъ? Обратимся для этого къ нѣкоторымъ болѣе детальнымъ цифрамъ.

Начнемъ опять съ нѣкоторыхъ возможныхъ возраженій по поводу приведенныхъ раньше общихъ цифръ, которыя, какъ я хорошо понимаю, должны вызывать сомнѣніе уже одной своей оптимистичностью. Насколько я могу себѣ представить, противъ нихъ можно выставить только одно мало-мальски основательное возраженіе: это, что онѣ всетаки не полны, что цѣлыхъ 200—300 общинъ, по отсутствію о нихъ свѣдѣній, не вошли въ наши итоги, а если бы вошли, то, можетъ быть, замѣтно измѣнили бы ихъ. Это вѣрно: дѣйствительно, съ внесеніемъ опущенныхъ общинъ наши цифры могли бы замѣтно измѣниться; мало того, это измѣненіе навѣрно было бы въ сторону увеличенія % вовсе или почти неподвижныхъ общинъ и частью общинъ съ рабочими разверстками и, значитъ, соотвѣтственнаго пониженія % общинъ высшаго потребительнаго типа; это потому, что не внесенныя общины почти сплошь бывшія помѣщичьи, малоземельныя и мелкія, чаще всего въ нѣсколько дворовъ, въ значительномъ большинствѣ навѣрно сохранившія поэтому наслѣдственно-безпередѣльное владѣніе. Однако эта погрѣшность вполнѣ или почти вполнѣ нейтрализуется другой ошибкой противоположнаго характера, также по необходимости допущенной въ нашихъ таблицахъ: число общинъ, перешедшихъ къ высшимъ уравнительно-передѣльнымъ порядкамъ, тамъ замѣтно ниже того, которое было въ дѣйствительности въ Саратовской губерніи въ *1900-мъ* году, потому что самое изслѣдованіе было не въ этомъ году (когда докончено было описаніе только нѣсколькихъ сотъ общинъ), а раньше,—въ 1899, 1898 и даже въ 1897 г. г., а между тѣмъ, какъ это тоже показываютъ матеріалы, именно въ эти три года передѣльное движеніе было значительно. Такъ, напр., хотя записи статистиковъ по вопросу программы о томъ, не собираются ли крестьяне данной общины дѣлить по новымъ душамъ, отнюдь нельзя признать совершенно полными, но и по нимъ оказывается цѣлыхъ 137 общинъ, въ которыхъ въ моментъ изслѣдованія шла

уже борьба за этотъ передѣлъ (и часто уже было требующееся для него большинство). Такимъ образомъ, указанная неполнота матеріала, помимо количественной своей незначительности,—ибо исключено за отсутствіемъ свѣдѣній всего не болѣе 10% общинъ,—также и по характеру своему, благодаря противоположной ей погрѣшности, могла бы только развѣ очень слабо,—на 2—3—5%,—измѣнить нашу общую цифровую картину.

Но главное не въ этихъ частныхъ соображеніяхъ, а совсѣмъ въ другомъ, болѣе общемъ обстоятельствѣ, благодаря которому вся эта картина въ дѣйствительности еще несравненно благопріятнѣе для общины, нежели это выразили наши цифры. Для послѣдовательности изложенія я намѣренно ограничивался въ предыдущемъ только цифрами о числѣ *общинъ*, усвоившихъ тотъ или иной порядокъ землевладѣнія: но вѣдь ясно, что дѣло не въ этомъ собственно числѣ, а въ количествѣ *земли* и *населенія* въ общинахъ съ разными порядками. Число общинъ съ данной разверсткой можетъ быть относительно очень мало, но если эти общины самыя крупныя и многоземельныя, то онѣ могутъ представлять бóльшую долю населенія и территоріи губерніи и наоборотъ,—а въ этомъ то вѣдь весь и вопросъ. Итакъ, посмотримъ же теперь, какія доли земли и населенія заключаются въ общинахъ съ разными системами разверстки:

Названія системъ разверстки.	Проценты: Общинъ.	Душъ обоего пола.	Десятинъ удобной над. земли.
1. Наслѣдственно-безпередѣльная	16,7	5,8	4,4
2. Та-же—со слабыми поправками и ревизско-зпередѣльная	12,2	7,8	5,4
3. Передѣльная по принципу неопредѣленному или смѣшанная	5,7	4,2	3,0
4. Рабочія разверстки	22,7	19,8	17,1
5. Потребительныя	42,7	62,4	70,1
	100,0	100,0	100,0

Мы видимъ изъ этой таблицы, что наиболѣе жизненными оказываются общины крупныя и, наоборотъ, относительною неподвижностью отличаются общины мало-земельныя. Въ этомъ явленіи можно подмѣтить полную правильностъ: у общинъ совсѣмъ неподвижныхъ % населенія въ 3 раза и % земли почти въ 4 раза меньше % общинъ; въ разрядѣ сомнительныхъ и почти неподвижныхъ разверстокъ разница уже меньше,—% населенія въ $1^1/_2$ раза, а % земли въ 2 раза меньше % общинъ; въ разрядѣ разверстокъ неопредѣленныхъ и смѣшанныхъ приблизительно то же; въ рабочихъ разверсткахъ, въ послѣднее время превратившихся

въ самопроизвольное уравнительно передѣленное владѣніе, % населенія и земли почти равенъ % общинъ; наконецъ, въ наиболѣе типичной формѣ общинно-передѣльнаго владѣнія, въ потребительныхъ разверсткахъ, наоборотъ, % населенія и земли значительно больше % общинъ. Эти же отношенія прямѣе выражаются слѣдующими цифрами объ упомянутыхъ 5 главныхъ разрядахъ, представляющихъ какъ бы 5 ступеней повышенія общиннаго начала:

	I. (Безпср.)	II. (Сомнит.)	III. (Неопр.)	IV. (Рабоч.)	V. (Потреб.)	Въ среднемъ.
Приходится душъ обоего пола на 1 общину	225	410	465	550	935	550
» десятинъ удоб. надѣл. земли на 1 общину	335	565	660	945	2100	1270

Какъ видимъ, въ этихъ 12 простыхъ цифрахъ данъ намъ съ полною ясностью и неопровержимостью весь, такъ сказать, процессъ естественнаго отбора общины: общинные, организмы, крупные и сильные (многоземельные), выживаютъ и укореняются скорѣе; болѣе мелкіе и слабые являютъ и меньше жизнедѣятельности или менѣе яркія ея формы, а въ совсѣмъ мелкихъ и слабыхъ (вдвое и втрое ниже средняго) до сихъ поръ еще вовсе или почти не обнаруживается проявленій общинно-уравнительнаго начала.

Теперь, когда намъ съ такой ясностью открылся этотъ процессъ, намъ тѣмъ самымъ съ неменьшей ясностью раскрывается и продолженіе и завершеніе его въ будущемъ: постепенно общины болѣе крупныя и болѣе многоземельныя будутъ переходить отъ безпередѣльнаго къ уравнительно-передѣльному владѣнію, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не останутся въ разрядѣ неподвижнаго владѣнія однѣ только совершенно слабые, совершенно нежизнеспособные экземпляры. Но, спрашивается, какія же именно общины надо отнести въ этотъ разрядъ безнадежныхъ? Къ нему, прежде всего нельзя отнести всѣ ультра-*малоземельныя*; саратовскія цифры даютъ въ этомъ отношеніи тотъ неожиданный выводъ, что малоземелье только затягиваетъ, а не останавливаетъ общинное движеніе; такъ, напр., оказалось, что въ Саратовской губерніи у наиболѣе малоземельной группы дарственныхъ крестьянъ тѣмъ не менѣе, благодаря нѣкоторымъ условіямъ, % общинъ съ высшими уравнительно-передѣльными формами даже значительно выше, чѣмъ у болѣе многоземельныхъ крестьянъ помѣщичьихъ (на выкупѣ). Значитъ, окончательно не допускающимъ уравнительные передѣлы моментомъ мы должны считать только крайнюю степень мелкости общины, что, впрочемъ, ясно даже и a priori: „общины“ изъ 2, 3, 4, 5 хозяевъ, часто

притомъ родственниковъ, очевидно, въ сущности вовсе не общины. Вотъ эти то только мелкіе обломки, нежизнеспособные уродливые отростки общины, которые никогда и не были общинами, и приходится намъ единственно занести въ будущій, такъ сказать, нерастворимый остатокъ безпередѣльнаго владѣнія. Сколько ихъ—сейчасъ нельзя еще сказать, такъ какъ соотвѣтствующія цифры не подсчитаны, но и не все ли это равно? Пусть будетъ хоть 200—300 „общинъ" въ 5 и менѣе дворовъ (при 6, 7, 8 и болѣе хозяевахъ уже и теперь часто наблюдается нѣкоторая регулярная общино-передѣльная жизнь),—но вѣдь эти сотни „общинъ" обозначаютъ только максимумъ тысячи дворовъ, максимумъ нѣсколько десятковъ тысячъ душъ обоего пола, значитъ % ихъ среди населенія и территоріи представляетъ ничтожно малую величину, которую мы съ тѣмъ большимъ спокойствіемъ можемъ игнорировать, что вѣдь тутъ мы не имѣемъ дѣла съ *разложеніемъ* общины, съ *прекращеніемъ* жизнедѣятельности въ общиныхъ организмахъ, раньше функціонировавшихъ, а имѣемъ только *отсутствіе* этой жизнедѣятельности, какъ теперь, такъ и раньше, такъ что эти цифры при разборѣ будущей эволюціи общины мы должны не въ пассивъ ей занести, а просто сбросить со счетовъ.

Такимъ образомъ, всѣ эти совершенно единогласныя показанія цифръ о процессѣ пробужденія къ жизни саратовской общины тѣмъ самымъ столь же единогласно предсказываютъ намъ, очевидно, и завершеніе этого процесса въ будущемъ. Но насколько въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ? На этотъ вопросъ, если только онъ еще остается вопросомъ послѣ всѣхъ приведенныхъ данныхъ, даютъ опредѣленный отвѣтъ слѣдующія цифры: при изслѣдованіи конца 90-хъ гг. среди 722 общинъ совершенно или почти безпередѣльныхъ отмѣчено уже было 111 общинъ съ борьбой за передѣлъ „по новымъ" (обыкновенно по всѣмъ мужскимъ) душамъ,—ясно, конечно, что такъ какъ борьба за передѣлъ въ среднемъ не тянется дальше 3—5—7 лѣтъ, то за слѣдующее же десятилѣтіе почти всѣ эти общины передѣлятъ, а кромѣ того передѣлятъ и еще многія, гдѣ или еще борьба не началась, или гдѣ просто статистикъ ея не замѣтилъ или не записалъ (что, конечно, бывало довольно часто). Сильнаго оживленія передѣльнаго движенія мы должны ожидать въ самомъ близкомъ будущемъ еще потому, что именно въ цѣломъ большомъ районѣ, въ средней части губерніи, гдѣ преимущественно сосредоточились безпередѣльныя общины, пробужденіе ихъ къ уравнительнымъ передѣламъ въ замѣтныхъ размѣрахъ сразу началось какъ разъ только въ самые послѣдніе годы... Но всетаки, скажутъ мнѣ, 111 или хотя бы 200—300 общинъ, пробужденія которыхъ къ общинной жизни мы должны на основаніи всего сказаннаго ожидать въ ближайшемъ же десятилѣтіи,—составляютъ еще только развѣ треть всѣхъ

общинъ совсѣмъ или почти безъ признаковъ жизни въ данный моментъ, такъ что и черезъ 10 лѣтъ доля этихъ безжизненныхъ общинъ будетъ еще довольно велика (особенно, если припомнить, что замѣтное ихъ число, какъ я уже указалъ, по отсутствію свѣдѣній ие попало въ приведенныя таблицы). Но напомню опять, что вѣдь пробуждаются къ жизни именно болѣе крупныя и многоземельныя общины, такъ что остатокъ земли и населенія въ безпередѣльныхъ общинахъ таетъ гораздо быстрѣе уменьшенія числа ихъ. Особенно ярко это видно какъ разъ на упомянутыхъ 111 собирающихся дѣлить общинахъ:

	Въ средн. приход. на 1 общину: душъ обоего пола.	десятинъ над. земли:
У общинъ безъ отмѣтки о борьбѣ за передѣлъ.	245	345
» съ отмѣткою » »	545	810

Такимъ образомъ, и выходитъ, что хотя по числу общинъ эти собирающіяся дѣлить составляютъ всего 1/6 (15, 4%) безпередѣльныхъ и почти безпередѣльныхъ общинъ, но по количеству населенія и земли онѣ составляютъ уже почти 1/3 (28, 6% и 2 9, 8%). Ясно, что при такомъ естественномъ отборѣ чрезъ 10 лѣтъ остатокъ безпередѣльныхъ общинъ, каково бы ни было ихъ абсолютное число, будетъ заключать лишь совершенно ничтожную долю земли и населенія, такъ что къ полувѣку освобожденія крестьянъ саратовская община отпразднуетъ и свое окончательное „воскресеніе изъ мертвыхъ“...

IV.

Мой отчетъ собственно о саратовской общинѣ конченъ. Но этимъ далеко не исчерпаны всѣ мои выводы изъ саратовскихъ матеріаловъ, такъ какъ я не имѣлъ права не распространить ихъ въ извѣстной формѣ и степени на всю Россію. И въ этомъ смыслѣ изученіе саратовской общины, въ которомъ я впервые познакомился съ сырыми матеріалами новѣйшихъ изслѣдованій и одновременно съ этимъ имѣлъ возможность просмотрѣть такіе же матеріалы и по другимъ губерніямъ и получить много личныхъ указаній отъ статистиковъ разныхъ губерній,— это изученіе, при такихъ условіяхъ, дало мнѣ въ одинъ годъ больше конкретныхъ знаній и болѣе рѣшительные выводы, чѣмъ 5 лѣтъ предыдущей работы надъ болѣе сухими и устарѣлыми печатными матеріалами. Я какъ бы, послѣ долгаго, осторожнаго пробиранія ощупью, съ медленнымъ шагъ за шагомъ отыскиваніемъ и изслѣдованіемъ вѣрнаго пути, вдругъ сразу напалъ на

торную дорогу, направленіе которой совершенно ясно. И всѣ тѣ разрозненныя, но многочисленныя указанія, которыя я получилъ одновременно съ выводами саратовской работы, всѣ подверждали эти выводы, всѣ указывали совершенно то же направленіе въ движеніи современной общины для всевозможныхъ областей Россіи.

Какъ уже было указано, сама Саратовская губернія представляетъ различные районы и является типичной, по крайней мѣрѣ, для двухъ изъ основныхъ областей Россіи, для южной—степной и для центральной—черноземной; первая получится, если мы проведемъ линію примѣрно отъ Одессы на Александровскъ-Камышинъ-Самару-Уфу, вторая же будетъ на сѣверъ отъ этой линіи, а съ сѣвера—отграничивается приблизительно линіей отъ той же Уфы на Симбирскъ, Рязань, Смоленскъ... Обѣ эти области прекрасно представлены южной и сѣверной частью Саратовской губерніи. Такимъ образомъ, по аналогіи съ Саратовской губерніей и во всей этой южной половинѣ Россіи мы должны ожидать такого же массоваго пробужденія къ жизни общины государственной въ 80-ые и общины помѣщичьей въ 90-ые годы, какъ въ Саратовской губерніи. И, дѣйствительно, всѣ имѣющіяся отрывочныя данныя изъ изслѣдованій разныхъ районовъ этой огромной территоріи въ концѣ 90-хъ гг.,—какъ печатныя, такъ и личныя мнѣ сообщенія статистиковъ и другихъ лицъ по губерніямъ Самарской, Симбирской, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Тульской, Екатеринославской,—всѣ единогласно рисуютъ въ общемъ именно эту картину,—иногда только нѣсколько ослабленными, а иногда за то и еще болѣе яркими красками.

Кромѣ сказаннаго, саратовскіе матеріалы даютъ возможность *впервые* съ точностью установить нѣсколько очень важныхъ частныхъ выводовъ относительно *общей способности* общины противостоять основнымъ разлагающимъ ее вліяніямъ,—выводовъ, которые можно уже по самому существу ихъ распространить на всѣ мѣстности Россіи, а не только на районъ, подобный Саратовской губерніи. Эти вліянія — двухъ видовъ: естественно-экономическія и политическія. Изъ первыхъ главныя,— развитіе малоземелья и прогрессъ земледѣлія, политическія же разлагающія вліянія сводятся къ вліянію выкупа, общаго законодательства о крестьянскомъ землевладѣніи и особенно закона 93 г. о передѣлахъ. На саратовскихъ матеріалахъ мы съ очевидностью можемъ убѣдиться, что ни одно изъ этихъ условій порознь, ни всѣ они вмѣстѣ взятые не способны окончательно остановить развитіе общинно-передѣльнаго владѣнія, а могутъ лишь тормозить его. Я упоминалъ уже, что даже у дарственниковъ, малоземельнѣе которыхъ нѣтъ у насъ крестьянъ, всетаки передѣлы развились въ Саратовской губерніи даже сильнѣе, чѣмъ у остальныхъ помѣщичьихъ, у которыхъ они задерживались выкупомъ. Относительно того, уживается ли общинно-передѣльный порядокъ съ

интенсификаціей земледѣлія, довольно сказать, что именно въ послѣднее десятилѣтіе, съ распространеніемъ этого порядка совпалъ въ Саратовской губерніи и небывало быстрый прогрессъ въ земледѣліи, въ улучшеніи вспашки, упорядоченіи сѣвооборота, развитіи удобренія. Послѣднее, впрочемъ, не новость, но на Саратовской губерніи я могъ съ полной точностью и на большомъ количествѣ случаевъ констатировать другой еще болѣе важный фактъ: оказалось, что личное право, даваемое взносомъ выкупныхъ платежей, безсильно въ концѣ концовъ остановить уравнительные передѣлы не только тамъ, гдѣ эти платежи были не выше арендныхъ цѣнъ, но и тамъ, гдѣ они превышали послѣднія и гдѣ практиковались тѣ принудительныя „навалки" надѣловъ, которыя я выдѣлилъ въ особый видъ *общинно-выкупного* владѣнія и способность которыхъ перейти, при вздорожаніи земли и пониженіи платежей, въ чистое и самопроизвольное передѣльное владѣніе казалась мнѣ по меньшей мѣрѣ сомнительной. Наконецъ, оказалось, что и законъ 1893 года, запретившій всякіе передѣлы, кромѣ общихъ, поставившій имъ минимальный 12-лѣтній срокъ и отдавшій ихъ и по формѣ, и по существу подъ „усмотрѣніе" земскихъ начальниковъ,—даже и этотъ суровый законъ не остановилъ разъ начавшагося движенія, а, наоборотъ, пожалуй, усилилъ и ускорилъ это движеніе, такъ какъ частью онъ остался безъ примѣненія, частью же былъ истолкованъ и примѣненъ въ совершенно иномъ духѣ, нежели того слѣдовало ожидать, причемъ вообще выяснилось, что земскіе начальники, хотя въ большинствѣ своемъ врядъ ли принципіально сочувствуютъ общинно-передѣльному владѣнію, но на практикѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, какъ общее правило, или держатся нейтралитета или даже,—очень часто,—его поощряютъ.

Трудно преувеличить значеніе этихъ фактовъ. Ясно, что анти-передѣльное вліяніе малоземелья, интесификаціи, выкупа, закона 1893 года по существу и въ общемъ одинаково во всѣхъ мѣстностяхъ, и, стало быть, слѣдствія отъ всѣхъ этихъ факторовъ должны быть для общины, напр., донской, курской, владимірской, пермской приблизительно тѣ же, что для саратовской. Правда, можетъ быть и сильная разница, зависящая отъ *степени* развитія каждаго изъ этихъ факторовъ и отъ отдѣльности или совмѣстности ихъ дѣйствія. Напр., во Владимірской губерніи анти-передѣльное вліяніе выкупа по вздорожаніи земли должно быть сильнѣе, чѣмъ въ Саратовской, такъ какъ превышеніе доходности платежами было тутъ было гораздо сильнѣе; равнымъ образомъ, можно себѣ представить, что усовершенствованіе трехполья въ Саратовской губерніи не можетъ еще показать, какъ подѣйствуетъ на общинно-передѣльное владѣніе развитіе многополья съ травосѣяніемъ въ Московской губерніи; можно допустить, что и вліяніе закона, въ зависимости отъ другого состава администраціи, мо-

жетъ быть въ другихъ губерніяхъ инымъ, чѣмъ въ Саратовской. Такъ что, конечно, повторяю, мы не можемъ сказать, что представленный мною набросокъ саратовской общины въ миніатюрѣ изображаетъ вообще русскую общину. Но районъ, нами изученный, настолько великъ, матеріалъ настолько надеженъ, цифровые выводы настолько рѣшительны, что, съ другой стороны, уже никакъ нельзя допустить и возможности того, чтобы картина всей руской общины была совершенно противоложна саратовской, какъ бы она ни отличалась отъ нея въ частностяхъ. Это, повторяю, и подтверждается рѣшительно всѣми имѣющимися у меня, хотя отрывочными, но достаточно за то яркими свѣдѣніями о мѣстностяхъ, не аналогичныхъ Саратовскому краю,—главнымъ образомъ о типичныхъ промышленныхъ районахъ, каковы, напр., Московская и Владимірская губерніи. Что во всемъ этомъ районѣ начинаетъ быстро развиваться травосѣяніе, это почти общеизвѣстно,—и нѣтъ никакихъ указаній, чтобы это отрицательно отражалось на передѣлахъ. Затѣмъ, при бѣгломъ просмотрѣ московскихъ и владимірскихъ матеріаловъ за 1897—1 900 гг. я убѣдился, что и тутъ, какъ общее правило, съ вздорожаніемъ земли принудительное общинно-выкупное владѣніе переходитъ въ самопроизвольно-передѣльное по потребительному принципу; и тутъ законъ 1893 г., и земскіе начальники способствовали расширенію передѣльнаго движенія, а не сокращенію его и т. д. . . .

Итакъ, спросятъ меня, значитъ, для васъ уже рѣшенъ въ положительную сторону тотъ основной вопросъ: сохранится ли община?—который и былъ цѣлью всего вашего изслѣдованія общины? Далеко нѣтъ, конечно. Въ огромной этой задачѣ много неизвѣстныхъ и нахожденіе одного изъ нихъ, хотя бы и самаго важнаго для рѣшенія задачи, еще всетаки не рѣшаетъ ее окончательно. Самый вопросъ о степени жизненности общины въ будущемъ еще, конечно, не рѣшается цифрами о жизнедѣятельности ея въ настоящемъ, а требуетъ очень сложнаго статистическаго анализа, въ которомъ на первый планъ надо поставить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли совершается процессъ разслоенія крестьянства и совершается ли вообще какое-либо измѣненіе въ *типѣ* крестьянскаго хозяйства, и если да, то въ какомъ именно направленіи и какимъ темпомъ; очевидно, что трансформація общины тѣсно переплетена сложной двойной причинной связью,—и какъ причина, и какъ слѣдствіе,—съ жизнью составляющихъ общину клѣточекъ,—отдѣльныхъ семей-хозяйствъ... Затѣмъ я пока совершенно не затронулъ вопроса объ оцѣнкѣ общины, о ея положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ для хозяйства и быта крестьянъ и о существованіи въ ней элементовъ для перерожденія въ высшую форму обобществленія, въ общинное производство. Между тѣмъ, только вѣдь рѣшивъ эти вопросы, мы можемъ ясно и точно опредѣлить и программу своего практическаго отношенія къ

ней. Понятно, что на всѣ эти вопросы о возможности и желательности сохраненія и развитія общины и о вытекающемъ отсюда нашемъ къ ней отношеніи, я позволю себѣ дать рѣшительный и подробный отвѣтъ только по окончаніи всего моего статистическаго изслѣдованія этихъ вопросовъ. Пока же саратовскіе матеріалы позволяютъ и обязываютъ меня сдѣлать только *условный* и *общій* выводъ, что община во всякомъ случаѣ ближе къ жизни, чѣмъ къ смерти. И если еще полтора года тому назадъ я отвѣчалъ па вопросъ: сохранится ли община?—рѣшительнымъ „не знаю", такъ какъ былъ почти по рединѣ между „да" и „нѣтъ", то теперь я уже гораздо ближе къ „да", чѣмъ къ „нѣтъ".

К. Кочаровскій.

Письмо въ редакцію *).

«Audiatur et altera pars».

Въ № 8 августовской книжки „Русскаго Богатства", въ отдѣлѣ „Хроника внутренней жизни", на страницахъ 147, 148 и 149 описывается рядъ фактовъ, рисующихъ меня гонителемъ интеллигентныхъ земскихъ работниковъ въ лицѣ фельдшеровъ и фельдшерицъ Ананьевскаго уѣзда. Всѣ описанные факты совершенно не вѣрны. Начну по порядку. Хроникеръ передаетъ мои слова на съѣздѣ врачей: „Для меня вполнѣ достаточно, чтобы фельдшеръ и фельдшерица были дисциплинированы, чтобы они точно исполняли мои приказанія, умѣли подавать пинцетъ и т. д." Никогда, ни на одномъ съѣздѣ я ничего подобнаго не говорилъ, всегда я устно на съѣздахъ и въ своихъ печатныхъ докладахъ губернскому съѣзду врачей говорилъ о необходимости расширить общеобразовательную программу въ фельдшерскихъ школахъ, о необходимости лучшаго матеріальнаго обезпеченія фельдшеровъ и наряду съ этимъ о необходимости улучшить практическую подготовку фельдшеровъ херсонской фельдшерской школы (см. Труды XIII совѣщ. врачей при Херсонск. губ. управѣ, делегатск. докладъ по Херсонск. уѣзду). Далѣе хроникеръ говоритъ, что я черезъ нѣсколько дней по поступленіи моемъ на службу въ ананьевское земство уволилъ больничную хозяйку изъ-за недостающихъ пары юбокъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Разногласіе мое съ больничной хозяйкой, она же жена больнич-

*) Къ письму г. Гиндинымъ приложены: удостовѣреніе ананьевской уѣздной земской управы, протоколъ съѣзда врачей Ананьевскаго уѣзда отъ 4-го іюня и аттестатъ, выданный г. Гиндину херсонской уѣздной управой при оставленіи имъ службы въ херсонскомъ земствѣ.

наго фельдшера, произошло изъ-за того, что я настаивалъ, чтобы больничная хозяйка смотрѣла за больничными порядками, чистотой и проч., хозяйка же находила, что ея работа должна ограничиться кухней, прачешной, однимъ словомъ, внѣ-больничной работой; въ результатѣ, прослуживъ со мною около мѣсяца, она подала въ отставку. Фельдшера В—ва, о которомъ упоминаетъ корреспондентъ, я не увольнялъ. Уже въ моментъ моего прибытія на службу, управой было рѣшено уволить фельдшера В—ва вслѣдствіе представленныхъ имъ неправильныхъ счетовъ по израсходованію земскихъ денегъ при посылкѣ его въ Херсонъ съ психическимъ больнымъ. Вся исторія съ В—вымъ была за нѣсколько дней до моего переѣзда въ Ананьевъ и только бумагу объ увольненіи В—въ получилъ при мнѣ. Фельдшерицу Схино я не увольнялъ. А было дѣло такъ. Г-жа Схино являлась позже всѣхъ въ больницу, во время дежурства оставляла больницу и уходила домой. Послѣ неоднократныхъ моихъ замѣчаній по этому поводу, она обратились ко мнѣ съ просьбой: въ виду того, что ей трудно служить при увеличенныхъ моихъ требованіяхъ, она проситъ исходатайствовать ей пенсію и впредь до рѣшенія земскимъ собраніемъ вопроса о пенсіи, предоставить ей мѣсто въ другомъ участкѣ. Я въ точности исполнилъ просьбу г-жи Схино. Я просилъ управу о назначеніи ей пенсіи, и самъ поѣхалъ къ товарищу доктору Моджевскому, прося его принять Схино на службу въ его участокъ. Въ результатѣ г-жа Схино получила мѣсто въ Гвоздовскомъ участкѣ. Не вѣрно передаетъ корреспондентъ, что я бросалъ фунтъ ваты въ лицо фельдшеру. Ничего подобнаго я никогда не дѣлалъ. Дѣло было такъ: разъ во время операціи, резекціи колѣннаго сустава, мнѣ подали вату для наложенія повязки, но годныхъ для повязки лубковъ не оказалось, я разсердился, бросилъ на полъ вату, но никогда я въ фельдшера ватой не швырялъ. Совершенно не могу представить себѣ, съ какой фельдшерицей во время операціи случилась истерика? Ни одного такого факта я не помню, и, если бы г. корреспондентъ назвалъ фамилію фельдшерицы, я былъ бы ему очень обязанъ. Не вѣренъ фактъ, что я сбавилъ жалованье прислугѣ и что я заставилъ ее работать въ пасхальную ночь. Прислуга вся, мужская и женская, получала и получаетъ по настоящій день по 8 руб. въ мѣсяцъ при готовыхъ харчахъ, нѣкоторымъ я нашелъ нужнымъ увеличить содержаніе до 10 р. въ мѣсяцъ. Въ пасхальную ночь мы никто не работали, и я даже не былъ въ больницѣ, такъ какъ не было экстренной работы, но будь таковая, я и весь персоналъ, не исключая прислуги, конечно, работалъ бы. Таковы факты, описанные въ корреспонденціи, но г. корреспондентъ, повидимому, очень близко стоявшій къ больничнымъ дѣламъ, и не мало ими заинтересованный, не потрудился дать хоть сколько-нибудь правдоподобнаго объясненія всей этой исторіи. Онъ говоритъ въ кор-

респонденціи: „съ марта мѣсяца появился врачъ Гиндинъ“ и дальше: „жизнь другихъ фельдшеровъ и фельдшерицъ онъ сумѣлъ обратить въ каторгу“. За что?.. Неужели безъ всякихъ причинъ? Вѣдь я служилъ въ земствѣ 17 лѣтъ съ фельдшерами и фельдшерицами, служу теперь съ фельдшерскимъ персоналомъ, и по всей вѣроятности никакой каторги они не чувствуютъ. Далѣе корреспондентъ говоритъ: „по части допеканія служащихъ, Гиндинъ проявлялъ изумительную изобрѣтательность, такъ, чтобы доканать прислугу и т. д.“ Дѣйствительно, изумительная изобрѣтательность по части докананія своей больницы, которой отдаешь всѣ свои силы. Кому изъ земскихъ врачей неизвѣстно, какъ трудно пріучить къ уходу за больными нашу больничную прислугу и насколько приходится дорожить въ интересахъ дѣла мало-мальски опытной прислугой, и вдругъ врачъ занимается изобрѣтеніемъ способовъ ея докананья. Кажется немного страннымъ. Еще интереснѣе слѣдующая тирада корреспондента: „достаточно самого ничтожнаго повода, чтобы онъ (т. е. Гиндинъ) разразился дикимъ крикомъ, топаньемъ ногъ съ пѣной у рта. Эти выходки продолжались ежедневно и даже нѣсколько разъ въ день съ поводами и безъ всякихъ поводовъ“, дальше онъ говоритъ: „заставлялъ фельдшеровъ безъ толку работать цѣлый день“. Представьте себѣ „врача, который нѣсколько разъ въ день“, безъ всякихъ поводовъ, „съ дикимъ крикомъ и пѣной у рта“, топаетъ ногами, разражается страшной бранью. Г. корреспондентъ пощадите этого врача! Не сѣтуйте на него, онъ вѣдь безспорно психически больной! Но я, слава Богу, здоровъ, завѣдывалъ разными земскими больницами 17 лѣтъ и теперь завѣдую одною изъ болѣе крупныхъ больницъ въ Херсонской губерніи.

„Запуганы были не только фельдшера, но и больные“, говоритъ г. корреспондентъ. Я скажу на это, что со времени моего поступленія въ ананьевскую больницу, число амбулаторныхъ больныхъ возрасло до 40.000 въ годъ, а стаціонарнымъ больнымъ мы ежедневно отказывали за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ въ больницѣ. Очень характерна вышеприведенная фраза корреспондента: „онъ (т. е. Гиндинъ) заставлялъ фельдшеровъ безъ толку работать цѣлый день“. Этой фразой сказано все,—„da ist der Hund begraben“. Что я не заставлялъ и не могъ заставить фельдшеровъ работать цѣлый день, да еще безъ толку, это, кажется, понятно; скажу только, что сами фельдшера признали въ своей жалобѣ управѣ, что я работалъ больше каждаго изъ нихъ. Но если г. корреспондентъ не пожелалъ подробнѣе остановиться на причинахъ моего столкновенія съ фельдшерами ананьевской больницы, то я долженъ за него это сдѣлать. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года, я перевелся изъ херсонскаго земства въ ананьевское, въ качествѣ врача, завѣдующаго ананьевской земской больницей. Я засталъ такіе порядки въ больницѣ: фельдшера являлись въ больницу

въ 11-мъ часу и около 2-хъ час. кончали работу. Это въ больницѣ съ болѣе чѣмъ 30.000 амбулаторіей, съ 40 постоянными койками, гдѣ фельдшера и готовятъ лѣкарства для всѣхъ больныхъ; дежурства фактически при больницѣ не было, фельдшера по окончаніи работы уходили всѣ по своимъ квартирамъ, находившимся внѣ больничнаго двора, въ городѣ, и больные часть дня и всю ночь оставались на попеченіи прислуги (ни сидѣлокъ, ни сестеръ милосердія въ больницѣ нѣтъ), которой надлежало опредѣлять, въ какихъ случаяхъ позвать фельдшера, если встрѣчалась экстренная надобность въ медицинской помощи. Лѣкарства амбулаторнымъ больнымъ отпускались безъ всякой надписи на посудѣ и безъ всякаго наставленія, какъ ихъ принимать, вслѣдствіе этого, при огромной амбулаторіи случалось не разъ, что приходящіе больные обмѣнивались ошибочно лѣкарствами и получившіе лѣкарства, не имѣя письменнаго наставленія, не знали, какъ ими пользоваться. Хирургическія повязки дѣлались иногда самими больными, температурныхъ листковъ при коечныхъ больныхъ не было, порядка не только въ амбулаторіи, но и въ аптекѣ, и въ больницѣ не было. Такъ, напр., нѣсколько разъ случалось, что больной, принятый на койку въ больницу и оставленный фельдшерскимъ персоналомъ безъ всякаго попеченія, ждалъ часъ-другой и уходилъ себѣ домой. Начавъ работу при такихъ условіяхъ, я съ первыхъ же дней сталъ вести переговоры съ фельдшерскимъ персоналомъ о необходимости измѣнить больничные порядки, но получилъ отъ одного въ отвѣтъ: „за 28 руб. больше работать нельзя"; другая фельдшерица заявила мнѣ, что ея домашнія условія не позволяютъ ей раньше являться въ больницу. Далѣе, по мѣрѣ моихъ требованій, чтобы фельдшера являлись въ больницу въ одно время со мною, чтобы аптека была приведена въ порядокъ, чтобы отпускъ лѣкарствъ больнымъ былъ аккуратнѣе, чтобы одинъ изъ 5 фельдшеровъ по-очередно дежурилъ въ больницѣ, чтобы жидкости, употребляемыя для промыванія ранъ, для отличія другъ отъ друга были окрашены, чтобы хоть сколько-нибудь приспособиться къ оперативной работѣ и т. д., однимъ словомъ, объ установленіи элементарныхъ больничныхъ порядковъ, со стороны фельдшеровъ начинается протестъ, то явный, то путемъ подбрасыванія въ управу разныхъ анонимныхъ пасквилей. Наконецъ, начинаютъ вооружать противъ меня больныхъ, публику и проч.

Что я пытался выяснить свои отношенія къ фельдшерамъ и установить какой-нибудь modus vivendi, доказывается тѣмъ, что я не разъ и подолгу бесѣдовалъ съ фельдшерами о необходимости выяснить наши отношенія и даже просилъ санитарнаго врача г. Кондорскаго, въ моемъ отсутствіи и потомъ совмѣстно со мной, переговорить съ фельдшерами о томъ, чтобы измѣнить невозможные больничные порядки. Такъ продолжалось дѣло до мая мѣсяца, когда управа уволила дѣлопроизводителя управы

фельдшера Мартыненко. 23-го мая, неожиданно для меня, была подана въ управу жалоба на меня, подписанная 3 фельдшерицами, изъ которыхъ двѣ уже раньше пріискали себѣ мѣста и двумя фельдшерами, изъ которыхъ тоже одинъ былъ раньше, по моему ходатайству, перемѣщенъ въ другой участокъ, вслѣдствіе его недостаточной работоспособности. Въ этой жалобѣ фельдшера обвиняютъ меня въ рѣзкомъ съ ними обращеніи, въ циничныхъ выраженіяхъ и даже въ швыряніи ватой въ лицо фельдшерамъ, причемъ жалобщики просятъ, чтобы назначена была коммиссія изъ врачей для разбора ихъ жалобы. Такъ какъ управа была освѣдомлена о больничныхъ дѣлахъ, то, потребовавъ отъ меня объясненія по существу жалобы и получивъ таковое, нашла лишнимъ созывать коммиссію изъ врачей для разбора этого дѣла. По моей просьбѣ управа согласилась удовлетворить желаніе фельдшеровъ. Да, признаться, я самъ не могъ оставить такія тяжкія обвиненія не разслѣдованными, и въ результатѣ была избрана коммиссія изъ 7 врачей и состава управы. Коммиссія, допросивъ жалобщиковъ, которые въ присутствіи коммиссіи сами не настаивали на справедливости нѣкоторыхъ фактовъ, написанныхъ въ жалобѣ, затѣмъ, допросивъ второго врача больницы доктора Настасевича, доктора Кондорскаго и больничную хозяйку, сдѣлали слѣдующее постановленіе: „Жалоба не подтвердилась, одни факты извращены, другіе преувеличены. Рѣзкія замѣчанія врача вызывались всегда или неисполненіемъ его требованій или неаккуратностью служащихъ, и вся жалоба вызвана, повидимому, искусственной агитаціей". Такое постановленіе подписали всѣ члены коммиссіи, за исключеніемъ двухъ, которые вполнѣ присоединились къ такой редакціи коммиссіи, но не считали возможнымъ удостовѣрить искусственную агитацію. Вскорѣ послѣ рѣшенія коммиссіи 11 фельдшеровъ и фельдшерицъ изъ 42 служащихъ въ уѣздѣ подали заявленіе въ управу, что „вслѣдствіе измѣнившихся условій службы въ ананьевскомъ земствѣ" они продолжать службу не желаютъ. На бывшемъ вскорѣ послѣ этого съѣздѣ врачей врачи просили управу разъяснить фельдшерамъ, что отношеніе къ нимъ управы не измѣнилось и что управа продолжаетъ считать ихъ полезными и цѣнными работниками. Въ этомъ смыслѣ былъ разосланъ циркуляръ всѣмъ фельдшерамъ и фельдшерицамъ уѣзда. На этомъ же съѣздѣ я просилъ управу не увольнять фельдшерскій персоналъ, подавшій на меня жалобу, такъ какъ я надѣюсь, что они, достаточно наказанные фактомъ подачи несправедливой жалобы, будутъ въ дальнѣйшемъ успѣшно работать. Управа уважила и эту мою просьбу. Не смотря на это, 5 фельдшеровъ и фельшерицъ ананьевской больницы и 11 изъ уѣзда,—между которыми, какъ они сами сознались, многіе еще раньше рѣшили оставить службу по другимъ причинамъ, но въ данномъ случаѣ нашли нужнымъ протестовать,—не пожелали

остаться на службѣ въ ананьевскомъ земствѣ. Такова исторія моего столкновенія съ фельдшерами ананьевской больницы и моего участія въ „поголовномъ“, какъ выражается корреспондентъ, „бѣгствѣ фельдшеровъ изъ Ананьевскаго уѣзда“.

Врачъ ананьевской больницы **В. Гиндинъ.**

Послѣ письма г. Гиндина.

„Andiatur et altera pars“—говоритъ г. Гиндинъ. Не „Русское Богатство“, конечно, будетъ чинить этому препятствія, особенно въ данномъ случаѣ, когда вопросъ идетъ о фактахъ и притомъ такихъ, которые затрогиваютъ честь и доброе имя отдѣльной личности... Какъ авторъ августовской хроники, я считаю, однако, необходимымъ послѣ письма г. Гиндина еще разъ вернуться къ ананьевскому конфликту.

Прежде всего я долженъ взять обратно обвиненіе въ преднамѣренномъ гоненіи земской интеллигенціи, какъ таковой, по-скольку это обвиненіе вытекало изъ допущеннаго мною сопоставленія г. Гиндина съ другими „программными“ въ этомъ отношеніи дѣятелями. Достаточно простого заявленія г. Гиндина, что онъ руководился совершенно другими мотивами въ своемъ столкновеніи съ фельдшерскимъ персоналомъ, чтобы я созналъ свою ошибку и принесъ извиненіе въ ней. Точно также охотно извиняюсь въ томъ же и предъ докторомъ Кондорскимъ. Но я не могу также просто и свободно отказаться отъ остальной части августовской хроники, по-скольку она касалась ананьевскаго конфликта.

Обращаясь къ фактической обстановкѣ этого инцидента, я долженъ сказать, что важнѣйшіе изъ фактовъ, сообщенныхъ „Русскимъ Богатствомъ“, были уже ранѣе оглашены въ южныхъ газетахъ. Такъ, помимо матеріаловъ, доставленныхъ непосредственно въ редакцію, при составленіи августовской хроники я имѣлъ въ виду фельетонъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“ отъ 27 іюня, въ которомъ, между прочимъ, было изложено мнѣніе г. Гиндина относительно качествъ, требуемыхъ отъ фельдшерскаго персонала,—мнѣніе, какъ оказывается теперь, „никогда ни на одномъ съѣздѣ“ имъ не высказывавшееся,—было приписано ему увольненіе фельдшера В., разсказанъ довольно подробно случай съ г-жей С. и, что главное, была дана общая характеристика пріемовъ его обращенія съ низшимъ медицинскимъ персоналомъ. Фельетонъ этотъ,

не вызвавшій возраженій, далъ мнѣ возможность говорить о фактахъ съ такою опредѣленностью, на какую я, вѣроятно, не рѣшился бы, если бы долженъ былъ опираться на сообщеніе одного только корреспондента. Но и теперь, послѣ возраженія г. Гиндина, называющаго „всѣ описанные факты совершенно невѣрными“, я, изучивъ скопившійся въ редакціи обильный матеріалъ по этому дѣлу, не могу считать фактическую часть августовской хроники вполнѣ опровергнутою.

Изъ отдѣльныхъ фактовъ вполнѣ опровергнутымъ или, правильнѣе, объясненнымъ, я считаю лишь увольненіе фельдшера В—ва. При наличности такого проступка, о которомъ говорится въ письмѣ г. Гиндина и который подтверждается въ удостовѣреніи ананьевской управы, я думаю, совершенно безралично, кѣмъ и когда онъ былъ уволенъ. Если его уволилъ и г. Гиндинъ, то не я, конечно, стану упрекать его въ этомъ.

По отношенію къ другому пункту опроверженіе г. Гиндина, какъ не отвѣчающее содержанію августовской хроники, является излишнимъ. Въ хроникѣ не говорилось объ увольненіи экономки изъ-за юбокъ, а лишь объ угрозахъ по этому поводу, каковыя я назвалъ „оскорбленіемъ“.

Что касается остальныхъ эпизодовъ, то я могу лишь констатировать противорѣчія въ показаніяхъ г. Гиндина, отрицающаго ихъ, и другихъ, главнымъ образомъ пострадавшихъ лицъ, настаивающихъ на достовѣрности оглашенныхъ фактовъ. Я далекъ, однако, отъ мысли заподозрѣвать сознательное искаженіе истины какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Къ счастью, противорѣчія эти таковы, что всѣ почти они могутъ быть объяснены или тѣмъ, что стороны имѣютъ въ виду разные моменты, или тѣмъ, что одни и тѣ же факты были восприняты или истолкованы ими разно и получили въ ихъ глазахъ не одинаковое значеніе. Исторія увольненія г-жи Схино, напримѣръ, имѣла нѣсколько моментовъ и вполнѣ возможно, что г. Гиндинъ имѣетъ въ виду окончательное ея увольненіе, состоявшееся по прошенію и послѣ перевода ея въ другой участокъ, тогда какъ другіе корреспонденты говорятъ о первоначальномъ ея удаленіи, когда послѣ сдѣланнаго отъ ея имени заявленія въ управѣ—о чемъ и шла рѣчь въ „Русскомъ Богатствѣ“—она была оставлена на нѣкоторое время не у дѣлъ. Фактъ истерики, случившійся съ одной изъ фельдшерицъ и подтверждаемый письмомъ сторонняго лица, случайно находившагося въ тотъ день въ больницѣ, могъ остаться даже неизвѣстнымъ г. Гиндину, отвлеченному работой. Заготовка воды для ваннъ,—работа, можетъ быть, по мнѣнію врача вполнѣ ординарная,—легко могла быть истолкована прислугой, какъ назначенная для того, чтобы испортить ей пасхальную ночь. Свертокъ ваты, брошенный на полъ, попадая въ фельдшера, такъ же легко могъ оставить въ немъ и окружающихъ впечатлѣніе преднамѣреннаго удара. Эта

разница въ истолкованіи фактовъ становится понятной, если принять во вниманіе ту обостренность отношеній, какая имѣла мѣсто въ ананьевской больницѣ между старшимъ врачемъ и низшимъ больничнымъ персоналомъ. И суть то, какъ я думаю, не въ отдѣльныхъ эпизодахъ, которые, дѣйствительно, могли быть преувеличены и истолкованы въ самомъ неблагопріятномъ для г. Гиндина смыслѣ, а именно въ этой обостренности отношеній. Откуда взялась она?

Г. Гиндинъ важнѣйшую, если не единственную причину ея видитъ въ необходимости, съ одной стороны, упорядочить донельзя запущенное больничное дѣло, а съ другой — въ противодѣйствіи этому со стороны фельдшерскаго персонала, не могшаго, а главное не хотѣвшаго примириться съ потребовавшимся отъ него усиленіемъ работы. Я, конечно, не могу и не буду входить въ техническую сторону дѣла. Полагаясь на сообщеніе и врачебный авторитетъ г. Гиндина, я готовъ признать необходимость и цѣлесообразность крутыхъ преобразованій, предпринятыхъ имъ въ больницѣ. Я допускаю и то, что эти преобразованія были встрѣчены недружелюбно фельдшерскимъ персоналомъ, не желавшимъ увеличенія работы. Но и за всѣмъ тѣмъ я не могу видѣть въ этомъ единственную и даже важнѣйшую причину столь печально закончившагося конфликта. Я продолжаю думать, что не малую роль сыграло въ этомъ случаѣ и безправное положеніе фельдшерскаго персонала въ ананьевскомъ земствѣ, и отношеніе къ нему со стороны г. Гиндина.

Чтобы аргументировать свою мысль, я воспользуюсь важнѣйшимъ изъ документовъ, доставленныхъ самимъ г. Гиндинымъ — протоколомъ врачебнаго съѣзда отъ 4-го іюня. Дѣло по нему представляется такъ. На коллективной жалобѣ фельдшерскаго персонала предсѣдатель управы наложилъ такую резолюцію: „управа удовлетворена объясненіями врача Гиндина и не видитъ надобности въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по этому дѣлу, но въ виду желанія врача Гиндина, она согласна назначить коммиссію изъ врачей“. Такимъ образомъ, если бы г. Гиндинъ не пожелалъ разслѣдованія, то никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій и не послѣдовало бы. Едва ли такой упрощенный порядокъ разрѣшенія недоразумѣній свидѣтельствуетъ о равноправности сторонъ. И на съѣздѣ раздавались по отношенію къ данному случаю заявленія, предъ которыми нельзя не остановиться съ неудомѣніемъ. По мнѣнію д-ра Ширяева, напримѣръ, „какъ обращался врачъ съ персоналомъ, это дѣло его совѣсти; достаточно, если д-ръ Гиндинъ заявляетъ, что онъ не оскорблялъ и не желалъ оскорблять персоналъ“. Самый предметъ жалобы нѣкоторые ананьевскіе врачи, повидимому, не склонны были считать серьезнымъ. Д-ръ Левицкій, напримѣръ, выражая свое сочувствіе г. Гиндину, считаетъ обычнымъ дѣломъ, если врачъ „крѣпится, крѣпится, а

когда не выдержитъ, то и сорвется слово". При наличности такого рода воззрѣній становится понятнымъ и заключеніе коммиссіи, которая, признавъ жалобу фельдшеровъ не подтвердившеюся, не могла объяснить фактъ ея подачи ничѣмъ инымъ, кромѣ „искусственной агитаціи"... Между тѣмъ, коммиссіи пришлось констатировать употребленіе г. Гиндинымъ такихъ выраженій, какъ „сволочь", „земскіе дармоѣды", только она не выяснила, къ кому—къ фельдшерамъ или почтарю въ одномъ случаѣ и къ фельдшерамъ или прислугѣ въ другомъ — они относились. Коммиссіи пришлось также признать наличность „рѣзкихъ замѣчаній" со стороны г. Гиндина, только она объяснила ихъ „неисполненіемъ его требованій или неаккуратностью служащихъ". Вслѣдъ за постановленіемъ коммиссіи управа, съ своей стороны, признала справедливымъ наказать „бунтовщиковъ" и уволила жалобщиковъ отъ службы,

Я не сомнѣваюсь, что „рѣзкія замѣчанія" г. Гиндина вызывались дѣйствительно „неисполненіемъ его требованій или неаккуратностью служащихъ", но я не сомнѣваюсь, что для земскаго дѣла нуженъ порядокъ, опирающійся не на внѣшній авторитетъ, осуществляемый путемъ „рѣзкихъ замѣчаній", а на личность, уважаемую въ ея правахъ и отвѣтственную въ ея обязанностяхъ. Эту основную мысль августовской хроники я считаю не только возможнымъ, но и необходимымъ повторить въ настоящемъ мѣстѣ, такъ какъ и послѣ сдѣланныхъ разъясненій, я думаю, никакъ нельзя признать нормальными тѣ отношенія къ личному достоинству низшаго медицинскаго персонала, которыя обнаружились во всемъ этомъ конфликтѣ.

Въ заключеніе я долженъ сдѣлать еще замѣчаніе. Фельдшера и фельдшерицы, уволенные и ушедшіе изъ Ананьевскаго уѣзда послѣ столкновенія съ г. Гиндинымъ, какъ сообщаютъ намъ, не были утверждены г. херсонскимъ губернаторомъ на новыхъ мѣстахъ, которыя они нашли себѣ въ другихъ уѣздахъ губерніи...

О возможности такого аккорда къ конфликтамъ не должны забывать земскіе служащіе, какъ бы ни были обострены и запутаны ихъ взаимныя отношенія.

А. Пѣшехоновъ.

Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій.

9-го ноября скончался пользовавшійся всесвѣтной извѣстностью въ научномъ мірѣ зоологъ академикъ А. О. Ковалевскій. Съ его смертью наука лишилась основателя современной школы эмбріологовъ, а русскіе зоологи кромѣ того потеряли въ немъ своего духовнаго отца, такъ какъ большинство нашихъ здравствующихъ зоологовъ можно считать послѣдователями и по духу учениками А. О. Ковалевскаго. Родился А. О. Ковалевскій 7 ноября 1840 г. въ Витебской губ., первоначальное воспитаніе получилъ дома, а въ 1856 г. поступилъ въ 3-й классъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1859 г. вышелъ изъ 5-го класса. Въ томъ же году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по разряду естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. Будучи студентомъ 2-го курса, онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и продолжалъ свое образованіе, занимаясь сначала въ Гейдельбергѣ у Бунзена, Каріуса и Бронна, а съ конца 1861 г. въ теченіе трехъ семестровъ въ Тюбингенѣ у Лейдига, Моля, Лушки и Квенштета. По возвращеніи въ 1862 г. въ Петербургъ, А. О. Ковалевскій выдержалъ въ здѣшнемъ университетѣ экзаменъ на званіе кандидата естественныхъ наукъ, а осенью 1863 г. снова уѣхалъ за границу, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ занимался самостоятельными изслѣдованіями. Осенью, по выдержаніи экзамена, онъ защищалъ при С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра зоологіи подъ заглавіемъ „Исторія развитія ланцетника" (Amphioxus lanceolatus). Въ 1866 г. занялъ мѣсто хранителя зоологическаго кабинета при томъ же университетѣ и въ качествѣ привать-доцента началъ читать лекціи по сравнительной анатоміи. Въ 1867 г. онъ защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ „О развитіи Phoronis" на степень доктора зоологіи. Въ 1868 г. былъ избранъ профессоромъ зоологіи въ Казанскомъ университетѣ, въ 1869 г. перешелъ въ томъ же званіи въ университетъ св. Владиміра, въ 1870—73 совершилъ поѣздку съ ученой цѣлью на Красное море и въ Алжиръ, въ 1873 былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ зоологіи въ Новороссійскій университетъ, въ 1890 г. былъ избранъ въ ординарные академики Академіи наукъ, а въ 1891 г. занялъ кафедру въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ читалъ гистологію.

А. О. Ковалевскій состоялъ членомъ всѣхъ обществъ естествоиспытателей при русскихъ университетахъ, кромѣ того былъ членомъ-корреспондентомъ Брюссельской и Туринской академій наукъ, Harvard College въ Соединенныхъ Штатахъ и почетнымъ членомъ Кембриджскаго философскаго общества, Моденскаго об-

щества натуралистовъ, иностраннымъ членомъ Лондонскаго королевскаго общества. За сочиненіе „Embryologixhe Studien an Würmern und Arthropoden“ отъ Академіи Наукъ былъ удостоенъ преміи имени Бэра.

А. О. Ковалевскій написалъ болѣе 50 ученыхъ работъ, изъ которыхъ большинство посвящены эмбріологіи различныхъ безпозвоночныхъ животныхъ. Его изслѣдованія исторіи развитія асцидій впервые показали, что личинка этихъ сидячихъ животныхъ, относимыхъ къ безпозвоночнымъ изъ группы оболочниковыхъ, представляетъ какъ бы позвоночное животное; у нея существуетъ явственный позвоночный столбъ въ видѣ, такъ называемой, спинной струны. Личинка эта ведетъ подвижной образъ жизни и только впослѣдствіи опускается на дно, прикрѣпляется къ подводному предмету и вслѣдствіе приспособленія къ сидячему образу жизни утрачиваетъ сходство съ позвоночными животными. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. О. Ковалевскій показалъ, что исторія развитія низшаго позвоночнаго животнаго, относимаго раньше къ рыбамъ ланцетника, очень походитъ на исторію развитія асцидій. Такимъ образомъ, эти изслѣдованія установили связь двухъ группъ животнаго царства, казавшихся раньше совершенно изолированными другъ отъ друга, именно группъ безпозвоночныхъ и позвоночныхъ, при чемъ связующимъ звеномъ оказались асцидіи. Вслѣдствіе этого пришлось внести существенныя измѣненія въ систематикѣ тѣхъ животныхъ, которыя находятся на рубежѣ двухъ названныхъ группъ. Въ виду того, что ланцетникъ оказался стоящимъ ближе къ асцидіямъ и вообще къ оболочниковымъ, нежели къ рыбамъ, пришлось исключить его изъ класса рыбъ. Вмѣстѣ съ оболочниковыми по новой системѣ онъ составляетъ особую группу, которую одни зоологи называютъ первичнопозвоночными, другіе же въ качествѣ особаго подтипа относятъ эту группу къ типу позвоночныхъ. Рядъ эмбріологическихъ работъ А. О. Ковалевскаго, въ особенности работы о развитіи асцидій, голотурій, ктенофоръ, Phoronis и ланцетника, впервые установили въ эмбріологіи на точныхъ научныхъ основаніяхъ теорію зародышевыхъ листковъ по отношенію къ безпозвоночнымъ животнымъ, листковъ, изъ которыхъ каждый даетъ начало своимъ опредѣленнымъ органамъ. Въ послѣдніе годы А. О. Ковалевскій занимался главнымъ образомъ анатоміей и физіологіей выдѣлительныхъ и фагоцитарныхъ органовъ у безпозвоночныхъ животныхъ. И въ этой области, примѣняя новые, имъ придуманные, методы, онъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ...

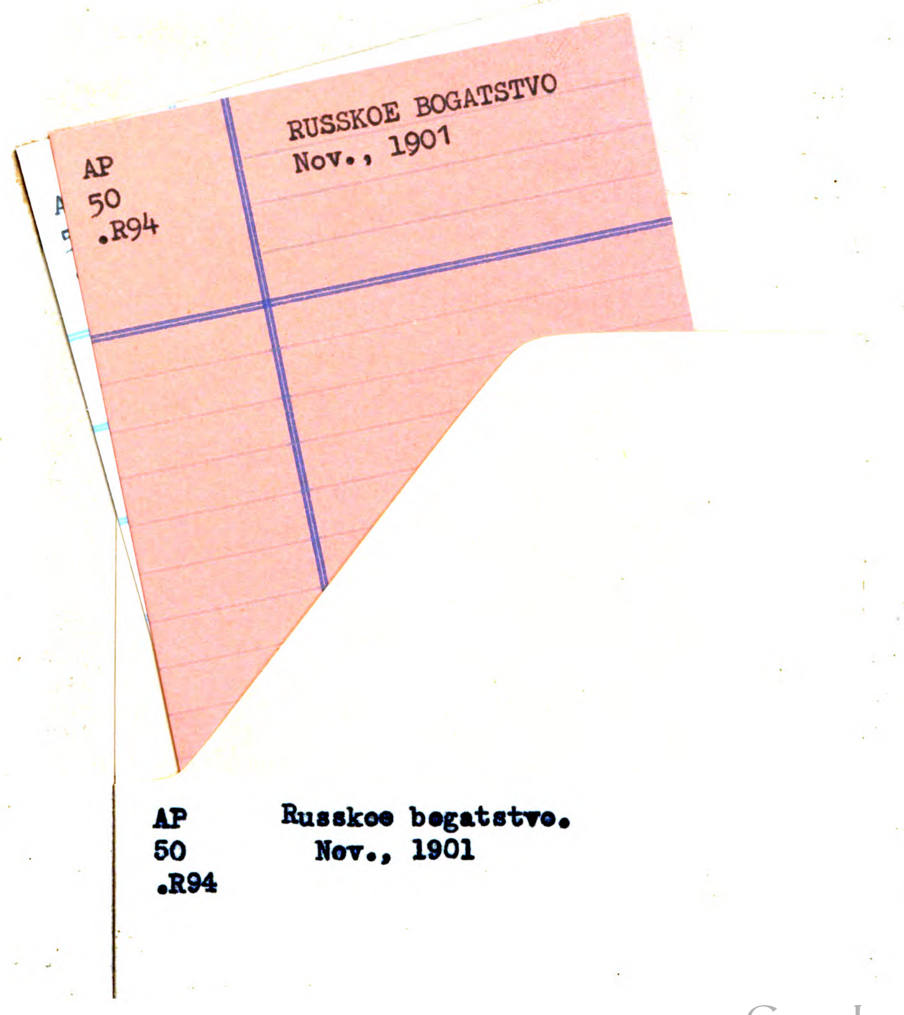
А. М. Никольскій.

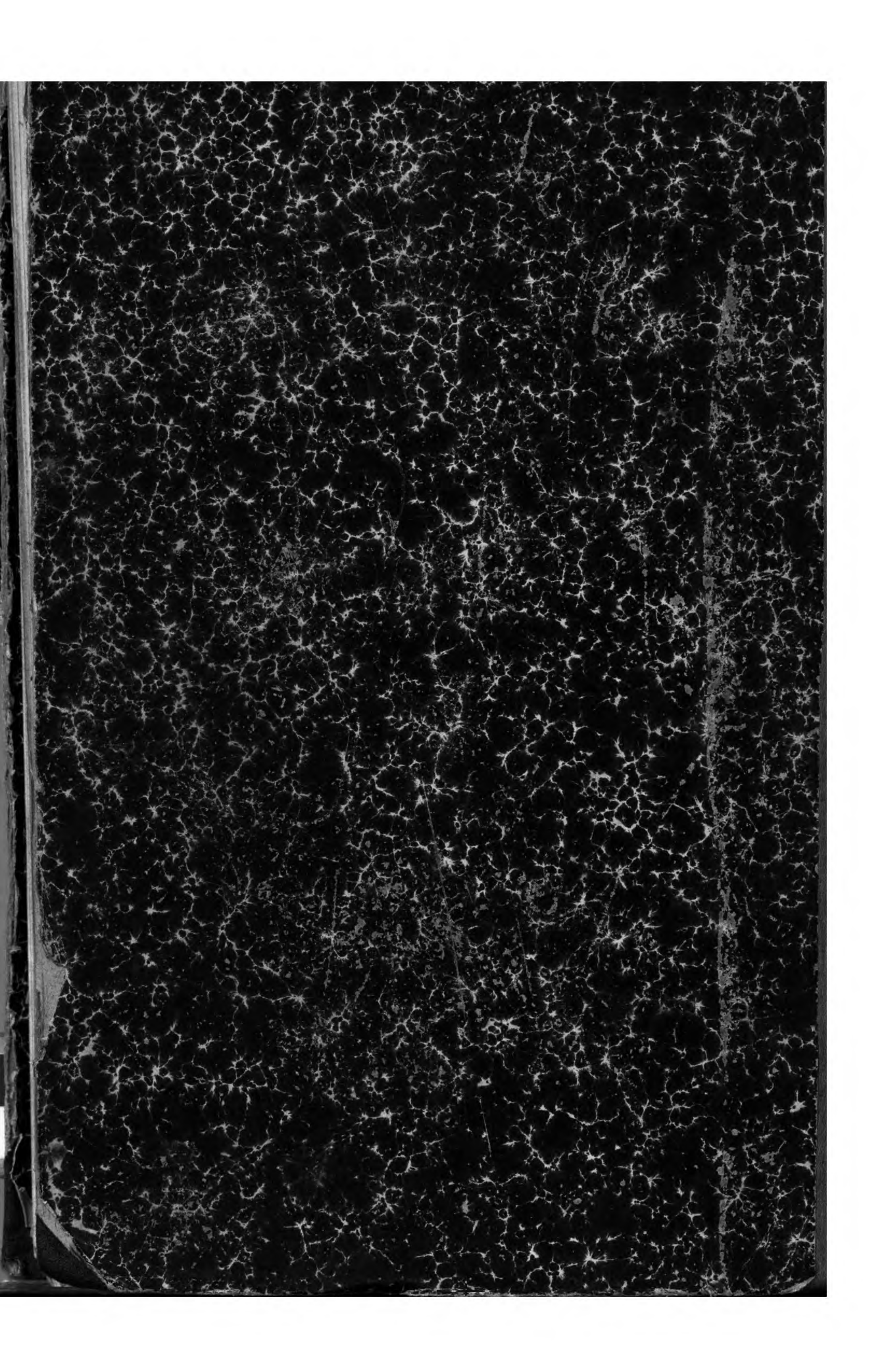

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій*

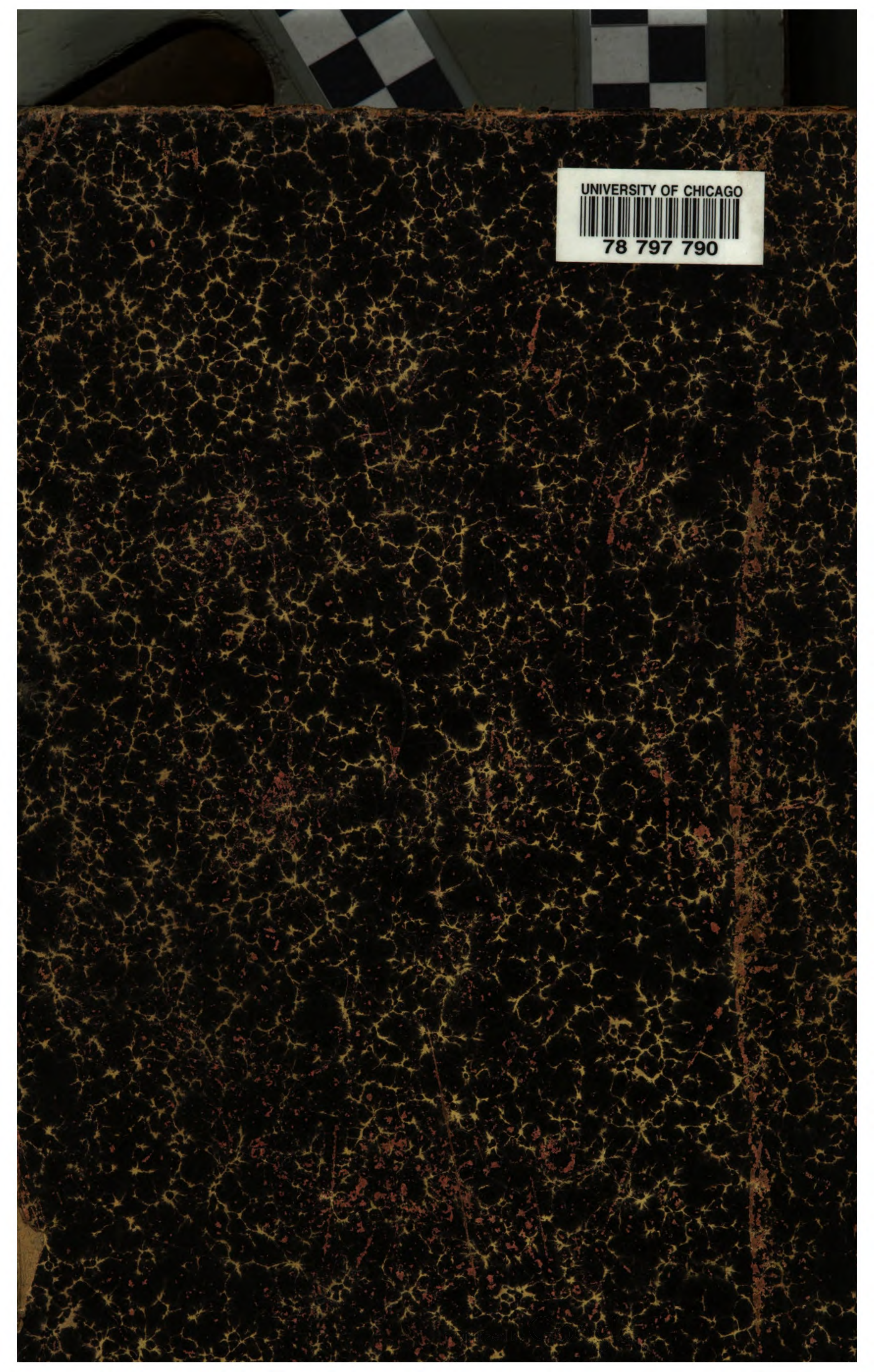
Дозв. ценз. 26 ноября 1901 г. Типографія **Н. Н. Клобукова**, Пряжка, 3.

AP
50
.R94
RUSSKOE BOGATSTVO
Nov., 1901

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 790